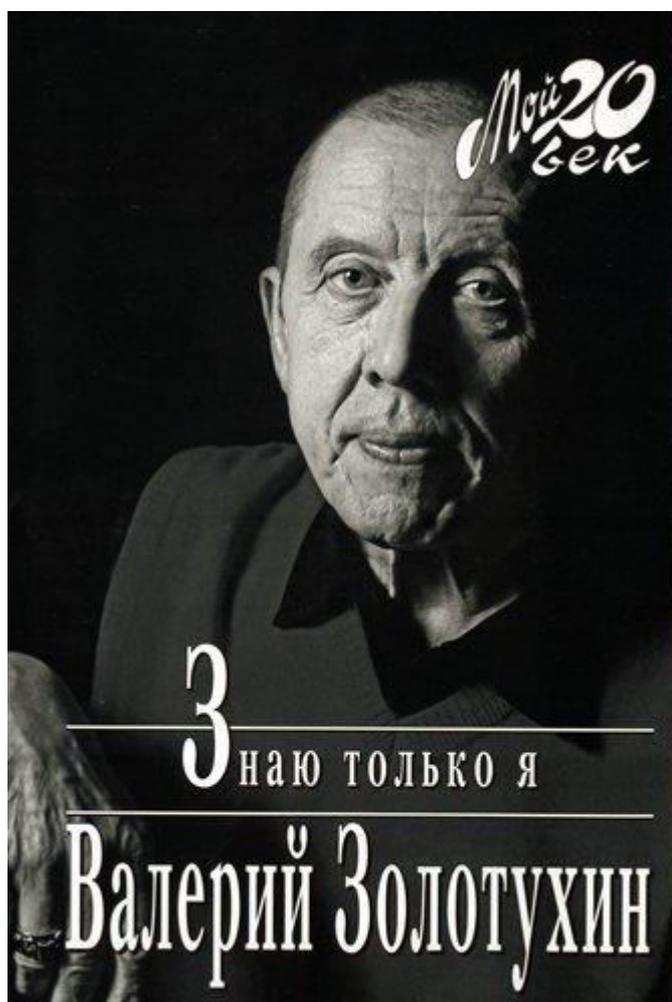

Валерий Сергеевич Золотухин Знаю только я

Мой 20 век

Аннотация

Книга народного артиста России Валерия Золотухина построена на основе его дневников, которые актер ведет на протяжении всей своей жизни. По сути это — «театральный роман», охватывающий три с половиной десятилетия. Среди персонажей — Владимир Высоцкий, Юрий Любимов, Анатолий Эфрос, Леонид Филатов, Николай Губенко, Алла Демидова, Борис Можжаев, Юрий Трифонов, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина — те, без кого немислимо представить русскую культуру XX века

Тетрадь 0

Чтобы суметь отличить истину от неправды, нужно познать себя. Я себя не познал. И если порой мне кажется, что я обнаружил истину, я тотчас в ней сомневаюсь и разрушаю собственное построение. Единственная реальность — это изменчивость наших познаний.

Монолог маркиза де Сада из пьесы Петера Вайса «Марат и Маркиз де Сад» (перевод Льва Гинзбурга)

Олеша пишет, что всегда что-нибудь хотел сделать, что-то должно было свершиться, что-то он сделает и будет все в порядке...

Мне тоже кажется, будто вот я что-то сделаю, напишу, сыграю, научусь, и наступит равновесие, гармония т. е. душевная. А как же быть с поговоркой «лентяй всегда что-нибудь хочет сделать»?

Искра-то, она должна обязательно быть, высекаться, давать иногда хотя бы знать о себе, иначе — пошлость, потуги, даже жалко становится, и думаешь, какие же мы, артисты, обиженные, даже спрятаться не за что.

Жена говорит: «Ты б лучше интересные наблюдения, случаи смешные записывал бы вместо всякой ерунды». Вот ведь чудо какое. Я ведь для этого и завел эту тетрадь, надеюсь, что каждый день наблюдаю, наблюдаю (как сказать правильно?) и запишу. Ан не выходит. Лезут строчки из головы, может быть, даже из шариковой ручки, а не из жизни, не с улицы. Собственно, для интересных вот этих штук я и свечку приобрел и зажигаю ее, хоть электричества завались, но я его выключаю. Со свечкой, именно со свечкой... Она горит, и я переносюсь в другой мир, может быть, век. Даже машины и троллейбусы за окном, которые обычно не дают спать, до того противные и громкие они издают звуки, прекращают свои действия и замолкают либо действуют шепотом, тем самым подчеркивая свою солидарность с тем миром, который я изобрел при помощи свечки и фантазии. В этом мире зима, большие сугробы, луна, кони с колокольчиком, цыгане, соболь, вернее, страсть в соболиной шкуре, а потом «зеленый луг, по которому ходят кони и женщины», церкви, лапти, гармошка и грустная песня о несчастной любви — вообще, моя Русь, старая, первозданная, звонкая и любимая, а вот пришла жена, включила телевизор, из него полыхнул 20-й век, громкий, резкий, безумный, хаотичный, и разрушил мою иллюзию.

Моя жена похожа на горящую свечку, когда она в хорошем настроении (жена, разумеется) и из нее что-то выплескивается. Они обе длинные, но стройные, и голова, горящая от пергидроли, одной повторяет спокойное пламя другой.

Хорошая книга... Жалко, что вот-вот ты ее дочитаешь, и ты будешь уже не в ней, ты должен ее покинуть ради другой, может быть, лучше, интереснее, может быть, наоборот, — но уже другой. Такое ощущение, будто ты предаешь, уходишь, покидаешь, изменяешь, но расставание неминуемо, потому что свидание не может длиться вечно — и вы должны попрощаться, хоть и ни в чем не виноваты друг перед другом. Хорошая книга... Это друг, честное слово, друг. Когда он есть, можно без особых потерь пережить и ссору с женой, и нищету, и хандру. А уж всяческие очереди в магазине, у кассы в бане — тебе не страшны, потому что их не существует, их растворяет первая строчка. А что такое метро, наземный транспорт, командировки, антракты, паузы, перерывы, перекуры, отпуска, ожидания в приемных и пр. и пр., что укорачивает жизнь, — если под мышкой у тебя хорошая книга, твой друг...

Вот я кто — я графоман, этот термин вычитал у Олеша. Очевидно, это человек, которому нравится писать, просто так, не задумываясь, что и зачем, играть в это. Екатерина Вторая, говорит он, была графоман и графоманка, т. е. с самого утра садилась к письменному столу. Я к тому же еще и зажигаю свечку. Театр. Да, да. Я устраиваю по этому поводу спектакль. Я — артист, играю какого-то писателя, может быть, даже непризнанного, но, безусловно, гениального. Для этого мне нужна свечка, особая бумага и даже ручка, вот эта шариковая ручка мне импонирует. Когда за кулисы после спектакля приходили японцы, я все время, как бы невзначай, пытался нарваться на такую ручку, и безуспешно. Правда, это не то, на что нарвался Высоцкий и даже Хмельницкий, но все же. У них отличные ручки. Мне кажется, такими ручками можно написать еще раз «Маленького принца».

Не читаю то, что пишу. Завтра я не буду помнить ничего из написанного сегодня. И это меня забавляет. Вдруг, когда вся тетрадь будет исписана и я все-таки начну ее читать, — вдруг наткнусь на строчки, которые мне понравятся.

Часть первая. «Живой»

1966

29 января

Последний аншлаг Мордвинова. Умер артист.

Великий артист и замечательный человек. Глыба, русский витязь сцены, гладиатор. Его голос, его интонации, пленительные и берущие сердце в плен. Не выдержало сердце. Инфаркт. Разрыв... и всё, его нет. Но он жив, как легенда. Легенда. Его имя — синоним доброты, великодушия, скромности необычайной, цельности и достоинства. Он не любил быстрого успеха и относился всегда к нему с недоверием. Превыше всего и за главное он почитал в актерском ремесле труд, труд каждодневный, до конца, при наличии, разумеется, данных. Я помню, как он сказал мне на спектакле «Ленинградский проспект»:

— Зайдите ко мне в перерыве. Потолковать надо¹.

Как истинный талант, он излучал силу, свет и заражал артистов неумемной жадной сценичного существования. Его присутствие подтягивало всех, все старались, рядом с ним невозможно было работать вполноги, неискренне, не затрагиваясь. Он лежит в гробу на сцене, которой отдал жизнь. Вокруг черный бархат, тихо, неизвестно откуда течет музыка. Театр набит до отказа, артиста провожают в последний путь. Огромная толпа у театра, люди ждут на морозе отдать последний поклон любимому артисту, народному.

В «Пакете» — монолог с Зыковым... я старался быть похожим на Мордвинова. И я часто ловлю себя на том, что подражаю ему, так велико было его влияние на окружающих. Земля тебе пухом, великий артист. Вечная память. Аминь!

18 марта

Поселились на Автозаводской, но живем, вообще, у матери². Мне это не нравится, хочу жить самостоятельно, хотя здесь на всем готовом. Выбился из какой-то налаживаемой уже системы, целый месяц не писал, каждый день помышляя, но сейчас снова начну заполнять эту тетрадку с остервенением.

Подписал договор с Минском на 7 месяцев, а мать пишет слезами, сучает, и самому невозможно... И не знаю, что придумать, а деньги нужны — кооператив... Зову отца в Москву, но что-то не внемлют голосу зовущего: то ли денег нет, то ли Ольгушу и хозяйство не знают на кого пристроить. Да и роль задумывается симпатично. Костя — наш Мышкин, русский тип (скрипка, заря, тростник). Еще не знаю, какой он, но люблю нежно, так люблю, что даже боюсь играть.

Венька³ ругает А.Цветаеву, говорит: «Маразм дикий...», а мне нравится, по-моему, очень здорово написано и пахнет Русью, но не тележной, а Русью лучших ее представителей из интеллигентов. Напоминает Бунина. А моя матушка пишет, как граф Толстой, предложениями большими, развернутыми, иногда на полстраницы, но читается легко, и звучит музыка, и похоже на красивую русскую сказку.

Вознесенскому нравится мой свитер: черно-синий, работы известной русской киноактрисы Шацкой. Просит продать: свитера — его страсть. Если получит Ленинскую премию — подарю.

¹ После окончания ГИТИСа В.Золотухин сначала работал в Театре им. Моссовета, где, в частности, в спектакле «Ленинградский проспект» играл вместе с Николаем Дмитриевичем Мордвиновым. (Здесь и далее примечания составителя.)

² Первой женой В.Золотухина была его сокурсница, а затем актриса Театра на Таганке Нина Шацкая.

³ Венька, С. — Вениамин Смехов, актер Театра на Таганке.

В поезде: парень едет с Севера, побывал у «хозяина», работал. Угощал водкой, но я не стал, сказал, что водку не пью, душа, дескать, не принимает, вот, мол, если бы шампанское. Поезд двинулся, я побежал в ресторан, купил шампанское, сыру, прихожу — мой попутчик спит... Пришлось опорожнить в одиночестве, капельку оставил на прощание.

Рассказывают, как Завадский, кутаясь в чужой плащ, пряча лицо, осенней грязной ночью поджидал очередную жертву-мышку. Он искал таинственности, риска, подражая Дон Хуану.

Пятилетний сын Высоцкого огорошил вопросом:

— Надо же наконец выяснить, кто ведет поезд: машинист или коммунист?

Либо врет отец, либо сын — Бисмарк.

Дождь. Туман. Сизый день марта. Свистят птицы: ругают и просят меня вернуться в свою деревню. Родина... Читают стихи по радио. Думаю: к чему живу, на что надеюсь, чего хочу? Нет ответа. Проходят дни, годы — ответа нет, до слез хочется домой... Смотрю на часы — надо бежать в театр...

29 марта

Почему нет декады русского искусства? Почему предки наши так много говорили, делали во славу России, во славу русского народа, русского человека, его души неповторимой — русской, хоть и забитой, его искусства могучего, единственного? Почему так попрали достоинство русского человека, он скоро забудет свое происхождение, свои традиции, обычаи, веками сложившиеся и с таким упоением, усладой вспоминаемые иногда нами.

Не клеится с Водоносом⁴... Ввод? Не пойму, вроде делаю от души, моя роль, Епифанцев⁵ говорит, что я лучше всех, все, видевшие спектакль со мной, хвалят, но я чувствую себя не в...

Приспосабливаюсь и знаю, что не заиграл в открытую, мне свойственную манеру. Нет, дело не в манере, просто не я в роли, а я в роли кого-то, под кого-то и не могу отделаться от ощущения нарощности. Роль выстраивалась не со мной, ввод был более чем экстренный, но это, в общем-то, никого не интересует. Мне кажется, партнеры не понимают, что делают, и просто отвечают не на вопрос, заданный Золотухиным, а по штампу на вопрос Х. От этого — зажим, бросание из стороны в сторону, неудовлетворенность в единственно возможном.

Моя тетрадь подходит к концу, я не читал ни одной записанной страницы, и сейчас даже грустно расставаться с ней, хоть и не терпится купить другую и тоже всю исписать. Началось все с того, что я составил себе т. н. план на каждый день, и один из пунктов был: писать хотя бы 20 слов каждый день. Можно было записать что угодно, это, впрочем, и видно, и даже анекдоты. Вернулся я к этому занятию, которое чуть было не забросил совсем, в первые два года семейной жизни, потому что ощутил, нет, не ощутил, это мура какая-то, мне всегда хотелось писать, иметь дело со словом, обрабатывать его, пусть кустарным и примитивным способом, но все же попробовать самому. Ничто не проходит даром. Мучения мои невелики, но зато чужую и настоящую работу я могу ценить и понимать намного лучше.

Не знаю, точно ли имеет одно к другому отношение прямое, но от чтения хорошей литературы я получаю наслаждение пря-мо-таки плотское, чего раньше не происходило со мной.

Так... Ну хорошо. Продолжим, пожалуй, в новой книге, на новом месте. «В браке все зависит от женщины», — кажется, сказал Экзюпери, но кто бы это ни сказал, он наверняка был женат, и кто с этим не согласен, обратитесь ко мне, я объясню. Ах, вы меня не знаете.

⁴ Водонос — роль Золотухина в спектакле «Добрый человек из Сезуана», которую он получил после ухода из театра А.Эйбоженко в марте 1966 г.

⁵ Георгий Епифанцев, в те годы артист МХАТа.

Разрешите представиться — З.В.С., 1941 г. рожд., русский, соц. происхождение — крестьянин, женат, место работы — Театр на Таганке, должность — артист.

— Какой?

— Что значит сей дерзкий вопрос? Не вынуждайте меня быть нескромным.

— Где живу?

— Живу в Москве, у тещи на 10 м² втроем, не считая собаки. Иногда ночью и прихожу мыться на Автозаводскую. На Автозаводской мне нравится, хоть здесь и нет тещи, которая бы за мной ухаживала, готовила, стирала и т. д.

— Что жена?

— А что жена? Жена есть, но она тоже работает над собой, ей некогда, да она и не любит заниматься ерундой. Не выходила же она замуж, чтобы быть мне рабой.

— Как? Это не рабство.

— Человек, что-то делающий по принуждению, — раб. Добровольное — я согласен...

Приходилось ли вам высушивать после умывания свое лицо подушкой, и не тогда, когда вы безнадежно холосты, а когда вы безнадежно женаты и на Автозаводской нет тещи? Каюсь, я был несправедлив, когда сказал в капустнике: «Помни тещу и войну».

А иногда я вытираюсь майкой. Сегодня, например. Неудобно только, что приходится ждать потом, когда она высохнет. Но если пораньше встать, то и этого можно избежать, потому что голым завтракать забавно и аппетитно. Так что и в неудобстве есть положительное, надо только суметь отыскать его.

Сижу перед раскрытым настежь окном, пишу и вдыхаю щекочущие ноздри запахи, естественно, вызывающие аппетит. Запахи, очевидно, доносятся снизу, ибо из противоположного дома им не добраться — смешаются с вонью бензина и отработанными газами нескончаемых автобусов.

15 июня

Выпустили «Галилей». Вчера Высоцкий играл превосходно: 3-ю, и 8-ю, и 9-ю картины — просто блеск Но сегодня играл Калягин. Первый раз как будто в 100-й, успех такой же. Неужели каждый может быть так легко заменен? Кому тогда все это нужно? Не могу смотреть Калягина. Детский лепет, и потому противно. Таких артистов не люблю. Много красок и куриное близомыслие. Высоцкий мыслит масштабно. Его темперамент оглушитель.

23 июня

Тбилиси. Самолетом. Грязный номер. Ссора с Зайчиком⁶ из-за какой-то записки. Выступали на телевидении: Золотухин, Славина, Хмельницкий, Васильев, Высоцкий.

— Твоя сестра?

— Жена.

— Жена?! О! — Интонация вверх, необычайное удивление, глаза широкие, влево, вправо. Шепотом, сочувственно: — Красивая, очень красивая. Давно женат?

— Три года.

— Дети есть?

— Нет.

— Нет?! — То же самое. — Чем же ты занимался три года???

Были в гостях в загородном доме у Медеи. Высоцкий и Епифан чуть не утонули в Куре. Не могли спуститься по скалам. Высота уверяет, что видел рядом змею.

Место изумительное. Слева гора, справа гора, под горой двухэтажный каменный дом, сад спускается обрывом к Куре.

18 сентября

В Омске пересадка на Ил-18. Новосибирск не принимает Ту-104 — ремонтируют дорожку. В Новосибирске бегу прямо на аэродром, к самолету, отлетающему в Барнаул.

⁶ Нина Шацкая.

Упросил пилота взять лишним. Пилот — молодой парень, чернявый, согласился быстро. Есть же добрые люди на свете.

Часов в 6 я зашел во двор дома. Мать с отцом телеграмму получили и ждали меня дня через два. В это время они возились у печки во дворе, заохали, заохали... Слезы...

Окна в избе были занавешены от мух, но я разглядел на кровати венчик племянницы. Она спала. Первое знакомство с ней удивительное.

— Оля, давай знакомиться, — подает руку, — меня зовут дядя Валера.

Смотрит на меня непонимающим взором, отворачивается и произносит:

— Ганат.

— Что?!

— Ганат. Дай ганат.

И тут до меня дошло: она просит гранат, который мы посылали ей в посылке. Из всех фруктов она больше всего полюбила гранат, и дядя Валера ассоциировался теперь у нее с этим фруктом.

Племянница оказалась девчонкой забавной, бойкой. Пела, плясала без конца. Это уж бабкино влияние, та всю жизнь бормочет какой-нибудь мотив.

Через неделю Нина прислала телеграмму: «Кончила сниматься не раньше пятнадцатого могу прилететь жду Москве твою срочную телеграмму. Целую. Соскучилась = Нина».

Мы только что приехали с братьями от Тони⁷ из Белокурихи. Тут же даю телеграмму: «Срочно вылетай» — жду день, два, три, четыре. Подъехала Нина. Условный свист. Я читал в «каюте». Вышел не спеша, но сердце стучит. Обнимает отца, целует мать, Вовку⁸.

— Вот это молодец, вот это молодчина, дочка, — гудит отец. А нам и целоваться неловко. Будто чужие стали — или были.

Мнемся. Не находим, что сказать. Нина шумит, размахивает руками и без конца: «Зайчик, Зайчик». Таращим друг на друга глаза. Быстро истопили баню. Мать посылает меня к ней, мол, помочь там что, а сама знает зачем, что больше всего скажет сейчас. Понес расческу ей, да там и остался.

На том месте, где стоит сейчас наш дом, была когда-то давно, еще до санатория, почта. И мать работала на ней, принимала посылки, еще что-то делала, но я этого не помню. Знаю только, что она и на почте работала тоже. Когда она работала в банке кассиром, я также не помню, но Вовка помнит, и мать сама часто об этом рассказывает. Деть нас было некуда, и ей приходилось брать нас с собой на работу. Шла война, Великая Отечественная — священная, а мать пересчитывала мешки денег, никому не нужных, обесцененных, до одури, шелкая костяшками истово, которые (счета) мы беспощадно методично переворачивали, как она только зазевается.

Вовка говорит, будто бы у нее был револьвер в столе и что она умела ездить на велосипеде. Этого я не помню, но вижу как во сне: мать в новом костюме или платье летит с велосипеда в грязь.

— Так это после большого перерыва... А потом-то я ничего ездила.

Судя по всему (по фотографиям, по отцу и еще по некоторым соображениям), моя мать была красивая, очень красивая. И смех у нее, даже сейчас, бесподобный, громкий, заразительный и бесшабашный.

Мать рано вышла замуж, но быстро разошлась, вышла второй раз — и на всю жизнь теперь. Родила пятерых детей, из которых живы трое, включая нас с Вовкой. Двое померли совсем маленькие, они были от первого мужа.

Последние год-полтора до пенсии мать работала в местном быт. комбинате, делала конфеты, а когда не было патоки, ее посылали на подсобные работы, и я видел, как она еще с

⁷ Антонина Яковлевна Ковалева — сестра В.Золотухина.

⁸ Владимир Сергеевич Золотухин — старший брат В.Золотухина.

несколькими бабами таскает кирпичи. Но она и кирпичи таскала весело, шутила с бабами и смеялась бесподобно громко, бесшабашно.

Тетя Васса сказала: «Не отпускайте ее больше ни разу за ягодами, а то вы ее больше не увидите». Но сегодня она скоро ушла за ягодами... и мы не задержали ее. Отец мучается спиной ночами, ему уже шестьдесят.

Последняя воля Качалова — сжечь дневники. И сожгли.

12 сентября

Сезон 4-й.

ИТОГИ И НАЧАЛА. Неделю назад я начал свой четвертый сезон в театре. В Театре на Таганке — третий. Черт возьми, да как же летит время. Ведь вчера только я репетировал Грушницкого⁹, а сегодня уже позади «Галилей» — маленький монах.

Сезон 65/66: ввод в Водоноса, маленький монах, работа в «Павших». Не так уж плохо, просто отлично, по-моему, если в каждый сезон будут попадать такие золотые рыбки, как Водонос и Фульгантио, — что еще нужно, жить можно. Конечно, если бы меня спросили, доволен ли я, я бы ответил отрицательно. Жадность моя не дает мне покоя. Если думать, что можешь умереть в любой день, все сделанное кажется малым, недостойным, а потому нельзя не торопиться.

Вот и нынешний сезон. Начал я его как будто бы достойно, тьфу, тьфу, не сглазить бы. Но что впереди? Маяковский, честно говоря, не греет, да и повторение сделанного в «Антимирах», в «Павших». От этого ощущения никак отделаться нельзя.

И вот думаю над Кузькиным¹⁰. Любимову очень хочется сделать это, но как перенести на сцену то, что так здорово написано прозой.

Я должен сыграть Живого, считаю делом жизни, чести.

Пригласили в «Братья Карамазовы» на Алешу. Думаю — нереально, ищут светлого, молодого.

Театр упирается в натурализм, а Шацкая — женщина невысказанной красоты. Первое принадлежит Любимову, второе — Вознесенскому, в смысле изречения.

1 7 сентября

Сегодня на репетиции Маяковского присутствовал «Дед Мороз» Марьямов¹. Говорил о различии слова в прозе и стихе.

— В стихе слово единожды главное.

Смотрел Можаяев¹¹. Понравилось. Хочет работать с нами. Хитрый. Высокий. С подтекстом.

— Да, да, интересно, ну что ж, надо подумать, а у вас есть многое от Кузькина. Значит, вы очень хотите воскресить Живого.

Это не тот глагол. Мы его будем делать, что бы ни случилось. И МХАТу мы пилюлю вставим — это точно.

5 ноября

Я люблю эти несколько минут, когда можно не думать о карьере, а можно думать о чем угодно. Эти минуты возникают обычно между репетициями и спектаклем, после обеда, когда уже поспал маленько или пописал, собрался в театр, надел тот костюм, что нужно, сварил

⁹ Первая роль В.Золотухина в Театре на Таганке; он сыграл ее у Любимова, работая еще в Театре им. Моссовета.

¹⁰ В 1966 г. была напечатана повесть Б.Можаяева «Из жизни Федора Кузькина» («Живой»), и В.Золотухин стал репетировать, как он сам пишет, свою «судьбоносную роль в Театре на Таганке» — роль Кузькина.

¹¹ Борис Можаяев, писатель, в течение многих лет член худсовета Театра на Таганке, на сцене которого были поставлены спектакли по его произведениям «Живой» (реж. Ю.Любимов) и «Полтора квадратных метра» (реж. А.Эфрос и С.Арцыбашев). Он же — автор сценария к/ф «Хозяин тайги», написанного по повести «Власть тайги».

кофе и у тебя в запасе еще минут 10–15, когда ты можешь ими распорядиться как заблагорассудится и твоя совесть не осудит тебя ни за лень, ни за халатность, ни за что такое, оставит тебя в покое и удалится сама отдохнуть от чрезмерной бдительности. В эти-то минуты я, кажется, и живу, я свободен и могу думать что захочу и сидеть спокойно на стуле, не елозить.

Читаю Платонова «Фро» — но после него не хочется писать, тратить попусту время, так здорово, просто давит. Казаков же — наоборот, после него хочется попробовать, и не потому, что, мол, могу так же, а нечто другое.

Сейчас поеду на «10 дней». Будет Дин Рид¹²... Дина вызвал Гоша¹³ на сцену, и они крепко расцеловались. Толпа завопила: «Гитару Дину», «Браво». Мы стояли, оплеванные его успехом.

Зоя¹⁴ передала слухи из кабинета гл. режа: «Дину понравился Пьеро»¹⁵. «Не буду теперь ни с кем здороваться». Пел хорошо, но не боле. Чего-то мне не хватало. Самобытности либо голоса, в общем, Высоцкий успех имел больший. Дин сказал: «Режиссер и артисты, совершенно очевидно, люди гениальные».

Вообще он прекрасный парень; американцы очень похожи на нас.

Зайчик, смотря все соревнование с Дином наших менестрелей, заставляет меня петь русские песни: «Так хочется показать всем, на что способен русский человек». Можаяев: «К вам как ни придешь, все веселье, веселье. Месяц походи и работать не захочешь».

18 ноября

Репетиция «Кузькина» с Б.Глаголиным¹⁶. Господи, помоги. Боюсь, как бы не умереть или б войны не было — пока не сыграю Живого.

Из дома не пишет мать. Разобиделась вконец.

24 ноября

Вчера заработал 30 рублей. Раздал долги. Купил бутылку водки, торт. На концерте пел Вертинского «Пьеро». Пожилой дядечка поблагодарил и сказал, что я исполнил лучше, чем это делал автор. Лестно.

1967

23 января

ВТО. Я и Венька отпросились у жен. Банкет устроил Высоцкий. Говорили: о сказке, об устройстве Люси¹⁷, о каком-то сценарии для нее, может быть, самим придумать.

Новое дело у меня в жизни — долг перед Люсей, надо что-то сделать для нее.

24 января

Первая репетиция с Сегелем¹⁸.

¹² Популярный в России певец, по происхождению американец.

¹³ Готлиб Ронинсон, актер Театра на Таганке.

¹⁴ Зоя Хаджы-Оглы, помощник режиссера в Театре на Таганке.

¹⁵ Т.е. песня А. Вертинского «На смерть юнкеров», ее в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир» исполнял В.Золотухин в манере и костюме Вертинского десятых годов.

¹⁶ Борис Глаголин, режиссер и в течение многих лет секретарь партбюро Театра на Таганке.

¹⁷ Людмила Абрамова, в то время жена В.Высоцкого, мать двух его сыновей, по образованию актриса (окончила ВГИК).

¹⁸ Сегель, Яша — Яков Сегель, кинорежиссер студии Горького.

— Не старайся очень.

До перерыва шло отлично, после — чушь, ужас, но, господа пр. заседатели, я еще не сказал своего последнего слова. Любимов смотрел «Пакет».

— Валера, мне очень понравилось.

Я обалдел, очень рад был, весь день счастливый. А жена снова канючит, злая, колючая, недовольная моей вчерашней вылазкой. Поистине — за хорошее надо платить. Как мне жить? Что делать? Мрак. Неизвестность.

28 января

Купил машинку. Теперь твоя душенька довольна? Не знаю, что я с ней буду делать, готового ничего нет, а что есть — переделывать да переделывать. Но... взялся за гуж... теперь карты в руках, надо писать.

«Антимиры». С аэродрома явился Андрей¹⁹. Прилетел из Флоренции, спасал искусство от наводнения. Читал. Забывал, обещал закончить в следующий раз.

Репетиция Маяковского. Ничего пока не соображаю, нравится Любимов, даже больше, — поменьше бы он только говорил о дисциплине.

6 февраля

Сплошные разговоры о Любимове, о его неуважении артистов, о жлобстве, о Маяковском. Свалив неудачу «Героя» на артистов, Любимов с радостью подхватил перепевы идиотов об отставании актерских воплощений от режиссерских замыслов. Чем дальше, тем больше уговаривает меня не сниматься.

— Дерьмовый сценарий, зачем. Хорошо снялся в «Пакете». Практически ты выпадаешь из «Пугачева», да и с «Кузькиным» будет трудно.

Откровенное запугивание, правда, он был под парами. Печатаю «Стариков», писать некогда, боюсь войны с китайцами, мне бы выкроить пять лет, и я бы кое-что сделал. Глаголин ходил к Можаяву.

— Условия ужасные, дом — развалюха, страшно... Как он живет?

— Что Можаяв?

— Грустный как собака, жена у него прелесть, латышка.

— Она работает?

— Да, редактор какой-то.

— А на вид такая простая!

Левина²⁰, из разговора с Любимовым в машине об артистах:

— Забурели артисты, забурели, даже Высоцкий. Единственный, пожалуй, кто держится, — Золотухин.

Очевидно, она не сказала вторую половину фразы:

— Пока не сыграл Кузькина.

Идея. Вчера, сегодня, завтра.

Любимов: Вчера были очень уважаемые люди из Франции и сказали, что монахи в 6-й картине не действуют, не тянут, занимаются показухой.

— Премьер Италии сказал, что артисты забурели.

— Зажрались, формализм, не общаются... не по-живому...

Любимов: Володя, сегодня буду смотреть, острее твоя сущность проблемы.

Артист: Ю.П.!²¹ Дак я ведь не репетировал, Славина²² была больна, вы заняты

¹⁹ Андрей Вознесенский, поэт, автор «Антимиров».

²⁰ Левина, Элла — Элла Петровна Левина, помощник главного режиссера Ю.П.Любимова.

²¹ Ю.П., Петрович, шеф — Юрий Петрович Любимов, главный режиссер Театра на Таганке (1964–1984 и снова с 1989), до этого актер Театра им. Евг. Вахтангова (1946–1963). В 1984 г. лишен гражданства СССР, в 1989 г. гражданство восстановлено.

очень... я уж сам кое-как.

Любимов: Тем более разговаривай за жизнь, в Брехте можно выплыть, только вскрывая социальную суть, жизнь — «а мне надо жить или нет», мы все-таки люди, что, нет?

Артист: Я понимаю, но я ни разу не репетировал.

Любимов: Да брось ты всю эту ахинею, система доведет вас до ручки, это уже анекдот, не верю я в эти периоды застольные, полгода репетируют, наживают, чего наживают?? Штаны просиживают, и ни черта не выходит... Надо пробовать сразу, выходить и делать, а не заниматься самокопанием... «Сейчас, сейчас я наживу, сейчас, сейчас», выходит, плачет настоящими слезами, упивается собой, а в зале ржут. И занимайтесь дикцией, почему я к вам так придирчив, разучились работать, балетные каждый день тренируются, он знает, я кручу 16, аты только 15, а если я буду крутить 32 — я мастер, мне цены не будет. Артисты считают, что им не нужен тренаж, дескать, было бы самочувствие внутри, «выйду сейчас и дам, ух дам», и дает — смотреть противно, поэтому диалог неживой, ни спросить по-настоящему, ни поставить проблему. К чему я все это говорю: надо всегда на сцене дело делать, заниматься делом, а не показухой. Вот вчера в 6-й картине спросил правильно.

Артист: Вчера я не играл.

Любимов: Ну, значит, не вчера, раньше. И глаз должен быть в зал. Ну, так сказать, как бы вам сказать, вот кончается сцена, и вы не продолжаете ее, а так останавливаете и начинаете что-то свое, заранее заготовленные красочки, разыгрываете, не ведете сцену, не живете по-настоящему в ней, партнер играет, а вы в это время отдыхаете, переживаете, вместо того чтобы искать свое поведение во время его действия. Сами не работаете, не развиваете роли, не освещаете.

— Ты скажи, что не понимаешь.

— Я сказал...

— Ну и что?

— Что?! «Бери острее, вмазывай в зал, тяни сквозное».

— Шутки гения.

17 февраля

Премии. Мне 100 рублей. Много. Завтра получу. Разговор, два, с Любимовым — отпустите сниматься...

— Как! Ну как, скажи, выводить тебя из репертуара я не буду! Ну как, скажи, освободить тебя, а репетировать, как я могу репетировать без тебя Маяковского, отменять репетицию?

— Ну, нет двух Маяковских и трех главных подонков, вы же не отменяете репетицию, более того, вы забываете, что их нет.

23 февраля

У меня сегодня праздник, и, хоть я освобожден от службы на действительной, в честь него жена мне подарила электрическую бритву шикарную. Наверное, грянет гром; а еще, это того непостижимее, — купила мне сигару. Я ее сейчас прижгу и налью кофе, и будет счастье.

Мне сейчас впору начинать гениальный роман, но я подожду, не к спеху, успею, и, хоть мне уже скоро долбанет 26, сохраняю веру и надежду, никто и ничто не может запретить мне мечтать.

Давал читать «Стариков» Высоцкому. «Очень, б..., понравился... и напечатать можно».

7–8 марта

Борьба за съемочные дни.

Ю.П.: «Мы дали ему квартиру — он должен сделать выводы».

Прием у французов. Вилар²³, Макс²⁴, пьяный Ефремов и ухаживающий за своим шефом, за своим «Де Голлем», — Козаков. Перед входом остановил милиционер:

— Вы не ошиблись, вы знаете, куда идете?

— Да, знаю, не ошибся.

— К кому вы идете?

— К французам, журналистам, у нас должна состояться встреча с Виларом. Моя фамилия Золотухин, я из Театра на Таганке.

— Вот так бы и сказали, а то идете с палкой, за плечами мешок, здесь рядом Белорусский вокзал, часто ошибаются.

— Нет, нет, мы не ошиблись.

— Значит, вы артист, ну идите, извините.

Убил сигарами. Дали на дорогу 5 штук.

25 марта

...г. Москва, Ж-456, ул. Хлобыстова, дом 18, кв. 14. Таков мой теперешний адрес с 15 марта, кстати, уже 10 дней я живу в новой квартире.

Две комнаты по 16 м², одинаковые, разнятся цветом обоев, светлые. Полы — линолеум, разживусь — настелю паркет. Ванна, сортир отдельные, это шаг вперед в нашей советской архитектуре. Вода холодная-горячая пока бывает, течет нерегулярно. Есть, есть — вдруг исчезает, снова появляется. Два дня не горел свет. Крыша протекает. Продолбили 6 дыр, спустили воду, можно уток держать. Вообще роскошь, конечно, разве можно роптать на судьбу, и все-таки муравейник — поотрвать бы «золотые» рученьки проектировщикам и строителям. На первом этаже музыка — на пятом пляшут. Секретов быть не может, бесполезное дело их заводить, только прислушался, настроился — и пользуйся бесплатным цирком.

Пятый этаж. Над нами только Бог. Лифт не предусмотрен и балкон тоже. Полное отсутствие всякого присутствия. Но жаловаться грех, грех, все хорошо, все, а чего, действительно, много ли ему надо!!! Дирекция долго будет попрекать меня за неблагодарность, благодетельствовали, а он не внял, не понял. Ах, народ!

Зато за 10 дней мылся уже раз 6, если в баню бы ходил, оставил 96 коп. да на пиво, вот те два рубля и сэкономил. А уж какое блаженство, когда свое, и хоть спи в ванне, никто не имеет права тебя беспокоить. Хорошо! Нет, жить можно, жаловаться грех. Только вот с женой что-то не ладится.

Но эта книжка не для описания квартиры, а жизни в целом, в широком смысле слова жизни. В некотором роде продолжение дневников. Тех, коричневых, красных, розовых, и, наконец, эта — серо-буро-малиновая. Но она ничего, симпатичная.

Мои окна выходят в парк, много деревьев и пространства под окнами. Где-то на повороте строится кооператив Калягина. Из окна виден очень далеко огонь, огромный факел, жгут газ, а может быть, пожар, катастрофа какая, но это далеко, до меня эта катастрофа не достанет. Подумал: в этой квартире напишу гениальное произведение, и чихнул — теперь придется писать. Рядом строится продовольственный магазин. Наше парадное приспособят под распивочную и писсуарную. Напротив, наискосок, строится школа: детишки устроят бедлам.

Спим на полу — роскошно, на мой вкус никакую бы мебель не приобретал, только письменный стол. Так по пустым комнатам и резвился бы — красота. Соседи в доме все, конечно, из коммунальных квартир, не пропустят мимо, оглядят внимательно, пошушукаются — цирк.

26 марта

²³ Жан Вилар, знаменитый французский режиссер.

²⁴ Макс Лион, французский журналист, аккредитованный в Москве.

Все еще не вышел Маяковский. Измотал вконец. Любимов окончательно забурел, «мы все полное дерьмо, а он на коне».

На двух репетициях последних пахло карбидом. Когда выпускали «Героя», тоже пахло. Я запомнил этот запах на всю жизнь. Это были замечательные дни, начиналась новая жизнь, новое дело, я держал экзамен и был предельно свободен в действиях и словах, нет, волнение было колоссальное, но праздничное, восторг, что-то рождалось, а на всю суету было плевать 100 раз.

Любимов, не замечая, бросается из стороны в сторону, даже говорит противоположное себе. Но самое печальное, что он не замечает этого, ему кажется, он и вчера говорил то же, что сегодня.

Хочу устроить сегодня разгрузочный день, но из кухни вкусно пахнет, очевидно, завтра будет этот день.

8 апреля

Сдача Управлению. Фурор.

Погорельце в: Я ошарашен. Это, без дураков, гениальный спектакль.

Кирсанов: Впервые Маяковский зазвучал как Маяковский.

Эрдман²⁵: Это лучший венок в могилу великого поэта.

Арбузов: Вы воскресили нашу молодость, за много последних лет я не помню ничего подобного. Мы повторяемся, а должен быть диалог.

Яшин: Это лучший спектакль этого театра.

Анчаров: Катарсис, я обливался слезами.

Золотухин: Я прошу, чтобы товарищи поразговаривали. Мы, 50 человек артистов, хотим знать нашу судьбу сегодня, сейчас... Мы не выпустим никого отсюда.

Смехов: Борис Евгеньевич, кроме того, что вы — руководитель, я знаю, что вы — друг театра.

Какой-то сложный у него ход был, никто не понял.

Родионов²⁶: Вы о спектакле, а не обо мне говорите.

Любимов под конец всей бодряги закусил удила и попер на Управление, на МК²⁷ и т. д. Вспомнил всю трагическую историю, стоившую жизни человека, с «Павшими». Бросил перчатку.

Пришла жена мириться и помешала. Вроде помирились, спали вместе. Вчера подсуетился к Марьямову, отдал ему «Стариков». Переживал, что поторопился. Надо было сделать кое-какие вставки, поправки. Сегодня звонил:

— Ну что же, у меня осталось очень хорошее впечатление. Чувствуете слово, есть авторская страсть, и вообще радостно, что это на очень хорошем литературном уровне. Но необходима, конечно, еще кое-какая работа. Есть несколько замечаний по композиции...

— Работы еще очень много. Я переживал, что поспешил.

— Но главное, что стоит работать, стоит. Для более конкретного разговора мне нужно еще раз прочитать, уже с какими-то пометками. Я приду 11-го числа на просмотр, и мы встретимся и договоримся.

Вот это первый разговор с моим первым редактором, добрейшим человеком, «Дедом Морозом» Марьямовым.

Сейчас жду разговора с гл. реж. касательно завтрашней замены в «10 днях» для съемок... Надежд никаких.

²⁵ Николай Эрдман — драматург, член Художественного совета Театра на Таганке.

²⁶ Председатель Московского городского комитета по культуре.

²⁷ Московский городской комитет КПСС.

...Да. Разговора не получилось. Полное отрицание всяческих обещаний, вместо ответа — рычание. Пришел в Вешняки, к себе домой, и настроил заявление-письмо-притчу с просьбой забрать квартиру обратно, дабы она не стала притчей во языцех в устах руководителей, дать отпуск либо рассчитать на две недели. У меня были большие надежды на 8-е число, в случае удачи наступило бы потепление и на моем фронте, но, кажется, только наоборот.

10 апреля

Конечно, я не показал заявление. Снова разговаривал после «Павших» с обоими.

— Ну что ты канючишь? И, прости меня, сейчас ты ведешь себя бестактно. Я тебе сказал: «Завтра посмотрю и скажу», — зачем ты пришел сейчас? И почему ты так беспокоишься за них? Я понимаю, если бы ты отстаивал что-то свое, личное.

— Это было бы еще позорнее...

Полный раскардаш со своими же вчера-позавчера изложенными принципами.

Вчера был, несмотря на мои неудавшиеся разговоры, прекрасный день. Мы были с Николаем²⁸ у гениального российского писателя Можаява Б.А. дома. Господи! Я предполагал после рассказа Глаголина его существование в быту, но то, что я увидел своими зенками, как говорится, превзошло ожидаемое. Комплекс достоевщины...

Мы сидели на коммунальной кухне, среди веревок с пеленками, колясок (у него трое детей). Куча до потолка газет, банок, склянок, ведер с мусором, книг, кухонных всяких нужностей. Это же помещение служит ему, когда он бывает дома, и кабинетом. Когда мы вошли, на одном из столиков среди посуды стояла машинка, лежала чистая бумага на газетах и стило писателя.

— Вы извините, ребята, я не могу вас повести в комнаты, там малыши спят, а то разбудим.

Мы прихватили с собой «Старку», Б.А. подал грибков собственного запаса, откупорил банку немецких сосисок, и, выпив, стали разговаривать о жизни, в основном о земле, о крестьянстве, о Кузькине. Я задавал ему вопросы, до жути смахивающие на корреспондентский штамп...

— Долго ли лежал «Кузькин»?

— Полтора года. Истинное его название «Живой»... Трифоныч²⁹ просил меня никому не давать читать, даже друзьям... «А то перепечатают, разойдется в списках и для нашего читателя будет потерян... А сколько он пролежит, это пусть вас не беспокоит... Денег мы вам дадим, сколько нужно... И как только в политике просвет отыщем, сразу пустим». И я правда никому не давал читать, никто не знал. Трифоныч просил переделать конец, иначе, говорит, сам Бог только поможет, я отказываюсь...

— Кто из писателей вашего поколения достоин уважения, кого вы цените?

— Солженицын... Великий писатель... некоторые места в романе написаны с блесками гениальности... большой писатель... Афанасьев, Белов. Сейчас появились серьезные писатели.

— Как вы относитесь к Казакову?

— К Юрке?.. Хороший писатель, очень хороший...

— Как вы относитесь к Толстому?

— Как к нему можно относиться? Это бог... надо всеми... Но для меня еще к тому же его философия — моя религия.

Он много говорит о Толстом, а кругом летают мухи коммунальные — и от них громадные тени. Вот как живет замечательный русский писатель... Пишет на кухне. А мы... стараемся оборудовать кабинет, устроить жилье, условия т. е. для творчества, удобствами

²⁸ Николай Конюшев, второй режиссер у Г. Полоки на к/ф «Один из нас», друг В.Золотухина.

²⁹ А.Т.Твардовский.

вызываем вдохновение... покупаем чернила, бумагу... машинку, весь подобный инвентарь, и только одного не хватает, одного не знаем — где купить талант, страсть...

11 апреля

Вторая сдача.

Ю.П.: «Пережимал, успокойся...»

Лиля Бри к: Я много плакала... и даже не там, где одиночество, тоска... лирика... я плакала на «Революции», на патетике, потому что эта патетика его чистая, первозданная. Это наша революция, это наша жизнь. Этот спектакль мог сделать только большевик, и играть его могут только большевики.

О. Ефремов: Я очень любил этот театр и Любимова со дня его появления (театра), но где-то глубоко в душе я не со всем соглашался, потому что иначе мне нужно было в чем-то изменять своим принципам, эстетич. понятиям. Но этот спектакль меня потряс и окончательно выбил из меня мои сомнения... Я плакал, волновался, это, конечно, лучший спектакль, необходимый нашему народу в этот великий год. И будет преступлением перед народом, перед партией, если он не пойдет...

Вик. Шкловский: Чтобы не плакать, я буду говорить несколько вбок. Пушкина открыли футуристы, вы открыли для нашей молодежи Маяковского... Это исторический спектакль, он освежает нам историю, настоящую и будущую, глубоко партийный спектакль. И, Лиля, помнишь ты это или нет, Маяковский любил говорить: «Поэт хочет, чтоб вышло, а чиновник, мещанин... как бы чего не вышло...» Позвольте поцеловаться.

Чухрай: Бывает патриотизм, и бывает патриотизм профессиональный, так же, как любовь просто и любовь профессиональная... Я протестую, чтобы профессиональные патриоты защищали от нас советскую власть. Я это говорю как старый коммунист, с начала войны, — это высокопатриотичный спектакль.

Баркан³⁰: О проблеме актера в этом театре и о взаимоотношениях его с режиссером. О диктатуре режиссера — это злые, завистливые сплетни... Таких актеров, превосходно владеющих точным донесением мысли, владеющих пластическими, ритмическими средствами выразительности, нет ни в одном театре. Я это утверждаю... Воля актера творчески раскрепощена и точно направлена режиссером в нужную для общего успеха сторону... И теперь надо на наших диспутах поставить на повестку дня вновь вопрос о мастерстве актера: что это такое? Сегодня я, может быть, впервые понял, как неверно мы толкуем это понятие, и пришло время заговорить об этом с новых сторон, в новом освещении.

Мы, актеры, режиссеры, осветители, пост, часть — все профес. люди театра, долгое время не могли ставить, писать, снимать так, как этого требует совесть художника, так, как этого требует время... И произошла деградация: вот такая пьеса, со скудным запасом мысли и с таким же обсуждением, чего там обсуждать было, все ясно. Этот спектакль заставляет нас по-новому осмыслить нашу жизнь, наше поведение и поступки с революционных позиций, с позиций постоянного внимания к проблемам времени. И какие возможности у театра... Доселе не использованные... Поэзия... была забыта совсем, а мы искали, чего бы такое поставить...

12 апреля

Обсуждение «Послушайте» в Управлении. Много, если не всё, записал.

— Дайте ему (Маяковскому) хоть после смерти договорить. — Шкловский.

Спектакль не принят, репетиции продолжаются в Ленинграде, снова горю синим светом. Ну что мне делать? Жена говорит — делай шаг! Какой шаг? Подать заявление? Как я вывернусь из этой авантюры — «Ничего, подождут, кино не к спеху». Сволочи, все, надо поступать решительно, но как? Чувствую, что произойдет нечто мерзкое, самовольный отъезд с гастролей — увольнение по статье.

³⁰ Семен Аркадьевич Баркан, главный режиссер театра «Ромэн».

Ладно, надо собираться с мыслями, послезавтра отъезд, и у меня дел невпроворот.

15 апреля. Ленинград

Телеграмма Сегелю. «Порядок, буду 19 24 21 привет Высоцкого».

— Володя, не забудь поговорить о моем деле.

Вообще как-то исправилось настроение. А почему не так волком отнесся сегодня Любимов ко мне, «к моему делу», потому что я подошел к нему с крестом, как черта спугнул.

Черный день, по-моему, первый такой:

Ю.П.:

— А с вами у меня особый разговор. Вы сегодня играли просто плохо, просто плохо. Не отвечаете, не спрашиваете, все мимо, не по существу, одна вздрюченность, вольтаж. Разве можно так играть финал? Я просто половину не понял текста.

Кончать самоубийством рано. Мы еще попробуем подержаться, хотя тоска, конечно, смертная.

Сегодня идет дождь. Сажу в номере. Не могу писать. Репетиций по вводам нет. Зарежет меня театр, но вчерашний разговор где-то внутри родил во мне противодействие. Будет легче разговаривать и рвать. Надоело все. Спасает, когда вспоминаю Зайчика, Можаява, Романовского³¹, Кольку³². Делается теплее, когда знаешь, что они где-то есть и ждут встречи. Еще можно жить. Неприкаянность. Нет, Ленинград, наверное, снова мне неприятен из-за моих личных переживаний.

17 апреля

Приехал Зайчик. Наступило равновесие.

Любимов:

— Нет, конечно, вы понимаете, что это премьера, и вы вздрючиваете свою эмоциональную... штуку!!!

19 апреля

Зачем нужно было издеваться над собой? Приходить в норму, трепать нервы себе и хорошим людям. Любимов сделал свое черное дело, он победил, замотал, сегодня, и завтра, и вообще снимается другой артист. Мне ничего не остается делать, как выпить 200 грамм портвейна и погрузить. Я получил прекрасный урок игры и, «смею вас уверить, господа присяжные заседатели, сумею сделать выводы».

Нет правды на земле, как нет ее и выше...

Униженный и оскорбленный...

Директор:

— Вы наносите мне рану тяжелее тех, которые я получал на фронте... Это не самое большое несчастье, не торопитесь разводиться с женой и делать подобные заявления... Не торопитесь... Я ни к кому так не относился, как к вам... Я прошу вас, я прошу редко, этого не делать. Я начинал сниматься у Довженко... началась война... я ушел на фронт, пусть я посредственность... но поверьте мне, как человеку, который намного старше вас, все обойдется, и через полгода вы и мы с вами будем об этом вспоминать не более как... Я, со своей стороны, даю слово, чтоб ваше пребывание в театре сделать еще более приятным для вас во всех отношениях, и творческом, и бытовом, и к вашей жене... Считаю, что этого разговора не было... все это останется между нами...

Ю.П.:

— Почему у тебя бывают такие штуки: одну и ту же роль ты играешь то блестяще, то просто как будто не ты? Можаяв тебя смотрел два раза и не узнал — такая была разница.

Любимов:

³¹ Владислав Романовский, певец, солист ГАБТ.

³² Конюшев.

— Сядьте поближе, я объясню мизансцену, взгляните на сцену. Тишина, сесть всем ближе ко мне, чтобы не орать мне.

— Потрудитесь заболеть и родить эти гениальные образы. Чтобы образ вспыхивал. Тогда от вас глаз оторвать нельзя. вспомните, как закрывали «Павших», «Доброго», «Антимиры». Копируйте меня.

Речь, обращенная к нам из-за того, что у нас не получалась трагическая любовь.

— Артисты — все эгоисты, стараются урвать себе побольше кусок, тянут одеяло на себя. Когда был человек, который мог собрать их эгоизм в единый кулак — подчинил их мелкие интересы большому делу, — был театр, не стало его — театр развалился.

Артисты всегда стараются растащить театр, растоптать самое дорогое, это в природе артистов, это их суть, я сам был артистом и отлично знаю все ходы... Задумайтесь, товарищи. Сходите в Ленком, посмотрите на их трагическую участь, вот до чего доводит актерский эгоизм, сплетни... Но у них есть ядро, они проявили самое порядочность — солидарность, — 20 человек подали заявления. Наши артисты, убежден, не способны на это, только себе, только за себя.

Смирнов³³ рассказывает, как поступал в Щукинское, на собеседовании у Захавы:

— Что вы знаете об Америке?

— В Америке капитализм.

— Так, ну и что?

— Как ну и что? Он загнивает.

— Ну, эх вы хватили.

— Совершенно свежие сведения, скоро он совсем сгниет, и наступит социализм.

11 мая

Подобьем бабки. В некотором смысле итоговый день. Заканчиваются гастроли, в 0.40 мы отправляемся домой. С 7-го по 11-е жизнь протекала бурно до такой степени, что некогда было присесть к столу. Во-первых, поездка в Кронштадт.

1. Расстелил на палубе пальто, и улеглись с Шацкой.

2. Голодные как волки, теребим капитана. Разводит руками. Кок на берегу, у него (ключи).

3. На всю шайку выдал стакан портвейну и здоровенную сосиску, буханку черного хлеба с солью.

4. Банкет: водка, капуста, мясо.

5. Ссора до развода с женой. Высоцкий передал рюмку водки для меня. Она вылила ее в фужер с водой. Взбесился.

— Я раздражаю тебя?

— Да.

— Я не нужен тебе в жизни?

— Нет.

— Всё. С этого вечера мы свободны от долговых обязательств.

Капитан смотрит влево, вправо:

— Эх, черт, ни компаса не взял, ни локатора.

2,5 часа стояли. Я спал в трюме на лавке...

На «Ленфильм» Полоке³⁴ пришло письмо с моей фотографией: «Мы поклонники вашей картины «Республика Шкид», хотим, чтобы вы заняли в вашем новом фильме гениального артиста В. Золотухина» и пр. и пр. Из-за чего он не хотел меня даже смотреть на

³³ Юрий Смирнов, актер Театра на Таганке, с которым В.Золотухин снимался в т/ф «Бумбараш» (реж. Н.Рашеев и А.Народицкий).

³⁴ Геннадий Полока, Гена — кинорежиссер и кинодраматург, постановщик, в частности, к/ф «Интервенция», «Один из нас», «Одиножды один», т/ф «Наше призвание». Ко всем этим фильмам В.Высоцкий написал песни.

предмет киноискусства.

27 мая

Написал письма родне. Вчерась накатал рассказ «Дело», или ещё как: «О здравии и за упокой». Но чувствую, не получилось, нет, кое-что есть, конечно. Зайчик говорит: «Белок и даже желток есть, но нет скорлупки, а стало быть, и яйца нет». Залпом глотанул Катаева, здорово, просто здорово, но форму спер у Олеси, хотя у этих друзей трудно понять — кто первый изобрел что.

Вон Можаяев на кухне коммунальной пишет, и ничего — получается. Сейчас возьмусь за последнюю часть «Запахов», потом подчитаю Казакова, Можаяева и возьмусь «набело», т. е. с самого начала, сызнова все написать. Сейчас надо придумать эту самую скорлупку, а уж белок с желтком мы в нее вольем.

30 мая

Завтра творческий вечер Высоцкого. Это главная забота. Статья Фролова в «Сов. культуре» о «Послушайте». Телеграмма из Ленинграда. Утвердили на Женьку³⁵. Я чего-то жду от этой работы — хотя и боюсь, вдруг не получится и заменят. Но как-нибудь с Божьей помощью.

3 июня

Вечер Высоцкого прошел замечательно. Народу битком, стояли даже в проходах... Потом бег за Иваном Б.³⁶ в носках по разогретому асфальту. А сегодня встал в половине седьмого. Жена говорит, за 4 года — в первый раз, вчера она попросила ребеночка, оттого и не спится.

Сегодня должен подписать договор с «Ленфильмом», боюсь, как бы театр не зарезал нас с Высоцким на пару.

4 июня

Та минута, когда я не думал о карьере. Выпили с Бортником, черт, тянет с ним выпить и поговорить. Но из формы я вышел, неделю пытаюсь войти, начать — и все не получается. Турик.

Письмо Солженицына съезду. Стыдно будет перед потомками, что же вы делали, куда же вы смотрели, скажут. Дети спросят, обязательно спросят.

5 июня

Вроде уехал в Ленинград. Жалко смотреть на свои роли, сердце сжимается — мое, мной выстрадано.

Вечером. Кажется, у меня есть все теперь для полного счастья. 3 часа мастерил себе письменный стол. Зайчик на «Антимирах», первый раз в истории Театра на Таганке спектакль идет без Золотухина, кто-то пошутил: «Надо бы обвести спектакль траурной каймой: без Золотухина — как можно».

Бунин говорил: «Воробей. Хорошо... Опишите воробья, но так, как никто до вас, как вы его воспринимаете». И Толстой говорил: «Нечего писать? Вот и напишите, что вам не о чем писать». Совсем хорошо — дождь пошел. На небе ни звездочки — Лермонтов из окна — ярче одним глазом косит, другой в темноте.

Завтра еду в Ленинград — получил телеграмму на примерку. Решил начать новую жизнь — вогнать себя в форму во что бы то ни стало — писать, читать, кувыряться, придумывать роль, и поменьше мерехлюндий, а то совсем издумался. Чаще вспоминать Моцарта.

11 июня

Обед. Из Ленинграда вернулся утром. Репетиция. Глупость на глупости и глупостью погоняет. Отнес «Стариков» в «Сельскую молодежь».

³⁵ Женька Ксидиас — роль В.Золотухина в к/ф «Интервенция» (реж. Г.Полока).

³⁶ Иван Бортник, артист Театра на Таганке.

— У вас что, проза... стихи?

— Проза.

— Хорошая?

— Плохая!

— Ну, к плохой мы привыкли, этим не удивишь. Садитесь! — кивнул на кресло.

В маленькой комнатке отдел. Зав. — Вучетич, ходит, приходит. Стучит машинка. Толстый автор что-то перепечатывает, двое других разбирают стихи, считают строчки, ставят звездочки, отметки. Сердце бьется раненою птицей, слезу, как бы равнодушно, одним глазом за моим «судьей». Ловлю улыбку, стараюсь понять, силюсь определить — по его дыханию, едва заметной улыбке, поворотам головы, — нравится или нет, о чем он думает? Какова моя судьба? Кончил. Улыбается. Кажется, даже смущен.

— Талантливый парень. Но даю голову на отсечение, это не напечатают, во всяком случае у нас это точно не пройдет. Анализа нет. Страшный, уродливый быт, изуродованные, жестокие люди, а ситуация анекдотическая. Очень хорошо рассказанный анекдот, в платоновской интонации рассказанный, она сама по себе уже угнетает. Только посмертным изданием, как Платонова, Булгакова. Ну, тут есть, конечно, отдельные погрешности. В этом месте очень натуралистично, это вызывает отвращение, перебор, неоправданный... Здесь вот — последняя фраза — просто под Пушкина запел, ты сам понимать должен — литературщина. Ну оставьте... Витёк! Ты почитай, интересно для тебя должно быть... Поначалу не обращай внимания... Приносите еще что-нибудь...

Рассказал Высоцкому, Смехову. Смехов одобрил, Высота:

— С одним рассказом таскаться неудобно, надо написать еще два-три, тогда уж и проталкивать.

А понес его потому, что Колька³⁷ одобрил «К сыну», понравилось, и советовал не торопиться, поработать тщательнее, и, может, в повесть дело вырастет. Вот я и подумал: «К сыну» откладывается, другого на подходе ничего нет, дай-ка снесу «Стариков», авось да пройдет.

Шли с Полокой по роли. Разбирали ситуации, придумывали характер, решёния, приспособления, штампы. Работали увлеченно, и кое-что, по-моему, есть в корзинке. Буду работать дерзко и непонятно, неожиданно, нервно и изобретательно. Сделаю или умру. Начну все сначала, как будто никогда не был артистом, по-школьному: куски, задачи, внутренние монологи. Заведу тетрадь специальную. Лишь бы войны не было. Вчера «Павшие» первый раз шли без меня, «Сороковые».

4 июля

Вечером позвонил Гутьерес³⁸. Пригласил в ВТО. Марина Влади. Раки. Водка. Ужин... Пели песни. Сперва Высоцкий свои, потом я — русские, и все вместе — тоже русские. Такой хороший вечер, редко бывает так тепло, уютно и без выпендривания. Ан-хель пел — испанские. Жена меня так толкнула, что я поскользнулся на паркете и шмякнулся на пол. Конфуз. Я тут же, покраснев, стал объяснять всем, как скользко, на самом деле был сильный, мужской толчок моей нежной жены. Ну ничего, обошлось, забылось. Зато гуляли потом до утра. Встречали утреннюю зарю, говорили про любовь, целовались — в пятом часу спать легли.

Марина пела песни с нами, вела подголосок, и так ладно у нас получалось, и всем было хорошо.

9 июля

Ничто не повторяется дважды, ничто. И тот прекрасный вечер с Мариной Влади, с русскими песнями, был однажды и больше не вернется никогда. Вчера мы хотели повторить

³⁷ Конюшев.

³⁸ Анхель Гутьерес, режиссер, педагог Золотухина по актерскому мастерству.

то, что было, и вышел пшик... Все уехали, опозорились с ужином в ВТО, отказались от второго, все хотели спать, канючили, добраться бы до постели поскорее. А я все ерепенился чего-то, на русские песни хотел повернуть и начал было «Все пташки перепели», да пел один. Что такое? Что случилось в мире? Весь вечер я не понимал Шацкую... Что такое? Ревность, что ли, какая-то странная, что не она царица ночи, что все хотят понравиться Марине, или что? Капризы, даже неловко как-то, а я суечусь, тоже пытаюсь в человеки пробиться... «Ты мне не муж, я не хочу сейчас чувствовать твою опеку, взгляды, не обращай на меня внимания и не делай мне замечаний».

10 июля

...Бегал по редакциям. Надежд, что «Старики» напечатаются, — никаких. Уехать куда-нибудь в лес, к глухой речушке и не видеть никого...

Я страшно волнуюсь... А вдруг у меня не может быть детей? Жизнь потеряет смысл, а я — свое назначение, семья развалится, как карточный домик, какая это семья без детей. Кто-то сказал, если к 30 годам дом не наполняется детским криком, он наполняется кошмарами.

«Это была моя лучшая поездка в СССР. Я увидела “Маяковского”». — М.Влади.

16 июля

Зачем он в эту больницу лег?.. С серьезным заболеванием в такую больницу ложиться — обречь себя на смерть. Там же не лечат, боятся. Туда надо ложиться с насморком, с гриппом уже нельзя ложиться туда. Или просто отдохнуть, пописать мемуары, почитать. Один деятель лег, лечащий врач, профессор, заслуженный человек, пришел на осмотр — тот спрашивает его:

— С какого года вы член партии?

— Я беспартийный.

— Как! Вы не член партии? Как же вы, беспартийный, будете меня лечить? Мою жизнь доверили беспартийному человеку, что можно с него спрашивать. Моя жизнь нужна партии, народу. Это безобразие.

И т. д. и т. п.

Петрович вышел с палкой, в халате, кое-еле-как. Ему только что сделали вливание в обе ноги по литру жидкости, огромной иглой. Передвигался как странник, как калика перехожий, как «паша».

Поговорили о разном, больше о времени, о событиях на политической арене, о нашей судьбе в зависимости от изменений наверху.

О письмах Солженицына, Владимова, Вознесенского, о снятии Бурлацкого и Карпинского и др. высоких лиц.

— Ну ладно, мужики, отдыхайте как следует, поправляйте здоровье, работа предстоит напряженная.

О «Герое»:

— Я во многом виноват. Надо было смелее корезить, а я так все боялся господина Лермонтова обидеть — и вышло наоборот.

— Надо смелее отказываться от своих привычек, представлений.

— В каком смысле?

— Например — сделали сцену, посмотрели, так-сяк — не вышло. Надо понять, почему не вышло, и смелее все перекраивать. Тысячу раз переделать — но не выпускать продукцию среднего качества. Нету времени работать плохо... Каждую работу надо работать как главную и последнюю в твоей жизни. Не зря старик четырнадцать раз переписывал.

Высоцкий: Николай Робертыч! А вы пьесу пишете?

Эрдман: Вам скажи, а вы кому-нибудь доложите. А вы песни пишете?

Высоцкий: Пишу. На магнитофон.

Эрдман: Ая на века. Кто на чем. Я как-то по телевизору смотрел, песни пели. Слышу — одна, думаю: это, должно быть, ваша. И угадал. В конце объявили автора. Это большое дело. Вас уже можно узнать по двум строчкам, это хорошо.

— Говорят, скоро «Самоубийца» будет напечатан.

— Да, говорят. Я уже гранки в руках держал. После юбилея³⁹ разве... А он, говорят, 10 лет будет праздноваться, вот как говорят. Ну, посмотрим... Дети спросят.

23 августа

Давненько не брал я в руки шашек. Шутка ли, не позор ли — месяц ни строчки в дневнике. Но давайте, уважаемые, разберемся в причинах. Авось моя вина да не столь тяжела, сами виноваты, все.

18 июля вечером я вылетел в Москву... Встретились с отцом, выпили, поговорили. Два дня сломя голову, задрав подолы, бегали по магазинам, по кладбищам «слонов», по достопримечательностям. К вечеру, одурев от усталости, сутолоки и жары, садились за стол и пили.

«Березка» — валютный магазин, а кто знал?

Подходим. У дверей несколько чмуrows.

— У вас какая валюта?

— У нас советский рубль.

— Проходите, товарищ, с рублями здесь делать нечего.

— А мы просто посмотрим.

— Смотреть нельзя, пройдите, товарищ.

— Ну пустите посмотреть, мы трогать ничего не будем.

— Товарищи, пройдите, не добивайтесь себе неприятностей.

Отошли оскорбленные, облитые помоями. Молчим. Отец остановился, оглянулся, крякнул:

— Вот ведь как неумно мужику, значит, омрачают его существование. Для кого мы советскую власть устанавливали, жизни свои, значит, покладали, нас же самих не пускают посмотреть, что они там иностранцам продают, чем они там за занавесками, значит, занимаются. А может, там надо поразогнать кой-кого, может, повторить 17-й год. Это — через 50 лет нашей власти. Что они там распродадут, почему с глаз закрылись? Окошки позанавешивали?

Ходили, ходили по Кремлю.

Мать:

— Отец, глянь, как у них тут, кресты везде целые. Вот бы Саньку Черданцева сюда, он бы кресты эти им посшибал.

— Это сохранено, мать, как источник старины, чтобы в 67-м знали, как было раньше. Вот это ты знай.

— А где этот самый Кремль-то... пошли к нему.

— Так мы в нем находимся, весь этот бугор, обнесенный стеной, она кругом идет, и все это в середине этого круга, башни, церкви и клумбы, — все это вместе и называется Кремль.

Царь-колокол с выломанным краем.

Мать:

— Отец, заberi в Быстрый Исток этот колокольчик, мы в нем корову держать станем, а то он у них без применения на дороге стоит тут.

Отец:

— Вообще вы не думайте, что мать простая да первый раз в городе... Она в курсе всех дел, альбом открыток с видами Москвы привез и все рассказал. Так она сейчас ориентируется как у себя в хате, узнаёт все. Большой театр узнала по коням...

Что вспомню, запишу позже. Отец читал письма, которые присылают ему люди, работавшие с ним, когда-то знавшие нашу семью.

26 августа

Ночевал Высоцкий. Жаловался на судьбу.

³⁹ Имеется в виду 50-летие Октябрьской революции.

— Куда деньги идут? Почему я должен вкалывать на дядю? Детей не вижу. Они меня не любят. Полчаса в неделю я на них смотрю. Одного в угол поставлю, другого по затылку двину. Орут... Совершенно неправильное воспитание...

11 сентября

Я подхожу к театру всегда со стороны зрительского входа. Мне нравится постоянная кучка зрителей, в большинстве женского, молодого состояния... Они не теряют времени, читают учебники, целыми днями простаивают за бронью... Они любят нас, узнают, перещёптываются, покупают цветы. Это какая-то другая, почти штатная в своей постоянности, часть нашего театра.

Показывали Петровичу самостоятельную работу по «Пугачеву». Орала все как зарезанные, бились, исходили жилами, а неволнительно. Кое-кто кое-где прорывался вдруг... но всё как-то неорганизованно, беспомощно. Как же надо точно работать, точно продумать до взгляда, до жеста руки, чтобы не выглядеть жалким.

Уходит Калягин в Ермоловский. Жалко очень. Актер он замечательный, хоть и чуждой мне манеры, индивидуальности. Сытый, точный, виртуозный — райкинизм, масочность.

Без страсти, без тоски по звезде, без жажды крови раз напиться, не могу найти, как сказать, но без чего-то такого... мировой скорби, что ли, черт его знает.

Элла нечаянно обронила, что я буду играть Раскольников: «Юра Карякин⁴⁰ так хочет». Как можно такие вещи говорить актеру без предварительной подготовки, эдак и помереть невзначай можно. Я не верю пока, но одно то, что кто-то хочет и видит во мне Раскольникова, вселяет в мою душу радость, трепет и сомнения, я выше ростом стал, увереннее и богаче. Ведь я думал о Раскольникове, я спрашивал год назад Веньку, могу ли я сыграть Раскольникова, никогда и не подозревал, что такая возможность появится. Это неожиданно, и я боюсь.

Любимов: «Я и другие умные люди считают поэму «Пугачев» лучшим, что сделал Есенин».

Обаятельный он мужик, сделал он из нас политиков.

23 сентября

С утра — собрание. Втык Любимова за уход Калягину, пантомимистам.

— Арестован счет в банке;

— Нам никто копейки не даст;

— Если бы не «10 дней», нас закрыли бы;

— Рассчитались с долгами и должны хоть какую-то прибыль давать;

— Не такие артисты — тигры, которые собственной матери глотку перегрызут за роль, уходили в другой театр, и он их сламывал.

Заведующий труппой пишет слово за словом главного. Магнитофона пока нет, но это от незнания скорей, чем от бедности. Пожилые актеры трясут головами утвердительно... — рефлекс, выработанный годами послушания. Молодые прячут глаза, мало ли что, на всякий случай не лезть на рожон.

Погоня за письменным столом — пока не догнал. Час поспал, готовлюсь бежать на ночные «Антимиры».

Приятное сознание сделанного после «Стариков», почти год ничего готового, хотя названий, папок, «Чайников» — дело сделанное.

Завтра должна состояться первая, подготовительная репетиция «Кузькина» с Любимовым.

2 октября

От юбилеев тошнит. Три дня занимались, не спали, писали, репетировали поздравления; Любимову — ему 30-го 50 стукнуло, и Ефремову — ему вчера — 40. Получилось здорово и то и другое. Петрович сидел между рядами столов с

⁴⁰ Юрий Карякин, публицист, литературовед, специалист по творчеству Ф.М.Достоевского.

закуской-выпивкой, и мы действовали для него. Прослезился, растроган. Вечером пригласил к себе меня и Высоцкого. Мне обидно невмоготу и боязно. Для чего, зачем я к нему поеду, там — высшее общество. Это что? Барская милость? Поеду — все будут знать, конечно, и перемывать кости, но это не страшно, как раз другое страшно — зависимость от благодушия главного и прочих сильных. Должно сохранять дистанцию и занимать свое место сообразно таланту и уму... Может быть, я чересчур усердствовал в поздравлении, может быть, слишком старался выглядеть хорошим, замаливал бывшие и небывшие грехи, — но где они, в чем? Что бы я ни делал, мне казалось это искренним и честным. Но надо иногда не делать, даже по воле сердца, чтобы не раскаиваться потом, когда изменится ветер... Этим самым мы сковываем свободу, независимость мыслей и действий и начинаем ощущать себя в пространстве, сообразно влиянию старшего. Подальше от этого... Люди уважают не тебя, а твою полезность... и чем дальше и независимее ты, тем уважительнее к тебе отношение. А уж коли решился пойти в высший свет, то надо продумывать и свое поведение... подобрать маску, соответствующую моменту. Маску, которая бы и не принижала тебя, и выказывала нужную дозу уважения и внимания к окружающим. Вообще, масочность, маскарад — это принцип людского существования, меняется среда, обстановка, люди, настроение, положение, и ты меняешь маску... А без маски страшно и вряд ли возможно, только успеваешь менять маски.

Мать Целиковской⁴¹:

— Вы — Золотухин... Это вы играли «Пакет»? Ну, чудесно, чудесно. Рада, очень рада с вами познакомиться. Какая чистота, непосредственность, как хорошо-то, а? Просто чудесно. Вы москвич? Нет? Ну, это и видно. Неиспорченный человек, в Москве такой чистоты не найдешь, берегите это, берегите, бойтесь вот этой московской показухи, этого кривляния, бойтесь, бойтесь. И читайте, как можно больше читайте хороших книжек. Аксакова читали, «Детство Темы»? Читайте, читайте. Я в вашем театре ни разу не была, все собираюсь... Но я боюсь, боюсь разочароваться. У вас ведь, наверное, все современное, показушное, боюсь, вы меня оглушите чем-нибудь.

— Вся мировая литература — это справочник общения с женщиной. Но, надо сказать, бестолковый.

Не дай нам бог внимания сильных. Мы теряем достоинство. Мы попадаем под их свет, а надо разжигать свой костер, надо работать, работать.

— Золотухин, когда берет гармошку, вспоминает свое происхождение и делается полным идиотом, — это изречение принадлежит Высоцкому.

— Высоцкий катастрофически глуп, — а это уже Глаголин.

5 октября

Можаев раздолбал мой рассказ, так красиво издевался, что я получил не только урок письма, но и удовольствие, как ловко, зло, но беззлобно распотрошил он мои словеса. Но в конце сказал:

— А вообще получается... Пиши, пиши, чувствуешь, завязываешь, плетешь куда надо.

— Предметом литературы может быть всякая ахинея, любой анекдот и невероятный случай... Но во всем, в любом жанре, будь то крайний гротеск или простое повествование, должна быть черта, граница допустимого, мера, что ли. Она никем не намечена, никакими столбами не ограждена, никем и нигде не записана, это негласный принцип, тот самый неписанный закон, который всякий писатель должен чувствовать нутром, утробой, коль уж он взялся за перо. Например: смерть есть смерть, пришла, понюхала и навела порядок, примирила. Ладно, не примирила, но кидать дерьмом в гроб, а потом мочиться в могилу — это недопустимо, это звучит натяжкой.

⁴¹ Людмила Целиковская, киноактриса, жена Ю.П.Любимова.

— Второе. Зачем уничижительный тон, твой авторский, по отношению к герою? Ни в коем случае, дай нам, самим читателям, разобраться, что к чему, ты нарисуй картину, а мы уж сообразно этой картине и будем твоих героев расценивать.

19 октября

А вчера был Ленинград. Посмотрел кусочек материала. Наигрываю, как черт, беспросветно. Самое ужасное, не знаю, куда иду я. Стилевая разножопица, рядом стоят гротеск и бытовой реализм. Это раздражает. Кидаюсь из стороны в сторону, то так вертанусь, то эдак, и нет уверенности в единственном. Много ору, гримасничаю, в общем, расстроился и надеюсь только на Бога, на переозвучивание да на Полоку. Приглядывается ко мне, по словам Полоки, М.Хуциев. Говорит, что я похож на Чаадаева. Одно лицо будто бы; я не спорю. Полторы смены грохнули. Лишь бы браку не было и технического, и актерского.

Помоги, Господи! Все грехи замолю, какие есть и будут. На обратном вместе с Высоцким. Шампанское, бутерброды, разговор и много сигарет. Может быть, и не надо говорить людям о своих мыслях, но что делать, если человек, то есть я, не может копить в душе больше, чем вмещается в нее, необходимо выплеснуть иногда, выболтаться, вывернуть душу, как карман, и тогда легче становится, легче, и снова, кажется, можно жить и копить снова.

В Ленинграде в этот день случилось наводнение, но все обошлось, вода спала, и бедствия не произошло.

20 октября

«Пугачев» — гениальный спектакль. Высоцкий первым номером. Удивительно цельный, чистый спектакль.

Я уж думаю, не лысым ли я буду в контрразведке. Шифферс⁴² мне всё волосы теребил, приглаживал и залысины мои открывал, а потом я морду задираю, а мне эта мимика противопоказана. С ума можно сойти!

5 ноября

Еще было так. К тому же о старании выглядеть на героя. Как-то ехали из Ленинграда я, Высоцкий, Иваненко⁴³ в одном купе. Четвертым был бородастый детский писатель. Вдруг в купе заходит, странно улыбаясь, женщина в старом синем плаще с чемоданчиком и со связкой книг Ленина («Философские тетради» и пр.). Раздевается, закрывает дверь и говорит:

— Я поеду на пятой полке. Это там, наверху, сбоку, куда чемоданы суют, а то у меня нет такого капитала на билет.

У нас челюсти с Иваненкой отвисли, не знаем, как реагировать, — моментально пронеслось в голове моей: если она поедет — сорвет нам беседу за шампанским, да и хлопоты, и неприятности могут быть... Что делать? Высоцкий; зная его решительный характер — к нему. Где-то внутри знаю, он с женщиной — вообще человек самостоятельного действия — решит сам. Мне же выгонять женщину безнадежную жалко, совесть не позволяет, христианство, лучше это сделать невзначай, как бы чужими руками или просто посоветоваться. Я и вышел посоветоваться, не успел толком объяснить Высоцкому, в чем дело, — он туда, не знаю что, какой состоялся разговор, только минуты через три она вышла одетая и направилась к выходу... Я постоял немного, вошел в купе... посидел, и совесть стала мучить: что-то не то сделали, зачем Володьку позвал, я ведь знал, уверен был, что он ее выгонит; и многое другое в голове промелькнуло. Короче, я вспомнил, подсознательно, конечно, что и здесь, перед своей совестью, перед ними всеми благородством можно блеснуть, и я кинулся за этой женщиной, предложить ей хотел десятку, чтобы договорилась она с проводником, но не нашел ее, хотя искал честно, и потом

⁴² Евгений Шифферс, режиссер, сотрудничал с Ю.П.Любимовым в Театре на Таганке.

⁴³ Татьяна Иваненко, актриса Театра на Таганке.

все-таки похвалился ИМ, что, дескать, искал ее и хотел деньги отдать, но не нашел. Знал, что друг зарплату большую получил и потратит на спутницу свою, которую в Ленинград возил прокатиться, вдесятеро больше, однако не догадался он поблагодарить эту женщину, а я хоть и поздно, но догадался. И опять в герои лез, и опять хотел быть лучше ближнего своего.

11 ноября

Приехал Высоцкий, кое-что видел. «Штаб союзников»⁴⁴:

— Ты хорошо, а Шифферс мне не понравился, все «22», чересчур, его надо всего тонировать.

— Как последний мой материал?..

— Не видел, говорят, хорошо.

Чем-то расстроен, неразговорчив, даже злой. Грешным делом подумал: может, завидует моему материалу и огорчен своим? Из Ленинграда звонит Рабинов⁴⁵.

— Ждем 14-го.

— Как материал?

— Хорошо, всем нравится. Чем дальше, тем лучше. Вы создаете интересный, своеобразный образ, краснеть вам за свою работу не придется.

Может быть, врал, но слушать приятно. Голова несвежая, перезанимался, погулял немного с Кузей — отошло, выпил кофе, совсем хорошо. Письмо от т. Лены, растрогался. Создают летопись школы, ей, как родственнице, поручили написать обо мне. Знаменитым в Б.Источе человеком становлюсь. А ночью какие кошмарные мысли в голову лезут!

Молюсь за Женьку, в Ленинграде поставлю свечку во здравие моего образа. Господи, услышь!

3 декабря

Кругом бело. Снег и светло. Недельку без строчки. Когда-нибудь последние 10 дней станут сюжетом романа. Но всё к черту! Попытаюсь вспомнить основные события.

1. Разрешили Кузькина, и начали репетировать, но шеф, по-моему, на распутье. Не ожидал такого быстрого решения и не знает еще, по-моему, за что же взяться, кого приглашать режиссером и т. д.

2. Материал «Аптеки», за который я столько пережил и поскакал переснимать, говорят, удался, меня поздравил с ним Полока, на «Ленфильме» многие мне говорили об этом как об удаче. Бог есть! Вот он как рассудил!

3. Но! Если «Аптека», снимавшаяся в такой суматохе, так нервно и хаотично, сумбурно, не разобравшись, — удалась, то что же в таком случае: весь ранний материал — дерьмо?! Ведь вот в чем дело. Приходится сомневаться в сделанном.

4. Я искал страдание и нашел на свою голову приключений. Но, посмотрим, господа присяжные заседатели, мой пистолет еще заряжен.

5. Нифонтова... Странно все в жизни... Когда-то я собирал все фотографии, вырезал картинки с ее участием, следил за ней в Б. Источе, изучал биографию, думал: на экзаменах в ГИТИС будут спрашивать о ней, об актерах... и вот мы снимаемся вместе, у меня роль главнее, но это не важно, важно, что встреча эта в какой-то степени связана с моими ранними стремлениями и она не приносит радости, удовлетворения, того же я боялся с Новиковым Б. К., но, к счастью, этого не было. Б.К. только подтвердил мое сердечное к нему отношение и оправдал детские иллюзии. Не совсем точно я выразился здесь, об этом мне еще предстоит подумать и написать как следует, это важно для меня. Артист есть артист, он тоже человек, но все равно он артист и умрет с этим званием, так уж будь любезен... «Не

⁴⁴ Сцена из к/ф «Интервенция».

⁴⁵ Илья Ильич Рабинов, директор картины «Интервенция».

обмани самого себя...» Новиков не обманул меня. Нифонтова обманула — вот какое странное ощущение.

6. Самолет в Ленинград. Папка. В одном отделе пьеса «Живой» — главная роль, с репетиции главной роли я лечу на съемку главной роли — гордость распирает грудную клетку... но я боюсь.

7. Решил переложить на машинку «Триптих», кое-где раздаются голоса, что самая удачная — первая часть.

8. Я люблю Зайчика, и мне дорог мой дом. Я не хочу отсюда ни в какое царство.

4 декабря

В монахе произошла потеря святости, музыки сочинения, потеря характера, появилась жлобская, сильная циничная интонация — убрать и вернуться к первой редакции.

Теперь. В репетициях «Живого» ни в коем случае не зажиматься, не унывать, не попадать под давление, каблук режиссера, лучше меня Кузькина все равно никто не сыграет, от этого во всякую минуту проявлять уверенность и легкость, радость общения с текстом, пусть иной раз и внешнюю, ничего. И работать, работать.

По поводу Женьки Высоцкий сказал мне много приятных слов: «Ты многое играешь хорошо. И вообще, это будет для тебя событие». Так что — вперед, зазнавшимся, ловким, работающим за троих.

Вечер. Печатаю «Триптих». Бегу на «Антимиры». Репетиция — можно сказать. С Богом!

7 декабря

Репетиция «Кузькина». Забавно, куда-то все двинется, еще на месте всё, выискивают штампы, приспособливаются — раскусить, спорят, выясняют. Правильно, а я слушаю и ничего не понимаю. Как всегда, решают дело самые примитивные штуки — тон, качество темпераментов, язык, походка, даже мимика, глаза и т. д. Но и напрямую вопрос встал о моей писательской деятельности: что сейчас начинать или, может, чего продолжить.

8 декабря

Обед. С Кузькиным я еще намучаюсь — это точно. Пока ощущение такое, что все мешают. По дороге, в метро — все получается, начинаю читать — слышу, вру. Но не надо торопиться, заталмуживать текст, свежесть уйдет, тогда не сыграешь.

11 декабря

Кузькин пока не идет — Любимов мало доволен, если не сказать более, — но я не отчаиваюсь пока, т. к. внутри нахожу все чаще точность характера и интонации и т. д. Наружу пока выходит мало, но я не тороплюсь, расстраиваюсь, конечно, несколько зажат, снова по той же причине — когда не выходит, Любимов объясняет с такой интонацией, как будто «ты уж совсем дошел, и ничего не получается, и не работаешь дома, и не увлекаешься», воспринимает как личное оскорбление, оттого шоры появляются, нет спокойствия, а стремление сразу достичь результата и доказать состоятельность. Это в корне неверно. Доказывать никому ничего не надо, надо работать и создавать атмосферу, в которой легко ошибаться, «артист на репетиции имеет право быть бездарным» — заповедь М. Чехова.

А режиссеры, понуждающие к результату, не достойны актерского расстройств, так что не будем расстраиваться, а будем работать.

Хроника.

1. Были в гостях Анхель и Высоцкий с Люсей. Анхель читал сценарий, ночевал, сидели с ним до 6 утра, вспоминали курс, я ему рассказывал, что знал о ком.

2. «Запах» лежат на столе. Думаю, сегодня даже начал кое-что писать. Плохо, но для начала, для черновой работы сойдет. Важно начать.

3. Собираюсь завтра отбыть в Ленинград. Жалко, на один день.

Опять спешка и т. д.

18 декабря

Я выиграл вчерашний бой. Нет, господа присяжные заседатели, вы меня рано

похоронили, я в отличной форме, несмотря на все передряги и метели. Я отлично пел за Высоцкого⁴⁶, бросился головой в пропасть, и крылья распахнулись вовремя, а потому заработал ворох, кучу комплиментов, я горд за себя, я победил что-то в себе и вокруг и уверовал в свою судьбу... Вчера был такой день, когда одним штыком было не отделаться. Тысячу раз прав Долохов: «На дуэль надо идти убивать».

Совсем нет денег, доходился до того, что отлетела подошва у ботинка, других нет, купить не на что, а в общем, это меня давно не волнует. «Будет буря — мы поспорим».

Вечер.

Написал письма. Подбиваю бабки. Встану рано и... поеду на вокзал за билетом.

Как только шеф перестанет мешать, мой Фомич начнет прорастать, он уже кое-где зазеленел, я с каждым днем, с каждой репетицией убеждаюсь, что Кузькин и я — братья-близнецы, это полное попадание, а Гос. премия — результат тщательной работы.

Тетради заполняются, заполняются, одна сменяет другую, над столом моя улыбающаяся харя гармошкой, за окном ветер и в мыслях буран, в руке сигарета и перо, в ванной — жена, на постели — Кузя, в Польше — Романовский, у бабки на постое Колька, а Б. Истока для меня нет, и скоро, может быть, меня не станет ни для кого. Для чего я жил, суетился, мечтал покорить мир?

Сыграть бы «Банк», а потом будет видно. «Банк» надо рвануть во что бы то ни стало, что бы ни случилось, надо рвануть, и другого выхода у меня нет. «На дуэль надо идти убивать» — и точка. Завтра.

20–21 декабря. Ленинград.

Всю ночь в «Стреле» болтали с Высоцким — ночь откровений, просветления, очищения.

— Любимов видит в Г.⁴⁷ свои утраченные иллюзии. Он хотел так вести себя всю жизнь и не мог, потому что не имел на это права. Уважение силы. Он все время мечтал «преступить» и не мог, только мечтал, а Коля, не мечтая, не думая, переступает и внушает уважение. Как хотелось Любимову быть таким!!

Психологический выверт, не совсем вышло так, как думалось. Думалось лучше.

«Банк». Ничего не ясно. Снимали какими-то кусочками, вырванными из середины, артистам не дают времени совсем. Что из этого одеяла лоскутного выйдет? «Рванул или не рванул» — об этом и речи быть не может, ясно, что нет. Есть надежда отыгаться 27—28-го, когда будем заканчивать сцену.

Что он курит? Жаренный на сковородке самосад?

— У вас глаза вчера были вчетверо больше, шире, чем сегодня, синие и блестели желанием. Что вас так распалило?

— Чудно играть смерть. Высоцкому страшно, а мне смешно от того, что не знаю, не умею и пытаюсь представить, изобразить. Глупость какая-то.

Завтра 2 спектакля, 2 репетиции и один концерт. Отдохнуть бы не мешало. После ванной, чая все спят, и я иду тоже, обо всем, что думаю, запишу потом.

24 декабря

Чем ниже падение, тем выше должен быть взлет.

Сегодня. Концерт в Щукинском — достойно, кажется, я выглядел. Потом кабинет шефа в присутствии Щеглова⁴⁸, которого Высоцкий протаскивает, продает Любимову на «Тартюфа».

⁴⁶ В спектакле «Послушайте!» В.Золотухин пел за В.Высоцкого.

⁴⁷ Николай Губенко, в то время артист Театра на Таганке.

⁴⁸ Михаил Щеглов, художник на к/ф «Интервенция».

Речь идет о прокормиться. Работа над макетом «Живого». Хотел пойти куда-нибудь, посмотреть чего-нибудь, да затрепался и не успел. Очень хотелось в цирк... Читаю про Орленева, любопытно написано Мгебровым, сама форма мемуара любопытная, вольная, свободная и оттого легковоспринимаемая, с каким-то настроением, отвлечением, как роман или полевой букет, где много всяких трав, блеклых цветов, запахов и оттого — живого.

Заметил: почему кажется, когда при тебе хвалят кого-то усердно, то будто хотят сказать: а вы, батенька, увы, не такой; или: а мы с вами, или нам с вами, далеко до него.

Когда сильно хвалят, то хотят (так кажется) тебя унижить. Это ведь, наверное, неправильно. Хвалят, ну и пусть, что тут плохого, один ты, что ли, хороший, тебя хвалить, что ли, чушь какая-то, но все равно неудобство, отчего так? Иль это зависть? Но почему она, откуда?

Мелочь: в какой-то газете, кажется в «Советской России», сообщение, информация об «Интервенции»: в фильме участвует целая когорта популярных (?), талантливых, известных (?) (одно из этих похожих слов) артистов — Толубеев, Юрский, Высоцкий, Золотухин, Нифонтова. Моя фамилия под одним эпитетом с Толубеевым, приятно, гордостно — да, но не в том суть, а суть в том, что Чудно. Толубеев — мой кумир Б. Истокского периода и потом студенческого, как я увидел его в Вожаке, с которым мечта просто познакомиться по-человечески, — я с ним играю, сижу в курилке, беру сигареты, прикуриваю и делаю вид, что ничего особенного не происходит, просто свел случай в один фильм партнерами. Сидим, треплемся на равных. Толубеев — артист с мировым именем, говорит, что со мной приятно работать, что я хороший партнер, артист, что я похож на Орленева, более того, что в «Аптеке» я — Золотухин, который похож на Орленева, — первым номером, а не он — Толубеев, а сцена его, и ему должно быть первым, а первый я. Это говорит артист, которому я галоши подавать не постесняюсь...

Еще о том же. Я картошкой в детстве приклеивал фотографии Нифонтовой в свой альбом, на стенки. На съемках шучу: «Снимите нас с Руфиной Д., я в деревню пошлю», — и через неделю фотография появляется в центральной «Правде», правда, такая, что не узнать, но я-то знаю, где я, где она, где кто, и опять чудно. Чудно, как складывается в жизни, любопытнее, чем выдумать можно. Чудно, как летит время и меняется собственное измерение. Оттого чудно, что в жизни все может быть, нельзя представить себе того, чего быть не может. И оттого и грустно, и интересно.

— Лапти, балалайка, самовар, посох.

Мечта Орленева о Третьем царстве, об игре для народа, — разве не схоже это с моим ранним требованием, чтоб Яблочкина и ей подобные, и народные, и заслуженные, поехали в мою деревню поднимать самодеятельность, работать для народа: как бы народ привалил к ним, какую бы они могли революцию на селе совершить. Пойти в народ...

Мечта. Добьюсь славы, известности в кино и уеду в Б. Исток, жить и руководить самодеятельностью; что из этого может выйти. Сколько артистов популярных без дела по Москве слоняются, какой подвиг они могли бы сотворить, поехав по деревням не с халтурами, не с роликами, а жить, будить силы народа. Народ верит авторитету экрана. Это, конечно, утопия, а представить на секунду, какой бы толк из того вышел, — хоть садись и пиши рассказ об этом. Как собирался народ на «Коллег», узнав, что там снималась жена их земляка, как вся деревня шла на нашу встречу, какая пыль поднялась, как крестный ход, как спрашивали, как слушали, как интересовались нашей жизнью столичной, как ждали от нас чего-то, какого-то раскрытия, какого-то секрета. Да, любопытная мечта — представить Нифонтову руководительницей Б. Истокского Дома культуры.

Дерзость. Работу над Кузькиным посвящаю Павлу Орленеву, постараюсь быть достойным его памяти.

25 декабря

Обед. Ничего, ничего, что-то выклеивается, особенно в некоторые моменты, просто забываю, что я — это я, а не Кузькин, когда идет импровизация, живое чувство, все

получается, но тут же пропадает, начинаешь вспоминать предыдущее состояние, и все летит к чертям.

Заметил: у шефа появилось уважение к моему действию, либо это кажется, во всяком случае он терпим, принимает мои ходы и все больше уверяется во мне, может быть, мираж, но глаз у него на меня добрый, и это помогает мне, я разжимаюсь и, пока он колупается с партнерами, потихонечку подбираю штампы, мимику, проверяю самочувствие и т. д. Кузькин — человек добрый, Божий человек, со всем человеческим, безусловно, но добрый, и злость же только на себя самого, даже на судьбу он не злится, а наивно пробует ее обмануть:

— Ты мне точку, я тебе запятую.

31 декабря

Кончается этот год. Когда встречали — все втроем вытащили счастливые билеты, и на самом деле год был удивительно полный. Получили квартиру, обставились: пианино, холодильник и пр. Хоть меня и не волнует это, но надо, а раз надо, значит, давай.

Ленинград. Пробы. Полока. Женька — работа дорогая. Одесса, сокурсники, море, маяк, потери. Зайчик в море, приезд стариков, взлеты-перелеты, потеря Б. Истока. И написано много: «Чайников», рассказ Таньки, собрания, начал «Запахи» — и много, в общем, сделал.

Маяковский — диплом за него, замена Высоцкого, мобилизация, взлет.

— Поиск страдания — целая полка жизни, время Раскольников и семейных бурь. Поиск страдания — вежа, Кресты и минусы. И наконец — «Живой». Я начал в этом году репетиции, может быть, самой грандиозной своей роли — Кузькина Федора Фомича, начал, но... Что год грядущий нам готовит? Обещают год тяжелый, високосный, но и этот, говорят, был тяжелый — год солнцестояния, полного.

1968

2 января

...Заметил: у шефа появилась своя точная, сложившаяся система работы с артистом, своя неуклюжая, но застолбенелая терминология. Он придумал и вжился в свою какую-то чудную методу. Раньше он смотрел на артиста невооруженным взглядом, теперь — вооруженным. Раньше он меньше значительно говорил про «действия», «задачи», общения и т. д., про всю эту непомогаю-Щую муру, а делал так и говорил то, что само наталкивало на правильное исполнение. Теперь он все чаще и чаще показывает и уже несколько не сомневается в себе, в том, что артист-то, может, лучше сделает. Он раньше артисту доверял гораздо больше, чем теперь, был с ним на равных, теперь же он значительно выше ставит себя и свою работу, и мне кажется, что здесь кроется мина, во всяком случае для артиста, потому что самое главное, что приводит к успеху, к удаче, — раскрепощенная воля артиста, его свободная душа, находящаяся непрерывно в процессе поиска, импровизации, горения и свечения своим светом, а не отраженным.

5 января

О Кузькине. Причисление шефом Кузькина к когорте «не выкати шара», иными словами — прохиндеев, в корне неверное и сбивающее меня с панталыку. Если б так, он не то чтобы воровал, но экономил, хитрил и т. д. Не пропивал бы с Андрюшей еще не заработанные деньги; это то, что в народе зовут — простота хуже воровства, он живет, как птичка, одним днем в результате. Прохиндей не будет рожать 5 детей, а он их рождает и сам удивляется, как это у него получается нескладно. Он Божий человек, бесхитростный напроць, острый на язычок, больше от характера занозистого, как Иванушка, не себя защитить, а народ и волю свою от мироедства. А потом он и репутацию, марку Живого держит, воспитал в себе уникама, острослова, балагура. К нему люди лечиться ходят, и лечит он их юмором и легкостью взгляда, добротой и бесталанностью, бессребренностью своей. И огрызается-то он не по злобе, а по прямоте момента. Он — толстовский тип. «Толстой — религия моя», — говорит Можаяев, он толстовец, стало быть, и Кузькин иным быть не может. А «не выкати шара» — это «таганский» национал-социализм.

Оттого и играть хуже стали, что в лобяру одну и ту же затруханную тенденцию против управления везде протаскиваем, и все ей объясняем, и в ней вдохновение черпаем... А разве одним этим жив художник, и Кузькин тот же? Отсюда — и не только за хлебом он насается, а за правдой, если хотите — за религией, которую не может выразить, но чувствует, как собака. Где-то здесь его высшее существо витает, хотя он весь от волоска до ногтя человек здешний, земной, живой, живущий.

И в глазах его нет злобы, даже на то, что его семью голодной оставили, а есть желание найти выход и выкрутиться. Он не знает выхода, но знает и всегда уверен, что он есть. Результативно, наперед знает.

Мы все играем в политику, хотим одни лозунги заменить другими, ну а дальше — это мы уже потом сделаем. И никто не удивится, увидев в наших спектаклях еще одно ниспровержение тех же или других, еще оставшихся в живых, лозунгов. Кузькин и его окружение — фигуры нравственного порядка, моральны.

8 января

Вчера — длинный, непонятный, запутанный спор-разговор с Можаяевым о понимании образа Фомича.

Он ни во что не верит, все знает, его много раз надували. Правды нет, она где-то в лесу заблудилась или в поле, в грязи застряла.

Если он ни во что не верит, не верит в правду ни райкомовскую, ни в высшую какую-то справедливость, почему он сам действует и живет по справедливости, и даже к тому же весело. Почему же после прочтения хочется жить, становится легко на сердце от присутствия в жизни таких людей. Разве может быть симпатичен ни во что не верящий, разве захочется ему подражать и жить по его примеру и т. д. и т. д.

Полдня затратил на разговоры, я выпил 8 бутылок пива, накурился до одури.

Сегодня еду в Ленинград и 4 ночи проведу в «Стреле».

Что он, Кузькин-то, девочка обманутая, что ль, та, что после первого мужика, порвав с ним, поняла, что любви на свете нет?

25 января

Поездки в Ленинград выбивают из седла привычности. По разноперости записей, по неорганизованности мыслей можно составить понятие, как, и чем, и почему поездки эти действуют на психику.

Вышел шеф. Еще некрепок. Репетировал славно. Настроение бодрое — у меня. Есть артисты волевые, есть малодушные. И те и другие талантливы и т. д., но волевые — им легче, они менее сомневающиеся, легче переносящие крики режиссера и критику. Малодушному артисту, как я, например, это очень мешает. Мне надо проделать огромную внутреннюю работу (на которую идут и время, и силы, она ведь, эта работа, продолжается и на репетиции и идет параллельно работе над ролью), работу по удержанию Духа, по сопротивлению режиссерскому деспотизму и подчинению твоей воли, актерской, его. Т. е. сохранять независимость и достоинство, не показать, ах, как ты восхищен его работой и он талантливее тебя: нет, репетицию надо строить так, чтобы доказать, но не на словах (что у режиссера получится лучше, он имеет право говорить, а актер только делать), а на деле, что ты главный, ты талантливее его, и самого автора, и партнеров, и черта с рогами.

Актер имеет право быть бездарным, но со всеми вместе, и, во всяком случае, если режиссер деспот — то шиш ему с маслом дать ему свою голову на съедение; ни в коем разе не дать парализовать свою волю. А режиссер, если бы не дурак и не делал бы этого, а наоборот, как говорят, растворился бы в актере, конечно, не до такой степени, чтоб и костей не собрать.

Появилась тенденция к пополнению, пока еще не заметная для постороннего глаза, сажусь на диету, только теперь вегетарианская пища, и режим, и упражнения. Эта «Ленинградская симфония» внесла бессистемность и чепуховину.

26 января

Вчера Высоцкому исполнилось 30 лет. Удивительный мужик, влюблен в него, как баба. С полным комплексом самых противоречивых качеств. На каждом перекрестке говорю о нем, рассказываю, объясняю некоторым, почему и как они ошибаются в суждениях о нем.

Сегодня, кажется, если ничего не случится, начну «Запахи»; тьфу ты черт, там висит объявление о собрании профсоюзном. Все какие-нибудь собрания, вечно за что-то боремся, ку-да-то идем.

27 января

Развязал Высоцкий. Плачет Люська. Венька волнуется за свою совесть. Он был при этом, когда развязал В. После «Антимиров» угощает шампанским.

Как хотелось вести себя: «Что ты делаешь, идиот. А вы что, прихлебатели, смотрите?»

Жена плачет.

Выхватить бутылки и вылить все в раковину, выбить из рук стаканы и двум-трем по роже дать. Нет, не могу, не хватает чего-то, главного во мне не хватает всегда.

У него появилась философия, что он стал стяжателем, жадным, стал хуже писать и т. д. Кто это внушил ему, какая сволочь, что он переродился, как бросил пить?!

Любшин ходит по театру, Славина шушукается с ним, противно, что-то скрывают, или кажется. А вообще — наорать на всех. Был бы Зайчик здоров и деньги бы водились...

Зайчик с Кузькой спят. Теща — в магазин за звонком, я — за стол. Выпью кофе и покурю... и подумаю над «Запахами».

1 февраля

Отошел последнее время от дневника. Все пытаюсь себя заставить писать что-то художественное, быть может, даже для денег, но пока не получается.

Запил Высоцкий, это трагедия, надо видеть, во что превратился этот подтянутый и почти всегда бодрый артист. Не идет в больницу, очевидно, напуган, первый раз он лежал в буйном отделении и насмотрелся. А пока он сам не захочет или не доведет себя до белой горячки, когда его можно будет связать бригадой коновалов, его не положат.

Как ни крутись, ни вертись, годы идут — где под тридцать, там и под сорок недалеко, а с нашей работой на износ это, считай, пятьдесят, вот и жизнь прошла, считай...

3 февраля

Высоцкого возят на спектакли из больницы. Ему передали обо мне, что я сказал: «Из всего этого мне одно противно, что из-за него я должен играть с больной ногой». Вот сволочи-прилипалы, бляди-проститутки.

Послал Плисецкой телеграмму: «Огромное спасибо за ваш гений. Ура. Золотухин-Таганский». Может, не нужно было. Ну и шобла собирается на балет. Педерасты, проститутки, онанисты — вся извращенная сволочь, высший свет.

19 февраля

Ну, наконец всё, слава Богу, позади. Пятилетие⁴⁹ шикарное. Романовский не выдержал тональности Высоцкого.

В каждой компании свой Соленый, а у нас их было три, как и три гуся.

А вчера ездили в деревню с Можаявым, Глаголиным и компанией... На конюшне видели двух Кузькиных — и вообще, все было прекрасно. Можаяв пел, и я пел. Потом поехали к нему домой с мастером Боровским⁵⁰. Можаяв подарил мне палку, а фотографию я унес против его воли.

Зайчик бренькает, и грустно отчего-то, вроде бы и репетиция была неплохой.

Славиной хвалили меня в Ленинграде, будто бы я первым номером в «Интервенции». Очень хочется быть первым номером, почему бы и нет? Наконец посмотрел «Аптеку», я

⁴⁹ Пять лет брака В.Золотухина и Н.Шацкой.

⁵⁰ Давид Боровский, сценограф, главный художник Театра на Таганке. Начиная со спектакля «Живой» (1968) Ю.Любимов за единичными исключениями работает только с этим художником

выиграл ее, а я ведь загадывал — выиграю «Аптеку», выиграю Женьку. Бог даст, в самом деле так случится.

Читал Высоцкому свои писания в «Стреле». Ему нравится.

«Ты из нас больше имеешь право писать» — он имел в виду себя и Веньку.

Скучно. Тоскливо.

Что делать мне, как хочется иметь Евангелие, где-то надо взять денег на Ленинград.

22 февраля

На дуэль надо идти убивать, и нечего жмуриться, работать надо. Посмотрим, синяя птица еще в моих руках.

Обед. Сон. Репетиция. Не получается про «корову» — хоть режь меня, разумеется, про «сомов» тоже не выходит. Очень трудно, просто архитрудно, никогда не подозревал, что Кузькин, из меня человек, будет убегать от меня, показывать язык. Ну ничего. Поживем — увидим. Главное — распределиться спокойно, сообразить дыры, переходы. Думаю, что заиграю в конце концов. Отец родной, помоги мне в этом деле. Теперь до премьеры, до банкета — ни грамма, и заниматься, отдыхать и т. д.

24 февраля

Я чувствую, как он (Фомич) зреет, и пусть у меня иногда бывает отчаянное настроение, победа будет за нами. Все будет как надо, все будет как у людей... А потом, нельзя кончать на этом жизнь, думать, что кончится, — вперед, и еще очень и очень много неожиданностей, работ, и как знать, где найдешь, где потеряешь, — поэтому легче — работать, вкалывать, но легче, без потуги — вперед, на линию огня.

25 февраля

Все идет как надо. Отделился от жены. Перехожу на хозрасчет. Буду сам себя кормить, чтоб не зависеть ни от чьего бзика. Теща отделилась по своей воле. А мне надоела временная жена, на один день. Я сам себе буду и жена, и мать, и кум, и сват. И идите вы все подальше. Не буду приезжать на обед, буду кормиться на стороне и отдыхать между репетициями и спектаклями в театре. Высоцкий смеется: «Чему ты расстраиваешься? У меня все пять лет так. Ни обеда, ни чистого белья, ни стиранных носков, Господи, плюнь на все и скажи мне. Я поведу тебя в Русскую кухню: блины, пельмени и пр.». И в самом деле. И ведь повез!!

Венька:

— У тебя сейчас прекрасное время, ты затаился — ждешь премьеры «Интервенции», и Кузькин на подходе. Я завидую тебе.

Со стороны, должно быть, так и есть. А у самого — тревога, не известно, что станет с «Интервенцией», выкинут половину в корзину, и Женька окажется ублюдком, это раз. А Кузькин, Живой, у меня в ассоциации с «живым трупом». Но Кузькин еще в моих руках, за него еще подеремся, а Женька в руках чиновников. Курить или не курить? Вот в чем вопрос.

Солнце. Оно еще не лезет в окно, не мешает, но противоположный дом белый и отражает его. Конец февраля... Еще зима, но уже весна. Скоро будет год, как мы на этой квартире. Это уже история, прошлое 15 марта мы ночевали с Зайчиком первый раз и поссорились. Или ссорились уже 16-го? Уже забыл. Сидели на кухне, пили портвейн, а сидели на чемоданах, говорили, спорили и в конце — поругались. И вот год, целый год, маленький и огромный. В этом же году был и Мухин, и «Интервенция», и Одесса, и Санжейка и море, и первый Ленинград и он же второй, и встреча с Толубеевым и с Орленевым, и начало «Живого», и мебель, и приезд отца с матерью в новую квартиру, и премьера «Послушайте», и рассказы «Чайников», «Целина», «Три рассказа Таньки».

Сейчас ничего не пишу и не читаю, почему-то думаю, что «Живому» легче от этого будет. Может быть, и так, а может быть, и наоборот, нужно отвлекаться и делать что-то другое, потом и «Живой» будет интенсивнее. Системы у меня в этом никакой.

Можаев (пьяный):

— Тетя Маша, я представляю вам лучшего актера Москвы. — Он пьяный так говорил, а я трезвый о себе так думаю.

Любимов:

— Ты же сам из деревни и тоже жлоб хороший. — По-моему, он ошибся в эпитете.

Потренькаю на балалайке. Первое, что хотел сделать, как будет квартира, — оборудовать свое рабочее место, первое, что хотел купить, — письменный стол или секретер. Год прошел — ничего нет. Место я оборудовал. Сколотил стол на куриных ножках, постелил сверху фанеру, занавесил его скатертью — и готов. Стоит. Служит. А я пишу. Зайчик сдуру подрезал ему ножки, пришлось сунуть под них кофейные банки. Все-таки закурил — сигару.

Подумал о том, что надо привести в порядок старые записные книжки, где писано карандашом, неразборчиво и т. д.

27 февраля

Заметил: когда человек попадает в беду — он становится более христианином. Он добрый, с уважением, и снисхождением, и ожиданием каким-то слушает других и сам становится более открытым и откровенным. Ближние уже не кажутся стадом, а той семьей, в которой он находит утешение и врачевание своей раны. Исчезают куда-то высокомерие, надменность — он становится проще, обычнее и чище.

И опять истина: страдания очищают.

Какую ответственность я взвалил на себя, взявшись за Кузькина. Но что произошло со мной? Я всю жизнь о себе думал как об исполнителе самых главных ролей, самых лучших ролей. Я к этому готовился в утробе матери и, приехав в Москву, думал, что на другой же день получу приглашение в Малый, почему-то, театр, играть Хлестакова. Но прошло время — 10 лет. Из них 5 лет театра, я наконец получил ту главную роль, которая должна была явиться ко мне на следующий день по приезде, — и я сробел, я посчитал ее как чудо, как манну небесную, а такой шаг со стороны начальства — чуть ли не благодетельством. Откуда такая зависимость? Самое ужасное, что внешне обстоит не так. Мне завидуют, я играю лучшие роли, я получаю самую большую зарплату, театр дал мне квартиру, в кино я играю не часто, но самые главные роли, и тем не менее я несвободный человек, я почему-то считаю себя обязанным кому-то за то, что мне все это дали.

Я по-другому и не мыслил свое существование, более того, мне и сейчас кажется всего этого мало, поздно и не по таланту. Многим везет гораздо больше, и они берут это как свое, кровное, законное, а я улыбаюсь на каждый шаг благоденствия и считаю себя в долгу, вроде бы мне выдали это все авансом, я-то ведь не считаю и не считал никогда, отчего же у меня появилось внутри это холуйское благодарение, и, опять же, внешне это выглядит иначе. Я держусь петухом, острою в сторону ветра, назло нагло отвечаю и вообще показываю всем видом: идите вы все подальше — и в то же время понимаю, что это идет как маска, как броня, на самом деле я не такой, это я хочу быть таким, это я защищаю свой суверенитет, свое достоинство. Вперед, к победе!

28 февраля

Сегодня более ответственный день. Впервые подряд назначено 6 картин. Вроде некоторого прицельного прогона. Поэтому трепещу с вечера. Но ведь не боги горшки обжигают. Помолясь, перекрестясь — понеслась.

Шеф:

— Сегодня репетиция была отвратительной и по центральным исполнителям, и по... — Ну, остальные меня постольку-поскольку, с собой бы разобраться.

Кузька чувствует, что у меня нелады с Кузькиным, — ласкается, успокаивает. Ах, Кузенька-кузюзенька, если б твои лизанья-ласканья помогли. Тяжко, ну ничего. Сейчас заварим кофейку черного без сахара (не купил, денег нет), горького, покурим сигару, поразвратничаем, переведем т. е. дух, — и на штурм крепости «Живой». А не штурмом, так длительной осадой возьмем.

Ну вот и поразвратничал: — и свечку пожег, и сигарой попыхтел, и погрустил, и вспомнил кой-кого, в общем, дух перевел, аж башка затрещала.

Зайчик меня успокаивает: «Все гениально, все очень хорошо, не унывай, Зайчик». Я и не унываю, я знаю, что все получится.

А что, если в можаевской палке удача зарыта? Сейчас обрежу ее, окрещу и буду таскать с собой повсюду, пусть помогает, нечего ей без дела в углу стоять.

Ну ладно, поскакал в театр, на «очень ответственный спектакль».

3 марта

Прочитал половину книги Солженицына «Раковый корпус» (вторую пока не достал) и задумался. Здорово написано и о том, что надо сейчас, как говорится, в точку попал. Удивительная свобода, он абсолютно не стеснен собственной цензурой, т. е. какими-то личными надсмотрщиками, которых нам насаживали внутрь с детства... И она не лает, не критикует, не осуждает, не бунтует, не призывает, вообще ничего не навязывает; он пишет, пишет — видит, рассказывает...

Я не говорю о языке, совершенно поразительном: сегодняшнем, остром, неожиданном и вместе с тем удивительно русском, российском, национальном. Нет изощренности, подделки под русскую, простонародную речь — нет, это отличный русский язык, но литературный, каким может и имеет право писать только Солженицын, вернее, имеют право все — но никто не сможет, потому что язык — это не правила арифметики, которые каждый может применять по своему желанию, каждый может пользоваться. Даже иноземный язык можно постичь и сделать родным, но не язык писателя.

Но что-то я отвлекся. Я не об этом хотел сказать. Я отвлекся. Я решил писать о смерти, но не о клиническом нашем состоянии или болевых ощущениях. Нет, а как мы, здоровые, живущие, воспринимаем ее издалека. В данном случае Солженицын ускорил во мне этот процесс, думал же я о ней часто и раньше. Часто Анхель говорил:

— Каждую работу делайте так, как будто это работа последняя... — и т. д.

Мысли не новые, но действительно помогающие работать, подхлестывающие, но все равно абстрактные (мы-то знаем, что еще жить и жить нам и еще наворочаем дел кучу), и мы крутимся, вертимся, и вот она приходит и застаёт всегда врасплох, всегда на пороге гигантского прыжка, как тебе кажется. А что, если ее представить гораздо раньше и тем самым подготовиться к ней и не бояться ее, как потопа.

О чем бы я пожалел больше всего, когда б мне вдруг зачитали смертный приговор? О потерях думает человек, о том, что уже есть и что еще будет, ему кажется (вернее, мне), что чего-то не успел главного, а чего?

Чего я должен успеть, и чего успел, и чего не успел?

Я родился в Великую Отечественную. В самый день ее начала. Война меня не достала в прямом попадании, я был далеко от нее, на Алтае, у Христа за пазухой. Война шла себе, отец воевал, в него попало 4 пули, но ни одна не убила — ему повезло, а я себе рос потихоньку, вместе с моими братьями и сестрами, и, быть может, пули пожалели скорее нас, чем отца.

Отец пришел с войны израненный и жестокий. До 41-го года я его не помню, потому что меня еще не было, а когда я стал быть уже на свете и стал соображать и запоминать, я запомнил, что отец был зол и жесток — на кого и почему, я сейчас не знаю и не могу понять, но это было так. Пусть будет — такой характер, спишем все семейные наши беды и побои на характер отца. Когда-нибудь я все-таки попробую объяснить его характер и причины некоторые, но теперь у меня другая задача. Итак, отец пришел с фронта, а я сломал ногу. Упал в детсаде со второго этажа, а может, и не со второго, а ниже, потому что выше не было ничего, и сломал. Сперва хромал, год меня лечили бабки, местные врачи, помню фразу хирурга: «Гипс бы ему сделать, да бинтов нет», так и не сделали гипса, а, помню, прикладывали ихтиол, вонь его сохранила моя память до самой вот этой смертной черты, которую я себе сегодня представил. Итак, гипса не было, был послевоенный голод, недоедание, конечно, где-то было еще хуже, но и у Христа за пазухой было не сладко, все запасы были съедены войной, хозяйства разорены, мужики выбиты, бабы вкалывали от темна до темна, но не могли пока накормить даже детей, и у меня случился туберкулез коленного сустава. Коленка моя распухла. Как ее ни парили старухи, как ни перевязывали ниточкой шерстяной (я помню, над моей кроватью на стене висела такая ниточка; она должна была снять с меня опухоль иль показать, на сколько она увеличилась, и потом уж

вешалась другая, уже большая ниточка). Помню: отец идет широко по пыльным улицам Барнаула, я сижу у него на заку-корках, держусь, семенит рядом мать и плачет украдкой, отец матерится на нее сквозь зубы и сам темный, как ночной лес. По кабинетам начальства, от секретаря к секретарю, с партбилетом, с разными партийными регалиями и пр., через унижения, взятки и пр., до самого секретаря крайкома со мной на закукорках, с заключением профессора — туберкулез кости, немедленно санаторий — за местом для меня в туберкулезный костный диспансер. И добился. Курорт «Немал».

Карцер. Мать в окне. Оставляет меня одного. Плачет. Я успокаиваю ее. Мне семь лет. Надо учиться начинать. В санатории начинают учить с 8 лет. Мать каким-то животным инстинктом чувствует — зачем мне терять год, уговаривает врачей, учительницу Марию Трофимовну (кстати, она потом и останавливалась у нее, когда приезжала меня навестить) — он способный, возьмите его. И вот я в первом классе. Учусь писать, читать, слушаю сказки, окна заколочены на зиму и засыпаны опилками, не все, правда, чтобы было тепло. По ночам горит в печи огонь, тени пляшут, мы спим и смотрим за теньями — великое наслаждение смотреть за живыми картинками, когда привязан годами к койке. Я ведь три года был привязан, меньше всех, мой друг был привязан 11 лет — Илюшка Шерлогаев, — я только сейчас, когда написал его фамилию, подумал: должно быть, он был нерусский, фамилия нерусская, алтайская. Он мне даже писал, когда я выписался, но что мне было уже до него за дело... и я ему писал и посылал рубли... но... мне было 10 лет, и даже письма его я не сохранил, а может быть, их сожгла моя мать, чтобы мне ничего не напоминало о санатории, а я вспоминал, но всегда только хорошо (когда выписался, конечно, когда лежал, я ненавидел его и даже пытался организовать побег).

Мой лечащий врач — Антонина Яковлевна Цветкова, маленькая, худенькая, на высоченных каблуках, строгая и внимательная. Я помню ее руки, пальцы, изучающие мой «футбол», — тонкие, костистые, с длинными пальцами, цепкие — руки скрипача. Я успел в первом классе вступить в пионеры, потому что не было в отряде запевалы, и мне раньше срока повязали галстук, я успел окончить три класса с хорошими отметками, я успел понять, что надо торопиться. Нет, не понять, а почувствовать, мы выросли раньше обыкновенных здоровых мальчишек, которые, ни о чем не подозревая, гоняли под окнами в футбол и взрывали наше спокойствие.

Три года прошло. Я на костылях. Б. Исток. Четвертый класс. Мы живем на Больничной улице. Далеко до школы. Отец решает — продавать дом и строиться в центре — из-за моей ноги. Поздней осенью мы въехали в новый дом. Я стал заниматься в самодеятельности. Фомин — Степаныч — меня заправил тем горючим, которое позволило мне оторваться от земли, о нем особый разговор. Приезжает бродячий цирк — Московский цирк на колесах — им нужен подсадок. Я должен сыграть простой этюд — возмутиться, что в мою фуражку бьют яйца, сыплют опилки, «пекут торт», а потом оказывается, это не моя фуражка, я признаю «ошибку», извиняюсь, ухожу.

Я играю этот этюд, наутро мне сообщает руководитель этого цирка, чтоб я немедленно ехал после школы в Москву, в театральное училище. Участь моя решена. Я начинаю весь десятый класс готовиться. Бросаю костыли, лажу на кольца, на брусья, репетирую, тренирую «Яблочко», матросскую пляску, с дублером, в случае, не освою — будет плясать он, — освоил, успех.

Фомин дает задание: во что бы то ни стало сдать на медаль. Сдаю на серебряную. Собираюсь в Москву, но чтобы зря не прокатиться, Тоня советует поступить сначала хоть в музыкальное училище. Беру ложные справки, поступаю в муз. училище и с ходу беру курс на Москву. Поступил в ГИТИС — успех. Вкалываю не за страх — за совесть. Хотя мечтал на второй день быть приглашенным в Малый на Хлестакова, но раз надо учиться сначала — давайте учиться. На пятом году принят в театр и женился — 22 года. Все идет вроде как по писаному, Господь хранит меня, чего мне еще нужно. Ах, вот что, я завидую: некоторые сверстники мои в кино, успели прославиться, я хочу тоже, а фарт не идет. Даю зарок, что начну только с главной роли. Перехожу из «Моссовета» на Таганку, во-первых, потому, что

не взяли жену, во-вторых, не сыграл Теркина, а обещали, и т. д. В первый же сезон — Грушницкий, «Антимиры», «Десять дней» — я ведущий артист. Я стал артистом наперекор всем мрачным предсказаниям моих некоторых учителей, наперекор самому себе, т. е. я доказал себе, что я умею драться за свою шкуру, за свою честь. И в кино я начал с главной роли и теперь заканчиваю вторую главную, а в театре репетирую роль, которую может судьба подарить актеру раз в его жизни. Театр дал мне, молодому артисту, двухкомнатную квартиру, высокую, сравнительно, зарплату, я — член худ. совета, у меня красивая жена, мне завидует пол-Москвы. Я купил собаку, мебель, у меня есть все для нормальной жизни. И всего этого, я могу гордо сказать, добился своим трудом. Кроме того, я пишу. Пока в стол. Но кое-что я уже написал, и меня хвалят, пока друзья, но вот и Можаяву понравился Чайников, значит, если идти по пути максимализма, я могу добиться и на этой ниве определенных успехов. И слава, о которой я мечтал в детстве, не так далека, она придет, и приходит, и можно ускорить ее приход. И вот мне 27, пусть немножко лет еще, лермонтовский возраст, и через энное количество часов меня не станет.

6 марта

С утра бегал по редакциям. Не бегал — ходил, именно ходил, не торопясь, не суетясь, размеренным шагом км 8 прошел, две редакции нашел. В «Лит. газете» оставил «Стариков» и «Иван, поляк и карьера», только второй. Отчего, не знаю, нехорошее предчувствие — что-нибудь где-нибудь да напечатают.

Мы с Зайчиком отделились от тещи, сидим на хозрасчете, оттого и жрать нечего. Но меня это не беспокоит. Великий пост, так что попоститься — это только к лучшему. Очистить тело от всякой дряни.

Но вот что от родителей уж два с лишним месяца никаких известий — это меня волнует.

Прочитал книжку Солоухина «Письма из Русского музея». Любопытная книжка, отрадно, что кто-то может иметь свои мысли, свое собственное мнение, довольно резкое и непривычное, и что мнение может быть напечатано. Книжка благородная, страстная, очень и очень приятная.

«Террор среды» — об этом стоит подумать и поразмыслить, это очень точно. Как бы в нашей актерской практике прорвать бы этот «террор среды», у нас это сделать еще сложнее, чем в любой другой творческой профессии, потому что дело наше коллективное и зависит от начиная с партнеров, репертуара и кончая террористом-режиссером.

— Она в Ленинку ходит. А я боюсь Ленинку. Это место, где кадрятся. Там сама обстановка призывает, обязывает к заигрыванию. Хочешь не хочешь — будешь. Берешь книжечку, подсаживаешься: тишина, уют, холлы и пр. роскошь. Мои знакомые развелись недавно. Она повадилась в Ленинку бегать, снюхалась там с кем-то, и семья развалилась. Ленинка — это опасное место. Ни в коем случае не пускай жену в Ленинку.

Был в «Современнике» на «Народовольцах». Вот что расскажу по этому случаю. На площади Маяковского стоят три театра. «Современник», «Сатиры» и «Моссовета». Подъезжаю. Ни у эскалатора, ни у выхода из метро билеты не спрашивают ни в один из трех театров. Подхожу к «Современнику» — продают с рук, и немало! Ладно. Выходят артисты, начинают играть. Не увлекают, не интересно им, по-моему, не интересно самим. Ей-богу, если бы я не знал Евстигнеева, Табакова, Козакова и пр. — я бы сказал, что у них нет артистов, а они все заняты, я их всех вижу и слежу за каждым. Нет, еще раз старая истина — дерьма из масла не собьешь. Они не умеют играть такую драматургию, мозаичную, многоплановую, с постоянно нарушающейся линией роли, с публицистическими выходами-реминисценциями и пр. Либо не умеют ставить. Каждый чужой спектакль убеждает меня в правильности моего выбора «Таганки» и придает уверенности мне и силы. Нет, господа присяжные заседатели, играть хорошо — штука сложная, и хорошие артисты на дороге не валяются.

Вчера Любимов в конце репетиции сказал: «Что мы, дамы, что ли? Будем обижаться друг на друга и помнить, кто что сказал и в каком тоне?»

Замечательный квас!

Высоцкий в Ленинграде. Что он привезет мне, какие известия?

7 марта

...Отец родной, не оставь раба своего. А в газетах, уж сколько их вышло со статьями об «Интервенции», и хоть бы где-нибудь обо мне, нет ни слова. В сегодняшней хоть фотография есть, и на этом спасибо. Да, я рекламист и горжусь этим.

Какую игрушку себе придумал — вклейка газетных статей. Буду вклеивать теперь всякую чертовщину. Так, для разнообразия, для развлечения, для истории. Я благородный человек, я тщательно собираю, раскладываю по полочкам — по порядку, все, что появляется обо мне в печати, рекламе (хорошее, разумеется, на кой дьявол мне всякая гадость, правда, ее еще не было, но ведь чем черт не шутит) и что выходит из-под моего пера собственного.

Я облегчаю работу моим биографам.

Эй, вы, биографы! Вы слышите, я облегчаю вам работу, скажите мне спасибо, идиоты! Но только читайте в основном между строк, потому что цензоры вокруг стоят, как псы голодные, и первый — я сам. Кой-где неискренне, кой-где со зла, кой-где по глупости, так что вы постарайтесь, на вашу долю выпала самая сложная часть — расшифровать душу человеческую, в данном случае — мою. Мало ли человек напетляет за свою жизнь, уж и сам не поймет, где он настоящий, а где прикидывается, так все веревочки, ниточки спутаются, только не рвите, как надоест распутывать, а то больно, не спешите, мне ведь все равно будет. Не вы распутаете, так другие.

9 марта

Заявление сделано, иду его выполнять. Высоцкий говорит — ради такой роли можно все стерпеть, все унижения и брань.

Шеф не свирепствовал сегодня: то ли услышал, что я в дневник днем пропел, то ли рукой махнул, то ли получается чего-нибудь, то ли не в том дело.

Венька не стал за меня играть сегодня, а я хотел... «Три сестры» посмотреть. Придется еще одно заявление сделать: ни к кому не обращаться с такими вопросами, подыхать буду, а сам буду играть. Венька еще ни разу не внял моим просьбам, ну в рот ему палец: раз он так, и мы эдак.

Вечер. Зайчик на «Трех сестрах», сосед насилует Шульженку, не саму Клавдию, а пластинку. На душе гаже, чем допустимо.

Мы с Зайчиком уже распределили Государственную премию. Получается примерно так: если мы имеем 2,5 тысячи, то тысяча — тысяча двести идет Зайчику на шубу, пятьсот рублей на банкет, триста рублей на мое пальто-шмотье, 100 рублей старикам в Междуреченск, 400 рублей на отпуск за границей. Это самый примерный план, точный составим, когда в газетах появится объявление, что я выдвинут на соискание, а то еще распределишь, а спектакль не выйдет, вот будет номер. Но все равно, чтобы инфаркта не было, надо готовиться к такому событию заранее. Вообще надо готовиться ко всему самому плохому в жизни, равно как и к хорошему. И от того и от другого человек разрушается, как и от крайних температур. Но лучше бы шеф получил, это было бы полезнее для нас для всех и закономернее.

Дай ему Бог здоровья.

Первый час ночи. Зайчика все нет. Давай, Валерик, спать.

10 марта

Высоцкий давал читать свой «Репортаж из сумасшедшего дома». Больше понравился, но не об нем речь. Прочитал я в метро сколько успел, и не думаю, и не помню, о чем читал, и это неважно. Я размышляю — чего я ему буду говорить, и фантазирую, и придумываю, и целый монолог, целый доклад сочинил о том, чего не знаю, чего не читал. Значит, мне важен не его труд, а моя оценка.

Говорильное мышление, т. е. мы до того изболтались, до того мы швыряемся словами, верхушками знаний, до того в нас показуха сидит, что нам незачем и читать что-то, чтобы начать говорить об этом «что-то». Значит, опять важен «я», моя говорильня, мое отношение,

и мне кажется, это самое важное для других, и удивляюсь своей эрудиции, своему умению ловко разбирать самые сложные вещи, умению примерчики убедительные и остроумные на ходу придумывать — т. е. импровизировать, или проще: пустобрех и составляет главный смысл, интерес нашего общения.

Шеф наорал на Веньку перед спектаклем. Венька заплакал. Убежал. Пил валерьянку. Ужасно это все. Мы его жалеем больше, чем он нас. Он не дорожит нами. Грустно.

13 марта

Вчера на репетиции был Можаяев:

— Отрадно видеть... ты очень продвинулся, в основном продвинулся, в основном все уже идет хорошо, кой-какие мелочи, но это все впереди. А так — молодец.

Любимов. Вчера и сегодня в репетиции было много правильного.

Вечером и ночью читал «Дворянское гнездо». Не возьму я в толк, не придумаю, зачем, с какой стати, для чего сейчас заниматься экранизацией этого романа. Для заграницы? Ситуации, характеры — как-то все надуманно, красиво, нехудожественно, ненатурально, и что можно сейчас сказать этим произведением? Тем более непонятно, что этим занимается молодой, талантливый режиссер, зачем он теряет время — наше дело актерское, маленькое, делай что дают.

Какой-то смрадный осадок от вчерашнего спора в гримерной о Толстом и Достоевском. Как будто в изнасиловании участвовал. Венцом рассуждений было мнение Фоменко⁵¹, его точка зрения, так сказать, что «Толстой — это жизнерадостный рахит». И сразу всем стало как-то не по себе, неловко, как будто каждый обмочился в отдельности и пытается остаться в этом незамеченным.

Что это такое? Ни в морду дать, ни плюнуть за это нельзя... Унизить человека ни за что ни про что, вернее, конечно, самому унизиться... Так относиться к человеку — это себя не уважать. Количество серого вещества приблизительно у всех одинаковое, и смешно пытаться казаться умнее другого, не быть, а именно пытаться казаться. Вот уж действительно — образование ума не прибавляет. Откуда в нас такой снобизм, желание непременно высказаться оригинально, показаться этаким пупом в своем роде, что мне, дескать, люди вокруг, когда я с Толстого шапку сбиваю одним махом, вот как я про него могу ляпнуть. Заявить — и ничего со мной не случится, раз я так могу о Толстом брякнуть — значит, сам чего-нибудь да значу. Верно Толстой подметил: «Отчего такая уверенная интонация, наглая в глупых людях — оттого, что иначе их никто бы слушать не стал».

И мы слушаем это, да еще пытаемся возразить, рассудить по справедливости, грязь какая-то, нечистоплотность, непроходимая глупость. Никто не запрещал и не запретит рассуждать о самых великих авторитетах, никто не принуждает теперь перед ними на колени падать, но да ведь и рассуждать надо с умом, осторожно, с намерением добрым, а не с целью языками фортеля выписывать.

Ехал в метро и мечтал: выйдет «Интервенция» — соберу все плакаты рекламные, на стенках развешу, фотографии в рамках застеклю — тоже развешу или дарить буду, рецензии в тетрадку вклею и т. д. К чему я это? — а вот к чему. Вопрос серьезный.

Пусть с этими плакатами, рецензиями и т. д. — это тщеславие мелкое, безобидный рекламизм и т. д. Но смотри в корень. Заметил: для меня важно не то, что я скажу-выражу этой ролью или тем рассказом, а важен результат — то есть что после этого обо мне скажут или напишут. Я слышу, вижу не свою игру, не проблему, не идею, ради чего я треплюсь на сцене или пишу, а какое впечатление я произведу этим. То есть меня, по сути, интересует вторичное, а не первичное. Для истинного художника важно не то, что о нем скажут, а что он успеет сказать.

Я плохо играю — но вдруг успех и шум, — мне кажется, что-то произошло, а на самом деле ничего не произошло...

⁵¹ Владимир Фоменко, актер Театра на Таганке.

Но я доволен, удовлетворено мое тщеславие, я достиг цели, я услышал желанные слова. Иначе: меня не интересует мой труд, меня интересует мой талант, самовыявление.

Я берусь за Гамлета не с целью боль свою высказать, а переиграть предшественников — об этом будут говорить, это точно, и это меня движет... И пока я движим этим, я не преступаю грани — среднее. Удовлетворенность словами, внешней мишурой — вот это нас губит. Выходит, я живу для того, чтобы написать о себе книгу и самому ее еще проиллюстрировать.

Сегодня побыл в двух важных учреждениях: «Мосфильме» и поликлинике № 1. Сидел перед зеркалом почти три часа и смотрел на себя, пока прилаживали гриву и бородку для Панышина.

Страшно ездить в метро: скопище народа, и лица все серые, усталые, глаза полусонные, фигуры придавленные — лишь бы до места скорей добраться.

Сегодня задача — не растрагиться очень, не расплескать энергию, силы, а то на «Добром...» снова могу дуба дать, как однажды, настроение отличное, а физика не слушается, не отвечает сигналам мозга, не повинуетя, бастует.

Над главной ролью дурак заработает... но это длинный разговор, к главной роли, да не только к главной, готовиться надо, и всю жизнь.

Нет, нельзя сидеть сложа руки и ждать: куда ветер дунет, туда плюнем, надо что-то делать, надо фантазировать, надо работать, иначе — крах.

16 марта

...«Уважаемый товарищ Шелепов!»⁵²

Оба Ваших рассказа основаны на случаях анекдотических. В этом не было бы ничего плохого, если бы за житейским анекдотом Вы сумели бы увидеть живописные человеческие характеры, попавшие в весьма живописные ситуации. Но артист Чайников остался у Вас только героем анекдота, хотя поначалу, в первом абзаце, Вы обрисовываете его довольно метко.

Рассказ «Старики» требовал прежде всего сочного народного языка. Тогда вся история засверкала бы. Но именно с языком Вы не справились. Оба Ваших старика говорят на том вымороченном наречии, которое является лишь кустарной и, к сожалению, распространенной подделкой под народную речь. Эти «одна-кось» и «ноне» давно уже скомпрометировали себя.

Отклоняя эти рассказы, хотели бы тем не менее попросить Вас прислать другие Ваши произведения. В Ваших рассказах привлекает умение найти острую, действительно чреватую интересными характерами ситуацию. Но пока Вы остаетесь на поверхности, не используя те возможности, которые сами же находите.

Желаем Вам успеха.

Отдел русской литературы «Литературной газеты».

(Р. Коваленко)».

«Не заботься о завтрашнем дне, ибо завтрашний позаботится сам о себе, довольно для каждого дня своей заботы...» (От Мф., гл. 6.)

17 марта

Рано утром получил заказным письмом свои шедевры и эту рецензию. Не обиделся, хотя в рецензии много правды, за исключением последнего абзаца, в котором они просят присылать мои произведения — это утешить мое самолюбие, чтоб я не повесился...

18 марта

Уже повесили приказ об увольнении Щербакова⁵³. Вчера Влади сказала мне, что моя работа в «Галилее» выше всех, в монологе, в сцене с Галилеем. Пустячок, а приятно.

⁵² В своем раннем литературном творчестве Золотухин выступал под псевдонимом В.Шелепов.

⁵³ Дельвин Щербаков, актер Театра на Таганке.

19 марта

Упаси, Господи, нас от суеты!

Был в трех редакциях. К паре — «Старики», «Чайников» — подстегнул третью — «Таньку».

В «Огоньке», редактор Кружков:

— Это возьмите себе сразу, — на «Чайникова».

Стал листать «Стариков», я задрожал.

— Какой из трех рассказов вы считаете самым удачным?

— Не знаю, они все разные.

— Ну ясно. Посидите... Так, ну вот что! Это не годится... Откуда вы хватаете такие ситуации? Это же все надуманно, нежизненно... Вы берите жизненные ситуации... Это все литературщина, а язык есть, и способности есть, писать можете и должны... Сколько тебе лет? 26? Ну, вполне взрослый человек... Пишете много?

— Много.

— Пишите, обязательно выпишитесь, потому что способности есть, и берите жизненные ситуации, это же у вас старики эти оба... не люди... а шаровозы какие-то. А баба? Бабы нет, есть какая-то кобыла, которую со двора на двор перегоняют. Пишите. Как рассказ напишете, так несите нам, обязательно несите, и берите жизненные ситуации.

«Смена».

— А! Золотухин, артист с Таганки. Приятно видеть у себя в гостях хороших артистов, чем обязаны?

— Рассказы принес, печатать будете?

— Артисты графоманами стали. Ну, давай посмотрим. Если ты такой же писатель, как артист, непременно напечатаем. Я ведь про вас писал когда-то, в «Смене», о «Герое нашего времени».

— Да! Это вы?! Я вас давно люблю! Вы единственный человек, который печатно похвалил спектакль и меня.

Там же я услышал впервые, что «Интервенция» не получилась.

— Ты мне еще очень понравился в «Пакете», ну... блеск, это моя любимая книжка детства...

— Нет, что ты, дорогой, все прекрасно, все образуется, и т. д. и т. п.

Про «Театр, жизнь» не буду писать, устал, скажу только: желтое здание, серые люди. Больше ничего не скажу.

Я думаю, что короткие юбки затрудняют многим девушкам выйти замуж. Потому что стройных ног гораздо меньше, чем привлекательных мордашек. Влечение, либидо — явление физиологическое, начинающееся с внешнего обзора, это влечение, подкрепленное духовным обаянием, превращается в любовь...

Но кривые, худые, толстые ноги при сносом лице затрудняют возникновение либидо, а потому и любви; естественно, это не всегда, но очень часто. То же и с грудями... открытая грудь, если она красивая, — влечет, но коль открыто у одной — распахнуто у всех, таков закон этой природы, и недостатки все наружу. Скрытость недостатков, как и достоинств, увеличила бы стоимость женщины, не задерживала бы возникновения либидо и ускоряла бы оборот замужества. В некотором бы роде это был бы кот в мешке, ну и что? Тем интереснее, а когда люди начнут жить, любовь либо разгорится, либо потухнет вовсе, и тут, в семье, уже другие законы, не зависящие через полгода от ног или грудей партнерши, даже происходит обратная метаморфоза. Вот что я думаю о коротких юбках...

20 марта

— ...НЕ СУДИТЕ САМИ, ДА НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ.

21 марта

Ужасный день. Вчера играл Керенского за Высоцкого, а сегодня — и вчера ночью — молю Бога, чтоб он на себя руки не наложил. За 50 сребреников я продал его, такая мысль идиотская сидит в башке. На репетиции, при народе постороннем, он упал.

— Идите приведите себя в порядок, — сказал ему шеф.

И он ушел, и никто не знал, куда он девался и что делает: пьет ли, спит ли? Послали в Волоколамск машину за Губенко, в Вешняки — за мной, но я как назло оказался в театре и еще оговорил, идиот, условия ввода — 100 рублей — это была шутка, но как с языка сорвалось! Ведь надо же, всё к одному: и Хмеля⁵⁴ нет, я еще за него играю. Боже мой!

— Высоцкий играть не будет, — кричит Дупак⁵⁵, — или я отменяю спектакль.

— Как ты чувствуешь себя, Валерий? — шеф.

— Мне невозможно играть, Ю.П., это убийство, я свалюсь сверху⁵⁶.

— Я требую, чтобы репетировал Золотухин, — Дупак.

Высоцкий срывает костюм (он еще поддал, как увидел, что вовремя не дали костюма и я с текстом):

— Я не буду играть, я ухожу... отстаньте от меня.

Перед спектаклем показал мне записку: «Очень прошу в моей смерти никого не винить». И я должен за него отрепетировать?!

Я играл Керенского, я повзрослел еще на десятилетие, лучше бы уж отменил Дупак спектакль. У меня на душе теперь такая тяжесть.

Обед. Высоцкого нет, говорят, он в Куйбышеве. Дай бог, хоть в Куйбышеве.

Меня, наверное, осуждают все: дескать, не взялся бы Золотухин — спектакль бы не отменили и Высоцкий сыграл бы. Рассуждать легко. Да и вообще — кто больше виноват перед Богом? Кто это знает? Не зря наша профессия была проклята церковью, что-то есть в ней ложное и разрушающее душу — уж больно она из соблазнов и искушений соткана. Может, и вправду мне не надо было играть?!

22 марта

Два дня очень мало писал. Уже висит приказ об увольнении Высоцкого по 47-й ст. Ходил к директору, просил не вешать его до появления Высоцкого — ни в какую: нет у нас человека. И все друзья театра настроены категорически. Они-то при чем тут?

Уезжает сегодня теща в санаторий, а скоро и Зайчик полетит на съемки. Я с Кузей вожжаться остаюсь. Вот он пришел как раз на эту фразу.

Это было сумасшествие — браться играть Керенского срочным вводом! Но Бог не оставил меня.

У Зайчика украли 25 рублей на спектакле.

Высоцкий летает по стране. И нет настроения писать, думать, хочется куда-нибудь уехать, все равно куда, лишь бы ехать.

Даже ехать в метро приятно, когда мало людей: сидеть на одиночном сиденье в углу, сжаться в комочек, засунуть руки в теплое место и думать о чем-нибудь, все равно о чем, чаще все о том же: уступать или не уступать место?! И приводить разные доводы и оправдания и даже философские подоплеки искать, почему я сегодня должен встать и уступить место, а вчера мог этого не делать, и правильно, что не сделал, и пусть совесть помолчит.

23 марта

Обед. Шеф после прогона хвалил:

— Очень правильно работаешь, очень, и вообще, товарищи, есть хорошие вещи, появляется спектакль и т. д.

⁵⁴ Борис Хмельницкий, актер Театра на Таганке, киноактер, автор музыки (совм. с А.Васильевым) к спектаклям «Добрый человек из Сезуана», «Антимиры», «Жизнь Галилея».

⁵⁵ Николай Лукьянович Дупак, многие годы директор Театра на Таганке.

⁵⁶ Артист, играющий Керенского в спектакле «Десять дней...», должен произносить речь, стоя на плечах партнера.

Можаев:

— Ну просто неузнаваемо работаешь, молодец, всё уже в порядке, в седле.

Вот ведь какая наша судьба актерская: сошел артист с катушек, Володька, пришел другой, совсем вроде бы зеленый парень из Щукинского¹, а работает с листа прекрасно, просто «быка за рога», умно, смешно, смело, убедительно, и сразу завоевал шефа, труппу и теперь пойдет играть роль за ролью; как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло». А не так ли и Володька вылез, когда Губенко убежал в кино и заявление на стол кинул, а теперь дал возможность вылезти другому... но и свои акции подрастерял, т. е. уже вроде не так и нужен он теперь театру, вот найдут парня на Галилея...

Насчет «незаменимых нет» — чушь, конечно, каждый хороший артист незаменим и неповторим, пусть другой, да не такой, но все же веточку свою, как говорит Невинный, надо беречь и охранять, ухаживать за ней и т. д., чуть разинул рот — пришел другой артист и уселся на нее рядком, да еще каким окажется, а то, чего доброго, скинет и один усядется.

Я иногда сижу на сцене: просто в темноте ли, когда другой работает, или на выходе, и у меня такая нежность ко всей нашей братии просыпается... Горемыки! Все мы одной веревочкой связаны — любовью к лицедейству и надеждой славы — и этими двумя цепями как круговой порукой спутаны: и мечемся, и надрываемся до крови, и унижаемся, и не думаем ни о чем, кроме этих своих двух цепей...

С удовольствием я перелистываю эту тетрадку: солидное, солидное дело я затеял, сообразив записывать в толстую тетрадь.

И мысли-то, в нее внесенные, удлиняются, прибавляют в весе и значительнее становятся, эдак и вправду потомство обо мне подумает как о дельном, рассудительном парне — прямо кузькинские мечты.

Ночь. Жена обскакала меня с «фотокарточками в киосках», ее фотографию уже продают под девизом «Артисты советского кино»...

24 марта

Я думаю, что поездка в деревню с Можаевым 18 февраля еще много раз будет записываться в мои тетрадки. Непосредственно, сразу много не запишешь, да и вроде и некогда, и такого срочного для записи нет, а как проходит время и отдалается событие, оно компонуется, распадается на звуки, слова, мысли по поводу, запахи, действия и становится прожитой жизнью — это уже было — символ, событие превращается в символ, случившийся в моей жизни. А символы в памяти держатся до конца дней. От события сохраняется ощущение, настроение — делается либо хорошо, либо неприятно, либо весело, либо грустно. Но пока оно — это событие — не так далеко, я кое-что запишу для хроники.

Мы поехали по Рязанской дороге, мимо нашего дома, в маленьком автобусе-рафике в таком составе: шофер, рядом с ним сел Можаев, как полководец, у него шапка маршальская — каракулевая и высокая, как тумба, папаха; сзади разместились я, зав. пост. — Салопов, художник, или, как я буду называть его впоследствии, Мастер, — Боровской, радиорежиссер, магнитофонщик Титов Владимир Миронович, или просто — Мироныч, секретарь парт. организации и асс. режиссера — Глаголин Б.А., финалила, или венцом этой пирамиды являлась, Машка Полицеймако, единственная баба, стеснявшая нас и мешающая вначале, но потом — душа этого небольшого ансамбля. На всю компанию дирекция выделила литр чистейшего спирта, Салопов так был занят предвкушением будущей пьянки, что оставил накладные, пришлось ворочаться за ними. Ехали весело, трепались, травили анекдоты, большей частью еврейские, Машка стеснялась рассказывать, а анекдоты на 90 % сальные да похабные. Всем было хорошо, впереди была дорога, заготовка реквизита, экскурсия в крестьянскую жизнь, выпивка, обратная дорога. Никто ни за что не отвечал, никто ни о чем не думал, все тяжести и заботы остались в Москве, а теперь по обеим сторонам тянулись то лес, то поля, проскакивали какие-то селения, и за многое время мы, запрятанные в театр, как в нору, ощущали прелесть природы, радовались всякому случайному кусту, дереву и открывали для себя в который раз пьянящую силу земли и радовались ей, как малые дети...

Остановились в Бронницах. Писатель повел нас к церкви, показал нам могилу Пушкина, повздыхали все, глядя на российскую красоту, обделанную (мочой) со всех сторон.

Писатель:

— Обратите внимание, какая неповторимая красота, сколько церквей, соборов, часовенок стояло по деревням, селам, и нигде похожей нельзя было встретить. И ведь на народные средства, на общинные деньги делалось это, а сейчас — клубы, говорят, заменяют церкви, да разве можно сравнить эту неповторимость со штампованными проектами типовых клубов, без своей изюминки, без своей привлекательности, холодные, неудобные, везде одинаковые... Неужели перевелись на Руси мастера, которые из этого материала на эти же средства по своему вкусу, по своему разумению могли поставить дворец? Нет, тратят деньги, материалы на безликие сараи. Раньше мастер имя свое вписывал в свое дело, а теперь он его стороной объезжает.

Из Бронниц поехали в колхоз «Борец», что в пяти километрах от тракта. И опять писатель метнулся в сторону:

— Вон, глядите, типовые клоповники понастроили.

— Где, что?

Но мы уже проехали и не видели того, чем возмущался наш маршал.

В усадьбе колхоза нам сказали, что председателя нет, он в Бронницах, отдыхает, вчера закончилось отчетно-перевыборное собрание, на котором его снова избрали председателем:

— Председатель у нас хороший, Герой Соц. Труда, человек уважаемый... Вам надо по вашему делу к зав. клубом обратиться.

Приехали в клуб. На сцене работники под баян танцевали молдавский танец. Руководила ими Валя, заведующая клубом. Мы представились ей, дескать, артисты, писатель и т. д. Мне хотелось срочно приступить к делу, т. е. доставать колеса, хомуты, косы и прочую необходимую утварь, но писатель сказал:

— Валера, не торопись, успеется, времени у нас хоть отбавляй.

Мы сели в комнате отдыха, обставленной подарками пионерских организаций многих стран, и стали беседовать. Закурили. Не буду записывать весь разговор, к тому же я его и не помню, но ради него, собственно, и начал я эту запись.

Вел разговор Можаяев, я сначала удивлялся, зачем он все это выясняет, только потом, спустя несколько дней, прочитав в «Литературке» его статью о сельском строительстве, я понял, какой гвоздь сидел в нем тогда и что его волнует теперь. Основной вопрос состоял в том: почему молодежь бежит в город? И заработок хороший, и клуб замечательный, а молодежь уходит из села, в чем дело?

Валя:

— Любовь. Ребята неохотно гуляют со своими, да и девчонки чужих предпочитают. Девчонки идут на фабрики, там работа не легче, но смену отработала — и гуляй себе, и замуж выйти легче. Девчонки боятся здесь просидеть молодость, в городе мальчиков больше, проще с любовью как-то... А здесь попробуй, вот осень подойдет — картошку убирать, спина отстанет с семи до семи, а руки во что превращаются, девчонкам жалко себя... А ребята... чуть рассвело, он трактор завел и уехал в поле и дотемна, придет, умоется и спать, отдохнуть хоть немножко, а если и вырвется погулять, то от него мазутом разит, а девчонки на этот мазут как на мед, а он и копаются — та не хороша, эта не такая. В общем, любовь — это серьезная проблема.

— Любовь — причина веская, но девчонки, допустим, бегут за ней в город, а ребята — ребятам везде любви хватает, и все-та-ки в первую очередь они бегут, чуть отслужил армию — и не возвращается, а если возвратится, попьанствует, похулиганит и смоеется в город. Почему?

— Почему? Бесхозяйственность. Лишили крестьянина главного, ради чего он жил в деревне, — земли, отбили у него охоту хозяйничать самому. Отчего и труд хоть и механизировался, а опостылел, он не в радость мужику стал. Что он имеет с того, что на земле трудится, не хлебом сыт человек единым. Ни он земле, ни земля ему не нужны. Что

посеешь, то пожнешь, — это конкретное дело было для мужика, а сейчас чего он сеет, чего он жнет, какое ему дело — он свои 200 рублей получит, и всё. Надо вернуть землю хозяину, тогда он придет из города к ней сегодня же.

Из клуба пошли к бригадиру, женщине лет 50-ти, депутату Верховного Совета. Домик чудный, дорожки, диван, печь кафелем обложена.

25 марта

Бригадирша угостила нас пирогами с капустой. Писатель и ей задал свой вопрос:

— Вы так живете, изба у вас просторная, теплая, на берегу реки, усадьба, огород, и почему же молодежь не живет дома, а бежит в городские клоповники?

— А вы спросите их. Эй, молодежь, почему не хотите в деревне жить?

Нам позарез нужны были ухваты, чугуны, старая утварь, и кто-то из местных догадался повести нас к тете Груше, старухе лет 80-ти.

Воистину Россия богата примерами разными — и золотом, и грязью, и радостью, и слезами. У тети Груши мы и насмотрелись слез, и наслушались боли народной.

— Где этот черт с магнитофоном, — шумел писатель, — вот что надо записывать, как народ разговаривает, а он в машине сидит.

— Т. Груша, что у тебя болит?

— Все болит, рука выплечилась, пальцы не шевелятся, спина от жопы отстает, бедро с места соскочило... все болит. А тут на Николу ходила в церковь, да продуло меня, да чуть не замерзла. Меня в правление отнесли да отогрели там, а потом привезли домой.

Изба выстуженная, грязная, черная. Бабка занемогла, и некому прийти и накормить ее, помрет — и знать никто не будет.

— А где же ты так изувечилась?

— В колхозе, милый, в колхозе, а где же еще.

— Пенсию-то сколько получаешь?

— Сначала получала семь рублей, потом люди добрые добавили еще полтора рубля.

Местные активисты шумят:

— А ведь не скажет, что трудно, соседке шумнуть, она бы до правления добежала, мы бы тебе пионеров прислали, пол помыть, дров наколоть...

— Все сама, все сама, а теперь жалуешься.

— Да ничего я не жалуюсь, и так хорошо.

Ей однажды прислали пионеров, пол помыть, так она прогнала их...

Беднота и запустение, даже жутко делается, кажется — мышинное царство, а под столом и за печкой грибы растут. Кто и когда забросил ее на этот свет, в эту пору...

— Вы не глядите, что она такая жалостливая, она совсем недавно корову со двора свела, а то и корову держала, и молоко таскала в Бронницы.

Наконец Мироныч пришел со своим ящиком. Записывает. Активисты боятся свидетельства Магнитки, начинают наперебой подсказывать бабке, что сделал для нее колхоз хорошего.

Наконец выпросили у бабки ухват, разбитый чугунок — бабка в толк взять не могла, «зачем они не доброе собирают, а всякое говно»... А как увидела деньги, стала упираться, отказываться, но всучили, бабка, умиленная, сказала:

— Я на ваши деньги свечку поставлю, помолюсь за вас.

Как знать, может, и правда бабка свечку поставит и Бог поможет нам в нашем деле.

Но откуда при такой нищете такое богатство икон, их много, много и лампад, кадил, и все это, по мнению писателя, а он, надо полагать, знаток и ценитель русской старины, старинное, добротное и по нынешним временам дорогое необыкновенно. И на столе — Псалтирь, Евангелие. Торговались за часы. Бабка ни в какую, предлагали новые — нет.

— Вот они у меня сейчас стоят, но когда я выздоровлю, я их сделаю, и они у меня будут ходить... У меня сейчас глаза не видят и руки не поднимаются, а как выздоровлю, я их починю.

От бабки Груши поехали на конюшню. Бригадирша опередила нас и уже шумела на подвыпивших мужиков, собравшихся по случаю воскресенья и работы в конюховой каморке.

Бригадирша:

— Кто на кобыле ездил? Почему кобыла в мыле?

— Я ездил.

— А почему в мыле кобыла?

— А я откуда знаю?

— У кого разрешёния спрашивал?

— У агронома.

— Для чего брал?

— Комод Ваське привез.

— Комод привез и кобылу в мыло загнал? Чего ты врешь? В Бронницы гонял за водкой... Ты посмотри, она в пене до сих пор! Ресторан тут открыли.

— Вот, мил человек, ну разве по справедливости, воскресенье — все добрые люди отдыхают, мы работаем — и выпить нельзя, это почему? И никто нам никаких надбавок, что мы в свой отдых работаем...

— Я вижу, как вы работаете, хоть бы людей постыдились языком трепать, колхоз позорите, что люди про нас подумают.

— А что люди подумают? Что они, не люди, что ли?

— Чтобы сейчас же закрывали «рестораны» и по домам расходились, а я приду проверю, вы меня знаете.

Можаев меня толкает в бок:

— Смотри, смотри, целых два Кузькина, особенно тот, что в углу, права который качает. Где же этот опять колдун с магнитофоном?

— Мил человек, так ты запишешь про нашу просьбу, чтобы выходные нам оплачивали, заступись за нас, в самом деле?

Набили мешок сеном, записали ржание жеребца, для чего к нему была подведена кобыла, а потом и Маша подошла. На Машу жеребец реагировал заметно активнее. Ничего удивительного, и Можаев потом, крепко заложив за воротник, волновался при сближении с Машей, только что не ржал. Вывернули из-под снега несколько колес. Теперь и самим выпить после трудов не грех.

— Поехали в Бронницы, в ресторан, — скомандовал командор Можаев.

По пути остановились у тех кооперативных домов, которыми возмущался писатель по дороге сюда. Эти дома двухэтажные, блочные, стояли в ряд одноликие, как тридцать три богатыря, каждый на две квартиры. Квартиры эти предлагались колхозникам в кредит, и каждая из них стоила ни больше ни меньше — 6,5 тысячи. Усадьбы рядом почти никакой, а огород давали на пашне. Этим-то бестолковым строительством, этой кастрацией крестьян и возмущался писатель, считал это такое хозяйничанье по кабинетным рецептам основной причиной бегства молодежи в город и трудного положения с рабочей силой в деревне. И вообще: отношение города к крестьянину, крестьянина к земле и к городу — все эти дела и заботы крестьянские кровно волновали нашего командора. И вызывали в нас уважение и зависть, потому что мы видели перед собой человека, одержимого благородным делом, бескорыстного рыцаря и защитника земельного житья-бытья.

В ресторане пили спирт, пиво, пели песни... И опять наш командор был на высоте, такие ноты гвоздил, так задушевно выпевал русские мелодии, ей-богу, Федор Ш. позавидовал бы, а голосина какой — звучный и красивый, просто мощный. Подходили какие-то мужики, целовались с Можаевым, пели, он опять меня толкал:

— Гляди, еще один Кузькин, этот, пожалуй, ярче всех, запоминай, вот как играть народ надо... Вашего бы Любимова сюда, посмотрел бы он жизнь русскую... А то все в своем кабинете штаны протирает, какие-то люди вокруг него вьются...

В такси — и домой. Так закончился этот удивительный день, который я, конечно, не во всей подробности и яркости записал, но который впечатался в мою память на всю жизнь.

26 марта

Два дня был занят записью поездки и немного выбился из колеи. Высоцкий в Одессе, в жутком состоянии, падает с лошади, по ночам, опоенный водкой друзьями, катается по полу, «если выбирать мать или водку, выбирает водку», — говорит Иваненко, которая летала к нему.

— Если ты не прилетишь, я умру, я покончу с собой, — так он сказал мне.

Шеф:

— Это верх наглости... Ему все позволено, он уже Галилея стал играть через губу, между прочим, с ним невозможно стало разговаривать... То он в Куйбышеве, то в Магадане... Шаляпин, тенор... Второй Сличенко.

Губенко готовит Галилея. Это будет удар окончательный для Володьки. Губенко не позволит себе играть плохо. Это настоящий боец, профессионал в лучшем смысле, кроме того, что удивительно талантлив.

Тревожно на душе. Шеф хвалит за Кузькина, мир и благодать во взаимоотношениях, и я, как собака, которую приласкали, не нахожу себе места от радости и благодарности, все заглядываю в глаза, улыбаюсь всем видом: это правда, вы меня не обманываете, я действительно вам нравлюсь, и вы мне почему-то удивительно нравитесь. Этого бояться следует и бежать немедленно. Только Бог судья делам нашим. Не надо очаровываться, чтоб не было столь жестоким разочарование.

Во время репетиции Элла заглянула в кабинет:

— Получен лит⁵⁷ на «Живого».

— Прекращаем репетиции... Что это такое? Мы привыкли репетировать произведения нелитованные, неразрешённые...

— Срочно анонс, афишу на театре и рекламы по городу.

— Надо еще спектакль сделать, хохмачи.

У Зайчика украли 25 рублей. Кому-то показалась моя премия за Керенского большой, и он решил половину взять. Звонок из Ленинграда. Рабиков:

— Валеринька! Дорогой! Рад слышать ваш жизнерадостный голос. Вам есть чему радоваться, у вас блестящая роль в картине получилась, просто блестящая, других слов нет, это я говорю вам, старый киношник, выдавший виды... Валеринька, фильм принят редакцией, но нужно приехать на один день, переозвучить небольшую сценку, когда мы можем это сделать?

Когда мы можем это сделать? Хоть 28-го, в четверг, если отпустят с «Павших». Но куда девать Кузю?

Вечер. Продумываю план отъезда с Кузей и без. Черчу на бумаге «за» и «против». С собой было бы проще, если бы разрешили сесть в поезд.

Появился Шифферс. Я покраснел, потому что не ответил, не поставил свою подпись на его письме. Кажется, договорились они с шефом о работе. Шифферс делает пьесу по «Подростку».

— Ты будешь играть. Через недели две закончу. Я договорился с Театром Маяковского, но у них нет актера. Я хотел им предложить взять тебя на постановку.

— Будешь делать Мольера, коли душа не лежит.

— Что значит «лежит, не лежит», это моя профессия. Если уж говорить, у меня вообще к одному Достоевскому лежит.

— Я сейчас Толстым увлекся, нравится мне его философия.

— Толстой — плохой писатель. Это у тебя от детства.

Карякина исключили из партии за выступление в защиту Солженицына, за поддержку Шифферса (надо разузнать точно).

Славина приносит цветы и чай Любимову, каждый день бесцеремонно... при гостях входит в кабинет, молча кладет цветы на стол и уходит, делово, спокойно. Это надо запомнить. Смешная привычка, трогательная — каждый день класть на стол главного цветы...

Думаю: если мне придумать фамильный герб — что бы в него вошло, каким бы он мог стать, как выглядеть.

1 апреля

Последние два дня заняты делами Высоцкого.

31-го были у него дома, вернее, у отца его, вырабатывали план действий. Володя согласился принять амбулаторное лечение у проф. Рябоконея, лечение какое-то омерзительное, но эффективное. В Соловьевку он уже не ляжет. У меня свои дела.

Сегодня утром Володя принял первый сеанс лечения «Банкет № N». Венька еле живого отвез его домой, но вечером он уже брился, бодро шутил и вострил лыжи из дома. Поразительного здоровья человек. Всю кухню, весь сеанс, впечатления и пр. я просил записывать Веньку; Володя сказал, что запишет сам.

Но самое главное — не напрасны ли все эти мучения, разговоры-уговоры, возвращение в театр и пр. — нужно ли Высоцкому это теперь? Чувствовать себя почему-то виноватым, выносить все вопросы, терпеть фамильярности, выслушивать грубости, унижения — при том, что Галилей уже сыгран, а с другой стороны, появляется с каждым днем все больше отхожих занятий: песни, писание и постановка собственных пьес, сценариев, авторство, соавторство — и никакого ограничения в действиях, вольность и свободная жизнь. Не надо куда-то ходить обязательно строго и вовремя, расписываться и играть нелюбимые роли и выслушивать замечания шефа и т. д. и т. п., а доверия прежнего нет, любви нет, во взаимоотношениях трещина, замены произведены, молодые артисты подпирают. С другой стороны, кинематограф может погасить ролевой голод, да еще к тому же реклама.

Я убежден, что все эти вопросы и еще много других его мучают, да и нас тоже. Только я думаю, что без театра он погибнет, погрязнет в халтуре, в стяжательстве, разменяет талант на копейки и рассыплет их по закоулкам. Театр — это ограничитель, режим, это постоянная форма, это воздух и вода. Все промыслы возможны, если есть фундамент. Он вечен, прочен и необходим. Все остальное — преходяще. Экзюпери не бросил летать, как занялся литературой, совершенно чужим делом. А все, чем занимается Володя, это не так далеко от театра, смежные дела, которые в сто крат выигрывают от содружества с театром.

10 апреля

И вот первый адовый прогон. Для меня он прошел неудачно. Я сразу зажался, сбился с тона, от волнения забыл мотив частушки и т. д. Шеф, вместо того чтобы подбодрить, стал нервничать сам.

Я это и сам чувствовал, но победить себя не мог. Отчего так заволновался? Не пойму. Все оттого, что не Божьего суда жду, а людского... Зачем спешить на суд людской? Как много мне еще нужно трудиться над собой, переделывать себя, чтобы не бояться людей, служить им и не требовать от них ни благодарности, ни суда... Когда же я наконец обрету эту свободу, независимость своего духа?..

Штейнрайх⁵⁸. Поцеловал меня:

— Вы мне очень понравились, это по большому счету, без дураков. Я даже не хочу говорить о частностях. Получилось главное. Вы убедили, доказали, что вы имеете полное право быть три часа перед глазами. Тема Живого трепещет в спектакле, ваша тема, значит, все правильно. Я очень рад за вас, положить такой ролевой запас в сумку — это очень хорошо.

Зин. Дмитриевна⁵⁹: Умница, молодец, все получается, а я ведь очень боялась, все

⁵⁸ Лев Штейнрайх, актер Театра на Таганке.

⁵⁹ Секретарь Ю.П.Любимова и зав. отделом кадров Театра на Таганке.

время на сцене, не сходя, целую, целую...

Шеф: Давай, Валерий, давай, милый.

Я: Даю, но не получается, Ю.П.

Автор: Все получается, не прибедняйся.

Шеф: Даже автора расстрогал прогоном.

Я: То ли еще будет.

Шеф: Но я думаю, большего падения у тебя уже не будет. Давай, не подводи меня.

Пожарные хвалили, сапожники, портные, травести, пенсионерка растроганная целовала.

Заметил: подлинную свободу на сцене обрести очень сложно, т. е. ту свободу, когда легко дышится, брызжет из тебя. Часто бываешь и не зажат, свободен вроде, но свобода превращается в нахальство, аккумулируется в наглость, во фрондерство, в злость, в бесшабашность и т. д.

Опять потеря святости, доброты. Много думал эти дни о своей жизни, о профессии и вот до чего додумался. Другой жизни у меня нет и другой профессии тоже нет и не будет. Я артист, и на этом надо успокоиться и поставить точку. Плохой ли, хороший ли, но артист, и ничего другого делать не умею и никогда делать не буду... А если несчастье — ну что ж, чему быть, того не миновать, будем и относиться к нему как к несчастью, будем изворачиваться. В этом смысле мне понравилась мысль Наташи из редакции «Смены», когда Замошкин посоветовал мне писать с учетом времени:

— Нет, Валерий, я не согласна с Кир. Ник., писать надо без всякого учета, как пишется, как получается, а у вас получается прекрасно, так и пишите, кусок хлеба у вас есть, и поэтому печататься особенно не торопитесь.

«Не заботься о завтрашнем дне». — Евангелие.

И письменный стол я куплю себе только после премьеры, и писать буду в свободное от работы артистом время. И заниматься своим образованием буду сам, коль возникают в том желание и потребность. Образование ума не прибавляет, а самообразование — прибавляет; чья-то мысль, по-моему, очень правильная.

Третьего дня получил письма от т. Лены, от Тони. Хорошие. Вот, оказывается, почему молчит Междуреченск, из письма Тони:

«Тебе не пишут, потому что отцу вдруг не понравилось твое письмо, вернее, одна фраза: «...Напиши, Тоня, как они там живут». Или что-то в этом роде. «Вишь, мол, зазнался, мать ему плохо, не красиво пишет». Мама-то, конечно, хочет написать, да уж что отец сказал, то она ослушаться боится. Ну, я их постыдила. Володя говорит: «Я что буду писать, ошибки делать», — он все стесняется, а мама говорит: «Давно бы написал, живешь чужим умом».

Валера, пиши родителям письма попроще, без лирики».

Как говорится, комментарии излишни. Узнаю отца.

Вечер. Прискакал с двух концертов. Тридцатка в кармане.

Записки:

№ 1. Снимается ли где-нибудь еще артист В.Золотухин после удачного выступления в фильме «Пакет»?

№ 2, 3, 4. Почему молчит артист Буткеев?..

№ 5, 6, 7. Что с Высоцким? Правда ли, что Высоцкий уволен из театра? И т. д.

Нет, Высоцкий снова в театре, вчера мы играли «Послушайте» первым составом. Взят на договор с какими-то унижительными оговорками, условиями и т. д. Но иначе, в общем, и быть не могло.

Афоризм Буткеева: «Деньги — зло, слушай музыку, и ты будешь гармоничным человеком».

14 апреля

Обед. Сегодня снова утром почувствовал себя гением. Проснулся и чувствую — гений, гений, и всё. Я стараюсь разубедить себя, проснуться, сплю, не сплю, хожу — гений, и всё. Жена не поймет, в чем дело, — гением, говорю, снова себя чувствую, и не пил как будто вчера, а чувствую себя гением, и точка.

Вот что сделай, как с тобой случится это в следующий раз. Беги в ванную, раздевайся догола и становись под холодный душ. Все внимание уделяй на верхнюю часть, особенно на голову. Полчаса нужно стоять. Первые 15 минут вода будет кипеть, отскакивать, как плевков от утюга, не обращай внимания, так и положено, по себе знаю; вторые 15 мин. появится соблазн выскочить из-под струи: ни в коем случае, на миг отстраниться — все надо будет начинать сначала, снова 15 мин. вода в пар от головы будет превращаться. Потом быстро одеться и к шефу на репетицию, он закончит курс лечения. Особенно эффективен метод, когда шеф не в духе, а если в духе, постарайся как-нибудь испортить дух ему, и о том, что ты гений, ты забудешь в момент и долго не вспомнишь об этом потом.

Утренний «Галилей». Снова Высоцкий на арене. Зал наэлектризован. Прошел на ура. Алые тюльпаны. Трогательно.

Толстой, «Исповедь»: «...Вера есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет. Вера есть сила жизни. Если человек живет, то он во что-нибудь да верит. Если бы он не верил, что для чего-нибудь надо жить, то он бы не жил. Без веры нельзя жить».

Конечное к бесконечному...

Славина:

— У вас с Венькой появилось перед Володькой подобострашие... Вы как будто в чем извиняетесь, лебезите, заискиваете...

Есть несчастье и незнание, как относиться к нему, что делать, что будет дальше... тем более что для него самого нет этого несчастья, он не считает себя больным и в чем-то виноватым, во всяком случае в той степени, в которой считаем мы... И мы растеряны... Это как видишь язву на лбу другого и знаешь, чем она грозит, а сказать боишься и сознаешь беспомощность, коль скажешь, — потому что ничем помочь уже нельзя... Вот и мнешься, и теряешься.

20 апреля

Мой день вчера.

В 11 часов одеваюсь для репетиции, готовлю на сцене чучело Живого, проверяю реквизит, все делово, спокойно. В зале какой-то народ, человек 20, на меня это нимало не подействовало, как раньше, я радостно отметил это про себя, волнение было в пределах возможного, хотя сидели Карякин, Крымова, какие-то интеллигентные люди, солидные, в очках. Одного воробья я в суете не узнал, хоть и рассмотрел внимательно. Это Жан Вилар, и рядом Макс Лион.

Любимов (*берет микрофон*): Дорогие артисты, приготовились к репетиции, проверьте выхода, березы, и давайте начинать.

К нему подходит Дупак, что-то шепчет на ухо. Обменялись о чем-то шепотом. В зале лишь слышно, как лампы в софитах шипят.

Любимов (*громко*): Я не могу этого сделать, я буду репетировать.

Дупак (*громко*) . **Я** прошу этого не делать, либо я вынужден попросить сам выйти всех из зала.

Любимов: Я отвечаю за свои действия, это не прогон, это черновая репетиция, и право театра приглашать специалистов на рабочую репетицию.

Дупак: Это не рабочая репетиция, это показ, а показывать, я считаю, еще нечего, тем более посторонним людям.

Любимов: Здесь нет ни одного постороннего человека, это друзья театра, которые помогают нам в нашей работе вот уже четыре года.

Дупак: Я требую остановить репетицию.

Любимо в: Я не подчиняюсь вам. Покажите мне бумагу, запрещающую репетиции.

Дупак: Зачем эти детские разговоры, или мне что, выключить свет?

Любимов: Пожалуйста, идите выключайте! Вы оказались в одном стане с Улановским⁶⁰. Когда он растаскивал декорации «Павших и живых», вы не были с ним заодно, а теперь вы вон как заговорили.

Артисты давно высыпали на сцену. Я мелю какую-то чушь, что это моя работа, вы мне платите, я никому ничего не показываю, я просто работаю, репетирую.

Вякают что-то Зинка, Власова⁶¹.

У меня лезут глаза из орбит, кружится голова, бьет колотун (Гоша мне об этом сказал вечером). Я ничего не соображаю, понимаю только, что происходит что-то неслыханное, скандальное и всерьез.

Все больше шумит Любимов, краснеет и бледнеет Дупак, сзади шефа, за спиной маячит парторг Глаголин, заводятся артисты, поднимается всеобщий шухер.

Дупак: Давайте мы не будем все кричать. Время идет, и надо что-то решать. Я предлагаю подняться на десять минут наверх и обсудить создавшееся положение. Как вы считаете, Борис Алексеевич?

У Глаголина вид растерянного сатаны. Он наклоняется к уху шефа.

Глаголин: Я считаю, что надо подняться на пять минут, Юрий Петрович...

Любимов: Ну хорошо. Гости дорогие, извините, что так получилось. Мы вас просим подождать 10 минут спокойно в зале, а мы выйдем и договоримся. Пойдемте, может быть, из коллектива кто хочет присутствовать? Местком... комсомольская организация?..

В кабинете. Откровенный скандал.

Любимов: Что вы крутите, говорите прямо, что вам приказали подыскать нового гл. режиссера... Но пока у вас нет бумаги о моем снятии, я подчиняюсь не вам, а Управлению культуры.

Дупак: Звоните в Управление, это их распоряжение о запрещении прогона «Живого», тем более в присутствии Жана Вилара.

Любимов: Никуда я звонить не буду, надо — пусть сами звонят. Я себе не представляю, как можно сейчас Жана Вилара, пожилого человека, друга Советского Союза, замечательного режиссера, вывести из зала?

Дупак: Я хочу во что бы то ни стало спасти театр и сохранить вас для театра, для меня и для всех нас это важнее, чем присутствие Вилара.

Любимов: Я знаю, как вы хотите меня сохранить, не надо закручивать мне баки, вы изменили театру уже два года назад.

Дупак: Не говорите глупостей! Борис Ал., что вы думаете?

Глаголин: При сложившейся ситуации... Лучше бы для нас всех и в первую очередь для театра...

Любимов: Ясно... При сложившейся ситуации я не вижу возможности попросить людей из зала. Вы подумайте о чести, о нашей чести, о чести всего государства, это же материал для буржуазной печати — «Вилара вывели в Советском Союзе из зрительного зала товарищи!» Нет, не могу с этим согласиться, я член партии, и я начинаю репетицию. Товарищи, идемте начинать, неудобно, люди ждут уже 15 минут.

Дупак: Я снимаю с себя всякую ответственность.

А люди действительно ждали... никто не покинул зал. Стояла та же гробовая тишина.

Вилар сидел все так же прямо и с предчувствием радости.

Любимов:

⁶⁰ Заместитель директора Театра на Таганке.

⁶¹ Галина Николаевна Власова, актриса и завтруппой Театра на Таганке.

— Гости дорогие, извините, что мы вас заставили ждать, сейчас мы начнем... Артисты дорогие, я понимаю ваше состояние, но тем не менее прошу вас набраться мужества и провести репетицию спокойно и собранно. Приготовились... Лида, ты готова... Начали...

Я чуть не разревелся, когда сказал:

— Борис Можаяев... Из жизни Федора Кузькина — Живой.

И спектакль пошел... ровно и в хорошем темпе. Где-то в «сомах» шеф прокомментировал в микрофон — «Молодец, Валерий». То же самое он сказал в антракте. Вилар приходил на полчаса, присидел все действие и в перерыве смылся.

После прогона в буфете состоялось небольшое обсуждение: выступали Вознесенский, Карякин, Крымова, Кондратович и Виноградов из «Нового мира»... Говорили много хорошего, критиковали почти все финал. Крымова вообще сказала отсечь всю часть после суда, кто-то сказал: «Кузькин гениально смеется». Все посмотрели в сторону буфета, где за ширмой сидел д. Вася, у которого я взял напрокат смех... Говорили, что мало любви с Зинкой.

Карякин: Классический образ получается, поздравляю... Здорово с медалями сыграл...

Любимов: Молодец, Валерий, я на тебя тогда взбеленился, но важно, чтобы ты сам понял, что ты правильный нашел ход. Продолжай набирать, не теряй, на весь спектакль бери дыхание и беги... Ты бежишь здесь на 10 000 метров, поэтому не сбивайся на мелочи, вези спектакль.

Весь день закончился в толках о скандале и спектакле.

Вечером — «Добрый», еле ноги доволол до дома.

Мой день сегодня.

Вчера и сегодня для меня, может быть, важные дни в рождении моего Фомича. И поэтому я подробно записываю, кто что сказал. Я борюсь со своей слабостью — привязанностью к людскому суждению — и чувствую — иногда совсем освобождаюсь от зависимости людского суда, это помогает в работе, в беге, но потом, когда закрылся занавес, хочется понять — нужно ли то, что ты делаешь, людям, в конечном счете для них наш труд, поэтому и тянешься к говорящему, и ждешь доброго слова, и огорчаешься, не дождавшись.

Сегодня прогон шел грязнее, с накладками и текстовыми, и особенно техническими. Были «друзья театра»: Логинов, Толстых, Марьямов, Эрдман с женой, критикесса из Управления и сама мадам Целиковская. Это ответственный момент. Почему я боюсь жену и тещу главного больше, чем его самого? Она смеялась. Но не на меня... А жаль... Хотя не очень. Очевидно, это слабость моя — нравиться женам великих людей.

Жена Эрдымана: Кузькин чудо. — И своей соседке: — Ведь правда, очень хорошо? — И соседка, кажется, согласилась.

Лена Толченова (жена Васильева⁶²): Валерка, я тебя поздравляю, ты мне доставил вчера такое удовольствие, я впервые тебе это говорю. Один из всего этого... прям до слез. Молодчина, прекрасная работа.

Критикесса: Удивительно точное попадание исполнителей первых ролей... Золотухин — о, это большая удача и театра, и его самого... талантливая работа... А те, кто ему противостоит, марионеточность исполнения, талантливо, но не живые люди. Райком — это не живые люди — марионетки...

Любимо в: Я с этим буду спорить... а Смирнов, а Колокольников?? Разве это не живые люди?

Критикесса: Эти двое — да... но мое дело заметить... а ваше — прислушаться, я не вижу тут повода для полемики.

Толстых: Меня смущает музыкальное однообразие, громоздкость стульев, и, по-моему, это неудачная находка... И вот Золотухин. Он работает здорово... Изобретательно и по внешним ходам, и по внутренним, и он набирает весь спектакль силу, потом суд — и дальше

⁶² Анатолий Васильев, театральный режиссер.

провал... характер не вырастает к финалу, а мельчает... Скорее всего это драматургический просчет. Вся финальная часть топчется на месте... ничего не происходит.

Эрдман: По-моему, очень интересный спектакль... Какие-то мелкие доделки еще нужно будет сделать, убрать две-три частушки, они надоедают и действуют по инерции на ощущение от всего...

Меня он поздравил лично. Рядом стоял Смирнов, я думал — протянет он ему руку или нет? Нет, не протянул. А мне сказал: «Очень интересная, настоящая работа... Мелкие недоделки... но это, когда разыграешься, подпустишь, а в целом очень, очень хорошо...»

Венька: «Суд» и «счастье», Валюха, гениально. Я смотрел только конец.

Высоцкий: Твоя работа меня устраивает на сто, ну, на 99 %. Валера, это грандиозно, то, что ты делаешь, ты иногда делаешь такие вещи, что сам не замечаешь... Очень хорошие места с плотами, «суд», «счастье», «пахота». Вообще это твоя удача и Петровича.

Володя говорил много и так хорошо и трогательно, что я чуть не разревелся.

Прилетел Зайчик из Душанбе. Привез себя, денег, гранатов, винограду, редиски... Загоревший и счастливый.

22 апреля

Два дня — сегодня и завтра — не будет репетиций «Живого». Потеря темпа или нужная передышка? Это необходимо уяснить для себя. Очень важно считать, что это — «перевести дух», и можно двигаться дальше.

24 апреля

Два дня битвы за сохранение Любимова, за сохранение театра. Все встали грудью как один, как сплошная стена.

Наступило тяжелое для театра, для всех нас время, и вот оно-то и определит наши индивидуальные человеческие и гражданские позиции, проверка на вшивость пришла.

У меня нет желания эти дни описывать подробно, по часам, хотя, может быть, это-то и будет самым интересным для потомков, коль они начнут разыскивать нас. Запишу, что придет, застучит в память. Сразу такое событие, да оно еще и назревает к тому же, не охватишь глазом, не оценишь чувством, не сообразишь по ходу.

Первый день — 22 апреля — день слухов, исходит из гл. квартиры, в основном от жены — жена не станет врать, — слухи подтверждаются еще кем-то посторонним, поднимается шумер, народ хочет найти козла — директор и заместитель — собирается коме, открытое собрание, я секретарствую, Венька председательствует, выносятся решёние.

Поносят Дупака, Улановского, приходит Дупак:

— В чем дело? Почему не пригласили меня? Я пока директор, член партбюро...

— Здесь критикуется ваша работа...

— Я бы вам объяснил, вы пользуетесь какими-то слухами...

Венька предлагает подвести черту. Дупак просит слова. Голосуем. Слова не дают. Он начинает кипятиться. Уговорил, дали слово... Просит ознакомить с протоколом. Объясняем на словах; видно, как его страшно интересуется, кто именно и что в подробностях говорил. Уже потом:

— Дайте мне протокол, я — коммунист, я имею право контролировать действия коме, организации.

Протокол не у меня. Он у Киселева. Киселев посылает его к Губенко, Губенко говорит, что потерял ключи...

— Какие ключи?

— От места, где лежит протокол.

Решёние отпечатываем на машинке. Передаем его в партбюро. Дупак звонит Шабанову⁶³ (читает по тел. нашу бумагу). В три часа они уезжают в райком.

⁶³ Петр Ильич Шабанов, в то время первый секретарь Пролетарского райкома КПСС. Театр на Таганке находился в то время в ведении этого района.

Первые слова Шабанова, как появились наши деятели:

— Что там у вас, Славина руководит театром? Вы даже не знаете, что у вас происходит собрание.

Почти никто не уходит из театра. Митингуем, готовы на все: положить заявление об уходе, массовый уход, забастовка.

— Без права поступления в театры Москвы и Ленинграда. — Готовимся в таксисты.

Вечер. «Десять дней». Антракт. Труппа собралась в большой гримерной. Приходят Дупак, Глаголин, Голдаев — члены бюро. Труппа требует ясной информации о положении дел, о судьбе гл. режиссера. Я пишу.

Глаголин: Сегодня было коме, собрание, которое приняло резолюцию, в которой просило партбюро разъяснить положение дел и прекратить распространение зловердных слухов о снятии Любимова.

1. Репетиции сп. «Живой» прекращены с ведома Ю.П. Сначала хотели вывесить приказ, но Ю.П. попросил этого не делать, написал докладную записку, где заверил партбюро, что они с автором будут дорабатывать литературный материал, чтобы усилить, уточнить его идейную направленность.

2. Насколько мне показалось, некоторые товарищи сомневаются в деятельности бюро. Напомню, что все спектакли обсуждались и принимались бюро, и бюро вперед всех отвечает за все события. Я хочу сказать, никаких расхождений с Ю.П. нет, бюро поддерживало и будет поддерживать парт, линию гл. режиссера.

3. Сегодня я и Дупак были у Шабанова. Т. Шабанов сказал: «Приказа о снятии нет, и вопрос так не стоит».

4. В трудное для театра время защита театра состоит не в анархии, а в выдержке и организованности, в разумности поведения, поэтому я думаю, что все наши действия есть одного плана — в защиту Ю.П.

Я призываю всех к выдержке и разумному поведению. Сегодня Родионов подтвердил еще раз: приказа нет. Завтра будем разговаривать с Шапошниковой⁶⁴.

Галдаев⁶⁵: Мы приняли решёние. Расхождений с гл. режиссером у п. бюро не было. Завтра бюро соберется еще раз, с учетом завтрашнего совещания. Нужно единство в позиции всего коллектива, и у нас, у бюро партийной организации, с позицией коме, собрания расхождений нет.

Сабинин⁶⁶: Приказа нет, всё в порядке. А что есть? Что значит «трудное для театра время»?

Губенко: Мы благодарим парторга и директора за сообщение коллективу о положении дел.

После спектакля:

— Ю.П. будет на совещании, хочет выступить, просил вас подготовиться, тоже выйти и спокойно по бумаге прочитать. Вести себя сдержанно и достойно.

До двух часов ночи я готовил речь. Утром переложение на машинку в двух экземплярах, с выражением прочитал жене и теще, одобрили.

Шеф ходил перед Ленкомом взад-вперед, как разминался на ринге, похож был на какого-то зверя, может быть льва, который, не обращая внимания на зрителей, сосредоточенно вдоль решётки — туда-сюда. Подъезжали, подходили артисты, здоровались друг с другом и почему-то по одному подходили к шефу, как за указанием перед

⁶⁴ А.П.Шапошникова, секретарь МГК КПСС, занимавшаяся вопросами идеологии.

⁶⁵ 2 Борис Галдаев, актер Театра на Таганке, член партбюро театра.

⁶⁶ Александр Сабинин, актер Театра на Таганке.

смертельной операцией, как будто шеф говорил каждому свое, другое... Всем же он говорил одно:

— Спокойствие и выдержка. Поддержите, если не будут давать слова.

Докладывал балбес Сопетов, первый заместитель начальника Управления.

— 61 спектакль, по количеству хорошо, по идее не так хорошо и правильно.

— Еще Энгельс так мечтал о драматургии.

— Почему такая страсть показывать теневые стороны, унылые, грустные. А где же произведения, зовущие вдаль, к светлому коммунизму, вселяющие уверенность, а не сомнения и растерянность, грусть у камина...

— Театр Ленинского комсомола вернулся к молодежной теме и занимает достойное место среди молодежных театров.

— Наметилось повторение опасных ошибок в Театре на М. Бронной, которые имели место в Театре Лен. комсомола.

— Повысить и укрепить роль директора театра как партийного руководителя, — призвал нас исполком Моссовета.

— Советский труженик получил теперь больше времени для культурного отдыха, и мы должны его этим отдыхом обеспечить.

— Будьте покойны, они этот график с ком. пунктуальностью выполнят.

Сопетов косноязычил в микрофоны час, а Ленин с задника кричал на трибуну.

Прения... Верх идиотизма, глупости, серости... Все заранее подготовлено, известно, кто и о чем будет говорить... На трибуну выходят люди, которые ни о чем серьезном, интересном не могут сказать, — профсоюзные деятели — Розов, Баркан, Некрасов.

Розов: Тем, кто вышел сейчас из зала, советская власть ничего не дала.

Баркан: Почему никто здесь не говорит о наболевших вопросах... Цыгане — неорганизованный народ, спектакль про войну, как цыгане... Это очень серьезные вещи, почему никто не говорит об этом... Я скажу... Даем прибыль и не можем ее использовать. Я не могу сформировать труппу как нужно... устарели формы театра, произведений. Я кончаю, я кончаю...

(На следующий день он вступил в партию.)

Некрасов: Давайте встретимся с драматургами. Нет хороших пьес, в чем дело...

20 мин. упрашивал организовать встречу с драматургами — паразит, идиот, прости, Господи.

Верченко⁶⁷ сказал об идейной бесперспективности Театра на Таганке.

Любимов: Кому приготовиться следующему?

Родионов: После выступления т. Верченко я все скажу... На этом разрешите собрание считать закрытым, подвести черту и зачитать резолюцию.

Любимо в: Я прошу слова.

Родионов: Все, Ю.П., совещание закончило свою работу... и у меня нет ни одной записки... нет, есть одна анонимная.

Любимов: Анонимных записок не читаем.

Родионов: Тут с одной Таганки записалось 6 человек, вы, что же, хотите, чтоб всем дали слово?

Поднимается шухер. Выкрики.

Сабинин: Разве вы не видите, какая пропасть лежит между вами и залом? И вы нам оттуда несете глупость...

Золотухин: Коммунисту не дают слова.

Выскакивает Губенко: Товарищи, я хочу зачитать резолюцию коме, собрания.

Родионов: Тов. Губенко, я прошу вас не делать этого.

⁶⁷ Ю.Н.Верченко, в ту пору зав. отделом культуры Московского городского комитета партии, позже оргсекретарь правления Союза писателей СССР.

Губенко начинает читать. Его перебивает в микрофон Родионов, зал орет.

Глебов⁶⁸: Губенко, сядьте!

Дупак сидит с ними, деятелями Театра Станиславского, их парторг брызжет пеной, вскакивает с места, беснуется... Куролесина⁶⁹ начинает читать резолюцию... «Указать Т-ру на Таганке на идейные недостатки спектаклей “Послушайте” и “Павшие”».

Ее перебивают...

Васильев: Вы нарушаете нормы ком. партии — нормы демократического централизма. Вы выслушали только одну сторону, почему вы не дали ответить ком. Любимову и выносите резолюцию...

— Вывести их из зала...

— Думаю, что не будем прибегать к таким мерам. — Куролесина сбивается, заплетается, но дочитывает резолюцию.

Родионов: Дополнения к резолюции будут?

Стоит Любимов с протянутой вверх рукой. Пауза. Зал замер. Как быть теперь?

Родионов: Я еще раз спрашиваю: по резолюции совещания — дополнения, изменения будут?

Любимов (*стоит с протянутой рукой*) -. У меня замечание по резолюции.

Родионов: Слово по резолюции имеет Любимов.

Ю.П. отправляется к президиуму.

— Ю.П., вы можете с места.

— Нет, уж позвольте мне воспользоваться трибуной.

Выходит на сцену, кланяется каждому из президиума, ему никто не отвечает. Становится за трибуну, не торопится, вытаскивает из грудного кармана несколько листков, отпечатанных на машинке.

— Я не задержу вас, товарищи, здесь ораторы превышали регламент, я уложусь в отпущенные 10 мин.

Надевает очки.

Родионов: Ю.П., я еще раз вас прошу говорить замечания по резолюции.

Любимов (*указывая на талмуд речи в руках*): Здесь всё есть. Не откажите мне в стакане воды. — Ему наливают воды. Он медленно делает несколько глотков. Зал замер. Все чувствуют, что происходит что-то невиданное, ловкое и прекрасное, и восторг заполняет наши таганские сердца. Шеф начинает говорить. Говорит по бумажке, говорит тихо, красиво, не торопясь. Спектакль; он давно не играл и теперь делал свои смертельные трюки элегантно и внешне невозмутимо: — Дорогие товарищи!!! — и попер...

Зал вымер. Не только муху, дыхание собственное казалось громким. Ленин и Горький — только их высказываниями аргументировал шеф свои мысли. Приводил цитаты из рецензий, опубликованных в свое время в центральных органах партийной печати: «Правда», «Известия», «Ленинградская правда», высказывания, впечатления от спектаклей театра рук. ком. партий соц. стран. Вальтер Ульбрихт, Луиджи Лонго и пр. Речь была продумана в деталях, и шеф потрудился над ней изрядно. Это была речь эпохальная, речь мудрого политика, талантливого полководца, войско которого только что бузило в зале.

Я не узнал прежнего колкого, ехидного, осмеивающего, парадоксального, бьющего на эффект человека. Это стоял постаревший, помудревший, необыкновенно дальновидный, спокойный и уважительный деятель сов. театра, подтверждающий своим поведением и речью то огромное уважение, преклонение и культ, которыми он пользуется на Западе и у прогрессивных людей нашего государства!

27 апреля

⁶⁸ Петр Глебов, в то время актер Театра им. К.С.Станиславского.

⁶⁹ Чиновница из Министерства культуры

Почему мне не хочется, но я заставляю себя описывать все это тщательно, документально? Когда-нибудь это станет достоянием истории, это уже стало, но когда-нибудь об этом можно будет рассказать всем, открыто и подробно, о тяжелых годах нашей жизни в искусстве... Все происходит от страха... от страха повторения Чехословакии, от страха культурной революции по их подобию, от страха потерять теплые места, от страха просто вдруг, как бы чего не вышло... Цензура не дает возможности ничего делать стоящее, только розовое и зовущее вдаль. И обсирается кругом. Свобода печати, свобода слова — стыдно за слова.

Когда мы начали нервничать и бузить, когда зазвенели в воздухе сабли истории, у меня промелькнуло — «хорошо, я хоть квартиру успел получить, а вот они, мои друзья, кричат, ничего не имея, а теперь и вовсе им запомнится».

Всякие мысли успевают проскочить перед ОТК мозга и отметиться фотоэлементом памяти. Память, память...

На первую нашу реакцию Родионов отпарировал:

— Хорошо срепетированная реплика.

Он боялся нас с самого начала совещания, и не раз потели у него яйца, наверное, когда он поворачивал болван головы своей в нашу сторону. Уверился он в сговоре и организованности нашей ему обструкции, как только после доклада Сапетова, на просьбу зала о перерыве, он сказал опрометчиво: «Мы работаем только один час, кто очень устал, может выйти и покурить». Мы действительно, как по команде, встали и вышли из зала, на что тенор Розов сострил: «Тем, кто выходит сейчас из зала, советская власть ничего не дала». При чем тут советская власть, хапуга несчастный, поет «Моржей», построил кооператив роскошный, и парторг уже. Наши сердца таганские стучали в одном ритме, на языке вертелись у всех нас одни и те же слова, жили и чувствовали одно все, думали только за театр — потому и там, и дальше всем будет казаться, что мы в тесном заговоре, в продуманном действии и кто-то невидимо нами руководит. Идиоты! Не могут понять истины: когда люди стоят за одно, их не надо подстегивать, указывать, они интуитивно, как звери в беде, чувствуют, как себя вести, куда двигаться.

[Запись на полях.] Любимов: «Вы, Борис Евгеньевич, нарушили нормы демократического централизма, и я постараюсь довести до сведения вышестоящих товарищей, чтобы они разобрались, кто виноват в сегодняшнем скандале».

Любимов кончил. Зал устраивает овацию, народ ревет от восторга, скандируют...

Победа, моральный перевес за нами. Но последнее слово должна сказать партия. Не ставя вопроса на голосование, Родионов дает слово секретарю горкома Шапошниковой. Она волнуется так, что кажется, будто плачет. Даже жалко ее стало. «Товарищи! Я не готовилась выступать, но я не могу не ответить тов. Любимову. Тов. Любимов хорошо подготовился, видимо, долго готовился. Он умеет красиво говорить, он известный оратор». (Сбивается, мелет чушь, топчет языком на месте, мысли тощие, еле поспевают за языком, опаздывают, но приходят вовремя.)

В черном ЗИМе у кагэбэшников, где все собрание записывается на пленку, сидят два наших артиста, не попавших в зал, Насонов и Джабраилов: «Пожалейте нас, пустите послушать!» «А вы нас пожалейте», — отвечают те. Как загудел зал и послышались выкрики — ну, началось, — а до того скучно спали. Тут встрепенулись на Шапошникову: «Что она говорит, что она говорит?!»

— Тов. Любимов, зачем вы пользуетесь так ловко ленинскими цитатами?

— Вы привели с собой кучу каких-то людей, организовали хулиганские выходы...

28 апреля

— ...Передернул факты, и поэтому я говорю, чтобы восторжествовала истина.

— Зачем вы копаетесь в прошлом, вы нам покажите сегодняшние недостатки. Критику надо воспринимать чистыми партийными глазами, — выкрикнула она громко и уверенно, подхлестнув себя и зал.

Vs зала аплодирует ей. Вообще я не первый раз на сборище театральных деятелей, но такого прямого разделения зала не в нашу пользу я не видел. Мы, то есть «Таганка» и ей сочувствующие, были активнее, громче и дружнее, поэтому, может быть, нас на слух казалось больше, на самом деле — нет. Вот где подготовка. Они раздали билеты консервативным, каким-то неизвестным людям. Очень мало было уважаемых, передовых в нашем смысле людей театра, они всё предусмотрели, они созвали своих людей. Многие и из этих людей, как я выяснил потом, были сердцем и умом с нами, но по разным причинам вынуждены были выступать против. Много было и прямой ненависти: Менглет, Глебов, Свердлин, Карпова — «Фашисты, фашисты, дай вам винтовки, вы будете стрелять».

— За свой театр да, зажрались вы, матушка.

Совещание окончено. Ефремов предлагает продлить, но где там, все расходятся, и его никто не слушает. Прошел слух, что Любимова могут исключить из партии. Партийное бюро едет в театр разбирать произошедшее, мы за ним.

Подслушиваем стаканом через стенку, что там происходит, деятель райкома возмущен поведением нашим и Любимова. Сажусь и тут же пишу заявление:

«В партийную организацию Театра на Таганке

Заявление

Мы, комсомольцы и артисты Театра на Таганке, считаем выступление гл. режиссера театра Любимова на совещании актива московских театров глубоко партийным и своевременным, а наше поведение вполне допустимым и оправданным.

Золотухин, Соболев, Лукьянова, Сабинин и т. д.».

И тут же его передали им. Пауза. — Взрыв. Вечером — закрытое партийное собрание — линия и выступление Любимова поддержаны парт, организацией, поведение артистов получило резкое осуждение. Петрович перед этим после совещания был у Шапошниковой:

— Работайте спокойно, никто вас снимать не собирается.

Театр не расходился до 12 часов ночи. Празднование 4-летия отменено во избежание мордобоя и безобразий.

30 апреля

Райкомовские работники тащили икру красную, дефицитные продукты, консервы, это комсомольские деятели, а что тащат партийные, можно только догадываться... Полные авоськи, на работу с мешками ходят... Нельзя все безобразия отдельных товарищей переносить на всю власть, но Ленин пил морковный чай, он не хотел один пользоваться достатком, отдавал детям голодающим, а эти паразиты себе тащат, да еще суетятся, чтобы посторонние не заметили, как они банки делят и в сумки напихивают.

Директор (секретарше):

— Марина, почему вы мне ничего не рассказываете, вы же общаетесь с артистами, знаете, о чем они говорят.

— Я считаю, Н.Л., что вы неправильно себя вели в этой ситуации.

— Они меня хотят съесть, передайте им, что я несъедобный.

Любимов:

— Во-первых, он занимается плагиатом, до него это сказал Товстоногов. Во-вторых, передайте ему, что такую падаль, как он, никто жрать не станет.

Директор переводит секретаршу в гардеробщицы.

Вот как примерно выглядели события последней недели. Я не думаю, что мы чего-то не так сделали. Нет. Все было оправданно и допустимо, а главное, если постараться вникнуть и понять, мы на 100 % правы. А если что — так ведь даже убийце находят смягчающие обстоятельства.

«Живой» не репетируется.

Шеф:

— Не обижайся, Валерий, видишь, время такое, надо отступить, но ты не засыпай, держи роль под парами, ситуация может измениться в любое время.

Сегодня последний день апреля, и я в принципе допишу эту «Книгу весны». Видишь, я не справил в ней праздник «Живого». Иногда чуть не плачу. Но, как говорится, лучше сохранить голову, чем волоса. За эту неделю мы сильно постарели, и если, Бог даст, все будет хорошо, можно только благодарить судьбу за это испытание, которое сплотило и ошетило нас за свой дом и проверило на вшивость. Мы научаемся ходить, мы стали политиками, нас на слове уже не поймаешь.

Любимов:

— Артисты — народ эмоциональный: излили свои эмоции и успокоились. Надо учиться конкретно действовать и на сцене, и в жизни. Дупак распустил своих людей: Улановский тес со склада увез к себе на дачу, Солдатов вообще проворовался, сам директор — аморальный тип, жил с буфетчицей, обманывал дочь легендарного народного героя.

«Но ведь и монахи — люди, Согредо», — говорит Галилей, так и директор — тоже человек. Бога не надо забывать. Жена новая трудно рожала; повезли ее на кесарево сечение, а как узнала, что с ним плохо (его увезла неотложка домой, машина его третий день стоит у театра, еще нахулиганит кто-нибудь), так у нее начались схватки, и родилась дочь, слава тебе, Господи. Да если, с другой стороны, разобраться, не так уж он виноват окажется. У него такой характер, такая тактика осторожная, подпольная. Говорят, стучал, но ведь что понимать под этим, а потом, мало ли что говорят. Говорят, и Любимов — стукач, на кого только, на самого себя? Любимов ненавидит Дупака, за что — не пойму. Шеф — человек крайних убеждений, резких. За свой позор на райкоме он платит той же мерой. Но он не играет в поддавки, он не принимает их игры, он навязывает свою, поэтому можно обвинить его во всех смертных грехах: и в зазнайстве (вообще идиотское слово; когда оно появилось в лексиконе? По-моему, с пресловутой теорией винтиков усатого императора: кто не хотел быть винтиком, того награждали этим званием и отправляли в не столь отдаленные места. Разве можно было раньше сказать, что Пушкин зазнался... или Шаляпин. В то время поощрялось стремление человека выделиться, прославиться, возвыситься — разумеется, благородным делом, благородными порывами), и в ослушании распоряжений райкома, и в тенденциозном выборе репертуара, — но только не в отсутствии точной полит. программы, в отсутствии принципиальности, партийности и пр. Любимов прославил театральное дело нашей страны, за свое существование четырехлетнее Театр на Таганке стал любимым приютом интеллигенции и думающей молодежи.

На Западе — культ Любимова, не у нас, не на Таганке, в чем нас обвиняют коме, деятели, тем самым пытаясь внести раскол, посеять бурю, и не в России, а на Западе; как всегда, Европа оценивала наших гигантов значительно раньше и сильнее, чем мы сами...

Любимов может ошибаться и наверняка много раз это делал, но он не сворачивал никогда в сторону, он не перестраивается на ходу, чего от него требуют политики. Он ведет свою команду по тому компасу, который выбрал вначале, который подсказали ему его воля, ум, сердце и огромное количество умных по-настоящему людей, не суевившихся никогда перед властями, а руководствовавшихся общечеловеческими истинами в своей жизни и творчестве. И не зря Эрдмана называют отцом эстетической и этической платформы Театра на Таганке. И смешно, если не печально, услышать про Любимова, что он зазнался. Чушь, и больше ничего...

2 мая

Холодно. Дождь. Ветер.

Вчера после спектакля «Три мушкетера» отправились к Веньке. Грустно. Некоммуникабельность. Люся очень изменилась, нервная, подозрительная. Сплетни о Высоцком: «Застрелился, последний раз спел все свои песни, вышел из КГБ и застрелился».

Звонок: — Вы еще живы. А я слышала, вы повесились. — Нет, я вскрыл себе вены. — Какой у вас красивый голос, спойте что-нибудь, пожалуйста.

Карижский⁷⁰:

⁷⁰ Чиновник из Московского городского комитета КПСС.

— Вы создали оппозиционный театр и воспитали в этом духе коллектив, оппозиция никогда ни к чему хорошему оппозиционеров не приводила. [На полях: театр политической демагогии.] Вы всем своим искусством декларируете обособленность искусства от руководства партии, дескать, не лезьте к нам со своим диктатом... Нигилизм, отрицание направляющей роли партии...

Карижский здорово подготовился к райкому, он умный мужик, и это-то страшно. Чтобы возражать ему — надо было сосредоточиться и тщательно продумать все ходы. А когда со всех сторон кусают — мысли разбегаются... Петрович взялся за голову и полчаса молчал.

14 мая

Какая прелесть наши Вешняки, все расцвело кругом, пахнет тополем и липовым цветом, а может быть, вишневым и грушевым вперемешку с яблоневым. После дождя особенно заметны преимущества хуторского житья. Все, что может расцвести, зазеленеть и вылезти из земли, все образовалось.

«Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка», — это уже Лермонтов, но что поделаешь, когда лучше и точнее сказать не придумаешь.

17 мая

Обед. Репетиция по вводу новых Маяковских. Хмель летит в Италию, а Высота поднебесная может сорваться. Хочу вечером посмотреть опальные «Три сестры» — спектакль сняли, и идет последние два раза. Сняли и «Доходное место» — сегодня он идет самый последний раз. Что делается, Господи.

Говорят, Яншин сказал на труппе:

— У меня много недостатков, как у всякого человека, но в одном меня нельзя упрекнуть — я никогда не грубил женщинам. Сегодня я это сделаю в первый раз и говорю вам, Ангелина В., вы сука и пр.

Фурцева⁷¹ явилась с кодлой мхатовских стариков — Тарасова, Грибов, Кедров... Грибов исходил злостью, Тарасова мычала что-то невразумительное и больше о себе, как она волнуется, играя 40 лет Островского, и всегда плачет. Кедров подвел оргвывод:

— В такой интерпретации спектакль идти не может.

Их больше устраивает интерпретация полупустого зала; бедный Станиславский — переворачивается в гробу от действий своих так называемых последователей.

Я стал ужасно скучать по Зайчику, нет его — и мне не по себе, раньше не было так, старею, что ли?..

Хоть бы скорее выйти из комсомольского возраста, чтоб не цеплялись шавки, по нынешним временам о «Живом» не может быть и речи, ноги бы унести.

А как охота играть, сволочи, знали бы!

Я увлекся «Подростком», месяц не читал, вышел из круга Кузькина, и — пожалуйста — где начинается у него поиск Бога — это и мне интересно, и вообще, по-общечеловечески, так сразу и хорошо, и полезно, и он это гениально умеет делать, это в «Братьях» лучше всего. Ох, сильно, ох, блеск!!!

Жизнь остановилась в принципе, еще более-менее спасает ПИСАНИНА- а так бы совсем тухло, и ненужность твоя в этом мире очень чувствуется.

Ну что такое! Я столько написал писем по разным адресам, и никто не отвечает — и хуже всего, что молчат родители... Ну что я сделал, Господи, ну почему надо до такой степени обижаться и капризничать!!! Грустно, и больно, и ужасно одиноко. Господи, помоги мне любить всех и быть веселым.

18 мая

⁷¹ Фурцева, Катя, Мадам — в то время министр культуры СССР.

Вчера был на «Трех сестрах». Я ничего не понимаю в таком искусстве. Наверняка талантливо, но ни о чем. Какой-то маленький междусобойчик, показуха, демонстрация, играние чувств, как в плохом МХАТе. Сестры обсопливились, обрелись до тошноты, актеры, кроме двух-трех, работают плохо, неизобретательно: то шепчут, то кричат, то вдруг начнут декламировать.

При нормальном состоянии дел — через полгода он не имел бы зрителей. Спектаклю повезло, что идиоты, ортодоксы стали защищать Чехова, ругать Эфроса и тем самым создали успех спектаклю. Я не понимаю этого бесполого театра.

21 мая

Дочитал «Подростка», ужасно хорошо, просто гениально. Нужно вчитаться, вдуматься, увлечься кругом идей, смыслом — для чего и не оглядываться на хитрость и ловкость интриги, вроде бы пустяшной, и... «ну что мне за дело до их пороков и дел», а потом оказывается — вовсе не в том дело, в чем дело, а оно совсем в другом. Нет, очень хорошо, пусть нагорожено, запутано, заинтриговано, головоломка вроде бы и «откуда всё!» — но гораздо чище многих нравственных, моральных книг и с огромной мыслью — всеобщей тоской, болью за всех и все.

Надо читать Достоевского и пытаться что-нибудь сыграть из него...

26 мая

Высоцкий был в Ленинграде, видел перезапись «Интервенции», или теперь «Величие и крах дома Ксидиас», по «моей» фамилии, расстроился, чуть не плачет:

— Нету меня, нету меня в картине, Валера, и в «Двух братьях» нет меня — всё вырезали, нету Высоцкого...

— А фильм-то получился.

— Конечно, получился.

— А что говорит Полока?

— Говорит, что всё в порядке.

30 мая

...В ВТО с Евтушенкой пришел шеф, я подсел к ним, может быть, зря, но, кажется, вел себя достойно. Евтушенко обалдело удивился, когда узнал, что это я играю Кузькина. Потом стал говорить, что «без меня вам, Ю.П., не сделать спектакль о Пушкине. В его биографии много поводов, причин и разных штук, чтобы сбиться в сторону, а я знаю главное, без меня вы не сделаете Пушкина, хотите пари...». Петрович тянул вино и курил.

Высоцкий снова в больнице. Отменен «Галилей». А Рамзее⁷² улетел в Душанбе, я нанял его следить, но очень осторожно, за Зайчиком, могут кастрировать премию ему. Я увлекся Дудинцевым, по крайней мере, написано страстно, даже зло, и есть хорошие страницы по литературе.

1 июня

Вот и лето. Июнь начался. Месяц моего рождения.

Сегодня выступают в «Послушайте» новые Маяковские — Шаповалов, Вилькин⁷³, — вместо Высоцкого, который в алкогольной палате, и Хмельницкого — улетел в Италию на съемки. Вчера шеф гениально показывал, как надо работать в «Послушайте». Если бы он так работал с нами, мы бы играли во много раз лучше и не ковырялись бы со спектаклем год. Венька: «Может быть, он так и показывал, нам трудно судить».

Нет, он уверен — артисты нащупали, он закрепил. Он показывает уже готовое, в чем он абсолютно уверен, спектакль год идет, отлежалось, отсеялось... И сам шеф за эти два года вырос, пережил много: «Пугачев», «Живой»... это все этапы, рубцы на теле гладиатора...

⁷² Расми Джабраилов, актер Театра на Таганке.

⁷³ Александр Вилькин, актер Театра на Таганке.

За стеной готовятся к свадьбе, Зайчик распевается, я пишу, Кузька слушает и наблюдает, теща помогает за стеной.

9 июня

Надо писать дневник, и надо писать чаще, больше и всякую чепуху. Это лаборатория, склад, рабочий стол, заваленный всякой бякой. Два дня не писал — был в жестокой ссоре с женой. Чуть не разошлись. Хотел написать на бумаге крупным шрифтом:

НЕ ХОЧУ С ТОБОЙ ЖИТЬ.

НЕ ХОЧУ С ТОБОЙ СПАТЬ.

НЕ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Две ночи спал на креслах, какое спал, переживал ночи, удивляюсь собственной стойкости. А из-за чего всё? Опять, конечно, из-за чепухи, которая о многом говорит и открывает глаза. Крупная вторая ссора, в тот день было их две, одна за одной, как бомбы, произошла в принципе из-за интервью с Полокой в «Лит. газете», где он сказал про меня: «по-моему, у него большое будущее в кино». В театре начались разговоры. Иваненко сказала: вот, дескать, у него будущее, а у Высоцкого ничего, — и еще: Высоцкий считает, что Золотухин первым номером в «Интервенции», а Золотухин считает, что Высоцкий. На что Шацкая заметила: «Совсем и нет. Высоцкий считает, что Золотухин, и Золотухин считает, что Золотухин». Обо всем этом мне рассказала Иваненко в присутствии артистов и добавила вопросом: «Что ж он, лицемерил, что ли, тогда?» Из-за этого и началось. Зайчик говорит: «Я пошутила». Я: «Так и скажи». — «Кому? Да кто она такая? И что у вас с ней за отношения, почему ты так боишься, что она передаст Высоцкому, что ты перед ними унижаешься, ты что, боишься Высоцкого, она хочет вас с Венькой приблизить к себе, разве это не видно? Венька не позволяет ей к себе приближаться. Она не поняла шуточки, а я буду перед ней выкозюливаться».

Кроме ссор, был отвратительный «Добрый». Как Зинка может позволять себе так играть, вернее, не играть ничего, даже текста не произносить, сокращать, все пробалтывать под себя, лишь бы скорее. Что же делать остальным? Халтура, боже мой! Потому что выездной, и шеф не увидит.

Был на репетиции у Конюшева на «Мосфильме». Он молодец. Не боится показывать, правильно говорит, а главное, видно, что очень любит это дело и горит. После «Доброго» взяли с ним бутылку «Кагора» с боем и по сырку, посидели во дворе на бревнышках, покурили и поговорили.

Теперь вот что: Зайчик говорит, что все мои капризы, раздражения оттого, что я ничего не делаю. «Подожди, получишь новую роль в театре, начнешь работу с Назаровым⁷⁴, и все будет хорошо». И тут вызывает Назаров и предлагает вместо Антона главную роль милиционера Сережкина. Я, грешным делом, эту мысль закидывал месяца полтора назад, но он вроде и не слышал. А теперь разные обстоятельства заставляют его перетрактовать центральный образ: 1) Повсеместное омоложение милиции — «милиция — наш заказчик, она будет нас поддерживать». 2) Заявили о своем желании сыграть «Деревенский детектив» Жаров, Крючков, ситуация и образ схожие, а материал литературный в 1000 раз лучше — значит, мы идем с ними на таран, а зачем нам это нужно. Стало быть, необходимо искать другой ход, и срочно, и вот возникает идея: Сережкин — Золотухин. И снова возникает на дороге театр. Работа огромная, и главное — далекая натура: Красноярск, тайга. Завтра проба с Высоцким-Рябым. «Может быть, это и есть то будущее, о котором сказал Полока?» Помогите, Господи!

11 июня

Вчера и сегодня ужасно жарко. Вчера 30° было и без ветра. Асфальт в лужи плавился на Новом Арбате. Сегодня ветерок и немножко легче. Да еще тучки-облачка набегают,

⁷⁴ Владимир Назаров, кинорежиссер. В 1968 г. работал над к/ф «Хозяин тайги», в котором снимались Золотухин (милиционер Сережкин) и Высоцкий (бригадир сплавщиков Иван Рябой).

маскируют солнце, а гром все равно гремит, хоть и нет грозы. А вот так целый день пугает, и всё. Но, наверное, еще полыхнет. Вчерашнюю жару я не заметил, потому что с утра залез на «Мосфильм» и сидел там до 18 часов. А в павильоне даже прохладно, когда не жгут юпитеры. Проба с Высоцким. Оператор говорит: «Я лично буду драться», в смысле — за нашу пару. Назаров: «В группе сложилось такое мнение, что это и есть тот самый выигрышный вариант». Володя передал слова Полоки: «Вас с Золотухиным надо снимать вместе теперь только». Не знаю. У Назарова, так, особенно не поймешь, но, по-моему, он доволен.

14 июня

Адская машина закрутилась снова. Вчера на райкоме решено просить М К и Управление к. о снятии Любимова.

— Режиссер поставил себя вне критики, создал оппозиционный театр, постоянно заостряющий свое внимание на теневых сторонах нашей жизни, отрицающий и не подчиняющийся партийному руководству, противопоставляющий все прогрессивное (ученого, художника) властям, и это не частное заблуждение, а определенная тенденция из спектакля в спектакль, генеральная линия — критика властей. Партийная организация попустительствует режиссеру, не имеет должного авторитета, ведущие артисты не хотят вступать в члены партии... Мы укрепим руководство художественное и партийное — в театр придут молодые, партийные артисты.

Всякие коллективные «сборища» запрещены. Того энтузиазма, который был полтора месяца назад, уже нет. Нас приучили к мысли, что Любимова очень просто снять и нас в два счета разогнать. И многие уже всерьез подумывают — куда податься в случае.

У меня мысль противоположная той, что была раньше — коллективный уход, — нет, это им на руку, они этого ждут, им не нужен такой театр, и они только будут приветствовать, если мы разбредемся и погибнет репертуар любимовский. Нет, быть может, надо, наоборот, отстреливаться до последнего патрона и как никогда держаться вместе и держать репертуар как знамя. Кто его знает, сколько продлится эта осада, ведь были шараханья в сторону, да еще как, и все прошло, и названо ошибочным, кто его знает, быть может, через три месяца все пойдет наоборот, действительно — «умом Россию не понять»...

Я посмотрел пробы в «Хозяине», и уже захотелось сниматься. По тому, что делал Невинный, — это не конкурент... Авдюшко делает очень уверенно и точно в своих данных — но это шериф. Выигрыша нет. Высоцкий мне сказал, что без меня он сниматься не будет. Я сказал, что и я без него тоже...

Сегодня «Галилей» как праздник, месяц почти не было спектакля, Высоцкий вышел вчера из больницы, похудел.

21 июня

Мне сегодня 27 лет, господа присяжные заседатели. Лермонтовский возраст, когда гений должен проявиться. Не будем жаловаться на судьбу и метать бисер, но все же кое о чем поговорим. Не скрою, я готовился к этой дате, ведь и вправду говорят, что я чем-то похож на Лермонтова, внешне, разумеется; я готовился, да, и готовился не гусями и шампанским, хотя сегодня шампанское одно и будет, я готовился отпраздновать делами:

- 1) Женей Ксидиасом.
- 2) Федором Кузькиным.
- 3) «Запахами», или, теперь, «Дребезгами».

Мне помешали выполнить мои планы многие обстоятельства, главным образом — люди. В среду мы катались с Высоцким и Г.Кохановским⁷⁵ в Ленинград, смотреть «Интервенцию». По-моему, гениальная картина, и многие так говорят. Моя работа меня устраивает, не везде, но, в общем, удовлетворительно, что говорят люди — я подожду записывать до окончательного выхода фильма. Скажу только, по сумме всех отзывов я

⁷⁵ Игорь Кохановский, Гарик — поэт, в прошлом журналист, друг В.Высоцкого со школьной скамьи.

делаю вывод — я выиграл Женьку. Всё. Больше пока ничего не скажу, потому что очень много порезали и могут чикнуть еще, но, в общем, линия проглядывается, она осталась любопытной, и я не могу ругать Полоку, ему надо выиграть фильм. Первым номером в фильме — он, Полока.

О Кузькине — записано все раньше, и ничего нового в такой остановке⁷⁶ быть не может. Скажу только — это я узнал в ВТО, где были Макс и Марина, — что Вилар сказал Любимову об мне:

— Он хороший артист.

А Марина сказала мне, что я — лучший артист в нашем театре, Шацкая стала с ней спорить и доказывать, что лучший артист Коля Губенко, почему вдруг? Коля так Коля, я не спорю, но почему переубеждать человека, если он так считает, а не иначе. Некрасиво Зайчик меня предал, но Бог ей судья.

«Дребезги» я закончил вчерне, читаю, и самому нравится, очевидно, работа будет расширяться, шлифоваться и примет другую форму и размер, но задача выполнена, план, по которому я двигался, исчерпан, а что будет дальше и как будет, это поглядим. Жалко, что не переложил на машинку, было бы еще приятнее сделанное, но что поделаешь — нету времени совсем.

В среду, когда мы были в Ленинграде, состоялся худ. совет по «Хозяину тайги». Не знаю — поздравить себя или нет, но мы оба с Высоцким утверждены на главные роли. Работа предстоит отчаянная, главное — недостатки, рыхлость и примитивизм сценария преодолеть. И еще — время. Сроки начнут терзать, и мы зашьемся и с фильмом, и с ролями. Но «по крайней мере» я настроен по-боевому, не говоря о Высоцком, который сказал скромно: «Мы сделаем прекрасный фильм». Спорить с ним я не стал.

23 июня

Проклятые мозоли замучили. Не знаю, как завтра играть буду «Доброго». Сегодня «Антимиры» танцевал так, вполне. Болит жутко, особенно на левой. Целый день сижу, печатаю «Дребезги», пью «Московское полусладкое».

Перед тем как выйти на худ. совет, Назаров, по инициативе Стефанского⁷⁷, был у Шабанова. В основном по линии Высоцкого, испугались статей.

Шабанов:

— Золотухин — это самостоятельный художник, талантливый артист, за ростом которого мы с интересом наблюдаем, но ему пора встать на ноги. Пора бросить танцевать под дудочку Любимова, открывать рот, когда его открывает Любимов, и закрывать, когда тот закрывает, пора бросить ему смотреть в рот Любимову.

Это перепевы Дупака.

— Высоцкий — это морально опустившийся человек, разложившийся до самого дна. Он может подвести вас, взять и просто куда-нибудь уехать. Я не рекомендую вам Высоцкого.

Где это было видано, чтобы секретарь райкома давал рекомендации для участия в съемках, докатились.

От «Живого» у меня остались только воспоминания, палка, подаренная Можаяевым в день, когда мы ездили в деревню за реквизитом. Господи, неужели ты так жесток, дай мне показать людям моего Федора. Да еще балалайка.

Зайчик улетел вчера в ночь на много дней в Душанбе.

Если бы у меня не болели ноги, я бы, может быть, куда-нибудь пошел: в театр или в гости. У меня есть водка, я бы мог пригласить кого-нибудь к себе или сам пойти, но, увы, я

⁷⁶ Остановка репетиций спектакля «Живой».

⁷⁷ Алексей Николаевич Стефанский, директор картины «Хозяин тайги».

не могу ходить, не могу думать, не хочу ничего делать — я боюсь завтрашнего спектакля, потому что у меня болят ноги.

Несколько дней стоит жара. Сегодня я получил единственное поздравление от человека, помнящего, что я родился...

29 июня. Суббота

Телеграмма главам правительства — Брежневу, Косыгину, Подгорному — возымела действие. Параллельно Петрович написал письмо Брежневу, в котором изложил позицию театра и несогласие с тенденциозной критикой линии театра. Брежнев отнесся к письму благосклонно, выразил вроде того, что согласен с ним, просил передать коллективу, чтобы все работали спокойно, нормально, извиняется, что не может принять Петровича сейчас — занят сессией, — а дней через пять он его обязательно примет.

Тут же состоялось заседание райкома, на котором принято решение вычеркнуть пункт о снятии Любимова из решения прошлого райкома. Потеха. О чем нам было доложено на общем собрании.

Вот как все обернулось. Некоторые деятели, вроде Эллы Петровны, которая закладывала нас Дупаку, боясь остаться без работы, крепко просчитались. «Еще не вечер», — как говорит шеф.

Съемки еще не начались, но мандражировать я уже начал. Вчера познакомился с референтом какого-то крупного деятеля на Петровке, 38, капитаном Валерием Беленьким. Затащил его с подругой, лейтенантом-криминалистом, к нам, выпили все, что оставалось со дня рождения, и я задал 10 вопросов по моей роли. И должен сказать — не без пользы дела, кое-что я возьму из предложенных мне штампов. А главное, я понял — каким они хотят видеть милиционера. «Выдай интеллект».

30 июня

...Мои «Дребезги» ходят по рукам, все три экземпляра.

Перечитывал Солженицына «Матрёнин двор». Здорово, прямо гениально. И не хочется писать самому, до того ловко. Но после Толстого хочется писать. Солженицын как будто говорит: «Вот вам русский язык, вы русские, а язык забыли, вот я вас обращаю сейчас в русскую словесность, вы таких слов и оборотов и не слышали, и не читали никогда. Вот вам, вот вам». С одной стороны, вроде бы простота, а с другой — тут же — ох, какая она, простота, сложная, непостижимая, такая, что язык выворачивает, а все русское, все наше.

В «Раковом корпусе» я этого уже не заметил, значит, идет рост, а может, наоборот. Писатель владеет, по-видимому, стилевым разнообразием и ловко им пользуется. Конечно, это великий писатель земли русской.

А что же делать мне с моею бабкой Катериной Юрьевной, что рассказала мне в Санжейке такие истории своей жизни? Как их умудриться изобразить в литературе? Может быть, связать как-то с морем? Я помню, мы сидели с Высоцким ночью голые на берегу моря, под звездами, на камушках, и глядели в море. Шел большой пароход вдалеке и светил. Там кишел народ, а мы наблюдали и придумывали разные истории, которые могли там твориться, случиться и т. д. Высоцкий говорил, что «этот год, будущий сезон будет твой. Ты сыграешь Кузькина». Но прошло уже два сезона, а мой год все не пришел... Но при чем тут бабка...

А может быть, сделать три рассказа, три вечера, три дня: день мы отдыхаем, купаемся, говорим, работаем, ссоримся, а вечером, за ужином, бабка нам рассказывает о своей жизни.

Надо придумать ход. Ход монологов, без всяких других мотивов, течений, не очень годится, это никуда, как про Таньку...

8 июля

Сегодня начинается второй объект, вторая неделя съемок. Приехал Полока с «Интервенцией».

Не гляди на мир вполока,

Гляди в оба, как Полока.

Полоку выдвигают на Государственную премию за «Республику Шкид».

Высоцкий переживает, укол. Когда вышел из машины перед театром, я его испугался — бледный, с закатывающимися глазами, руки трясутся, сам качается. В машине, говорит, потерял сознание. Аллергия...

9 июля

Два дня пьянства. Даже ночевал не дома. «Интервенцию» могут положить на полку. Ситуация жуткая. Бедный Полока пробивает картину и устраивает Регину в институт. Вчера был у Люси Высоцкой, пил много и долго. Зайчик прилетел из Душанбе и обиделся на меня: «Как тебе не стыдно, как тебе не стыдно...» Привез меня Володя чуть тепленького к парадному...

13 июля. Суббота

Закончился какой-то период моей жизни — двухнедельный. Сейчас жизнь измеряется состоянием дел в «Хозяине». Первый материал, первые обсуждения. Вчера смотрело Объединение и выразило полное удовлетворение материалом. Будто бы даже Биц⁷⁸ сказал, что «материал очень хороший». Пришли на площадку, поздравили Назарова, меня, оператора. Леонов: «Не занимайся ты, ради Бога, сочинительством. А то Можаяев на тебя в суд подаст, все равно это топором получается». Кремнев⁷⁹: «Валера, ну что же, очень хорошо... Все нормально» и т. д.

Перед этим с Леоновым смотрел и Можаяев и тоже остался будто бы удовлетворенным: «Ну, это другое, по сравнению с пробами, дело, Золотухин встал на ноги» и т. д.

26 июля

Я, как прежде, один. Выезжий Лог. На квартире у Анны Филипповны в горелом доме. Высоцкий укатил в Москву и дальше по делам «Интервенции». Больше недели натуральных съемок. А я никак не могу прийти в себя — как меня поносил перед отъездом Можаяев за изменение текста в «Хозяине» и откуда такие слова выкапывал: «Если хочешь испражняться, испражняйся на кого-нибудь другого, я еще живой, зачем ты на меня ногу задираешь, зачем ты на моих ребрах пляшешь, ведь я могу и по-другому поступить» и т. д. и т. п. И это за кулисами, при народе, при артистах.

В общем, настроение скверное и сохраняется пока до сего дня. Зайчику обещал писать каждый день, а с трудом нацарапал две страницы. Кажется, это будет мой провал. Я не знаю, как играть Сережкина, что играть, и вообще, о чем фильм. Трата государственных денег. Потихоньку пью, курю, в очень плохой, ленивой форме. Ужасный сценарий. Как это важно для актера — приличный материал. Это ужасный признак, когда первый материал нравится, получает одобрение. Но это прелюдия. Бороться надо до конца. И надо решительно браться за роль. И «мне не гореть на песке», так и запомните, господа присяжные заседатели, мне еще рано сливать воду.

21 августа

Во как!

Я сижу один в большом, сыром, грязном доме. На улице моросит. Холодно. На мне полное обмундирование, плащ, фуражка, но руки коченеют все равно. Высоцкий с Говорухиным⁸⁰ смотались два дня назад. Солнца нет, небо черное — снимать невозможно, а мы чего-то ждем и не хотим сниматься с этой базы. Но сегодня это, наверное, произойдет. Мы покинем Выезжий Лог, променяем его на Дивногорск. Высоцкий так определил наш

⁷⁸ Сложной судьбе спектакля «Живой» («Из жизни Федора Кузькина») по повести Б.Можаяева Золотухин посвятил свой документальный — основанный на дневниковых записях — рассказ «День Шестого Никогда».

⁷⁹ Леонов и Кремнев, редакторы киностудии «Мосфильм».

⁸⁰ Станислав Говорухин, кинорежиссер и киносценарист, друг В. Высоцкого. Их связывала совместная работа над фильмами «Вертикаль» (1967), «Белый взрыв» (1969), «Контрабанда» (1974), «Ветер надежды» (1977), «Место встречи изменить нельзя» (т/ф, 1979).

бросок с «Хозяином»: «Пропало лето. Пропал отпуск. Пропало настроение». И все из-за того, что не складываются наши творческие надежды. Снимается медленно, красивенько и не то. Назаров переделал сценарий, но взамен ничего интересного не предложил. Вся последняя часть, погоня, драка и пр., «выхолощена, стала пресной и неинтересной». На площадке постоянно плохое, халтурное настроение весь месяц и ругань Высоцкого с режиссером и оператором. Случалось, что Назаров не ездил на съемки сцен с Высоцким, что бесило Володечку невообразимо. Оператор-композитор: «симфония кашеварства», «сюита умывания», «прелюдия проплывов» и т. д. А где люди, где характеры и взаимоотношения наши?

Я летал с коня в бревна и был от катастрофы на 30 см, летал с мотоцикла в кювет и чуть не убил «двух капитанов».

Вчера лег рано, один, и вспоминал Ленинград, Полоку, черт возьми, как дорог мне этот год, проведенный в поисках Женьки, в общении с Полокой. Я вспоминаю все павильоны, круги всех цветов, придуманные гениальным Щегловым. Что пережито мной за этот год, и если бы повторить — не изменил бы ни дня.

Приезжал Говорухин, просто в гости на охоту, к другу за тридевять земель, ночью появился хороший человек, как в сказке. И сразу наладил наш быт: в доме появились всегда молоко, мед, поросенок, гусь, курица, банька по-белому и по-черному.

Высоцкий написал несколько хороших песен, лучшую мы поем вместе, на два голоса, и получается лихо:

Протопи ты мне баньку по-белому,

Я от белого свету отвык.

Угорю я, и мне, угорелому,

Пар горячий развяжет язык.

Почти месяц у меня было скверное настроение, и даже Зайчик, что напомнил мне про Моцарта, не вправил мне мозги. Ужасно боюсь встречи с Можаявым, чувствую: будет кровь моя на его руках. А крыть мне нечем, опасения его оправдались. Все тихо, все скверно. И все-таки я на что-то уповаю, может быть, павильоны вывезут. Надо тщательно продумать все штампы. Уже неделю не курю и почти не пью, решил вогнать себя в маломальскую форму.

Зайчик, мой миленький, в Душанбе, прислал два письма и много телеграмм.

Уже осень! Ах, эта осень! Любимая пора.

29 августа

Итак... Москва!!!

Сорвались с Высоцким раньше времени, подхватились и айда. А сбор трупы, оказывается, не сегодня, а завтра. Шестой сезон, на Таганке пятый. Господи! Помогите мне...

30 августа

Я из осени в лето попал. В Москве жара, духота, теснота, как и было, ничего не изменилось. В театре конь не валялся. Не помню ни одного сезона, начинавшегося нормально, всегда доделывается ремонт при зрителях. Дупак старается, лезет из кожи вон и все подсчитывает, сколько он великих благодеяний в пользу театра совершил. Не ходил в отпуск, целый месяц не вылезал из театра, лично руководил работами, проектировал, ломал, пробивал и т. д.

Спросил о судьбе «Живого»:

— Вот разберемся с Чехословакией — займемся Кузькиным. Наши дела, наша жизнь целиком и полностью зависят от нас.

Говорят, пришло два эшелона раненых наших парней из братской Чехословакии. Об убитых молчат...

У меня нет особенного желания начинать сезон. Единственно, постоянное ожидание какого-то чуда, что вот что-то случится, произойдет — и все пойдет по-другому, в лучшую сторону и весело. А потом, я уже вошел во вкус работы над Василием Фокичем Сережкиным. Нет-нет, да и придет в голову штамп, жест, интонация... это значит — где-то там, далеко за туманами, в мозгу идет работа постоянная над образом милиционера —

Золотухина. Сделанным недоволен, особенно обижен на оператора, который хоть и говорит про меня звонкие эпитеты, но снимает общими, слепыми планами, а если близко — то обязательно спиной.

Назаров растворился в нем, передоверил ему очень, и Василий ринулся в режиссуру, и сладу никакого с ним. На «Пакете» шла часто ругань, междоусобица режиссера с оператором, это мне сильно не нравилось, но это давало плоды, хотя бы потому, что Назаров имел большее право делать то, что хочет он. Здесь у нас роли поменялись, и оператор делает то, что хочет, а если нет — обижается, бурчит себе под нос непонятное что-нибудь, и в конце концов делается по его.

Я надеюсь все-таки на Бога, на Назарова, ну что же, и такое в жизни артиста необходимо быть должно, а иначе — потеря ориентации. Пока я выполняю свой принцип — сниматься только в главных ролях. Ну, Господи, благослови! Сейчас идем на сбор труппы, и закончится шестой сезон. Шутка сказать — шестой сезон.

Ну вот и началось. Встретились, улыбались, лобзались и пр. А у меня вопрос: какое я занимаю сейчас положение, какие планы, виды на репертуар и что я в нем? Как встретит меня главный, как назовет — по имени или по фамилии, посмотрит, поздоровается, что скажет, улыбнется ли... Из этого и еще из многих деталей, незаметных постороннему глазу, я заключу, что я значу в этом театре на сегодня.

Настроение неважное. Сейчас будет репетиция «Доброго», и Любимов будет душу из меня вытрясать прологом. Кому-то я опять должен чего-то, перед кем-то виноват, все мне чего-то неудобно и стыдно за себя, все мне кажется, что ко мне невнимательны, унижают меня, и со стороны я себе кажусь сереньким и жалким — подавленным, недооцененным.

Хорошо, у меня есть «Хозяин». Хоть не ахти какая, но все же дырка к отступлению, голыми руками меня не возьмешь. Прочь хандру, прочь печаль, смело в бой, надо оправдывать доверие людей. А люди ждут от тебя. Даже Зайчику уж надоело ждать. «Ну когда же ты уж станешь звездой... все говорят, говорят, и всё никак».

Хочется в Ленинград, к Полоке, с сумкой за плечами, с термосом, и с поезда — в молочное кафе возле «Ленфильма». Почему-то я помню, было холодно часто мне в Ленинграде, но не от людей, от погоды... Ленинград я полюбил, и грустно, когда думаю о нем, и ужасно хочу туда. Там хорошо, где нас ждут, где мы гости званые и где у нас получается.

22 сентября. Воскресенье

Пока суд да дело, вспомним, что произошло.

Значит, 18-го был в Ленинграде. Боялся очень, что Ленинград встретит меня сюрпризом, случайностью какой-нибудь, неожиданностью. Больше всего «боялся» — вдруг солнце, нет — все как было, так осталось. Тот же моросит дождик, так же холодно, и надо затягивать воротнички, пояса и пр. Прошел по Невскому, заглянул в продовольственные магазинчики, выпил стаканчик винца, помечтал и т. д. А на студии в это время состоялось очередное избиение Полоки. Уже не знают, к чему придраться, грозят в случае неповиновения прикрепить к монтажу другого режиссера.

Полока совершенно один и не хотел отпускать меня. Выпили шампанского в забегаловке. Он недоволен последним приездом Высоцкого, он был не в форме, скучный и безынициативный. Володя сказал, что «мы все устали от картины».

В среду — 18-го — появилась гнусная статья в «Комсомолке» — «Театр без актера?» — открытое письмо Любимову. Обо мне сказано: «Есть, по-видимому, немалые данные у Золотухина».

А может быть, и в самом деле мы — ничто?! И только зря думаем о себе хорошо.

С пятницы начались репетиции «Живого». Но тут выкинул номер Галдаев: «Я считаю, после всех последних событий, возвращение к Кузькину — не партийное дело и вредное. Я проехал Сибирь, побывал во многих сельских районах, колхозники живут как кулаки. На шахтах руководители стонут — «люди бегут в колхозы», а мы, передовой политический театр, пережевываем то, чего давно нет, те ошибки выдаем за типические, которые

преодолены. И таких руководителей давно нет. Средний возраст — 40 лет, молодые руководители, да они голову оторвут Любимову за такой поклеп».

По-моему, и статья в «Комсомолке» имеет свои корни, истоки — в театре. Уж очень лексика таганская — «футбольная команда» и т. д., некоторый тенденциозный подбор фамилий, удивительно унижительный тон об артистах и восхваление, хоть и с подъялдыкиванием, шефа. Очень знакомые обороты.

2 октября

Вчера вечером перебирал свои старые бумаги, никаких точных данных, точных событий... всё рассуждения, всё больше треп, но ведь он меня и забавлял тогда. Откуда мне было вдомек, что потом будут факты, числа дороже всего. «Лет через пять разберемся» — вот уже шесть скоро, а разобрать все труднее, труднее, чем дальше. Что за мужик я, когда от бумаг моих старых, от писем забытых мне становится слезливо-тепло, мне еще 30, а я уже весь в воспоминаниях, мне вперед идти, прорубаться к Новой жизни, а я перебираю бумаги и скулю над ними. Чертовщина какая-то.

Высоцкий уехал в Ленинград, съемок нет.

Запустили «Макенпотта». Ставит какой-то молодой парень из ГИТИСа. Хоть я был против пьесы, но когда не увидел своей фамилии в распределении — оскорбился, обиделся: забывать стали, ненужным делаюсь. Такова природа артиста, жадность, всеядность — зависимость. Пока ждет карта, надо крыть.

Высоцкий:

— Дня через два я и от «Макенпотта» откажусь, очень сильно поругаюсь с Петровичем.

Можаев вчера бросил такую фразу:

— Чего ж он, скажут, у Любимова играет, а как один выходит, так ничего у него не получается.

Мысль обидная, но еще больше потому, что они все кругом — и друзья, и прихлебатели шефа — вдалбливают ему это, льстя ему тем самым. Шеф и в самом деле думает, что мы только у него хороши.

5 октября

Ужасный вечер вчера был. Играл «Доброго», и казалось, плохо, выдавливал из себя, как из тюбика. На съемке по-прежнему сознаю свою беспомощность и бездарность оттого, что никто помочь кругом не может, — жутко становится, одиноко, и начинается мандраж, и не на кого опереться... Хоть бы словом, хоть бы взглядом кто поддержал... и ничего не получается... И зависть гложет к тем, у кого все получается.

8 октября

Нина! Мне надоело ваш флирт с Ванькой. Он у меня вот тут, я сыт им. Мне надоело быть мишенью насмешек, намеков и идиотских шуток, мне надоело играть роль удобного супруга, мне надоело строить хорошую мину при плохой игре. Мне надоело ваш флирт, будь он хоть в самой расшутливой, безобидной форме.

Запретить его я не властен, если хочется — что ж, но не делайте этого на глазах всего театра — мне стыдно, ты меня позоришь, мне говорят люди, мне надоело им объяснять, что это у вас все в шутку, что у вас такая игра... Вас видят вместе на улице и мне говорят, мне надоело сохранять интеллигентность. Я говорил тебе об этом много раз и в разной форме, я разговаривал с Иваном и с вами вместе... мне это надоело... к моим речам все глухи, что ж, перейдем к делу. Прошу запомнить: если я вас увижу где-нибудь вместе — на улице или в театре (исключая сцену) — пеняйте на себя, я подчеркиваю — на себя, вам не поздоровится обоим, а тебе — в первую очередь: подойду и хрясну по роже при всем честном народе, мой взгляд на подобные меры воспитания ты знаешь. Вам нет никакого дела до моих неловкостей, вам не жаль базарить налево и направо наши хорошие привычки — давайте обзаведемся плохими. Я тоже закручу флирт на твоих глазах и попрошу кого-нибудь подыграть мне. Я вас видел сегодня из машины, когда ехал с «Мосфильма», — вы шли под ручку и смеялись; я грешным делом подумал — не надо мной ли?

Мне очень одиноко в театре, когда не играет Высоцкий, как-то неуверенно. Когда Высоцкий рядом — всё как-то проще, надежнее и увереннее.

11 октября

9-го был выходной день. С утра и до конца смены снимался. Спал плохо после разговора с женой. Она, как я и думал, сидела на тахте в пеньюаре и улыбалась, словно я горожу что-то несусветное и не имеющее к ней никакого отношения — Вася шутит. Дело житейское.

В творческом буфете:

— Говорят, нет демократии на «Мосфильме» — директор объединения стоит в очереди с обычными смертными.

Биц:

— Можаяев — это человек, написавший «Кузькина», а «Кузькин» — это жемчужина современной русской литературы, это уникальное произведение, которое останется в веках, и вдруг приходит какой-то мальчик (Назаров) и начинает этого Кузькина перекраивать под себя. Мы дали ему сценарий, спросили: «Нравится, будете делать?» — «Да, буду», и начинает переписывать сценарий... Нас устраивал сценарий, который представил Можаяев, а не то, как это представляется Назарову, ведь он теперь концы с концами свести не может, и ни один черт не разберет, что он снимал. В этом ему помогли артисты, но их понять можно, на то они и артисты — одному хочется одно, другому — третье. Но режиссер должен следовать сценарию, за который он взялся по доброй воле; получается Назаров, а не Можаяев.

Снимали сцену в магазине, первую половину. Я был очень весел и пел. Капустянская⁸¹ сказала: «Это к слезам. К слезам восторга». И правда, к слезам оказалось, я встретил этих «друзей». Это было 8-го, 9-го мы собирались к Гараниным, но не пошли ввиду размолвки.

Вчера был сотый «Галилей» — официально, с афишами, поздравлениями и даже с шампанским в конце. Играли здорово. Шеф с Высоцким в размолвке. Звонил Полока из Ленинграда:

— Режут... потерял всякий ориентир... Но Киселеву в Москве был большой втык... за другие дела, ситуация сложная у него, и это может нам помочь. Жду Славина⁸². Они должны нам показать то, что они наработали, если это нас не устраивает, мы снимаем свои фамилии с титров... Думаю, что это их испугает... Тогда картина ляжет на полку, это лучший выход из теперешней ситуации.

Шеф:

— Ты вспоминаешь Кузькина?

— Я его не забывал.

— А то вы теперь больше снимаетесь, а мы смотрим. «Стряпуху»⁸³... и т. д.

— Я к «Стряпухе» не имею никакого отношения...

— Твой друг имеет прямое к ней отношение... А главное, диапазон большой от таких песен к «Стряпухе».

— Это было до песен...

— Ну почему, он и тогда писал...

— Это был ранний период творчества.

— А-а... ну тогда ладно.

Высоцкий:

— Он со мной доиграется. Что это за манера — не здороваться, не видеть человека...

⁸¹ Алла Капустянская, гример.

⁸² Лев Славин, драматург.

⁸³ К/ф по одноименной пьесе А.Софронова (реж. Э.Кеосаян, 1965), где В.Высоцкий играл роль Андрея Пчелки.

В театре интриги. Появился третий Тартюф — Вилькин.

[На полях.] Были у Гаранина. Провожали болгарина. Мы все — я, Никита, он — Раки, он гадал нам. В 1973-м ко мне должно прийти признание, я должен получить какой-то орден или еще что-то. — Запомни этот год.

13 октября

А сегодня с утра настроение паскудное, как говорит жена: «Опять блоха на ногу наступила». Вымылся на всякий случай. Вечером надо будет, наверное, пойти к Максу, уезжает Марина и хочет, чтобы мы с Высоцким пришли, посидели, выпили и «попели, как тогда». Но Зайчик чувствует, что там будет Влади, и не хочет идти. У Марины в пятницу был последний съемочный день, и гримеры ее напоили спиртом, и Марина была совсем пьяненькая, чего-то хотела сказать и не могла сообразить.

15 октября

Но вот, погуляли, значит, мы в тот день с французами, понаделали забот. Во-первых, не хотела ехать жена — «не хочу, и всё, потом объясню... там будет эта... Влади, я не хочу ее видеть, я прошу тебя туда не ездить, так, как ты меня просишь не общаться с Бортником» и т. д. Как-то мне удалось ее уломать, и теперь думаю, зря.

Она согласилась, но с каким-то зловещим подтекстом: «Ну... хорошо, я поеду, но запомни это». Все это, т. е. посещение Макса, должно было состояться втайне от Иваненки, по крайней мере присутствие там Володи. Танька с Шацкой потихоньку у меня по очереди выведывали — должен ли быть там Володя; я сказал, что не знаю. Кончается спектакль, стоит счастливая Танька и говорит, что ей звонил Володя и «все мы едем к Максусу... машина нас уже ждет, приехал за нами его приятель». На улице шел дождь, и машина была как никогда кстати, и все это было похоже на правду: и ее веселый тон, и машина, и приятель... Меня это обескуражило, честно говоря, но я подумал: а что? Высоцкий и не такое выкидывал, почему бы и нет? А вдруг так захотела Марина или он что-нибудь замыслил? Но всех нас надула Танька, а меня она просто сделала как мальчика.

Мы приехали к Максусу, когда там еще не было ни Володи, ни Марины, и весь обман мне стал ясен... А когда вошли счастливые Марина с Володей и я увидел его лицо, которое среагировало на Таньку, я пришел в ужас: что я наделал и что может произойти в дальнейшем!

С этого момента весь вечер пошел колбасой. В воздухе носилась шаровая молния, готовая натолкнуться на любое острие и взорваться. Танька сидела в кресле, неприступно-гордо смотрела перед собой в одну точку и была похожа на боярыню Морозову. Я старался угодить жене, скорее выпить и смыться. Как-то облегчал мое присутствие в этом гадюшнике Говорухин, который держался уверенно, сильно и с юмором. Зажгли свечи, закурили табаку, и стало похоже на возню чертей наше сборище. Ожидали какого-то грохота все, было ужасно неловко. Спели «Баньку». Володя попел. Стал подливать себе в сок водку, Марина стала останавливать его, он успокоил ее:

— Ничего, ничего... немножко можно.

Я ошалело смотрел на него и, как загнипнотизированный, ничего не мог произнести. Потом забыл обо всем и стал петь, жена тащила домой. Я пел одну песню, другую... а Марина просила спеть «ту, которую пел отец...». Я снова пел, пел без охоты и потому плохо... А Марина говорила: «Нет, это не та, спой ту...» А я забыл, что я пел тогда, в первую самую встречу, какую песню, что ей так запала... А жена посмеивалась надо мной и говорила: «Он спел весь свой репертуар, он больше ничего не знает», — а во время «Ноченьки» мешала, охала и смеялась. Но мне было тогда как-то все равно, обида пришла позже, когда я стал вспоминать ее поведение, ее реплики, смешочки... Ничего у меня не клеилось с песнями... В первом часу мы попрощались, я расцеловался с Мариной, и мы ушли. На улице все еще шел дождь, я нанял за пятерку машину, и мы отправились домой. В машине не разговаривали, что и продолжаем делать по сей день.

Основные события развернулись после нас. Володя, оказывается, все время потихоньку подливал себе в сок водки и таким образом надирался. Марина тоже была пьяненькая, а Иваненко готовила бомбу.

Анхель пришел в разгар событий и работал громоотводом. Иваненко кричала: «Он будет мой, он завтра же придет ко мне» и проч. Марина говорила: «Девочка моя, что с тобой?» Ей не хотелось показывать перед Максом, что у них с Володей роман. В общем, черт-те что и сбоку бантик. Володя сорвал кольцо с Марины, и жемчуг раскатился, и они собирали его. В три часа ночи Анхелю удалось увести Таньку, а Володя, совсем пьяный, остановил молоковоз и отвез Марину в гостиницу. Там и уснул у нее. А утром пришел домой, дома — никого, он — к соседу, потом в охрану авторских прав, взял денег — и в «Артистик» пить коньяк. Каким-то образом догадался позвонить Игорю Кохановскому — который забрал его к себе и уложил спать. Я не находил себе места на следующий день, маялся, ходил из угла в угол в театре, пока не нарвался на звонок Гарики и обо всем узнал. Вечером спектакль у Володи. «Пугачев». Надо что-то предпринимать, как-то предупредить Галдаева... его нигде нет... что делать, говорить ли, что Володя в развязке, или подождать, может, проспится... Решил не поднимать шухера — и ждать — будь что будет. Приехал к Гарику — у него сидит Марина и ест гречневую кашу. Володя спит на диване. Через полчаса мы разбудили его, он обалдел от присутствия Марины, ошалело спросил: «Какой у меня спектакль?» — выпил чего-то и стал собираться на Таганку. Я охранял его, пока он не ушел на сцену, и уехал в ГИТИС, к Анхелю. Поздно позвонил Гарику, он сказал, что Володя играл хорошо, даже шеф его похвалил, но что шеф зачем-то его вызывал. Вот такая оригинальная история. Иваненко заявила Володе, что она «уйдет из театра и с сегодняшнего дня начнет отдаваться направо и налево»...

Я думаю: может быть, нам все-таки развестись с Шацкой, взять да и насмелиться. А что? Ссора ссоры рознь. По существу, мы ведь ничем особо не огорчили друг друга, и все-таки чемодан между нами серьезный.

Жена повторяет мужа, муж жену, они перемолачивают все темы вдвоем, вырабатывается единое суждение, мнение и даже текст. И потом высказывают его теми же словами, что и другой, не зная, что тот уже говорил точно так же. Я заметил это особенно на Веньке с Алкой. Мне Венька уже говорил о «Дребезгах» — что «приятен сам факт существования такого произведения», он еще недочитал, а суждение у него давно готово. И Алка, когда говорила, она еще не прочитала, но уже они обсуждали, потому что она сказала те же самые слова. Чего они обсуждали, когда еще не читали? Полуинтеллигенция вся такая. Лишь бы поболтать, мы болтуны, и я такой же.

Господи! Не оставь меня, помоги.

Мы напрасно сетуем, что наш труд актерский не остается поколениям, не оставляет следа, как, допустим, живопись, музыка и пр. Искусство актера умирает вместе с ним — мы сожалеем об этом, а зря. Это прекрасно, в этом есть сказка, подвиг, легенда. Искусство актера как никакое привязано ко времени, к нравам общества, к его вкусам, модам, привычкам и пр. Как мы жадно всматриваемся в скудные фотографии Орленева, Шаляпина, отыскиваем в них тот гений, что озарял их, изучаем их мимику, жесты, по выражению глаз хотим понять движение души, что волновало их в тот миг и пр. Как хорошо, что от Мочалова не осталось магнитофонной пленки, кадров кино. Ведь актер тогда живет, когда он живет. А что толку — от нас останутся ворохи фотографий, километры плохих, серых фильмов, сотни километров дрянных звучащих записей... Разве можно понять актера в его халтурах, а ведь будут судить по ним. Надо задуматься над этим вопросом и пересмотреть свои взгляды на дела, остающиеся потомкам.

Так, уже 10 на будильнике, можно и спать укладываться, пока не заставили Кузьку выводить.

19 октября

...Сегодня... звонил Н.М., матери Высоцкого. Она сказала, что... Володя уехал с Люсей в деревню, к товарищу-художнику, ему посоветовали врачи на некоторое время

отключиться от шума городского. Они взяли продуктов и уехали. «Врач сказала, что это не очень опасный рецидив, что у него не наступило то состояние, когда шарики сдвигаются и ничем его остановить нельзя... Надо поскорее разбить его романы... Тот дальний погаснет сам собой, все-таки тут расстояние, а этот, под боком, просто срочно необходимо прекратить. Я узнала об этом от Люси совсем только что и чуть не упала в обморок».

Из Парижа звонит Марина Влади: «Говорит Марина Влади, мне Высоцкого».

21 октября

Я прикатил домой в 3 ночи, разбудил, конечно, жену, и мы помирились и долго болтали в постели. Вечером «Галилей», Володя был в полном порядке и играл прекрасно. Перед вторым актом позвонил Полока, они (Рабинов и ренегат Степанов⁸⁴) привезли показывать свой вариант картины. Полока видел это их безобразие, настроен по-боевому, и, кажется, есть возможность достойно уложить картину на полку. Сидели в ВТО. Он опять с Иваненкой, ему часто хотелось выпить немножко вина, а мы держали его по рукам и ногам, его трясло от обиды:

— Почему я не могу с друзьями по-человечески посидеть, выпить сухого вина, почему вы делаете из этого событие, почему вы из меня делаете больного и т. д.

24 октября

Завертелась моя жизнь в непонятной почему-то тревоге. Зайчик сказал мне вдруг:

— Ты мне принес чего-нибудь вкусенького? Ты мне покупай теперь каждый день чего-нибудь вкусенькое, а то Васька у нас будет хилым, я должна питаться теперь хорошо... понял, Зайчик?

Вот так фунт. Зайчик говорит, значит, у нас будет Васька, ес-лиБог даст, все пойдет хорошо. Ну вот, Господь услышал мои мольбы, но я маловер, и мне все не верится, я боюсь радоваться, лучше уж я буду не верить до поры до времени. Сейчас Зайчика тошнит, он принимается к запахам, проверяет на себе все приметы беременных, не ест жареного, девки обязали меня подавать Зайчику в постель кофе, теща помолодела и бежит с анализами, в общем, дом наполняется наш чем-то невидимым, то молчаливым, то торжественным и все себе подчиняющим. А мне как-то неловко, я как жених краснею.

Худ. совет по «Хозяину» прошел под флагом избиения режиссера. Основная претензия всех, и правильная, — бессюжетность. Бессюжетность внешнего действия, то есть детектива, и бессюжетность человеческих отношений. Не ясен весь треугольник Нюрка — Рябой — Ипатов, почему она ходит спокойно от одного к другому, как ко всему относится Сережкин и т. д.

Эльдар Рязанов бушевал очень:

— На меня материал произвел удручающее впечатление... Все бездарно, все неправильно, начиная от выбора актера на главную роль и кончая халтурной переделкой сценария. Я вчера только прочитал сценарий и предполагал увидеть хотя бы нечто близкое... Актер, берущий во время следствия гармонь и нюхающий цветочек во время погони за преступником, не может играть эту роль, в нем не чувствуется силы...

Можаев, на удивление, держал деловой тон — несколько заплаток, несколько сокращений, несколько разъяснений, и все встает на свои места. Смотрела материал его жена Мильда, после просмотра он ее долго провожал, его ждали, и он пришел в хорошем настроении. Надо полагать, что она его не огорчила своим мнением о материале.

Меня он встретил после худ. совета очень приветливо, спросил о делах, о жене, сказал, что все идет как надо, роль сложилась, устранить несколько проколов, и все будет нормально.

По линии вкуса говорили, что сцена моя дома с ребенком слащавая, сопливая, сентиментальная. Если это так, то я весь фильм играл не то, моим лейтмотивом было

⁸⁴ Анатолий Яковлевич Степанов, второй режиссер у Г.Полоки на к/ф «Интервенция».

настроение, лирический подъем, желание скорее сделать дела, навести порядок и с чистой совестью вернуться домой, к жене, к детям.

Вечером выездной «Павший» в Жуковском. Володя был в хорошей форме, но после спектакля выпил немножко и сказал, что «завтра не возьмет в рот и росинки спиртного». Дай-то Бог.

У меня, слава Богу, все нормально, еще раз решил бросить баловаться с курением, на три месяца по крайней мере.

Сегодня с утра ходил с Кузей, ужасно холодно было на улице, часам к двум поеду на студию. Зайчик прыгает в театре, завтра сдача «Гартюфа» худ. совету.

2 ноября

...Вчера играли «Галилея», и шеф очень хвалил Володю. Меня не досмотрел, вернее, до моей картины ушел.

А сейчас я смотрел записи мои о последних репетициях «Кузькина». Боже мой... Неужели это никогда не состоится... Вообще, по тем записям и по тем отзывам... нельзя без слез думать об этом. Там был Бог, а сейчас я его забыл. Я стал циничнее, мне кажется, и жирнее, как будто победил уже и жну лавры... Я был готов тогда победить и только начал. Если будет возобновление Кузькина, мне надо родиться заново, очистить душу свою, такую роль нельзя тащить с грузом скверны и равнодушия... Когда я Высоцкому сказал, что ему сейчас нужно сделать рывок и очень серьезно отнестись к одесскому фильму⁸⁵ (бенефис Высоцкого, как они называют), а для этого нужно оставить все постороннее, лишнее и даже пива в рот не брать, пока не будет отснят основной материал, он ответил:

— Да, я понимаю, это... нужно сделать то, что ты сделал в Кузькине... то есть уйти от всего и завязать на несколько месяцев с питьем и пр.

Мне было приятно слышать это... Какое было время... это и есть жизнь. Ведь радостных дней было, по существу, раз-два и обчелся, но ведь для них и крутилось все, для них и жилось.

А сейчас... Я смотрю кадры «Хозяина»... и сердце в клочья... Позор, позор, неужели ради этого я жил последнее время, как людям в глаза глядеть после такой работы... ужасно обидно, а ведь можно было сделать иначе. А вчера концерт в Институте микробиологии. Люди ждут нас, смотрят, слышали о «Таганке» и имеют честь лицезреть это безобразие; мы берем по 25 рублей и уходим. Нет, так нельзя. Надо что-то придумать, выдумать, сфантазировать — иначе крах.

В «Гартюфе», мне кажется, очень важную победу для себя одержала Шацкая — мой Зайчик. Вообще эта пара Погорельцев — Шацкая — самая точная в спектакле, самая обаятельная и великолепная. Но, помимо спектакля, есть завоевание личного порядка — это ее первая премьерная работа с Любимовым, он узнал ее наконец, до этого были всё вводы и прицелочные работы... Мило... хорошо... но не больше... По этой работе можно судить о большом диапазоне артистки, она очень разнообразна, может быть всякой, владеет разнообразными красками, чувствует жанр, пластична, обладает юмором... То есть анкета ее дарования во многом заполнилась положительными значками и высокими баллами... Она по праву вырвалась вперед, в ведущие актрисы, в лучшие фамилии театра, и я рад за нее и за нашу семью.

10 ноября

Вот как бывает в театре — вчера вместо «Галилея» состоялась премьера «Гартюфа». Да, вот так, вот такая жизнь. Ну что же, расскажу, как знаю, что запомнил. В обед вывел Кузьку, встретил Петрова, и он напомнил мне о телев. репетиции, я наскоро похватал и кинулся в театр. Зайчик сказал, что днем звонил Высоцкий, просил отменить спектакль — совсем без голоса, потом что-то переменялось — спектакль состоится. И вот вечер. Володя

⁸⁵ К/ф «Опасные гастроли» (реж. Г.Юнгвальд-Хилькевич, 1969), где Высоцкий сыграл главную роль — артиста Бенгальского, он же подпольщик Николай Коваленко.

приходит: «Спектакля не будет, нечем играть». Поднимается шухер. Врачи, шеф, Дупак, вся труппа ходят и вспоминают «лошадиную

фамилию» — что может пойти взамен, ничего, то того нет, то другого. Предлагаю «Тартюфа», звонить начальству и просить разрешёния, что делать — в театре несчастье, а публика уже в буфете. На меня как на сумасшедшего — непринятый спектакль, завтра всех увезут, шефу снимут голову и т. д. После всех передрыг Дупак решается: «Семь бед — один ответ, пусть идет “Тартюф”». Дупак выходит к зрителям, зрители в зале, он выводит Высоцкого: «Дорогие наши гости... Мы должны перед вами глубоко извиниться... Все наши усилия, усилия врачей, самого актера В., исполнителя роли Галилея, восстановить голос ни к чему не привели. Артист Высоцкий болен, он совершенно без голоса, и спектакль “Галилей” сегодня не пойдет». — В зале крики: «Пить надо меньше», «Петь надо больше» — какая-то чушь. — «Вместо этого мы вам покажем нашу новую работу “Тартюф”, которую еще никто не видел. [На полях. Аплодисменты, крики восторга.] Для этого, чтобы поставить оформление “Тартюфа” и разобрать “Галилея”, мы просим оставить зрительный зал на 20 минут. Через 20 минут начнется спектакль господина Мольера “Тартюф”».

Что-то пытался сказать Володя: «Вы меня слышите?..» — я только и успел разобрать. В общем, позор. Никому Володя уже был не нужен, публика была при почти скандале, ей давали «Тартюфа», и она была счастлива — все-таки это ведь исключительный случай, артист Высоцкий вышел извиняться, ему можно было выразить из зала свое «фе», перед ней (публикой) расшаркались и сейчас покажут премьеру, а пока она с шумом повскакала с мест и кинулась в буфет.

Весь театр начал растаскивать по углам «Галилея» и тащить «Тартюфа», как на abordаж, каждый пытался что-нибудь развязать, растащить, завязать, приволоочь — публика в буфете, ее нельзя задерживать. А Володя ушел с Татьяной, его встретил пьяный Акимов⁸⁶, обхамил Татьяну, она вернулась в театр, где шла премьеры. Спектакль шел в лучшем виденном мной варианте — Зайчик был на самой высокой высоте. После спектакля открыли шампанское.

Володя накануне был очень пьян после «10 дней» и какой-то бабе старой на улице говорил, что он «располосует себе вены, и тогда все будут довольны». Говорил про Есенина; старуха, пытаясь утешить, очень обижала: «Есенин умер, но его помнят все, а вас никто не будет помнить» и т. д. Было ужасно больно и противно все это слушать.

Мы все виноваты в чем-то, почему нас нет рядом, когда ему плохо, кто ему нужен, кто может зализать душу его, что творится в ней — никто не знает. Господи!!! Помоги ему и нам всем!!! Я за него Тебя прошу, не дай погибнуть ему, не навлекай беды на всех нас!!!

19 ноября

Какой-то внутренний разлад. Чувствую, что мной кругом недоволены. Можяев безразличен, Назаров сух, с Любимовым неприятная заочная война. Вдруг почему-то он Венке про меня бросил: «Надеюсь, твой друг возьмет свою голову в руки». Я ее не терял; если он имеет в виду съемки — я не участвовал в «Тартюфе». А что мне оставалось делать?! И у меня началось к нему время придилок, кстати, они всегда взаимны. Я избегаю встреч с ним, мне ужасно неприятно встречаться с ним, беспокойно.

22 ноября. Пятница, 19 часов 25 мин.

Ну, так. Сначала хроника.

19 ноября за мной приехали в 8.45. Попросил тещу отправить первую партию книг в Междуреченск, купленную еще до праздников, хоть какой-то груз с плеч. Досъемки планов к правлению с Антоном. Не до искусства. Поругался с Васильичем. Не дает дубля, хоть разорвись. Его помощники сразу, по первому сигналу, выключают свет, никакого уважения к режиссеру. Во время «Послушайте» состоялась беседа Высоцкого с шефом, где шеф ему

⁸⁶ Владимир Акимов, кинорежиссер.

пригрозил вдруг: «Если ты не будешь нормально работать, я добьюсь у Романова, что тебе вообще запретят сниматься, и выгоню из театра по статье».

Володя не играет с 8 ноября. Последний раз он играл Керенского. Сегодня «Пугачев». Завтра «Галилей». Господи, сделай, чтобы все было хорошо.

23 ноября

Уходит Губенко. Положил на стол «Макенпотта». Забросал Дупака заявлениями с угрозами:

— Не дадите квартиру — не буду играть... уйду и пр.

Жена у него — Болотова⁸⁷ — дочка посла, сам снимается постоянно, давно бы уж кооператив построил, жлоб.

Вечер. После «Галилея». Володя без голоса, но трезв и в порядке. Вывешена репетиция «Галилея», говорят: Сева Шестаков⁸⁸ и даже — Хмель. Дай Бог! Но мне жаль Володьку, к нему плевое отношение. Но ничего не выходит, надо укреплять позиции. Театр колотит от фокусов премьеров. Никто, кроме шефа, не виноват в этом. Если он стоит на принципах сознательного артистического общества, нельзя одним и тем же потрафлять, надо растить артистов, давать хоть какие-то надежды попасть в премьеры и другим. Вообще я устал и пишу черт знает что. Каждый должен думать о своей судьбе сам, разумеется, не делая большого разрыва между собой и интересами театра.

25 ноября. Понедельник

Какие-то хорошие мысли сегодня проводывали. Это оттого, что умную, хорошую книгу читаю — 9-й т. Бунина, о Толстом. И вот я думал, что жил Паустовский в одно время со мной. Я снимался в Тарусе, когда он жил там, я видел его дом издаleка, хотел пойти к нему, постучать в ворота, посмотреть на него, услышать голос и не сходил. Некогда было, некогда, а может, оттого, что мужики сказывали — он не принимает никого, злится, когда приходят посторонние, а ходят много, надоедают, а он человек больной, ему покой нужен. Так или иначе, я не сходил к нему и каюсь — ну не принял бы, так и что? Убыло б меня? А если бы принял, что бы я ему сказал, я ведь и читал его немного — тоже некогда было. Что бы я сказал-то ему? Вот вопрос. В общем, получается, что и правильно, что я не помешал лишний раз ему. Ему и без меня мешали многие, не успел умереть, как воспоминания за воспоминаниями о нем появляются, как будто заготовленные были.

Андрей Вознесенский. Ужасно плохо мы знаем поэзию современную. Но ведь признано, что в этой поэзии он бриллиант. И часто бывает у нас в театре, года полтора назад читал стихи новые в «Антимирах», книги дарит нам свои новые каждый раз с автографами. Мне написал: «С радостью за Ваш талант». Мы запоминаем каждую встречу с ним, ловим каждое слово, на всякий случай, вдруг придется воспоминания писать, когда не станет поэта, и получается, что мы ждем — когда же что-нибудь случится с ним [на полях: т. е. когда же он станет классиком], чтобы сказать: а мы его знали, он с нами водку не раз пил, мы спорили с ним об искусств-вегон нам книжки дарил с надписями — мы, обыватели, мы, серость, волей чьей-то оказавшиеся рядом с явлением.

Не то же ли есть и мой друг Высоцкий. Мы греемся около его костра, мы охотно говорим о нем чужим людям, мы даже незаметно для самих себя легенды о нем сочиняем. И тоже ждем — вот случится что-нибудь с другом нашим (не приведи Господь), мы такие воспоминания, такие мемуарные памятники настряпаем — будь здоров, залюбуешься, такое наковыряем, что сам Высоцкий удивится и не узнает себя в нашем изложении. Мы только случая ждем и не бережем друга, не стараемся вникнуть в мрачный, беспомощный, одинокий, я убежден, мир его. Мы все меряем по себе: если нам хорошо, почему ему должно быть плохо? Шеф говорит: «Зажрался. Пол-Москвы баб пере... и даже Париж начал, денег у

⁸⁷ Жанна Болотова, киноактриса, жена Н.Н.Губенко.

⁸⁸ Всеволод Шестаков, в то время актер самодеятельного театра МГУ.

него — куры не клюют... Самые знаменитые люди за честь почитают в дом его к себе позвать, пленку его иметь, в кино в нескольких сразу снимается, популярность себе заработал самую популярную, и все ему плохо... С коллективом не считается, коллектив лихорадит от его запоев...» И шеф, получается, несчастный человек по-своему.

Невнимательны мы друг к другу и несчастны должны быть очень этим, а мы и не замечаем даже этого.

У моего Зайчика жесткое сердце или он делает вид, что так? Резкое и колючее, безразличное отношение его к людям. Сейчас говорили о том, что я написал выше: «Зачем ты этот бред сивой кобылы пишешь? О ком легенды, какие легенды?! К Высоцкому ли невнимательны? Если бы невнимательны, его бы давно в театре не было...» А что такое «в театре», что такое «театр», почему он должен почитать за счастье свое присутствие в нем, а не наоборот? Это ведь ужасно больно сознавать, что кто-то может сказать: «мы внимательны к нему, иначе его давно бы в нашем коллективе не было». Как это грустно все!!!

«Надо и в писании быть юродивым». — Толстой.

У каждого свое Астапово.

26 ноября

Общался с Зархи⁸⁹ через лифтершу.

Говорит, получилось искренне, понравилось Тарковскому. Прочитал мои «Дребезги».

— Надо поговорить... Мне кажется, вы хотите это очень дешево продать... — Начало даже поразило меня: что это — новый жанр, подумал я... — Это стоит гораздо больше, гораздо глубже, чем просто грустная, сентиментальная новелла, в общем, поговорим.

Бунин пишет о Толстом: «Главней же всего, что у него были зачатки туберкулеза (дающего, как известно, тем, кто им поражен, даже и духовный склад совсем особый)».

Может быть, это и ко мне относится. Я пролежал в туб. санатории три года и потом долго ходил на костылях. Вся жизнь моя так или иначе окрашена туб. светом. Этим исследованием надо заняться. К тому же друг Толька и его семья. Почему-то я с ним не прекращаю связи, дорожу ею, думаю о Тольке. В некотором смысле мы даже родня, хоть и разными формами туберкулеза болели. Не сегодня, конечно, об этом писать.

27 ноября

У Бунина: «Шопенгауэр говорит, что большинство людей выдает слова за мысли, большинство писателей мыслят только ради писания.

Это можно применить ко многим, даже очень большим писателям.

Толстой мечтал «довести свое свиноводство до полного совершенства».

Я сижу в студии, идет тракт, болтовня артистов, бедлам, неразбериха, то же самое, только с болями вдобавку, у меня в голове. Круг мешанины в голове, сумбура отрывков мыслей, забот, желаний.

«Мосфильм». «Пять дней»... Митта... Провал «Хозяина»... Любимов с неприятным, злым на всех артистов взглядом, которых он всех за «проститутток, ничтожеств, неблагодарных блюдолизов» почитает, «готовых клюнуть на любое предложение в самой мрачной халтуре», потому что в самой мрачной халтуре артист приобретает видимость свободы, нужности своей и освобождается, хоть на чуть-чуть, хоть так только кажется ему, от зависимости, унижения от рабского подчинения гл. режиссеру. Шеф это прекрасно понимает, чувствует — сам был на нашем месте, но пользуется властью своей, правом давать — не давать, держать в унижении артистов и смеяться над ними в душе, высокими словами прикрываясь. Я не люблю его, и он понимает, чувствует это, чувствует мою самостоятельность, обособленность, мой собственный театр в его театре, мою презируемость его как человека, не как художника или еще больше — общественного деятеля, он не Божий человек.

28 ноября

⁸⁹ Александр Зархи, кинорежиссер, постановщик фильмов «Депутат Балтики» (1937), «Высота» (1957), «Анна Каренина» (1967) и др.

Озвучание... Неожиданно трезвый Высоцкий, и как будто ничего и не было никогда... Вечер, сегодня же. Целый день бестолковое озвучание, с трех — репетиция, с 4 до 6 грим и фотопроба, с 6 до 7.30 еще полтора часа бестолковщины, с 8 до 9 репетиции в ГИТИСе.

Бунин о Чехове:

«Многим это покажется очень странным, но это так: он не любил актрис и актеров, говорил о них так:

— На семьдесят пять лет отстали они в развитии русского общества. Пошлые, насквозь прожженные самолюбием люди. Вот, например, вспоминаю Соловцова...

— Позвольте, — говорю я, — а помните телеграмму, которую вы отправили соловцовскому театру после его смерти?

— Мало ли что приходится писать в письмах, телеграммах. Мало ли что и про что говоришь иногда, чтобы не обижать... — И, помолчав, с новым смехом: — И про Художественный театр...»

30 ноября

Обед. Высоцкий, по его словам, был у профессора клиники им. Семашко, признали парез (его слова), разрыв связок. Нужно делать операцию, на полгода уходить из профессии. И вчера он не играл «Послушайте», а сегодня шеф сказал, что в 9 часов у него был концерт — это уже хамство со стороны друга.

Позвонил Губенко, отказался играть сегодня Керенского, уговаривали Власова, Глаголин, наконец, шеф, Коля бросил трубку: «Не приеду» — и точка.

Шеф предупредил меня: «Возьми текст, повтори, придется играть вечером».

— Больше лихорадить театр не будет, выгоню обоих... — Чего выгоню, когда Николай заявлений пять уже положил. — Насоныч⁹⁰, повтори и ты Хлопушу⁹¹, может случиться, что завтра бросишься как кур в ошип... Как Севка⁹² себя ведет... Сколько раз приходил на репетицию такой роли в раскладе, скотина...

Володя жаловался вчера Веньке:

— Бесхозяйственно мы живем... Встречаемся на «Мосфильме» с Валерием как чужие... Я понимаю, что виноват, мне очень плохо. Веня, я люблю тебя.

А я избегаю его. Мне неловко встречаться с ним, я начинаю волноваться чего-то, суетиться, я не знаю, как вести себя с ним, что сказать ему, и стараюсь... перекинувшись общими словами, расстаться поскорее, и чувствую себя гадко, предательски по отношению к нему, а что сделать — не знаю.

Вчера рассказывал Полоке, как я, встречаясь с режиссерами, приглашающими меня на интел. роли, изо всех сил доказываю, что я не гожусь, что я совсем не интеллигент, «посмотрите на мое лицо, на мое происхождение, на роли, которые я считаю своими, кровными, нет, я не интеллигент, у меня большой подбородок и колхозник-отец, во мне нет ни капли голубизны в крови...». Хуциев даже волнуется: «Ну почему, кто вам это сказал... Надо что-то сделать только с верхней губой, и все будет в порядке». Нет, с верхней губой я ничего делать не стану все равно... «Прав» Ростоцкий — интеллигент определяется по рукам, породу надо искать в передних конечностях... На роль, к примеру, Печорина надо искать артиста с руками — руки, руки выдают породу, а если они не выдают, это человек не той породы и на Печорина, разумеется, не годится...

«Можно писать о яблоне с золотыми яблоками, но не о грушах на вербе», — мысль принадлежит Гоголю, вычитал у Бунина. Его гувернер видел Гоголя однажды в раздевалке.

⁹⁰ Владимир Насонов, в то время актер Театра на Таганке.

⁹¹ Роль Высоцкого в спектакле «Пугачев».

⁹² Всеволод Абдулов, актер, сокурсник В.Высоцкого по Школе-студии МХАТ и его друг.

Прекрасная мысль и чудно выражена, нечто подобное говорил мне Можаяев после прочтения «Стариков».

2 декабря

Шеф (только войдя):

— Элла Петровна! Там стоит приятель Высоцкого, спуститесь к нему, и пусть он передаст своему другу, что, если он не ляжет в больницу и не напишет подписку о принятии лекарств, которые могут привести к смерти, если он этого не сделает, я выгоню его из театра за пьянство и сделаю так, что он никогда не будет сниматься...

Беда Высоцкого даже не в том, что он валяется под забором. На него противно смотреть, когда он играет трезвый, — у него рвется мысль, нет голоса. Искусства бесформенного нет, и если вы чему-нибудь и научились за 4 года, то благодаря жесткой требовательности моей, жесткой форме, в которой я приучаю вас работать. С чего он пьет? Голова слабо интеллектуальна, он обалдел от славы, не выдержали мозги. От чего обалдел? Подумаешь, сочинил 5 хороших песен, ну и что. Солженицын ходит трезвый, спокойный, человек действительно испытывает трудности и, однако, работает — пусть учится, или что, он а-ля Есенин, с чего он пьет, затопчут под забор, пройдут мимо и забудут эти 5 песен, вот и вся хитрость. Жизнь жестокая штука. Вот я уйду, и вы поймете, что вы потеряли. Вы скажете, что с ним было иногда интересно...

Меня бьют с двух сторон — с одной стороны реакционное чиновничество, мешающее репертуару, с другой — господа артисты своей разболтанностью... Я с ужасом жду всяких неожиданностей — кто куда уедет, кто напьется, кто родит, я никогда не знаю, какой пойдет вечером спектакль, у кого найдется время забежать в театр между съемками, любовными похождениями, пьянками, телевидением, а у кого не будет времени заглянуть в него, поиграть чего.

4 декабря

Высоцкого под наркозом уложили в больницу. Последние дни он опустился окончательно, его не могли уже найти ни Гарик, ни Танька. Облеваный и измазанный подзаборной грязью, он приходил в 3–4 часа ночи. Просил водки, грозился кончить с собой, бросался к балкону, «ты меня застанешь в петле», потом наступали короткие просветления, и он говорил, что пора завязывать и все начинать заново. Врачи констатировали полную деградацию организма — (деградировавший алкоголик), общее расстройство психики, перебойную работу сердца и т. д. Обещали ни под каким предлогом не выпускать его из больницы два месяца. На Володю надели халат и увели. Он попросил положить его в пятое отделение, но гл. врач не допустила этого. В пятом молодые врачи, поклонники его песен, очевидно, уступают его мольбам, просьбам, доверяются ему, и он окручивает их. 10 декабря начинаются у него съемки в Одессе. Я попросил Скирду⁹³ передать Хилькевичу⁹⁴, если он любит, уважает и жалеет Володю, если он хочет его сберечь, пусть поломает к черту его съемки, сошлет на запрет худ. совета или еще чего. Либо пусть ждет два месяца, но вряд ли это возможно в условиях проф. студии у начинающего режиссера. Но поломать съемки необходимо. У Андрея Вознесенского на квартире, перед банкетом «Гартюфа», состоялось заседание друзей Володи с его присутствием. Друзья объясняли ему ситуацию и просили не пить, побережь себя, театр... Володя обещал. Зоя⁹⁵ спрашивала меня на банкете:

— Правда, говорят, что он зазнался? Мы этого не заметили с Андрюшей...

5 декабря

⁹³ Лионелла Скирда-Пырьева, киноактриса. Снималась вместе с В. Высоцким в фильмах «Хозяин тайги» и «Опасные гастроли».

⁹⁴ Хилькевич, Юра — Георгий Юнгвалд-Хилькевич, кинорежиссер. В своих картинах снял в главных ролях В. Высоцкого («Опасные гастроли», 1969) и В. Золотухина («Весна двадцать девятого», 1975).

⁹⁵ Зоя Богуславская, прозаик и критик, жена поэта А. Вознесенского.

Снова нарвался на шефа. Зашел к Марине за рассказами, и он тут как тут.
— Валерий, я тебя прошу, ты не забывай образ.
— Какой?
— Кузькина... А то ты как-то очень сдал последнее время...
— Как сдал, чего сдал... меня в театре не бывает совсем, откуда вы это знаете?
— Вот, вот поэтому я и говорю, что тебя в театре не бывает... Не мог ни одну репетицию с тобой назначить, хотел прийти посмотреть... а ты все занят где-то.
— Да я дома сижу!
/— Да брось ты... что вы со мной арапничаєте?!
— Чего арапничаєте? Мне не верите, можете спросить Можаяева, и потом, были с Борисом репетиции. Партнеры все заняты, кто «Макенпоттом», кто «Тартюфом».
— И Находка — роль прекрасная⁹⁶, ее можно отлично сделать... Понаблюдай по телевизору разные интервью... Есть отличные парни...
Ох, не нравятся мне эти разговоры, ох, не нравятся!!

6 декабря

Говорят, был крупный разговор между Губенко и Петровичем. Колька высказал, очевидно, свое недоумение по поводу помоев Любимова на Герасимова: «А если я ему передам?..» — кажется, была сказана такая фраза. Николай заявил, что он играет последний раз.

После «Антимиров» — худсовет, вдруг почему-то срочно. Решали, как поступить с Губенко. Какую форму приказа выдумать, чтобы другим неповадно было, в назидание остающимся. Шеф снова прошелся по мне: «Золотухин проделывал подобные модуляции», — я сидел, молчал, упорно, угрюмо. Васильев требовал каждого, кто осмелится заикнуться о заявлении, увольнять без проволочек. Любимов растерялся: «А кто играть будет?» Васильев пошел дальше: «Гнать каждого, замеченного в пьянстве».

Любимов:

— Тогда не было бы и Качалова, и Москвина... половины, да что там, всего Художественного театра, они закладывали ох как...

Шеф почуял, что артистов он не перевалил на свою сторону — написать какую-нибудь гадость на Губенко. Решили — отпечатать и вывесить его все заявления об уходе на обозрение труппы с комментариями, с ордером на квартиру, которой почти добились... Я запротестовал: «Как вы не понимаете, что это унижительно — театру с таким именем заниматься дешёвой склокой», — все это я произнес на художественном совете.

Дупак:

— Золотухин молчит, очевидно, он не согласен с тем, что здесь говорится и предлагается... хочет сам подать заявление об уходе...

Что они ко мне привязались с этим заявлением?! Ничего не понимаю. Вдруг через два года усиленно напоминать о том, чего из них никто в глаза не видел, то есть моего заявления.

Я попросил слова... но меня перебили, и я заткнулся, может, и к лучшему. Хотя совесть неспокойна и гадко на душе — не согласен и молчу...

Промолчи — попадешь в первачи...

Промолчи — попадешь в палачи...

Глаголин (после):

— Вы молчали упорно, Валерий, мне не ясна ваша позиция...

— Объясню, Боря, только тет-а-тет...

8 декабря

Шеф (на меня): Этот с Высоцким исправляют текст Можаяева, литературой вдруг чего-то занялся...

⁹⁶ Андрей Находка, персонаж романа М.Горького «Мать», по которому в Театре на Таганке в 1969 г. был поставлен спектакль.

Смехов: О... Тут вы ошибаетесь, Ю.П. Он бы вам и читать не дал то, что написал в этом сценарии. Это халтура дикая, а Золотухин взялся только потому, что это Можаяев...

Шеф: Что бы он ни написал, он написал Кузькина, и он разбирается в этом гораздо лучше нас...

Золотухин: Хорошо, когда есть в театре адвокат. Ты уже не раз, Веня, защищал меня своей мощной грудью.

Венька (*обиделся*): Зачем ты так при нем говоришь?

А не надо трепаться, Веня. Этим все равно ничего не докажешь. Он посмотрит фильм, скажет: «Говно, и прав был Можаяев, не надо было лезть не в свое дело». И поди ему докажи, почему получилось говно и что из говна масла не собьешь — густота получится, а вкус не тот. И весь разговор. А если фильм получится — можно и поговорить, но и тогда — сценарий Можаяева.

Спесивцев⁹⁷: Профессиональному отношению к делу в Театре на Таганке меня научил Золотухин. Пришел я однажды с большого похмелья, сел и задумался: «Зачем я живу, кому я нужен, кому нужно то, что я делаю», — смотрю в зеркало и вижу Золотухина, который готовится к спектаклю... Он, конечно, пришел раньше всех, холодно, а он разделся до трусов и примитивным образом совершает разминку... молча, спокойно, достойно. Потом стал распеваться, бормотать что-то, потом снова прыгать, тянуть мышцы, заниматься пластикой... И всё это не от случая к случаю, а регулярно, перед каждым спектаклем, не задумываясь, кому это нужно, а спокойно делая свое дело.

9 декабря

Вечером. Полока не пришел. Думаю — встретился с Высоцким. Он вчера вдруг заявился в театр, смотрел «Гартюфа». Шеф ездил к нему вчера, уговаривал зашить бомбу в задницу, мину смертельного исхода от алкоголя. Володя не согласился: «Я здоровый человек». Сегодня шеф приехал на три часа позже и злой до невменяемости. Но зато хорошо объяснял на репетиции.

Шеф:

— Когда идет турбина вразнос — это страшно... разлетается к чертям собачьим на мелкие куски... Так дурак Высоцкий пускает себя вразнос... Врачи говорят, если он будет так продолжать, через три года подойдет...

С какой тоской и болью, почему-то мне кажется, восклицает Бунин в заметках к завещанию, хоть и в скобках. Если бы нашелся умный и тонкий человек, который мог бы выбрать эти отрывки — отрывки из дневников, зап. книжек — для биографической полноты.

11 декабря

Панихида — это смотр сил. Во мне нуждаются, только чтобы венки таскать по морозу. Часто бываю на панихидах. Мордвинова богаче отпевали. Надо уйти как можно скорее — Шацкая выбирает телевизор, надо успеть взять кредитную справку и т. п. По-моему, труднее всего Любимову. Симонов последнее время поносил нас и шефа. На Любимова смотрят, как держится, ждут, что говорить будет. В театр венки вносили мы с Дупаком⁹⁸. Там у нас его отняли Любимов с Венькой. Перед выходом к гробу шеф обнял меня, я посмотрел по сторонам — кто это видит. Дупак сказал: «Пойдем по обе стороны, через одного, один туда, другой сюда». Для нас это означает — один с шефом, другой с Дупаком. Мне выпало с шефом, а Демидовой не выпало, но она все равно встала с нами. Как только мы встали у фоба, вспыхнули юпитеры, затрещали камеры — нас снимают. Таким образом мы попадаем в историю. Стою, креплюсь, чтобы не улыбнуться. Симонов-сын или Ульянов? Кто встанет у руля? Это занимает сейчас всех больше, чем смерть. Смерть есть смерть, уход, конец... Кончается одно, начинается другое. Официально, законно отошла определенная эпоха,

⁹⁷ Вячеслав Спесивцев, в то время актер Театра на Таганке.

⁹⁸ Речь идет о панихиде главного режиссера Театра им. Евг. Вахтангова Рубена Симонова.

многие ждут — что-то будет — новое, другое, может быть, лучшее, человек всегда надеется... А другим будет, конечно, плохо, которым было чересчур хорошо... Начнется обновление театра, это уж непременно, и молодым надо смотреть теперь в оба.

Вчера читал Полоке, Щеглову, Кохановскому, Высоцкому свой окончательный вариант письма⁹⁹, одобренный Шацкой. Принято без единой поправки и признано талантливым. Убеждал Высоцкого, объяснял, почему ему нельзя категорически уходить из театра и надо писать письмо коллективу. Если сам не хочешь, давай я напишу? Высоцкий хочет заявить о себе кинозрителю. Он думает это сделать в фильме Хилькевича, в Одессе. Дай Бог, но у меня не лежит душа к этой затее.

Высоцкий обо мне: «Золотухин — человек щедрый на похвалу... Он не боится хвалить другого, потому что внутри себя уверен, что сам он все равно лучше».

Сегодня Володя беседует с шефом. Интересно, чем кончится эта аудиенция...

13 декабря

Читаю Бунина и уже хочу писать под него. Черт возьми, какая точность, сжатость, эмоциональная вспышка в каждом рассказе.

Академическая, аскетическая точность размера и прелесть языка. Удивительный мастер.

Вчера выездной «Добрый» в Тушине. Сегодня «Послушайте» и худ. совет, кажется, по поводу Высоцкого.

На репетициях замучиваю шефа вопросами, а то он совсем разучился работать — кроме «конкретно», не знает ничего, я заставляю его фантазировать, вызываю на творчество... Сначала раздражается, а потом ничего, загорается...

14 декабря

Вчера восстановили Высоцкого в правах артиста Театра на Таганке. И смех и грех. Мы прощаем его, конечно, но если он еще над нами посмеется... да и тогда мы его простим.

Шеф: Есть принципиальная разница между Губенко и Высоцким. Губенко — гангстер, Высоцкий — несчастный человек, любящий, при всех отклонениях, театр и желающий в нем работать.

Дупак: Есть предложение предложить ему поработать рабочим сцены.

— Холодно.

— Реклама.

— Рабочие обижаются, что это за наказание, переводить наших алкоголиков к ним, а куда им своих алкоголиков переводить?

Венька — о гарантиях прочности, т. е. замене надежной и достойной во всех спектаклях.

Я молчал.

Письмо Высоцкого: «Сзади много черной краски, теперь нужно высветлять».

Галина Н.:

— Зазнался, стрижет купюры в кармане.

16 декабря. Понедельник

Ходил с Кузей. Тепло. Плохо спал и Зайчику не давал. Вчера сказал Глаголину, что хочу попробовать «Пугачева». Начал играть Высоцкий Керенского. На спектакле был Гаранин с директором издательства, которое печатает книжку...

18 декабря. Среда

С Зайчиком снова в КДС¹⁰⁰ на «Медном всаднике». Поехали к Власовым (балет Большого театра) и попали в другой мир: квартира их, ее отделка, обстановка, своеобразие

⁹⁹ Написанное Золотухиным письмо Л.И.Брежневу, Н.А.Косыгину и Н.В.Подгорному в защиту фильма «Интервенция».

¹⁰⁰ Кремлевский Дворец съездов.

убили нас наповал. Из кухни сделан бар, настоящий, со стойками. Туалет и ванная выложены черным и голубым битым кафелем, это так оригинально, что они держали двери в ванную открытыми, чтобы все видели. Кафель отражается в многочисленных зеркалах, и получается лабиринт комнат, хотя всего две, самые обыкновенные, кооперативные комнаты, переделанные внутри на свой хозяйский лад. Проекционная и т. д.

А спальня — боже мой! Не хотелось уходить. Домой мы прикатили в четвертом часу и долго с Зайчиком говорили, вспоминали, где мы только что очутились. Назавтра Зайчик стала двигать мебель в нашей комнате с места на место, но разве дело в перестановке?!

Но я пришел к убеждению, что это все-таки разврат (вот и теща икнула, значит, правда). Высоцкий назвал это — «все для человека», а я так думаю, что это «все против человека», хотя все мы стремимся к этому изо всех сил.

Кабалевский на съезде обложил песню Высоцкого «Друг» и радио, при помощи которого она получила распространение.

Комитет нашу картину «Хозяин» принял без единой поправки. Авторы пошли пьянствовать.

22 декабря

Вчера в «Современнике» обратился к администраторше. Она: «Подождите до 7, если не придут студенты, я вас пропущу».

Оскорбился, хотел уйти. Но подумал: а что произошло?! Ведь не обижался же я 6 лет назад, когда меня выставляли. Я пробовал все варианты, чтобы пройти, а сейчас, видишь ли, надул губы. Нет, милый, надо оставаться самим собой, гордость тут ни к чему, ты приехал на спектакль почти из деревни, и что же, из-за фанаберии удаляться назад? Пошел к служебному, стали подходить дубленки — это киты.

Козаков:

— Старик, у меня столько родни пришло.

Табаков:

— Лучше всего билет купить, у тебя рубль пятьдесят найдется?

— Рубль найдется, а пятьдесят нет.

— Ну, что-нибудь придумать можно, конечно... подожди минутку. — Вышел. — Подойди, она тебе что-нибудь сделает...

— Вы предупредили ее?

— Да, да...

Администраторша:

— Что вы, один за одним?

Снова отошел, ну, думаю, ладно, суки. Зритель идет, меня узнаёт, улыбается, а я стою, пройти не могу. Снова к служебному. Еще одна дубленка — О.Ефремов:

— Здорово. Чего здесь делаешь?

— Проникнуть хочу.

— А для чего палка?

— Для пижонства.

— А... ты к тому же и пижон... Ну, сам знаешь, как это трудно. Подожди здесь.

Идет с администраторшей:

— Проходите на бельэтаж, я вас посажу.

Всё хорошо, всё нормально. А ушел бы?! Оскорбленное самолюбие; понятное дело — хороший театр, вот и трудно пройти, а был бы плохой, было бы легко, но я бы и не пришел.

30 декабря

Можаев хвастался в театре Любимову:

— Валерка первым номером, все стало на место... Заказывают вторую серию... Министр его хвалил...

Любимов:

— Можайч тебя хвалил, после ругани... Жене твоей я сказал, что это недоразумение, но вести себя так некрасиво... обижаться...

Левина Эл. П.:

— Очень ответственный человек звонил мне и сказал, что ты получишь премию за «Хозяина», за лучшее исполнение мужской роли... А может, и Государственную. «Я, — говорит, — понял, что Золотухин, конечно, крупнее артист, чем Высоцкий... Он его начисто переиграл...» Очень, очень ты ему понравился, это, говорит, лучшая мужская роль за этот год. Так что жди премии...

Зайчик:

— А что же ты дерьмил все?.. Не люблю я в тебе, Зайчик, этого.

— Да ведь действительно дерьмо. Ведь вот что обидно — настоящее не видит света, а за халтуру хвалят.

Любимов:

— Как они ни портили, а Можаяв их вывез...

1969

9 января. Четверг

Холодно. Мне давно хотелось пойти во МХАТ. Как-никак, а никуда не выкинешь первые годы, годы младенчества в театральном институте, которые были заполнены преклонением перед Станиславским и его компанией, и еще: театр его для нас, маленьких, — благоговейное заведение являлось. Я приходил и дышал тем воздухом, те запахи распознавая, с которыми они дружили. Нет, это святое дело. Теперь — религия, и иначе жить не можно. Даже служители гардероба и контроля-вешалок, с которых начинается театр, — все было для меня наполнено ихним смыслом, смыслом великих артистов, и мне казалось, что эти старички и старушки здоровались с самим Станиславским, Чеховым, Хмелевым, Москвиным и пр. И я глядел на них во все глаза и старался разглядеть за ними моих идолов, да и сами служители становились идолами, вечными привратниками рая. Я благоговел перед каждой пылинкой, перед каждой картинкой, что видел внутри этого недоступного заведения. И вот... через несколько лет я снова здесь. Последний раз я видел «Без вины виноватых» пять лет назад, возненавидел моих кумиров и сказал, что больше не пойду. Но плохое забывается, а тоска молодчества не проходит, и меня тянуло к этой пыли, затхлости МХАТа. И особенно после Таганского звона, ора, гражданственности, направленности и т. д. захотелось тишины, уюта, несуетливости, даже скуки. И вот... «Дни Турбиных». Нет, я об этом писать не стану, жалко времени, больно за Булгакова, за зрителей, за все на свете. Ушел после второго акта, не был пять лет и еще 10 не пойду.

Вчера состоялось совещание у Фурцевой по нашему театру. От нашего полку были: Любимов, Дупак, Глаголин, Можаяв, Вознесенский... Прикидочный показ-репетиция «Живого» для высокого начальства состоится 17 февраля. Намечено так. Пришли радостные, в бодром, вздрюченном настроении. Можаяв хвалил за «Хозяина», хвастался:

— Что они наработали там... в тайге... Боже мой... Приехали, худсовет как дал, живого места не оставил: и это плохо, и это плохо... Я говорю, да погодите, ребята, исправим... ну не на полку же класть, говорю... ну построим кусок тайги в павильоне да переснимем, допишем — и все свяжется. «Да нельзя». Да как, говорю, нельзя, все можно. Ну построили тайгу, часть природы перенесли в палатки, и все связалось, и сейчас всем нравится... И он, стервец, хорошо играет, хорошо... молодец... И Володька прилично, но ты его перекрыл.

Сурин ¹⁰¹ на профсоюзном собрании сказал, что вот, дескать, приятная неожиданность... «Хозяин тайги» получился хороший фильм... — чуть ли не лучший фильм года — и тому подобный полив. Сказал и о премии, но это, по-моему, мой полив ко мне вернулся. Можаяв сказал по секрету, без передачи Назарову, что с ним уже подписан

¹⁰¹ Владимир Николаевич Сурин, в то время директор «Мосфильма»

договор на второй сценарий о Сережкине и «на лето у тебя работа будет».

Любимов:

— Ну, давай Валерий, отшлифовывай рольку, чтобы так натурально было, как будто настоящего мужика взяли.

«Вот и возьмите с улицы, и пусть он вам играет», — хотел сказать, но, конечно, не сказал.

19 января

Мне сегодня Высоцкий заявил, что он уже три месяца как не живет с Люсей. Оказывается, они разошлись.

22 января

Дубна, 326 (б), Золотухин с Шацкой, Высоцкий с Иваненко, Васильев с Лукьяновой, Смехов со Смеховой, Левина со Славинной, Любимов с Целиковской.

После обеда у Васильева в номере сочиняли шуточные поздравления. Венька написал приветствие из словоблудия от «-ЛЯР» и «-ЛЯМ», Высоцкий — песенку, Васильев подобрал музыку.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь...

И в Дубне, и на Таганке что-то ставят, что-то строят,

Сходство явно, но различие кошмарно.

Элементы открывают, и никто их не закрывает,

А спектакль закрыть весьма элементарно.

(2 раза с моим соло)

Все в Дубне и на Таганке идентично, адекватно,

Даже общие банкеты, то есть пьянки.

Если б премиями, званьями делились вы с театром,

Нас бы звали филиалом на Таганке.

Если б премиями, званьями делились бы мы с вами,

Вас бы звали филиалом на Дубнянке.

Раз, два...

Пусть другие землю роют, знаем мы, что здесь откроют,

114 тяжелых элементов,

И раз Флеров академик, значит, будет больше денег На обмытие его экспериментов.

И раз Флеров академик, значит, будет больше денег И мы будем ездить к вам как можно чаще.

Нас не приняли сразу бурно, как мы ожидали, и мы зажалась. Тем более сделали глупость, не отбили капустник от концерта, и зрители, казалось, были в недоумении. Я пел, кажется, хорошо, Вениамин читал Маяковского, Володя пел песни и все спас.

Нина не пошла на концерт, в приглашении было написано — Золотухин с супругой:

— Мне не хочется присутствовать в качестве супруги.

После концерта банкет на 400 человек.

Целиковская:

— Он деградирует как режиссер... Да, да... Уж мне не говорите, я его знаю, слава Богу... Он деградирует... Что он сделал с «Тартюфом», я его возненавидела как режиссера из-за вас, из-за актеров. Какое он имеет право так с вами работать — ни одной актерской работы, при блистательных ролях. Мне никто не нравится. Значит, не умеет работать с актером.

— А в «Живом» есть актерские работы.

— В «Живом» — да... Вы не очень, вы меня простите, я очень придирчива и всегда говорю прямо человеку все, что думаю. Мне показалось, что вы очень вымученно работаете. Вам не приносит радости играть этот образ; играйте Можаяева самого, он ведь вылитый Кузькин... Вы были, мне показалось, очень уставший от роли. И я видела актера все-таки, а не этого колхозника. А вот этот рыжий, не знаю его фамилии, потом Колокольников, этот

бездарь, ведь он бездарь абсолютный. Когда он его брал в театр, я ему говорила: «Зачем ты его берешь?» — «Заменять неохота» — а здесь он просто великолепен...

Моя мама трудный человек... Она любит вас, Володю, но Володю мы все любим, он у нас вне конкуренции. Ему (Любимову) нужно что-то сделать. Из его спектаклей я признаю: «10 дней», «Пугачев» и «Живой», «Живой», пожалуй, на первом месте у меня... Но я очень придиричива, я никогда не была довольна собой.

У Флерова дома. Пели с Володей «Баньку», я очень сильно кричал, какая-то неудобная тональность была.

Целиковская:

— Володя, ты один лучше пел «Баньку», а это получается пьяный ор, подголосок должен быть еле слышен...

2 февраля

Ходил с Кузькой. Зайка спит в маминой комнате, в нашей спит мой отец — Золотухин Валерий Сергеевич; что я написал? задумался, и рука нацарапала собственное имя, — Сергей Илларионович. А я задумался над тем, что вчера, когда наши артисты наблюдали со сцены и потом, когда он зашел в антракте, многие говорили о моей на него похожести, и сильной. Вот не ожидал. Говорят, чтобы быть счастливым, надо сыну походить на мать, а дочери на отца. Отец что-то плохо себя чувствовал и не хотел даже ехать:

— Оставил бы ты меня, сынок, одного.

Но я не мог ему не показать театр, то, чем я занимаюсь в жизни, пусть знает. И он не пожалел.

— Что он, обмороженный у тебя, красный такой? — Игорь Петров спросил.

— Он поддатый малёха? — спросил В. Высоцкий, когда отец встретился с ним. «Ага, привет вам, значится, от всей дальней Сибири» — и в буфет. Горячей воды попросил. Кипятку; ну где взять чистого кипятку в театре, где разводят ведерный чайник мутного пойла и выдают его за чай? Но стакан этого пойла пришлось отдать, он выпил. И как будто все отлетело, — как потом говорил.

После спектакля он сел на помост, на котором мы в фойе выкобениваемся, положил рядом пальто и стал меня дожидаться.

Дома, перед выездом, пока он отдыхал, я готовил его к выходу в народ. Выгладил брюки, рубашку, дал свою майку, зимние ботинки, которые прошлый год мне продал Высоцкий, вычистил от Кузькиных волос пиджак, собрал ему фракную пару.

Думал ли я когда-нибудь увидеть моего родителя со сцены?! До того это мне странным, необычным и грустным делом показалось... Отец смотрит!! А мне бы хотелось, чтобы он как можно больше понял, все казалось, что артисты быстро говорят, и тихо вдобавок, что он не разберет смысла, в чем дело.

Я не поехал 4-го на запись передачи о Макаренке. Месяц репетировал и отдал кусок другому. Все были уверены, что я снимаюсь, даже шеф...

Высоцкий: Валерий заболел.

Шеф: Как-то странно он заболел.

Высоцкий: Почему странно? Что, человек не может заболеть?

Ш е ф: Да нет, просто странно.

Ладно, х... с ними со всеми. Странно — не странно, а, в общем, я боялся за вчерашнего «Галилея», некоторые думали, что я в говне не хочу участвовать; мало я говна переиграл, до этого мне сейчас.

18 февраля

Володька снова запил. Смехов вчера меня уговаривал поехать к нему «сиделкой» побыть. 14-го отменился «Галилей» по причине его болезни. Что делать, Господи, ну помоги же ему и на этот раз.

19 февраля

Господи! Благодарю тебя, Господи! Ты помог мне вчера. Я отдам Ваньке всю зарплату с телехалтуры, такое слово я себе дал, если буду сам считать, что прошло удачно. Так вот, я отдам ему все.

Шеф: Молодец! Ты очень двинулся вперед по сравнению с теми прогонами.

Можаев: Ну, ты сегодня просто великолепно играл.

Боровский: Грандиозно! Такая свобода, такая легкость, импровизация...

Вчера с утра сходил в церковь и поставил свечку Спасителю. И он спас меня. Конечно, не за свечку, а просто пожалел. Павел Орленев! Ты был бы доволен.

Вчера было два прогона: утром и вечером. Вечером было много народу: Евтушенко (у него машину в это время угнали), Эфрос, Крымова, Володин, Ефремов, Целиковская, Гаранины.

Гаранин:

— Это твой триумф... Надо лучше, да нельзя. На премьере лучше не играй, так играй...

Целовали, обнимали, поздравляли... Я не успокоился от вчерашнего, даже почти не спал ночью и не могу еще трезво как-то все переварить и понять. Ясно одно — борьба впереди, и надо работать и просить Бога о помощи.

20 февраля

Шеф делал замечания по прогону, хвалил в основном всех, про меня сказал опять то же: что я вырос по сравнению с весной. И было много очень хороших мест:

— Умные люди говорят, что это лучший наш спектакль. Что спектакль пронизан любовью к России, уважением к народу, и не показушной любовью, а по-настоящему глубокой и правдивой. Что в спектакле есть лиризм настоящий и поэтичность, что актеры очень хорошо и любовно обращаются с русской речью, с русскими словами и т. д.

В общем, он был в хорошем настроении, что у него получилось, и теперь только дело за чиновниками. А они опять пошли на попятную и не хотят смотреть. Сегодня шеф с Можаевым поедут к Мадам: «Сначала дала слово, а потом взяла обратно».

Переделывали финал — отменил тряпку с лозунгами, цветы, венки и бублики.

Приходил Высоцкий: «Опять мне все напортили, обманули, сказали, что едем к друзьям, а увезли в больницу и закрыли железные ворота. Я устроил там истерику, драку... зачем это нужно было... я уже сам завязывал, три дня попил, и всё, у меня бюллетень, я его закрою сегодня и буду работать завтра».

21 февраля

Вчера Ронинсон сказал мне, что я в Кузькине на грани гениальности.

Сегодня была первая репетиция «Матери» на сцене, опять половина народа отсутствовала. Сидел Можаев, режиссировал, потом они уехали к Фурцевой, может быть, сейчас решается судьба «Живого». Господи! Помоги нам!

Мы собираемся на поэторию Вознесенский — Щедрин в Большой зал.

25 февраля

Поэтория — это, конечно, бред сивой кобылы, хотя я слышал только начало, и то с большой высоты. Можаев с Мильдой пришел тоже без билета. Стали прорываться. Его провел Родион Щедрин, автор, а меня задержали: «Усатик, без билета, уйди». Я к Зое, она к Родиону, Можаев к нему: «Родион, это главный... мой Кузькин, это Золотухин». Родион старается смыться и их вести, со мной ему возиться неохота.

— Я не знаю, я и так уже много провел.

Можаев не бросает меня. Я иду снова на приступ, тетечка меня в грудь, за куртку и выталкивает с воплем: «Опять этот усатик лезет». Зрители сзади: «Это же Золотухин, пропустите его, это артист».

В общем, как-то я проник. «Усатик, усатик» — не понравились им мои усы. Зайчику предложили билет, я стал наскребать, вытряс всю мелочь, не хватило около 50 копеек — ладно, обойдемся, — позор, но зато роскошный билет и Зайчик в 10-м ряду. Мы с Можаевым сели на свободные места. Родион перед первым отделением сказал: «Ну, Моцарты, вы можете сесть в буфете, а на второе что-нибудь придумаем с местами».

В антракте Можаяев сказал: «Ну, Федор Фомич, пойдем коньяком угощу». — «Дак я, как говорится, со всей душой, уж не помню, когда и пил его».

Взяли шампанское, я взялся открыть и пустил в себя пеной, как из огнетушителя, — вот и в шампанском покупался. Подошел шеф, Можаяев и ему стаканчик взял, в общем, хорошо было.

Ко второму отделению народу прибавилось, и наши места заняли. Мильда, правда, села, а нас с Можаяевым погнали по этапу на самый верх. Поднялись. Смотрим сверху: Можаяев поверх голов, а я задницы раздвинул — наблюдаю. Вся сцена в людях во фраках и с папками, огромная баба — Зыкина — в розовом ми-ни-платье. Родина-мать, Россия — вокализы распевает чудным голосом. Вышла баба, мужиком запела. «Зыкина в Большой зал Консерватории попала — дожили» — это реплики со стороны. Андрей встал, в свитере, руки в боки, покачался и начал навзрыд: «Я Гойя». Можаяев у меня спрашивает: «Кто он? Гойя? Ну а я Веласкес, пошли в буфет», — с хохотом мы скатились вниз к стойке и начали глущить шампанское. Только бы нас не засекли, а то неудобно, обижаться начнут.

Накачались мы шампанским крепко, а тут и Поэтория подошла к концу, мы пошли хлопать. Какой-то старичок говорит:

— Я в этом понимаю, большая работа проделана была, но, кроме как в Москве, нигде не поставишь это, не по силам будет, большая работа проделана.

Можаяев вооружился этой фразой и после делился со всеми своими впечатлениями...

27 февраля

Сейчас смылся с лекции «Маркс — ученый, революционер, человек», а после подготовка к 300-м «Антимирам», но сегодня «Добрый», и у меня есть кое-какое оправдание — тяжелый спектакль.

Что сообщил Дупак — 6 марта показ «Живого» самому большому начальству, кто-то из Политбюро будет смотреть. Театр на время просмотра на режиме, т. е. когда смотрит правительство — охрана, пропускать строго по списку, представленному Управлением, из артистов в театре могут находиться только участвующие в этом спектакле, в зале от театра три человека — гл. режиссер, директор и автор. Предупредили: мы всегда смотрим ваши спектакли по нескольку раз, делаем замечания, поправки и т. д., «Живой» будет смотреться только один раз, и вопрос тут же будет решён — да или нет. Никаких промежуточных решений не будет, поэтому заранее предупреждаем вас — уберите из спектакля сами все то, что может вызвать раздражение. Вот так; и после этого артистам предложено сыграть для гранд-персоны.

1 марта

Первый, законный день новой весны!! Сегодня особенно тепло, хотя пригревает уже с неделю, тает потихоньку. Вечером 300-е «Антимиры». Проблема — идти или не идти на банкет. Не идти — это какой-то выпад, нечто вроде демонстрации, дескать, не солидарен с вами. Еще скажут — зазнался после «Живого». Еще не сыграл, а уже забурел. И идти — соблазнительно больно — сидеть за столом и не выпить и не поесть. А я слово дал — до 6-го сухой закон и ограниченная обжорка. А потом, Зайчик!.. Вдруг он не пойдет, а не пойти он может запросто, дескать, я в 300-м не участвую, что же я полезу за стол.

Сегодня с 10 до 12 репетировали «Живого», убирали сомнительные места для персоны правительственной.

2 марта

300-й¹⁰² прошел прекрасно, сверх ожиданий. Читал Андрей; потом ресторан ВТО.

Я удивляюсь Высоцкому — какая у него глотка?! Феномен. Кажется — предел, всё, дальше ничего не будет, оборвется — нет, он еще выше, еще мощнее и звонче издает звуки.

¹⁰² Трехсотый спектакль поэтического представления «Антимиры» по произведениям Андрея Вознесенского, в котором он сам принимал участие.

Начали с ним «Баньку», мне не пелось, и тональность я не выдержал и перестал, а он за двоих стал шпарить, да по верхам, да с надрывом. Ох, молодец! Андрей повернулся:

— Володя, ты гений!!

И в самом деле, Володя — гений, добрый гений.

3 марта

В горкоме заседание идеологической комиссии ведет Гришин¹⁰³, шеф с Дупаком будут присутствовать на нем, и прогон, очевидно, пройдет без них.

Заметка:

ПРИМУС и даже газовая горелка — ДАЛЕКО НЕ ЛУЧШЕЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ПОДОГРЕВА МОЛОКА при ночном кормлении ребенка. Гораздо проще налить из термоса в кружку горячей воды и опустить в нее бутылочку с молоком.

На заседании идеологической комиссии Шапошникова сказала: «Театр на Таганке выгнал Высоцкого, так его подобрал “Мосфильм”».

В 13 часов начался прогон «Живого». На нем присутствовали: Бояджиев', Вольпин, Рошин, Рыжнев Димка и еще некоторые деятели, тоже очень умные. Ну, например, Ульянов, Войнович и которых я не знаю.

Прогон шел грязно, после двухнедельного перерыва сразу стали играть, подзабыли, спектакль еще не накатан и т. д.

Шеф: Грязно, он не катится, подразвалился... у тебя были хорошие места, но тоже... в общем, я тобой сегодня не очень доволен, были репетиции лучше.

Войнович в полном восторге, за последние 25 лет не помнит ничего подобного — лучший спектакль всех времен и народов.

Вольпин: Поздравляю с блестящей работой, чудесно, очень рад...

Бояджиев: Позвольте вас поцеловать... поздравляю, отлично, грандиозно. Мы вот там долго обсуждали, как сделать, чтобы спектакль пошел, и вот к чему пришли. К двум основным моментам.

Надо заставить их досмотреть, они могут возмутиться и уйти, поэтому надо смягчить начало. Чтобы вы, допустим, выходили не артистом, а Кузькиным, тем, которым вы становитесь в конце, то есть — приличная жизнь, когда он экипировался в новый пиджак, кепочку и т. д. Это снимет напряженность и подчеркнет, что — вот как я живу сейчас, но к такой жизни я пришел не сразу, а вот сейчас и покажу и т. д. Это первое, второе — если в первом акте это человек, попавший под колеса, и его жмут и давят и он чудом выживает, то второй акт Кузькин должен наступать, он уже и сам не прочь прижать, активно вступать в драку, зная, что он прав и поэтому победит.

Как критик, я бы, конечно, вам этого не посоветовал, потому что я целиком и полностью принимаю и понимаю ту трагическую интонацию, в которой вы все дело ведете, а на вид с улыбкой, с шуткой. Но что поделаешь — спектакль могут закопать, и надо придумывать, как спасти его. Это громадная победа советского театра и т. д. Позвольте вас поцеловать...

Кстати, ему сегодня исполнилось 60 лет.

Рыжнев Д.: Ну, я ничего подобного за свою жизнь не видел... Ты меня потряс до глубины души. Молодцы, но, как пар-тайный член, я вам скажу — вы что, ох...ли? Вы соображаете, что делаете, да вас задавят за этот спектакль тут же, на месте.

Как показали дальнейшие события, он был ближе всех к истине.

Стали обсуждать с шефом, с Можаяевым новое начало, сочинять текст и т. д. Я чуть не опоздал на спектакль. В конце концов они договорились до того, что начало старое — прекрасное и ну их всех на Х... Пусть смотрят так, как есть, надо отстаивать свои позиции и т. д.; арифметику в начале над мешком придется выкинуть, сократить.

5 марта

¹⁰³ Первый секретарь Московского горкома КПСС.

На прогоне 5-го были Вознесенский с Зоей;
— Грандиозно, гениально. В тебе столько всего... они смеялись, а я плакала — эта
глазенки твои... Поздравляю, умница и т. д.

1. Флеров, 2. Капица, 3. Гинзбург.

Прогон шел отлично, как никогда. Шеф, чего с ним никогда не было, в перерыве собрал артистов, позвал меня, пожал руку:

— Молодец, очень хорошо, благодарю и т. д. Ах, если бы он завтра так шел... прошу, второй акт, не теряйте темпа.

Можаев:

— Молодец! Ну, ты прям на две головы вырос по сравнению с прошлым годом и т. д. Ничего, всё будет нормально.

6—13 марта

«И был последний день Помпеи Для русской кисти первым днем!!!»

Встал рано. Зайчик проводил меня, сообразил мне завтрак, кофе. Я сделал зарядку, хотя плохо спал ночь. Помолился и пошел... в церковь. Внизу службы не было, замок. Я пошел наверх — там отпевали старушку. Помню, кто-то спросил: — Как звать? — Анной. Меня попросили помочь перенести гроб, и сверкну у меня шальная мысль: а не Федота ли моего Фомича отпевают сегодня?! Не его ли я провожаю сегодня в последний путь, не его ли в гробу перенес? Купил свечку, поставил перед распятием, попросил Бога за Кузькина, за Любимова, за семью, за театр. Сейчас уж думаю — может, много попросил? Надо было поскромнее быть. Но вышел с хорошим сердцем и с ясной головой и, главное, спокоен был, как усопшая Анна, Царство ей Небесное, земля пухом!

Всех собрал шеф в зале, как перед боем, такое всех охватывало волнение и озноб.

— Не ждите никакой реакции, предупреждаю — будете играть, как при пустом зале. Это и ничего, проверим себя, играйте для себя, обычная репетиция, играйте в свое удовольствие, заряжайтесь от партнеров, как будто четвертая стена — она как раз сегодня и будет.

— Ну, неужели они не живые люди, ну хоть что-то где-то должно их прошибить.

— Не надейтесь и не обольщайтесь, поверьте моему опыту. Смотрите иногда на меня... я показываю рукой так, где поднять ритм, где осадить, по моему виду вы поймете, как идет. Ну, с Богом!

Перед этим стоял шеф со мной на сцене и волновался, суетился, чего-то молол, не относящееся к делу. Я старался от него смыться, уйти от общения, чтобы не задрожать. Он поднял руки кверху: «Господи! Ну есть ты там или нет? Помогите!» — «Есть». Шеф наивно переспросил: «Есть?»

И грянул бой... У меня пошло, я быстро успокоился и потащил весь обоз за собой. Временами глядел в зал... Ищу глазами незаметно Катю... не нахожу. Друзья сидят рядом, беспрестанно оба курят, друг от друга прикуривают, сигаретки не гаснут. Иногда шеф реагирует, но остается в дураках — никто не поддерживает. Зал как будто вымер, 40 человек живых сидит в зале, а мы играем будто для кресел.

Кончился первый акт, ребяташки сказали: «Антракт». Подбегает шеф:

— Кто научил их говорить «Антракт»?

Я научил, и они уж давно это говорят, но... не успел я уйти со сцены, слышу женский голос:

— Автор! Это вам нравится?

— Да, и даже очень.

— Секретаря партийной организации позовите.

...И началось. Это безобразия, это неслыханная наглость. Нет, это не смелость, антисоветчина, ничем не прикрытая, и т. д.

Я сиганул наверх, быстро переодеваюсь, проверяю реквизит и бегу на начало второго акта, а в зале истерика Мадам. Я накрылся корзиной, слушаю и ушам не верю, чего говорят взрослые люди, в чем нас обвиняют. Шепчу Зое — начинай.

Был такой момент в ругани, когда казалось, что не хватает маленькой капли, чтобы Мадам хлопнула дверью и выскочила как ошпаренная со своею свитою из театра.

А в театре холод, ей принесли шубу. Слышу, она проворчала: «Ну, давайте досмотрим».

Шеф пошел за кулисы. Можаяев, слышу, ищет меня. Я через сцену к ним, они в зал, а я на место. Я понял, что нам хана, но это не сбило меня с толку, только злость молодецкая разыгралась, а в голове фанфары:

И был последний день Помпеи Дня русской кисти первым днем.

И такое было чувство, будто еще веселее дело пошло у нас во 2-м акте. А «суд» — просто гениально, вот так мы ответили четвертой стене.

Переоделся, наши уже все прильнули к репродукторам, как молодогвардейцы, — продолжение базла.

— Ну, это другая пьеса, но все равно, конец этот не спасает всего спектакля, он какой-то нарочитый...

— Это болото.

Можаяев:

— Вы, товарищ За... шкивер, болото при себе оставьте, болото он мне будет приписывать...

Молодогвардейцы ахали от эрудиции, от смелости Можаяева, нашего дорогого человека. Как он от них отлаивался, почти один!!

Действительно, один в поле может быть воин, если он богатырь. У меня тряслись руки. И потом, не до этого было, меня все поздравляли, целовали, я было вытащил ручку с книжкой записывать, да где там, не успевал восторгаться репликами Можаяева, поражаться глупости и скудоумию наших «вождей» и прикуривать беспрестанно.

Владыкин ¹⁰⁴ (*с истерикой в голосе*): Мы давно нянчимся с тов. Любимовым, стараемся всячески помочь ему, по-хорошему смотрим, советуем, просим, ничего не помогает — тов. Любимов упорно гнет свою линию, порочную линию оппозиционного театра. Против чего вы боретесь, тов. Любимов?! Вы воспитали аполитичный коллектив, и этого вам никто не простит. Сегодняшний спектакль — это апофеоз всех тех вредных тенденций, которых тов. Любимов придерживается в своем творчестве. Это вредный спектакль, в полном смысле — антисоветский, антипартийный.

Можаяев: Это ваша точка зрения?

Владыкин: Да, моя.

Можаяев: А моя точка зрения противоположна вашей, вот и давайте, пусть нас рассудят.

Фурцева: Я ехала, честное слово, с хорошими намерениями. Мне хотелось как-то помочь, как-то уладить все... Но нет, я вижу, у нас ничего не получается! Вы абсолютно ни с чем не согласны и совершенно не воспринимаете наши слова.

Она все время обращалась к Можаяеву — «Дорогой мой», к Любимову — «Дорогой товарищ».

Фурцева (*на Можаяева*): Дорогой мой! Вы еще ничего не сделали ни в литературе, ни в искусстве, ни в театре, вы еще ничего не сделали, чтобы так себя вести.

Любимов: Зачем вы так говорите, это уважаемый писатель, один из любимых нами, одному нравится это, другому то, зачем уж так огульно говорить об одном из лучших наших писателей.

Можаяев: Е. А.! Я пишу комедию, это условия жанра, чтобы отрицательные персонажи были карикатурны, смешны. Они так и написаны, они так и играют. Если бы это была драма или что-то другое, разговор был бы совершенно иной. Но я писатель, я пишу комедию про плохой колхоз... мы должны высмеивать наши недостатки, вырывать и искоренять их...

104 Заместитель министра культуры.

Спектакль поддерживает тех людей, которые собрали и провели мартовский пленум. Он очень много изменил в жизни нашего крестьянина, колхозника.

Фурцева: Какая же это комедия, это самая настоящая трагедия! После этого люди будут выходить и говорить: да что же это такое, да разве за такую жизнь мы кровь проливали, революцию, колхозы создавали, которые вы здесь подвергаете такому осмеянию? За этим очень много скрыто и понятно. А эти колхозы выдержали испытание временем, выстояли войну, разруху... Бригадир пьяница, председатель пьяница, пред. райисполкома — подлец.

Можаев: Какой же он подлец?..

Фурцева: А как же иначе, его позвали к телефону — вы разберитесь. Да какое он имеет право, будучи на партийной работе, так невнимательно относиться к людям... Я сама много лет была на партийной работе и знаю, что это такое, партийная работа требует отдачи всего сердца к людям.

— Вы были хорошим работником, а это работник другой...

Можаев: Ну, хорошо, вас смущает председатель, а Кузькин вас не смущает?

Фурцева: Нет.

Можаев: Ну, так в чем же дело? Это мой главный герой, в нем вся идея, весь смысл — побеждает Кузькин, простой крестьянин, побеждает его правда. Вот если бы победили отрицательные персонажи — это была бы трагедия. На стороне Кузькина партия, она повернула на другую основу жизнь крестьянина нашего колхозного...

Кто-то: Спектакль весь сделан так, что не партия помогает Кузькину, не ее меры, а его собственная изворотливость и случай...

Фурцева: Один хороший человек в спектакле — и все его бьют, давят, ведь жалко его становится, ему всячески сочувствуешь...

Можаев: Ну и правильно. В этом и мысль авторская, а кому же сочувствовать — Мотякову, что ль?

Фурцева: А как вы говорите о 30-х годах? 30-е годы — индустриализация, коллективизация, а вы с такой издевкой о них говорите. Нет! Спектакль этот не пойдет, это очень вредный, неправильный спектакль. И вы (*Любимову*), дорогой товарищ, задумайтесь, куда вы ведете свой коллектив.

Любимов: Не надо меня пугать. Меня не раз уже снимали с работы, не беспокойтесь за меня — я себе работу найду.

Родионов: Никто вас, Ю.П., не снимал, вы сами себя снимали и трезвонили об этом по Москве.

Любимов: Вы звонили, вызывали людей, уговаривали пойти их на мое место. У меня есть свидетели.

Родионов: Мало ли кто кого вызывает и зачем. А сняли вы сами себя и раззвонили по Москве.

Кто-то: Критика критике рознь. Нагибин поднимает в «Председателе» те же проблемы, но под другим углом.

Можаев: Вы мне про Нагибина не говорите, я знаю эту историю лучше вас, и «Председателя» не выпускали. Но Хрущев сказал, и вы подняли руки, проголосовали единогласно — «Председатель»... И здесь могут тоже разобраться и поправить...

Фурцева: Даю вам слово, куда бы вы ни обратились, вплоть до самых высоких инстанций, вы поддержки нигде не найдете, будет только хуже — уверяю вас.

Любимов: Смотрели уважаемые люди, академики. Капица... У них точка зрения иная, они полностью приняли спектакль — как спектакль советский, партийный и глубоко художественный.

Фурцева: Не академики отвечают за искусство, а я. Академики пусть отвечают за свое дело, они авторитеты в своей области... Товарищи! Может быть, есть другое мнение о спектакле, может быть, кому-нибудь спектакль понравился?

Пауза. Робкий голос из зала:

— Мне понравился.

Кто это? А, Вознесенский, ну это понятно. Андрею не дают слова.

Можаев (*возмущается*): Между прочим, это лучший советский поэт. Почему это тов. Зашкиверу можно говорить, иметь свое мнение, а Вознесенскому нельзя? Что же — руки по швам и кругом?..

Вознесенский: Я смотрел репетицию этого спектакля

4 раза. Я считаю, что это глубоко русский... национальный спектакль. Удивительно поэтический во всех компонентах и глубоко партийный. Он показывает удивительно убедительно и оптимистично, что русский народ живет и никогда не пропадет, что бы с ним ни делали чиновники.

Фурцева: Вот спасибо, а мы-то думали — пропадет русский народ. Спасибо вам за веру в русский народ. (*Можаеву.*) Не думайте, что вы такой борец за правду — «шестидесятник».

Владыкин: То, что я сегодня увидел, это пошлость, политическая пошлость.

Кто-то: Откуда у Кузькина такие рассуждения о счастье?

Можаев: 78-я страница «Нового мира», № 6, 1966 г.

Фурцева: А вы читали сегодняшнюю «Правду» о «Новом мире», и во вчерашней «Литературке» статья...

Любимов: Есть и хорошие статьи о «Новом мире». Статьи бывают разные. А кому не нравится «Новый мир», пусть читает «Октябрь», возьмет березу, поднимет его и пусть любит, а нам нравится «Новый мир»...

Фурцева: Судить вас надо за этот спектакль.

На этом я перейду к освещению дальнейших событий, что припомню — допишу. На второй акт Кате принесли шубу. В первом ей жарко было, во втором в озноб бросило. Когда все разошлись, остался Родионов и вступил в полемику с артистами. Славину обозвал аполитичной, я ему при этом ввернул — как Закшивер отвернулся и записывал, мы живые люди, есть элементарная вежливость — надо посмотреть начало; ушел и Родионов, мы остались одни.

Любимов: Надо одно дело сделать все-таки — подать на них в суд, чтобы они оплатили наши расходы — автору, художнику.

Можаев: А мы это дело пропьем. Пошли в буфет, там министру чай приготовили, но ей и без чаю было тепло. Она не отведала нашего чаю, пошли попробуем министерского чаю, им по-особому заваривают.

Пошли, сели за стол, набрали коньяку, водки и ну с Можаевым петь — «Мороз» и т. д. Наконец артисты посмотрели, как великий писатель поет. Машка снимала.

Приехали домой, дома отец ждет. Сели, выпили, я рассказал ему как мог. Ну разве он может против члена ЦК что иметь-говорить, ученый. Спел ему «За высокой тюремной...». Наконец-то я взял балалайку.

— Вас за одно это надо посадить. Такую мрачность разводите и т. д.

Нет, отец не поймет, вернее, не скажет. Сердцем-то он не может не понять. Он, конечно, на стороне сына, потому что чувствует правду, но разобраться трудно, и он на всякий случай держит сторону Фурцевой.

Вечером, в 10, играл «Антимиры» — за рояльчик держался, к концу отошел. В те дни, 6, 7, 8-го, так все попадало, что по два спектакля было либо репетиции утром, а вечером играть.

Отец ездил с тещей по магазинам, кое-чего покупал и ждал к ночи меня. Я приезжал после спектакля, и мы садились за стол, пили водку и говорили... Я еще курил до одури. Мы спали с отцом на тахте, в нашей комнате. Я и спал плохо — от возни, от курева, от нервов и переживаний, да еще отец храпел. А я боялся шевельнуться, чтобы не разбудить. И говорили мы с ним подолгу, так что я не высыпался, измучился вконец в этих «ночных полетах».

— К чему это ты Бога держишь на виду?

— Бог помогает.

13 марта пришел приказ Управления, примерно, если не точно, такого содержания:

«Письмом от 30 апреля 1968 г. были прекращены репетиции «Живого» для дальнейшей литературной переделки материала автором инсценировки Можаяевым.

Рабочая репетиция 6 марта 1969 г. показала, что такая переделка автором Можаяевым не произведена, а режиссеры-постановщики спектакля «Живой» Любимов и Глаголин еще более усилили идейно порочную концепцию литературного первоисточника (ряд мизансцен, частушки, оформление).

Приказываю:

1. Репетиции прекратить.

2. Все расходы по постановке списать за счет убытков театра.

Родионов».

19 марта

Еще раньше Петрович говорил, а «в день шестого никогда» я и сам заметил, как Екатерина Фурцева говорит, с каким манером, она научилась у актеров ораторству, показушничеству. Перед зеркалом училась, наверное, или Завадского привораживала, беря уроки тона у Марецкой. Переняла у Марецкой тон, интонации, штампы. Если бы не знал, что это Фурцева в зале разоряется, подумал бы на Веру Петровну — те же ласковые, придыхательные интонации, абсолютно та же эмоциональная вздрючка, граничащая с хамством, а потом опять, и истома в голосе: — Милые вы мои, — и блядинка... желания. Научилась, матушка, еще на культуре располагать к себе аудиторию домашностью, интимностью, всех за родных почитает, — и такая ласковая, такая добрая ко всем, упаси нас Бог от вашей доброты.

24 марта

Вчера был 300-й «10 дней». Игралось. После Высоцкий пел для труппы. Такое благотворительное выступление от широты душевной. Выпили водки, по рублю скинулись — Зоя организовала.

Читал я в эти дни Лескова «Житие одной бабы». Гениально до слез. Как это я опять пропустил, вернее, чуть было не пропустил такого русского писателя. Вот язык Можаяев наверняка изучает Лескова и держит его за настольную книгу, за словарь, за энциклопедию. Я буду делать то же самое.

26 марта

Значит, так. Вчера «Галилей» не состоялся снова. Высоцкий был пьян. Заменить спектакль было невозможно. Допустим, «Тартюф», но, во-первых, уже два раза «Тартюфом» заменяли, во-вторых, Демидова в Германии (Лукиянова, значит, будет играть первый раз), у Антипова голоса нет, и неизвестно, где он (Сабинин, значит, будет играть первый раз), Славиной нет и т. д. А заменять даже не вторым, а третьим составом, который никогда не играл... — это скандал. «Макенпотт» — опять Демидовой, Хмельницкого, Шаповалова и т. д. Дупак звонит Любимову: «Что делать? Что сказать зрителю, который сидит в зале: будет 1 апреля, в наш выходной, идти «Галилей» или будет замена и каким спектаклем. Я вас спрашиваю как режиссера этого спектакля — будет введен исполнитель, могу я об этом сообщить зрителю...»

В общем, повторилась ситуация, которая состоялась 9 ноября. Вышел на сцену Дупак, белый, дрожащий, даже желтый свет не исправил ничего:

— Дорогие наши зрители. На мою долю выпала очень печальная миссия сообщить вам, что у нас очень тяжело заболел артист Высоцкий и спектакль «Жизнь Галилея» сегодня состояться не может. Все попытки к тому, чтобы заменить «Жизнь Галилея» другим спектаклем, ни к чему не привели. Узнали мы об этом за полчаса до начала спектакля. Явка артистов у нас к 6.30, и мы физически не можем сейчас собрать артистов для другого спектакля. Значит, мы предлагаем вам решить этот вопрос самим, голосованием. Есть два предложения: первое — желающие посмотреть наш спектакль «Жизнь Галилея» смогут это сделать 1 апреля... — Взрыв хохота — Дупак улыбнулся: — Если наш исполнитель к тому времени выздоровеет или нам удастся ввести исполнителя нового. Если же главный исп. не выздоровеет и нам не удастся к тому времени ввести другого артиста, потому что сейчас

идут каникулы, мы играем по два спектакля в день, сцена занята, то 1 апреля будет замена. Я предупреждаю об этом, а каким спектаклем мы будем заменять, давайте решать вместе. Мы можем заменить либо «Гартюфом», либо «Макенпоттом».

— Два раза уже заменяли.

— Голосуем, кто за то, чтобы в случае замены 1 апреля шел спектакль «Гартюф»?

Шум, выкрики.

— Кто за то, чтобы шел «Макенпотт»?

— Не надо «Макенпотта».

— Меньшинство; значит, решено, в случае если спектакль «Жизнь Галилея» 1 апреля не состоится — пойдет сп. «Гартюф». Кто не согласен с таким решением вопроса, может сейчас получить деньги в кассе нашего театра.

— Я выросла в театре, ничего подобного не помню.

— Я 30 лет работаю в театре, ничего подобного не видела.

— А я выросла в театре, мне 33 года...

Дупак:

— Мы только умеем интриги вести, а руководить театром у нас не получается. Кто отпускал Васильева в Ригу? Любимов, ну вот, а я ничего не знаю об этом... один одно делает, другой...

Любимов не приехал. Теща. Он уехал с Люсей, а куда?..

— Никто не расходитя, сейчас будет репетиция «Галилея», поехали за Шестаковым.

— Шестакова нет дома. Завтра «Павшие». Надо думать о «Павших», Васильева нет, кто будет читать Кульчицкого — Золотухин...

Любимова нет. Он куда-то сбежал, закрыв глаза. Стали спорить. Галдаева вводили когда-то, пусть выручает — он знает текст. Так и порешили.

Я не могу себе даже предположить, что будет дальше с Высоцким. То, что его не будет в театре, это мне совершенно ясно, и даже если бы мы очень захотели его сохранить, это нам не удастся. Управление культуры на это условие теперь не пойдет никогда и при случае попытается подвести под этот факт обобщающую базу разложения и разболтанности всего коллектива. А что с ним будет дальше, не представляю, особенно после заявления Шапошниковой на заседании идеологической комиссии. Он может скатиться в совершенное дерьмо уже по существу.

Но странное дело, мы, все его друзья, его товарищи, переносили это уже теперь довольно спокойно — Володя привил нам иммунитет, уже никто ничему не удивляется, все привыкли.

Вчера была история ужасная. Но что можно спросить, требовать с больного, пьяного человека. Все наши охи, ахи — как мертвому припарка, все наши негодования, возмущения, уговоры, просьбы — все на х..., а что мы должны после этого переживать, почему мы должны мучиться и сгорать перед зрителем от стыда? Мы опять только обвиняем все наше худ. руководство во главе с Любимовым, что до сих пор не обеспечен второй состав.

Почти два месяца крутили баки Шестакову, потом бросили, а вчера кинулись к нему снова звать на репетицию, чтобы 1 апреля сыграть. Это же все до такой степени несерьезно, что и говорить не хочется. «Пудрят» мозги человеку, а шеф не уверен — может ли Шестаков сыграть. Но ведь и шефа понять можно, если захотеть. Ему ли забота до второго состава; он месяц занимался Кузькиным, до сих пор не отошел, «Мать» подпирает, а тут каникулы... там вводы бесконечные и т. д., артисты разбегаются по съемкам, приходят нетрезвые. Ведь на его месте с ума можно сойти очень просто.

27 марта

Говорят, со вчерашнего дня, т. е. с 26 марта 1969 г., Высоцкий в театре больше не работает и будто уже есть приказ о его увольнении.

28 марта

А.М.Эскин¹⁰⁵. ВТО. 24.03.

— А ведь видел вас в «Кузькине», получил огромное удовольствие. Большое спасибо, может быть, об этом лучше не говорить? За это не карают?

— Говорят, в райкоме составляют списки, кто видел наши репетиции, так что лучше помолчим красноречиво.

После «10 дней» Евтушенко читал свою новую поэму. Я так устал, что молил Бога побыстрее все свернуть. Но поэт брал со стола все новые и новые папки листов, и я впадал в уныние.

И все равно, хоть я и понимаю, что в таком состоянии воспринимать поэзию чрезвычайно трудно: «Слушать стихи — это тоже работа, и трудная работа», — мне поэма не понравилась. Куски, отдельные кирпичики очень даже ничего, но все какое-то случайное, к слову пришедшее, неорганизованное, крошечное — и про Христа, и про Дмитрия убиенного, соединенного с двумя Кеннеди вульгарно... Все темы, проблемы... обсосаны и в философии, и в литературе, и везде. Стихи не трогают. Не взял он меня, я понимаю, что поэзии надо отдаваться, надо идти навстречу к ней с добрым сердцем... но мне не удалось. Быть может, при чтении глазами это впечатление исправится?! Но о том, чтобы играть это?! У меня активный протест. «Не будет! Не хотим! Не позволим!»

31 марта

С утра ходил с Кузей. Дома помирился, репетиция «Матери».

Высоцкий уволен по ст. 47 «г», и никто не говорит о нем больше. Никому его не жаль, и ни одного слова в его пользу. Где он, что, как, тоже никого не интересует.

Ронинсон:

— Как ты проводишь лето? Тебе надо отдохнуть, у тебя неважно со здоровьем, это видно по всему. И потом, учти — нервное напряжение с Кузькиным не прошло даром, оно скажется еще ох как. Ты легкие давно проверял? Я заметил у тебя легкое покашливание, смотри, надо отдыхать и не суетиться, думай об этом ежеминутно. Потом, когда соли отложатся, будет поздно.

Гаранин¹⁰⁶:

— Я приехал специально для того, чтобы передать тебе мнение очень разбирающихся в литературе людей о твоих «Дребезгах». Все в восторге, ты не представляешь, Валера, как ты всех сразил... Я давал читать людям, с которыми Солженицын советуется, и они говорят, что это куда выше всего того, что сейчас в литературе официальной делается. Что, конечно, нужно работать, но это уже явление, и мы можем присутствовать при рождении первоклассного писателя. Вот, Валера, я приехал специально, чтобы тебе это передать. Один товарищ сказал: «Я его люблю как артиста, считаю, что это прима театра, но теперь он мне открылся с другой стороны, и не исключено, что это может стать главным занятием его жизни и т. д.».

Так что, Валера, тебе необходимо писать, ни дня ты не должен прожить, чтобы не написать несколько строк. Пиши обо всем. Вон стоит, читает, оттопырив жопу, — пиши об этом. О чем угодно — все пригодится. Так работал Толстой.

5 апреля

На улице почти жарко.

Славина:

— Давай сходим к Вовке в больницу. Надо. Полежит и вернется. Как Венька, сука, закладывал его в эти дни, во блядь. Дружили все-таки... Он бы и нас выгнал из театра и один остался. Глаголин тоже против нас копает; хорошо, Петрович не слушает.

Назаров (по телефону):

¹⁰⁵ Директор Дома актера.

¹⁰⁶ Анатолий Сергеевич Гаранин, фотожурналист, друживший со многими актерами Театра на Таганке.

— Видел на студии Володю. Они с Мариной смотрели «Сюжет»¹⁰⁷. Выглядит он неплохо... такой приукрашенный покойничек... Спросил меня: «Когда мы все встретимся... с Валерием посидим... выпьем малёха?» Как ты на это смотришь? Может быть, действительно... посидим?

Я еще не знаю, как ко всему этому относиться. Мне трудно пока разобраться в себе, в своих, прежде всего, чувствах, принципах и пр.

Читаю Нестерова и учусь у него писать. Снова запоминаю мысли, выражения. Какие люди, да это «возрождение» российского искусства было.

Надо учиться, учиться и учиться. Учиться красиво рассуждать, красиво мыслить и четко выражать словом свои наблюдения. А наблюдать необходимо глубочайшие, тончайшие корни явлений, и именно сегодняшней день, тебя встречающий. Он (Нестеров) абсолютно прав, говоря, что книги дают нам урок прошлого, настоящее же мы должны отыскивать, понимать и изучать сами, только в этом случае мы можем быть на уровне.

И мне почему-то стыдно стало за свои дневники — день ото дня я занимаюсь бытописанием собственного угла. Это не развивает меня, я никогда не выпрыгну из этой ямы, в которой мне давно хорошо, мне в ней все удобно, и я чувствую, что у меня не так плохо, как у других. Я и пописываю худо-бедно, и в театре репетирую, и вроде книжки читаю. Но все это только видимость интеллектуальной жизни, это удовлетворение мозгового чербера, которому необходимо кидать куски время от времени, вроде моих рассказов, и он не станет терзать совесть, не станет указывать мне на мою духовную нищету, на мое внутреннее ожирение.

Но что я хочу, как я могу жить иначе, чтобы не оглядываться, не бояться этого чербера, не бросать ему жалкие кости, не обманывать его показухой?!

Все равно не отвечу, потому не знаю, а если и знаю, то не скажу.

15 апреля

Идет «Галилей». Звонит Высоцкий:

— Ну как?

— Да нормально.

— Я думал, отменят, боялся...

— Да нет... Человек две недели репетировал.

— Ну и как?

— Да нормально. Ну, ты сам должен понимать, как это может быть...

— Я понимаю...

— Володя! Ты почему не появляешься в театре?

— А зачем? Как же я...

— Ну как зачем? Все же понимают и относятся к этому совершенно определенным образом... Все думают и говорят, что через какое-то время после больницы... ты снова вернешься в театр...

— Не знаю, Валера, я думаю, может быть, я вообще не буду работать...

— Нельзя. Театр есть театр, приходи в себя, кончай все дела, распутывай, и надо начинать работать, как было раньше.

— Вряд ли теперь это возможно...

— Ты слышишь в трубку, как идет спектакль?

— Плохо. Дай послушать.

Снимаю репродуктор, подношу. Как назло — аплодисменты.

— Это Венька ушел.

— Как всегда.

— Володя, ты очень переживаешь?

¹⁰⁷ К/ф «Сюжет для небольшого рассказа» (реж. С.Юткевич, 1970), в котором снималась Марина Влади.

— Из-за того, что играет другой? Нет, Валера, я понимаю, иначе и не могло быть, все правильно. Как твои дела?

— Так себе. Начал у Роома. Правда, съемок еще не было¹⁰⁸, возил сегодня на «Мосфильм» Кузьку, хочу его увековечить.

— Как «Мать»?

— Получается. Не знаю, как дальше пойдет, но шеф в боевом настроении, работает хорошо. Интересные вещи есть. Что ему передать?..

— Да что передать... Скажи что-нибудь... что мне противно, я понимаю свою ошибку...

На сцене сильный шум. Все грохочет, Хмель рвет удила, Володя что-то быстро говорит в трубку, я ничего не могу понять, не разбираю слов, говорю только... ладно, ладно, может, не попад, у самого в горле комок... думаю... сейчас выйду на сцену и буду говорить те слова, которые я сто с лишним раз говорил Высоцкому, а теперь... его уже не будет за тем черным столом... Жизнь идет... люди, падая, бьются об лед... пусть повезет другому... и я напоследок спел: «Мир вашему дому».

— Как наши общие знакомые?

— Ничего. Все нормально. Она мне и сказала, что ты в больнице.

— Да, я должен лечь с сегодняшнего дня. У нее никаких неприятностей нет??

— Все нормально.

— Ну ладно, Валера. Я буду звонить тебе. Привет Нинке. Пока.

«Галилей» закончился. Во всех положенных местах были аплодисменты. Цветы.

— Молодец, Боря! — из зала крикнул Бутенко¹⁰⁹. Они опять сошлись с Тереховой, у них родилась девка.

Хмель выставил водки, как и обещал. А я думал, может, и грех: нет в нем все-таки искры Божьей. Худо ли, бедно, но он повторяет Володьку, его ходы, его поэтическую манеру произношения текста, жмет на горло, и устаешь от него. Наглость его чрезвычайно раздражает. От него устаешь, он утомляет. Что касается профессии, то, безусловно, он большой молодец, взяться и за 10 дней освоить текст, игру — профессионал, ничего не скажешь. Быть может, разыграется и покажет, но, если не обманывает меня глаз, виден потолок по замаху. Хотя я, например, считаю, что Водноса я заиграл ближе к «яблочку» только через два года.

18 апреля

— Надо беречь скрипку... Бога. Уважение к профессии можно в себе воспитать, натренировать себя. Можно начать с обыкновенной формалистики, но только придерживаться ее. Например, взять себе за железное правило играть любой спектакль выбритым, трезвым. Не пить даже пиво, оно пахнет, а это может быть неприятно партнеру. Перед спектаклем обязательно сделать несколько упражнений гимнастических, размять тело, даже если ты только выходишь и молча стоишь в масовке, также поупражнять голос, хоть он тебе и не пригодится сегодня. Делай это постоянно, и это станет твоей натурой, у тебя появится уважение прежде всего к себе самому, ты приобретешь достоинство артиста.

Вечер. Перед «Послушайте» Марина поздравила меня с утверждением мне высшей категории. Выходит, я вышел сегодня на подмостки артистом высшей категории, приятное дело, но и ответственность на плечах откуда ни возьмись — соответствуй, брат! Из всех занятых в спектакле я один такой, артист высшей категории, самый высокооплачиваемый, выходит, лучше всех и играть надо, соответствовать получаемому рублю. Вот так когда-нибудь, с Божьей помощью, я выйду заслуженным и т. д. И опять меня Борис похвалил:

¹⁰⁸ Речь о к/ф А.М.Роома «Цветы запоздалые» (1969), где Золотухин сыграл роль князя Егорушки.

¹⁰⁹ Владимир Бутенко, актер Театра им. Моссовета.

— Наблюдал за тобой, какая же ты все-таки зараза, как точно у тебя все сделано, одно из другого перетекает, и зритель это сразу чувствует, сразу проглатывает.

21 апреля

Вечер. «Галилей». Звонил опять Высоцкий, говорит: «Из-за меня неприятности у Гаранина с книжкой».

Теща 23 апреля уезжает недели на две с половиной по гостям — в Псков — Ленинград... Как я выкручусь с Кузькой, со съемками?! Зайчику совсем нельзя с ним выходить, он дергает сильно и может Ваську с места спихнуть.

Завтра будем отмечать ПЯТИЛЕТИЕ театра. Высоцкий прислал всякие свои шуточные репризы-песенки на тему наших зонгов. За столом будем сидеть: я с Зайкой, Бортник и Желдин¹¹⁰ с женой. Автограф Высоцкого я Таньке не отдам. Пусть и у меня будет автограф опального друга.

26 апреля

Ну и кричал вчера шеф на нас, не помню такого по звуку страшного ора. Два раза пустил петуха на самом патетическом месте, и только они заставили его сбавить темперамент, а то уж больно конфузно выходило: он разбежится, вздрючится, грох кулаком об стол — и петух... Колотил кулаком об стол так, что динамики разрывались, вся техника фонить начинала... Чудно...

— Я думал всю ночь после вчерашнего безобразного спектакля («10 дней») и решил — хватит. Я пару человек выгоню для начала, какое бы тот или иной ни занимал положение... Играет пьяный, после пятилетия кое-как на третий день к вечеру разбудили, и его покрывают, дескать, он же сыграл, текст ведь он доложил нужный... Это черт знает что... Тов. Иваненко не вышла на выход... Или работаете, или уходите... Я много раз вам говорил, что вы очень стали работать плохо, а вы продолжаете не являться на занятия пантомимой... Другим занимаетесь... Вы знаете мой характер, вы знаете, что меня снимали с работы год назад... [На полях: похоже на Солженицына.] Меня не такие ломали и не сломали, — вот тут грохал и пускал петухов, — и я не позволю разным холуям, — грох! — и циникам глумиться надо мной... Чего вы добиваетесь?.. Я говорю вам, и это не нервный мой всплеск, это обдуманное, зрелое решение: если вы не наладите дисциплину изнутри, в один прекрасный день я не явлюсь на репетицию, просто не приду на работу, и всё. На вас ничего не действует. Я пытался личным примером на вас действовать, всё впустую: почему я не позволяю себе пойти к врачу в репетиционное время? Зуб болит — человек не приходит, насморк — не приходит, а я не могу репетировать... Я на карачках пять лет приползаю иногда на репетицию вовремя, у меня тоже есть дела, почему я не делаю их во время рабочего времени? Г.Н., завтра всех не явившихся сегодня — ко мне, и я буду сам решать: этому выговор, этому выговор с последним предупреждением — и увольнять потом. Буду заменять, пусть хуже играет, но это добровольное общество я раскачаю.

Ополчились на сыров¹¹¹. Говорят, кто-то передал после «Галилея» Хмельницкому веник с надписью: «Не в свои сани не садись». До него веник не дошел, но народ знает, значит, попадет и к нему эта змея. Не хотел бы я в своей жизни даже и сплетню такую про себя знать. Но такая наша жизнь — любишь славу и восторги, не откажись иногда и дерьмом умыться.

А у меня мысль — не работа ли это Таньки и не подозрение ли таковое на нее заставило шефа так лягать ее вчера, не совсем уж обоснованно.

Как все в жизни бывает: Шаповалов¹¹² голоса лишился, и обратились к Губенко

¹¹⁰ Константин Желдин, актер Театра на Таганке.

¹¹¹ Сыры — поклонники (театр, жаргон).

¹¹² Виталий Шаповалов, актер Театра на Таганке.

выручить театр, сыграть Пугачева. Николая разыскали на «Мосфильме», он согласился и попросил репетицию перед началом. И сыграл. Спектакль прошел замечательно, мастер сразу поднял его. Соболев¹¹³ спросил у меня, как я к этому отношусь, что, «дескать, обосрали человека, а потом просят, унижаются».

— А почему? Все правильно. В театре несчастный случай, театр многое ему дал, и ничего страшного. Надо взаимно прощать друг другу обиды, об этом в Евангелии сказано. Что поделаешь? Театр — производство, а не просто личные взаимоотношения Губенко с Любимовым. Театр — дело выше этих отношений, и прекрасно, что Любимов не заочевряжился, как истеричка, а попросил выручить. Нет, мне это понятно. Пришло 600 человек, и надо играть. Слишком много отмен, слишком много неприятностей у театра, чтоб еще считаться с личными обидами и отказываться от просьбы сыграть первого исполнителя, тем более что это всегда — высший класс.

29 апреля

Вчера Высоцкий приходил в театр, к шефу. Сегодня он говорит с директором. Если договорятся, потихоньку приступит к работе, к и гранию.

Отправил в Ленинград телеграмму:

«Предложением играть Махно очень заинтересован. Возможность приезда — вторая половина мая. Уважением — Золотухин».

Иваненко просит, чтобы я отдал черновики, автографы Высоцкого: «Мы с ним собираем все, что им написано».

— Запишите, что один автограф у меня, у Золотухина.

3 мая. Суббота

Праздники продолжают, и моя хворость тоже. Сегодня под утро с 4 до 6 так прихватило, ну, думаю, вот так и кончается человек. Всю грудь разодрало на клочки. И сегодня я не пошел на репетицию — больше, чтоб угодить жене.

— Почему ты ни в чем не заменяешься? Почему они тебя эксплуатируют? Почему Губенко с Высоцким заменяются, и снимаются, и дела свои делают — потому что они сильные люди, самостоятельные — мужчины, а ты мямля. Я пойду сама в театр и буду ругаться, что они тебя не жалеют, а если ты калекой останешься после осложнения, калека ты мне не нужен, я тебя брошу...

— А я тебя буду любить, что бы с тобой ни случилось, все равно.

— Начитался Евангелия, ты Джека Лондона читай или посмотри внимательно несколько раз «Великолепную семерку», вот каким мужчина должен быть.

Чтобы не быть мямлей, я не пошел на репетицию.

— За столом — это не работа, ты мозоли насидишь. Ты по дому поработай: в магазин сходи... подмети.

— Толстой всю жизнь не работал, за столом сидел...

— Толстой, между прочим, пахал...

— А я Кузьку вывожу...

Зайчик ворчит, зашивается, готовит обед — Высоцкий обещал быть, где он?

4 мая

...И он пришел. Вчера партбюро обсуждало его возвращение. Решено вынести на трупку 5-го числа.

Высоцкий:

Шеф говорил сурово... Был какой-то момент, когда мне хотелось встать, сказать: «Ну что ж, значит, не получается у нас». — «Какие мы будем иметь гарантии?» — «А какие гарантии, кроме слова?!» Больше всего меня порадовало, что шеф в течение 25 минут говорил о тебе, о Венке он только заикнулся, назвал потом тебя и все время говорил о тебе. «Я снимаю шляпу перед ним... Ведущий артист, я ни разу от него не услышал какие-нибудь

¹¹³ Всеволод Соболев, актер Театра на Таганке.

возражения на мои замечания... Они не всегда бывают в нужной, приемлемой форме, и, может быть, он и обидится где-то на меня, но никогда не покажет этого, на следующий день приходит и выполняет мои замечания... В «Матери» стоит в любой массовке, за ним не приходится ходить, звать, он первый на сцене... Я уважаю этого человека — профессионал, которому дорого то место, где он работает... Посмотрите, как он в течение пяти лет выходит к зрителям в «10 днях». Он не гнушается никакой работой, все делает, что его ни попроси, в спектакле... И это сразу видно, как он вырос и растет в профессии». У него что-то произошло, он что-то понял. Еще два месяца назад он мне говорил: «Что-то странно он заболел», — а потом и на собрании долбал тебя за Ленинград...

— А потому что я не стал ему мстить за это ни словом, ни делом. Он понял, что был не прав, а мне больше и не надо. А потом за «Мать»... Я много подсказывал, помогал... Ты помнишь, как делалась картина «Тени»? Ведь все на глазах сделали артисты сами... Ты придумал этот проход анархистов с «Базаром»¹¹⁴. Ему нужны такие творческие люди, энтузиасты театра, а не просто хорошие артисты. Почему он и тоскует по тебе, по Кольке, почему ему дорога моя инициатива... Все правильно, все понятно...

— Ты добился такого положения в театре и такого безраздельного с его стороны уважения самым лучшим путем из существующих — только работой и только своим отношением к делу... Ты не ломал себя, ты сохранил достоинство, не унижался, не лебезил, и он очень это понимает. Он говорил о тебе с какой-то гордостью, что «не думайте, в театре есть артисты, на которых я могу опереться». Я безумно рад за тебя, Валера.

— Мне это тоже, Володя, все очень приятно. Конечно, тут главное дело в удаче Кузькина. Ему стали петь про меня, что он вырастил артиста, сделал мне такую роль, что я в театре артист № 1 и т. д., все это его развернуло ко мне наконец-то во весь анфас как к артисту, и мое постоянное устойчивое поведение как рабочей лошади, а не премьера-гения заставило зауважать мое человеческое. Но он человек переменчивый, и не надо чересчур обольщаться, завтра я приду к нему говорить о съемках, и он мне припомнит все грехи бывшие и не бывшие.

— Ах, если бы у тебя вышли «Интервенция» и «Кузькин», ты был бы в полном порядке, надолго бы захватил лидерство...

— Ну, я уже пережил это. Зажал. Ведь что самое главное. Послушай, может быть, пригодится тебе, а в теперешней ситуации наверняка. Мне тоже хочется играть, славы и не тратить время на, казалось бы, пустяки, массовки, ерундовые роли и т. д. Но душу надо беречь. Надо не отвыкать делать всякую работу, да, вот и буду час стоять с дубиной в массовке и буду помогать своим присутствием, буду отрабатывать свой хлеб везде, где потребуется... Мне не стыдно ни перед собой, ни перед народом, ни перед кем... Я честно изо дня в день стараюсь быть полезным... то есть я душу берегу... Мне не страшно взяться ни за какую роль, я привык работать в поте лица, и я сделаю. И я тебе советую не хватать сейчас вершин, а поработать черную работу, вестись куда-то, что-то сыграть неглавное и не ждать при этом от себя обязательно удачи, творческого роста, удовлетворения, нет, поработать, как шахтеры, как кроты работают, восстановить те клеточки душевные, которые неизменно, независимо от нас утрачиваются, когда мы возносимся. Эта профилактическая работа обязательно откликнется сторицей.

(Пишу, думаю о себе хорошее, а сам думаю, как бы мне теперь не потерять это расположение шефа, долго добивался, а потеряю одним неприходом на репетиции... И вот уже зависим человек от мнения СИЛЬНОГО. Мнение становится силой, стимулом жизни, действующим лицом в нашей жизненной комедии. Но ни хрена, нас прынками не заставишь на задних лапках ходить.)

¹¹⁴ «Тени», «Базар» — сцена «Тени прошлого» и песня анархистов «На Перовском на базаре...» (кстати, часто ошибочно приписываемая В.Высоцкому) из спектакля «Десять дней...»

— Какой ты сильный человек, Полока говорит, как ты мог этот груз весь тащить один, никому не сказать...

— В этом было что-то сладкое... Сознание моего одиночества, того, что я должен все вынести сам и распутать сам, все мои внутренние раздеряги и внешние передрыги придавали мне силы, я уважал себя за эту самостоятельность, отрещённость. Человек должен пережить все сам, не делить страданий, а тащить в одиночку, он становится сильнее во много раз, он познает себя, свои пределы, свой потолок, он уважает себя, а разве не главное это — уважать себя, не любить, не видеть себя постоянно в зеркале, а уважать за то, что терпишь, за то, что не лижешь, за то, что хочешь быть добрым... и т. д.

— Полока живет у меня с Региной. Завтра буду убираться, она в минуту делает такой бардак, а Марина приезжает... будет жить у меня... наверное. Решил я купить себе дом... тысяч за 7... 3 отдам сразу, а четыре в рассрочку... Марина подала эту идею... Дом я уже нашел, со всеми удобствами... обыкновенная деревянная дача в прекрасном состоянии, обставим ее... У меня будет возможность там работать, писать, Марина действует на меня успокаивающе... Люська дает мне развод... Я ей сказал: хочешь, подай на алименты, но это будет хуже. Так я по двести рублей каждый месяц ей отдаю, я не позволю, чтобы мои дети были плохо одеты-обуты... Но она ведет себя — ну, это катастрофа... Я звоню, говорю, что в такое-то время приду повидать детей... полтора часа жду на улице, оставляю все у соседа... она даже не извинилась, в порядке вещей... Шантажирует детьми, жалко батю... они безумно любят внуков, она все делает, чтобы они меньше встречались и т. д. Ну что это? Говорит, что я разбил ей жизнь... Ну чем, Валера?! Детей... она хотела сама... На работу?.. Даже не пыталась за пять лет никуда устроиться, ничего по дому не делала... Ни разу, чтобы я пришел домой или уходил... чтобы она меня накормила горячим... Она выросла в такой семье, ее мать всю жизнь спала в лыжном костюме, до сих пор не признает простыней... Я зарабатывал такие деньги, а в доме ничего нет, лишнего полотенца, ну что это за твою мать... Ну, ты же гораздо меньше имеешь доходов, чем я, но у тебя, посмотри, всё есть, как ты ни обижайся на Нинку, но я вижу — она хозяйка. А та профуфыкала одну книжку, профуфыкала другую... Я построил теще кооператив, сделал ей эту квартиру, отремонтировал, даю деньги — узнаю, что через три дня их уже нет... открыла у себя салон... приходят какие-то люди, пьют кофе, ребятишки бегают засранные, никому не нужные, мне их не показывает, старикам не показывает, и все ее хорошие качества обернулись обратной стороной, как будто их и не было никогда.

Я не знал за собой такого, что мне будет вдруг жаль «Галилея», потому что это вымученное, кровное... Я метался в тот день... Думаю, ну кому позвонить, некому позвонить, Валера, а тебя не подзывают... Кто это подходил к телефону, неужели ты не заметил?! На сцене, говорит, и всё, я-то знаю, что ты не на сцене, до тебя еще целый акт...

[На полях.] — А ты сказал, что это Высоцкий? — В том-то и дело, что сказал. «А мне какое дело, кто это. Я сказал, он на сцене».

И вот некому позвонить... Ну почему, думаю... ведь я всегда был окружен друзьями, казалось... а позвонить даже некому, с кем можно было бы поговорить просто, по-человечески, безо всяких...

Я когда стал один, я полюбил дом. Мне стало приятно приходить, брать бумагу, садиться к столу — и... получается. Мне стало приятно быть дома. Это ведь ужасно, оказывается, хорошо. Никто тебе не мешает, даже к телефону подходить не хочется. До меня стал доходить смысл застойной работы, хочется сидеть и писать... писать...

— Поедем с 10 по 30 июля, заработаем много денег в Иркутске, перед фильмом минут 15 будем выступать, и на год нам хватит.

9 мая

Вчера на «Галилее» была Терехова.

— Почему ты так хорошо играешь? Ты раньше хуже играл. Марецкая до сих пор жалеет, что ты ушел: «Не надо было отпускать такого артиста».

Нет целеустремленности во мне. Не могу я, как Пастернак, быть максималистом. Думаю, чему бы себя посвятить: писать ли про Чайникова — «Как Иван Чайников воду возил» — или концерт готовить — достать аккордеон, выучить на нем «Ой, мороз, мороз»... и по какой-нибудь Перми ездить и выхваляться. Но ничего не сделаю — ни номер с аккордеоном, ни Чайникова не напишу — в окно посмотрю. Нет во мне той энергии, которая бы дотянула меня до гения. Задатки есть, безусловно, но с одними только задатками далеко не уедешь, так и останешься с ними на том месте, где остановился. Живу по инерции, «как пуля на излете». Иногда вспоминаю «Живого», и слезы накатываются. Так и не узнает мир — какой артист во мне скрыт. И уже бояться начинаю — а вдруг лет через пяток скажут: «Давай играй, ребята, кто чего хочет», — смогу ли я подняться до нынешней формы... Ох, черт, какая печаль! Ну ничего, главное — душу береги. Друга вчера окончательно решили ВЗЯТЬ.

10 мая

Сегодня шеф поманил пальцем (уж сколь раз я ему попадаюсь на улице минут за 10 до репетиции, он даже не входит, рано, греется на солнышке, встречает артистов).

— Ругать будете?

— Почему ругать?

— Вы как маните пальцем, значит, влип.

— Валера, «деревня» в твоих руках, задавай тревожный тон. И вообще, по своей роли возьми.

— Постараюсь — не выйдет, не обессудьте.

— Ты роль не забывай. Мы с Можайчем не сдались. Мы еще кино снимем, коль живы будем, доживем.

Люблю я в шефе такие минуты — просветленные, высокие, несколько даже сентиментальные. За родного сходит. И так его не охота огорчать плохой игрой, из кожи лезешь, но стараешься, и это-то и плохо, если только для него — обязательно огорчит, а если всегдашняя привычка, чтобы в самой что ни на есть зана-родной сцене глаза талантливо блестели, — к обоюдной выгоде.

Шеф дал какое-то сумбурное объяснение возврату Высоцкого:

— В театр вернулся Высоцкий. Почему мы вернули его — потому что мне показалось, что он что-то понял. Я знаю — в театре много шутят по этому поводу. Но должен сказать, что нам нелегко было принять такое решение. Некоторые не склонны были доверять Высоцкому, но вы меня знаете, я все делаю, чтобы человек осознал, понял и исправился, я всегда склонен доверять человеку, за что часто расплачиваюсь. Мне показалось, что Высоцкий понял, что наступила та черта, которую... Пьяница проспится — дурак никогда. Я не хочу сказать про Высоцкого, что он дурак, но он должен понимать, что театр идет ему навстречу, и ответственно подойти... Человек должен пройти огонь, воду и медные трубы... Мне кажется, медные трубы, фанфары славы Высоцкий не выдержал и потерял контроль над собой. И тут же артист обескровливается, он растрчивает душу, и это самое страшное, артист гибнет, и ему самому невдомек. Он думает, что он своим появлением уже озаряет публику, а публика не прощает холостого выстрела, она быстро забывает артиста, когда он заштамповывается.

13 мая

Володя вчера играл «Галилея», первый раз после перерыва, хорошо.

Шеф на репетиции взвинчен, как будто штопор у него в заднице, орет, как сумасшедший, на всех, бросается, рукава засучены — весь облик его и поведение говорят о том, что скоро... скоро премьеры.

15 мая

Для «Цветов запоздалых» вчера молниеносно сняли один кадр на кухне. Оператор держит мою сторону — снимать моментально, а я, кажется, научился халтуре у Высоцкого, лишь бы быстро, заранее уверен в успехе — нехорошо. Надо остановить этот процесс в себе, накипь.

Вчера шеф во всеуслышанье, при всех на сцене и при мне меня хвалил:

— Некоторые работают блестяще... Золотухин... играет роли и в массовке вкалывает как леший.

Ох, нехорошо это. Я люблю, я привык, когда меня ругают, я себя чувствую тогда бойцом, а когда хвалят, я размокаю, даю себя гладить, ласкать мое тщеславие и теряю бдительность, так режут свиней: почешут их, погладят... они, дуры, глаза зажмурят от удовольствия, растопырятся, доверятся — в этот миг р-раз!.. и нож в сердце. Нет, надо быть начеку всегда и не позволять халтуру, подобно вчерашней, в кино, не считать это дело — между делом, потомуки будут смотреть, им не объяснишь, не докажешь.

26 мая

Про Высоцкого. В Ленинграде меня замучили... «Правда, он женился на Влади, а в посольстве была свадьба, они получили визы и уехали в Париж?» Примак¹¹⁵ сунулся к нему, к Володьке: «У меня спрашивают...» Тот рассвирепел: «Ну и что, ну и что, что спрашивают, ну зачем мне-то говорить об этом, мне по 500 раз в день это говорят, да еще вы...»

Марина носила написанную заявку, либретто сценария на манер «Шербурских зонтиков» с той же приблизительно фабулой — Романову¹¹⁶. Он в восторге. Его не смутила даже фамилия Высоцкого: «Надо договариваться с банком» и т. д.

31 мая

Была премьера «Хозяина» в Доме кино, прошла она прекрасно, мы с Высоцким застали вторую половину фильма. Наградили — меня именными часами от МВД СССР, Высоцкого — почетной грамотой за пропаганду (активную) работы милиции.

После фильма подходили люди, брали автографы, поздравляли, говорили хорошие слова. Подбежали Мордюкова с Марковой и Сазоновой: «Гениальный фильм, ну замечательно... ой... ой, какой фильм». Много, много восторгов выразили в самых высочайших выражениях, не хочется перечислять.

Мы пришли в ресторан. Сели. Назаров заказывал. Стали петь. Просили Высоцкого все, без гитары он не поет, жаль, что она не растет сбоку. Перешли ко мне, пою «Мороз», алаверды к Мордюковой. Нонна поет казачьи припевки — чудо как хорошо. Потом изображает экзамен по вокалу во ВГИКе. Смешно. Все довольны. Поет Сазонова, ее очередь по кругу, очередь возвращается ко мне. Пою по просьбе Назарова «Любезную хозяйшкку». Нас не торопят из ресторана. Директриса оказалась моей соседкой, живет на нашей улице, д. 10. Как при таком настроении — и весело, и грустно — не выпить было и не закурить. Приехал домой почти в три. А в 6 принесли телеграмму: «Ждите машину в 9 часов».

6 июня

ГОСПОДЬ НАМ ДАЛ СЫНА!!

Вес 4,5 кг, рост 53 см. Зайчик чувствует себя нормально, всем довольна.

Благодарю тебя, Господи, благодарю тебя!

9 июня

Вознесенский читал «поэмику», упражнение очередное Любимову на фантазию. А в чем дело, я так и не понял, монтаж стихов, хороших стихов с пантомимическими прокладками, с тональным рядом и т. д. Высоцкий будет петь свои песни... а я?! От «Макенпотта» меня спас Боря, чтоб он не мешал мне в работе над Находкой, от «Часа пик» меня спас Веня; я гляжу, меня в театре что-то от ролей спасать стали, особенно после Кузькина, неужели, думаю, Кузькиным я удовлетворился, тем более что он не идет.

12 июня

¹¹⁵ Геннадий Примак, в то время режиссер-практикант в Театре на Таганке, ассистент режиссера на спектакле «Гартюф».

¹¹⁶ Алексей Владимирович Романов, в ту пору председатель Госкино СССР.

И, наконец, я отвез в «Новый мир» «Дребезги». Дождь, ветер, я, нахлестанный, зашел в святилище сов. литературы, дом честных людей. И сдал, даже как-то неудобно, что люди хорошие будут заниматься моей ученической рукописью, хоть и наговорил Гаранин о моем лит. таланте громких слов, но все сомнения одолевают — зачем я отрываю добрых людей от дела? Но Бога молю все равно, а вдруг кому-то понравится, кто-то заинтересуется, ведь бывают же часто чудеса, раз — и наутро проснулся знаменитым... Как Достоевский после прочтения Белинским «Бедных людей».

Сейчас сидел, разбирал партию Спасский — Петросян, болею за Спасского, он на очко вперед, если сегодняшнюю выиграет, на два оторвется, уже хорошо. Ужасно хочется ему победы. Дай Бог ему удачи.

13 июня

«Какими дети рождаются, это ни от кого не зависит, но чтобы они путем правильного воспитания сделались хорошими — это в нашей власти». — Плутарх, древнегреческий писатель.

Последний день в тиши уединения, никакой тиши, никакого уединения — дни в беготне, в суете, по магазинам. Готовимся, о Господи, завтра привезем наших домой. Как я ужасно волнуюсь, ну как я его брать буду, я упаду от счастья, нажму сильно. Все порожки, выступления в роддоме изучил, чтобы не запнуться, не упасть, самое главное — не упасть, не уронить. Сегодня купил коляску — мужского защитно-сраного цвета, не какую-нибудь красную или нежно-голубую, а именно защитно-сраную! Мужская коляска, кошевка!

15 июня

Ну, привез. Вчера. Встречали Высоцкий, Лукьянова, Радунская, Корнилова, Чернова и мы с тещей. Ничего, не запнулся, не упал. В машине духота, малыш мяукал, открыли окошко, посвежело — замолчал. Милая моя подруга, жена, Господи, какое у меня нежное к ней, большое чувство. Мама... моя жена стала мамой моего сына, моя жена, мой человек, Господи! Пошли ей здоровья и малышу, конечно, тоже. Были бы здоровые.

Стоит Зайчик над кроваткой и слезами плачет, жалко ей Ваську (теперь решили Дениской звать, сегодня решили, так решила мать, а нам оставалось только поднять руки «за»), думает, что голодает, что не хватает ему молока, что он устает и не высасывает то, что есть.

Начались веселые денечки. Первую ночь Денис кричал, два раза обделался, раза три описался, но говорят старые люди — от погоды, ночью была гроза, а молодые да старые восприимчивы к изменениям в атмосфере, будем надеяться — Денис исправится и будет по ночам спать, невзирая на дождь, град, метель!

Расти, мой сынок, мой Денис, и будь добрым, это главное. Люди должны быть добрыми, мир спасет доброта. Зло рождает зло.

22 июня

Вчера, значит, исполнилось мне 28 лет. Целый день до спектакля я пролежал на тахте, постепенно выходя из большого похмелья. Слетел с катушек, даже не понимаю, что случилось, — выпили в группе, и не так много, бывало больше... но, быть может, недельная усталость, недосыпание и взнервленность дали себя знать, я весь ослаб, сник и играть, конечно, «Антимиры» не смог. Хорошо, вовремя успел ребят попросить — Веньку, Володьку... работали за меня. Оделся, но на сцену не выходил. Просидел около на ступенечках, завернувшись в кулису. Это ужасно. Нельзя, нельзя так... Может быть, ко всему я отравился табаком. Целую пачку выкурил одну за одной, да еще не закусывал почти никак, без обеда... Что теперь будет мне... Да что бы ни было, не в этом дело. Противен сам себе. И на глаза неохота партнерам попадаться... Вот такие срывы, углубление конфликта в себе и собственное бессилие что-либо изменить приводят к петле, к ссорам в семье, к разладу. Зато «Послушайте» играл великолепно, и в «Вечерке» моя фотография из «Цветов». Все как-то полегчало. Домой после «Антимиров» привез Высоцкий.

Говорят, смешно лежал, закутавшись в кулису, грустно смотрел на сцену и курил. Напротив сидел пожарный и благоговейно смотрел на меня. Оказывается, он ухаживал за мной — давал нашатырь нюхать, тер мне виски.

29 июня

Недавно мы вспоминали с Высоцким наше Выезжелогское житье¹¹⁷. Ах, черт возьми, как нам там было хорошо. Поняли только сейчас, и сердце сжимается. Тогда мы были всем недовольны. Я часто повторял: «Кой черт послал меня на эту галеру», — а теперь... Почему-то в памяти вся обстановка нашей избы... стол... на нем, кажется, всегда стояла самогонка, нарезанное сало... лук, чеснок... хлеб. В подполе стояло молоко. Завтрак наш: хлеб — молоко. Конечно, не всегда стояла самогонка... но помнится, что всегда. В кастрюле холодные остатки молоденького поросеночка... Как я сейчас жалею, что мало записывал, ленился.

Перечень дневных событий, одним словом. Нет, погубила моя привычка делать из дневниковой, быстрой, лаконичной записи — литературный труд. Самое приятное расшифровывать. Из одного слова встает событие, день, жизнь, настроение. Ах, идиот. И вообще, наверное, необходимо с дневником, вот таким развернутым, писать записные книжки. Иметь ее всегда при себе, под рукой, класть в карман того костюма, который на тебе сейчас... сколько раз переодеваешься, столько раз переключиваешь книжку со стилем. Дневник и записная книжка — не одно и то же, я зря думал, что дневник компенсирует записки-каждо-минутки.

Буду как Толстой. Всё, решил.

1 июля

Только что Кисель¹¹⁸ сообщил — сняли Твардовского. Неужели?! Да неужто посмеют?! Вона куда дело-то идет. Господи! Да что же это такое? Долго целились и решились. А мы, интеллигенты, кричали — духу не хватит у них... За ним такие люди... Интеллигенция... лучшие писатели... передовая прогрессивная граница. Твардовский — великий поэт, гражданин, авторитет. Нет, не захотят они ссориться с народом... Не будут давать печатать желаемое, будут мешать работать, зажимать, потрошить каждый номер... но снять... не посмеют, и вот — финита ля комедия...

А у меня «Дребезги» лежат в «Новом мире». И там про «усатого» борзо написано. Отыщут рукопись и заявятся с обыском. Проверить архив мой и образ мыслей из него составить.

24 июля

Вчера был в «Новом мире». Встретили как блестящего Кузькина. Зам. главного редактора Кондратович Алексей Иванович, человек, который крутит все колесо, пригласил к себе. Сказал: «Зря вы скрываетесь под «Шелеповым», я узнал вас — вы Золотухин. Надо было сразу принести ко мне... Прохождение у нас очень сложное... отбор строгий. Зная, что это написали вы, — мы по-другому бы отнесли и т. д. «Дребезги» у кого-то на руках. Первые отзывы средние — для вас и для нас». Набрался наглости, оставил у Кондратовича все свои рассказы.

¹¹⁷ В селе Выезжий Лог Красноярского края летом 1968 г. снимался к/ф «Хозяин тайги». Об этих днях Золотухин вспоминает и в дневниковой записи от 10 сентября 1975 г.: «“Хозяин тайги”. Мы живем в пустом, отремонтированном доме. Спим на раскладушках. Я не снимаю милицмейской формы. Сбоку у меня пустая кобура. По ночам Владимир работает, пишет. Иногда что-то проверяет гитарой. Лампа электрическая, в миллион свечей — другой нет. Я знаю, что под окнами в бурьяне и крапиве затаился народ — ребянтня деревенская. Самые непосредственные уверены, что я приставлен Высоцкого охранять. Если не поздно, некоторые стучат, робко спрашивают у меня разрешения: «Товарищ милиционер, можно поглядеть на живого Высоцкого?» «Можно, — говорю, — но прежде принесите три литра молока». Несут. Приглашаю Владимира выкупать молочка. Он не знает, что я потихоньку им торгую».

¹¹⁸ Олег Киселев, актер Театра на Таганке.

Поехал на «Мосфильм». Вчера впервые в жизни сел к телефону и стал звонить работодателям — согласен на любую работу.

На «Мосфильме» встретил Рязанова:

— Тов. Золотухин... Поздравляю вас... видел Кузькина... замечательная работа и режиссерская, и актерская... Просто очень здорово, от всей души... Это у меня самое сильное впечатление за последние многие годы.

26 июля

24 июля был у Высоцкого с Мариной. Володя два дня лежал в Склифосовского. Горлом кровь хлынула. Марина позвонила Бадалян¹¹⁹. «Скорая» приехала через час и везти не хотела — боялись, умрет в дороге. Володя лежал без сознания на иглах, уколах. Думали — прободение желудка, тогда конец. Но, слава Богу, обошлось. Говорят, лопнул какой-то сосуд. Будто литр крови потерял и долили ему чужой. Когда я был у него, он чувствовал себя «прекрасно», по его словам, но говорил шепотом, чтоб не услышала Марина, — дрисня вдруг черная пошла...

А по Москве снова слухи, слухи... Подвезли меня до Склифосовского. Пошел сдавать кровь на анализ: Володя худой, бледный... в белых штанах с широким поясом, в белой, под горло, водолазке и невероятной замшевой куртке: «Марина на мне...», «Моя кожа на нем».

28 июля

Я давно не ездил на машине, в кузове на золотом зерне. Сколько бы дал я теперь, чтобы забраться в кузов, закопаться в это теплое золото пшеницы и тайком вернуться в детство, прокатиться по родимой стороне, подышать воздухом прошедшего, минувшего, взглянуть хоть одним глазком на то, что когда-то было рядом, пронеслось мимо и ушло, кануло навсегда. На золотом зерне по золотому следу, в золотое детство. Еще разок взглянуть на этот сон. Я не успел его рассмотреть. Верните мне мгновение этого сна — я чего-то не рассмотрел главного, золотого, или забыл... может быть. Я хочу вспомнить.

Одолжите мне на мгновение машину с золотым зерном, я катаю на ней в мое детство.

30 июля

Сидели на лавочке перед павильоном Стрельчик, я, Костя¹²⁰ и, как потом узнал, Соломин¹²¹.

— Что с Высоцким? Правда, говорят, он принял французское подданство? Как смотрит коллектив на этот альянс? По-моему, он (Высоцкий) ей не нужен.

«А кто ей тогда нужен и что ей от него?.. Любят они друг друга, и дай им Бог удачи в этом... И кому какое дело, куда брызги полетят».

А с Володечкой-то, говорят, опять плохо, подозревают рак крови. Не дай Господи! По Москве слухов, сплетен...

31 августа

Еще неизвестно, как повернутся дела у Полоки. Алексей Леонтьевич¹²² сказал, будто я в списке кандидатур на главную роль, куда Пол ока усиленно тянет Высоцкого. Но этого не может быть, поскольку Полока никогда нас не столкнет с Володькой лбами, зачем это нужно?

25 сентября

¹¹⁹ Желдин.

¹²⁰ Левон Оганесович Бадалян, врач-невролог и друг Театра на Таганке, к помощи которого в экстренных случаях прибегали почти все актеры театра. Профессор, член-корреспондент АМН СССР.

¹²¹ Юрий Соломин, актер Малого театра.

¹²² Гример.

Сегодня будет досъемка к пробе с Глузским. Колька¹²³: «Я любил тебя вчера, как никогда. Ты кладешь Высоцкого как хочешь. Даже жалко его становится...» Но Полока хочет утвердить Володю... Моральные обязательства. Да, жалко, что я не сыграю Бирюкова¹²⁴. Я вижу, как меня все хотят: группа, оператор, ассистенты, сценаристы и т. д. Я не могу откровенно поговорить с Полокой. Но у меня точное знание: Володе не надо играть Бирюкова, лезть в такие герои. Это народный тип, народный характер. У Володи нет качеств такого типа. Ему надо байеров играть. У него нет обаяния такого качества, он вообще-то не очень обаятелен на экране. По-моему, играть Бирюкова — окончательно скомпрометировать себя для Володи. Глаза нет. Глаза не те для такой роли. Текст написан так заштатно, кондово, по всем штампам а-ля русс. Это надо каким тонким артистом быть, чтобы он прозвучал в устах героя и не резал, не стрелял в ухо. Грубятина получится, хохма, и пошлость ползет. Вот что может получиться. И тогда все обвинения и опасения, которые сейчас несколько настороженно высказывают напуганные эксцентричностью, хохмачеством сценария деятели, могут вылезть с чудовищной силой. Бирюков должен стать современным Чапаевым, народ должен его полюбить, мальчишки должны заиграть в него. Иначе на кой хрен огород городить? Актера ванинского плана надо искать на эту роль, то есть брать Золотухина, и точка. Но, честно говоря, у меня и груз спал с головы, когда я понял, что мне не светит, что это была шутка Полоки...

27 сентября

Вчера играли «Галилея». Первый раз «выступал» в этом сезоне Высоцкий. В партере — Марина Влади и пр. Хорошо играли мы, молодцы.

Почему-то я вспомнил. Репетировали в начале сезона «Доброго», финал. На сцене все участники. И зашел разговор о Высоцком, очевидно, в какой-то связи с оставшимися, старыми пьяницами. Шеф говорит, что его (Высоцкого) положение катастрофическое, врачи отказываются, не могут понять причину кровотечений. «Не берите грех на душу, не давайте ему водки, как бы он ни умолял. Есть у нас охотники выпить за чужой счет». — «Среди артистов нет таких...» — «Да знаю я...» — «Свинья грязи найдет...» Васильич¹²⁵ и Таня заспорили. Танька говорит: «Я знаю, кто ему налил в автобусе с выездного коньяку». — «Таня, да брось ты. Ты первая ему и наливала. К чему вообще такие разговоры?» Шеф: «Нет, Анатолий, не могу с тобой согласиться. Пока мы ведем еще такие разговоры, это означает, что мы живем, что нам не безразлична судьба товарища».

1 октября

Вчера состоялся худсовет у Полоки. Мы играли «Галилея» и весь спектакль с Высоцким ждали звонка — тихо. Если бы было все нормально — Высоцкого утвердили бы на Бирюкова, меня на Громова, — уж обязательно дозвонились бы, даже приехали к концу спектакля... Но никто из группы не дал никакого о себе знака. Володя стал нервничать. Меня же перспектива играть Громова не радует. Ну, утверждают так утверждают, и раз того хочет Полока, я сработаю Громова, но душа у меня не лежит... И я даже буду рад, если не буду в этом участвовать в таком качестве.

Вчера Высота собирался к шефу на день рождения. Меня не позвали, хотя я и не был с утра в театре, однако ж «обидно»...

2 октября

У Полоки не утвердили Высоцкого. Меня на Громова он даже и не выставлял, и не распространялся, поскольку понял полную непроходимость. Весь конфликт в том, что мы —

¹²³ Н.Конюшев.

¹²⁴ Главная роль в к/ф «Один из нас», сыгранная Г.Юматовым.

¹²⁵ Анатолий Васильевич Эфрос.

театральные артисты, а объединение — киноактера. Санаев¹²⁶ сказал: «Только через мой труп будет играть Высоцкий, до ЦК дойдем». Но там Туманов¹²⁷ отколол номер. Ему понравился Золотухин, он сказал: «Я вижу в Бирюкове только Золотухина... Какие могут быть сравнения с Высоцким... Но жаль, что он не из Театра киноактера». Короче: вся бодяга передается в Комитет, и сегодня-завтра будет смотреть Баскаков¹²⁸ и решать.

Меня все время не покидает уверенность, внутренняя убежденность, что Бирюкова буду все-таки играть я. И хочу, и боюсь этого. Но все-таки умом понимаю, что Володе это нужнее во сто крат. Ему нужен этот простой советский герой. А я удовлетворюсь номером вроде того, что изобразил в «Пути в бездну»¹²⁹.

4 октября

На «Добром» — звонок. Полока, Конюшев: «Дела важные. Для Володи скверные. Наверное, тебе придется делать то, что должен был делать он. Надо встретиться, сегодня же... пока без Володи... как ему сказать, выработать план разговора, действий...» Сижу на телефоне, мимо ходит Володя, играет гениально Летчика, что-то, очевидно, чувствуют его гены, в воздухе драма, я за его спиной звоню, говорю в трубку, что ни Полока, ни Кулиш¹³⁰ понять ни хрена не могут...

У Саввы в новой, кооперативной. Совет в Филях: Полока, Золотухин, Кулиш, Конюшев, Щеглов... Либо Полока на картине, либо — если он будет отстаивать Высоцкого — ни его, ни Володи. И в дальнейшем Полока ему уже помочь не сможет... ничем, ибо будет архизапятнанным и отвергнутым... Полковник Кравцов встречался с высоким лицом из КГБ — Бобковым. Тот пообещал оторвать башку Баскакову и Романову, если те утвердят Высоцкого... и «дело не в его песнях... а в его поведении».

А мне кажется, еще и в народе... Кумир нарушил правила игры. Любовь и роман с Мариной обернулись ему ненавистью толпы. Толпа не может простить ему измену с западной звездой.

Хмельницкий просит очереди играть «Галилея», устроил скандал, не хочет разговаривать с Высоцким. Ну как это назвать? Несчастье человека, театра — он выручил, ну и хвала ему, зачем лезть в первые исполнители?..

5 октября

Высоцкий вчера был снова пьян. Звонил Абдулов Смехову: «Веня, я беспокоюсь только за театр. Со здоровьем его относительная норма. Смерти не будет, это главное».

Полока говорил с ним. Володя все знает. И о том, что Гена думает обо мне как о Бирюкове и о нем как о Громе... «Я согласен на любую роль в этой картине. Для меня это обеспечение дальнейшей работой, улучшение моих дел».

6 октября

Странный разговор состоялся вчера с Полокой. Кажется, я распрощался с мечтой стать народным «героем» Бирюковым. Полока напрочь отказался от Володи.

— Я уже ничем не могу ему помочь. Он подвел меня и себя. Два дня не мог подождать. Ты знаешь, сколько я сделал для того, чтобы он сыграл Бирюкова. Человек не понимает. Он

¹²⁶ Всеволод Санаев, киноактер. В разные годы председатель Всесоюзной комиссии киноактеров, секретарь правления Союза кинематографистов.

¹²⁷ Семен Туманов, кинорежиссер.

¹²⁸ Владимир Евтихианович Баскаков, в то время 1-й заместитель председателя Госкино СССР А.В.Романова, киновед.

¹²⁹ Рабочее название к/ф «Бег» (реж. А.Алов и В.Наумов).

¹³⁰ Савва Кулиш, кинорежиссер.

ведь проживет на своих песенках, в театре с ним носятся как с писаной торбой... А для меня закроются все двери в кино, если я потеряю эту картину. Я не могу даже и заикнуться теперь о какой-нибудь роли для него. Там уже знают, что он развязал, когда точно это случилось, что он не играл второй спектакль, когда, до часа точности, он развязал на «Интервенции», — все ЗНАЮТ... «Советского разведчика, чекиста будет играть алкоголик, человек, скомпрометировавший себя аморальным поведением, бросивший двоих детей?! Позвольте! Ведь надо когда-то и отвечать за свои поступки...» На него несколько дел с соответствующими материалами, которые в любой момент могут быть пущены в ход... Меня убила одна фраза. Раньше он не мог так со мной разговаривать: «А теперь я пойду спать, мне нужно отдохнуть к вечернему спектаклю». Он растеряет своих друзей, он их начал терять. Даже его компания относится к нему с юмором, не всерьез, в лучшем случае жалеют, когда он что-нибудь теряет...

Пока он говорил о Володе, я все думал: а что же я? Какова моя-то участь на сегодняшний день? Почему так долго он говорит о Володе? Почему, зачем срочный вызов меня? Раз он долго говорит о своем решении расстаться с Володей, то должен хоть как-то кивнуть в мою сторону. Ведь пообещал он мне Бирюкова как само собой разумеющееся, если не будет Володи, подтвердил окончательно на «худсовете» у Саввы Кулиша свое решение, а теперь тянет, мрачнеет, крутит... Я стал догадываться, что моя персона снова под большим вопросом и Полока осторожно ищет пути, как об этом мне намекнуть. Приучает к плохой мысли... Чтобы не он высказал ее, а чтобы она зародилась у меня сама, чтобы я догадался. Я давно был хитрым и, конечно, все понял...

— Я буду пробовать еще одного-двоих.

— Кого?

— Губенко дали сценарий...

Ну вот и развязка. Губенко популярен в высших киношных кругах. Его кандидатура была названа первой. Сам Сурин навязывал его Полоке. Один раз он вроде бы отказался, но теперь взял сценарий и тянет.

Володя уехал в Батуми на четыре дня. Отдохнуть, привести себя в порядок.

12 ноября

Почему Высоцкий быстро и на таком высоком уровне заменил Губенко во всех спектаклях? Потому что, когда он в форме, он профессию держит, что называется, одной левой: как он двигается, он выполняет трюки мастера спорта, как он говорит. Всему этому необходимо подражать, ничего в этом дурного...

20 ноября

Одна девчонка пришла наниматься в костюмеры.

— Я, — говорит, — хочу Высоцкого каждый день видеть.

— Ну, идите отсюда!

Часть вторая. «Гамлет»

1970

21 января

Почему-то все ругают «Опасные гастроли», а мне понравилось. Мне было тихо-грустно на фильме, я очень понимал, про что хочет сыграть Высоцкий.

16 марта

— Ю.П., мне нужно с вами поговорить... Только вы можете мне посоветовать и помочь. Можно, мы приедем к вам с Мариной?..

— Какой Мариной?..

— Ну... с Мариной.

— А она здесь? Я думал, она уже уехала.

— Нет, она здесь
— Ну приезжайте, я завтра закончу репетицию в три часа и поговорю.
— Валерка! Ну почему мы с тобой не можем встречаться?! Я говорю Марине: поедем к Валерке, спросим у него, как нам жить. Но у тебя свои дела, тебе самому...
— Я скоро повешусь от одиночества, Володя!
— У меня такая трагедия... Я ее вчера чуть не задушил. У меня в доме побиты окна, сорвана дверь... Что она мне устроила... Как живая осталась...
...И вот сегодня висит объявление: «Внимание! Возможна замена «Доброго человека». Всем артистам узнать в 15 часов. Власова».

Ждем трех часов.

...Идет «Добрый человек», Володя пришел в полном порядке, так что — все нормально.

Вчера Володя соединил нас с Мариной:

— Когда мы допоем наши неспетые песни? Что происходит? Почему мы не встречаемся?.. Ты очень добрый, Валерка.

Сегодня день рождения Шацкой. Поздравление Высоцкого:

Конец спектакля! Можно напиваться!

И повод есть, и веская причина.

Конечно, тридцать, так сказать, не двадцать!

Но и не сорок, поздравляю, Нина!

Твой муж, пожалуй, не обидит мухи.

Твой сын, еще не знаю, может, сможет!

Но я надеюсь — младший Золотухин

И славу, да и счастье умножит.

И да хранит Господь все ваши души.

Вагон здоровья, красоты хватает!

Хотелось потянуть тебя за уши!

Вот всё! Тебя Высоцкий поздравляет.

17 мая

Дня два назад звонил Высоцкий. Несколько не по себе мне было, стыдно: за два месяца его лечения я ни разу не побывал у него в больнице.

— Как дела? Как что? Как «Что делать?»?.. Кто репетирует?.. Валерик! Я тебя прошу, поговори, пожалуйста, с шефом... мне неудобно ему звонить... скажи ему, что я перешёл в другую больницу, что мне обещают поправить мое здоровье и поставить окончательно на ноги. Я принимаю эффективное лечение, максимум пролежу недели две — две с половиной и приду играть... что я прошу у всех прощения, что я все понимаю... благодарю за «Гамлета»... поговори и с Дупаком... Ну, в общем, ты знаешь, что сказать... Готовься к Лаэрту...

— Ю.П., я говорил с Володей. Ему неудобно вам звонить. Он просит его простить... очень хорошо лечится и в смысле язвы, и в смысле другого пункта. Просит поверить ему, что все грехи он замолит отчаянной работой...

— Ну, вот придет, посмотрим... Я скоро сбегу от вас, плюну и уйду, честное слово, вы мой характер знаете... Нас закрывают, театр в отчаянном положении, а он устраивает загул... бросает, плюет на театр, куда-то летит, в Одессу, о чем он думает? Вы бы поговорили с ним по-мужски, с глазу на глаз, объяснили бы ему, чем чреватые его безобразия...

— Он благодарит за «Гамлета»...

— А что, он думает, что после всего этого я доверю ему такую работу? Наивный он человек... Он не играет «Галилея», а я ему дам «Гамлета»?!

— Он просит разрешёния позвонить...

— Пожалуйста, пусть звонит.

1 июня

Вчера у меня был Володя. Говорили с ним по душам. Все он мне рассказал, про всю свою жизнь, про все свои дела. Мы нежно любим друг друга. Он говорил: «Есть у каждого человека один-два друга, которому можно рассказать, что ты заболел сифилисом. Хочу, чтобы ты сыграл Горацио, но у Лаэрта линия интереснее, это второй Гамлет, только без проблем». Володя окончательно остается с Мариной.

Володя горит «Гамлетом», рассказывал, как он придумывает играть и т. д. Очень хвалил меня за Лопухова¹³¹. Это за субботнюю репетицию, когда смотрел Ю.Карякин и шеф сказал: «Валерий сегодня хорошо репетировал».

Володя:

— Это прекрасно, что ты из г... делаешь хорошую роль. Я понял, что даже г... надо играть хорошо, артист высокого класса тогда получается. Как Фима Копелян. Гога¹³² ему дает завальные роли, он знает, что, кроме Фимы, никто не вытянет.

2 июня

Мы с Высоцким пришли к выводу, что если кому-нибудь из нас поставят памятник за наши актерские создания, так это Зинке. Никакое кино, никакая другая наша посторонняя деятельность не вызовут в потомках такого уважения и почитания, как наша жизнь в «Таганке». И здесь Зинаиде равных нет. Ее Шен Те и Ниловна обрели жизнь, не боящуюся физической смерти актрисы...

27 июня

Нет, лето не пройдет даром, все что ни делается — все к лучшему... буду готовиться и, чем черт не шутит, возьму да и подам заявку на Гамлета, а что, я уж должен так остерегаться дружбы? Что делать?! Я чувствую, что могу. В разговоре с шефом сказал:

— Я удивлен слухами о Кваше¹³³.

— А вы считаете, что у нас есть Гамлет?

— Думаю, что есть... по крайней мере, уверен, что «может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Таганская земля рождать».

Первый раз за шесть лет хочу спросить: а что мне предстоит сыграть в «Гамлете»?

— А что бы ты хотел?.. Ну, Гамлета, а еще?..

— Не знаю, что дадут...

Поговорили о других ролях, примерную раскладку прикинули, я опять с вопросом:

— А что буду играть я в «Гамлете»?

— А что бы вы хотели? Ну, Гамлета, а кроме?..

— Трудно сказать...

Опять ушел разговор, сперва на чиновников, потом на «Зори здесь тихие»:

— Я тебе скажу откровенно, тут должен быть мужик типа Антипова¹³⁴, Шаповалова — натуральный, большой кирпич.

— Да-да, конечно... здесь лучше им, а что в «Гамлете»?

— Что бы ты взял? Ну, Гамлета, а что другое?..

Так мы и сыграли друг с другом вничью.

Мы сошлись с Зинкой. Она мне архипомогла в Лопухове... В театре рассматривается такой альянс как роман... Не дай Бог, меня шеф включит в кандидатуры гамлетистов, а такое

¹³¹ Роль Золотухина в спектакле «Что делать?».

¹³² Георгий Александрович Товстоногов, главный режиссер Ленинградского академического Большого драматического театра им. М.Горького (БДТ).

¹³³ Ю.Любимову советовали пригласить И.Квашу на роль Гамлета.

¹³⁴ Феликс Антипов, актер Театра на Таганке.

вероятие есть, просто дисциплинарный, удерживающий Высоцкого ход, и думаю, что даже Высоцкий может вообразить, что это лапа Славиной, что это она шепнула шефу за меня.

28 июня

Мне 29 лет. Это случилось 21 июня. Накануне — «Павшие». Высоцкий подарил мне рубашку синтетическую, симпатичного светло-шоколадного цвета, если такой бывает. Я тут же снял с себя свое и надел его. Год назад ровно он подарил мне брюки, они были на мне, я получилась весь в «Высоцком».

3 сентября

Вот такие невкусные пироги. Вчера мы начали седьмой сезон. «10 днями». Размочили. Спел вводом «Портрет»¹³⁵. Шеф поблагодарил: «Хорошо, очень, спасибо». Володя играл совсем охрипший, но здорово.

7 сентября

А позавчера в кабинете шефа состоялось тайное распределение ролей в «Гамлете» и «Зорях». Кажется, я получил Лаэрта — пусть будет так.

1 7 сентября

Нам разрешили «Что делать?». Узнал об этом от Высоцкого, которому 14-го, в день моего загула, звонил в театр, чтобы в любви ему объясниться.

28 сентября

Репетиция «Гамлета». Шеф рассказывает, как он вчера снимался.

— Мхатовский актер — некультурный, темный человек, но оснащен системой, это ужасно...

— Алла! Вы нарочно так или я не понимаю?

— Не выбрасывайте старые вязаные свитера, я хочу, чтобы гамлетисты были в шерсти.

Вчера Володя:

— Мне надо с тобой поговорить по личным делам, опять У меня полное смятение... Я не могу видеть, как она переживает. Не здороваюсь со мной. Вчера она видела — я еду в белой своей машине мимо, она стоит одна, ловит такси, глотает дым моей машины — и слезы, я думаю. Я не могу, что-то надо делать, я мучаю ее — невозможно в одном театре работать, ведь я предлагал ей — давай я тебя устрою в хороший театр, на хорошее место, в «Сатиру» например. Она сказала: «Если ты хочешь, я завтра же пойду к Ю.П., поговорю и уйду куда-нибудь». И Марина чувствует... вдруг что-то делается с ней, остановится и с такой тоской... Мне кажется, что Танька чуть в обморок не упала, я представляю себя на ее месте.

— Вовочка, ты преувеличиваешь, я тебе сейчас разрисую истинную картину... Неужели ты думаешь, что она не знала, что на спектакле была Марина, что вы приехали на белом «рено» и что мы вместе уехали. Она знала, что у тебя машина, она видела Нину М., она долго стояла, ловила такси, но не подняла ни разу руки, она ждала, когда ты промчишься мимо на белом автомобиле, и, зная тебя, прекрасно рассчитала эффект. Ей трудно, ей тяжело, наверняка она переживает [на полях: она играет спектакль], но она рассказывает девкам, как она разведет вас через два месяца, как она тебя испепелила и как она тебя держит за яйца... Ты мне ничего из постельных деталей не рассказываешь, у мужиков это проще, а я от своей бабы узнаю про ваши интимные дела. Зачем это?! Зачем эта болтовня, значит, чувство не так глубоко, не так оскорблено... Она не так одинока, как тебе кажется... Она устраивает из ваших отношений спектакль. Ты представь картину: у подъезда театра — зрители, она... фаворитка Высоцкого... брошенная, одинокая, но гордая... нищая, обворованная тобой, и ты — знаменитый, богатый, на иностранном белом авто мчишься мимо и забрызгиваешь ее белый плащ грязью из-под колес. Это сцена из западного кино сопливого шедевра с резанием вен в ванне, отравой и пр.

¹³⁵ Имеется в виду эпизод в спектакле «Десять дней...».

— Ты пойми, мы не просто спали, мы жили как муж с женой. Из-за нее я разошелся с Люськой.

3 октября

30-го вечером ездили с Володей в Лыткарино. Выступали перед сеансами «Гастролей». Говорил об этом фильме:

Там много личного, Володиного. Много про нас, про артистов. Ужасно грустный фильм для меня лично. Потому что он и про меня тоже. И так же, как Володин персонаж, я бегу, жду от каждого концерта, спектакля какого-то чуда, а его все нет... а я бегу за ним, догоняю... И Володя бежит... и тоже догоняет...

Володе дали 120 р. Мне — четыре ставки через Кинопропаганду и бутылку чистого спирта.

4 октября

О случае: «Юноша, мечтающий о большой любви, постоянно научается пользоваться случаем» (Цветаева. «Мой Пушкин»), Читаю эту бабу. И вздрагиваю почти над каждой строчкой, как от удара, как от выстрела. До того под кожу, под корку каждая мысль впивкивается: начинает... нет, не начинает, а именно — НАУЧАЕТСЯ пользоваться случаем... Случай-случай! — случка — научается пользоваться случкой. А мечтал о большой любви.

Не тот ли юноша и я. Я, АКТЕР, мечтающий о большой роли, о прекрасной роли, постепенно научаюсь пользоваться случайными, первыми попавшимися предложениями. И самое страшное — УДОВЛЕТВОРЯЮСЬ ими. Лишь бы мелькала изредка фамилия в титрах, на страницах и продавалась бы физиономия на каждом перекрестке. В нашем деле многое от него, от этого случая, зависит и происходит. Но не всякий случай есть тот, которого ждешь и от которого ждешь. Но сразу не узнаешь. Случай свел меня с Назаровым. И он стал снимать меня, он на меня поставил и сделал меня знаменитым. Но я попал в его круг. Круг середины, круг серости, по крайней мере, так говорят те, кто считает себя в Гамбургском кругу: Данелия, Таланкин, Кончаловский, Тарковский... И они не хотят связываться со мной. На мне клеймо: «Он снимается у Назарова». То, что я снимался у Полоки (как мне необходима сейчас гласность этой работы), у Роома (тоже, по их мнению, не делает мне чести), Хейфица¹³⁶, — мало горя. Главное — актер Назарова. Не знаю — плохо это или хорошо. Насколько плохо и насколько хорошо. Что мне в результате принесет этот союз? Если бы меня случай свел с режиссером другого круга? Как сложилась бы моя теперешняя судьба? Или я достоин того, чего имею?

От этих случайных встреч и стирается лицо. Эти случайные встречи, случайные роли и создают твой портрет в глазах современников.

Золотухин? Это тот, который милиционер?!

Милиционер!! А я хочу Гамлета играть. Допустим — Гамлета! Но после милиционера это смешно. Это как Ильинский — Ленин, а пан Владек — генерал Епишев. Классический пример: Петя Олейников — Ваня Курский — и он же — ПУШКИН! И все смеялись. И приняли за шутку. ЛИЦО!! От него никуда не спрячешься, от этого своего — искусственно навязанного в погоне за славой попутными, случайными встречами — лица. Потом ты к нему привыкаешь. Смиряться и прекрасно себя чувствуешь со вторым, этим уже *своим*, лицом. Тут же вспоминаю Мордвинова: «Лицо-то какое хорошее!» (по времени это было тогда же, когда — «какой был парень!»). Бойся кинематографа. Он использует и выбрасывает. Выбрасывает, стерев твое лицо и дав взамен лицо кинематографическое — то есть обезличив. «Ленфильм» предложил мне сценарий. Лесков — «Тупейный художник». Жена говорит: «Вряд ли они заинтересуются всерьез тобой. Вот если бы это было во времена «Пакета», когда ты был молоденький, наивный». Да ведь это всего пять лет назад. И потом — почему Аркадий должен быть молоденьким, этаким Лелем. У Лескова ему за 25. Он —

¹³⁶ Золотухин к тому времени снялся в фильме Иосифа Ефимовича Хейфица «Салют, Мария!» (1970).

мастер. Это трагедия крепостного таланта!! А мастер не может быть мальчишкой. Мальчишки в подмастерьях ходили долго. Уже мужами сделавшись. Не все, конечно. Аркадий постиг тайны, секреты дела. Этот случай пройдет мимо меня. Да может, не его я жду.

6 ноября

Сегодня Демидова обманом заманила меня на репетицию «Гамлета».

Любимов:

Нас посетил тов. Золотухин. Давайте что-нибудь порепетируем, чтобы тов. Золотухин не зря потерял время... Тов. Золотухин, вы вчера играли лучше (Лопухова)... значит, наши разговоры пошли на пользу... А как ваши ощущения? Мои ощущения были самые приятные, извините, конечно... за ощущения.

21 ноября

Вчера удачный для меня «Что делать?». Были Флеровы. Пришли за кулисы, принесли цветы, а дядя Женя сказал:

— В тебе, милый, появилась внутренняя красота, она и была, но теперь куда богаче. Ты понял меня? Внутренняя красота, растешь, растешь, дорогой...

Это хорошо, если расту. Может, и вырасту еще.

19-го на «10 днях» был Полока. Поехали после спектакля к Володе и Марине. Марина была очень рада, жарила мясо, хозяйничала... С Геной они высосали штоф «Столичной» экспортной водки. А мы решали, что делать теперь Полоке, за какое полотно ему браться теперь. Мнения наши разделились: Володя предлагает вторую «Интервенцию», я — за нормальную, хорошую советскую картину, потому что «Один из нас» — это все-таки плохо. На премьере фильма в Доме кино Марк Донской с трибуны при полном зале объявил «Интервенцию» выдающимся произведением не только советской, но и мировой кинематографии и что, несомненно, она еще найдет дорогу к зрителям. Это сказала Марина, она была при сем.

А перед «10 днями» я выступал в матросском костюме в клубе «Текстильщиков» на устном журнале. Было страшновато выступать после Д.Бонда и Бельмондо, но как было приятно, когда ведущий объявил: «Кому не понравился милиционер Василий Сережкин из фильма «Хозяин тайги»... (шум, аплодисменты). Исполнитель — В.Золотухин — орация...» Обделал для начала западный кассовый кинематограф и рекламу выдал советскому. 25 рублей положил в карман. Итого за два концерта — 50 руб. минус такси и пр. — рублей 40. Купил вчера себе туфли концертные, так я их именую, за 35 руб. Больше всего меня привлекла тисненая надпись на подошве — МАСТЕР. Когда ты мастер, тебе никто не скажет «тьфу». Костюмы мерил, но опять старая проблема — длинные, нестандартные руки. Полы в меру — рукава по локоть, рукава в меру — полы по колено. Решил шить.

Вчера у меня был Фоменко. Хочет вернуться в театр. Надоело благополучие ТЮЗа. Посоветовал писать письмо Петровичу со всеми психофактическими выводами, заключениями, причинами ухода и возвращения.

Пришел вчера в Малый на телехалтуру. Никто меня не встретил. Я поднялся на четвертый этаж в репетиционный зал. Посидел в сумерках немного, хотел развернуть оглобли, а потом подумал: да почему я должен уходить, кого-то ждать, почему мне не поработать одному? Включил софиты, расставил мебель и пошел в прогон один, без партнеров, без режиссера. И так мне хорошо было: набрался воли, сил и работаю. Давно я так не работал, один, по тексту, с воображаемым хозяйством всего спектакля, и доволен остался чрезвычайно собой — мудрое было принято решение... А налажал я. Сегодня у нас встреча в 16 часов, а не вчера.

28 ноября

А вчера обсуждали макет «Гамлета». Было много друзей — умнейших мужей. Перед глазами макет — предмет разговора, а всем хочется поговорить, языки почесать об «Гамлета», еще раз обсудить Шекспира, свою образованность показать... Правильно сказал

Бояджиев: «Каждый говорящий покажет своего Гамлета, т. е. себя, как он это понимает» и т. д.

Всю эту говорильню, очевидно, заварил я, когда задал шефу вопрос:

— «Распалась связь времен», — говорит принц, потеряв отца и мать увидев шлюхой, а что он думает — эта связь когда-то была единой, неразрывной и, если она распалась, не попытаться ли ему ее связать?.. И еще: «Подгнило что-то в Датском королевстве...» Когда подгнило? И не поставить ли подпорки, не подновить ли? Или, по-его, — лучше сомневаться и ничего не пытаться изменить? Зачем тогда он просит Горацио рассказать потомкам, что здесь было и кто виноват? Значит, он надеется на лучшие времена? — Очень здорово Лебедев¹³⁷ говорил: «Быть или не быть? — каждый по-своему решает. «Не быть» — еще не значит пулю в лоб, хотя это абсолютный, оптимальный вариант... Но — МАЛО ЛИ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫХ НЕТ...» — и т. д.

30 ноября

Последний осенний день. Завтра уже зима и предновогодний месяц — декабрь. Последний месяц 70-го года. И наступит год тридцатилетия моего. В мозгу брезжит такой план: «30 лет — это возраст свершений, 30 лет — это возраст рещёний» и т. д., — говорится в моей телехалтуре; 30 лет — это черта, это половина жизни, это середина леса, а потом мы начинаем из него выходить...

Надо сделать все, чтобы 21 июня 1971 года мне не было мучительно больно за пройденную половину... И первое дело — «Сережкин-2», Лаэрт... и самое главное — здоровье моих детей и родных.

Если фильм окажется удачным, хотя бы не хуже первого, я не принимаю никаких кинопредложений на лето — буду отдыхать после первой половины жизни, впервые попробую научиться отдыхать. Хорошо бы это сделать в Междуреченске, на даче, может быть, и пописать там чего-нибудь. А главное — диета, спортивные занятия и т. д.

...Как-то мы ехали с Высоцким и Полокой в машине. Полока посмотрел в Ленинграде «Хозяина»: «Да, Золотухин — прекрасный артист, великий человек... И он хитрее, даже умнее нас с тобой, Володя... И еще такую вещь я понял: я для тебя — лучший режиссер... Назаров не умеет ставить точки... Вот идет ваша сцена с Кокшеновым...» Володя перевел разговор. Зачем ему параллели с Золотухиным, хоть он и любит Золотухина, но лучше не надо сравнений невольных, хоть и тонких, и дружеских... Полока много восторгов обратил ко мне в тот вечер. Он что-то стал быстро пьянеть, вернее, слабеть.

23 декабря

Смотрели материал «Пропажи»¹³⁸ (Высоцкий, Смехов).

Высоцкий:

— Ты ничего не сделал нового в роли, ты не придумал никакой новой краски. Все на том же уровне — не хуже, я уверяю тебя, но повтор старого — это уже само по себе шаг назад... ты не стал хуже играть своего милиционера, ты такой же, и видно, что работает хороший артист, но этого мало... теперь. По поводу леса, рыбы — ты играешь просто какоето раздражение, а это глубочайшая боль, старая, не первый раз он видит это, а ты кричишь таким петухом...

1971

9 января

...4 января 1971 года Абрам Матвеевич Роом предложил мне ЯКОВА БОГОМОЛОВА.

¹³⁷ Евгений Лебедев, актер БДТ.

¹³⁸ «Пропажа свидетеля» — к/ф В.Назарова по сценарию Б.Можаяева, своего рода продолжение фильма «Хозяин тайги»

— Мы окружены штампами. Горький, Чехов стонут от наших штампов, штампы тянут гирями в болото пошлости этих двух художников и всех нас... Десять режиссеров назовут по десять актеров на Богомолова, и среди них не будет вашей фамилии. Я думал о вас раньше, и тогда, когда мы встретились в коридоре, у меня уже было решение, но я хотел утвердиться в нем... Я пошел на «Что делать?» не ради того, что хотел посмотреть вас, хотя я знал, что вы играете... Вы были великолепны, все, что вы делали, — это все блистательно, но и не это обстоятельство натолкнуло меня на решение... Мои домашние в восторге от вас... но меня не надо уговаривать... Я артиста вижу сразу... Вы — торпеда, артист-торпеда, в вас есть заряд, энергия. Вы — натянутая струна... Это качество — необходимое для Богомолова... Вы не подумайте, что я говорю пустые комплименты для чего-то там... не знаю... Разбирая ваши сильные стороны, я отношу их к Богомолову, к вашим сценическим созданиям... В вас есть кровь. Она пульсирует на экране. Бывают артисты — играют, и вроде все ничего, а подойдешь, уколешь — окажется полотно, экран... Если уколоть вас на экране — брызнет кровь, я это очень чувствую... Но не будем торопиться... Что касается артистической стороны дела, я в ней уверен, я знаю, что вы все сыграете прекрасно, надо подумать над внешней стороной, над портретом: ну, во-первых, безбородых не было, во-вторых, чуть постарше, прибавить возраста... хотя фильм будет, должен быть очень молодым... До съемок сделаем много фотографий, прикинем грим... Пробовать я не люблю. Вы знаете, и не нуждаюсь в этом, важно — утвердиться мне самому... а начальству я скажу — вот так, и разговор окончен...

Это записано из двух разговоров со мной — 4 и 8 января... То, что не касается лично меня — сценарий, окружение и т. д., — я выпустил, сейчас важно мне самому поверить в это счастье и утвердиться в мысли — «Я есмь Яков Богомолов»¹³⁹.

12 января

Жизнь есть игра. Жизнь артиста, что это такое? — сплошная игра.

Сегодня шеф извел Высоцкого — Гамлета. Вчера «Гамлет» вышел на сцену. Человечество заносит этот день в летопись, а Лаэрт в это время спал на диване с большого похмелья. Один знакомый встретил меня на «Мосфильме»: «Говорят, у вас гениальный спектакль появился. Так много говорят о нем. Были на семинаре у Эфроса, он рассказывал, что всю ночь не спал, утром позвонил Любимову, но не застал самого и начал выговаривать его жене... Та слушала, слушала и говорит: «Да, и представьте себе — всего шесть досок!» Значит, у вас «Гамлета» делают... А как он его решает? В своей обычной манере?»

— А какая у него манера?.. У него каждый спектакль решён оригинально.

— Ну, скажем, Любимов не может похвастаться психологическим углублением... В «Гамлете» есть диалоги... и надо разговаривать.

— Что за бред? Какое психологическое углубление? Это что, когда тихо и скучно?.. А разве в наших других спектаклях нет диалогов?.. Когда-нибудь встретимся, поговорим, я выбью из тебя эту хреномуть...

15 января

Третий павильон. Снимаем тайгу — 13 планов. Все говорят, что это последний день съемок. Дай Бог! В 10-м павильоне пробуете Шацкая в «Булычове» — помощи ей, Господи! А дела у нас на театре — хуже не придумаешь. Принц Гамлет запил. В ночь под Старый Новый год. Вместе с шефом. Ужасно стыдно слушать было вчера, какую чушь нес Володечка открытым текстом со сцены. Вечером позвонила в театр Марина — принц в Скли-фосовского, она в отчаянии... одна в России на положении кого? Уговаривал я вчера Володю поехать спать и прекратить, надо бежать на длинную дистанцию, это малодушие... после того дня, как шеф накричал на него, он взялся за стакан, ища спасения в нем, в отступлении, а может, брызнет талант, надеялся...

¹³⁹ Роль Якова Богомолова в к/ф А.Роома «Преждевременный человек» (1971) досталась в результате Игорю Кваше.

Надо работать, надо мужественно переносить неудачи, надо работать, а не хватать звезды... не стараться хватать их, по крайней мере каждый день... Есть мужество профессии — сохранять форму, не жрать лишнее, не пить, когда идешь в сражение.

— Вы пять пьес показывали мне с голоса, я выполнял с точностью до тысячной доли, но здесь я не могу повторить... потому что вы еще сами не знаете, что делаете... Я напридумывал в «Гамлете» не меньше, чем вы, поймите, как мне трудно отказаться от этого...

Эту и подобную стыдную муровину нес Володя. Шеф и тот слушал его, старался вникнуть, объяснял чего-то... Ах, как это все нехорошо. Принц Гамлет в Склифосовского... Благо, что это случилось в дни, когда у него нет Галилея, и перед выходными днями.

23 января

В 11 — все занятые в «Гамлете». Принца нет. Что будет? Кто почитает... Шеф ведь готов к этому — Филатов, почитайте... Значит, Филатов. Обидно, что не я. Ни к чему мне принц Датский, тем более я мечтаю о Богомолове, ведь сказал же Роом: «Валерия загримировали под сельского учителя... Но Валерия я люблю, он все равно сниматься у меня будет...» — значит, что?! Но все равно обидно, хотя бы ради шутки почитал. Но ничего. В магазин за молоком. Нейтрализовать всю вчерашнюю гадость — водку и табак. И на ковер — заниматься. На удар ответим ударом. Будем работать. Будем совершенствоваться «физику», чтобы нам никто не сказал — «тьфу»... Читаю про Мэрилин Монро — питалась тертой морковью, кипяченым молоком и, кажется, то ли сливками, то ли орехами.

26 января

Вчера два спектакля — «Послушайте», «Что делать?».

Разговор с шефом:

— Валера, скажи мне, пожалуйста, ты хотел бы попробовать Гамлета? Видишь, у нас опять трагическая ситуация, и я не знаю, чем она закончится и для театра, и для него... Я верил в него... но теперь...

— Ю.П., мы люди свои, прикидываться мне перед вами нечего: хотел бы Гамлета? Конечно, хотел бы. Верю ли я в то, что могу это сыграть? Конечно. Может быть, не сегодня, но завтра... давайте попробуем...

— Ну тогда я тебя прошу — сиди на репетициях, присматривайся, вникай, куда я бьюсь... И как-то в студийном порядке... приготовь какой-нибудь отрывок... Я посмотрю... Не думай, что я буду смотреть: развалюсь — и давай удивляй... Я понимаю, что это такое... но выхода у нас другого нет...

— Я все понял. Считаю — наш разговор окончен.

Вчера у Володи день рождения — шеф мне предложил попытать удачи в «Гамлете». Какая-то ирония.

Один раз я сыграл Керенского за 50 рублей. Точила меня тоска, что друга предал. Чепухой все оказалось, ерундой. Теперь, кажется, я опять играю на его трагедии — Он царь еще...

Ну а у меня что — две жизни, что ли? Тоже одна, и неизвестно какая. Ему сейчас важнее эта роль, это его идея, его смелость. Зачем мешать ему? Ведь я ему скажу все равно... но это, может быть, еще хуже, чем не говорить. А так он будет знать, что друг готовит нож, и будет бояться, зажиматься... не захочет вроде как секретов выдавать, а какие секреты могут быть в этой роли?

30 января

Володя все еще в загуле, репетирует Филатов, приходит Щербаков¹⁴⁰, и я хожу вокруг. Конюшев настаивает, чтобы я рвал Гамлета: за Гамлетом придет сотня-де Богомоловых. Я возражаю: «Мало стоять в афише — надо сыграть Гамлета, а не называться исполнителем роли». Потом договорились до того, что надо совместить эти работы, — ты можешь, Федя!

¹⁴⁰ Роль Гамлета начинали репетировать В.Высоцкий, Л.Филатов, В.Золотухин и Д.Щербаков.

Ты можешь.

31 января

Сегодня было заседание местного комитета с бюро комсомола и партбюро — решали вопрос Высоцкого. Я опоздал. Полагал, что, как всегда, заседание состоится в 15, а оно было назначено на 14 часов. Пришел к голосованию. Об увольнении речи, кажется, не было вовсе. Значит, оставили в самый последний-последний раз, с самыми-самыми строгими предупреждениями. Володя сидел в кабинете шефа, воспаленный, немного сумасшедший — остаток вынесенного впечатления из буйного отделения, куда его друзья устроили на трое суток. Володя сказал:

— Если будет второй исполнитель, я репетировать не буду.

Я рассказал ему о своем разговоре с шефом, сказал, что «читка роли Филатовым была в пользу твою, все это выглядело детским лепетом» и т. д., чем, кажется, очень поддержал Володю.

— Если ты будешь репетировать, никто другой не сунется и репетировать не будет, но для этого ты должен быть в полном здравии и репетировать изо дня в день.

— Марина улетела, и, кажется, навсегда, хотя посмотрим, разберемся.

Симптоматична случайность — ни Веньки, ни Славиной, ни Хмельницкого, ни Золотухина на обсуждении не было. Снова я увидел рядом с Володей Иваненко в очень хорошем расположении духа. Теперь она может вильнуть перед подругами вновь хвостом — дескать, я говорила, что он вернется ко мне и я буду присутствовать при их разводе, или я этого не говорила? Мне противна глубоко эта связь, не знаю почему. Хотя чувство это мое далеко не патриотично, казалось бы, я должен болеть за Иваненку, но Марина мне кажется больше русской, чем половина нашего театра. Бог с ними. Разберутся.

1 февраля

Репетиция «Гамлета». Володя репетировал.

«Как я в этот раз сорвался, просто не знаю. Никаких причин не было».

Не было причин? Личное — это не причина? Когда держишь в руках такую роль, для артиста, тем более артиста на диете, после пира, плохая репетиция — причина. Как-то он мне сказал:

— Мне ужасно мешает, что я меньше всех. Ты погляди, я на сцене ниже всех. Меня это жутко угнетает.

— Сделай это личное твое мучение физической недостаточностью — душевной гамлетовской мукой. Пусть это помогает тебе в одиночестве твоем, в твоей исключительности: да, вот так, такой Гамлет, и никаких других.

7 февраля

4-го после «Часа пик»¹⁴¹ были у Веньки. Володя, я, Полока, ну и понятно, что Венька был с Алкой. Хорошо посидели. Давали Володе советы, как выстоять перед тем, что шеф иногда несет. А вчера ему шеф впервые сказал: «Правильно работали...»

Как-то Володя звонил шефу домой. Нарвался на мадам:

— Я презираю тебя, этот театр проклятый, Петровича, что они тебя взяли обратно. Я презираю себя за то, что была на вашей этой собачьей свадьбе... Тебе тридцать с лишним, ты взрослый мужик! Зачем тебе все эти свадьбы? Ты бросил детей... Как мы тебя любили, так мы тебя теперь ненавидим. Ты стал плохо играть, плохо репетировать...

— Я икуплю, — вклинил Володя.

— Чего ты икупишь?! Ты стал бездарен, как пробка. — И повесила трубку.

Володя хотел было расстроиться. Потом рассмеялся.

Мы собираемся в Куйбышев на два выходных дня: Золотухин, Смехов, Васильев, Хмельницкий, Славина. Вчера примкнул к нам Володя. Должны заработать красиво.

¹⁴¹ Спектакль Театра на Таганке, поставленный Ю.Любимовым по повести Е.Ставинского. Автор инсценировки и исполнитель главной роли — В. Смехов.

11 февраля

В Куйбышев нас не пустили. Это интересная, особая история, записанная Венькой¹⁴².
Володя:

— Валерий! Ты гениальный артист. Я это говорю тебе совершенно серьезно. Лучшего Якова они не найдут. Это могут сыграть только два человека — Кеша Смоктуновский и ты.

Мне не нравится, что Володя выпивает. Сегодня в «Каме»: он — коньяк, я — пиво.

— Валера! Мне бывает очень плохо. Верить мне? Но когда я вспоминаю, что у меня есть Золотухин, я делаюсь счастливым... Просто оттого, что ты где-то есть, что ты живешь... Валерчик, я тебя ужасно люблю...

Какую-то ужасную вещь он мне сказал. Секретарша из органов будто бы видела бумаги, в которых Н давал отчет о своих разговорах с Высоцким. Ну как к этому относиться?! Она обещала украсть лист с его подписью и почерком.

— У него, дескать, требуют отчета о разговорах со мной.

Володю обложили, как поросенка. Володя сказал сегодня:

— Когда я умру, Валерий напишет обо мне книгу...

Я о нем напишу, но разве только я? Я напишу лучше.

12 февраля

Володя пьяный. Усадил его в такси и просил уехать домой. Принять душ, выспаться, прийти в себя. Что с ним происходит?! Это плохо кончится. Славина советует мне учить Гамлета... Но я не могу переступить.

Звонил Гаранину.

— Как я радовался нашей дружбе, Валера. Что происходит? Как это грустно все.

Долго говорил о Володе, что он испортился по-человечески, что Володя не тот стал, он забыл друзей, у него новый круг знакомств, это не тот круг и т. д. Чувствовалось, что и обо мне он так же думает, и он прав.

19 февраля

Переписывал вчера и сегодня сцены из «Гамлета». Задумал и решил попробовать с Глаголиным. Читаю, чувствую, но ни черта не понимаю. Но надо попытаться.

Володя во Владивостоке, улетел к китобоям. Сказал Митте — на пять дней. Объяснил так:

— Принимая антидепрессант, я не могу репетировать. Бросил принимать — поднялось возбуждение. Надо лететь.

20 февраля

Сажу у Глаголина в кабинете, жду первой репетиции «Гамлета». Господи! Помогите нам!! Чем черт не шутит, авось Борька станет для меня тем Немировичем, что сделал для Москвина — Федора.

27 февраля

Володя вернулся из своих странствий, во всю силу вкалывает. Вчера, говорят, была хорошая, даже гениальная репетиция. Бог видит, я рад за него. Дай Бог, чтоб он вытянул, чтоб у него получилось... Но ведь может получиться и у меня... Сегодня репетировали сцену с Офелией — Клейменовой. Борис в экстазе, в энтузиазме кричит: «Получается, может получиться! Раньше не видел в тебе Гамлета, теперь убедился, что ты можешь и должен играть!!» Ладно. А как же перед Володей? Неудобно.

— Ничего неудобного нет, Валерка, ты глубоко ошибаешься...

А я мучаюсь. Все придумывал, как сказать ему о том, что я начал без него работать Гамлета. А вышло само собой, в буфете, так... промежду прочим.

Высоцкий:

— Почему ты не посмотришь, как я репетирую? Заглянул, ничего не увидел и выскочил.

¹⁴² См. книгу В.Смехова «Живой, и только» (М.: Физкультура и спорт, 1990).

— Я искал Нинку, а потом, я ведь сижу на Евтушенке¹⁴³... но я посмотрю... в понедельник...

— В понедельник не надо. Во вторник будем прогонять 1, 2, 3-й акты — приходи. Ты знаешь, он меня вымотал. Я еле стою на ногах. Он придумал такую штуку: когда Гамлет говорит — держится за сердце, трудно ему, задыхается. И у меня действительно начинает болеть сердце. Все, Валерочка, я решил: надо роль сыграть, надо сделать это хорошо. Позвонила Марина: «Я хочу, чтобы ты сыграл Гамлета». 'Ну, раз женщина хочет, нельзя ее обижать...

10 марта

9-го в перерыве читки (Пушкина)¹⁴⁴ подошел ко мне Марьямов: «Когда вы покажете Гамлета? Я очень хочу посмотреть... Это интересно должно быть». Вот как! Уже посторонние люди знают.

Говорил с Мстиславским¹⁴⁵, посвятил его в мои раздеряги: если я ввяжусь в Гамлета, в Якова уже будет входить другой артист... Тянуть мне тоже нельзя шибко, можно потерять все... Я боюсь упустить Гамлета и фраернуться в Якове, что может случиться одновременно.

Но ведь от меня будут требовать что-то показать из принца. Володя лежит в госпитале. Встретил Митту, Володю лечит его брат. Говорят, продержат около месяца и поставят на ноги... Может быть, дотяну до его возвращения и на какоето время оттяну я свой показ и решу вопрос с Богомоловым.

15 марта

Что-то мне ужасно плохо. Гамлетизм мой остановился, довольствуюсь перепиской роли... На этом работа заканчивается, ну, еще тупо гляжу на то, что переписал, в метро...

А настроение улучшается оттого, что сижу в буфете, никто мне не мешает...

Вот подошел Венька:

— Как с Гамлетом? Я считаю, что в настоящее время это наилучший вариант...

— Я жду Володю... И Петрович ждет его, судя по тому, как он репетирует с Филатовым...

— Он, конечно, мучается, но, по-моему, он не ждет его... Я разговаривал вчера с Давидом.

— Пока Володя не придет и вся история не прояснится, я не хочу вмешиваться...

— Напрасно. Ты нерешительный какой-то... А зависит как раз в данном случае только от тебя...

Венька предложил мне свои услуги как режиссера помочь в Гамлете. Он прервал мои раздумья.

18 марта

Сегодня Боря встретил меня словами:

— Шеф упорно интересовался тобой, как у тебя дела. Я сказал, что мы с субботы не репетировали. Удивился — почему. Подойди к нему...

В понедельник, 15-го, звонил Володя. Я сказал ему, что шеф ждет его, мы ждем, разговор не телефонный... «Если звезды зажигают — значит, это кому...» Обещают его выписать числа

23-го. А 24-го готовится кинопроба в «Якове». Наступает критический момент. Куда повернется жизнь моя? Не слишком ли я хитрю, осторожничаю? Фактически остались две

¹⁴³ Имеются в виду начавшиеся репетиции спектакля «Под кожей статуи Свободы» по произведениям Е. Евтушенко.

¹⁴⁴ Имеется в виду первая читка композиции Л.Целиковской и Ю.Любимова «Товарищ, верь...».

¹⁴⁵ Александр Мстиславский, второй режиссер у А. Роома на к/ф «Преждевременный человек».

репетиции — завтра и послезавтра... В понедельник и во вторник — утренние спектакли. Как раз он меня и может заставить что-нибудь показать...

19 марта

...Театр, фойе. «Вроде зебры жизнь, вроде зебры...» Сегодня пришел Володя, необыкновенно рад я этому обстоятельству... Говорит, зашили ему в попу бомбу... Приехал на «фиате» собственном. 23-го к нему придет Марина. Господь поможет, все наладится...

Посреди фойе стоит ведро, с крыши (потолка) капает... равномерно, занудливо... Репетируется сцена Гамлета с Королевой. Аллочка перепутала, кажется, Шекспира с Маккинпотом, пугало какое-то огородное бегаёт вместо бабы-матери...

Вообще рецёние сцены мне пока активно не нравится... Венька, наученный прежним опытом, говорит: «Надо посмотреть от начала до конца и постараться выполнить пожелания шефа... У Ленки бумажное сердце, бумажные мысли, бумажные страсти...» Не знаю, у кого что бумажное...

Нас мало, нас, может быть, четверо... Четыре Гамлета для такой маленькой сцены... Не жирно ли? Глаголин говорит:

— Выходите все и кидаете жребий — орел или решка...

— В таком случае надо, чтоб жребий выпадал всегда Высоцкому, иначе публика разорвет нас.

23 марта

«Если хочешь заставить плакать, плачь сам. Если хочешь заставить смеяться, оставайся невозмутимым...»

Что происходит у нас с Гамлетом? Они хотят заставить плакать, оставаясь невозмутимыми при этом сами. Они не предлагают трагического рецёния, так же как не знает, по-видимому, этого и сам шеф. Для него вопрос давно рецён — БЫТЬ, во что бы то ни стало он решил быть, и он уже ЕСТЬ. По своей натуре и воспитанию он боец, он сильный, он всегда победитель, он трагическую ситуацию понимает умом, а не сердцем. Откуда же постигнуть всечеловеческую боль нам, молодым Гамлетам?.. Мы входим и говорим: «Посмотрите, что происходит... мать родная... нет месяца... Разве вам не жалко меня?.. Эта сволочь — дядя...

О ужас. Ну что? Разве не ужасно? А почему вы не плачете? Плачьте же надо мной. Если вам непонятно, я вам еще раз о себе расскажу: моя мать... мой отец...» и т. д.

Нет, зритель не станет рыдать над нами. Да, ситуацию шеф рассказывает точно, мысль, как говорится, на лице, и ясна цель, но все это холодно, рассудочно, и трагедии нет. Есть — аннотация к трагедии. А трагедии хочется. Хочется, чтоб на сцене был человек, которого не понимает и не принимает мир, т. е. каким считает себя каждый из нас — одиноким, непонятым и т. д.

26 марта

Высоцкий:

— Ничего у него не получится, пока он не выяснит для себя, зачем он взялся за «Гамлета»...

— Да ведь ты же уговорил, значит, ты знал «зачем».

— Я-то знал, но он меня так сбил с толку, с моего, что теперь и я не знаю «зачем». Меня оторвали от моей почвы, как от груди матери, понял? А ты знаешь, что это такое? А другой груди не дали, да мне и не надо...

Приехала Марина, всё в порядке. У Володи какие-то грандиозные предложения и планы, только бы разрешили ему сниматься!

29 марта

Заходил сегодня в театр. Хотел оставить Володе записку такого содержания: «Володя, видел «Быть или не быть», — у тебя получается. Обнимаю. Валерий». Потом заспорил отечности перевода. Мне не нравится строчка «Так всех нас в трусов превращает мысль», мне кажется более точным и глубоким перевод — «Так малодушничает наша мысль». Слово

«трус» в русском значении и звучании — слишком определенное понятие. Нельзя сказать: «Я трушу совершить самоубийство». Трус — не тот человек.

Смешно Володя рассказывал, какие шеф вызывает образы в помощь — Сталин, Эрдман, Пушкин. Рассказывал шеф вдруг зачем-то, когда репетировали «Быть или не быть», как Берия сказал звукорежиссеру на микшере: «Чтобы Сталина было много больше Ленина... Два солнца на одном небе быть не может». И тот в обморок. Сталин: «Не пускайте сюда слабонервных».

— Понимаешь теперь, как играть? Ну, давай. Я тебе не мешаю этими разговорами? Я ведь хочу сказать: если не будет получаться, я спектакля не выпущу. Вы поняли меня?

19 апреля

Был за это время один хороший день — встреча с Ивановым¹⁴⁶. Много мы с ним переговорили, передумали. Я открыл ему карты, что не хочу играть Лаэрта: лавров это мне не принесет, а время терять не хочу, образ завязывается неинтересно, драки не будет и т. д., думаю выйти из этой игры... «Как думаешь?» И тут Валерик мне сказал несколько слов убедительных:

— Ты должен играть Лаэрта. Ты не должен разрушать тобой же созданный тип, характер, подход и взгляд надело. Ты в наших глазах пример — волевой, дисциплинированный, удивительно работоспособный. Ты артист-работник, у тебя учатся, тебе подражают... Ты не можешь отказаться, ты выполняешь всякую порученную тебе работу на самом высоком уровне. Я считаю, что настал момент, когда Иванов должен потесниться и уступить премьеру Золотухину... А там уж видно будет...

И сам я думаю: а будет ли пользой для меня самого, что я выйду из игры? Время у меня есть. Зачем я выскочу? Я всегда был сторонником — лучше сыграть, чем не сыграть. Чего же я сейчас?... Валерка считает, что я обязан играть Гамлета: «Зачем ты оставил репетиции?»

В результате всех разговоров я вчера репетировал Лаэрта дальше и был очень талантливым, по-моему. Ну что же, так мы и решим для себя: играть Лаэрта! Действительно, каждое дело надо играть, работать весело, талантливо, по-моцартовски!! Так будем же гордиться актерским ремеслом!!

А меня Марина Влади расцеловала сегодня. Была на репетиции «Гамлета».

16 мая

Высоцкий:

— Валерий, почему ты не помотришь репетицию, почему ты мне ничего не скажешь?! С NN я уже лет пять не общаюсь на творческие темы... А в последнее время он вообще уже обнаглел, с ним невозможно разговаривать... Этот его комплекс неполноценности довел его до ручки. Он не может себе позволить открыто, искренне порадоваться чьей-то удаче, чтобы тут же не обругать. Он думает, что все такие идиоты, что не видят этой его политики... Например, он говорит: «Что, сегодня лучше, чем вчера, репетируешь? Маленько поспал, наверное?» Он не может не принизить... Кваше понравился «Галилей», он пришел и расцеловал меня, но NN тут же: «Он ведь не спит, пишет целыми ночами. А когда вот он в настоящей форме, ну вот тогда надо смотреть...» И всё в таком духе...

— Володя! Я не вижу пользы в своем присутствии на репетиции. Ну что я тебе скажу?... Во-первых, еще трудно сказать что-то определенное, ты сам меняешь, пробуешь, ищешь... Шеф постоянно что-то выстраивает. В лучшем случае каждый из нас будет высказывать своего Гамлета, свою образованность, которая может сейчас только помешать. Если что-то и говорить, то очень хорошо зная тебя, и от тебя же исходя, тебе советовать, но лучше шефа вряд ли кто тебя знает, недаром он поставил на тебя — значит, знает, значит, верит...

По первому эскизу Гамлет у нас отнюдь не интеллигентный мужик, он сильный, защищенный товарищ. Человек по природе слаб, и ему симпатичнее видеть благородного,

¹⁴⁶ Валерий Иванов, в то время актер Театра на Таганке, первый исполнитель роли Лаэрта. Учился в Литературном институте, впоследствии стал режиссером.

слабого... но нравственно побеждающего человека... В глазах нет вопроса, нет растерянности перед бытием, нет трагизма, нет вечности...

А может, это все мое собственное, от себя танцую?

21 мая

В довершение всех моих творческих поражений вчера смешал меня с грязью шеф наш дорогой.

— Кого вы пытаетесь обмануть? Меня?! На копейку имеете, а хотите мне показать, что на рубль...

— Никого я не пытаюсь обмануть... Я работаю... Вы не покупаете, я не продаю...

— Уж дайте мне под старость лет выражаться, как я умею... У вас что, болят глаза? Почему вы в очках? По улице, пожалуйста, ходите в очках, а на сцену не надо выходить в таком виде...

— Я их надеваю только на сцену выхода, я вам говорил, что хочу играть Лаэрта в очках. Вы сказали: «Посмотрим».

— Снимите их, они мне мешают... Очки были в «Галилее»... Так, на шармачка, вы не проскочите в этой пьесе. Она раздавит вас, как каток асфальтовый, от вас мокрого места не останется.

Шеф зверствовал вчера, но, к сожалению, он был прав. Прав по существу, что не получается. Пустота и серость. Но он не умеет вызвать творческое настроение у артиста. Опускаются руки, хочется плюнуть и уйти. Зажим наступает.

25 июня

«Добрый».

Прогон «Гамлета» для умных людей. Много разговоров — «Лучший спектакль... Замечательные актерские достижения» — дифирамбы, дифирамбы... Мне понравился Иванов — Лаэрт, я так и не репетировал... У него физика преобладает... Очень точный рисунок, ни сантиметра в корзину... Достижение Демидовой... Да, это взрослый театр... но мало что меня тронуло глубоко... разве что — кладбище, тема смерти... и тлена всего живущего... как-то холодно мне стало...

Спектакль будет иметь успех во всех отношениях... Показалось мне, что мало в нем непосредственности... игры, детского... тяжеловесно и многозначительно... а отсюда — малотрагично. А вообще, я ничего не понимаю. Отношение у меня — перепутанное личными обидами на это мероприятие. Но я не позавидовал никому, открытий я не обнаружил... Ну ладно, разберемся.

Артист должен обеспечить себе антисмерть не только ролями, но и книгой про жизнь — неудачи и удачи свои. У каждого артиста должна быть своя Марина Влади. Сплетня, ставшая реальностью, которой обеспечена будущность и долгосрочие легенды. О Высоцком купит народ книгу тут же. Расхватывают, будут рвать глотки друг другу. Один грузин, обидевший меня в вагоне-ресторане тем, что не опознал мою личность, рассказывал мне, что он слушал отличные песни, самые последние, записанные им (Высоцким) в тюрьме... На вопрос, как же это Высоцкий в тюрьме обеспечил себе гитару, магнитофон, пленку — и все это вылетело за колючую проволоку, мой грузин так улыбнулся мне, что я снял свой дурацкий вопрос с повестки дня.

О Высоцком книгу, разумеется, купили бы не только из-за «романа», это хороший довесок, но что я хочу сказать: у каждого артиста должна быть своя легенда, своя хохма, свой манок, из-за чего бы можно было потратить полтинник на книгу о нем. Надо уметь создать о себе легенду, свою легенду... Очень сильно пить и при этом куролесить — это тоже легенда. Хотя этот путь ис-шоркан и затерт до предела и неоригинален, но можно им качать, что и делают некоторые не без успеха. Хохмы чаще выкидываются в нетрезвости, отсюда и идет многое...

Если всмотреться в роли подробно, то и здесь, и в них то же самое... Что ярче всего запоминается, что дольше удерживает зрительская, зрительная память — хохма, ход, яркое приспособление.

И вот идет по делу или в праздности молодой человек — артист ли, космонавт ли... И лежит книжка о Золотухине... Купит ли он ее?! Будет ли в моей жизни какая-то польза, чтобы память обо мне заинтересовала кого-нибудь?! И осталась. Каждое явление переживает свой срок хранения памяти. Одного помнят год-два, другого 10–15, третьего — 50 и больше. 50 — это много. По нашим временам. Так будем же заботиться о хохме, о легенде в жизни своей. Примерно такие мысли родились у меня, когда я несколько раз глянул на книжку об Астангове. Кажется, теперь я ее куплю.

30 сентября. Киев

«Гамлет» в буфете¹⁴⁷. У Венки не получается. Вовка сказал точно: «Ты понял, что ты сказал сейчас, как бритва, а ты, Веня, не принял...» Алла в парике черном, она Лесю играет¹⁴⁸. Девочка-стервочка С. в зубах ковыряет, чьи кости она выплевывает? Тремя ступеньками ниже стоит Филатов, смотрит за принцем, шевелит губами, покуривает нервно. Я не принимаю участия. Счастливый соперник — Иванов, писатель, инженер человеческих душ... он хорошо играет Лаэрта...

Володю, такого затянутого в черный французский вельвет, облегающий блузон, сухопарого и поджатого, такого Высоцкого я никак не могу всерьез воспринять, отнестись серьезно, привыкнуть. В этом виноват я. Я не хочу полюбить человека, поменявшего программу жизни. Я хочу видеть его по первому впечатлению. А так в жизни не бывает.

9 октября

«Бумбараш»¹⁴⁹.

Я понял, как играть его, когда познакомился с Юлием Кимом. Вот кто должен играть Бумбараша. Маленький, широколицый, узкоглазый человечек — не то вьетнамец, не то китаец-кореец-японец?! А скорее всего, Моцарт. Как он пел свои песни, как он бряцал на гитаре... какие песни придумал он для Бумбараша. Я увидел живого Бумбараша. Я увидел всего, целиком — с мимикой, с пластикой... С той веселостью и трагикомичностью. Мне не надо было придумывать Бумбараша, мне надо было играть Кима. И я стал играть его. Я стал подслеживать его, подстреливать глазом... Жаль, что было его в экспозиции мало...

Он играл в карты — я смотрел и запоминал, как он держит карты, какую мимику строит. Мимика пишет в это время его затейливый, смешной внутренний мир... он знает, что игра в карты сама по себе — юмор, но очень серьезный, высокий, принципиальный — смешно. Он показывает цыганскую борьбу... Мы боремся с ним, кругом хохочут. Мне хочется победить Кима, зацепить его ногу ногой и перевалить на живот... Мы ползаем по песку, и я ловлю Кима-Бумбараша... Юлик ужасно прост и элегантен в одно время. Он тот интеллигент, который все может позволить — и оставаться в высшей лиге. Он добрый, но говорит всегда правду — такое впечатление... Он щедрый. Черт его знает, я не могу выразить, чем он мне нарисовал Бумбараша... Из его песен, вернее, из того, как он их разделявал сам, сложился образ, я понял, как играть, когда Юлик несколько раз и по-разному проиграл свои песни.

Разговаривал сегодня с Володей. Понравился он мне в репетиции. Быть может, первый раз за все время гамлетяны. Трогательный, беззащитный, мало его стало... И голос тихий, незаметный... Не нарочито тихий, чтоб значительней, а тихий, когда скромный.

28 октября

Минск зовет сыграть Яшку в «Певцах»¹⁵⁰ и записать фонограмму. С лета они меня

¹⁴⁷ За неимением другой площадки репетиция проходила в буфете

¹⁴⁸ Алла Демидова в то время приступила параллельно к съемкам в к/ф «Иду к тебе» (реж. Н.Мащенко) о Лесе Украинке.

¹⁴⁹ В 1971 г. Золотухин снялся в главной роли в к/ф Н.Рашеева и А.Народицкого «Бумбараш». Песни к этому фильму написал Ю.Ким.

ждут... Высоцкий убедил Турова¹⁵¹, что это может сделать только Золотухин. Быть может, он и прав.

2 ноября

Вчера Высоцкий сообщил распоряжение шефа, чтобы мы подготовили приветствие к 50-летию Вахтанговского театра из пролога «Доброго». Все это по телевидению будет транслироваться, и на всю страну. Ответственность какая. На это надо потратить дни и здоровье.

14 ноября

Нам запретили приветствовать вахтанговцев. Наше приветствие не состоялось. Говорят, запретил Кузнецов, министр культуры РСФСР. А Е.Симонов согласился. Не укладывается. Единственно, чем может гордиться Вахтанговский театр, что он фактически родил «Таганку», ведь оттуда «Добрый», оттуда Любимов. 90 % «Таганки» — шукинцы. Позор на всю Европу. Наша опала продолжается. А мы готовились, сочиняли, репетировали. Даже были 9-го в Вахтанговском на репетиции. Слышали этот великий полив. Хором в двести человек под оркестр они пели что-то про партию, а Лановой давал под Маяковского, и Миша Ульянов стоял шибко веселый в общем ряду. Будто бы сказал министр, что «там (на Таганке) есть артисты и не вахтанговцы, так что не обязательно им»... Неужели это так пройдет для нашего министра? Ну, то, что Симонов и компания покрыли себя позором и бесславием, так это ясно, и потомки наши им воздадут за это. От них и ждать нужно было этого. Удивительно, как они вообще нас пригласили. Петрович говорит: «Изнутри вахтанговцы надавили на Женьку...»

16 ноября

Выпуск «Гамлета», правда, складывается трагически. Несметные опоздания артистов, неявки на репетиции... Артисты стонут: надо выпускать спектакль, иначе свихнутся все... В довершение — начались болезни. Демидова легла в больницу. Отек горла, потеря голоса на почве аллергии... Шеф не замедлил выдать: «Спектакли играть — у нее аллергия, а сниматься на холоде — у нее нет аллергии. Репетировать — у нее отек, а мотаться в Вену, в Киев, к Жоржу Сименону — у нее отека нет. Снимается, пишет, дает интервью... выступает по радио, телевидению, а в театре нет сил работать. Как это понять?» Может быть, Бог карает за то, что в день погребения Зои¹⁵², в день, когда мы проводили гроб с ее останками и плакали, мы поднялись в верхний буфет и, не дожидаясь, пока разберут траурное оформление в фойе, начали репетировать. Увезли в больницу Офелию — Сайко¹⁵³.

Высоцкий (жалуется):

— Я не могу с ним работать. Он предлагает мне помесь Моцарта с Пушкиным. Ну это же не мое. Я не могу разговаривать в верхнем регистре, вот так... Правильно говорят актеры (ребята мои некоторые посмотрели): «Лев должен рычать, а не бляеть». «Нет концепции», — говорит Аникст¹⁵⁴. Я с ним согласен. Ни одна сцена, ни одна линия не решена. Более-менее угадывается линия матери, которая сначала счастлива, а потом боится это счастье потерять...

¹⁵⁰ Речь о съемках т/ф «Жизнь и смерть дворянина Чертопханова» по тургеневским рассказам (реж. В.Туrow), где Золотухин исполнил роль Яшки Турка.

¹⁵¹ Виктор Туrow, кинорежиссер, постановщик фильмов, где снимался и для которых писал песни В. Высоцкий: «Я родом из детства» (1966), «Война под крышами» (1967), «Сыновья уходят в бой» (1969), «Точка отсчета» (1979).

¹⁵² Зоя Хаджи-Оглы.

¹⁵³ Наталия Сайко, актриса Театра на Таганке.

¹⁵⁴ Александр Абрамович Аникст, большой друг, защитник и пропагандист Театра на Таганке. Литературовед, доктор искусствоведения, шекспировед.

Он абсолютно нас не ценит. Мы ему, мы — не нужны. Этого не было раньше — или было не в такой степени... У него нет влюбленности в своих артистов, а без этого ничего не получится.

10 декабря

Высоцкий:

— Ты еще лучше стал репетировать Кузькина. Ты повзрослел. Только покраситься нужно обязательно, а то мальчишкой выглядишь.

И я вечером же вчера, идя на репетицию, завернул в парикмахерскую и вышел оттуда черный, как жук навозный.

Шеф:

— Ты чего сделал с собой? Опять кино?

— Что вы, для Кузькина исключительно.

— Ну да?! Солома была лучше.

Вот так, не угодишь. Конечно, я очень черен, это не мой цвет, но, может, высветлюсь еще...

1972

1 января

После спектакля за нами заехали Володя с Мариной, застали врасплох нас. Ну ничего, обошлось. По-студенчески наставили закусок, икры банку... Славно посидели, потрепались. Марина была в своем знаменитом красном костюме, заглазно описанном мной в «Таньке, любовниках и менестрелях». Она видела «Живого» — восторги полные, комплименты. «Сидела, — говорит Володя, — и плакала. Когда у тебя из мешка капало — обратный эффект. Валерий, ты делаешь вещи невероятные... Ты сам не знаешь, как ты в следующую минуту будешь играть... Раньше была работа артиста, хорошая, но работа артиста... Сейчас артиста нет. Есть русский мужик, тип, Кузькин...»

Включил магнитофон, поставил «Не одна во поле...». Марина попросила подарить ей эту пленку, показать в Париже... композитору знаменитому... Она сама готовится петь... «Вот так он и пел, этот Яшка...» — сказал Володя. Понравилось им очень мое пение. Я, конечно, отдал эту пленку с гордостью и счастьем. Наутро жена упрекнула, не преминула занозу под шкурку пустить: «Как ты быстро согласился отдать пленку, даже подумать не успел...» А чего мне думать? Пусть слушают французы, как поет русский мужик.

6 января

О «Живом».

«Живой» снова улегся на полку. Все материалы — «Новый мир», пьеса, роль — все перекочевали опять в секретер. Но странно — я не переживаю, я был готов к этому с самого того дня, когда объявили возобновление. 2 декабря это случилось, а 3 января снова приехала банда во главе с Фурцевой. Ответственнойший и сложнейший день мы прожили 3 января. Утренний спектакль «10 дней» играли, гнали, как из ружья. Закончили без 5 минут 14 часов. А в 14.30 начался прогон «Живого» для 20 человек. «Ты, Валерий, играл сегодня прекрасно... и вообще артисты молодцы — проявили мужество, выдержку... я понимаю, что значит играть в таких условиях». После спектакля состоялось обсуждение в кабинете шефа. Все дамы МК и Управление говорили категорически «против», хоронили заживо, и «не нужно было возвращаться к этому порочному произведению...» и т. д. Кто-то сказал, что это ерничество над святыми темами, над тем трудным, сложнейшим послевоенным периодом, который народ наш так мужественно перенес. Все говорили то же, что и в 1969 году. Всего три человека были новые. В их числе новый начальник Управления Похаржевский, который хуже всех говорил. Но той истерики, той злобы, того крика, который долетает до моих ушей из 1969 года, и в помине не было. Интересно, что труппа по одному человечку робко стала стекаться к этой амбразуре и всю ее закрыла. Потом Ду-пак стал суетиться и прогнал нас. Но это, по-видимому, оказало психологическое действие...

Все это кончилось выступлением министра довольно примиряющим.... Сказала она и про присутствующего Высоцкого: «Слушала пленку... много такого, от чего уши вянут, но есть и прекрасные песни... «Штрафные батальоны»... и еще что-то...» А из-за «Штрафных батальонов» с него шкуру сдирали...

Прощаясь, мило улыбалась нам и два раза руку пожала... Я ей сразу выпалил:

— Екатерина Ал., так ведь у меня медаль «За освоение целинно-залежных земель» и отец — председатель колхоза тех времен... так что я эти времена хорошо знаю...

— Так вот вы и покажите нам сегодняшнего, современного Кузькина...

На этом обсуждении кто-то ляпнул, что этот Кузькин может быть отнесен к любому времени, к любому веку, он такой камаринский мужичок из некрасовской Руси. Это определение понравилось кодле, и они все стали повторять это. В общем, дело закончилось тем, что решили пока работу прекратить и дать авторам подумать и исправить текст, особенно во второй части, — показать, как Кузькин трудится в прибреж-невской Руси, как осознал ошибку и вернулся опять в колхоз и стал передовым колхозником. Шеф ляпнул, что у нас идет цитатный текст из декабрьского пленума... И опять Фурцева когтями и зубами вцепилась: «Какой текст, откуда... Я была на этом пленуме... ничего подобного... пленум был закрытым, материалы не опубликованы... Это некрасиво — пользоваться неопуб. материалами, да откуда вы их могли знать?» Опять запахло порохом. Вообще, шеф плохо ведет эти демагогические, политические дебаты... За него боязно... Того и гляди, что-то сморозит, начинаются сразу придирки — в таком деле точность нужна...

Вот и закончилась вахта «Живого». Ко всем комплиментам я стал равнодушен и не пишу их.

Можаев сказал несколько раз: «Не дают, собаки, показать тебе, что ты гениальный артист...»

25 января

В нашем «Гамлете», кроме лиц, написанных Шекспиром, введен Любимовым живой петух. Быть может, он занял вакантное место уволенного Фортинбраса. В самых ответственных местах он появляется в окошке, кукарекает и тем самым двигает интригу. Петух играет значительнейшую роль, символическую, как по Евангелию: «Прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня», — говорит Иисус Петру. Петух связывает Шекспира с Высоцким.

7 февраля

Мы посмотрели днем мою новую квартиру — ездили на «рено» с Высоцким и обалдели от метража и комфорта.

27 февраля

Признаюсь, одна из причин, что я не сыграл Лаэрта, — я не захотел выслушивать этот поток словесный. Это случилось на той репетиции, когда он сказал мне:

— Чего вы там наигрываете, вы совершенно пусты. Кого вы хотите обмануть?! Меня вы не обманете, и снимите очки...

— Я не собираюсь вас обманывать. Мы не на базаре, я не продаю, вы не покупаете... Я работаю...

В этот день, в эту минуту я решил: всё, в эту игру играть не буду! У меня не идет талант, когда мне хамят и видят во мне какого-то разбойника... Мне не верят. Мне говорят, что я сачканул Лаэрта из-за съемок. А снимался я в отпуск и выходные дни. Я убежал на поезд в ночь с «Антимиров» чаще всего. Мне не нравилась эта работа. Как Высоцкий все это выдержал — удивляюсь. Я бы Героя дал ему за такое терпение. Разве с актером можно так обращаться? Ушел из «Гамлета». Я не мог присутствовать при такой унижительной работе с людьми, которые составляют цвет театра.

2 марта

29-го с утра были на Бронной¹⁵⁵. Можно обалдеть, как здорово! Я верю теперь, что

¹⁵⁵ Речь о спектакле «Брат Алеша», поставленном А.Эфросом в Театре на Малой Бронной (инсценировка

даже на репетициях из зала выносили. Праздник актерского мастерства. Боже мой! Сидишь и любишься артистами. Они (ну, разумеется, Достоевский) выворачивают тебе душу, заставляют рыдать и слезы восторга проливать. Я сидел, зажав рот, обтянув челюсть пальцами, чтобы она не прыгала. Режиссера не видно. Но ведь это только кажется так. Всю эту гармонию воспроизвести, так раздраконить каждую линию. Особенно хороши Дуров и Лазарев. Блистательное, поразительное мастерство, с огромной отдачей и самозабвенностью люди работают. Сидел, и завидовал, и плакал о себе. И спрашивал себя: да будем ли мы что-нибудь эдакое играть?.. И смогу ли я — так играть, хватит ли у меня теперь таланта, и сил, и умения? Когда-то я мог так играть. Высоцкий говорит, что «в Кузькине неизвестно, кто был выше: ты или Любимов». Значит: я могу. Ах ты, батюшки мои!

Нет, Любимов не допустит, чтоб любовались артистами или, вернее, чтоб о них говорили в первую голову, выходя из зала. Он должен стоять впереди. Он не возьмется ставить спектакль, пока не придумает шомпол в задницу зрителя. В «Послушайте!» это пять Маяковских и кубики, в «Пугачеве» — станок и плаха с топорами и голые, босые мужики, в «Тартюфе» — портреты (тут, мне кажется, он погорел), в «Зорях» — шесть досок (лес, болота, машина — гениально!), в «Кузькине» — березы, в «Гамлете» — занавес главный артист. Это совсем не означает, что он хочет затмить артистов или не старается, чтоб они хорошо играли... Нет, совсем нет. Просто — какая забота стоит впереди.

Но Высоцкий близок к истине, когда говорит, что «шеф — гений, а Эфрос — большой талант».

15 марта

Мне пришлось переменить дневник, ибо развалилась совершенно тетрадка. Бракованная попалась и только раздражала меня, когда вспомню пописать. Сегодня среда, репетиция Раскольниковова развалилась, и вообще все развалилось кругом. Особенно в душе и в доме. Жутчайшая меланхолия. Ничего не хочется делать, ни с кем встречаться, разговаривать, е... и т. д. Подозреваю даже, что это меня Раскольников мучает, пугает, злит и бесит. Я должен убить старуху и переступить. А меня на мелочи-то не хватает, на простые шаги, не то чтобы посметь нагнуться и поднять власть. Она мне сто лет не нужна. Я люблю подчиняться, привык, чтобы мной руководили, за меня думали и вели меня, как собаку на поводке. Свои все, даже наиболее решительные, поступки в жизни (кстати, я таких за собой что-то не помню) я делал вслепую, зажмурясь и почти всегда с запасным черным ходом, почти всегда с соломкой. Это меня мучит. Это меня злит. И мучит тех, кто со мной рядом. Моя мелкопородность меня пугает и истязает. Я и так знаю, что я не Наполеон, чего мне строить его из себя даже на минуту. Я великий, гениальный актер... Черта с два! Гениально я играл только Кузькина. И то не всё. А частями, например, «суд» и «счастье». Блестки гениальности, как блестки жира в постных щах, редки. Но и они радуют голодный взор. Раскольниковым надо заболеть, забеременеть — это значит, из себя человека вытравить, обозлиться, возомнить о себе черт знает что и в ТОСКУ дикую перелить. Это измучить себя, пройти через какие-то страдания. А какое страдание у меня?! Все однозначно, мелко и фальшиво. Время мое и душа разменяны на медяки, на мелочь. Встаешь утром, запустил руку в мешок, ухватил пригоршню меди — и в карман, и всё в этой пригоршне: и поступки, и мысли, и душа, что на день отпущена, а Бога нет. И продаешь его потихоньку и оптом, и в розницу.

Днем не работается, не живется, а ночью ото всего — не спится...

19 марта

Руки дрожат, только что прибежал со сцены, идет «Добрый». Играл потрясающе, по-моему.

Высоцкий мне принес пол-литровую банку красной икры.

Идет второй антракт. Кажется, после спектакля будут цветы: в зале сидит девочка с дедушкой, которая регулярно приносит мне на какой-нибудь спектакль красные гвоздики.

...Гвоздик не было. Они были — но Высоцкому.

30 марта

24-го в Доме кино премьера «Бумбараша». После перерыва нас позвали на сцену. Мы вышли. Я предупредил Рашеева¹⁵⁶, что буду говорить. Фрид¹⁵⁷ представил группу. Рашеев сказал. И вышел я и произнес:

— Мне не стыдно сегодня глядеть в глаза вам... Я вижу в зале много любимых мной актеров, уважаемых режиссеров, писателей, и мне не стыдно за то, что вы будете сейчас смотреть...

— Проще! — кто-то крикнул из зала.

Это меня разозлило. Я ему ответил, чего, наверное, делать было не надо:

— Идите сюда, идите и скажите, а сбивать меня хамством не надо...

Тут у меня наступил какой-то провальчик. Меня этот тип выбил. Но ненадолго, потому что я четко знал, к какому концу я должен прийти от «стыда».

— В этом жанре в свое время я начинал работать с режиссером Полокой в фильме «Интервенция», который, искореженный чужими руками, до сих пор лежит на полке, и мы все равнодушны к этому и ничего не делаем, чтобы это исправить. Кто же в этом виноват? Кто виноват в том, что три года лежал «Рублев»?!

В этом месте, кажется, раздались аплодисменты и шухер в зале. Я продолжал.

— Почему не мы с вами решаем судьбу нашего профессионального труда, а кто-то? — поставил я вопрос, сказал «спасибо» и вернулся в строй.

Рядом со мной стоял директор театра Дупак. 25-го Дупак высказал мне большое «фэ» по поводу моего выступления на премьере. Что будто и Лапин¹⁵⁸ опять кричал про «Таганку» и будто фозил с картиной расправиться, он еще, дескать, не видел, а ее уже в Доме кино четыре раза показывали. И Караганов¹⁵⁹ возмутился и т. д. Что это — опять удар по театру?

Высоцкий:

— Молодец, уважать больше будут. Они не могли сказать, а ты — сказал. Не переживай.

9 апреля

Вчера поднимаюсь к себе в гримерную и вижу записку:

«Дорогой Валерий!

Я был в Мытищах и подумал о друзьях...

Высоцкий».

Целая авоська коньяку, вина и бутербродов с красной икрой. После спектакля зашел к девкам — и выпили. И мне хорошие слова достались, что не зажил, а поделился с друзьями.

Ким сказал, что киевский Демичев¹⁶⁰ отозвался о «Бумбараше» как о контрреволюционной картине. И что этот звук уже докатился до Москвы. Надо ждать неприятностей. Господи! Пронеси беду мимо моего «Бумбараша».

¹⁵⁶ Николай Рашеев, режиссер (совм. с А.Народицким) к/ф «Бумбараш».

¹⁵⁷ Валерий Фрид, кинодраматург. Среди сценариев, написанных им совместно с Ю.Дунским, — «Служили два товарища» и «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» — в этих фильмах снимался В.Высоцкий.

¹⁵⁸ Сергей Георгиевич Лапин, в то время председатель Государственного комитета СССР по телевидению и радиовещанию

¹⁵⁹ Александр Васильевич Караганов, литературовед, критик театра и кино, доктор искусствоведения, профессор АОН при ЦК КПСС, секретарь правления Союза кинематографистов СССР

¹⁶⁰ Министр культуры Украинской ССР.

10 августа

Очень мне понравилась пара Н.Бондарчук — Н.Бурляев. Это было бы приобретение, для картины необходимое, усложнение ее. Особенно в сочетании с таким Васильевым¹⁶¹. Но в стране и у нас в искусстве происходит какая-то чертовщина. Вдруг Бурляеву запрещают сниматься в положительных ролях. «Не соответствует идеалу положительного героя». Что за хреновина — понять невозможно. Еще как-то можно, хотя тоже полный идиотизм, понять и объяснить, когда Володьке Высоцкому лепят подобные ярлыки вроде за его «бандитские, блатные песни», но при чем Бурляев? Говорят, его сняли с роли Павки Корчагина в Киеве, в пятисерийном фильме. Бред сивой кобылы... И здесь вдруг Киселев: «Только через мой труп». Чего они к нему привязались? Говорят, он блистательно сработал в «Игроке»! Теперь из солидарности с партнером отказывается сниматься Бондарчук, Наташа... Я понимаю ее. Что происходит?!

60 съемочных дней — Любимов взбесится. У Высоцкого две картины, у Золотухина, наверняка снимаются Галкин, Филатов, Полицеймако... Вообще скандал назревает жуткий.

12 сентября

Вчера из театра принес стекло на стол. Под него — фотографии и заявление Высоцкого. Наш друг запил. Это может кончиться плохо, в кино особенно, и ему никто уж не поможет. Ложиться в больницу он не хочет. У Марины в Париже сбежал старший сын. Позвонил через несколько дней, когда его уж разыскивала полиция:

— Не беспокойся, я проживу без тебя...

У каких-то своих хиппи.

Иваненко скоро рожает... Ох, беда.

Теория, что его надо загрузить работой, чтоб у него не было времени (и тогда он не будет пить), полной фигней оказалась. В двух прекрасных ролях¹⁶², у ведущих мастеров... в театре — «Гамлет», «Галилей» и пр., по ночам сочиняет, пишет... Скорее от загруженности мозга, от усталости ударишься в водку, а не от безделья. И все это может рухнуть. И мне подговнял. Но не про то речь, и все равно обидно. Репертуар меняется, «Антимиры» без него — значит, меня не отпустят...

Идут «Павшие». Володя не играет. И у меня защемило опять сердце — страшно опять мне лететь, прямо в пот бросает, да и всё.

15 сентября

Высоцкого положили-таки в больницу. Не смог он сам остановиться. А казалось, что это может произойти, но нет... Это лучший исход для него. Только бы люди в кино оказались к нему снисходительными. В театре до странного спокойно все к этому отнеслись, без громов, без молний... Будто ждали все и приготовились. Это от шефа. Без истерик, без угроз, спокойно отменил «Гамлета» и назначил «Свободу»¹⁶³, но ее не пустили. И сегодня в Управлении будет скандал.

20 сентября

Пришел Володька... и сразу спел и засмеялся... Чудо какоето... «Я — коней напою, я — куплет допою...» И все рады ему и счастливы.

9 октября

Высоцкий:

— Валера, я не могу, я не хочу играть... Я больной человек. После «Гамлета» и «Галилея» я ночь не сплю, не могу прийти в себя, меня всего трясет — руки дрожат... После монолога и сцены с Офелией я кончен... Это сделано в таком напряжении, в таком ритме —

¹⁶¹ Роль Золотухина в к/ф «О тех, кого помню и люблю» (реж. А.Вехотко и Н.Троценко).

¹⁶² Речь идет о ролях в к/ф «Четвертый» (реж. А.Столпер) и «Плохой хороший человек» (реж. И.Хейфиц).

¹⁶³ Спектакль «Под кожей статуи Свободы».

я схожу с ума от перегрузок... Я помру когда-нибудь, я когда-нибудь помру... а дальше нужно еще больше, а у меня нет сил... Я бегаю, как загнанный заяц, по этому занавесу. На что мне это нужно?.. Хочется на год бросить это лицедейство... это не профессия... Хочется сесть за стол и спокойно пописать, чтобы оставить после себя что-то.

21 декабря

Высоцкий подарил мне шапку нерповую, сторублевую:

— Ты должен последить за собой, а то это несколько смахивает на клоунаду... уже...

24 декабря

Вчера был прогон «Пушкина» «для умных людей». «Умные люди» хвалили, это шеф слушал. Как только дело касалось замечания какого-нибудь, тут же перебивал...

— Он никого не слушает, он никому не доверяет... А мы хотим, чтобы он к нам иногда прислушивался... Мне было стыдно, я просто в ужасе был вчера, мне хотелось подать заявление об уходе, — сказал мне Высоцкий.

А шеф сказал:

— Вы мало вкладываете в спектакль, вы во многом недобираете... И Владимир тоже... От вас я вправе требовать большего...

То же самое он сказал Володьке, в тех же выражениях, с той же мимикой. Он занял позицию — все отвергать и утверждать свое.

В театре скучно. Все это мне не нравится. Любимов делает свое, крепко и надежно. Спектакль будет интересный, но артисты останутся в той тени, против которой Высоцкий восстает:

— Хотя бы видно было артиста, элементарно осветить лицо... Я «мало вкладываю»?! Может быть. Я не вижу, куда мне вкладывать и как это делается. Я злюсь, переживаю, что не получается то, что задумывается в кино, — но потому, что я знаю, как сделать лучше, что из этого может прорасти в каждом конкретном эпизоде. А в театре, в этой монтажной пьесе, где у меня нет даже более или менее приличного куса с определенным смыслом, логикой и поведением, где бы как-то проявлялся характер...

Скучно стало мне работать на театре. Весело, правда, никогда особенно не было. Единственно на десятилетие — Кузькин. И форма утеряна, и беречь себя не для чего. Впереди «Турандот», Островский... Высоцкий все чаще раздражается, хочет выйти из «Пушкина», хочет на год-два вообще бросить театр, игру, сесть и писать. Ему понравилась моя последняя штука. Он советует мне писать роман. А на кой мне роман? Я потихоньку буду себе кропать такие вот лирические повестушки, которые и составят роман о моей жизни.

1973

5 января

Любимов:

— Говорят, ты пишешь рассказы?

Власова:

— Да, я читала, мне понравилось.

Любимов:

— Я не читал.

— Ну зачем? Если вы согласитесь потерять немного времени, я принесу вам полный текст, не исправленный цензурой...

Любимов:

— Куда-то все не туда пошли... Я начал писать стихи...

— Я знаю. Мне по секрету сказал Володя.

Любимов:

— Читал Слуцкому. Ему понравилось. Говорит — надо вставить в Брехта.

— Ну что же — вот и заработок. Театр — чистое искусство, не приносящее доходов.

12 января

Вознесенский зовет с собой в Томск на несколько выступлений во Дворце спорта. Высоцкий не советует:

— Зачем ты будешь при ком-то, кто бы это ни был? Не надо! Ты сам — Валерий Сергеевич.

25 января

Распевка. Приехал шеф. Я впервые, кажется, соскучился по нему чисто по-человечески, «физически». После распевки у меня садится голос. Не своим пою, наверное. Высоцкий не ходит на эти занятия. И меня спрашивает:

— А зачем ты ходишь? Тебе разве не хочется вместо этого сесть за стол и привести в порядок кое-что из своих записей?

27 января

Что тут было? День рождения Володи. Были у него. Марина привезла пленку с записями своими. Ну, хорошо. Утром проснулся с французскими туфлями.

28 января

25-го, когда я выходил, вылетал из театра на аэродром, ко мне подошел парень... с бородой...

— Вы Витю Свиригина знаете? Из Ленинграда?

— Витю?.. Нет, не помню... но это не важно, в чем дело? Я тороплюсь. Билеты?

— Нет. Он вас хорошо знал, и я привез вам фотографии, что он снимал. Он погиб... а я не люблю, чтобы после смерти оставались фотографии незнакомых людей... Тут даже написано на пакете «Золотухину»... Вас просто найти... А вот Никиту Гаранина? Они дружили. Мне нужен адрес его, чтобы сообщить ему.

Я смотрю на фотографии — Кузькин... Я помню: ко мне подходил в Ленинграде очень милый парень и передавал мне две фотографии. Я был рад: хоть что-то от Кузькина. Но я не мог вспомнить лица этого парня, которого вот уже нет в живых.

— А что случилось?

— Витя мечтал на яхте обойти вокруг света... В Азовском море попал в шторм. Два дня он держался, на третий день это произошло. Он очень любил Высоцкого... Незадолго сделал себе его большой портрет. Может быть, даже с собой он у него был... Передайте ему тоже вот эти фотографии. Мне к нему подходить было неудобно...

1 февраля

Володя:

— Я ужасно устаю на этих репетициях. Я нахожусь постоянно в жутчайшем раздражении ко всему... Я все время в антагонизме ко всему, что происходит... Меня раздражает шеф, меня раздражают артисты, мне их всех безумно жалко, я раздражаюсь на себя — ну, на все. И дико устаю... Я ведь действительно сегодня уснул в возке... Давай я тебе устрою 15 концертов в Новокузнецке. Надо зарабатывать, Валера, пока есть имя и силы... пока ты интересен... Лечу в Новокузнецк на три дня — 19 выступлений... Как я выдержу?.. У них горит театр. Ушли три ведущих артиста, театр встал на репетиционный период... Их управление культуры выбило меня, чтобы выполнить план и выдать зарплату труппе...

9 февраля

Накануне вывесили приказ об установлении нам со Славиной ставки на 165 руб., а Высоцкому — 150.

10 февраля

Володя спорит с шефом:

— Зачем такие обидные монологи?

— Не вам это говорить. Вы бы помолчали... Вы больше меня обижали...

11 февраля

Два выездных. Володя приехал с большого похмелья, искал Антипова...

На спектакле мы обложили его, отбирали у всех деньги, кого он посылал за шампанским... Сыграл прилично... врезал в туалете с рабочим, уложили его спать на моем полушубке... С Венькой решали, чего делать, если не проспится и не найдут Антипова. Решили: буду 4 часа, пока спит, учить текст Чаплина — Гитлера. Выучил, но, слава Богу, приехал Антипов. Мы разбудили Вовку, убедили его ехать тотчас в больницу, в Склифосовского.

— Воскресенье, меня не примут... Но попытаюсь.

Уходя, Веньке сказал:

— Уступаю вам дорогу... — И мне: — Прощайте, братцы, надолго.

12 февраля

Нигде его нет. Никому никто не звонил. В Склифосовского он не поступал. Заменяли завтрашнего «Галилея» «Кожей». Нашли его дома в ужасном виде...

Шеф утром произнес краткую речь:

— Дело не в Высоцком, и не в нем одном... Дело глубже. Театр стареет... и надо, очевидно, хирургическим путем какие-то вещи восстанавливать. Я буду думать, что мне делать. Высоцкого я освобождаю от «Пушкина». Давайте разбросаем текст между оставшимися Пушкиными...

13 февраля

Шеф:

— Не надейтесь, что я верну Высоцкого. В этом спектакле он играть не будет. Может, хоть это его образумит.

А Высоцкий и пошел на это, чтобы выйти из игры. Ему активно не хочется быть впятером и прыгать из возка в возок.

Любимов:

— Что происходит в театре — процесс сложный, неоднозначный... Наверное, произошло старение театра и требуются меры хирургические. Обо всем я буду думать, что мне делать. Каждый человек в отдельности переживает кризисы какие-то... Дело далеко не в Высоцком... Ушел прекрасный актер Губенко — театр продолжает жить... У некоторых людей сместились понятия об этом театре, об этике... Спектакль, выпуск спектакля во многом, очень во многом задерживается по вине актеров... В конце февраля я прогоню весь спектакль расширенному худсовету, и мы посмотрим, кто из нас лучше работает: Я или ВБ... И кто сколько вложил из актеров в спектакль, в свои роли... А роли здесь в большинстве своем отличные. Меня вы этим не удивите, таким отношением... При создании театра я не такое видал, когда ломал здесь все... И самое печальное, что старожилы театра, «кирпичи», во многом являются инициаторами безобразий...

15 февраля

Шеф сказал Володе, что он его зарезал тем, что выходит из спектакля, что он поступает точно как Губенко, и т. д. Весь арсенал на него выпустил. Но Володя устоял. Шеф думал, что он станет просить прощения, захочет вернуться в «Пушкина»... но Володя давно замыслил побег из этого спектакля. И шеф в отчаянии, у него все-таки была надежда...

2 марта

Высоцкий оформляет документы во Францию. Боже! Помогите моему другу. Это было бы прекрасно, какие бы песни он написал! Ни к кому другому нет у меня такой нежности и теплоты, как к Вовке В.

5 марта

Целиковская встретила на улице:

— Валерий, я должна вам сказать, что вы очень хорошо играете. Вы знаете, я человек злой, но вы мне очень, по-настоящему понравились... Как вы слушаете, говорите... ваши глаза... Просто поздравляю вас.

Левиной она звонила, хвалила меня:

— И я сказала Юре, как он только освободится от «Пушкина», пусть порепетирует с Валерием Гамлета!!! — Вы слышите, господа присяжные заседатели!!! — Спектакль зазвучит по-другому, неожиданно...

29 апреля

Звонил из Парижа Высоцкий. Он еще не соскучился по нам. Счастлив. Везде его водят, кормят, все его знают. А главное, от чего он обалдел, — весь Париж говорит на русском языке. Я думаю, это заслуга Марины. Четыре года всего ей понадобилось агитации к приезду мужа из России, чтобы весь Париж перешёл на русское изъяснение.

19 мая

Приехала из Парижа Галя Евтушенко¹⁶⁴. Все газеты напечатали огромные портреты Володи в смокинге и с Мариной на открытии Каннского фестиваля. Сегодня он звонил Дупаку, просил день отсрочки, боится — не успеет на машине.

22 мая

«Спеться» (почти в том же смысле, что спиться) — вот чего я боюсь. Я боюсь утратить свое значение как Актер, как исполнитель ролей драматических. Я боюсь, что про меня будут говорить, да уже и говорят: «А, это тот, что песенки поет?» Боюсь превратиться в Трошина, в Анофриева и пр. Даже в Высоцкого. Потому что его слава как певца-барда гораздо выше его славы актерской. Хотя ведь это никто не мерил; и почему плохо, когда артист поет?!

Вчера мы смотрели восстановленную копию «Интервенции». Боже мой!!! Проплакал весь фильм. Он выиграл от времени. Все фильмы после него — Юткевича, Митты, «Бумбараш» — только сыграли на него, несмотря на то что многое разворовано по самым естественным причинам — время продиктовало иную эстетику экрана, доселе не существовавшую, вернее, не допускавшуюся на наши экраны. Женька — моя лучшая роль. Я боялся каждого кадра, каждого произнесенного слова и радовался, что ничего — славно. Более того, я расстроился... что переменялся нынешний... Я некоторые вещи уже не могу так сыграть теперь... Веня меня успокоил: «Все от режиссуры зависит». Нет, такую смелость позволить, такую открытую страсть, не боясь наигрыша... ох, как хорошо. И молодой я, какой молодой — и мастер. Не очень ли я себя сегодня хвалю? И весь фильм — чудо. Столько энергии в нем, столько выдумки — откуда? Как из рога? И Митта еще осмелился сказать, что «фильм, несмотря на все богатство, не сложился». Мне не очень нравится «Тюрьма»¹⁶⁵... и Юля¹⁶⁶, и Володя... оперность некоторая... От этого и смысл теряется, и драматизм уходит.

Неужели это не увидит света?!

11 июня

Сегодня разговаривали между собой поэты... Андрей Вознесенский и Володя:

— Володя, приезжай ко мне 14-го на дачу.

— Обязательно, Андрей. Мне тебе нужно много почитать, чтобы ты отобрал для печати, что считаешь... Вот послушай два... Я все равно должен у тебя отобрать полчаса...

И Володя долго читал. А я хохотал. Потому что Андрей слушал и думал о своем. Он звал к себе на дачу, чтоб подумать о 500-м спектакле «Антимиров». А Володя — о своем. А я — о своем. Позвонил в журнал: поехать на банкет «Юности» не могу, играю за Бортника, которого, кажется, уволили.

21 июня

¹⁶⁴ Вторая жена Евгения Евтушенко.

¹⁶⁵ Сцена из к/ф «Интервенция».

¹⁶⁶ Юлия Буркина, исполнительница роли Жанны Барбье.

Высоцкий поехал на суд. С него будут взимать 900 руб. за всякие левые дела, за переплату на концертах.

— В нашей стране деньги добыть можно только преступным путем... Взять и сказать — не брал, докажите... и всё...

23 июня

Ну, значит, так... Вчера могло меня не стать. Два раза был чуть не под колесами самосвалов. Так кружилась голова, когда увидел журнал... развернул... «На Исток-речушку, к детству моему»... Сначала в издательстве «Правда» скупил оставшиеся 6 экземпляров, потом в «Юности» 10... и с этой ношей двинулся по улице Горького с пл. Маяковского до Центрального телеграфа. Что происходило у меня в голове?.. Я никого и ничего не замечал, шел странный и дикий... Все заглядывал в журнал — не пропустили ли это место... а как расположилась эта фраза, а с большой ли буквы — Ларионыч... сохранена ли кардиограмма... песни... и т. д. Портфель был ужасно тяжелый, но... я даже не реагировал на его вес, до того он хрустален был и священен...

Хвастал журналом. Надписал Володе и Веньке. Васильев не мог пережить, все-таки кольнул...

— Говорят, хороший роман Васильева¹⁶⁷.

— Да уж, конечно, получше тебя-то...

— Как это ты так сразу, ты почитай сначала...

— Да что там?! Про тебя все известно...

И это без юмора, зло, неприятно. Мне захотелось плакать даже. Ну зачем такая неприязнь... я и не претендую. Я все знаю про себя, что чего стоит. Но ведь безотносительно достоинств моей вещи можно порадоваться факту появления... Обидно. А Высоцкий подпрыгнул аж:

— Смотрите... с кем работаете...

Севка Абдулов читал тут же:

— Несмотря на злобные выпады твоих товарищей, несмотря на то что они пытались помешать мне, я получил колоссальное удовольствие, спасибо...

Разные люди, по-разному реагируют...

25 июня

«Я горжусь, что твои гениальные песни вот таким образом аккумулировались в моей башке. «Рвусь из сил и из всех сухожилий...» Рвут кони вены и сухожилья свои... Я верю, «уж близко, близко время», когда я буду держать в руках книжку твоих стихов, и я буду такой же счастливый, как сейчас». Так я написал Владимиру на обложке журнала «Юность».

27 июля

Венька предлагает «Воспитание чувств» Флобера, главную роль, две серии для телевидения. Весь аж дрожит, так увлечен. Съёмки с 3 по 14 ноября.

— Такой роли ты никогда не играл. Это нужно, Валерик. В прекрасном смокинге, шикарный мужчина... То, что у тебя есть в «Интервенции», стремление к призрачному идеалу... Это нужно сделать к декабрю, к приезду Помпиду... Высоцкого мне не разрешили. Остаешься ты, Валюха. Давай, и никаких...

16 сентября

С Высоцким мы сейчас много говорим «о проблемах литературы, о путях ее и людях» и пр. Он обиделся кровно, когда кто-то, желая польстить мне при нем, сказал, что я пишу «ну вот... как Аксенов...».

— Что? — сказал Володя. — Да вы что, офигели? Аксенову не снилось так писать...

1 7 сентября

¹⁶⁷ В № 6 журнала «Юность» с повестью В.Золотухина «На Исток-речушку, к детству моему» была также опубликована повесть Б.Васильева «Не стреляйте в белых лебедях».

Вчера Назаров на спектакле сказал: «Не надо, Валера, не траться, не надрывайся, не рви себя». Но не могу жалеть себя, когда вижу, как вокруг — Володя и Зина — работают на разрыв.

27 сентября. Алма-Ата

Перед концертами нас завезли в бассейн, отличнейший. Выдали плавки. Хмельницкий гонялся в воде за Любимовым: «Не выйдете из воды сухим, если не уеду в Югославию». А Высоцкий плавал с поднятой рукой: «Чур, первый на пост главного режиссера».

Ночевали с Высоцким в одном номере.

На ужине наши молодые плясали вовсю, играл наш оркестр, и Володька пел отчаянно. Борька¹⁶⁸ «Цыганочку» под пение Володи отмачивал лихо, ух как здорово, аж слюнки текли у меня...

6 октября

Вовку не отпустили. Он хотел мотануть завтра в Москву, не играя последние «10 дней», но обещается начальство посетить. Но Кунаева¹⁶⁹ не будет — это же ясно.

20 декабря

Вечер, после хороших концертов. С Володей ездили, с Венькой — втроем, по старой дружбе. Сегодня Володя на концерте:

— Валерий, как мы постарели. Нам все грустно... в глазах видно... Нас ничто не радует, мы ничему не удивляемся...

21 декабря

Сегодня читка по второму разу Бакланова — Любимова¹⁷⁰. Я получил Писателя, Володя — Режиссера. Думаю, с нами будет наиболее кровавый вариант работы — автобиография авторов.

23 декабря

Я не записал спора между Золотухиным — Высоцким, с одной стороны, и Любимовым — Баклановым — с другой, касательно ролей Писателя и Режиссера. Нам они не понравились. Ходульны, одинаковы, бесконечные байки с пошлятинкой. Два умствующих балбеса... Какой крик поднялся. Шеф обиделся. Ведь это он писал. И резюмировал тогда уж Бакланов:

— А что? Может, в возражениях Золотухина, Высоцкого что-то есть, может быть, подумать и какой-то иной поворот найти...

— Да ничего там нет... им больше нравятся другие роли. Каждый артист думает только о себе... о своем пупе, куске... Конечно, это не Кузькин...

— Плохо вы знаете своих артистов.

— Я говорю вообще обо всех артистах.

29 декабря

Выступали в МГУ. Высоцкий не советовал нам ездить к студентам: за ними надзор. Так и было. Заинтересовались органы. Нас провели каким-то иным, обходным путем. Ждем неприятностей и позора. Венька дергается...

1974

3 февраля

¹⁶⁸ Борис Галкин, в то время актер Театра на Таганке.

¹⁶⁹ Д.А.Кунаев, первый секретарь ЦК Компартии Казахстана.

¹⁷⁰ Имеется в виду спектакль «Пристегните ремни!», поставленный Ю.Любимовым по произведениям Г.Бакланова (оба они были авторами инсценировки).

Перед спектаклем Володя рассказывал про свое детство, про дом, про Германию, где он с отцом прожил три года и нем-цы-дети его за своего считали, так он балакал по-немецки... Приехал — и стал не свой, звали — «американец»...

4 февраля

Высоцкий считает, что это просто необходимо, бесконечно необходимо провести мой большой вечер! Если бы Венька помог мне!! Он умеет и любит ковыряться в подобных вещах. «Десять лет работы».

18 марта

На вчерашнем выезде в Жуковский ничего особенного не произошло, кроме того, что мы допускали ужасную халтуру. Вообще играть «Антимиры» — это уже пытка. В «Озе»¹⁷¹ мужики, кроме собственного и нашего развлечения, не оставили ничего для поэзии, для мысли и т. д.

Высоцкий:

— Мы ничего не понимаем ни в экономике, ни в политике... Мы косноязычны, не можем двух слов сказать... Ни в международных делах... Страшно подумать. И не думать нельзя. А думать хочется... Что ж это такое?! А они — эти — все понимают...

25 апреля

Ну вот. Этот день (23-е) прошел¹⁷². Главное — игралось хорошо. И шеф хвалил, ну, он веселый был. В «свадьбе» получил по глазу пиалой от Высоцкого. Друг удружил к празднику. Пришлось уйти со сцены, кровища хлестала, но хорошо еще, что глаз цел, а синяк — хрен с ним...

У нас мероприятие с Высоцким, а он в Ужгороде, а вдруг не приедет? Грустно будет. Вечер потерян. Вчера не поехал в «Уран» на встречу. Там идет ретроспективный показ моих фильмов. Из-за господина Высоцкого, что въехал чашкой мне по глазу.

Собираюсь с Высоцким к строителям его кооператива. Под очками не видно будет.

26 апреля

Интересная картина получается: вчера ездил с Высоцким на его дела с кооперативщиками... Какую он мне вещь сказал... что на капустнике, то есть вся моя линия песенная, отстраненная... гениальной была и что я впервые как артист раскрылся... Нет, не то чтобы как артист... «Увидели твою душу, то есть то, о чем ты пишешь... Мы увидели тебя... ты во всех своих ролях скрывался от нас. Ты богаче своих ролей... вот что — ты никогда не играл самого себя... вот что... Или, может, оттого, что я тебе по глазу звезданул... У тебя такой серьез был, такое спокойное отчаяние, что просто офигеть можно. Ты таким никогда не показывался... Я думал, может, я ошибся... Нет, я был у Г.Волчек, мы с ней говорили. Она говорит «да», то же самое...»

20 августа

Мне передали сценарий «Одиножды один», уже в который раз. Полока просит сыграть у него Толяна, на которого пробовался Высоцкий, и очень изящно, но Комитет не утвердил его. Теперь ко мне: и Мережко¹⁷³, и Полока, и вдруг Первое объединение... Но почему я должен вдруг это делать? Ведь поздно уже. У меня нет ни времени, ни сил, ни охоты!

5 сентября

Вот уже третий день в Вильнюсе. А приехали на «BMW», на «Высоцком», с

¹⁷¹ Фрагменты из поэмы А.Вознесенского «Оза», входившие в поэтическое представление «Антимиры» и особенно часто исполнявшиеся на всех выездных и шефских концертах.

¹⁷² 23 апреля 1974 г. был 10-летний юбилей Театра на Таганке. В этот день по традиции шел спектакль «Добрый человек из Сезуана». По окончании — банкет в верхнем фойе ВТО и концерт-капустник.

¹⁷³ Виктор Мережко, кинодраматург, автор сценария к/ф «Одиножды один». Роль Толяна в фильме исполнил Н.Караченцов.

Дыховичным. И ехали здорово, быстро, со скоростью средней 100, а так на спидометре держалось почти всю дорогу 140–120, а?! И какой же, получается, еврей не любит быстрой езды. Заночевали в Минске, в гостинице. Съели диких уток, подстреленных самим Полянским на охоте, членом Политбюро¹⁷⁴. Поэтому они были вкусными втрое. Нет, хорошо ехали.

В гостинице вроде как сначала не было мест, но потом, как Высоцкий документ предъявил и я подошел — «что-то он не похож на Золотухина», — снял кепку — «ну вот теперь другое дело», — нашелся номер трехместный, с улыбкой.

На следующий день при трупке сцепился с Дупаком. Ждали Шаповалова, Смирнова...

— Надо начинать репетицию, а не ждать.

— Вот когда вы будете режиссером, встанете сюда и будете вести репетицию...

— Придет время — встану. Семьдесят человек ждут неизвестно чего... Тем более у Шаповалова есть замены в зонгах, а Смирнов не с самого начала...

Меня защитил и поддержал Высоцкий. С нами уже трудно спорить.

А Высоцкого не пустили в ночной бар. «Тем более вы в таком виде», — а вид у него самый европейский, и вылезает он из машины «BMW». Но галстук он никогда не носил, не имеет его, стало быть, ресторан в этой стране ему не светит, хотя он и Высоцкий и пр. Ну и посмеялись мы. «Достаточно, — говорит, — того, что я вылезу из машины «BMW», мне в машину самовар принесут...»

Не успели мы вернуться оплеванными к машине, новый подарок — сперли зеркало с машины. Вырвали с мясом. И будто мы сразу в чем-то виноваты, и машину жалко... как живую... Будто из тела вырвали...

Сейчас идет «Добрый». У Высоцкого берут интервью.

10 сентября

Вчера мы летали с Володей в Ленинград, перед отлетом зашли в театр к шефу, только что прибывшему.

— Здравствуй, Володя. А это суперзвезда за тобой идет?

— Почему супер? Он просто — звезда.

— Ну, как поживает «Дурь»¹⁷⁵ — не твоя дурь, твоя дурь, я знаю, как поживает, а нилинская «Дурь»?

Вечером вернулись поздно и беседовали с шефом. Все об Англии, о репертуаре, а о моем деле только в конце, и пока ничего конкретного. Меня беспокоит «Мать». Без замены мне кранты. Да не может быть и речи об этом, улечу, и всё.

18 сентября

Рига. Вести ужасные. Володя сбежал из больницы, вшивку делать не стал. Шеф намучился с ним в самолете...

Володя такое мне про меня наговорил, про мою прозу... Сравнивал мои некоторые страницы (даже писать стыдно) с Достоевским...

— На смерти Шатова я не плакал, а на твоих некоторых страницах вскакивал и ходил по комнате, не мог читать, комок застревал, и не проглотить... Но «Фомин» уже другое. Это профессиональнее, но слабее... Надо тебе писать, как семь лет назад... Знаешь, я отчего запил — от зависти! Как ты успеваешь: столько играть, сниматься, запивать иногда и так писать? Откуда ты слова такие достаешь? Я нигде, ни в одной своей вещи не приблизился до того, что ты пишешь... Ванька Дыховичный пришел, я читал, я сказал Ваньке: «По-моему, у

¹⁷⁴ Иван Дыховичный был женат на дочери Д.С.Полянского Ольге, которая снабдила мужа в дорогу жареными утками.

¹⁷⁵ Речь идет о съемках к/ф «Единственная» по рассказу П.Нилина «Дурь» (реж. И.Хейфиц) с участием Золотухина (Касаткин) и Высоцкого (Борис Ильич).

нас есть совсем рядом потрясающий писатель». Пиши, работай над словом, Валерик! У нас никто уже не может делать такое...

Дыховичный страхи рассказывает про Володю. Ударил себя ножом. Кое-как его Иван скрутил, отобрал нож. «Дайте мне умереть!» Потом все время просил выпить... Никто не едет. Врач вшивать отказывается: «Он не хочет лечиться, в любое время может выпить — и смертельный исход. А мне — тюрьма». Шеф сказал, что он освободил его от работы в театре.

23 сентября

В самом деле, нет минутки свободной. Ввожу на свои роли молодежь. Не знаю, чего у меня вытанцуется. Друг сильно тоже мне подкузьмил, но лишь бы жив остался и вышел бы поскорее из пике... а там разберемся.

24 сентября

Володя снова в больнице. Кажется, соглашается на вшивку. Марина еще не приехала. А мне сдается, он рвать с ней хочет. Что-то про свободу он толковал. Раньше, дескать, она именно давала ее. А теперь вот именно она и забирает ее.

26 сентября

Меня обменяли, как Пауэрса, на Володю. «Даешь Высоцкого — лети. Не даешь — играй “Антимиры”».

Володя прилетел. Он сделал вшивку. Чувствует неважно себя, но теперь это не имеет значения: играть он обещал. Благодарил меня за наставления, как с шефом беседу вести.

— Приходи, — говорю, — и ничего не говори. Стой и молчи. Он все знает, он все тебе скажет сам. А что он скажет, тебе известно давно. Что ты обманул... Разве можно верить «ребенку»? А ты «ребенок», хватающийся за игрушку: дай конфетку — тогда сделаю уроки. Что ты не прошел «медные трубы», что ты от всего отказываешься. Что кто ты такой, дескать, сочинил несколько приличных песен... и т. д. и т. п. Слушай, соглашайся и молчи.

24 ноября

«Пушкин» 21-го. Любимов выпорол меня перед всеми:

— Если бы вас записать на видеозапись и показать вам, вы бы очень расстроились. Вы каждое слово стали играть, раскрашивать. Я за вами не замечал этого никогда... Вам действительно не хватало полотенца через руку — и официант... И ногти грызли чересчур... позировали... Вы стали кокетничать, таким фертом высказывать. Вдумайтесь, какого человека вы играете, какого ранга. Люди такого ранга... посмотрите, вспомните, как они ведут себя... Что на вас действует? Ваше благополучие, ваша популярность? У Высоцкого иногда это проявляется, и он становится таким... Но потом пьянство его собьет, он увидит, что от него все отворачиваются, что никому не интересно возиться с ним, — он начинает задумываться... Не подумайте, что я разговариваю с вами так жестко из-за наших с вами взаимоотношений, нет...

Меня очень радует, что Володя играл вчера спектакль, и всё нормально... И шеф не метал стрелы по поводу моего отсутствия.

16 декабря

С 1 по 15 января Любимов начинает репетиции («Живого») каждый день, и ни с одной репетиции он меня, уже несколько раз предупреждал, не опустит. Неужели это случится, и группа вынуждена будет стоять? Что будет со мной, с Хейфицем на старости лет?!

И опять меня может выручить Высоцкий. Если он ляжет в больницу с ногой — у него порвана связка на ноге. А может, он и сыграет такого хромого... Володьку это точно заинтересует. Бывший муж Марины играл точно с такой ногой «Парижские тайны».

24 декабря

Сегодня худсовет по «Ремням»... Либо мы свихнулись с Высоцким, либо что-то происходит необъяснимое. Ведь людям нравится? Эта мешанина, это прикрытие из военных книг... При чем тут: «Двадцать миллионов погибло, чтобы мы жили достойно...»? Фальсификация... Это очень жаль. Много стыдного в спектакле, пережеванного десятки раз,

прошлого... Самолет, самолет...¹⁷⁶ Ну и что — будет он разбиваться или не будет?.. При чем тут? Мальчишки играют. Антипов просто баба какая-то... Две были приличные роли: Инженер и Начальник — так и их не стало... Но людям нравится, а шеф кричит, что он «не позволит Покаржевскому...» и т. д. «Этот тип меня не интересует, так и запишите». Ну перед кем он все это устраивает, кому... для посторонних?..

1975

9 января

Прносятся дни и ничего утешительного не приносят. Высоцкий: «Еще ты будешь грустить — играешь такую роль...»¹⁷⁷ А игра не приносит мне радости, не успеваю я поиграть.

В театре дела хреновые. Спектакль не приняли, и в который раз сегодня будет смотреть его соединенное начальство. Высоцкий мотается туда-сюда самолетами, «Стрелой». Успеает еще записаться на студии хроники и т. д. Сумасшедший человек.

13 января. Ленинград

И опять, и опять отель. Ехали с Высоцким. А ему нравится моя глава «Ларионыч»¹⁷⁸, и он говорит, что Шацкая не права. Но я-то знаю, что она права.

Мне Минская студия предлагает заманчивую историю, совместно с болгарями. Роль очень хорошая, бумбарашевая. Апрель-май, Болгария безвыездно. Высоцкий говорит: «Нечего думать, соглашайся... Что театр... тебе в этом сезоне... ни черта...»

20 января

Повесился Шпаликов¹⁷⁹. Отчего?

Высоцкий уезжает во Францию. Для чего? Чтобы видеть и работать. Это хорошо. В поезде он сказал мне, что страдает безвременьем: «Я ничего не успеваю. Я пять месяцев ничего не писал». Я обрадовался странным образом: не один я ничего не делаю.

Даже этот гигант работоспособности — тоже бездельник. Это плохо. Но дурака утешает, что не он один.

22 января

Высоцкий с Мариной были у Демичева¹⁸⁰. Имели очень приятную беседу. Будет пластинка. Речь была и о театре. О Кузькине. Если Вовка не врет, Демичев спросил:

— А кто играет Кузькина? Золотухин? Это хороший актер.

6 февраля

Сегодня «жаркий» день в театре — съемочный. Палят страшные лампы, снимают шефа для заграницы, для, быть может, наших гастролей... Полнометражный фильм о Любимове. Мастер репетирует «Мастера и Маргариту». У меня роль Бездомного, с Высоцким на пару, и она мне не нравится. Вся съемочная компания возглавляется Руфкой Яковлевой¹⁸¹.

28 февраля

¹⁷⁶ Сценография спектакля «Пристегните ремни!» (худ. Д.Боровский) представляла собой салон самолета.

¹⁷⁷ Имеется в виду Касаткин в к/ф «Единственная».

¹⁷⁸ Из повести «Дребезги».

¹⁷⁹ Геннадий Шпаликов, кинодраматург и поэт.

¹⁸⁰ Петр Нилович Демичев, в то время министр культуры СССР.

¹⁸¹ Сокурсница Золотухина по ГИТИСу, директор съемочной группы.

Приехал из Парижа Хейфиц. Встречался с Высоцким. Володя нелояльно повел себя: был на вручении премии Синявскому. Там же был Солженицын и другие высланные лица. Би-би-си передало: «Известный артист Театра на Таганке...» и пр. Звонили Дупаку, укоряли его за воспитание труппы... А тут еще дворничиха театра устроила у себя на дому выставку абстракционистов, левых художников... Иностранцы корреспонденты толпятся... Скандал. Не дают Дупаку житья.

28 мая

Видел Высоцкого. Живут они с Мариной у Ивана Дыховичного. Квартиру, ту, что он получает, надо заново переделывать, ломать стенку, перестилать полы и т. д.

31 мая

Опять вчера говорил со мной Эфрос¹⁸².

4 июня я выйду на сцену в роли Пети Трофимова. Высоцкий тоже, очевидно, поднимется на подмостки Лопахиным. Что это будет?! Я не готов к репетиции. Я еще в Кузькине. Но Эфрос резонно: «Ну что Кузькин? Кузькин. сделан. Надо делать это».

10 сентября

Высоцкий. Сколько нелепостей, глупостей. Сколько раз при мне его отпевали, хоронили всякими способами, отправляли черт знает в какие заграницы... За два часа до встречи в Риге с Высоцким, на съемках у Митты, мне сообщили достоверно, что он подавился рыбной костью. Воистину — язык человеческий без костей. Я-то тихо радуюсь и надеюсь: долгую жизнь проживет Владимир...

Я не пишу о партнерах по театру. Театр есть театр, он диктует особое отношение к партнеру. Если в кино чаще всего теза: детей не крестить, то в театре — как раз наоборот: крестить, иногда в буквальном смысле. Но не могу пропустить такой факт, касающийся партнерства: Эфрос ставит «Вишневый сад», Высоцкий назначен одним из исполнителей Лопахина, я — одним из исполнителей Трофимова. В работу, по стечению обстоятельств, мы входим позднее и по отдельности репетируем слабее, чем наши товарищи, исполнители этих ролей. Но стоит нам сойтись вместе, происходит нечто. На сцене начинается жизнь, наши партнерские взаимоотношения, текст, написанный Чеховым, получается рожденным только что, становится легко и просто. Это заметил посторонний, не знающий нас человек — Эфрос. Он ставит нас с другими исполнителями, так сказать, рознит — не выходит. Все вроде то же, а не то. Да и мы-то осознали это потом, когда Эфрос недоуменно это сообщил. «Играйте-ка, — говорит, — вы, ребята, вместе. Вы вдвоем гораздо сильнее, чем каждый сам по себе в другой компании...»

12 сентября

Высоцкий:

— Что же будет, когда Золотухин заговорит?¹⁸³ Он такой умный, блин, станет. Он все время читает и мрачно улыбается... Он обязательно заговорит, но не иначе, как на английском или древнееврейском. А первую фразу произнесет (ружь за сто): «Ну что, мать вашу растак?!»

10 ноября

Сегодня бесполезный день у Митты¹⁸⁴. Володька окончательно приведен им в раздражительное состояние, ничего тот объяснить ему не может, не знает он: какой он, кто

¹⁸² В 1975 г. Ю.Любимов в первый раз надолго покинул Театр на Таганке. Он поехал в Италию ставить оперу Л.Ноно «Под жарким солнцем любви» в Ла Скала и предложил А.Эфросу (в то время режиссеру Театра на Малой Бронной) поставить на сцене «Таганки» любой спектакль. А.Эфрос выбрал «Вишневый сад» А.Чехова

¹⁸³ Золотухин сорвал голос — врач констатировал кровоизлияние в левой связке и предписал режим полнейшего молчания. Так «немым» он и выехал с театром на первые зарубежные гастроли в Болгарию.

¹⁸⁴ 2 Имеются в виду съемки к/ф «Сказ про то, как царь Петр арапа женил».

такой арап? чего играть? грусть, тоску, отчаяние? Ни метра не сняли.

27 ноября

Мучился усталостью на съемке. Никакой радости. Митта с Вовкой не могут работать, идет ругань и взаимораздражаемость. Я не могу быть союзником ни того, ни другого. Когда режиссер недоволен, мне стыдно отстаивать свою позицию словами. Ввязался я в это дело напрасно: хотел товарищу помочь. Ролью совсем не занимаюсь, она неинтересна для меня, значит, будет неинтересна и для зрителя. Хотя роль одна из лучших в этом сценарии. Но нет радости от общения с Митгой. И вообще, от игры нет радости: слишком много забот за спиной и дел, груз суеты и жизни убил радость творчества, радость сиюминутного бытия.

12 декабря

Любимов предлагает мне играть Гамлета. Говорили весь перерыв. Я сказал, что слышал, будто это предложено Бортнику.

— Да... У него есть богатство. Но он оказался таким трусом. Он меня не понял. Я ведь все равно введу на Гамлета и на Галилея. Ну, Галилея ты не можешь играть... в силу физических данных. На Филатова надо спектакль переделывать во многом. У него много желчи, таков склад ума, я с уважением к нему отношусь, но спектакль тогда надо переставлять. Ты, мне кажется, ближе к данному решению. Я не знал, что ты, оказывается, даже занимался этой ролью... Я тебе помогу... С господином Высоцким я работать больше не могу. Он хамит походя и не замечает... Уезжает в марте во Францию. Ездит на дорогих машинах, зарабатывает бешёные деньги — и я не против... на здоровье... но не надо гадить в то гнездо, которое тебя сделало... Что же это такое?!

— Мы потеряем его, когда будет найден другой исполнитель. Заменить, может быть, и следует, но, думаю, не по-хозяйски было бы его терять совсем.

— Да он уже потерян для театра давно. Ведь в «Гамлете» я выстроил ему каждую фразу, сколько мне это мук и крови стоило, ведь артисты забывают... Я Демидовой трясучку головы ставил, всё до интонации... А она заявляет, что какую-то старушку увидела — и осенило ее. Чего она брещёт? Ну да не в этом дело.

— Я видел один из последних спектаклей «Гамлета». Это стало сильнее, неузнаваемо. Сначала я не был поклонником его исполнения, теперь это очень сильно. И спектакль во всем механизме стал отлажен и прекрасен.

— Нет, я тебя не тороплю. Ты подумай.

— А чего мне думать? Отказываться? Для меня, для актера любого на земле, попробовать Гамлета — великая честь и счастье. Но для того, чтобы я приступил к работе, мне нужен приказ, официальное назначение. Потом, если у меня не будет получаться, вы можете отменить этот приказ, и в данном случае я не хочу, чтоб мы тут играли друг перед другом, но чтоб это не носило такой самодеятельный оттенок. Официальное, производственное назначение, а там уж видно будет... Помните, как сказал Наполеон, а Ленин любил цитировать: сперва надо ввязаться в крупное сражение, а там уж видно будет.

На том и порешили. Ну вот, теперь надо думать, что делать. С Володей, с этикой-эстетикой я разделаюсь. Боязнь эстетики — удел слабых — так, кажется, у Достоевского. Надо найти форму физическую.

14 декабря

Вывесили приказ о назначении меня на роль Гамлета. Труппа не прореагировала. Косые видел взгляды, зависть. Никто не поздравил, не выразил благожелательства... так, чушь какая-то. А я нервничаю. Но засучим рукава, поплюем в ладошки — и с Богом.

27 декабря

У Митты снимаюсь без радости. И эта еще Марина¹⁸⁵ такое письмо написала: «Кроме наплевательского отношения к картине, мы от вас ничего не видели». От Сашки этот ветер дует, что ли? Он головастик, всё от ума, от знаний, а не от полета.

¹⁸⁵ Жена кинорежиссера А.Митты.

8 января

«Галилей». Была Марина Влади с сестрой Татьяной. Марина спросила: «Как идут репетиции, а?.. Я знаю...» Ждут, как я с Гамлетом лажанусь.

20 января

Торопят с «Гамлетом». Чего они хотят от меня? Вводят, вводят, есть предел силам-то?!

1 февраля

Дописал Гамлета в книжицу. Любопытное, я бы сказал, заявление мне сделал Смехов на «Антимирах»:

— Валерий, я буду оттягивать репетиции. Я считаю это позорной, дурной педагогикой: одного бьет другим, и пользы от этого никому не будет...

Короче, он не верит в мой успех и прикрывается преданностью Вовке. Я и сам ему предан. И переживаю. Но отступать мне нельзя. И надо попробовать, в конце концов, использовать этот шанс, эту возможность. По крайней мере, она дает мне форму и трамплин для другого дела.

2 февраля

Ехали в машине с Высоцким с «Вишневого».

— Я уйду из театра. В день твоей премьеры я уйду из театра.

— Ее не будет, Володя! — почему-то вырвалось у меня. Почему? Не потому, что я озабочен его огорчениями. Хотя и ими тоже... «Гамлет» — авторский спектакль. Петрович делит с ним успех фифти-фифти. Он играет сейчас грандиозно. Спектакль, и пьесу, и роль, и ситуацию он обмял, натянул на себя, и тут — многое за него.

Все намекают, что я не должен был, по-человечески, соглашаться, нельзя потакать в себе низменным интересам.

5 февраля

Отмена «Вишневого»: Высоцкий сломал ногу, вот еще беда-то... По всему выходит, что Володя запил. Шеф требует форсировать Гамлета.

Настроение Володино в последнее время:

— приказы о вводах: «Я уйду из театра в день твоей премьеры, уйду в самый плохой театр...»;

— просмотр материала «Арапа»: «Я ничего не делаю. Как я и предполагал, это полгода, выброшенные из моего творчества».

Какая-то подавленность, долгие, болезненные разговоры о своих делах, об отношениях с Петровичем, вообще с театром — в общем, все шло к тому, что развязка неминуема. А тут еще болезнь Митты, остановка в съемках, юбилей Массальского¹⁸⁶ и пр.

22 февраля

Сегодня выезд в Загорск. Снова нервы: надо успеть на «Антимиры», на которых не будет Высоцкого. Черт знает что.

Пришел Вовка на «Антимиры» («Орленев с гитарой», как сказала Галина), и спектакль прошел отлично. Венька лихо сострил: «Запишите в журнал: как сегодня прошел спектакль — пять спектаклей можно играть плохо».

27 февраля

Высоцкий как-то холодно со мной вроде, а я как бы лезу к нему, чувствую вину, что ли? Почему?! Я пробую себя, что я могу. Мне нужен этот принц до зарезу, со всеми моими разговорами, сплетнями об «одинаковости», о «простецкости» и пр.

6 марта

¹⁸⁶ Павел Владимирович Массальский, актер МХАТа, руководитель курса Школы-студии МХАТ, на котором учился В.Высоцкий.

Три дня не хожу в театр. Боюсь Гамлета. Надо что-то решать: быть или не быть?

13 марта

Я чувствую какую-то вину, неловкость перед Высоцким. Вчера на «Галилее» он зашел ко мне в гримерную. На столе лежал открытый «Гамлет»... Как будто он меня застал, захватил за занятием стыдным... И я заулыбался, залепетал, зашутил... Сказал, что предложил идею: вызвать его на два спектакля, когда будут смотреть югославы... для гастролей в сентябре.

18 марта

Вот так и надо поступать: приехал из Ленинграда поздним поездом, явился и сказал: «В 12.15 будем показывать Любимову». И все согласились, и все собрались, подтянулись — не ожидали. Но дальше оттягивать нельзя было, надо решать... И шеф пришел, больной и простуженный... Никто по театру не успел ни узнать, ни разнести.

Шеф сказал: «Все правильно, много верного... Ошибок нет... правильно, правильно работаете». Очень по-доброму отнесся. Хотя мы, можно сказать, до желтка не дошли, не успели: ему надо было идти на «Обмен». Ефим¹⁸⁷ нас поздравил с этапом. Я остался доволен собой. Можно было лучше, можно было хуже — вышла добрая середина, а главное, я был покоен, я не стал суетиться, нажимать — сколько было, столько было...

Шеф говорил много о христианстве Гамлета. Почему он не убивает в молитве Короля? Почему не кончает сам жизнь самоубийством? Все просто, а исписаны тома исследований... Призывал к конкретизации, к конкретности, к высшему покою... «Его нынешнее положение дает ему право на этот покой... Он не боится умереть, он с наслаждением исследует человеческую природу...» и т. д.

Шеф дал добро, и можно вроде бы и напиться, но не надо. Поговаривают, что в этом сезоне надо будет играть. «Ну, что ж... В Англию, так в Англию...»

23 марта

Сегодня «Вишневый». Что будет с этим спектаклем? Володя уезжает, второго Лопухина нет.

26 марта

С утра поприсутствовал на репетиции «Гамлета» — новый Король, новый Лаэрт и т. д. День закончился сегодня разговором с Высоцким: выяснением отношений и позиций, оттого что Гамлет встал между нами. Завтра я запишу наш, в общем, хороший разговор.

27 марта

Разговор наш с Володей назревал и должен был состояться. Я решил посоветоваться с Ванькой Дыховичным, он сказал:

— Я не всегда и далеко не во всем согласен с Володей... Он как-то меня спросил о тебе, для проверки слуха... Я сказал, что Валерий работает, это его право. Что будет — посмотрим. Почему он не должен использовать такую возможность сыграть такую роль, когда надо использовать и малую... Он идет честным путем. Володя сказал: «Да-да...» — и весь удар и злость перевел на шефа, что тот неправильно поступил... Он, понимаешь, хочет и в Париж ездить, и играть все, и без него чтоб тут не играл, что ли, никто? Но... И потом, есть вещи, о которых не принято говорить, их надо понимать — и всё. Но в вашей ситуации какие-то слова...

о них надо подумать, чтоб не унижить себя и не обидеть его, уже обиженного... сказать на прощание обязательно надо...

Вот с этим рещёнием — какие-то слова на прощание сказать надо — я и остался вчера до конца «Доброго».

— Володя! Мне надо тебе как-то все попытаться объяснить, что происходит, и мне это трудно сделать. Хочу я или не хочу, я чувствую за собой какую-то вину перед тобой...

¹⁸⁷ Ефим Кучер, режиссер Театра на Таганке. Работал, в частности, над спектаклями «Гамлет», «Товарищ, верь...», «Вишневый сад», «Пристегните ремни!». В 1976 г. начинал репетировать Гамлета с Золотухиным.

— Нет, Валерий, не вину — неловкость.

— Ну, суть не в этом, как ни назови... Начну с того, что всю эту историю с моим назначением, со всеми моими вводами я воспринимал как воспитательный момент, не более. Не верил в себя, честно говоря, хотя попытаться не отказываюсь никогда — такова натура. В общем, я думал: это игра, и сыграю с шефом... Я всячески оттягивал репетиции, заболел. Бог тому свидетель, хотел это дело замотать, сам понимаешь, болтать одному где-то на репетиционных задворках — не настолько я безрассуден, чтоб ложиться под этот поезд... Но... были назначены новые исполнители на все роли, приходит Ефим, все заинтересованы что-то сделать, выразить себя как-то и самоутвердиться в театре, и я уже попал в зависимость от партнеров, которые стали требовать решения вопроса, то есть показа Любимову... Я стал думать. Когда я... В тот день я приехал из Ленинграда и шел отказаться от этого дела, от роли Гамлета: «Устал, не могу...» и т. д. Но пока поднимался по лестнице, решил все наоборот: а почему нет, почему хотя бы не показать? И через час шеф уже нас смотрел... Он посмотрел несколько сцен и не досмотрел, что называется, до желтка, до того, собственно, где и должно было решиться — может БЫТЬ или НЕ может БЫТЬ Гамлета. Он сказал: «Все правильно, работайте», всех похвалил, чего никто не ожидал...

— Валерий! В своей жизни я больше всего ценил и ценю друзей... Больше жены, дома, детей, успеха, славы... денег — друзей. Я так живу. Понимаешь? И у меня досада и обида — на шефа

Мои родители — Сергей Илларионович и Матрена Федосеевна. Меня еще нет на свете.
1938

С сестрой Антониной и братьями
Владимиром и Иваном.
Алтай, с. Быстрый Исток, 1958

Мне одиннадцать лет. Быстрый Исток, 1952

В 1958 году я поступил в ГИТИС на отделение музыкальной комедии

С однокурсницей Светланой Майоровой. 1961

Грушницкий в «Герое нашего времени» — моя первая роль в Театре на Таганке. 1964

«Десять дней, которые потрясли мир». В этом нашумевшем спектакле я сыграл роль Пьеро и множество эпизодических ролей. Ходоки к Ленину — Алексей Эйбоженко, Валерий Золотухин, Борис Буткеев, Матрос — Владимир Высоцкий. 1965

Нина Шацкая — мой партнер по сцене и жена. В «Добром человеке из Сезуана» она сыграла роль Племянницы, я — водоноса Вонга. 1966

В кругу семьи. С Ниной, сыном Денисом и тещей Матреной Кузьминичной. 1972

Юрий Петрович Любимов — Мастер, Учитель и Судия. 1967

Пятеро Маяковских в спектакле «Послушайте!» — Валерий Золотухин, Игорь Штернберг, Борис Хмельницкий, Вениамин Смехов, Виталий Шаповалов. 1967

В спектакле «Товарищ, верь...» было пять Пушкиных. Правда, в этой сцене нас трое — Иван Дыховичный, Валерий Золотухин, Леонид Филатов. 1973

Трофимов в фильме «Пакет» (1965) режиссера Владимира Назарова — моя первая роль в кино. Комиссар — Анатолий Кузнецов

В «Цветах запоздалых» (1969) Абрама Роома я сыграл Егорушку Приклонского.

В «Цветах запоздалых» (1969) Абрама Роома я сыграл Егорушку Приклонского. Княгиня Приклонская — Ольга Жизнева

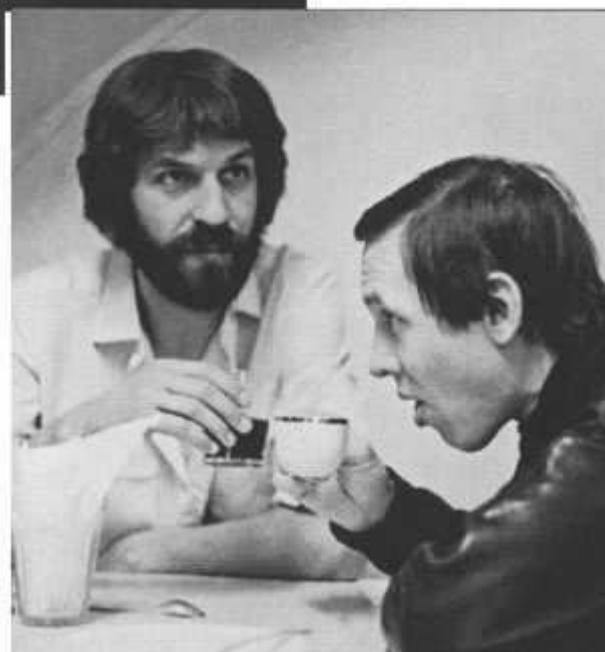
Бумбараш в одноименном фильме (1971) Николая Рашеева и Абрама Народицкого

«Хозяин тайги» (1968). Режиссер В.Назаров. Рябой — Владимир Высоцкий, старшина Серезкин — Валерий Золотухин

С Владимиром Высоцким на съемках фильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (1976). Режиссер Александр Митга

С Ниной Шацкой и Владимиром Высоцким в гостях у Владимира Фомина. Алма-Ата, 1973

За кулисами. Леонид Филатов, Константин Желдин и я. 1984

Валентин Распутин у меня в гостях. На заднем плане — Денис. 1973

С Виктором Астафьевым. 1988 На Шукшинских чтениях с Василием Беловым.

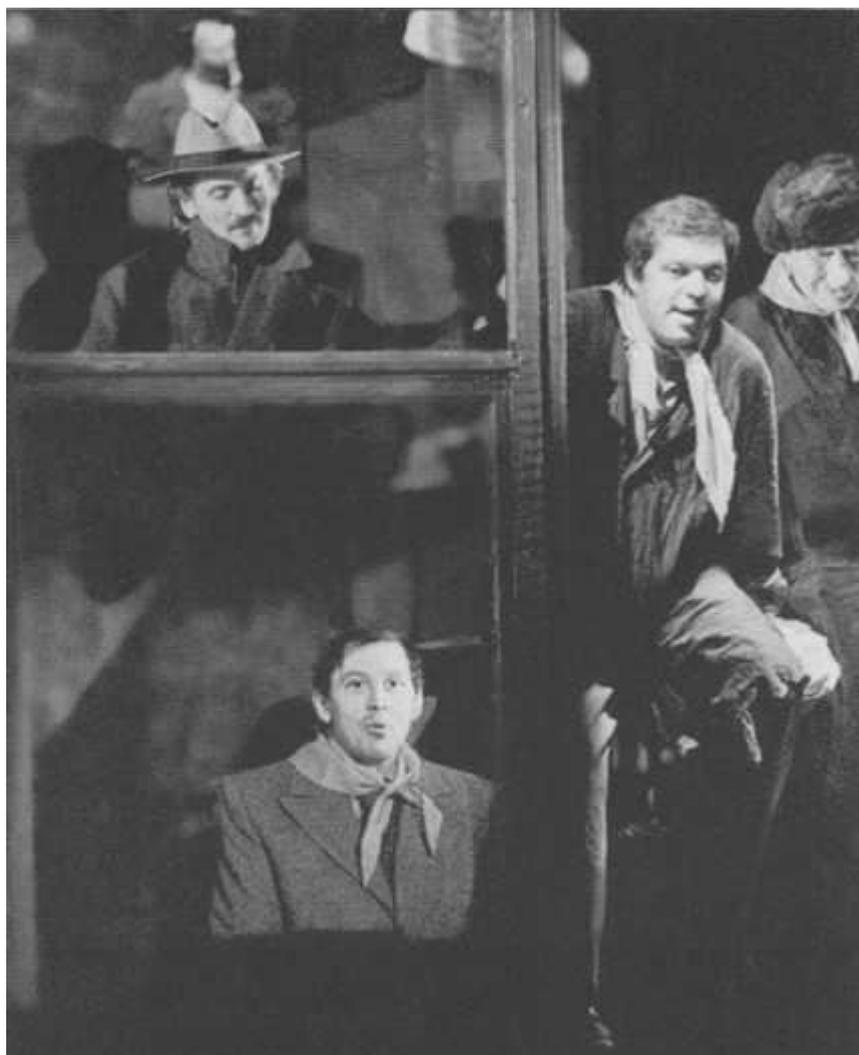
Сростки, 1979

На первой читке «Владимира Высоцкого»

С Иваном Бортником в спектакле «Владимир Высоцкий». 1981

С Леонидом Филатовым и Феликсом Антиповым в «Доме на набережной». 1980

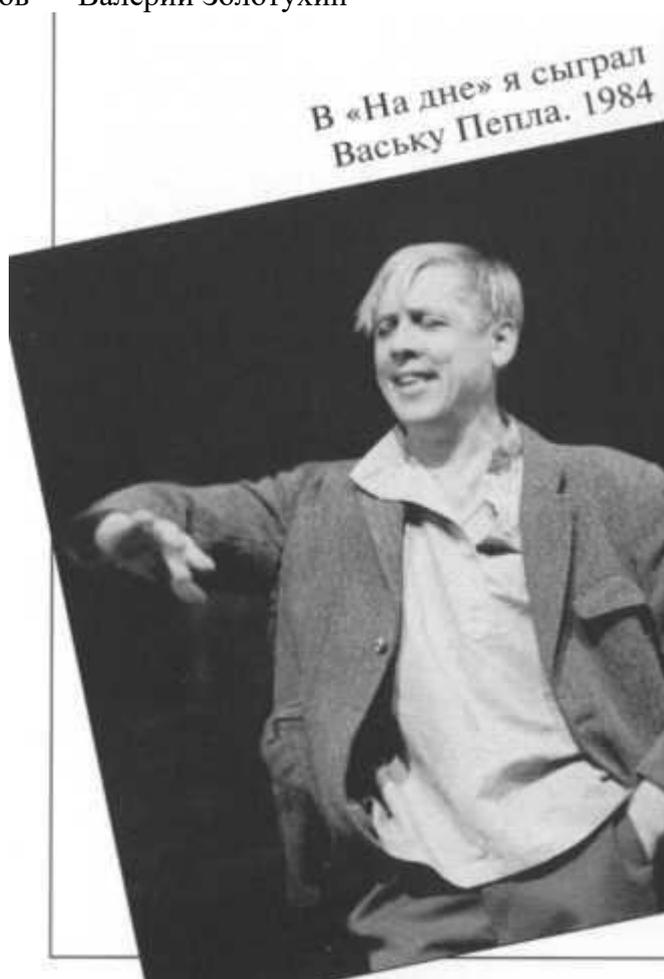
«Борис Годунов». В роли Гришки Отрепьева. В 1983-м спектакль, так и не выпустив на публику, запретили. Возобновлен он был только в 1988-м

Анатолий Васильевич Эфрос. Он пытался сохранить наш театр и привнести в него свое, эфросовское

«Вишневый сад» он поставил еще при Любимове — в 1975 году. Лопахин — Владимир Высоцкий, Петя Трофимов — Валерий Золотухин

Роль Федора Кузькина в спектакле «Живой» — одна из самых моих любимых. В 1968 году спектакль был запрещен, и зритель увидел его лишь спустя двадцать лет — в 1988-м

После просмотра «Живого». Слева направо: Сергей Михалков, Борис Можаяв, Юрий Любимов и... Федор Кузькин. 1993

Царь Креонт в «Медее». Медя — Любовь Селютина. 1995

Маркиз де Сад в спектакле «Марат и маркиз де Сад». 1998

Иван Васильевич в «Театральном романе». 2001

Юрий Живаго в спектакле «Живаго (доктор)». 2005

В.Золотухин, Каталина Любимова, мэр Москвы Юрий Лужков и Юрий Любимов на праздновании тридцатипятилетнего юбилея Театра на Таганке. 1999

С Иннокентием Смоктуновским на съемках телевизионного фильма «Маленькие трагедии» (1980). Слева — режиссер Михаил Швейцер

В телесериале
«Мастер и Маргарита» (2005)
я сыграл Никанора Ивановича Босого.
Режиссер Владимир Бортко

Мясник в фильмах
«Ночной дозор» (2004)
и «Дневной дозор»
(2006). Режиссер
Тимур Бекмамбетов

Павел I в одноименном
спектакле Центрального
Академического Театра
Российской Армии. 1993

С Виталием Соломиным в спектакле Театра Антона Чехова «Кин IV»>. 2002

С мамой. Междуреченск, 2000

Михаил Евдокимов поздравляет меня с шестидесятилетием. От его родного села Верхобское до нашего Истока — рукой подать. Быстрый Исток, 2001

В 2003 году с моей помощью был построен в моем родном селе храм Покрова Пресвятой Богородицы. Строительство продолжалось долгих двенадцать лет

С женой Тамарой и сыном Сергеем. 1979

С Ириной Линдт и куклами Моцарта и Сальери

Мои сыновья. Слева — Денис, справа — Сергей, на руках — Иван. 2005

С внуками. 2003

главным образом. Он все сводит со мной счеты, кто главнее: он или я, в том же Гамлете. А я — не свожу... И он мне хочет доказать: «Вот вас не будет, а Гамлет будет, и театр без вас проживет!» Да на здоровье... Но откуда, почему такая постановка? И самое главное, он пошел на хитрость: он выбрал тебя, моего друга, и вот, дескать, твой друг тебя заменит... Я не боюсь, что кто-то лучше сыграет, что скажут: «Высоцкий хреново играл, а вот как надо». Мне было бы наплевать, если бы он пригласил кого угодно: дьявола, черта... Смоктуновского... но он поставил тебя... зная, что ты не откажешься... зная твою дисциплинированность, работоспособность и т. д. И еще... как-то я тебе один раз говорил, что он мне предлагал Кузькина... и я было... а потом: «Нет, пусть Валерий сыграет, потом, если надо будет...» — отказался.

— Но тут другая ситуация: Гамлет сыгран, он идет четыре года, о нем все написано...

— Да, я наигрался, и я понимаю даже, что спектакль уже не тот... и тебе надо... и публика уже не та идет, и все валится, и партнеры вне игры...

— Я ведь не знаю свои силы, но думаю, что шеф, в воспитательных целях, может пойти даже на мой провал...

— Нет, Валерий, ты не провалишься... Золотухин — Гамлет, новая редакция — ажиотаж будет... Единственно скажу, может быть, неприятное для тебя... Будь у тебя такой спектакль, шеф бы ко мне с подобным предложением не обратился бы, зная меня и мою позицию в таких делах. Но... я уважаю твой принцип: ты всегда выполняешь приказ, играешь то, что дают... не просишь никогда... Надо — надо, и честь имею. Раз когда-то ты этот принцип застолбил, где-то ты его для себя сделал законом, и мне это твоё качество нравится, ты так живешь...

— Ты даешь мне спасительную палочку, но действительно, это моя позиция: никогда не участвовал в распределении, не просил, не подавал заявок. Один раз из-за кино я вышел из «Ремней». Чем бы ни закончился наш разговор, какая дальше будет ситуация — неизвестно. Ведь ты вернешься 15 мая. Значит, нет ни у кого необходимости пороть горячку и бухаться в кипяток. Я хотел бы, чтоб ты поехал с легким сердцем, чтоб тебе там хорошо работалось и чтоб ты вернулся с перспективой работать тут, а не с мыслями — сыграл или не сыграл Золотухин, раз, мол, я сказал, что уйду из театра в день его премьеры. Сам говоришь, что шеф потеплел, взаимоотношения налажены...

1 апреля

Смеялся Варшавер¹⁸⁸ жутко над моей этической проблемой: играть или не играть Гамлета, «пока он поедет в Париж петь на Монмартре».

— Вы оба в своем уме?! Как может один сомневаться, а другой вставать в позу? Это не по-дружески. «Вези десять бутылок «мартеля», — скажите, — я подумаю, может, и не буду играть». Да вы что, товарищи? У каждого свой Гамлет, и ваш Гамлет никоим образом не может встать на пути его Гамлета...

29 апреля

Нет, я не могу сказать, что репетиция-показ «Гамлета» Любимову была неудачной. Она была нормальной, хотя он сказал, что мы по сравнению с прошлыми двумя пошли назад, речь идет обо мне. Он не мог на меня положительно смотреть после Пушкина. И все-таки Ефим и партнеры настояли на показе, и он состоялся, и, слава Богу, все позади. Я думаю, с «Гамлетом» наступит затишье, хотя шеф сказал, что надо доводить до конца и т. д. А мое внимание было сосредоточено на борьбе с текстом и со своим состоянием. И все-таки я не жалею, что случилось.

30 апреля

Ну, кажется, с «Гамлетом» наступил логический конец: «Обмен» затянулся, Ефим уезжает, на сцену Гамлет не выходит... «Надо работать, такую роль репетируют годами, вы

быстро хотите в дамки все, он ненадежный человек, я ему не верю, тебе верю все меньше, а ему не верю... Тебе играть надо, надо репетировать...»

31 мая

Вчера играли «Вишневый», уж и не знаю как. Грубил, по-мо-ему, сцену с Высоцким вообще испохабил, ушла теплота, дуэт распался.

30 июня

Ездили с Дупаком, Высоцким на завод, в пос. Видное — шефское выступление. Завод делает нам какие-то металлоконструкции. Я вернулся в Москву, а они еще на один завод в Электросталь поехали.

20 сентября. Югославия

Я почему-то чувствую себя в опале. Почему я не в той же гостинице, что и Высоцкий и Любимов? Нет, это хорошо, что нет лишнего глаза... Любимов со мной холоден... и я с ним. После «10 дней» 16-го сделал мне замечание по «Ходокам», я огрызнулся, и началось...

— А мне показалось, что игра пошла...

— А мне не показалось...

Он дружит с Володей, приглашает его обедать и по разным приемам, и это логично. Володя — герой фестиваля¹⁸⁹, много играет, везет огромный воз и достоин уважения, но я помню, что шеф высказывал нам обоим перед выездом...

Ревность?! Может быть, обида, но ведь на себя, милый, и чуть-чуть на судьбу...

10 октября. Венгрия

Любимов почти со всеми переговорил о «Преступлении», со мной — ни слова. Перед отпуском он мне сказал: «Учи роль Гамлета, я тебя обязательно введу на будущий сезон». Я даю интервью, заявляю корреспондентам об этом... а он — ни слова, не вспоминает... Ну хоть бы взял свои слова обратно. Он ждет, чтобы я сам об этом заговорил?! Это будет заявление.

12 октября

Ненавижу. Всех ненавижу. Ненавижу Любимова, который что-то почувствовал звериным своим чутьем. Решил приблизить меня. Напомнил мне о Гамлете.

— Надо делать. Текст выучил? Вот видишь, не выучил.

— А если я скажу, что выучил, что изменится?

Пауза, заминка.

— В свободные вечера... будем работать.

Снова о Боге в «Гамлете» — чашу эту мимо пронеси... Господи.

— Это к Богу. Господь — Христос.

— Ну да, к Богу. Я Библию знаю, не лови меня... Ты много раз выручал... — Опять «выручал» — это уже как оскорбление. Заменитель. Как вы не понимаете, что даже сто гектаров лучшего заменителя никогда не станут клочком кожи величиной с пятак?! — Но ты и сачок хороший... Кузькин... Нет, я не к тому, у каждого из нас свои недостатки. Надо работать в театре. Запущено много работ, выбери себе роль...

И снова о Раскольникове ни слова.

— В «Гамлете» у меня была шляпа, хотя бы видимость... Теперь и она отпала, производственной необходимости нет.

— Нет, почему? Этот спектакль мы будем играть долго. Я боюсь одного, что вдруг возникнет необходимость, а ты будешь не готов.

Вот и разгадка!! Вот к чему вся бодяга с Гамлетом. Что же я — самостоятельный отрывок готовлю?!

19 октября

¹⁸⁹ Речь о X Белградском международном театральном фестивале («БЕТЕФ-76»), на котором спектакль «Гамлет» был удостоен Гран-при.

Вечером, 13-го, собрались у Чиркова¹⁹⁰. В посольстве я отметился и ушел, после того как пришли опоздавшие Володя с Мариной и шеф. Посол нервничал, назвал высоких гостей от венгров, а виновника нет. «Ну и бандит ваш хозяин. Не только в Москве с ним трудно работать... но даже и за границей...» Но, кажется, все обошлось хорошо.

10 декабря

Свидригайлов — Высоцкий, и сразу тон хороший.

1977

13 марта

Высоцкий не пришел на «Пугачева», заменили «Гамлета» на «Обмен» вчера. Что-то тоже он перемудрил со своей жизнью. Чего, казалось бы, не хватает: талант, слава, успех повсюду и у всех? Ведь он этак сорвет парижские гастроли.

2 апреля

Мои домашние неурядицы и диалоги даже затмили шок: я доигрывал сегодня спектакль за Высоцкого¹⁹¹. Этого еще не было в театре, у нас...

8 апреля

Володя лежит в Склифосовского. Говорят, что так плохо еще никогда не было. Весь организм, все функции отключены, поддерживают его исключительно аппараты... Похудел, как 14-летний мальчик. Прилетела Марина, он от нее сбежал и не узнал ее, когда она появилась. Галлюцинации, бред, частичная отечность мозга. Господи! Помоги ему выскрестись, ведь, говорят, он сам завязал, без всякой вшивки, и год не пил. И это-то почему-то врачей пугает больше всего. Одна почка не работает вообще, другая еле-еле, печень разрушена, пожелтел. Врач сказал, что, если выкарабкается, а когда-нибудь — еще срыв, он либо умрет, либо останется умственно неполноценным. Водка — это серьезная вещь. Шутка.

13 апреля

«Гамлет»: в понедельник шеф увидел меня в зале:

— Выучите текст! Вы мне сказали, что вы работаете. Вы будете играть вне зависимости от болезней господина Высоцкого.

16 апреля

Позвонил Мережко... Есть очень хорошие люди, занимающиеся провидением. Создана на общественных началах лаборатория при Академии художеств... Поговорят с тобой люди с нимбами над головами — и всё про тебя знают... Устанавливают связь с твоим энергетическим полем через фотографии. Так, по фото Высоцкого они установили, что у него плохо с головой, легкими, почками и цирроз печени... Ему нельзя терять ни одного дня, кое-что они могут исправить, еще есть возможность... кроме печени... там просто катастрофа...

Высоцкий: телефон не отвечает. Отключен, наверное... Не могу воздействовать на его энергетическое поле...

25 апреля

Зашел в театр, взял у Володи автограф на его буклете¹⁹². Володя грустный.

¹⁹⁰ Леонид Чирков, корреспондент «Комсомольской правды» в Венгрии

¹⁹¹ В спектакле «Десять дней...» Золотухин во втором акте доигрывал вместо Высоцкого роль Керенского

¹⁹² Бюро пропаганды советского киноискусства выпустило в 1977 г. в серии «Актеры советского кино» буклет «Владимир Высоцкий» (автор текста И.Рубанова).

— Когда уж совсем конец, думаешь: ну и хрен с ним. Легко становится... Но когда выкарабкался, начинаешь болеть месяц, два, думаешь: зачем столько времени потерял? Стоять за конторкой и писать, и больше ничего... У меня уже это не получится...

13 ноября. Париж

О «10 днях» первые статьи были нехорошие. В основном ругали с политической стороны. Шеф начал заменять «10 дней» на «Гамлета» и «Мать» и вообще сейчас не появляется на «10 днях». Обидно. Я считаю это политической недалезоркостью. Забыли, что спектакль и делался как плакат, как художественная агитация, как политическое представление, вот в такой форме — буфф... Оказалось, только на словах мы гражданский, политический, а как с нашей политикой не согласны, так мы давай отрещиваться, что-де и старый, и разболтанный спектакль и пр. Я предчувствовал, что это «не вечер», и пресса еще будет хорошая, и зритель пойдет, и спектакль будет жить в Париже. Так оно и вышло. Появились роскошные статьи, и зритель кричит «браво», хоть шеф и не приезжает в театр. Директор собирает все положительные отзывы, в особенности о «10 днях». Он был против замены. «Все это не так просто», — на что-то намекал Высоцкий. Мне показалось, особенно в первые дни, что он неловко себя чувствует среди нас в Париже. Ведь он тут не более как муж Марины Влади, хотя и она здесь уже почти никто, вчерашний день... Какая может быть речь о том, чтоб он остался здесь?!

28 ноября

Высоцкий:

— Любите ли вы своих артистов? — вопрос на французском языке.

Любимов:

— Считаю это провокационным вопросом... Все были против исполнения Высоцким Гамлета и того, что он с гитарой. Да, это Высоцкий. Я посадил его злить тех, кто хорошо был знаком с принцем.

7 декабря

Сегодня мы открываемся в Марселе. «10 дней». Любопытно, что будет с Высоцким. Хочется, чтоб он сыграл, чтоб он дотянул, а там пусть как знает... Вряд ли он станет тянуть лямку в театре дальше: игра сыграна, Европа «Гамлета» увидела, история пишется.

8 декабря

В консульстве — семейный прием. Хорошо. Знакомые напитки и горячие сосиски. Володя пил джин с тоником. Марина в 13.00 уехала. Сможет ли он сегодня, а в особенности завтра играть? Игорь Бычков¹⁹³ нехорошо обмолвился: «Надо бы вашего шефа один раз приложить хорошенько. В Союзе — это одно, а здесь — замена «Гамлета»...»

23 декабря

Наметившийся конфликт между Любимовым и Коганом¹⁹⁴ в открытый, злой скандал превратился... Наделал своим интервью волны Любимов. И будто что шмонать стали на таможне и наряд усиленный ГБ был вызван — все деятельность Когана и его помощников. И как он допустил, чтобы обыскивали ведущую актрису... Два «Епиходовых» театра и попали — Рамзее да Зинка. И, конечно, срыв Высоцкого, когда Любимов назначил дежурство труппы на «Гамлете»: в случае, если ему станет плохо и врачебная помощь будет бессильна, продолжить спектакль-трагедию концертом. Кажется, такого в практике театра (драматического за границей) не случилось... Впрочем, вспомним слова шефа: «Париж видел все». Ночью по Марселю шеф с Пьером¹⁹⁵ ловили его... Сам же довел его, хотел отправить

¹⁹³ Игорь Николаевич Бычков, сотрудник КГБ, сопровождавший труппу Театра на Таганке во время гастролей во Франции

¹⁹⁴ Илья Аронович Коган, в то время директор Театра на Таганке

¹⁹⁵ Пьер, режиссер марсельского театра.

на машине с приема у мадам издательницы. Володька: «Я для вас не меньше сделал. Я поеду без вас, куда захочу...» и т. д. «Баньку» мы с ним вопили, как и прежде, но кому мы нужны были? Вообще было ли это в моей жизни: Марсель? Лион? Париж?..

1978

23 июля

Еще мне предстоит записать неприятнейший разговор с Любимовым по поводу концерта в театре. На «Добром» он поздоровался с Высоцким за руку. Мне не подал.

— Здравствуйте, товарищ Золотухин. Ну, вы совсем прям Муслим Магомаев. На концерте вас имел честь видеть... И обращение, и манеры...

— А что, голосовые данные у него не хуже, — поддержал Высоцкий.

— Лучше, что вы, лучше...

Я повернулся и отошел. А дальше, через несколько дней, еще хуже. Он понял, что обидел меня. На спектакле показывал зеленый свет¹⁹⁶.

Как-то увидел — пригласил в кабинет.

— Валерий, тебе этого никто не скажет... Трифонов¹⁹⁷ — человек серьезный, и он не в шутку, а на полном серьезе спросил меня: «Это он для провинции приготовил?» Всерьез меня спросил. Когда Есенин надевал поддевку и сапоги, будучи давно городским и известным поэтом, щеголяя своим крестьянством, те, кто видел, говорят, что это было мерзко...

Уши мои горели, хотелось плакать от такого открытого и справедливого удара.

12 декабря

Концерт — «В поисках жанра» — на ЗИЛе. Володя жаловался на шефа: «Берете, надеваете образ... не общаетесь, не действуете...» и пр.

Вчера Володя пробовался на Дон Гуана...

Надписал Володе книжку свою: «Володя! Ближе человека «по музам, по судьбам» у меня нет, спасибо за дружбу, любящий тебя

В.Золотухин».

27 декабря

Ночь всю, прошедшую без сна, Смоктуновский мне являлся, как Марфа Петровна Свидригайлову, с дьявольской, ангельской улыбкой, которой он одарял меня вчера при встрече в театре после прогона¹⁹⁸:

— Здравствуйте, очень рад видеть вас... Кажется, нам с вами предстоит работать вместе... сниматься. Но скажу вам откровенно, я вашу пробу страшно разругал. Угостите меня сигареткой. Нет у вас? Ну позвольте, я вашу несколько раз курну? Ну вот. Когда мне сказали о вас как о Моцарте, я очень обрадовался. Я вас люблю как артиста, индивидуальность, но то, что я увидел на экране, страшно разругал. Швейцеры¹⁹⁹ замечательные, милые люди, но... понимаете, ведь он — гений... Гений, понимаете? Как ты

¹⁹⁶ Когда спектакль шел хорошо, Ю.Любимов, стоя в проходе зрительного зала, показывал актерам на сцене фонариком зеленый свет.

¹⁹⁷ Юрий Трифонов, писатель. На сцене Театра на Таганке в постановке Ю.Любимова инсценировались его произведения «Обмен» и «Дом на набережной».

¹⁹⁸ Имеется в виду прогон спектакля «Преступление и наказание» по Ф.Достоевскому, где Высоцкий исполнял роль Свидригайлова.

¹⁹⁹ Михаил Швейцер, кинорежиссер и кинодраматург, и Софья Милькина, кинорежиссер. В то время они приступили к работе над т/ф «Маленькие трагедии» по А.С.Пушкину, где Золотухин сыграл Моцарта, а Высоцкий — Дон Гуана.

да я... немного помоложе. Вот, как хорошо вы на меня смотрите... А там что-то на вас нацепили, какие-то побрякушки... Разрешите, я еще курну?.. Я вас не обидел? Вы не сердитесь на меня?

— Что вы. Я вас люблю и когда хорошо, и когда плохо.

— Да, вы знаете, меня стоит, право, и когда удачи и неудачи... я... в общем, хороший... и добрый, так что вы не сердитесь.

Подошел Высоцкий:

— Иннокентий М., я испугался, увидев вас в зале. Ведь это всего лишь третья репетиция у меня... Как вы замечательно выглядите. Подтянутый, в такой спортивной форме...

1979

28 января

...Приехал Высоцкий, дозвонился до Швейцеров. Оказывается, утверждения еще не было, на той неделе — Сизов²⁰⁰, а потом еще и Лапин.

9 марта

Видел во сне Высоцкого, который предлагал мне уколиться наркотиком... сам проделал это через куртку, в руку. Второй укол я ему сделал — обезболивающий... Это Тамара²⁰¹ разглядывала вчера шприц и рассказывала, что на «Ленфильме» медпункт расхитили.

22 марта

С Божьей помощью размочил я сегодня Моцарта... Смоктуновский про Высоцкого (Свидригайлова): «Гитара — хорошо, пусть будет гитара. А где же глубина... этого человека?»

24 марта

Вчера была съемка Моцарта. Что я наработал? Зачем я играю, действительно, молодого Смоктуновского, как говорит Высоцкий. Надо играть здорового Пушкина, без идиотических интонаций и пр.

11 июня. Минск

Уехал Высоцкий. Я пытаюсь учить монологи Гамлета, но вовсе не для того, чтобы его опять «заменять», а для того, чтобы записать телепередачу с профессором Аникстом «Четыре монолога Гамлета».

1980

15 февраля

14-го пошел в театр. Сразу встретил шеф. В три минуты он меня осрамил: «Я не буду с вами работать, я уйду от вас. Неужели нельзя позвонить, прийти сказать, что меня не будет несколько дней и т. д. Это же хамство. Один дохамился — Высоцкий. Вторым хотите быть вы? Пожалуйста».

16 мая

Мы в Польше, Вроцлав. Сразу события — у Володи в Париже предынфарктное состояние, отменяется «Гамлет». Шеф на проводе: «Как текст?..» Отказался: самоубийство...

26 мая

²⁰⁰ Николай Трофимович Сизов, в то время генеральный директор «Мосфильма». «Маленькие трагедии» снимались по заказу Центрального телевидения на «Мосфильме».

²⁰¹ Вторая жена В.Золотухина.

Приехал Володя и великолепно играл. Спектакль имеет совершенно иной уровень с его участием. Не шибко здоров мастер, но... Хочется, чтоб он выдюжил два самых ответственных «Гамлета». Этими спектаклями мы закрываем фестиваль «Варшавские встречи».

28 мая

Смотрел второго «Гамлета»: не понравилось. Не могут эти люди играть такую литературу, такую образность, поэзию... Вовка еще как-то выкручивается, хорошо, «грубо, зримо» текст доносит... Постановочно — это убожество все-таки, могильщики с залом в капустник играют... Д. — декламирует, поет стихи,

С. — в скороговорную прозу, лишь бы сбросить с языка... Б. — вылитый Шестерка из «Черной кошки», подпевала подлый такой — «смажу ядом...», и при том всем — трус... Ф. — в джинсах, резонер с засученными рукавами...

1 7 июля

Смерть Олега Николаевича!..²⁰² В театре плохо. Театр — могила.

А там Высоцкий мечется в горячке, 24 часа в сутки орет диким голосом, за квартал слышать. Так страшно, говорят очевидцы, не было еще у него. Врачи отказываются брать, а если брать — в психиатричку; переругались между собой...

25 июля

В кассе театра мне сообщили, что умер Володя Высоцкий. Бейдерман²⁰³ некролог пишет.

А вчера я позвонил к нему домой; к телефону подошел:

— Это Дима, врач. Вы меня не знаете. Володя спит.

— Как вы думаете, сколько он будет спать?

Тот засмеялся:

— Думаю, что целый день.

— Передайте ему, как он проснется, текст телефонограммы следующего примерно содержания: Геннадий Полока и Валерий Золотухин просят его очень вспомнить молодость и, как встарь, под единое знамя соединиться в общей работе²⁰⁴.

— Хорошо, я ему это обязательно передам.

Так вот: эскулап ошибся. Володя не проснулся, а в 4 часа утра заснул навеки... обширный инфаркт... атеросклероз аорты сердечной... и т. д.

Зинка Славина заташила меня в гримерную: «Ты следующий! — Спыхватилась: — И Бортник... Кто тебя дома окружает, кроме жены? Кто тебе подносит... первую рюмку? Я видела сон... страшный...» — «Зина! Володя умер!!! Зачем мне разгадывать твои сны?»

Каждый, вспоминая свои последние встречи с умершим, обязательно вспомнит нечто предвещающее и только именно ему открывшееся: один его глаза остановившиеся вспоминает и не был ли он косоват от природы; другой — его ледяные пальцы, кровь не проталкивается, не циркулирует; третий — что он говорил, что «так плохо, так плохо... просто конец...» и т. д.

Я вышел на первый зонг с гармошкой и не мог удержать слез. — «Не скулите обо мне, ради Бога».

Шеф (когда села публика):

— У нас большое горе... Умер Высоцкий... Прошу почтить...

Зал встал.

²⁰² Олег Николаевич Колокольников, актер Театра на Таганке, один из тех, с кем Ю. Любимов, еще на учебной сцене в 1963 г., поставил спектакль «Добрый человек из Сезуана».

²⁰³ Семен Бейдерман, художник-декоратор.

²⁰⁴ Предполагалось, что Высоцкий примет участие в работе над т/ф «Наше призвание» (реж. Г. Полока).

26 июля

И не поехал я ни в какой Чернигов, а поеду сейчас к моему товарищу, к великому человеку — Владимиру Семеновичу Высоцкому. Родители не отдали его в морг, не разрешили делать вскрытие. Он умер во сне, умер смертью праведника.

У театра парни собирают подписи, чтобы Театр на Таганке назвать Театром имени Высоцкого...

— Кто это допустит? О чем вы говорите?

— Кто бы ни допустил, а соберем... Мы хоть попробуем, как у Формана...

Вчера с самого утра милиция самых больших чинов в театре, ответственные, бедняги, за проведение похорон...

«Министерство культуры СССР, Госкино СССР, Министерство культуры РСФСР, ЦК профсоюза работников культуры, Всероссийское театральное общество, Главное управление культуры исполкома Моссовета, Московский театр драмы и комедии на Таганке с глубоким прискорбием извещают о скоропостижной кончине артиста театра Владимира Семеновича ВЫСОЦКОГО и выражают соболезнование родным и близким покойного».

Все, что они могли сказать о нем... — в двух газетах. Страна еще не знает, что умер один из самых чистых и честных голосов России.

В Серпухове нас спрашивают: «А правда ли?..» — и уже ходят слухи, что его отравили.

31 июля

Последние часы этого страшного месяца, унесшего от нас двух товарищей наших. Господи, Господи, Господи! Это ужасно, что мне предстоит все это описать, потому что я не могу этого не записать, память стала треснутым сосудом, в котором удерживается в основном грязь.

Что я сказал Володе. Кстати, мысль, ответственность и волнение, подбор слов — испортили мне прощальные минуты с Володей. Я больше думал о себе, как и что скажу и что будут говорить о том, что я говорил. Вот ведь какая фигня.

«Дорогой товарищ наш, дорогой Володя. Мне выпала горькая участь сказать слова прощания от лица твоих товарищей, от лица театра, артистов, постановочной части, от лица всего коллектива.

С первого твоего появления на этой сцене, с первых шагов твоих на этих подмостках до последнего слова твоих сочинений мы, товарищи твои по театру, с любовью, восторгом, любопытством, болью и надеждой наблюдали за твоей азартной траекторией. Ты был душой нашей, ты есть счастливая частица наших биографий, биографий всех тех людей, которые хоть на малое время сталкивались с тобой в работе. Ты стал биографией времени.

Мы бесконечно скорбим об утрате. Мы донесем детям своим, внукам нашим благодарение за то, что нам выпала счастливая доля работать с тобой, слышать, и видеть, и любить тебя живого. Для твоих многочисленных партнеров ты был братом, братом любимым, потому что в глазах твоих всегда было желание удачи и добра другому. Жизнь, которую суждено прожить Театру на Таганке без тебя, мы, твои товарищи, постараемся на этих подмостках прожить с такой ответственностью к России, к слову, к делу, с такой ответственностью, которая была свойственна лучшим, праведнейшим сынам нашего Отечества, одним из которых, безусловно, являешься ты, наш друг.

И ты как будто предчувствовал свою кончину, когда написал свои предсмертные стихи, в которых звучали такие слова:

«Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, Мне есть чем оправдаться перед ним».

Дорогая Нина Максимовна, дорогой Семен Владимирович, Марина, уважаемые родственники, близкие Володи. Театр бесконечно скорбит, и не только театр — здесь такое удивительное количество народа, — бесконечно скорбит о кончине вашего гениального сына, нашего замечательного товарища.

Вечная память».

Вот то дословное слово, которое я произнес в последний путь Володе Высоцкому от своего имени и имени театра.

Маска была снята художником Юрием Вас. Васильевым 26 июля 1980 г. в 14 часов 10 мин. Слепоклевой руки также. Все это я пишу, чтоб не затерялись сведения, чтоб история, начатая давно, с рождения Высоцкого, не искажалась, а очистилась от лишнего и предстала перед потомками в том ответственном качестве, о котором я говорил перед фобом.

Катя Любимова²⁰⁵ крепко, по-мужски, сжала мне кисть, когда я отходил от микрофона.

На панихиде, доставая вилок краба, Семен Владимирович, активно жуя, сказал мне: «Между прочим, дорогой Валерка, я с наслаждением слушал сегодня тебя, молодец, умница...»

Еще в более высоких выражениях, на поминках, хвалил меня Высоковский²⁰⁶. Мне очень хочется знать, что думают по этому поводу мои коллеги по театру.

Вот и не стало Владимира Семеновича. «Вражеское» радио ежедневно делает о нем часовые передачи, звучат его песни. Говорят и о нашей с ним дружбе, и звучала моя песня «Ой, мороз, мороз...» и наша сцена из «Хозяина тайги». У нас же даже приличного некролога, даже того, что мы редактировали у гроба, не поместили. Господи! Да куда же ты смотришь?!

Марина просила его сердце с собой во Францию... Любопытно, а вдруг вырезала и увезла?! Ведь врач-то был всегда при ней... Но и родители смотрели в оба.

1 августа

«Ответственный за крышку фоба» — таким я был в день похорон. Сегодня Ю.П. собрал нас: Боровский, Янклович²⁰⁷, Филатов, Золотухин, Смехов, Демидова, Бортник, Антипов, Трофимов, Кучер, Пофебничко²⁰⁸, Глаголин — и объявил (поставил Мироныч²⁰⁹ записывающее усфойство), что первоочередной задачей и обязанностью теафа является создание спектакля по поэзии В.Высоцкого, как это мы делали раньше и т. д. «А записывается для того, чтобы потом расшифровать, распечатать и взять на лето с собой в виде задания, чтобы осенью, после отпуска, мы пришли с листками, с конкретными предложениями» и т. д. Конструктивная форма — «Гамлет», поминки, могильщики и пр. Пришла Ахмадулина, выразила свою готовность «священные слова» Шекспира стилизовать элегантно во требование задачи и смысла и т. д.

2 августа

Всегда, действительно, помнится какая-то чепуха. Например, в день похорон часам к 9-ти приехал шеф и встретил Янкловича (который ни за какую организацию — улица, театр, транспорт, — разумеется, не отвечал; он был всегда с Володей) и набросился на него: «Меня не пустили, вы понимаете, не пропустили к театру! А с этой стороны должен подъехать Ульянов. Как же он пробьется сквозь этих долдонов?!» И Валерка, не задумываясь: «Да Ульянова-то знают. Его пропустят. Что вы беспокоитесь за Ульянова?» Шеф обалдел.

²⁰⁵ Каталина Любимова — жена Ю.П.Любимова.

²⁰⁶ Зиновий Высоковский, актер Театра Сатиры.

²⁰⁷ Валерий Павлович Янклович, администратор Театра на Таганке.

²⁰⁸ Юрий Пофебничко, режиссер Театра на Таганке, принимал участие в работе над спектаклями «Преступление и наказание» и «Три сестры».

²⁰⁹ Владимир Миронович Титов, старший инженер-радист Театра на Таганке.

В свое время Валерий сделал 10 ООО фотографий с автографом. Дал фотографию милиционеру из охраны. Из толпы баба завопила: «Кому вы даете?! Он же милиционер. Дайте мне». Милиционер заплакал: «А мы что, не люди?..»

Демидова говорила о Володе, как с ним удобно было играть «половые» сцены, когда они оба были в хорошей форме. Партнер — настоящий мужчина.

Люся поминки собирает. Надо помочь. «Нина Максимовна, — говорит, — так устала, не хочет ни прописываться, ни музея. Ходят какие-то люди, распоряжаются, всю квартиру задымили, заплевали... Я бы Т. пригласила... но она так доставала Марину... Не хочется Марине неприятное делать...»

Хроника погребальных дней.

10 августа

Готовлюсь к разговору с ректором МГУ об устройстве сына Володи. Готовлюсь к разговору с Промысловым²¹⁰ о прописке сына Володи в его оставшуюся квартиру. Ничего не успеваю записывать об этих днях, а они исторические по своей сути...

Вот шеф заявил вчера, что смерть Володи понудила его переменить решёние и не уходить из театра, не бросать театр в такую трудную минуту. А я с ужасом сегодня обнаружил, что за месяц жизни в Выезжем Логе я не написал в дневник ни строчки о нашей жизни в доме. Я очень хорошо помню эти дни, а почему-то дневник не вел, за исключением нескольких, считанных записей...

29 августа

Скоро 40 дней по Володе. Я ничего не написал Марине. И у меня пока нет идеи, решёния, хода к моему слову о нем.

31 августа

Статья Демидовой («Таким запомнился» в «Советской России»). Много говорили о нем и мало думали. Теперь началась конкуренция у гроба. Кто скажет первый... Кто напишет скорее, кто вперед оправдается.

12 сентября

Аркадий Высоцкий сдавал в Физтех, набрал 21,5 балла. Человек по режиму сказал, что «мы не можем его брать, он останется без работы — его отец часто бывал за границей» и т. д. Умер отец. Аркадий пришел забирать документы. Ему предложили другой факультет — он отказался. Передали документы в МГУ. Аркадий закончил Вторую математическую школу, четыре диплома победителя астрономических олимпиад, мальчик увлечен астрономией. Театр написал бумагу ректору МГУ, чтобы Аркадию дали возможность поступить в МГУ в связи и в память отца и пр. И меня с Галиной Васильевной²¹¹ с этой бумагой командировали... Посоветовали нам поступать ему не на астрономический, там всего берут двенадцать человек, а на ВМК — высшая математика и кибернетика, к академику Тихонову Все это Г.В. сообщила Аркадию. Он написал заявление. Потом Галине Вас. позвонили из секретариата ректора и сказали, чтобы на собеседование к профессору Мих. Ник. мальчика привел Вал. Серг. Золотухин, он его очень любит, большой поклонник его и пр. Это мне маслом по сердцу... Привели. Со мной провели беседу. «Вы понимаете, какая шероховатость. Академик Тихонов дал категорическое распоряжение его взять. Но у него не очень простая, у Аркадия, характеристика, которую ему написал директор школы, что он пропускал занятия, что он подвержен влиянию... пишет стихи... Вместе с тем мальчик способный, интересный и т. д. Факультет Тихонова — один из лучших и славится дисциплиной железной. Поэтому мы вас назначаем, В.С., куратором от театра Аркадию. Все неприятности, все его пропуски мы будем спрашивать с вас. Это одно. Теперь: ему нужно подтянуть балл по математике. Это собеседование, которое сейчас состоится, одновременно

²¹⁰ В.Ф.Промыслов, председатель Моссовета.

²¹¹ Преподаватель Физтеха.

и будет устный экзамен по математике. Вы ему об этом не говорите, но ему зададут несколько вопросов. И пусть он сейчас напишет заявление о том, что в связи со смертью отца, по семейным обстоятельствам, он не смог сдать экзамен, чтобы ему разрешили это сделать сейчас». В общем, Аркадий сдал и принят. И Люся мне благодарна, и я вроде бы как вместо отца ему — наставник.

14 сентября

Из головы не идет Владимир Высоцкий. Сегодня слушал его, взял кое-какие фотографии. Мне надо попытаться настичь его, но не удастся, по-видимому, потому что

Он ходил по лезвию ножа,
А я в кустах сидел, дрожа, —

Надпись на могиле В. Высоцкого; автор неизвестен

20 сентября. Грозный

Ходили с Валерием на базар. Долго говорили о Володе, о последних периодах. Боже мой, я даже не знал, какая страсть губительная, болезнь, вернее, неизлечимая опутала его — наркомания... Вот оно что оказывается. К. — что это за девица? Любил он ее, оказывается, и два года жизни ей отдал... Ничего не знал... Ничего... Совершенно далек я оказался в последние годы от него...

1 октября

Валерий Я. рассказывал, как Володя мучился своей болезнью, уже наркоманией, как он заставлял всех искать наркотики, из Парижа рвался в Москву, здесь ему доставали, там — дорого и подсудно, здесь он — Высоцкий. А может, органы ждали удобного случая, чтоб подловить его и оскандалить... Люди рисковали, вернее, не подозревали пилоты наши, что в бутылочках из-под облепихового масла они привозили ему наркотик.

19 октября

Чешский журнал поместил некролог о смерти В.В. и мою фотографию, мой портрет из «Единственной», в черную рамочку вправил. Назаров говорит, в суд надо подать, чтобы они компенсировали мне моральный ущерб. А Тоня написала, что в Междуреченске говорят, будто мы сидели с ним в ресторанчике каком-то, и нас хотели отравить, и я вот будто выжил, а он не смог. То, что касается черной рамочки, — говорят, сто лет жить буду. Зачем?! Все равно не пишется...

21 октября

На днях Денис спрашивал меня про дядю Володю Высоцкого и что «его больше знают, чем дядю Олега Колокольникова, потому что все его фотографии спрашивают и хотят получить». Я сказал Денису, что, когда он вырастет и будет читать мои дневники после моей смерти, он будет выискивать в них строчки, посвященные В.Высоцкому, он будет гордиться уже одним тем, что сохранилась написанная рукой Владимира анкета, где на вопрос: «Скажи мне, кто твой друг» — он написал: «Золотухин», то есть его отец Валерий.

22 октября

Еще один Володин ответ. «Какое событие стало бы для тебя трагедией?» — «Потеря голоса». Голосу своему он верил и доверял, и тот не подвел его, не сфальшивил ни разу. Вот как жизнь прожить завидно.

1981

7 января

Статью о языке я закончил в карандашном варианте. Кое-что в ней есть доброго. О театре, мне кажется, удачно получилось.

О Володе. Вообще об атмосфере... в «Таганке». Вчера я славно потрудились. А ночью с живым Володей разговаривал, ведь надо же!.. Кому скажи — не поверят.

7 мая

Поехал во дворец бракосочетания, поздравил Аркадия и Таню. Заехали за Люсей, поехали на кладбище к Володе. Потом к Нине Максимовне. Потом на свадьбу. Был за хозяина, за тамаду. Пустил шапку по кругу, положил 50 рублей.

22 мая

Репетиция в кабинете. Читал стихи Володи Любимов.

13 июня

Глаголин:

— С отвращением, тошнотой я думаю о 15-м числе, когда он начнет «Высоцкого». Почему? Ведь должен быть праздник, а превращается это все в пытку. И больше всего это его бесконечное: «мы обязаны», «великий поэт», «трагедия человека, работающего рядом», «вы, друзья... где ваша совесть? вы ничего не знаете... его творчество...» и т. д. Прекрасный поэт, мыслящий мужик, настоящий парень — он в порядке, а мы опять в дерьме... Ну почему так получается?! Валера?! Эти скорбные бабы. Эти друзья, переживающие его «безвременную» кончину: «Эх, Володя, хоть бы раз как надо...» Да было у него «как надо»! И не один раз. Вы — сделайте «как надо», друзья!!

22 июля

Выходной день дал нам сегодня шеф. Да в общем-то к 25-му мы готовы. Вчера прогоняли «ВВ» для представителей Управления культуры. Даже Селезнев1 не пришел. Делегация из пяти человек, возглавляемая 28-летним замом Селезнева Самойленко.

— Наша позиция остается прежней. Поэт показан односторонне... Конфликт поэта с обществом... Нет гражданского звучания, оптимистического. НЕ РЕКОМЕНДУЕМ. Но вы заявили, что это дело вашей партийной совести, поэтому делайте, как вам подсказывает ваша партийная совесть, ваше должностное положение как главного режиссера.

Шеф вел себя несдержанно и глупо, но в этом шеф, его характер, и все равно — он прав.

Губенко потрясающе выступил:

— У меня отец погиб... мать повесили фашистско-румынские захватчики... Я вернулся в театр после смерти Владимира Высоцкого, чтоб причаститься к его делу... оставив самостоятельное дело на «Мосфильме»... Не топчите нашу веру в советского человека, в нашу демократию...

Молодой вождь искал зацепку, чтобы оскорбиться и получить предлог смыться. Филатов дал ему такой повод:

— Так что же, по-вашему, гражданственность? И почему вы не рекомендуете? Вы три раза как попугай повторили одно и то же...

На «попугая» они оскорбились и все вышли...

8 сентября

«Золотухин, здравствуй! Ты собираешься, жиды тощая, к Владимиру Семеновичу в гости? Совесть у тебя гражданская есть? Что же ты к «лучшему другу» ни разу не пришел, или тебе Эйбоженко дороже? Успокоился, что Володьки нет? Сказали тебе, Гамлетом не быть. Оставайся Бумбарашем! Даже пархатая С. прикатила однажды и со змеиной улыбкой возложила веник из трех цветков. А ты? Эх, ты! Совсем от рук отбились без Володьки. Зажидились, запаршивели, скисли душами! Куда лезет ваш бородатый глист Х.? С его голосом и поэзией — сидеть в туалете и кричать «занято»! Все лезете в волки, а хвост собачий! На сегодня для тебя хватит. В ближайшие дни ждем на Ваганьковской дискотеке».

Такое веселенькое письмецо. Что же это такое? А? И почему-то не веселит?!

1 ноября

Вчера мы прогоняли «В.Высоцкого». Перед прогоном шеф сказал, что, «быть может, мы вообще видимся в последний раз, потому что ОНИ имеют полное право за сегодняшней прогон освободить меня от работы». Когда в конце раздались аплодисменты, шеф по микрофону сказал: «Дорогие артисты, я благодарю вас за глубокое, проникновенное исполнение». И пошли обсуждать под стенограмму деятели культуры — а их было много — в верхний буфет.

У меня вчера во время прогона и после было превосходное, легкое, деловое настроение и осознание трезвое и окончательное, что это можно играть. Вчера впервые действие наше мне увиделось спектаклем. Все прогоны до того носили поминальный знак. Вчера это было о здравии. Никто не заботился о себе, только о нем. Ощущение вины перед ним, личной, и делового очищения, искреннего, истошного, какое бывает у святых.

6 ноября

Заехал в театр. Любимову и Дупаку за съемку непринятого спектакля 30-го и прогон 31-го объявить строгий выговор с предупреждением об освобождении от работы... По Управлению культуры, Анурову²¹² ... довести до сведения всех директоров и главных режиссеров и т. д. Жукова²¹³ сказала: по поводу какого-то письма мы должны поехать к Абрамову²¹⁴. Он, как Герой Социалистического Труда и пр., должен подписать в защиту «Владимира Высоцкого», а Можаяев составит это письмо по нашим тезисам...

А Любимов с выговором на борту улетел в Мюнхен.

1 7 ноября

Во время нашего профсобрания пришел ответ Главка на просьбу прийти на репетицию, посмотреть и т. д. Дескать, пишите дальше письма. А в конце потрясающей мерзости и глумления над нами всеми фраза, дескать, «Главк солидарен с коллективом, который так же, как и Главк, возмущен действиями руководства театра, которое проводит репетиции и показы не разрешенного к постановке спектакля. *Шкодин*».

25 ноября

Смутные дни. Чиновники неуязвимы практически. На всех уровнях, во всех инстанциях полная договоренность, полное согласие. От нас ждут выступлений, поступков, которые можно будет квалифицировать как анархизм, а невыполнение производственного плана как саботаж.

Целый день вчера опять митинговали. Я призывал идти стоголовой массой молчаливой к парадному ГУКа, но многие в разумность ударились. В горьком Любимову запретили репетировать спектакль даже по замечаниям. Секретарь райкома Дикарев изменил свою точку зрения: «Да, нам это неприемлемо». Завтра он приходит в театр для беседы с коммунистами театра.

1982

24 января

Полночь, после «Что делать?». Нам запретили прогонять спектакль «ВВ». Какие-то фрагменты завтра будем играть, а поэты... перебивать воспоминаниями... Ах, Володя, Володя, что ты наделал с народом?!

31 января

Наделал ты мне хлопот, Владимир Семенович, назвав когда-то другом. Каждый день письма с тезисом одним и тем же: раз вы друг такого человека, не можете не ответить и т. д. Честь и несчастье быть твоим современником. Если бы ты отвечал на те письма, что получал, ты бы не спал, не ел, не говоря о прочем, в том числе и о сочинительстве. А тут

²¹² Вчера мы прогоняли «В.Высоцкого». Перед прогоном шеф сказал, что, «быть может, мы вообще видимся в последний раз, потому что ОНИ имеют полное право за сегодняшний прогон освободить меня от работы». Когда в конце раздались аплодисменты, шеф по микрофону сказал: «Дорогие артисты, я благода-

²¹³ Татьяна Жукова, актриса Театра на Таганке.

²¹⁴ Федор Абрамов, писатель. На сцене Театра на Таганке Ю.Любимов поставил по его произведениям спектакль «Деревянные кони» (1974). Ф.Абрамов не был Героем Социалистического Труда, но был лауреатом Государственной премии СССР (1975) за трилогию «Пряслины».

некоторая внутренняя обязанность памяти... Самое трудное — жить без лжи. Ведь ни шагу, ни слова, ни мысли без этой гадины...

3 апреля

Володя подарил когда-то куртку. Обтрепались рукава, ворот... Теперь я надеваю куртку редко, как правило, когда иду к режиссерам или в редакцию, короче — на дело. И Володя помогает мне.

9 июля

Меня спасают, помогают мне, сил придают Володины сапоги, в которых он играл Керенского и раза два я. В них я репетирую и Григория, и Льва²¹⁵.

13 августа

Сон, кажется, у меня такого не было. Прихожу в театр играть свой спектакль: и слышу, и вижу, идет «Гамлет». Играет Володя. Я спрашиваю: «А как же смерть?» — «Это был алкогольный синдром». Мы целуемся с Володей. Он чрезвычайно худ и весел. С правого угла рта запекшаяся змея крови. И он говорит мне: «Отдай мне мою ручку». — «Какую ручку?» — «Что ты взял у Липпарта²¹⁶». — «Он не сказал, что это твоя...» — «Не сказал... Ты выпросил ее у него. А ручка моя». И я отдаю ему ручку финскую с электронными часами. Во время всего разговора меня не покидала судорожная мысль... Я стал вспоминать, что же я наговорил за время отсутствия его в смерти? Боже мой! Какой стыд и ужас. Что делать, куда провалиться?! Как же так, ведь мы его закопали... Нет, я не закапывал. Я не успел бросить горсть земли. Я держался по-китайски за руки, сдерживая толпу... И он пришел...

Я рассказал Гафту. Когда я сказал, что я стал вспоминать, что я наговорил, наболтал, Гафт пришел в восторг. «Потрясающее начало... просто гениальное...» — ревел шепотом Гафт.

11 октября

На одном из выступлений в «Знании»²¹⁷ дама показала мне интервью Любимова в ВТО, где он сказал, что «возлагает на Золотухина большие надежды и восстановит «Гамлета» в той же редакции, что было с Высоцким». Что это?! Какая интонация? Утвердительная или предположительная? Может быть, это мне Володя знак подает?! Тогда надо перестраивать жизнь. Кончать разброс.

26 января

Ездили на кладбище вчера. Возложили венок от театра. Народу много. К Нине Максимовне. Приехала Марина. Все рады друг другу — хорошо. Вечером — действо. Выступали Андрей, Белла, Карякин, Можаяев. Много начальства. Прошло хорошо. Как сказала Нина Максимовна: «Наши довольны очень. Как у вас у всех сердца не разорвались?»

29 января

Вознесенский ищет фотографию, где бы он вместе с Володей был, с «меньшим братом»...

2 февраля. Ленинград

Выбегаю в коридор греться, такой холод в нашем люксе. Николай Губенко встречает Жанночку из Лиссабона. Поездом не поехал, обещает прибыть обязательно самолетом. В Доме кино ажиотаж, вызван наряд милиции. Водитель сетует, что Влади нет. В Ленинграде мороз восемь градусов и идет снег. Боюсь, что Колька задержится надолго, но к вечеру поспеть должен, изворотливый, куда-нибудь впихнется.

²¹⁵ Григорий Отрепьев из спектакля «Борис Годунов» (реж. Ю.Любимов); Лев — роль в несостоявшемся спектакле по пьесе С.Злотникова «Сцены у фонтана» (реж. И.Райхельгауз).

²¹⁶ Владимир Липпарт, киноактер. Снимался вместе с Золотухиным в к/ф «Хозяин тайги», «Цветы запоздалые».

²¹⁷ Всесоюзное просветительское общество.

Вечер памяти В.С.Высоцкого. От «Таганки» приглашены: Губенко, Демидова, Золотухин.

А вчера я читал приказ примерно такого содержания — о вынесении Любимову дисциплинарного взыскания:

«21 января 1983 г. в беседе Управления культуры с Любимовым Ю.П. была достигнута договоренность, что 25 января в Театре на Таганке не будет показан спектакль «Владимир Высоцкий», ранее просмотренный Главком и получивший отрицательную оценку Главка. Тем не менее в нарушение договоренности и правил пожарной безопасности 25 января в Театре на Таганке вместо вечера-концерта памяти В.Высоцкого был показан спектакль «Владимир Высоцкий» с незначительными изменениями, что не повлияло существенно на идейное содержание (звучание) спектакля. Все это происходило при переполненном зале, что нарушало пожарные нормы нормальной эвакуации зрителей. Объявить тов. Любимову выговор».

Вчера же он был вызван в райком.

Вот, Владимир Семенович, такие дела. Даже в день твоего рождения, даже дома у тебя — в театре твоём — мы не можем с тобою нормально побыть, твои песни послушать, добрым словом тебя вспомнить.

А я, грешным делом, думаю: не посоветовали ли Николаю Николаевичу Губенко не приезжать на это мероприятие?

Книга о Владимире Высоцком напишется купно. Какая-то главная часть ее уже написана. Опубликовано о нем много. И напечатано много, а главное — опубликовано, то есть стало достоянием публики в рукописных ли листках, в магнитофонном ли звучании или в чьих-то устных рассказах, кем-то запомненных и хранимых чьей-то памятью... И чем противоречивее к нему отношение, чем субъективнее оценки одного и того же дня, случая, роли, тем общая картина его подвига станет яснее. В этом я убедился еще раз, прочитав запись выступлений А.Эфроса. В рассказе много точных, схваченных острым глазом художника деталей внешнего облика, моментного облика В.С. Но... опять же все дело в личном, а личное — в главном, а главное у художника — дело... И вот тут разница... Мне не казалась и не кажется роль Лопухина удачной. Если брать подмостки «Таганки», то в ряду его ролей для меня она станет на последнее место. Я смотрел на него с восхищением всегда, что бы он ни творил, но мой актерский эгоизм и подсознательная трезвость фиксировали фальшь — и неискренность исполнения. А уж знаменитый монолог «Кто купил?.. Я купил...» и вовсе шел в каком-то неорганизованном крике и в нелепых, зажатых, отнюдь не напоминающих ни одного знакомого пьяного движениях. Странно: пьяного он играть не умел. Его тело безбожно фальшивило, особенно выдавали его ноги... И уж кто был неровен в исполнении, так это Владимир в Лопухине, могу дать голову на заклание, ему не хватало Любимова, его узды и остроты предельной, а не беспомощного метания от портала к portalу...

Я бы никогда не осмелился... не то слово, не позволил бы себе это свое мнение высказать вслух, если бы это не нашло подтверждения (более того, он меня опередил) в словах Швейцера

М.А., в фильме которого он, на мой взгляд, сыграл свою лучшую роль в кино — Дон Гуана.

Мы говорили о Шаповалове (М.А. пробовав его на Ноздрева) и вспомнили «Вишневый сад», Высоцкого. «Лопухина он, прямо скажем, — тоже оговорился! — играл неважно». И я понял, что надо говорить. Иначе елеем зальем истину. Это не значит, что истина принадлежит Швейцеру и Золотухину, а не Эфросу... Нет. Чем в книге будет больше разных мнений, тем она будет правдивее.

Например, откуда-то взялось (это я прочитал сначала у Демидовой, потом вдруг то же подтвердил Эфрос, и легенда состоялась), будто Володя был похоронен в костюме Гамлета. Костюм Гамлета висит в кабинете у Любимова. Володя был похоронен в том, в чем он ходил в жизни и во что его обрядили в последний путь близкие: черный свитерок, черные

вельветовые джинсы. Да, это напоминает по цвету, силуэту... Но это вовсе не то, в чем он играл... Но само «похоронен в костюме Гамлета» — для публики значит определенный знак, и она ищет в том третий смысл. Зачем? Надо написать главу «Покорение Марины». И о «неназойливости»... Я часто мучился, что моя неназойли-вость могла показаться ему невниманием и равнодушием.

6 сентября

Говорил с Венькой — о черном Ванькином крыле²¹⁸ дьявола надо мной. Больше всего он беспокоился: «...дьявольское соседство, ты вспомни, что он с Володей сделал!..»

А что он с Володей сделал?!

26 октября

Мне как-то странно и ревниво, что Л. в говорильне своей, чего-то предсказывая и аргументируя, ссылается через слово на Володю, что будто бы они обо всем этом давно и много говорили и Володя, мудрец, все предвидел и часто говорил: «Л., ты увидишь... вот посмотришь... что ты, Л...» и пр. Кажется, они не были в таких отношениях. И относился он к нему весьма иронически.

11 января

Крымова²¹⁹ говорит, что Марина, будучи здесь по делам памятника, двум людям просила передать привет: Белле и мне. А я до сих пор смею обижаться на нее, а скорее на Володю (хотя он мне что-то про французскую бережливость и приемные дни оправдывался), что она не пригласила меня в Париже к себе в дом. Несмертельно. Даже смешно, однако и обидно чуть-чуть.

1 7 января

Пять часов вчера сидели у Дупака, исправляли экземпляр «В.Высоцкий» по категорическим замечаниям. Еще пять часов, теперь уже в райкоме и у Дупака опять же. Заявлено ультимативно, что в этой концепции любимовского прочтения творчества Высоцкого вечер идти не может. Предлагается сделать принципиально новый сценарий вечера. «А то получается не вечер памяти Высоцкого, а вечер памяти Любимова. Любимова от Высоцкого надо отделить!»²²⁰ и пр. Писать неохота...

— А «10 дней» — концепция Любимова?

— Но то спектакль принятый. А на это разрешения никто не давал.

19 января

И этот день не решил пока ничего. Поступили мы сообща в результате правильно: репетировали, правда, не на основной сцене и не в декорации-оформлении Боровского, чтоб не подставлять Дупака, — в новом зале читали «вариант от 16-го числа», как мы его называем, где рукой Николая²²¹ через страницу: «изъято», «изъято» и пр.

Отвозили письмо в Управление Демидова, Золотухин, Губенко. Начальника нет, и неизвестно.

21 января

Все ушло в говорильню, в споры, в точки зрения, расчеты, предположения. В результате письмо-телеграмму Андропову не послали. Партбюро и местный комитет на то ни свое согласие, ни свои подписи не дали. Какая-то чепуха. И решили вообще вечер не проводить, съездить на кладбище и на этом отмечание-праздник закончить...

Дали телеграмму Андропову с уведомлением Золотухину.

²¹⁸ О влиянии Ивана Бортника

²¹⁹ Наталья Крымова, искусствовед; жена А.Эфроса.

²²⁰ О влиянии Ивана Бортника.

²²¹ Губенко.

22 января

Звонили из театра, пришло уведомление — передана по назначению.

9 февраля

Вчера была среда — мой день, и принес он мне большую радость, праздник, как говорится, души. Я читал стихи сына Володи, Аркадия Высоцкого, и до слез был тронут их чистотой, добротой, и поэтической тоской, и неозлобленностью, и отсутствием поэтического и человеческого тщеславия. Был рад за него как за сына, тут же позвонил его матери («Люся, твой сын — замечательный поэт!»), тут же отвез стихи в «Юность»...

19 июня

Вчера такое гнусное письмо я от гражданки из Львова получил, каких только оскорблений она мне не пожалела: и что актер я полный ноль, и человеческое ничтожество, и лгун и пр. И все из-за того, что я не ответил ей на письмо, где она просила меня написать ей биографию В.С.Высоцкого.

24 июля

Один сон является ко мне довольно часто. Прихожу в театр играть «Дом на набережной» и слышу вдруг по трансляции: идет «Гамлет», и Гамлета играет Гамлет! Но Гамлет мертв, я это знаю?! Я нес крышку гроба его. Я за нее ответствен был — у меня документ есть... В паузе мы встречаемся... Все тот же он...

не умиравший никогда. Во взгляде моем он слышит вопрос, очевидно: зачем он жив? — поэтому отвечает: «Это была ошибка... Я просто заснул, а вы поторопились... но я все слышал...» Боже мой, думаю, что он слышал? Что я наговорил, наделал после его смерти? Он что, пришел спросить с меня за это? Он продолжает: «Почему мы редко видимся с тобой, Валерий, и мало говорим?.. Надо чаще видеться нам и разговаривать». Справа у рта запекшаяся струйка крови. След бритвы, думаю. Нет, он пользуется механической. Тогда от чего?.. Как будто удилами порваны губы... «Доиграй за меня второй акт, будь любезен, а я в Америку...» Какую Америку, думаю, почему в Америку? А-а-а... вояж в Америку!! Да ведь это же Свидригайлов его!!! Вон какая у них Америка!!

Тут мой сон обрывается, и холодно мне всякий раз.

За какими горами моя Америка?

24 августа

Не выходит из головы письмо Фомина²²² с его упреками: «переписал мою биографию в книжку...», «не напишешь, потому что не сумеешь...», «не понимаю, почему тебя не оказалось в «Место встречи изменить нельзя?»». А почему я должен был там оказаться?! Потому что там Высоцкий? Да мало ли где меня не оказалось?! Кстати, я бы и не хотел там быть, даже уже и по просмотру, и по всему случившемуся (после смерти В.С., взрыву народной к нему любви и пр.), по самой художественной ориентации, среде и условиям, — это вовсе не моя тема, не мой жанр и т. д. И никакого Шарапова, тем более одного из бандитов — упаси меня Бог играть, хоть это и моя профессия — играть что ни попадя.

27 сентября

Терпимость, мудрость, неназойливость — черты моего характера, обозначенные Владимиром Семеновичем Высоцким 28 июня 1970 г. 29 лет мне было, Денису год исполнился. В чем он увидел мудрость, где угадал терпимость и что есть неназой-ливость? И не есть ли для меня потеря, что я мало был к нему назойлив?

14 ноября

Приезжал земляк Саша... Похвастался ему, что вышла новая книжка²²³. Подержал в руке, повертел.

²²² Владимир Степанович Фомин, школьный наставник Золотухина, руководитель художественной самодеятельности.]

²²³ «Печаль и смех моих крылечек». М.: Современник, 1984

— Буду ждать тиража... Но от тебя ждут одной книги, — многозначительно сказал он.

— О Высоцком...

— Да, конечно. Кто, как не ты... Ведь ты знал его близко.

Какое это, Саша, космическое заблуждение миллионов.

И когда найдется хоть один серьезный литератор или психолог, вед душ человеческих, который объяснит всем, что как раз от Золотухина и нельзя ждать такой книги, и более того — требовать с него такой книги... как нельзя сетовать на Данзаса, что он не посвятил остаток жизни своей жизнеописанию Пушкина. Или от Белинского... Вместо того чтобы писать об «Онегине», накатал бы по свежим следам романчик об Александре. Да тот же, простите, Лермонтов... чтоб кутить и стреляться... Боже! Да что Лермонтов?! На руках, можно сказать, и на глазах Жуковского вырос победитель-ученик. Ан нет же книги! Книгу возьмется написать лет через сто Тынянов. Да что к Пушкину ходить? Сколько было пишущей братии вокруг Есенина, Маяковского?.. И только хорошую книгу о поэте написала жена поэта — Н.Мандельштам. Но это само по себе явление жертвенное — как в смысле судьбы женской, так и судьбы жены и друга, и уникальное в своем роде как явление памяти, и единственное по литературному превосходству явление художественное в этом опасном жанре мемуаристики. Иными словами: зачем мне писать книгу о Высоцком, которого я очень плохо знаю, когда я хочу написать книгу о себе, которого знаю еще хуже, быть может, однако ж это я? Высоцкий сделал свое дело. Я хочу сделать тоже свое дело, так или похоже, чтоб к кому-то приставали с требованием книги о Золотухине. Я отдаю себе отчет в разности величин, но менять своего желания не под силу мне — человеку.

' **«Печаль и смех моих крылечек». М.: Современник, 1984.**

3 января

Теперь торопится ко мне Турбин В.Н.²²⁴ — жаждет вытащить из меня какую-то информацию о театре: Любимове, Эфросе и разговорах вокруг... А начал он с рассказа о двухтомнике В.Высоцкого, изданном в Америке²²⁵. И что он ему не понравился небрежностью, неточностью, полуграмотными сносками и пр. Потом он сказал, что читал книжку Володиного двоюродного братца Леонидова²²⁶, где он свои «коммерческие» страдания в СССР чуть ли не за подвиги Геракла выдает. «Я сказал Вовке...» — и долго-долго, что он ему сказал, и после этого Вовка сказал: «Да»...

5 января

На двух сборищах сегодня гласно и властно председательствовала Крымова... На втором собрании — по 25-му — играть ли, и что просить у райкома, и что делать 25-го — я совершенно попал в ее замысел, вернее, в замысел, что передан от А.В.: во что бы то ни стало отмечать, и отмечать как праздник поэта, потому что он в этот день родился... Конечно, они боятся райкома, конечно, срыв вечера 25-го повлияет на дальнейшую судьбу любого спектакля о Высоцком, кто бы его ни сочинял, конечно, они хотят, чтоб все прошло тихо и по возможности красиво...

12 января

...Никогда я ни со сцены, ни в печати не говорил такие слова: «Мой друг Володя Высоцкий». Это не мое, не мои слова, не мои понятия, не мое отношение к нему... Оно измеряется другим чувством и выражается другими словами.

22 января

Эти пред-Володины дни следует писать подробно, но я опишу их, когда твой день, Володя, пройдет. Помоги нам, Господи, провести его достойно.

²²⁴ Владимир Турбин, литературовед, критик, писатель, доцент МГУ

²²⁵ Высоцкий В. Песни и стихи. Нью-Йорк: Литературное зарубежье. Т. 1. 1981; Т. 2. 1983.

²²⁶ Леонидов П. Владимир Высоцкий и другие. Нью-Йорк: Русское изд-во «Нью-Йорк», 1983

23 января

Евтушенко (я просил его почитать Пушкина на вечере) — голос народа, и он не хочет продаваться. Так он понимает свое участие в моем действии. Он не может уловить свою ниточку. Он не балерина, не музыкант, что всю жизнь чужую музыку играет. Он свои стихи читать желает, а не Пушкина.

1 февраля

А вечер 25-го прошел замечательно. И даже С. бездарными своими тостами в 311 — й комнате не испортил дела. И я даже теперь уж и рад, что еще раз все увидели, что он собой представляет...

Мое слово, чем открыл вечер памяти:

— Ему сегодня исполнилось бы 47 лет. Хочу напомнить мысль Беллы Ахмадулиной: дней для скорби у нас в избытке, а праздники редки. Так вот, сегодня на нашей улице как раз праздник. Дорогая Нина Максимовна, дорогой Семен Владимирович, позвольте мне от коллектива Театра на Таганке, от всех пришедших сегодня поздравить вас с днем рождения вашего сына, нашего Владимира Высоцкого. — Вышли Славина и Бортник с цветами. — День рождения поэта и актера, который вошел в наше сознание, в сознание и сердца миллионов как художественный и человечески-объединяющий пароль, от произнесения имени которого (и каждый из присутствующих тому многократный свидетель), от одного произнесения имени которого самые циничные и праздные лица становятся строже и осмысленнее, — день рождения такого поэта, безусловно, есть праздник. Праздники разные и отмечаются по-разному. И хочется верить, что у нас сегодня случится не ярмарка вовсе, а светлое воскресение. Мы выбрали форму посвящения, мы решили в первой части нашего вечера не говорить напрямую о нем, а в честь его — в честь и славу поэта, актера и гражданина Владимира Высоцкого. С просьбой разделить с нами сегодняшней праздник и поделиться в этот день своим искусством в честь поэта мы обратились к самым разным деятелям нашей культуры, и, что крайне приятно и весьма знаменательно, мы ни от кого не услышали мало-мальски сомневающегося голоса. Откликнулись все, более того, с большой, как пел Владимир, охотой. Это ансамбль «Виртуозы Москвы» под руководством Владимира Спивакова, Екатерина Максимова и Станислав Исаев, Михаил Жванецкий и Иннокентий Смоктуновский, Владимир Крайнев и Юлий Ким, Сергей Юрский и Булат Окуджава и Алла Борисовна Пугачева. Во второй части с киноэкрана будет петь и говорить с нами Владимир Высоцкий. Итак,

Все в жертву памяти твоей —
И голос лиры вдохновенный,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей —
Все в жертву памяти твоей.

Уважаемые музыканты! Мы начинаем наше посвящение, займите, пожалуйста, свои места!..

Записка Эфроса из больницы накануне:

«Валера и Толя²²⁷! Мне Наташа рассказала о предстоящем вечере в день рождения Высоцкого. Тут нужно, чтобы все было сконцентрировано в ваших руках. Наташа всегда к вашим услугам. 10 раз продумайте стиль, порядок и т. д. Все должно быть слаженно и красиво. Это можно сделать, когда руководят не все сразу, а только вы. С уважением, Эфрос».

4 февраля

В смысле организации вечера Юрский говорил о тетиве, которая была натянута и ни разу нигде не дрогнула. В общем, для меня это была большая победа в словах и в поведении.

Я не смог уговорить Евтушенко прочитать Высоцкому Пушкина... Но почему он не пришел?..

Маргарита²²⁸ позвала Смоктуновского. И он замечательно откликнулся, но вышел и стал читать «Быть или не быть» Гамлета... А часть кино с Володей началась с того, как он играет Гамлета и тоже — «Быть или не быть», но у Высоцкого это звучит как «жить или не жить»... И я думаю, произошел некоторый конфуз.

С. сидел рядом с Тamarой и вел себя мерзко. Громко и нагло спрашивал: «Что они играют? Моцарт? А это что, какой из Моцартов? А он что, на фортепьянах тоже, Моцарт?» — всем видом давая понять всем, что он на этом сборище человек случайный, он к этому не имеющий отношения человек. Господи! До какого убожества может дойти человек! Спаси и сохрани, Господи, меня от этого, убереги. Ведь он сам предложил Юрского, а потом мне вдруг заявил: «Тогда я думал так, а теперь иначе». Когда машина уже завертелась, они спохватились, что все это фарисейство и главный из них Золотухин.

18 марта

Сел в поезд, в купе, и тут идет Полока с банками, два фильма с собой таскает: «Один из нас» и «Интервенцию». Проболтали. Он потягивал ром из фляжки, я рассказывал ему историю ссоры с Венькой, он — про свои беды с Трегубовичем²²⁹. Вспоминали Володю. Венька сказал ему в посольстве польском, что я в Польше Гамлета хотел сыграть. Вот, оказывается, что он имел в виду в своем письме: «Я простил тебе, но не простил покойный». Знал бы он, какой был разговор у меня с Любимовым. Да ведь он знал. Я не мог ему не рассказать об этом, не похвастать, как я отказался, ссылаясь на то, что Польша не Рязань, что Польша ждет Высоцкого и мне с бухты-барахты, только выучить за ночь текст, играть и позорить «Таганку» негоже... и как шеф был благодарен мне за это... Ну, Веня!..

30 марта

Тамара сказала, что звонил Юрий В. Васильев, что для меня готова давно обещанная посмертная маска В.С.Высоцкого и ее нужно срочно забрать. Он только что из больницы и, кажется, снова собирается туда, и вернется ли?.. А без него маску мне никто не отдаст...

Завернул он мне Володю в вафельное полотенце. Семья его покинула. Живет с девочкой Джулькой, маленькой собачонкой.

— Сильный инфаркт... Так что я решил кое-какие дела подчистить, отдать, что кому обещал... Только не давайте никому, начнут тиражировать, торговать. Все торгуют... фотографиями... чем попало. Один я ничего с этого не имею, одни убытки... Володя просил этого не делать. И вы не делайте... Я много масок снимал. Они имеют свойство жить, реагировать. Будете ругаться — он будет хмуриться. Будете радоваться — он будет улыбаться...

6 июня

Видел сон: Хейфиц снимал «Гамлета» с Высоцким. Снималась сцена в могиле. Владимир спал в вырытой могиле, кинематографической. Палило солнце. Меня Марина попросила последить осторожно за ним, потому что, «кажется, кто-то принес ему бутылку...». Палило солнце прямо в его закрытые глаза. Я тихо зашел в его изголовье, чтоб своею тенью закрыть его лицо. Из-за посыпавшейся из-под моих босых ног глиняной крошки Владимир проснулся.

22 сентября

Театр ускользает от истории. Вот и «Таганка», она ускользнула в историю от истории... Можно лишь вспоминать, покрывать легендами, допустим, как играл Высоцкий Гамлета. Ни постановка, ни исполнитель меня не трогали, не волновали, все казалось натужно, фальшиво и неискренне (за исключением некоторых сцен, например с Йориком в

²²⁸ Маргарита Александровна Эскина, завлит Театра на Таганке при А. В. Эфросе

²²⁹ Виктор Трегубович, кинорежиссер.

Польше, после предынфарктного состояния). Мне казалось... но масса была в восторге и говорила: «Вот это да!» Мое мнение в данном случае идет в контрлегенду и не имеет значения... Так же вот Алла (о Лопяхине) говорит: «В первой половине он играл супермена, от беспомощности актерской, и оттого проигрывал. Хорошо он играл только монолог “Я купил...”». И она абсолютно права? Монолог, когда он был в ударе, он выкручивал неплохо, хотя там было больше какой-то посторонней, полупьяной-по-лутрезвой идеи, чем-то напоминающей — «Достиг я высшей власти» и теперь попляшу на ваших головах за мои прошлые непризнания и унижения... Но это стало легендой. Режиссер-постановщик растрезвонил об его игре по миру, ему доступному Пленка с голосом В.Высоцкого, исполняющего Лопяхина, кочует из театра Японии в театр Хельсинки и т. д. Голос сам по себе, что бы он ни произносил, обладает потрясающей силой, всепроникающей убедительностью и магией.

4 октября

Интервью в Югославии на телевидении. Вопрос Золотухину:

— Вас считают духовным наследником Высоцкого. Что вы думаете по этому поводу?

— Духовным наследником быть ответственнее и тяжелее, чем наследником материальным. Друзья и наследники растут как грибы. И в Америке, кажется, больше, чем в СССР... «Конкуренция у гроба», по выражению Томаса Манна...

Дыховичный замечательно сегодня говорил со мной о театре, о С.:

— С. в один час переделал всю свою биографию... И что шеф его обожал, и Володя его обожал и слушался... Я ему говорю: «Ты кого-нибудь другого выбери и рассказывай ему. Я ведь это все знаю. Чего ты мне эту лепнину суешь?»

18 ноября

Эфрос почему-то считает, что ему неудобно («по твоему выражению — конкуренция у гроба») делать о Высоцком спектакль. Сказал ему, что он очень меня этим расстроил, что ответственность надо делить вместе и чтоб был приказ о репетициях. Иначе у нас не будет почвы под ногами. Это нужно не только для нас, но и для улицы, что спектакль о Высоцком делает главный режиссер и пр. Кажется, в чем-то я убедил Эфроса, и себя тоже...

Часть третья. «Мизантроп»

1986

24 января. Пятница Наткнулся на запись, собрание. Любимов:

— Разрешите мне попытожить. Я убедительно прошу: все, кто желает... подать заявление, пусть подадут... и я заверяю, что мы всех удовлетворим... На общих основаниях. Высоцкого я освободил. Я поставил условие, чтобы он вшился, он не сделал. Я освободил... Вообще с вами работать нельзя — вы не держите слова, как можно о чем-то договариваться. Вы также забываете, что можно вызвать милицию и отправить вас куда следует; замечания, в большинстве случаев, одни и те же; за вами стоят десятки людей, которые хотят работать. Видите, я уж и не кричу. Я занимался Высоцким много лет. Теперь не ударю для него палец о палец. И ни в какие Парижи он не поедет. Никаких характеристик... Губенко... Вы зря думаете, что он ушел: он стал мне омерзителен. Он даже приходил два раза — может быть, мы найдем какую-то форму... Я сказал: «Вы мне омерзительны, уходите немедленно...» А он у меня жил полгода. Что видит зритель — разболтавшихся, зазнавшихся людей. Я напишу на вас на всех докладную и пошлю вас всех к чертовой матери... Мне скоро 60 лет, я прихожу на репетицию — и ничего не готово; потрудитесь уважать мои рабочие часы или идите к чертовой матери...

— Сосатели трупов — маяковеды, есениноведы, брехтоведы.

— Многообразие форм — за многообразие надо иногда алименты платить.

— Театр — это грустный дом.

Вот, случайно, что ли, я наткнулся на эти заметки накануне Володиного дня рождения.

А я работаю на Эфроса — и буду петь одновременно на вечере Софронова²³⁰; что вы от меня хотите, я ведь только артист.

Репетицией сегодняшней доволен я весьма, особенно первой половиной. Лишь бы справился мой речевой аппарат со стихом Мольера и быстроречью Эфроса.

— А что вы от меня хотите, я ведь только актер.

Достоевский о реализме: «Не то, что правильно нарисовано, а то, что правильно воздействует».

25 января. Суббота

Заехал за Иваном. В «Польской гвоздике» купил с черного хода 20 польских гвоздик, взяли Таню — и на кладбище. Эфрос не приехал. Он с молодыми назначил репетицию «Мизантропа». Ну что это... Потом он ждет какого-то объединения, внимания, дружбы и пр. Ну ведь прав был Любимов: что может еще объединить и увлечь в одну упряжку — память о товарище. И молодым бы это было бы ох как для души полезно, что и они с нами, что они пришли не на пустое место, а место, где есть традиции, где работал Высоцкий и пр.

У Нины Максимовны побывали. Черная женщина, что была на каждом спектакле с Володей, вдвоем они ходили всегда, теперь она всегда у Нины Максимовны, выговаривала мне за «Дом», а когда я уходил, в прихожей тет-а-тет сказала: «Я много наблюдала в театре и была почти всегда, когда там был В.С., и я вам скажу: единственный, кто к нему относился искренне, — это вы, его многие любили, уважали, чтили, а искренне относились к нему из всех — только вы». Что она имела в виду под словом «искренне»?! Мне не удалось спросить — стали выходить люди, да я, кажется, и сам чувствую — что она под этим подразумевала.

Режиссер-оператор Слава Виноградов из Ленинграда все снимал для истории.

26 января. Воскресенье

Вечер мы провели, т. е. он прошел. И галочку для очистки совести мы поставили...

Главное действие происходило в «Гробах»²³¹ — «шабаш ведьм», и что интересно — в угольном дальнем месте, против входной двери, за столиком — Влад. Григорьевич, кагэбист... всех, кто пришел, он запомнил и кое-что послушал, так в наглуго наблюдать, воистину: бар этот — ловушка, недаром там и Кутуньо и пр. итальянцы обретались, туда их привели... Этот бар оборудован наверняка для разного рода слежки, и бармены — люди НКВД.

Кв. № 28 — Нины Максимовны — агитпункт, пункт голосования, люди приходят, отмечают, уходят — проголосовали как бы...

По составу делегатов в «Гробах» можно составить многообразное суждение, там встретились люди, что лет по пять не видели друг друга, года по четыре друг с другом не якшались и не кланялись и пр. Например, Смехов со своей бабой, Филатов с Шацкой. Я привез Дениса, представил его Марине, и она трижды поцеловала его.

— Меня целовала Марина Влади, надо же, никогда бы не поверил! Пап, а какая она теплая женщина.

Кобзон, капитаны кораблей, администраторы, артисты, и всем этим Янклович управляет, у штурвала связующих нитей стоит. Бортник с Таней, Ефремов, Ромашин, Хмельницкий, Подболотов — замечательный тенор... Позднее пьяный Шаповалов... Толя Васильев поднял тост за крышу и человека — Любимова. Говорухин — контртост: уж если кто и объединил эту разномастную публику сегодня, так это жена, друг и пр. — Марина, и в этом, конечно, истина. Ну, пошел бы я туда, стал бы отдавать 25 рублей, когда б не возможность встретиться с удивительной Мариной Влади, которая сразу открыла ридикюль

²³⁰ Анатолий Софронов, поэт и драматург, в ту пору главный редактор журнала «Огонек».

²³¹ Ресторан «Таганка», в прошлом — «Ритуальные принадлежности»

и стала показывать своих богатырей-сыновей, а младший, Володька, который бегал на съемках «Арапа», уже вырастил матери жемчужину, которую она носит на груди и гордится — «Это младший вырастил»...

Сегодня на «Вишневый» ожидается ЦК, комплект билетов отправлен весь в это учреждение. Не может быть так, чтобы Горбачев сам пришел... Но пусть придет Ельцин, уже хорошо.

Господи, сохрани и помилуй! Дай нам сыграть удачно, дай скорости и легкости...

Какое же жалкое, стыдное вчера было зрелище. Нет, не снимая вины с себя, виноват руководитель этого «грустного дома». Хозяйством надо уметь управлять. Нельзя Эфросу так все пускать на самотек. Деградация полная, с этим ощущением и ушли в недоумении все из зала, в том числе и Марина.

Разве что дело спасет завтрашний их поход с Эфросом к Г.Маркову²³² по поводу издания новой книги Владимира.

Впечатление от России нынешней спасет. Они пойдут по вопросу создания Комиссии по наследству В.С.Высоцкого. Не по наследству, наследства у него, кроме долгов, не осталось, а по вопросу создания комиссии по творческому наследию.

8 мая. Четверг

Вчера был у Эфроса. Он меня ждал на улице, приехав от больного, умирающего отца. Говорили. Мало чего внятного я ему сказал, как-то все глупо, трусливо и стыдно. У него одно — я подал заявление²³³, потому что «испугался кропотливой работы», «испугался играть». А я как бы пытался ему доказать, что играть я трушу всегда, но я бы мог найти тысячу причин, чтобы увильнуть, но причина лежит не тут, она и в быте, и во многих других местах, а в каких, так я ему и не выговорил.

Когда б у меня или у любого другого актера блистательно бы получалась такая роль — да мыслимое ли дело, что он в этот момент подает заявление? Да нет, конечно. Заявление — как щит, прикрывающий пережитое. В этом есть правда, и все-таки не вся, и далеко не вся. Весна, нервы... письма ветеранов, советующих мне «куражиться в «Бумбараше», а не за свое дело не браться» и т. д.

10 мая. Суббота

1. Написал три страницы «Сказа о Ванюше» уже на листки. После переписки на листки карандашом начнется перестукивание главы на машинке. Это уже рождение — либо живым родится сказглава, либо мертвым.

2. Зарядка, обливание...

3. Наконец-то заполнил анкеты и написал автобиографию с перечислением ролей и заслуг.

4. Порепетировал реквием по Мейерхольду.

5. Почитал стихи В.Высоцкого, это завтра надо записать на фирме «Мелодия».

6. Помыл машину в милиции горячей водой.

Мы собираемся в Дом кино посмотреть фильм Н.Бурляева «Лермонтов». Дай Бог, чтобы это мне понравилось, я люблю Колю.

Вот такие дела. С «Мизантропом» что? 8-го репетировал, стыдно было за себя в первой половине пьесы, потом стали попадаться живые места... Эфрос в общем похвалил... Это они педагогику в ход пустили, поддержать дух во мне, уверенность. Надо действительно загнанного поэта играть — судьбу Осипа Мандельштама.

12 мая. Понедельник

²³² Георгий Марков, первый секретарь СП СССР.

²³³ Заявление Золотухина об уходе из театра (в разгар работы над спектаклем «Мизантроп»). Ольга Яковлева, любимая актриса А.В.Эфроса.

Я как-то не пойму, чего же будет с моим Альцестом — загнанного Мандельштама играть, а как? А вообще-то волнует меня только дикция — скороговорка не получается, вот когда сказался мой несовершенный речевой аппарат, и впрямь позавидуешь Филатову, который сейчас за границей в очередном кино. А мы с Эфросом! Как должно на это смотреть? Ведь это тоже причина моего взбрыка, когда человек один, он волен свое поведение выбирать, а так... подчинение дисциплине, производству... Да ведь хочется что-то вложить в Альцеста. Преодолеть начало, самое трудное и где я краснею за себя — это первая сцена с Филинтом. Ее надо поймать, а дальше мое чутье и судьба самого Мольера меня потащат к успеху в этом предприятии. «Подспудное штукарство... ты не доверяешь... добавляешь... шутишь... А ты ведь в жизни не такой... Ты пишешь серьезные вещи, ты думаешь... ты трогательный. Ты не хочешь, а спешишь, так тебя твоя биография театральная воспитала...» — говорит Эфрос.

1. Вчера на «Мелодии» записывал стихи В.С.Высоцкого в пластинку «Друзья читают»...

2. Вечером позвонил режиссер из Киева, чтобы сняться в Политехническом...

3. А у Тамары болит печень, и она уже собирается на юг. Бедная, бедная моя жена, ей надо посвятить моего Альцеста, надо так сыграть, чтобы она признала во мне артиста безоговорочно.

4. Встал в 6 утра, потихоньку переписываю карандашиком «Сказ».

Сегодня у меня праздник!! Может быть, первая репетиция, когда я почувствовал, что смогу подобрать ключи к Альцесту, и это заметил Эфрос.

— Роль села на тебя, как костюм на фигуру... Это ты и не ты... когда происходит слияние индивидуальности и образа. Может быть, первая такая определенная репетиция и пр.

Несколько человек спрашивали:

— Ты что, правда, что ли, заявление подал?..

— Да Боже упаси, — мой ответ.

14 мая. Минск. Г-ца «Беларусьфильма», № 7

Сейчас все помыслы связаны с будущим спектаклем. Что мне нужно сделать с собой, чтобы кровь брызнула со сцены? Я дал обещание на предыдущей странице посвятить Альцеста жене моей, несчастной Тамаре Владимировне, и репетиция была удачной. Я подал заявление, после разговора с Эфросом забрал, заявление порвал, и репетиция была хорошей. Что же... мне каждый день делать какие-нибудь заявления?! К дню рождения надо подготовиться Альцестом и главою «Сказ об Иванушке-Ванюшке».

«На дне» — не раскупаются билеты!! Вот это да! Дожила «Таганка», в зале пустые места, ведь это же ЧП, ведь это же надо выпускать «молнию», трезвонить в колокола. На «Войну...» народ идет неохотно... И только старые спектакли все еще... это же подумать только... все еще пользуются спросом и успехом...

Сон про фей мало меня устраивает, это ведь вообще сердцевина, графит черныбыльский во всей задуманной вещи. Этот сон должен дать цепную реакцию в мозгу читателя, должна заработать система шестого чувства, в мозгу должны вспыхнуть миллионы собственных мыслей, звездочек далекой, прашурной памяти... человек должен задуматься — почему у меня такие глаза, руки, голос, уши, от кого передана мне моя судьба нынешняя... что-то в этом роде.

30 июня. Понедельник

Последний день месяца моего 45-летия и Денискина 17-летия. Хватит хлюпать и переживать, надо возвращаться к Мольеру господину и Альцесту.

Эфрос:

— Мне Яша сказал, только я тебя прошу, не говори ему об этом, иначе это будет некультурно с твоей стороны, что ты вообще не придешь, потому что ты не доволен своей партнершей.

— Богом клянусь, что это не так. Наоборот, я просил Олю²³⁴ со мной репетировать... Какие-то частности я Борису говорил... но это!.. А потом, даже если бы это было так, я бы ни за что никому не сказал об этом, это не в моих принципах. Все неудачи я склонен, и это действительно так, искать только в себе.

— Ну все, все понял... Хорошо, иди одевайся...

Кто из них провокатор? Неужели Яков мог такое сказать? Но спросить... это было бы некультурно с моей стороны! Господи! Прости меня!

2 июля. Среда! Мой день!

Сдача «Мизантропа». Господи, дай сил и вдохновенья ниспошли!

Поставил свечку Спасителю! Господи, Господи, Господи.

3 июля. Четверг

Мне страшно писать, что вчера произошло, но если верить словам и слухам — произошло нечто грандиозное, и, кажется, Господь услышал жалобы мои и молитвы и подарок себе на 45-летие мне организовать помог.

После сдачи, где Щедрин²³⁵ был в полном восхищении, говорил, что мне нужно ускорить звание, что обязательно «Мизантроп» поедет во Францию и пр., мы поехали на поминки в ЦДЛ с корыстной целью повидать Распутина, но его там не оказалось, и все вокруг было таким убожеством, и стыдно слушать и смотреть, напивались бы без слов.

Крымова плакала у меня на плече, а я у нее... что такое бывает раз в десять лет, что она простила мне все... как я вырос, и многое другое, отчего я тоже плакал и возносился. Боже! Не дай мне Бог сойти с ума. Мне жалко Олю...

Да!! Шацкая меня поздравила, поцеловала, говорила — молодец, молодец и пр. и что это первый из четырех спектаклей Эфроса, где ей не было скучно, а наоборот, все было интересно, что у меня это просто грандиозная работа и пр.

Да!! На площади в машину влетела билетерша, интеллигентная женщина, критикующая все, что было сделано Эфросом, а тут!.. Меня целовала, победа, удача, вот это «Таганка»!

Два оплота оппозиции рухнули — Шацкая и билетеры. Касса тоже хвалит, хотя будет ли спектакль кассовым? — вряд ли!

Китаец-иглоукальватель меня принял, тот, что исцелил Сашу Ворошило²³⁶, но без обследования ларинголога, без диагноза он колоть меня не стал, потому что не знает, куда и зачем колоть. Поликлиника ВТО работает в первой половине дня.

Но мне как будто лучше, и я даже натянул струну, порванную Денисом, и попробовал петь.

Альцеста ведь нельзя играть без ежесекундного эксцесса, реактивности ртути в крови, он — сумасшедший.

Ну вот и наступила эта ночь, ночь перед премьерой. Завтра это должно случиться. Как я ни бежал этого, как я ни был уверен, что этого никогда со мной не случится, что этого не может быть, как я ни трусил, ни избегал, даже заявление подал с мыслью нас связующие нити вовсе оборвать, — завтра это случится. Разумеется, ничего не идет в голову.

4 июля. Пятница

Ну вот и наступил этот вечер, вечер премьеры. Господи! Спаси и помоги!

Я ведь никогда не был премьером, то есть тем лицом, от которого всецело зависит успех предприятия. Хочется реветь по моему «Кузькину», по моему «Годунову»...

Я смотрю на портрет М.Чехова, быть может, он в этот час будет со мной.

²³⁴ Ольга Яковлева, любимая актриса А.В.Эфроса

²³⁵ Родион Щедрин, композитор.

²³⁶ Александр Ворошило, певец Большого театра, баритон.

Эфрос написал на афише:

«Валера! Отношусь к тебе с нежностью, хотя ты, конечно, орешёк. Играешь ты замечательно, чем-то веет старым в хорошем смысле этого слова.

Старое для меня — это Добронравов, Хмелев, Москвин... и пр.

Эфрос (подпись)».

Поставил с утра свечку Жану-Батисту Мольеру и Спасителю.

В зале Тамара, жена моя любимая, разрезанная и несчастная. Господи! Пошли ей здоровья и маленько счастья со мной, комедиантом.

Пустили в зал.

Таня Жукова подарила ручку со свистком.

А Ольга написала на банке кока-колы:

«Альцест, если будете употреблять только эти напитки, то злые языки нам будут не страшны.

Селимена».

5 июля. Суббота

Я не был доволен собой, но, к примеру, Галина в антракте сказала: «Сегодня ты играешь прекрасно... мне это напомнило старый театр, я увидела и Любимова, и Володю... спасибо... хорошо... очень здорово».

— Если бы мне не понравилось, я бы не пришла. Есть на кого смотреть, есть у кого учиться.

Все остальное было довольно смешно. После спектакля второй спектакль — демонстрация, делегация с цветами к Ольге Михайловне. Я почему-то думал: неужели ни у кого не останется чувства юмора протянуть какой-нибудь тощий букетик мне — нет, не достало.

Но потом мне принесли программку с надписью: «Все цветы, которые сегодня дарили, в первую очередь Вам, Золотухин. Целуем. Барканы».

В зале я слышал крики:

— Золотухин, браво!

Теперь суббота и пустота. Звонков не слышно. Зинаида Васильевна Барыкина²³⁷ позвонила. Очень понравилось, очень современно и пр.

Денис спросил спросонья, когда следующий «Мизантроп». Значит, мать сказала. Он должен сегодня первую вещь мне сдать²³⁸.

РЕИНКАРНАЦИЯ — возвращение индивидуальности человека в цепи последовательных жизней; вот в двух словах основа этого явления.

16 июля. Среда, мой день. Электричка

Эфрос просил меня не уходить в характерность, в выпендрож... и пр., в желание сыграть Альцеста от себя больше. И после первого акта похвалил. Но в конце принимали хуже, чем 10-го, и второй выход на аплодисменты мы уже как бы выпросили. Бортник не зашел. «Нет, вы меня не убедили», — скажет он и пр. Время раннее, я качусь к Назарову, в спальне по-прежнему перегар коромыслом. Против сел парень, неужели будет разговаривать...

18 июля. Пятница

Вот дожили и до того, что Губенко стал чиновником и поминает, почему не обратиться к Зимянину²³⁹, ему не показать и пр.

²³⁷ Врач-педиатр, знакомая Золотухина.

²³⁸ Денис, учившийся в то время в музыкальном училище, должен был подготовить к определенному сроку музыкальную пьесу.

²³⁹ М.В.Зимянин был в те годы секретарем ЦК КПСС.

Бортник забрел ко мне, идя к Л.Н. «Поздравляю еще раз с премьерой...»

«Огонек» в лице Иванова Д. К. высказал, что собственно театр они не увидели. Увидели литературный театр, может быть, даже телевизионный... Артисты говорят текст, звучит он совершенно, по-видимому, Донской это сделал недавно, и сделал талантливо, но театр ничего своего не добавил.

«Это так кажется... в отсутствии театра и есть театр... в хорошем смысле, лучший, высокий театр, который целиком зависит от актера», — возражение Эфроса.

21 июля. Понедельник

Господи! Благодарю тебя, да святится имя Твое... Отчего мне не спится — от счастья, от радости, от праздника в душе... Фанфары в голове и веселое настроение.

Хорошо, говорят, прошел спектакль, хотя после первого акта у меня было ужасное настроение, чувство провала, я убежал в гримерную и закрылся, чтоб никого не видеть. Во втором акте я почувствовал силу и уверенность, правота интонаций и поведения вернулись ко мне. Публика была действительно замечательная, вся критическая мысль Москвы. Крымова не зашла в гримерную, увидав Филатова и Шацкую, но сказала, что из трех виденных со мной спектаклей это был наиболее гармоничный, «ты играешь все лучше и лучше»...

И теперь я понимаю Тамару, когда она говорит: ему ни до кого и ни до чего нет дела, у него в голове один Мольер, вся квартира увешана текстами «Мизантропа»...

— Ну, теперь Золотухин первый артист на Таганке...

— О! А раньше...

— Ну, раньше говорили — Высоцкий...

6 августа. Среда, мой день

Оля Ширяева²⁴⁰ прислала выписки из моих дневников о В.С.В. Без слез всего этого читать невозможно. Да, там больше о себе, чем о нем, то есть все то же пресловутое — я и Высоцкий, я и Шекспир, я и эпоха и пр. Но, повторяю, Высоцкий принадлежит вечности, и если этой вечности после Чернобыля и атомной перетряски суждено быть, то она разберется и отсеет.

3 сентября. Среда. Мой день

Концерт прошел потрясающе. Штоколов²⁴¹ — это явление выдающееся. Репертуар он сделал для эстрады убойный, а голос красивейший, мы отвыкли от таких голосов в «личном жанре», да он еще научился обращаться с микрофоном, а эта его статья — огромный мужик в белоснежной манишке-жабо, во фрачной паре... и при всем этом улыбка и обаяние ребенка. И совершенно справедливо, что он идет в афише огромными буквами, а все остальные — едва заметными. Меня он похвалил за голос: «У вас есть многое... такой носовой резонатор, и мощный раздув наверх, и музыкальность... У меня вот не хватает...» И я понял, о чем он говорит — не хватает звука, верхних басовых, трубных звуков, грудного резонатора или носового, черт его знает... — мощей, тех, что требуются для его «веса». Но это все окупается другими достоинствами.

11 сентября. Четверг. № 444

Суетливая шея душе спокойно не несет. Приглашаешь кого ни попадя в театр, клянчишь билеты, выкупаешь их за свой счет и ждешь звонка сутками, боишься от телефона отойти — зачем тебе это нужно, Валерий? Кто тебя за язык тянет все время, может быть, людям этим — официанткам, дежурным и пр. — 100 лет не нужен твой театр и ты в том числе!!

Иван сорвал голос и третий спектакль не играл. Но душа изболелась у него, и он пошел смотреть 4-й акт. И, Боже, как он был расстроен и как ругался на всех исполнителей: «Разве можно такое показывать, даже в Куйбышеве». Ему хотелось бы, наверное, чтобы спектакль

²⁴⁰ Первый составитель дневников В.Золотухина о Высоцком.

²⁴¹ Борис Штоколов, солист Большого театра, бас.

заменяли, а Эфрос со смехом относился к этому... и поставил весь другой состав... и хоть бы что!! Я думаю, и «Мизантропа» завтра играть будет второй молодой, и нас не спрашивают, берегут, так сказать.

Я ужасно соскучился по Тamarке, не могу прям... Миленькая моя, как она там, не пила бы хоть...

Конечно, Волга — это вещь!! Почему-то Волга, река, кажется куда мощнее, величественнее для русского человека, чем море, у которого второго берега не видно совсем. То, что по реке туда-сюда ходят часто пароходы, огромные баржи, катера, разные водные транспорты и транспортники, делает ее неотразимой, непререкаемой труженицей... А ведь какая чистая и просторная гранитная набережная. Сначала, 6-го, город и гостиница не приглянулись мне, нынче я изменил свое мнение, к тому же с погодой повезло, а в Москве — 5–6°...

Я хочу сегодня до «Мизантропа» ни разу не выйти из номера на улицу, просидеть в тюрьме номера, в одиночестве.

На что я надеюсь, на что рассчитываю?! На какой-то случай, на какую-то невероятность. «Стариков» в «Огоньке» — вот чего я жду. «Театральный роман» в «Нашем современнике» жду, но понимаю, что вряд ли... художественности не хватает. И ждать больше нечего. А рецензий на Альцеста боюсь.

В «Театральной жизни» ругают «Современник» за «Близнеца». Волчек, особенно, говорят, досталось Шопену²⁴². Ну, вот... докатились. У них не было выхода...

Эфрос:

— Был...

— Какой?

— Не уходить.

Черт его знает. Жалко ребят. Но они так не считают, по-видимому. А мы? Мы в порядке с Мольером? Или главный разбор впереди? Как бы там ни было — «Мизантроп» «правее», а вместе с ним и мы.

13 сентября. Суббота

Надо бы в церковь сходить, да спим допоздна. «Мизантроп» удался. Чувствовал себя ловко и голос сохранил. Вчера играли вторые и подсчитали, что аплодисментов было вдвое меньше. Я — в форме, благодарю тебя, Господи! Теперь еще сегодня. Тринадцатое число для меня счастливым было всегда, может быть, и сегодня оно меня не подведет.

Господи! Спаси и помилуй, дай сил, легкости и скорости! Одна радость в жизни — игра, сцена. Буду ль счастлив сегодня я после спектакля, что ждет — мука или радость? Хотел бы я на такой набережной пожить, на реку так бы и глядел всю жизнь и забывал бы про болезни жены моей, про несладкую долю ее на земле, любимая моя, слезная жена моя, прости ты меня, дурака... И помоги ты мне сегодня еще и еще раз.

16 сентября. Вторник

И сегодня все еще говорю и говорю про Любимова и Эфроса, про «Кузькина» и про «Говори», что видели куски по телеку. И показалось мне, что давно про все это говорил, но мы говорили это, когда нам этого не разрешали... А теперь сказали: «Ребята, говорите». И ребята бросились наперебой говорить... И говорят, говорят... не слушая никого... А мы с Любимовым про все это так или иначе говорили 20 лет. А теперь мне кажется, что я в «Мизантропе» про то же говорю, про что кричат ребята в «Диктатуре» и в «Говори», только, кажется, текст у меня получше будет.

Был вчера в комнате В.Высоцкого у Севы Ханчина. Там дух Володи. Что может сделать истинно любящее сердце из одного-двух приездов поэта в Куйбышев, там много добра... Он был здесь с Т.Иваненко, а ни одной фотографии ее нигде нет — это может не понравиться Нине Максимовне (нет, Иваненки в К. не было), чей приезд они ждут — не

²⁴² Прозвище В.Шаповалова.

чают, и поныне ненавистно Марине, там ведь дитё Володино. А по мне, зря они это делают, слова из песни не выкинешь. И тот главный, кто будет писать книгу о В.Высоцком, разве может обойти эту тему, как и тему Гражданской войны, которую он переживал как трагедию нации и личную, стало быть, трагедию. Не Великую Отечественную, с ней все более-менее ясно. А вот революция и Гражданская война: тут было много крови, которую сердце поэта пропускало через себя.

Человек должен дожить до срока, когда он может выбрать себе место для могилы.

И с большим удовольствием прочитал я публикацию С.Ханчина о Володе «Возьмите меня в море, моряки». Вот такое или подобное свидетельство мы должны оставить тому, кто напишет историческую книгу о В.Высоцком.

Директор уехал, главный режиссер уехал, мы заканчиваем гастроли в сиротстве. Что это такое? Ну что один день может решить? А как бы хорошо было, если бы Эфрос после последнего спектакля что-нибудь куйбышевцам сказал. И нас поддержал. Но он не играет в эти игры, он считает это заигрыванием со зрителем и критикой, он считает, что миссия его выполнена и выражена достаточно в его спектаклях. Зачем же он тогда объясняется с критиками, да и со зрителями, ведь все его книжки, по сути, объяснение зрителям и потомкам своего искусства, которое само должно говорить за себя. И если кто-то чего-то не понял или кому-то что-то не понравилось, то никакими статьями эту любовь не вернуть, не навязать.

Смотрю по углам на разбросанные вещи и думаю, что пора бы наводить порядок и собирать чемодан. Еще одни гастроли заканчиваются.

В Сочи на последнем концерте в Ривьере во время моего рассказа о В.Высоцком пошел дождь... Я пригласил зрителей на сцену, и они привалили. И сразу стали обезоруженными, как артисты, сразу стали близкими и своими. Атмосфера создалась удивительно уютная, семейная, родная. Машинист боялся, что сцена рухнет, но обошлось.

Концерт прошел, как никогда и нигде. Я вынес Штоколову огромный букет роз. Чем тоже заработал себе дополнительные очки. И он был тронут и на прощание в автобусе поцеловал меня:

— **Очень рад был познакомиться.**

— До встречи, если пригласите, я подпою вам Фигаро...

В полном одиночестве я провел эти 10 дней в Куйбышеве — никто ко мне из коллег, ни я ни к кому. Жалко, что о Володе ничего не придумал для Крымовой. Может быть, в Москве.

27 сентября. Суббота

О профессии надо думать, как о ней думали М.Чехов и Е.Вахтангов — откровенно, честно и всерьез...

А мы верхушки рвем, славу и деньги стяжаем... Да и славу-то славой не назовешь, а так... побрякушки. Боже мой! Говорят, кто-то приезжает, театр полон охранников. Вот и пришла проверка Вас, Валерий Сергеевич, на вшивость, как-то Вы справитесь с собой!

Боже! Сохрани и помилуй!

М.Чехов! Тень М.Чехова меня усыновила!

«Ах, жизнь столичная...»

Но я хочу понравиться тому, кто придет. Я хочу, чтоб понравились мои партнеры, и хочу благословить всех, помолиться в душе за всех и пожелать театру всему — «В добрый час». От мнения начальника зависит будущее театра. «Король в ложе...» Тень Мольера, тень Булгакова, тень, незримое присутствие моего воспитателя Любимова — да помогут мне и нам.

Ура! В театре грандиозный праздник. Семье генсека спектакль очень понравился. Я видел, как М.С.Г. вошел вложу. Я вышел на сцену. После спектакля мы ждали наше начальство, приглашенное на беседу. Беседа была минут 40. Я такого счастливого Эфроса никогда не видел. Первое, что Дупак сказал: «Только о Золотухине и говорили... об Алтае... что знали тебя по кино... в театре первый раз. Одобрил выбор пьесы, как будто сегодня

специально для нас написана и пр.». Эфрос Дупака поправил: «Олю хвалили, говорил — какие у вас замечательные силы и пр.».

Карякин не зашел, Розов передал свое восхищение Эфросу, Карякину тоже понравилось. Теперь слава о посещении «Таганки» Горбачевым пойдет по Москве и за границу. И то, что он уделил беседе с Эфросом столько времени, имеет колоссальное значение.

30 сентября. Вторник

Альцест стал главным смыслом моего нынешнего существования. В нем я как будто отыгрываюсь за моего несыгранного Кузькина, Гамлета, Гришку Отрепьева и пр. И тут вот не встать бы в позу, не стать бы счастливым, потому что главное в нем — грустные глаза; как сказала Иорданка Кузманова²⁴³: ты очень изменился, у тебя стали грустные-грустные глаза... Жена болеет у меня, к своим страданиям, болям, припадкам она уже привыкла, смирилась, только просит — пусть бы и такая жизнь подольше продлилась, хочется Сережку большим увидеть, помочь ему...

А мне привыкнуть никак не возможно, поэтому я и хватаюсь за Альцеста как за наркотик, что перебивает на время боль и даже приносит счастье...

1 октября. Среда, мой день

Вчера спектакль неровный был, даже текст выпадал, но во втором акте некоторые моменты были неповторимы. Яковлева все повторяла на поклонах:

— Какой ты хороший партнер.

Но Досталю²⁴⁴ она не понравилась:

— Маразм Эфроса... и пр.

2 октября. Четверг

«Покаяние» — фильм Абуладзе — потрясающе! Может быть, с блеском гениальности.

3 октября. Пятница

Утром в койке шибко горевал, что мне 45, а «Разина» своего я еще не написал, «Калину красную» не снял, «Баньку» не написал и пр.

10 октября. Пятница

В.Розов считает, что пришел Эфрос — и артисты заиграли, что в 45 лет он из Золотухина сделал артиста, хотя к тому времени Золотухин был и известен, и даже знаменит...

Все эти похвалы наивны и обидны, если не оскорбительны. Но что делать? Мне трудно заподозрить Розова в кривлянии, в желании прошлого режиссера зачеркнуть, прошлый театр не засчитать и в пылу комплиментарности и радости за Эфроса — друга и товарища — подтасовать истину... Но... Опять похоже на кампанию. Сегодня приходит «Правда». Она обязательно найдет изъяны, не могут же все трубить хвалу.

Сегодня в театре на «Мизантропе» опять свора критиков, как-то надо в такой порядок привести мысли и чувства, чтобы полюбить их.

12 октября. Воскресенье.

«Шипы».

Не дает моим «друзьям» покоя удача «Мизантропа». В час ночи звонок:

— Не узнал? Это Виталий Шаповалов. Поздно? Нет, не поздно... раньше и в 3, и в 5 было не поздно, а теперь поздно... Эх, Валерий... Устал от «Мизантропа»... Над чем работаешь? Я знаю литературу, читал «Печальный детектив» Астафьева, а последнюю вещь Крупина? А я слежу. Перестань вспоминать. Ничего художественного ты не создал в литературе... И не создашь, пока не бросишь свои воспоминания... Ты наводнил Россию... враньем со своей историей, что ты приехал в шароварах и лысым... Зачем ты людей в

²⁴³ Болгарская актриса.

²⁴⁴ Николай Досталь, кинорежиссер.

заблуждение вводишь? Напиши мне строку простую... Не сконструированную... А чтоб я вздрогнул от простоты... Какой у тебя словарный запас, по дальюшку-то. — Надо полагать — под «дальюшкой» он имеет в виду словарь В.Даля. — А сколько слов, ну скажи. Жена спит? Ну, я понимаю, ты семейный, я — одинокий. Вот и приезжай ко мне... Нет, не надо созваниваться, ты скажи — Шопен, в 11 я буду у тебя... А так не надо, Валерий. Я тебе не девочка. Нет, я не пьяный... Целую, спи!

Думаю, что он был не один.

Нет, дорогой Шопен, вспоминать я буду и помнить буду. А насчет художественности воспоминаний — ты почитай Мориака, может, он тебя убедит, а так лучше — Пруста.

14 октября

«Но алтайский барс Туха выручает петуха...»

Уже не первый раз слышу, что Золотухин вытащил спектакль и спас Эфроса. Билетеры говорят об этом, сказали сразу, на первых прогонах с публикой, теперь вот и «доброжелатели» пишут... Такое укореняется мнение. Я не шибко это опровергаю — пусть говорят, какая разница, кто кого вытащил, лишь бы «вытащил» было истинно. Мне как раз хочется написать Эфросу доброе, хорошее, честное письмо — ведь как бы там ни шло, он меня уговорил забрать заявление и заставил в этот день репетировать, начать что-то делать... Это ведь фатум — Горбачев пришел на первый спектакль в сезоне, до появления рецензий, в «Московской правде» заметка прошла незаметно, потом...

Карякину дозвонился: «Я не думал, что вы меня заметили... смотрел на вас с грустью и радостью, по-моему, Альцест — очень здорово... Но я теперь как бы чужой там, поэтому и не зашел... да и боялся заблудиться»...

«Неожиданный выбор актера на Альцеста». Почему это так неожиданно? 95 % зрительного зала наверняка пьесу не читали. Эта вообще «неожиданность выбора» преследует меня всю жизнь. В «Преждевременном человеке» Роома А.М. убедили-таки, **что** я «за русский интеллигент», и сыграл Кваша, большой русский интеллигент. Упрекали Швейцера, когда он выбрал меня на Моцарта, и пресса тоже писала о неожиданности! Я, наверное, плохо вижу себя со стороны... И теперь в Альцесте — решёние в выборе... Но был назначен и Бортник, совсем неожиданный. И если бы он вкалывал, неизвестно еще, кто бы играл... Более того, Эфрос много репетировал с Юрским... Значит, у него не было решёния в актере, так распорядилась судьба, случай, просто так произошло ввиду производственной необходимости. И всё. А не какой-то там выбор актера. Ну да, он говорил о Фигаро — Баталове, сравнивая меня с ним и говоря о русскости на западной почве... Но опять же, скорей от безвыходности.

17 октября. Пятница

А число мое!

Я занимаюсь своими ребятами: достаю учебники по гармонии, снабжаю деньгами старшего, отвожу в бассейн во Дворец младшего, и мне хорошо от этого...

Стыдят меня Эфрос с Хвостовым, что я не написал о Володе. Мне и самому стыдно, а что писать — не знаю. Крымова пробивает Париж для съемки с Мариной, для передачи о В.С.В. Россия посмотрит парижскую фатеру Владимира, это же интересно?!

19 октября. Воскресенье

Снился Любимов, был в ссоре со мной: «Плохо говорил», — имея в виду интервью по телевидению...

30 октября. Четверг

С чего начать жить? Нет, не начать новую жизнь, а просто начать жить? Л.Аннинский в «Зеркале сцены» готовится покритиковать моего Альцеста, а он умелый, талантливый, а главное — парадоксальный, он обязательно должен думать не так, как все, а вовсе наоборот... Да чего я завожусь раньше времени? Ну и замечательно. А то, видишь, «расходилась, разгулялась удаль молодецкая» до того, что и спектакль 21-го не смог играть. Чем донельзя оскорбил премьершу. Уговорили извиниться, а то-де 31 — го она отказывается

играть со мной... Мне она говорит, что больна, что у нее врач и пр. Наташа Крымова: «Это во мне сидит

25 лет, я тебя прошу, не трогай, а то из меня польется такое... Но при всем том мне ее ужасно жалко... — Мои слова, мое отношение к Яковлевой, которой я задумывал перед каждым спектаклем приносить цветы — розы. — Извинись — и ты все равно будешь выше».

Хитра Наташка, перед тем как предложить мне это, расхвалила мой материал о В.С.В.

А Тамара написала на экземпляре: «Очень хорошо! До слез...»

Вот ей я верю.

Я еду восстанавливать «Дом на набережной». Господи, благослови!

31 октября. Пятница

Весь день веселился, теперь хочется плакать. Ах, Господи!

Маша Полицеймако организовала письмо Горбачеву, чтоб он вернул нам Любимова. Опять споры-разговоры — не опасно ли, не наивно ли, «актерский инфантилизм, дошедший до крайности», и не подписал Ванюшка. Эфрос согласен подписать, а Сидоренко²⁴⁵ — нет.

Оля пригласила людей — Хвостов мне говорил... Она пригласила, она потратилась на билеты, на цветы... Теперь я понимаю, почему она так взбесилась... Можно бы послать, конечно, ее, но это было бы ужасно некрасиво по отношению к Эфросу и спектаклю — вот, сыграл и закусил удила, в премьеры выбился, теперь плюет на всех... и пр. Как мне отвратительна эта манера в моих друзьях. Чем выше поднялся, смиреннее стань. Нет, не в демократию играй ложную, а сам в душе Бога моли о спасении ее...

«И как хотите, чтобы люди поступали с вами, так и вы поступайте с ними...» — поэтому я правильно сделал, что у Ольги прощения попросил, извинения... Ее принуждали играть с молодым, а ей стыдно.

2 ноября. Воскресенье

Ноябрь уж наступил.

Когда я Чинил зубы у Амелькиной, она мне сказала слова, что не уходят из головы до сих пор... «Мизантроп» не произвел на них с Гундаревой впечатления, она говорила, что Мольер устарел все-таки и пр. Но главное не это, а что: «За тобой было страшно интересно наблюдать... Ты актер лучший, неограниченных возможностей... Видны порой были такие глубины... Вообще ты молодец... Из этой мути, смуты, сплетен, грязи... ты вышел таким чистым... Ты молодец, ты понимаешь...»

Вот это главное, что я хотел записать и что запомнил из косноязычного Ларискиного монолога: «Из мути, плесени вышел, сохранил чистоту и пр.». Сегодня в Олимпийском читал Высоцкого с «Нервом»²⁴⁶ в руке и не был доволен собой и аудиторией. Осадок неприятный, когда ушел.

3 ноября. Понедельник

Театр живет будущим возвращением Ю.П.Любимова, забрезжила надежда. Демидова принесла на хвосте, что в течение недели должна решиться юридическая сторона дела — должны вернуть ему гражданство, и тогда он должен будет решать сам. Эта акция правительства весьма хороша — государство признает ошибку свою. Вот тебе и извинение, которого он требует...

Тамарка худеет, жена моя до ручки доходит, кажется; просто страшно. Посмотришь — и сердце сжимается. Господи! Пощади ее. Вчера между двумя Сережами загадал и перевернулся, только бы она была здорова, больше мне ничего не надо, всё тлен.

7 ноября. Пятница

Сидоренко долго и зло выспрашивала: «Зачем это тебе нужно, чтобы Любимов вернулся, чего ему тут делать и как ты представляешь себе его приезд и руководство

²⁴⁵ Татьяна Сидоренко, актриса Театра на Таганке.

²⁴⁶ Первая книга стихотворений В.Высоцкого, вышедшая уже после его смерти (М.: Современник, 1981).

театром?.. А ты уверен, что он может еще что-то сделать как режиссер?» Она не подписала письмо и теперь мечется, как и Бортник, ища поддержку в ком-нибудь хоть как-то объяснить свое неподписание. Господи! Ну, не подписала и не подписала... Мне тоже вся эта канцелярия довольно противна, взрослый старый человек дела свои должен соображать в одиночку, что он, собственно, и делает, но только при этом еще и политическим героем выглядеть хочет и пр.

Да, Сидоренко сказала, что гражданство Ю.П. уже вернули. Эта бабешка шибко настроена против Ю.П., она не хочет его возвращения, ей с Эфросом хорошо и удобно... Вообще, к сожалению, надо сказать, что при Эфросе живется спокойно и благостно, тебя не обижают, над тобой не смеются, не унижают тебя, не хамят тебе, чего в избытке мы слышали от Любимова. Что только все это стоит?

15 ноября. Суббота

Звонил Э. Рязанов — предложил принять участие в передаче о Высоцком, вспомнил, что мое «личное» в спектакле Любимова было «лучшим», не «лучшим» в самом себе, а потому что «личное», все остальное могло быть поставлено Ефремовым, Волчек и пр.

Не знаю, как сегодня играть «Дом», не слышу нынешнюю интонацию, нынешнюю ситуацию, кажется, устарела информация, что исходит из наших уст, так, по крайней мере, кажется на репетиции. Или нужен мастер, чтоб заразить и внести коррекцию. Опубликованы короткие, трагические воспоминания Долматовского о Фадееве — трагедия художника ложной идеи, ложного времени и пр., но честно верящего...

Сегодня наконец-то состоялась моя дописка нескольких еще стихов в альбом В.Высоцкого на «Мелодии», и будто они довольны. Ну и слава Богу...

Звонила вчера Маргарита Ал. Эскина с известием от коллегии, что будто звание дают... и пр.

16 ноября. Воскресенье

...Нина Д. удивлялась, изумлялась: отчего спектакли Эфроса за границей имеют ошарашивающий успех, подчас не соответствующий реакции русского зрителя? Я говорил, что иностранцы — космополиты и Эфрос — космополит, они тут близки: им наплевать, на чьей могиле, под чей оркестр Лопухин пляшет...

Любимову известно, что ему разрешён въезд в СССР... называет себя блудным сыном на распутье... про сына, что с 5 лет учится в Англии, или в английской школе, и пр. Много про Пушкина и про «наш театр». Билетеры в «Пире чумы»²⁴⁷ в намордниках, повязках, респираторах — в мире бушует СПИД, а над миром висит облако Чернобыля. Но это комментарий не Ю.П. Спектакль, говорят, имеет потрясающий успех. Чей перевод? Не Набокова ли?

Антипов — прочитал «Пушкинский дом» Битова, потрясающая книга, говорит.

18 ноября. Вторник

Бог с нами! Вот так бы жить всю жизнь, как вчерашний день!

Такого приема я не слышал за всю свою жизнь. Публика скандировала, и мы выходили без счета много раз! Это была манифестация, это был гимн Любимову — Трифонову и старой «Таганке»! Меня целовала Маргарита в коридоре, вдова, а я без штанов, но в тельняшке босиком отплясывал камаринского. Маленький, быть может, но подвиг есть.

20 ноября. Четверг. Вроцлав. Польша

Отель не знаю какой, а номер 113. Благодарю тебя, Господи, остался жив и невредим после поездного разгула. И даже лицо не испортил. Дупак с Эфросом из Парижа нас встретили в Варшаве. Эфрос не преминул рассказать, что встретил известного театрального критика, который поведал ему, что Любимов злой и «я с ним поругался и не разговаривал».

Эфрос торговал «Мизантропа» во Францию и Италию, но не продал, не нужен им наш «Мизантроп», у них своих мизантропов навалом.

²⁴⁷ Спектакль Театра на Таганке «Пир во время чумы».

Сегодня пойдём в экспериментальный театр, поглядим чего-нибудь. Есть ещё одно занятие — писать письма, например Фомину, а отправлять, конечно, в Москве.

21 ноября. Пятница. 9 утра

Мне сладостно вспоминается Куйбышев, набережная Волги, суда, баржи, лодки, яхты. Ожидание Мольера, номер гостиницы и пр. и пр. А главное — завершение, успех «Мизантропа» и первые рецензии.

А все это, в общем, в этой тетрадке уместилось. Целая жизнь, а другой-то нет: премьера «Мизантропа», съёмки в «Зелентра-ве», Денискин роман с Ирой Климовой, озвучание — досъёмки, писание «Постскриптума»... и, наконец, «Дом на набережной».

Бортнику не дают звания за парижскую связь с дочерью какого-то американского короля, которая к тому же ценные подарки ему делала. Был бы жив Володя Семенович. Да как бы он заступился? Но скандал бы поднял.

Яковлева действительно мне нравится, и я объяснился ей в любви совершенно искренне, да пьяный человек всегда правду говорит.

Нет, с пользой начинаю жить, с пользой. Написал письмо В.С.Фомину с отчетом о жизни последнего полугодия.

Эфрос: «Плохо себя чувствую, сердце болит... Да я еще из Парижа... такая разница, просто убивает... Там все веселые, радостные... приветливые. Тут все злые, очереди за мясом... Черт знает, всю жизнь работаешь, работаешь, чего ради... Кому это нужно, что мы здесь?!»

Он ругал Дупака за Куйбышев. Так вот в Куйбышеве мы действительно были нужны, а здесь...

Заканчивается спектакль, много русских в зале. Ужасное количество грязи в спектакле, почему Эфрос не репетирует, хотя бы по мизансценам, по свету, черт-те что творится...

9 декабря. Вторник

Вчера был на вечере-открытии недели фильмов с участием

В.Высоцкого. Родители сидели в зале. Читал «Этюд». Отвечал на записки. Вопрос: «Кого из современных поэтов вы можете поставить рядом с Высоцким?»

— На это ответит время. Одно могу сказать определенно, что те изменения, события, которые происходят сейчас в нашем обществе, в нашей стране, во многом подготовило творчество Высоцкого, он, как никто из поэтов, повлиял на сознание народа и пр., пр.

Потом в театре смотрели документальный фильм «Соло трубы», посвященный Леве Федотову, гениальному мальчику — прототипу Антона Овчинникова из «Дома на набережной».

Любимов, рассказал Стернин²⁴⁸, говорит, что назад не собирается, что хорошие концы бывают только в сказках и пусть его оставят в покое. «Я не уезжал, меня выдворили и пр.». Состряпал себе легенду, ею живет. Упорные ходят слухи, что с Катькой он развелся и будто нашла она себе молодого уже. А возвращаться без жены и сына (ведь это же ежу понятно, что она бросила его, дососав и высосав, а не он их) — это же еще дополнительный позор какой и доказательство краха, опричь того, что надо же чего-то и говорить, и объяснять, а сколько будут лезть в душу, сочувствовать и сопливиться?! И это вытерпеть гораздо сложнее, чем политические разговоры и пр.

12 декабря. Пятница

Событие необычайной важности, совершенно феноменальное и для меня неожиданное, непредугаданное: Демидова получила через оказию письмо от Любимова. Тезисы: «Дорогая Алла... Знаю о ваших походах... Возвращаться на родное пепелище больно... Вспоминается А.Т.Твардовский у своей деревенской избы, от которой осталась одна труба печная... Знал ли он, что и журнал отнимут... Как вы представляете мое возвращение... Кому писать и в каких выражениях? А если возвращаться, то только на старую сцену, там, как говорится, и

248 Александр Стернин, фотограф.

стены помогают... Очень скучаю... Можем ли мы восстановить наши лучшие работы... Кто хочет со мной работать... Помните: я получил официальное разрешение на лечение... Перед смертью Ю.В.Андропов разрешил мне вернуться и начать работать, а Черненко лишил меня гражданства... Обними всех, кто помнит».

Еще он упоминает о том, что у него контракты подписаны и он их должен обязательно выполнить. 8.XI.86 — Лондон.

Все это настолько ошеломительно, что не знаешь, что и думать. Это человеческий документ потрясающей силы. Господи! Пошли ему здоровья и счастливого возвращения.

1. Идея — Алла должна лично встретиться с Раисой М.²⁴⁹ и показать ей это письмо.

2. Сегодня я говорил с Эфросом, и он дал добро на восстановление «Мастера», хотя просил меня довести до сведения артистов, что он относится отрицательно к спектаклю как к дешёвке и спекуляции на материале. Так же не принял он и спектакль о Высоцком. «А «Дом на набережной» — это выдающееся произведение, таким он и остался, хотя у меня есть свои соображения, но это неважно» и пр.

Во всяком случае, машина завертелась, я сказал об этом Дупаку, и он велел подготовить приказ о восстановлении «Мастера» и пр.

Обратная сторона медали. Не играет ли Любимов двойную игру? Когда-то Демичев ему сказал: «Вы — провокатор» и пр. Не хочет ли он и там быть борцом, и тут слыть мучеником и несправедливо оскорбленным... Подобными документами он, ясное дело, страсти здесь опять разожжет, а не верить ему — глупо до последней степени... Какой нормальный человек, да еще в его возрасте, не станет тосковать по родине, по любимому делу, по нашим, опостылевшим ему некогда рожам...

Театр опять вступил в полосу политической активности. Говорят, наше письмо с подписями напечатано в какой-то итальянской газете. Ваня Бортник в связи с этим нервничает... Я его успокоил — там 140 подписей, разберет ли Любимов, где чья.

И вот теперь, когда кончился день, когда Тамара легла в кровать и читает роман очередной, я спрашиваю себя: когда же я напишу книгу, чтоб вот так, не отрываясь, с ней человек прожил хотя бы день.

13 декабря. Суббота

А я думаю, что Эфрос внутренне освоился с мыслью о возвращении Любимова. Более того, он болтовню Любимова против него за границу, оскорбления и пр. — так не оставит. Сейчас он не может, да и не смеет ему отвечать, потому что тот как бы лежащий, обиженный советской властью и пр. и общественная защита целиком, или почти, на стороне Любимова. Но когда он вернется, закрепится, реабилитируется и стабилизируется, я очень себе представляю, какие «размышления по поводу» может напечатать Эфрос при свободе обмена мнениями. И очень может крупный скандал возникнуть. К тому же большинство чиновников от культуры на разных постах вовсе не желают его возвращения, ведь он своим поступком и поведением подтвердил правильность их прогнозов «истинной подоплеки этого скандалиста». И если он вернется, травля и насмешки ему обеспечены, если на это вообще не будет наложено табу. Но даже если не в советской печати — в кулуарах и пр. Эфрос развяжет себе язык, а ему, пережившему всю эту эпопею позора, начиная с его представления труппе и кончая юбилеем «Современника», сказать ох как есть что и пр. Так что театральный роман продолжается и должен вообще, по идее, Эфроса веселить, потому что дела на Бронной очень скверные... Так что у Эфроса и здесь злорадство, конечно, есть: хотели — получили. К тому же — он умница, что подписал наше письмо, он не раз заявлял: приедет Юрий Петрович — я уйду тут же, понимая, что это будет сделать не так просто. В общем, проблем интересных много. Что-то будет, если действительно Любимов не окажется провокатором, вольно или невольно. Он, может быть, и не нарочно, но провоцирует нас на поступки, действия и колеблет время от времени отечественное мнение. А силы,

противоборствующие линии Горбачева, огромные, и они ждут только, когда он со своей «революцией» в тупик пойдет.

Хватит про политику, пойдем машину заводить, греть и кататься. Сегодня надо заехать к Шифферсу.

А артистам что? К артистам Эфрос относится в глубине души однозначно презрительно, впрочем, это вообще тенденция современной режиссуры. Я ему говорю про Лопахина, что нужен второй состав, а он: «Он играет очень хорошо... Его хвалили в Югославии, я слышал восторженные отзывы о нем в Польше... И кого вводить? Бортника? Он будет кричать и повторяться и еще капризничать? И что же? Бросить все и вводить, когда этот знает все закоулки роли!»

Какие закоулки? Я ведь начал с того, что второй состав нужен для страховки, что Борис²⁵⁰ может сорвать голос на втором спектакле, а их — пять подряд. «Они поссорились с Аллой... Ведь она была в восторге от него, чуть ли не влюблена, а потом по определенным причинам, я не знаю, знаешь ты или нет, «Земфира охладела», и он ее стал раздражать. Так что теперь делать?»

14 декабря. Воскресенье

И Шифферса я посетил вчера, и книги ему отдал наконец. Входишь к ним, переступаешь порог — и сразу попадаешь в другое поле, поле доброжелательности, спокойствия духа, ну просто хорошо тебе, и всё. А отчего?! От поля хозяина. «Я бы не называл Любимова учителем... Как ни странно это покажется тебе, но, Лариска не даст соврать, я это и раньше говорил: учителями «Таганки» были Высоцкий, Золотухин и Бортник, независимо, были они заняты в спектакле или нет... Каждый нес свою значительную миссию из вас...»

Он абсолютно разделяет мою позицию в том, что я не ушел из театра и что в данном случае Эфрос ни при чем. «Он — лапша, но это лучшее, что могло быть в тот момент из режиссуры. Ну а кто еще?! Нет, все правильно».

Одинцово — Дом офицеров.

Сегодня съемка — интервью с Рязановым к передаче о В. Высоцком, говорят, что было интересно, посмотрим.

Возник вопрос (восстановить сп. «В. Высоцкий»), уж больно политическая деятельность Таньке Жуковой покоя не дает, и позвонили уж они с Дупаком и Губенко, и Филатову, а мне противно. Это уж окончательное... тем более что спектакль-панихида теперь в ситуации полной легализации имени и творчества вовсе ни в какие худож. ворота не лезет. А нового создать не смогли. Так и не надо. Прав Эфрос: это уж как-то некрасиво по отношению к имени В.С.В. — выдавливать друг из друга то, чего никто не хочет или не может! Он предложил сыграть «Дом» в честь дня

В.С.В. Выпустить афишу, перед спектаклем прослушать песню целиком, что звучит в спектакле, — и достойно, и благородно. Так, так... Возню начали некрасивую на выживание Эфроса.

К сожалению, Петрович заражен был подобными играми и оставил наследников. Но что можно было простить мастеру «во имя», то нельзя позволять подмастерьям. Дупак поторопился звонить, слава Богу, что он Эфросу не сообщил об этом, нарвется он... Нельзя дразнить сейчас Эфроса. О письме говорит вся Москва, и будто бы действительно Горбачев говорил Ульянову, что надо что-то придумать и заглядить вину перед Любимовым и постараться вернуть его. Вот как разворачиваются события.

19 декабря. Пятница

Опять стою у Семашко и жду мою Тамару. Хоть бы у нее улучшение наметилось; понесла она врачу билеты на «Мизантропа». Температура на дворе опять нулевая, опять грязь и сырость на дорогах. Что у меня осталось в этом году: два «Мизантропа», два

²⁵⁰ Борис Дьяченко, в то время актер Театра на Таганке.

«Вишневых», сегодня «10 дней» и 29-го — «Добрый». Работы еще хватает. И девять концертов. Итого — 16 выступлений.

У меня миленок в койке — недоразумение!

Я хотела перестройки, а он — ускорения.

Забиться сном — одна радость и забота. Сахарова вернули в Москву, и он приступает к академической работе. Боннер реабилитировали. Во события!

Театр — гнойная яма, каждый из неиграющих считает своим долгом оговорить Эфроса и почесать язык о планах и возможностях, о формах возвращения Любимова.

Дупака вызывали в ЦК, где он показывал текст письма Любимова. Делить театр будут?! Любимов будет ставить на старой сцене, а Эфрос — на новой?! Ой как мне это все противно, и почему мне не 20 или хотя бы не 30 лет? Нет энергии и желания продолжать жизнь. С удовольствием занимаюсь заработками, домашними заботами, шляюсь по магазинам и пр.

23 декабря. Вторник

Жукова Таня вчера разговаривала по телефону с Любимовым. И сегодня собрание — выборы худсовета театра, итоги гастролей в Польшу, разное. Вот это «разное» — самое опасное. В нем может содержаться и такое выступление: «Анатолий Васильевич! А не пора ли вам самому покинуть наше заведение, пока мы вас не попросили об этом!!!» Запросто!

24 декабря. Среда, мой день. Кинешма

Фарада: Да выпускать такие спектакли («На дне», «Мизантроп») с подготовленной прессой... А чего сдавать по семь раз, «Мизантропа», что ли?

Эфрос: Семен... какой негодяй, оказывается, я ведь не разобрал, не расслышал, что он сказал, — я бы раскричался.

Что-то говорила Габец²⁵¹.

— А что она говорила, Вань?

— Да не то важно, **что** она говорила, а то важно, что она **говорила** !!

Последняя степень возмущения Ванькиного.

Д у п а к: Да, Юрий Петрович приезжает, да, он написал Алле письмо, что хочет вернуться, и именно в старый театр, да, вчера Жукова говорила с ним по телефону и пр.

Зачем? Что за бестактность, и откуда такая уверенность, и для чего это на собрании, где решаются совсем другие вопросы, вносить тему, которая весь гадюшник взрадовала, и они стали смело плевать опять в лицо Эфросу... Как жалко, что мы их затащили в свое время, когда Любимов хотел уволить их, именно тех, кто не играл, играть не будет, а живет только склоками и шипением, поливая все дерьмом: и Любимова, и Эфроса, и пр. Одни и те же люди. Я предлагал Дупаку вывесить старые любимовские списки, предложенные им худсовету для голосования на увольнение... И сам же потом всех оставил почти и нас корил потом: «Вы же своих товарищей первые повычеркивали...»

Они боятся эксперимента, потому что первое (оно, может быть, и завуалированное) условие — это сокращение штатов, таким образом — расширение фондов заработной платы для тех, кто работает, вот и вся причина... А все остальное — лишь бы побазарить и излить грязь на Эфроса, который к ним не имел и не имеет никакого отношения.

Фарада:

— Чем он на меня обижен? За что? За «Мизантропа», что ли? Почему он со мной здоровается через губу, когда мы всегда весело общались и разговаривали?

Что это? Эфрос говорит — он болен, но, по-видимому, это Машкина версия, чтоб к нему не шибко относились всерьез, она и за себя боится, а с Сеней не в порядке, это ясно.

26 декабря. Пятница

Теперь вот и вашингтонское радио, говорят, сообщило, что Любимов возвращается. Дела, дела...

251 Елена Габец, актриса Театра на Таганке

Господи! Спаси и помилуй нас, грешных, дай закончить мне этот год достойно, а это значит всего лишь — дай сил и вдохновения на сегодняшний спектакль.

Сегодня не состоялись выборы в худсовет, не было таких, как Демидова, Золотухин, а они должны быть в худсовете.

Ольге Михайловне цветы преподнес и записочку...

— От тебя? Да ты что? Я ведь не смогу играть!!

Помоги нам, Господи, сыграть сегодня, плачу и рыдаю. И ужасно боюсь приезда Любимова — посмотрит и скажет: «В кого же вы превратились?» А в кого мы превратились? Черт его знает. Не надо было уезжать. Вот и не превратились бы...

27 декабря. Суббота

Так работаешь, работаешь, а уважаемый человек Шифферс с английской дамой говорит, что «Мизантроп» — это туфта, мыльный пузырь, действие ни про что и, «если бы не мое нежное отношение к тебе, я бы ушел после 10-минутного наблюдения». Очень ругали Яковлеву — он просто слепой и глухой. При чем тут мальчик в ковбойке, кувыркаящийся в антракте и пр. В общем, разбили, разгромили и пр.

Любимов в заявлении и письме к Горбачеву одобрил политику генсека в отношении эмиграции, А.Д.Сахарова и пр. Сказал, что ему звонила актриса из его театра с предложением пойти в посольство и написать бумагу с просьбой. Он знает о письме учеников-артистов и что к нему отнеслись положительно... Он хотел бы, чтобы те артисты, что ушли из театра, нашли возможность соединиться и начать восстанавливать спектакль «В.Высоцкий» и пр.

Шифферс сказал: «Не волнуйся, Валерий, когда Любимова пригласят и предложат занять свой трон, Эфроса уже уберут» и пр.

А мне все это довольно омерзительно.

Год «Мизантропа»! Он заканчивается, а его, может быть, не было и радость моя и гордость были напрасны?! Неужели все ввали и только Шифферс прав?!

1987

5 января. Понедельник

С НОВЫМ ГОДОМ!

С чего начнем: с покаяния, с просьб, молитв?! Да, наверное, с этого, иначе положение безвыходное — сегодня «Мизантроп». И, Господи, дай силы и хорошего настроения. Мои любимые в Рузе.

А в общем — хреновина, думал, без них отдохну, нет, только тоска грызет, и больше ни хрена. Но падать духом и в этом году не надо.

Яковлева подарила мне джентльменский набор для писания любовных записок, и я уж ей и написал.

Господи! Как хочется немного счастья! Помоги мне сыграть хорошо, с чувством неподдельным, живым и искренним.

6 января. Вторник

А «Мизантроп» был вчера неплохой, совсем неплохой.

Попал в полосу дикой занятости. Много спектаклей, много концертов. А в общем, прошла бы Франция. Туда обязательно приедет Любимов. Сам не придет, позовет Аллу, Жукову и еще кого-нибудь. Может быть, меня. Вчера в Париже отслужили панихиду по Тарковскому. На похоронах был посол и венок от Союза кинематографистов.

8 января. Четверг

...Эфрос, Дупак, Глаголин ходили вчера по вызову в ЦК, и им была сказана всего одна, всеобъемлющая, обнимающая все необъятные слухи фраза: «Возвращение Ю.П. в его собственных руках». На сегодняшний день от него не получено никакого официального заявления! Имеется в виду бумажное. Все телефонные звонки в посольство, интервью в расчет не берутся. Нужна бумага с его просьбой... Просьбой о чем? Вернуть ему

гражданство? А кто и на каком основании у него его отбирал? И т. д. и т. п., и пошла писать губерния дальше.

Опять новость. Вчера Жукова снова дозвонилась до Любимова, и он сказал, что заявление напишет на имя Громыко. Но опять я боюсь, что он такого там напишет!!

16 января. Пятница

Дорогой Анатолий Васильевич!

Простите нас. Чувство вопиющей несправедливости, вины личной и вины коллективной не покидает меня, и, кроме слов покаяния, мне трудно найти сейчас другие слова.

Думаю, мои чувства разделяют мои коллеги и все те, кто вольно или невольно, так или иначе задел Ваше больное сердце.

К моменту Вашего прихода на пост главного режиссера Театра на Таганке мы попали в ситуацию сложную, во многом ложную и по неведению допускали поступки с точки зрения театральной этики и вообще житейской логики недостойные и подчас преступные. Но все, кто успел за эти трудные годы поработать с Вами, полюбили Ваш выдающийся режиссерский дар и благороднейшее сердце.

Мы будем играть Ваши спектакли, помнить и любить Вас таким, каким знали Вас самые близкие Ваши ученики.

Вечная память²⁵².

17 января. Суббота

В результате сложились следующие слова:

«Хочется обратиться к Всевышнему: за что, за какие грехи «Таганке» такие потери?!

Дорогой Анатолий Васильевич!

Простите нас! Чувство чудовищной несправедливости, личностной виновности и виновности коллективной не покидает меня, и, кроме слов покаяния, мне трудно найти сейчас другие слова. Думаю, подобные чувства испытывают и мои коллеги, все работники театра, в том числе и те, кто вольно или невольно, словом или поступком небрежно коснулся Вашего больного сердца и профессиональной чести. Эфрос пришел на Таганку в горький для театра час... час, полный лжи, фальши и до сих пор не проясненный. Эфрос в буквальном смысле спас театр, и в первую очередь от гибели нравственной, потому что за гибелью нравственной тотчас последовала бы гибель творческая. Он спас театр своей работой. Работал он много. Он часто говорил нам: «Ребята! Я пришел к вам работать!!!» И результаты этой работы незамедлительно сказались: через год с небольшим в Югославии мы взяли все призы. О театральных заслугах Эфроса знают другие больше.

Мы, которые успели с ним поработать, за эти трудные годы узнали его как выдающегося режиссера, но, кроме того, мы поняли и оценили его благородство человеческое, с каким он относился к тому, что было сделано театром до него, — к старому репертуару, с какой деликатностью удивительной относился он к нам, старым кадрам театра.

Мы будем играть Ваши спектакли, мы будем помнить и любить Вас таким, каким знали Вас Ваши самые близкие друзья и ученики. Прощайте, мастер!

Вечная память!!!»

За мои слова меня хвалили Бортник, Дупак, Шадрин²⁵³ и пр.

Но то, что я услышал на поминках в 20-минутной речи от Крымовой, перевернуло мою душу и отношение к ней: я попался вместе со всеми с «Таганки» как обманутый мальчишка. Какая, оказывается, игра затевалась и проводилась вокруг «Таганки»!! Мне сделалось страшно. Когда-нибудь я об этом напишу, хотя надо это сделать скорее. Но, может быть, мне следует сделать это с Олей Ширяевой — на магнитофон.

²⁵² Набросок выступления к гражданской панихиде А.В.Эфроса.

²⁵³ В.И.Шадрин, секретарь СТД России.

Из радостных событий — открытка от Распутина, и особенно его слова:

«Желаю, чтобы в обреченности твоей искусству и спешке находились все-таки светлые и неторопливые часы на то, чтобы отдохнуть или, в худшем случае, — сесть за прозу. Я люблю твою прозу и хотел бы видеть ее чаще.

Кланяюсь. *В.Распутин*».

20 января. Вторник

...К счастью Дупака, в райкоме призвали к единоначалию, потому что эксперимент с демократией, с законодательными худ. советами довел некоторые театры до такой анархии, что эти воинствующие бездари поснимали режиссеров, директоров, парторгов; во МХАТе, говорят, артисты снимают Ефремова и пр. Так что председателем избран Дупак, заместители: Глагол и н и Золотухин. Против Золотухина воздержался Прозоровский²⁵⁴, а я его, суку, в профсоюзные лидеры рекомендовал. Мне он со своим воздержанием был смешон.

Но более всего меня возмутило, потом насмешило и привело к полусумасшедшему состоянию сообщение Жуковой, полученное ею свыше, что Крымова будет у нас художественным руководителем?! И что во Францию она едет не только вдовой, но и руководителем поездки. Я сказал в компании, что уйду из театра после того, что она наговорила и наплела и какую сеть вокруг «Таганки» и покойного мужа выплела.

Фамилию Любимова категорически запретили вписывать в афишу. Опять такое нагородил... ЛИДЕР оппозиции, то есть эмиграции... воин... мол, я еще приеду, посмотрю, что там осталось от этого вонючего театра...

Давал интервью «Московским новостям». Они задумали эту игру, чтобы вставить имя Любимова, — утром еще было можно, а уж вечером нельзя. Но я им наговорил. А в дверях стоял человек из Киева, музыкант... хотел мне сказать несколько слов... и сказал их на магнитофон.

Два разных мнения о моих словах на панихиде — одна плюет мне в лицо за лицемерие и обливает «Таганку», другая восхищается моей жизненной позицией. Зачем я это пишу? Да просто так, чтоб что-то писать. Обстановка в театре гнусная.

21 января. Среда, мой день

Бедный, бедный Анатолий Васильевич! Как ему холодно, должно быть, там и одиноко. Как он хотел общения, а я часто избегал. Мне все казалось, что он не верит в меня и дает роли от безвыходности, так вот понарошку и Альцеста дал...

22 января. Четверг

Сегодня 9 дней А.В.Эфросу.

Театр двух пустых кабинетов. Почему он не сел в кабинет Любимова? Почему вообще так деликатно, опасаясь, как бы кого не обидеть, вел себя? Надо было больше и чаще говорить с ним. А вот Бортника — избегать. Который раз я эти слова говорю себе, а избежать его не могу. Вот и сегодня заеду за ним, и поедем смотреть «Кориолана».

Любимов, как сказала радио, отказался комментировать смерть своего старого друга и преемника...

А то, что фестиваль будет проходить под знаком памяти выдающегося советского режиссера А.Эфроса, должно его шибко обрадовать... Лидер эмиграции. Господи! Прости ему, грешному!

Только бы Париж прожить и выжить.

23 января. Пятница

Аня-гримерша меня Богом пугает. Часто меня в последнее время стали им пугать, сами они его суда не боятся, сами они во всем правы...

По Москве упорный слух, что «Таганка» сократила Эфросу жизни лет на 10, и мошकारа может заесть, и пр.

²⁵⁴ Никита Прозоровский, актер Театра на Таганке.

Вообще хорошо бы к Франции заготовки какие-нибудь набросать, чтоб там на Елисейских Полях обдумать можно было.

Он лежит рядом с Арбузовым. Что явилось причиной его смерти — «немилость короля и черная Кабала»?

24 января. Суббота

Ни на что времени не хватает. А надо записать, что вчера в ВТО я провел вечер с В. Высоцким, — убежал от Полоки, от Бортника. Открывал вечер М. Ульянов — ну, глыба, ну, ум, ну, мужик российский... И как на его фоне мелко и неумно выглядела наша шушера: Венька, дурак Хмель — низкий, ни к слову ни к делу, а так, заодно, вспомнил Любимова, Леня манерный какой-то стал, суетливый... Белла Ахатовна так запоэтизировала свою интонацию, что не поймешь уж, о чем речь, — пародией на саму себя стала. И как же я выглядел? На самом деле, родственники сказали: самое сильное впечатление вы и Ульянов. Что мне остается делать, как принять эти слова на веру. Уж я не говорю о Тамаре, которая сказала: «Ты у меня самый лучший...»

4 февраля. Среда, мой день

Господи! Сделай так, чтоб этот день стал днем нашего театра, может быть, наше будущее от сегодняшнего дня зависит.

Прием в посольстве — Яков Петрович — мы с ним по корешам просто, он в Барнауле начальником цеха работал, был и в Бийске, а сам с Урала. Напившись мартини с тоником, поехали на балет с участием Максимовой и Васильева. Когда отгрохали аплодисменты и в последний раз наступили темнота и тишина, я крикнул во всю глотку: «Катя, браво!»

На что я в Париже трачу время? Люди пошли на Монмартр пешком. А мне там надо крайне побывать и нарисоваться. Таким образом, у меня будет два портрета с Монмартра с разницей в 10 лет. Тогда это стоило 30–40 франков. Сколько это стоит в нынешних франках?!

Вытащил меня Иван в город Париж, пошли мы искать синема «Одеон», где Алла смотрела фильм Тарковского — такой гениальный, такой откровенный — «Жертвоприношение», кинотеатр мы нашли, но фильма не обнаружили нигде.

Теперь, после этой пресс-конференции, надо успокоиться, весь дрожу от своего добавления к словам Аллы, ставшим уже оскоминой: «Группа, конечно, хочет, чтобы он вернулся, дело возвращения в его собственных руках... должен решить он сам».

Хочу добавить к словам Аллы... Хочет или не хочет группа возвращения Любимова — вопрос неоднозначный, потому что по отношению к группе Любимов ведет себя нечестно и непорядочно. Я подчеркиваю, по отношению к группе. Всё.

Алла:

— Но ты хочешь, чтоб он вернулся?

— Я еще раз говорю — неоднозначно я отношусь. Он распустил о себе столько сплетен, а информация разноречивая, что трудно одной формулой определить истинное отношение группы к нему. Я высказываю только свое мнение.

В общем, я и тут кашу заварил. После конференции меня поблагодарили иностранная корреспондентка за это добавление и Наташа Крымова.

Может быть, язык мой — враг мой, но я сказал, что думал, и пусть Любимов об этом знает. Наживу я себе еще пару тысяч «доброжелателей». Интересно, как эти слова мои прокомментирует Иван с Глаголиным. Молчуны.

5 февраля. Четверг

А премьера прошла, кажется, удачно, может быть, и более щедрый эпитет можно было бы поставить, да ведь неизвестно, что скажет «брат мусье» в своих «Фигаро». Кричали «браво», и много раз мы выходили на поклонны. А после спектакля нас приветствовал посол — Яков Петрович — и тоже разделил наши приятные минуты от только что затихшего зала. Я понимаю, что кричали наши, как и мы кричали нашим на балете. Наши есть везде. После спектакля прием коллектива в «Одеоне». Я съел несколько микробутербродов, запил оранжем и ушел спать, хотя не спал и в два часа ночи крикнул соседям: «Лешка! Ложитесь

спать! Надоели». И надо же, они выключили приемник и затихли, но я все равно не мог заснуть и опять начал монолог и диалог с Любимовым. Это опасно, я становлюсь политиканом. Но какой это соблазн, какая это отравка — давать интервью репортерам, толпе репортеров с микрофонами и фото- и кинокамерами и говорить все, что тебе вздумается, и знать, что будешь услышан, оскандален, а значит, известен. Огромный соблазн поговорить свободно, зарваться и удивляться «смелости» своей мысли и языка, а если ты еще поносишь начальство, а Любимов — мое как бы начальство, — это доставляет удовольствие мелким душонкам. Хватит.

Меня хвалили после первого акта, особенно монолог в зал, он так звучит в свете нынешней политики Горбачева, просто в десятку, как будто нарочно Эфрос сегодня так перестроился, хотя это было сделано десять лет назад. Ну, разберется, надеюсь, «мусье». Сейчас опять прием в посольстве, и я хочу поехать.

И съездил зря, а впрочем... нет... нам читали лекции по правилам поведения во Франции, где террористы, морозы и студенты вогнали Францию-Париж в осадное положение.

— Успел вчера записать свои впечатления? — спросил меня Г.И., представитель министерства. — Мне Иван сказал, что ты записываешь каждый день свои наблюдения...

— Ваня! Ты знаешь, что за границей нельзя вести никакие записи? Что же ты накапал на меня и зачем тебе это нужно, сведения про меня поставлять?

6 февраля. Пятница

Шестой день в Париже... Боже мой!! В течение 10 лет после первого Парижа, вспоминая, я спрашивал себя: да было ли это? Или то был сон, как говорят в Одессе.

И вот я шестой день в Париже... И видел его два раза из окна автобуса... И веду свои жалкие записи о Любимове, Бортнике и своей персоне. Вот что значит — глядеть и не видеть и беспро-граммно жить. Записать, кажется, ведь и дома можно будет потом, а сейчас надо торопиться наглядеться, послушаться, набраться впечатлений...

Задела цитата Ахматовой: «Хорошо, что есть маршалы, не предающие своего хозяина».

Сразу кольнуло: не есть ли я тот маршал, что предал своего хозяина на пресс-конференции? И долго мысль эта не оставляла меня, долго я искал и ищу себе оправдания, но ведь сказал, что думал?! А стоило ли это делать?! Но он безнравственный человек, пусть старый... но так не поступают... — Не суди, да не будешь судим... — Замечательная заповедь. Но ведь он же судит меня, а я что, камень...

Мне бы в Париже о Тарковском написать, узнать, как похороны прошли. Неужели, как говорит Ростоцкий²⁵⁵, за гробом никто не шел и закапывали его двое сотрудников из Совэкспортфильма? Как выясняется — бред сивой кобылы. Вчера рассказывали, что были тысячи, не тысяча, а тысячи народа, играл Ростропович, а на кладбище люди поехали специальными автобусами и пр. Все это надо проверить и узнать.

В «Фигаро» заметка весьма нелестная. Откровенной ругани нет, но: «сломанное очарование А.П.». Они бы хотели видеть Чехова традиционного, с очарованием неразличимой почти музыки... а тут — сломанное нарочно, чтоб не как по классике и т. д. Грустно как-то мне за бесцельно прожитые годы. Вот приехал Юрский, и я знаю, что он для Мартини²⁵⁶ будет интереснее меня и пр.: больше знает, больше умеет, лучше воспитан и целоваться не полезет.

— А вы из деревни?

— А что, это видно?

Начать главу «Родословная» с того, как поставили, оформили в паспорте развод. Огромная печать — «разведен с гр. Шацкой». И какой был ветер в глаза, хотелось плакать, и

²⁵⁵ Станислав Ростоцкий, кинорежиссер.

²⁵⁶ Переводчица.

чуть было не оставил паспорт в мусорном баке — ну и оставил бы... А дальше что? Ведь разведен, и это после штемпеля в паспорте стало ощутимой явью, что-то проползло по душе и коже, и ушли в мрак забвения счастливые дни Пальчикова переулка, улицы Хлобыстова, рождение Дениса... его ползание по ступенькам, ведущим в комнату матери и ребенка в аэропорту Домодедово, когда я их отправлял самолетом в Новокузнецк, в первый в жизни Дениса раз.

Господи! Давно ли это было?! И опять вспоминается Париж того приезда, это уже почти разрыв с Нинкой, и только механическое соединение в паспорте сближало нас в один номер, под одну крышу.

7 февраля. Суббота

День освящен посещением русского кладбища — Бунин, Тарковский, Коровин, А.Дмитриевич. Зашли в церковь, поставили три свечки за упокой раба Божьего Андрея Тарковского. Действительно, нашел свой последний приют Андрей Арсеньевич в освободившейся могиле хорунжего, занял его обиталище, выселил из него забытого всеми хорунжего — такие порядки: 50 лет проходит, и место продается другому; старые плиты, старый православный, мхом поросший крест — и маленькая стальная табличка, проволокой привязанная, с выбитой фамилией нового владельца-жильца. Царствие Небесное.

Как я себя возненавидел за то, что так перепугался от сообщения Мартинетты в кафе-таверне, что завтра у нас будет Любимов на спектакле, об этом все говорили в фойе, и настроение у меня рухнуло, я стал представлять себе будущую встречу с ним. Если плюнет мне в лицо, думал я, я ему плюну тоже и дам в морду... И с этим рещением лег спать в третьем часу ночи, убежав от Бортника с французами и Мартинеттой.

8 февраля. Воскресенье

— Вы ответите на вопросы?

— На любой.

И вот уж которые сутки отвечаю мысленному корреспонденту. Любимова они воспринимают как политическую фигуру, и их интересует в основном твое отношение к его борьбе.

Для меня все это его политиканство выглядит химерой, и только тут, на Западе, видя, как взрослые люди всерьез относятся к его заявлениям, я начинаю задумываться, а может быть, он прав в своих требованиях свободы творчества, слова и пр. Не всегда нас устраивает форма подачи, так, быть может, это издержки нашего воспитания в тоталитарном режиме? То, что на Западе считается свободным поведением, раскованностью мысли и поступков, у нас выходит за рамки приличного поведения... и пр.

Не вдаваясь в политику, ибо далеко зайдем, а это очень на руку скороспелым эмигрантам, которые вовсе выехали не из-за того, что им было так плохо, а просто из интереса, что называется, — определить взаимоотношения Любимова с трупой — как семейные. Жили-жили, детей-спектакли рожали, и вдруг муж семью бросает и объявляет, что он это делает по политическим соображениям... И жена-трупа головой понимает и разделяет, а сердцу не прикажешь, и ей, жене, все кажется, что он ее предал из-за того, что ему где-то лучше. Все остальное уже накручивается. И в сердцах мы готовы навешать на него за этот проступок разных собак, так же, как оголтело и самозабвенно, подвернись возможность, станем его защищать, что мы, собственно, и делаем... И готовы простить ему все заблуждения и скитания, лишь бы хозяин вернулся в дом. Более того, слыша весьма нелестные отзывы о его постановках на Западе, его скандальном и неприличном поведении уже с западной публикой — нам больно и стыдно... Он нужен России, он нужен нам, и мы готовы, мы хотим, чтоб он скорее вернулся домой. А он выставляет требование за требованием. И напоминает старуху из сказки Пушкина — «Сказка о золотой рыбке». То одно требование, одно условие, потом другое. И у нас, у меня впечатление, что он просто не хочет возвращаться, а мы его тянем, тянем... и весьма возможно, как говорится, берем грех на душу. У него молодая жена-иностранка, маленький ребенок, он обеспечен работой вперед и надолго, окружен красивой жизнью и комфортом, а мы его все тянем в прошлую жизнь,

говорим, что будет лучше, а он уже не верит. Но Россия остается Россией, и все беды своей страны надо делить пополам, переживать с ней и со своим народом...

10 февраля. Вторник. Утро

Второй раз был на завтраке. Погода стоит, что называется, великолепная. День вчера опять прошел бездарно, впрочем, зря я так ополчаюсь на свои дни.

Эдик Лимонов!! И Мартина говорит: «Астафьев, Распутин... мысли, идеи, но язык — XIX век!!» А у Лимонова что хорошего? Язык? Где она нашла там язык?! В примитивном мате? В непристойностях?! Ни на йоту воображения и стиля, хоть какого-ни-будь! У русского языка нет вчерашнего дня, а если это Ломоносов и Державин, так это превосходно!! Позорище!!

11 февраля. Среда, мой день

С утра позвонила Мартина: «Бортник — великолепный актер. Этот спектакль на 100 голов выше «Вишневого сада»... Это открытие Горького для французов. Чехова они знают, а Горького не любили. И вот — открытие. То, что нет стены, — наполовину снижает замысел Эфроса. Эта декорация — возврат к Станиславскому, к ночлежке, а не к коммуналке Эфроса, когда нары превращаются в трибуны. Но публика этого не заметила, это знаю я... Критика в восторге. Мне беспрестанно звонят. Наша критика. Не знаю, что скажет правая, у нас тут своя борьба и пр.»

От «Русской мысли» не могу оторваться — о Сахарове, о смерти А.Марченко²⁵⁷, о политике Горбачева, о Любимове и Тарковском, — все это выглядит здесь совсем по-другому, и напрасно я ляпнул дополнение к словам Аллы... Здесь все по-другому видится, а если продолжительное время побывать здесь, то обязательно белогвардейцем станешь...

А мест свободных много, чего тем не менее на «Саде» не было.

12 февраля. Четверг

Французы потрясены «Дном» — об Эфросе говорят, как о Моцарте, в превосходных степенях — о его режиссуре. Салик²⁵⁸ купил мне письма Набокова сестре, избранную прозу Ходасевича и стихи его — тоненькую книжицу. Огромное количество пластинок В.Высоцкого образует у меня: отберут, заподозрив в спекулятивных намерениях.

Читаю в «Русской мысли»: «Отмечая, что вся западная пресса единодушно называет Любимова гением, критика все же считает, что в США этот спектакль вряд ли будет иметь такой общественный резонанс, как в Советском Союзе, где, как говорит режиссер, “люди страдают от духовного голода”». Гений... и причем единодушный... а тут все ругают его и разводят руками. Изолгались все, пишут что ни попадя, лишь бы «гений» не насолил лыжи домой.

У театра встретил Леву Круглого²⁵⁹. Поговорили о том о сем...

О методе Эфроса, который мы не до конца успели освоить, оттого и спектакль — как «пиджак с чужого плеча». Так выразился критик в «Русской мысли» или так передал его мысль Круглый... Сегодня он будет смотреть «На дне».

Самое, оказывается, приятное занятие для меня в Париже — сидеть в номере и писать дневник.

15 февраля. Воскресенье

Н.Трушину²⁶⁰ Яковлева сказала, что Эфроса доконало письмо труппы Горбачеву,

²⁵⁷ Анатолий Марченко, писатель-диссидент, погиб в заключении в 1986 г.

²⁵⁸ Знакомый В.Золотухина, эмигрант.

²⁵⁹ В ту пору актер Театра на Малой Бронной.

²⁶⁰ Никита Трушин, эмигрант, поклонник актрисы О.Яковлевой.

которое он сам вынужден был подписать, и собрание; она сама вызвала ему «скорую помощь» и пр.

1 7 февраля. Вторник

Разговор, и долгий, с Любимовым.

— А зачем я ему буду звонить, если он делает такие заявления на пресс-конференции... — В разговоре со мной о пресс-конференции он не говорил. Говорил, что я веду себя как флюгер: — В твои годы... У тебя седина есть.

— Лысина!

— Ну, посмотри на лысину...

— Я сказал то, что думал и хотел, чтоб вы это знали... Я не лгу ни перед собой, ни перед вами...

— Не надо так говорить, Валерий, все мы лжем в той или иной степени, вспомни слова Свидригайлова. Я зла на тебя не держу, всего тебе доброго и хорошего... И запомни этот наш ночной разговор... Меня выгнали как собаку, с малым дитём, и хотят, чтоб я приполз к ним на брюхе. Они провоцируют меня, и этот наш с тобой разговор записывают, так вот — пусть слушают еще раз... Эта сволочь Демичев пока у власти, ордена раздаст, скольких людей он выдворил из страны... Вам дали подачку — отправили в Париж. Почему вы не поставили вопрос, чтобы поехал восстановленный вами «Дом на набережной»? Сейчас вы поедете в Милан, и снова без единого нашего спектакля... Стреллер несколько телеграмм давал Андропову с приглашением театра в Италию. Пусть они поднимут архивы, там все есть... Они объявили меня врагом народа. Пусть отмываются, пусть сперва восстановят мое честное имя... Пусть вернут Сахарову трижды Героя, ему памятник в Москве надо поставить... При чем тут театр, когда разговор вышел на другой уровень, на уровень генсека, когда речь идет о судьбе страны... В сердцах, конечно, можно сказать, можно поддать, отойти и снова поддать, но пора мыслить глубже и шире... Ты падал со стенки, а меня выгоняли с работы... Ты все получил, а что получил я?! Ты знаменит и богат... Ты веришь в Бога, читай Библию почаще, там все про нас написано. Глаголин и Дупак... кому я должен верить, этим партийным блядям? Они вами манипулируют. Ну, будь здоров...

Несколько раз он прощался и начинал разговор сначала. Но что Советский Союз подкупил французскую прессу (в том числе, выходит, и «Русскую мысль») — это он, по-видимому, постеснялся мне сказать. Похоже на Сталина; когда Римский Папа изъявил желание встретиться с ним, Иосиф Виссарионович спросил: «А сколько у него дивизий?» Что-то он говорил про встречу в аэропорту, будто бы мы ждали, что он нас встретит в Париже, в аэропорту, с распростертыми объятиями... и пр., пр.

Выгнанная собака... враг народа... пусть публично извинятся (они извинятся, а он их пошлет) — вот его платформа и четкая гарантия перед эмиграцией о невозвращении.

Борт самолета Ту-154. Поскольку вчера выступали в Аэрофлоте, летим сегодня первым классом, а в классе — Демидова, Яковлева, Золотухин, Сидоренко, Дупак, Крымова... В списках меня не оказалось.

Вдовствующая королева — Яковлева, Никита²⁶¹ просит меня, ради Бога и ради меня, позаботьтесь о ней, я ее люблю; что делать, я знаю, что она сука, дрянь, но это судьба. Лиля Брик: «Когда умирали Маяковский и другие, это умирали они. Когда умер Ося — умерла я. Со смертью Эфроса умерла Яковлева. Я советую ей уйти в запой, родить ребенка от Нетто... Это омолаживает, надо бить на инстинкт бабы, животного. Она сказала, что немедленно уйдет из театра, будет играть только спектакли Эфроса. Она и так играет только его спектакли, и зачем ей быть на разовых, а не получать свои 250 р. Никто ее не будет жрать, Никита: она сама себя уже давно съела. Это все весьма печально, мне очень жаль ее, но что делать?!»

3 марта. Вторник

...Главный режиссер театра — Николай Николаевич Губенко — смотрит спектакль!! «Вишневы сад». Избран, проголосован единогласно, вряд ли единодушные, но деваться людям некуда. Грустно, обидно за Димку Крымова, за Хвостова... Так радостно А.В.Эфроса «Таганка» не встречала. Боже! Какая подлая несправедливость!!

Господи! Спаси и помилуй нас, грешных, нас, бедных, окаянных артистов! Да, я хочу понравиться Николаю и Жанне. Да, я хочу, чтоб им понравились мои партнеры! Но что делать?! Мы хотим жить, мы должны работать и с надеждой смотреть в будущее. Анатолий Васильевич! Простите нас! Благословите нас!

4 марта. Среда, мой день

Если бы я мог записать этот трехчасовой монолог Н.Крымовой — сколько там было сказано удивительного, любящего об А. В.Эфросе, как узнавал я его по коротким афористическим фразам — я познавал его. «Ведь он был удивительно, до нелепости застенчивым человеком, мы прожили рядом, познакомившись детьми, 40 лет... а он стеснялся в быту, как мальчишка».

Потрясающие ее маленькие зарисовки, как Карякин, Вознесенский и Гаспаров писали свои воспоминания о В.Высоцком. Первые два тянули, тянули, морочили ей голову, так и не написали...

Вознесенский:

— Если сказать по-мужски, я ее (статью) уже кончил, если сказать иначе — завтра в 12 на вахте ЦДЛ ты ее можешь забрать.

— Хорошо, я не поехала сама, попросила моего друга, он на машине... Статьи не оказалось. Звоню в 14 — нет, в 16 — нет. Звоню Зое.

— Андрей улетел в Мордовию.

— А статья... Это же не по-мужски... Я хожу в ЦДЛ, жду, спрашиваю... Он же мне сказал, что по-мужски он кончил статью...

— Разве можно к нему относиться как к мужчине?

— А как к кому я должна к нему относиться?

— Он художник слова... Карякин примерно то же самое...

— А статью о Володе он написал?

— Он написал статью, но о Тендрякове, о другом Володе.

6 марта. Пятница

До чего же стало скучно жить. Эфрос мне жить помогал: я знал, где-то есть Эфрос, который находит спасение в «непрерывном, отчаянном труде».

Он любил сидеть в темном зале один и наблюдать, как ставят декорацию, как подвешивают фонари... О чем он думал... И теперь уж никто не скажет: «Валерочка, ты знаешь, что я подумал...»

Теперь — дожить бы до Милана и Милан прожить!!

Как-то завтра будет с «Мизантропом»?

16 марта. Понедельник

Прекрасно игралось мне вчера, давно я не ощущал себя таким здоровым, талантливым и счастливым. И чувства, и голос, и тело были мне послушными, охочими помощниками. И Ольга была хороша. Я изумлялся ей.

Губенко поставил стол Любимову и сверху приколотил замечательный, очень экспрессивный его портрет. А внизу слова Ю.П.: «Как это ни парадоксально, но я верю в свое возвращение... Не может же это продолжаться до бесконечности... **Ю.Любимов**».

Губенко:

— На представлении... только у меня и осталось в ушах: партия, Ленин, реставрация любимовских традиций. А в государстве разве не реставрация ленинских принципов?.. Театр должен, обязан помочь государству. Как это делал он все 20 лет... Здесь нет эфросовцев, нет любимовцев...

22 марта. Воскресенье

Но сегодня «Мизантроп»! «Скоро будем играть “Мизантропа”», — с каким предчувствием близкого счастья, с какой светлой грустью сказал эти слова в Польше Анатолий Васильевич.

Такой он славный человек был. И я его понимал. И каждый раз, играя «Мизантропа» или готовясь к выходу, я вспоминаю, о чем же просил в этом месте Эфрос. Царство ему Небесное!! Перефразируя Мориака, скажем так, даже не перефразируя, а просто обращая слова писателя к нашему мастеру: «Он жаждал обрести твердую почву в стране нежности, которая по природе своей — царство зыбкости...»

И вот в «Неделе» статья о Губенко — Театр на Таганке должен быть возрожден... Былые спектакли, былая слава и пр. Значит, Эфрос театр похоронил?! А я на панихиде сказал, что он театр спас. Где, на чьей стороне правда?!

И зачем возрождать Театр на Таганке, кто заменит Любимова?! Что это значит? Восстановить спектакли это совсем не означает. Возродить — это некоторое время продержаться на старом репертуаре. Это вообще спекуляция и проституция. Ты свое сделай, а не пользуй до изнеможения старое.

Да, тут не напечатали, там не утвердили, здесь не похвалили и где-то просто забыли, и обижаются человек на весь свет Божий.

Господи! Сейчас «Мизантроп», надо сыграть его, как упражнение на легкость. Помогите, Господи, и партнерам моим тоже.

Уехавший ставит условия, пришедший ставит условия... если единство... если идеи и пр. — я остаюсь в театре. Что это за бред?! Зачем делать такой упор на реставрацию прошлого... «В карете прошлого далеко не уедешь».

Участвовали ли вы в травле Эфроса? Почти на каждом выступлении я получаю записку с таким или подобным вопросом. Не говоря уже о письмах. «Вернется ли в трупшу «костяк»?» Оказывается, трое, что ушли в «Современник», являли собой «костяк “Таганки”», а вовсе не были той «чернью», что оскорбляла А.Эфроса. А мы и не подозревали, что существовали без «костяка». Нет, что-то не то происходит.

9 мая. Суббота. № 708, «Рояль»

К концу жизни я все больше и больше люблю гастроли и никуда не выходить из номера.

Вчера прогулялись до Л а Скала, галереи. Входили в главную достопримечательность Милана — готический сталактитово-фантастический собор Марии Разящей. «Мария-Нашенте». Перед собором факир пускал изо рта пламя, гасил во рту горящий факел, ложился спиной на битое стекло, на доску с гвоздями, при этом на нем три человека стояло.

Аня-переводчица, вечер воспоминаний о Любимове. Когда они приехали с Целиковской первый раз, давно (я вспоминаю их вместе, и хочется плакать, это наша молодость с Нинкой. Целиковская, как нам тогда казалось, — да это и было так, — вела себя понукательски, покровительственно к Юрке, и все-таки в этом была игра больше, он входил в большую славу, и она не хотела терять свою независимость и первенство, к которому привыкла, будучи долгое время в статусе первой профурсетки со знанием языка и игрой на фортепианах), у них украли миллион, и Любимов с восторгом твердил: «Какое счастье, какое счастье... Боже, какое счастье...»

— Юрий, — говорили ему все, — какое же счастье это, что украли миллион?

— Какое счастье, что деньги были у нее.

Он ставил оперы. Не читая либретто. Исключительно для денег. Ничего не понимая в музыке. Ему иногда ставили второй акт вместо первого, он не замечал, ему было без разницы.

Во Флоренции, после постановки «Риголетто», бляди на площади кричали:

— Вон идет режиссер, который поставил «Риголетто», — и улюлюкали.

— Убирайся в Россию катать снежные шары, — крикнули ему на премьере, и он показал публике рукой член. Это было началом провала, «скандального происшествия».

На сцене не было ни бюстов, ни портретов Гитлера, Сталина и пр. Стояли манекены, которые были одеты в костюмы, напоминающие одеяния диктаторов — Робеспьера, Наполеона и т. д. Но, очевидно, где-то было сказано слово, что там могут быть, среди этих мерзавцев, и... И публика искала и находила. Версия стала жить, мало похожая на сплетню.

Катя послала на х... мэра города (какого) на приеме, а он 5 лет учился (или его жена) в Москве, из-за того, что не было корзины цветов. Ей пытались объяснить, что это пбшло, что за границей, в Европе, так не принято, это смешно, зачем вам нужна корзина? В Москве Юра всегда увозил ее домой.

Он поссорился со всеми продюсерами и режиссерами в Европе.

Такое у него было задание. Эта шутка вызвала бурную реакцию.

Перголези, Вивальди с утра звучат... В руке у меня стило от Кардена. Стыдно. Принимают нас нищенски. Но главное — я что-то пишу. Может быть, в результате именно здесь об Эфросе я и напишу. Не подвело бы меня горло в самый ответственный «мизантропный» момент. О каждом спектакле вчера Стреллер подробно вспоминал, все три текста он ставил. О «Мизантропе» он говорил как о большом воспоминании молодости — публика не ходила... И тогда публика любила острые ощущения и не любила думать. У Ивана Стреллер спросил, как его спина, как он себя чувствует. Ваня был польщен весьма таким вниманием, такой памятью. Стреллеру по телефону из Парижа говорили, что заболел исполнитель Сатина, и он отсюда давал разрешения и распоряжения администрации — денег на Ивана не жалеть и поставить к вечеру на ноги. Спустя почти три месяца он вспомнил об этом. Замечательно. Нас он называет товарищами, братьями по театру, и это так замечательно искренне, так это правда...

В конце церемонии я поблагодарил Джордже Стреллера за его трогательное внимание к нам в Париже:

— Перед каждым спектаклем мы читали ваши программы, это нас сильно окрыляло, мы не так ощущали одиночество после трагического отсутствия Эфроса, на какое-то время мы почувствовали заботу хозяина, заботу шефа — вы стали на время нашим маэстро, и нам не так было страшно выходить на парижскую публику.

Стреллер:

— Да, это страшно. Я думаю, заменить Эфроса будет трудно. Невозможно. Но... жизнь продолжается.

На этих словах — «жизнь продолжается» — Стреллер поднялся.

11 мая. Понедельник

Памятный сезон, памятный год.

Начался он с прекрасных гастролей в Куйбышеве — золотая осень, на берегу великой Волги. Хорошие деньки стояли, и игралось хорошо... Премьера «Мизантропа»... Счастливое состояние души, спокойное и перспективное... — ожидание, предвкушение праздника... И он состоялся — «Мизантропа» стали хвалить, и увенчалось это приходом «Короля»²⁶²... И все обещало интересную жизнь на театре... Потом гастролы в Польше... Триумф во Франции... уже без Эфроса!! Боже мой!.. В скачке теряем мы лучших товарищей... Я спросил Глаголина: «Боря, что бы ты сказал об Эфросе?» — «Я бы сказал...» — и получасовой монолог, горячий, искренний, полный любви, уважения и сострадания по ушедшему мастеру. «Он пришел на залитое кровью место. Ему надо было обождать... Он надеялся взять работой, и он уже взял — и надорвался... Нам не хватило совсем мало времени до конца полюбить друг друга... Не хватило времени... Ты посмотри, как от него многие, очень многие отвернулись... Ефремов и пр. На театральном съезде о нем даже не упомянул никто... Его не брали в расчет, он стал никому не интересен, потому что отдал свое имя закрыть эту проклятую таганскую амбразуру, и он ее закрыл и погиб...»

Эту тетрадку я закрою в Милане, в отеле «Рояль», № 708. Господи! Спаси и помилуй!

PS. А.В.Эфрос глядит мимо.

31 мая. Воскресенье — отдай Богу

1. Вчера начитал свои записи об Эфросе девочке Тане²⁶³ из «Театральной жизни». Ей хочется конфликтности Любимов-Эфрос. Записные книжки Эфроса?! Но ведь мы не знаем записных книжек Любимова. Записные книжки — сомнительный, уязвимый материал для установления истины.

2. Что существует письмо Любимова в ГУК о том, что Эфрос извратил русскую классику в «Вишневом саде», — вполне допускаю. Донос? Может быть. Ну а если это неколебимая убежденность? Он вообще в делах искусства был весьма жесток в оценках, а уж что касается платформы его таганских подмостков — просто был зверь.

13 июня. Суббота

— Материал номер раз... всех побил, и даже кое-что выбрасывают, освобождая вам место среди актерских материалов об Эфросе, — говорит Таня Гармаш. Она показывала материал тем, кто готовит этот номер. «Хороший текст». И я очень рад и горжусь тем. Не зря я сидел в Милане перед портретом Эфроса дорогого и думал. И может, «Мизантроп» тем замечательней был. До Крымовой Н. дошла весть о моем слове; «толковое» — это ее слово. К словам об Эфросе она придирчива.

15 июня. Понедельник, Калинин

Мучаюсь совестью, мучаюсь материалом. Это не достойно ни Эфроса, ни Любимова — говорить о них походя, вспоминая ерунду, частности: кто что сказал про тот или иной спектакль. Это все никуда не годится, хотя Ваньке и понравилась статья, но ему не дорого мое имя, он знает, что я тем самым вляпываюсь в говно... Сам заявляю, что Эфрос в защите не нуждается, и тут же его защищаю, противопоставляя его благородство любимовскому хамству. Не мне это делать, тем более я ведь действительно не знаю, ходил ли Любимов по инстанциям, — это все те же слухи, сплетни. И нет в том чистоты. Надо все переделать. Тем более что категоричности у Эфроса было много. Вспомним историю с «Месяцем в деревне» в Польше, где он как мэтр себя вел и поругался в результате с польскими артистами и режиссерами, и настроение гастролей в Польше было испорчено, гастролы прошли вяло; ему было неприятно возвращаться в эту страну — он чувствовал за собой грех. И начинаю сводить счеты — здесь не место и не время, на страницах «ГЖ».

4 июля. Суббота

День «Мизантропа». Господи! Спаси и сохрани, дай мне легкости, дай мне скорости и пощади мою ущербную-щербатую. Господи, помилуй ее. Как хочется сегодня хорошо сыграть. Сегодня год, как идет «Мизантроп», и каждый раз все заново. Дорогой Анатолий Васильевич, какую радость и муку подарили вы мне на жизнь.

24 июля. Пятница

Завтра день смерти В.С.Высоцкого — «мой дружок в бурьяне неживой лежит».

1 7 августа. Понедельник, самолет

Андрей Миронов скончался, умер, нет больше артиста, замечательного, прекрасного артиста Андрея Миронова. Это уже мой эшелон, мой год, ну, может быть, на один год он старше... Это что же такое... Позвонил Фурман²⁶⁴ — у меня из рук выпала трубка, загорела об холодильник... Театр Сатиры можно закрывать, таких артистов лишиться, таких столпов... Из команды Рудольфа, из нашей команды, уходят люди... Кто следующий?

Что осталось после Андрея? Несколько фильмов, несколько десятков даже, может быть, театральных ролей, несколько поставленных спектаклей, несколько пластинок, а легенды нет.

Фурман:

²⁶³ Татьяна Гармаш, журналист.

²⁶⁴ Рудольф Фурман, ленинградский актер, продюсер.

— Я не знаю, что делать, лететь ли нам с Кирой²⁶⁵ в Ригу... В реанимационную все равно не пускают... Ну, я сейчас дам тебе Киру...

— Валерик! Здравствуй! Ну, ты знаешь, что у нас с Володиёй написана пьеса, она идет довольно успешно... Володя специально написал для этой пьесы 16 песен... Я хотел позвонить Коле или тебе, может быть, театр это заинтересует... Как буду в Москве, я тебе пьесу постараюсь передать.

Мог бы разговор о пьесе и отложить. Ни слова о брате, все о своих делах, об устройстве пьесы Высоцкий — Ласкари. А легенды нет. У меня вшивенькая легенда есть: я друг В.Высоцкого — опубликовано. Напечатано... им самим, своей рукой написано. Как должно быть неприятно это Абдулову, Говорухину, Бортнику, Смехову и пр., пр.

Нет, фильм не получается²⁶⁶. Это очень жалко. Жалкое зрелище — Золотухин на пустом фоне чего-то поет. Песня должна рождаться от глаз артиста; вот он смотрит «Совет в Филях» — и рождается издали тема от народа: зачем я шел к тебе, Россия, и т. д. Я надеялся, что в середине песен будет возникать драматическое изображение солдатской судьбины; пустой кадр, поет артист — ну и что?

Что от меня останется?! Осуждение Любимова?! Он подался ближе к Иерусалиму. Кто его может понять, тем паче судить?! Он стал, быть может, воистину верующим человеком и поселился в тех местах, где жил и учительствовал Иисус Христос. Ничего у него не осталось, кроме веры; он умрет одиноким, сумасшедшим Лиром — без Родины, без детей, без занятия любимого...

Ведь в Израиль он сбежал от всех — в том числе от Максимова, Аксенова и иже с ними. Он подражает Солженицыну, который не пошел на прием к президенту. А объясняется все, может быть, очень просто — Катке с Петькой в Тель-Авиве «климатит».

12 сентября. Суббота

На «Мизантропе» была Крымова и не звонит. А мне — страшно. Кому нравится — тот звонит, и наоборот. Самому нарываться не хочется. Но она такая хитроумная, что, очевидно, уже отправила мне письмо или передаст завтра с Хвостовым на «Дно».

17 сентября. Четверг

Дима: «Когда умер В.С.В., я учился в 8-м классе. Мне было 15 лет. Я услышал по американскому радио и проплакал всю ночь и весь день. В памяти возникали его песни от строчки до строчки, одна песня переходила в другую по цепочке... я пропел все, что знал. В 8-м классе нам задали сочинение на темы — герои «Поднятой целины» Шолохова и герои-комсомольцы «Молодой гвардии». О «Поднятой целине» я не мог ничего написать, потому что я ее не читал, а о героях-краснодонцах появилось столько версий: герои оказались предателями, предатели — действительными героями. Писать о них после фалеевского выстрела... И я решил выдумать своих героев... Выдумал название «Разведка боем», выдумал автора. В.С. я назвать не мог, но цитаты были из его военных песен и альпинистских... Я получил за содержание «пятерку». Рассчитывал я на то, что всех книг про войну никто не может прочитать и помнить. Когда через несколько лет я рассказал про это моей учительнице, она не поверила, что я это все выдумал. Так мне В.С. помог написать сочинение о героях Великой Отечественной войны».

Дал Диме два тома американского издания.

29 сентября

22.00. «Вишневы сад». Отказ Демидовой играть с Дьяченко. Просила меня принять участие в разговоре. Я рассказал о своем разговоре с Эфросом по проблеме Лопухина: он играет хорошо, он играет прекрасно, знает все закоулки роли; я понял, что дальнейший разговор неприличен. Что же теперь говорить? Мне показалось, что она, предполагая свой

²⁶⁵ Кирилл Ласкари, театральный режиссер, литератор; брат Андрея Миронова.

²⁶⁶ Фильм-концерт Г. Полоки «Солдатушки — бравы ребята».

авторитет, нашими руками хотела отрубить Борису башку. Он никакой не Лопахин. Но это было видно сразу. Теперь — позади Варшава, Париж, Милан. Да и не делается этак. Меня она назвала потом ренегатом. Ты думаешь, ты хорошо играешь? Один человек мешает всем, разрушает весь спектакль.

30 сентября. Среда, мой день

Сегодня 70 лет Ю.П.Любимову!! Господи! Спаси и сохрани его!! Ай-ай-ай! Как же бы ему дать знать, что мы помним его и проздравляем, а!!

Звонил в издательство Егорову²⁶⁷. Да, хорошего мало. Когда вы сможете прийти в издательство поговорить, завтра в 14? Хорошо. Как войдете, направо вверх на второй этаж, еще направо и по коридору, и прямо в мою дверь упретесь — главный редактор.

Ну, что ж... завтра так завтра, заберу рукопись, и дело с концом.

5 октября. Понедельник

Теперь за игру. «Мизантроп» сегодня. Статья об Эфросе имеет успех, надо играть хорошо, надо запастись силами — и вперед...

И спектакль прошел хорошо. Под знаком памяти об Эфросе. Да, любопытно, как Н.Н.Губенко воспримет статью?! Хватит ли ума не обидеться?

6 октября. Вторник

Забот скопилось много, и первая — это оформление в Америку, в которую я когда-то один раз «слетал»... Успеют ли оформить и захотят ли из театра отпустить?..

7 октября. Среда, мой день

Глаголин расстроил меня, в статье он усмотрел, что я будто бы подспудно сравниваю театры Любимова и Эфроса, и в пользу последнего.

Завтра «Мизантроп» вместо «Дна». И я согласился играть.

24 октября. Суббота

— Шок, понимаете... Вот не было литературы, и вдруг появился «Один день Ивана Денисовича». И здесь: не было театра — и вот театр! — Это Зиновий Гердт о спектакле Додина в Малом драматическом театре «Звезды на утреннем небосводе» по пьесе Галина. Спектакль великолепный! Я всячески старался, уговаривал себя, чтоб он мне не понравился, нет — победил театр, актерская самоотверженность, свехотдача при природных талантах актрис. Четыре блистательные актрисы сразу, вместе, в одном наборе. Все это завидно. И сразу вопрос: могу ли я так, есть ли у нас в театре такой потенциал?..

Я не против Израиля, пусть Ю.П. живет в этой обетованной земле. Но вот что странно. Он так любопытно срежиссировал свой побег, что все ему сочувствуют, все так или иначе на его стороне, до того все «патриоты». Поступил человек неординарно, и уже его поступок вызывает уважение, кроме как у меня. Мне это глубоко несимпатично.

2 ноября. Понедельник

«Уважаемый Леонид Анатольевич²⁶⁸!

Третьего дня принес мне мальчик-пожарник книжку мою для автографа — «Печаль и смех моих крылечек». Где взял, спрашиваю. В валютном магазине на Кропоткинской, стоит 1 рубль

20 коп. — в валюте около двух долларов. Я в магазин. «Книжки поступили полгода назад, торопитесь брать, осталось совсем немного». «Ну да, — говорю, — надо сперва валюту купить, а потом уж свою книжку». К чему я это? Нельзя ли повторить тираж? Сколько я ездил по стране — везде спрашивают: «Где купить вашу книжку?» Тираж ведь был смехотворный, хотя заявок было, я знаю, очень и очень. Да и урезана книжка была в связи с именами Любимова и Высоцкого. Время расставило многих по странам и кладбищам. Мне жалко эту мою книжку, я хотел бы вернуться к ней. Помогите.

²⁶⁷ В издательство «Современник».

²⁶⁸ Леонид Фролов, директор издательства «Современник».

С уважением, **В.Золотухин**.

Вчера выступление в ДК МИСИ с поэтами, издававшимися в «Современнике». Какое убожество воинствующее! Приехал домой поздно...

4 декабря. Пятница

Звонил несколько раз Полока. Когда обсуждали сценарий Сапожникова²⁶⁹, я был настроен на правду-матку. Как уж Полока подвел разговор, но я ему так же резко сказал, что Володя никакого отношения к написанию письма Брежневу не имел. Он мог наверняка принимать участие в разговорах, обсуждении плана и т. д., но к самому тексту он не прикасался, и я не могу ничего процитировать «от Высоцкого» из письма... Но он его подписывал, и под каждым моим словом того времени он подписаться мог, не читая. Значит, это и его слова, и если вам нужно это для чего-то, то, конечно, цитируйте от имени В.Высоцкого.

Полока спрашивал у меня как бы разрешения, благословения на эту акцию. Факт, что Высоцкий обращается: «Дорогой Леонид Ильич! Мы гордимся результатами Вашего труда» и т. д., Полоке прежде всего нужен сейчас для престижа «Интервенции», для защиты ее. Миллионы почитателей В.Высоцкого, безоговорочно верящие и любящие его, преданнейшие и благодарные ему за каждую его песню, поверят и цитате из письма и поймут, как В.Высоцкий относился к «Интервенции». Из Одессы слух пополз вонючий, что Высоцкий в результате был недоволен картиной — или собой в картине. Второе возможно, и это я помню, но к картине в целом он относился хорошо. Вот такие пироги.

Бортника в черном свете Марина в книге выставила как одного из тех, кто способствовал, вольно или невольно, ускорению приближения кончины В.В. А Крымова записала его в убийцы Эфроса. Не много ли жертв у Ванечки? Или сам он жертва людских наветов?

5 декабря. Суббота

Что может быть большим счастьем для настоящего художника? Прижизненная слава или память потомков? И того и другого Лемещёву не стать занимать. Слушайте голос Лемещёва, и вы обретете очищение и покой, душевный восторг, желание и силу делать дела добрые. И благословение на дела и желания добрые.

Что же мне делать после всех этих рецензий алтайских? Бросить, что ли, совсем писать? Горшенин рассказ «Иван, поляк и карьера» назвал замечательным. «По-моему, вообще очень хороший, точный, прямо-таки в шукшинских традициях рассказ». Шукшинские традиции никому не дают покоя из живущих за Уральским хребтом. А я хочу писать не как Шукшин, а как Битов! Тогда что?!

6 декабря. Воскресенье

Какая-то не на шутку война разыгрывается вокруг Кузькина. Можжев прет на Губенко, и главный аргумент — «Золотухин рвется, готов за полторы недели восстановить, а ты упираешься! Чего ты упираешься?» Теперь Губенко меня в угол загоняет и берет за глотку: «Восстановите до 1 января. Пожалуйста, меня все равно не будет до этого времени в театре. Ты гениально играл. Партитура у тебя вся в голове». Не видел, но покупает.

Какая партитура? Я же все время на сцене! Какая партитура у главного исполнителя, кроме своих забот, еще может быть! Я же не видел себя со стороны, последние репетиции были в 1976 г. А закрутил интригу Борька и хочет всех сшибить лбами. Возникла у Боровского идея пригласить Любимова на восстановление спектакля.

Это же не прилично ни тому ни другому. Какова наглость, да нет, каково бесстыдство, да нет, да это не укладывается в нормальные рамки...

А какие панегирики пропел Филатов в коротенькой сопроводительной записке к портрету Губенко! «Лидер». Неужели эта лесть Николаю как-то может понравиться? Что ни слово, то стыд... А ведь «ТЖ» мне предлагала написать, и опять я Ленке насолил. Все можно! Я —

²⁶⁹ Сергей Сапожников, композитор, музыкальный критик.

гений, ты — гений. Судя по некоторым высказываниям, артистам это пришлось не по душе. А уж что он Владимира приплел в таком свете! Ну, Леня! Ну, Леня! Каково? Каковы порядки? Актер о главном режиссере, еще ничего не сделавшем... Боже мой! В какую дыру он его-то толкает, Николая? Ну что это такое? Помилуйте, это что — всерьез?

7 декабря. Понедельник

...Больше всего во всей беседе В.Конкина²⁷⁰ задело, как и многих других, что я Высоцкого великим поэтом назвал. А, пусть думают что хотят, все, начиная с Распутина. Высоцкий — великий поэт, и время уже сказало свое слово.

10 декабря. Четверг

Швейцер. Я ничего не записал о его вечере 5 декабря в к/т «Родина». Были Смоктуновский, Юрский, Семина, Калягин, Трофимов и я. Я рассказывал о пробах на Моцарта и как меня встретил Иннокентий и сказал:

— Видел... отвратительно. Так нельзя... Он гений. Как вы да я... Да-да, я — эпоха, и я всегда говорю правду, а вы не обижайтесь...

Все смеялись, и он тоже. Потом сказал:

— Вы замечательно говорили, Валерий.

Вообще вечера Швейцера проходят ужасно ordinarily, неизобретательно и скучно. Никто не может ему их сочинить, сфантазировать. Все нужно делать самому; две-три зажигательные идеи — и весь вечер засверкал бы. И я, и другой, и третий — все должны делать свои сами: вечера, статьи, рекламу и пр.

Доронина. Как в жизни пересекаются неудобно пути. Натансон²⁷¹ предложил роль. Роль не моя, но интересно тем более. Все зависит от Тани Дорониной. И вот на вчерашнее собрание приходит начальник из нашего профсоюза и приносит анонимную «телегу», писанную на нее в ЦК, в Комитет партийного контроля, и подписанную... мной, Абдуловым и Багиняном. Никто из нас троих бумаги этой в глаза не видел. Письмо о возмутительной бесхозяйственности в нашем садоводческом кооперативе. Собираются деньги. Столбы на электричество завозили два года, три года они валялись. Сгнили, теперь их стали вкапывать, и будто бы неправильно — провода ведут к источнику, который не может вырабатывать или передавать электроэнергию. И во всем этом — вплоть до «куда же деньги ушли?» — обвиняется коммунист Доронина. И я должен коротко изложить свое мнение. Мне очень хотелось бы, чтоб на даче скорее было электричество — это и свет, и телевизор, и тепло. Но еще больше мне хочется сыграть Федю... то есть не портить с Таней отношений. Когда-то она очень тепло отзывалась о моей прозе, и чем черт не шутит — не придется ли мне проситься к ней на работу в ее МХАТ. Я написал все, что соответствует истине: «Письмо не читал, не писал, не подписывал. Сам факт подделки подписей — криминал». И подпись. И все-таки, если бы не Федя, я бы сделал добавление, что электричества, дорог и воды до безобразия долго нет. А уж кто там виноват? Психологический этюд перед «Мизантропом».

Сбылась моя мечта и надежда — я получил от В.Распутина замечательное письмо, писанное им, видимо, в хорошем расположении. Книжечку мою он перечитал в первый же вечер на даче.

Мал золотник, да дорог. Сегует, что мне мало удастся писать. Вот, говорит, Евтушенко — тоже актер, а пишет, и много... Волина²⁷² с жутким сожалением говорит, что Валентин включается в компанию Бондарева, Белова, что у него, чьи безупречные талант и совесть были примером чистоты и гармонии, стали все чаще звучать нотки антисемитизма, великодержавно-шовинистический настрой; откровенное неприятие нынешней молодежи,

²⁷⁰ Владимир Конкин, киноактер.

²⁷¹ Георгий Григорьевич Натансон, кинорежиссер.

²⁷² Галина Волина, журналист.

ее увлечений, ее музыки переходит всякие этические нормы, а ведь молодежь, хотите вы или не хотите, — наше завтра! Надо с ней работать, но не презирать и не отталкивать. Бондарев и Белов, который просто свихнулся на своем антисемитизме, тянут Распутина как знамя, и он, как ей кажется, подписал статью в «Правде» не читая... иначе он нашел бы какие-то иные слова и мысли о молодежи и пр.

25 декабря. Пятница

Два подарка — два письма-отклика: Распутина и Шифферса. Шифферс: «Посему, еще раз, по «Землякам» не только порхал, но прочел от и до, и считаю хорошей прозой, и советую так вот и писать дальше, хотя, конечно же, смерть любимых не будет уж слишком часто кормить нас, грешных, для творчества, а?»

27 декабря. Воскресенье

А книжка «Четыре четверти пути»²⁷³, по-моему, хорошая. Хорошая, что говорить. Будут лучше, но эта хорошая, в ней я его живого кое-где нахожу и слышу. У Говорухина, по-моему, хорошо.

И сам составленный из концертных разговоров текст Владимира совсем не плох, толково соединены разрозненные, разновременные куски.

1988

6 января. Среда, мой день

Помирать скоро, а как-то неохота, потому что не сделано ничего. А что и сделано, только позорит и без того бездарную жизнь, ложную жизнь. Подражательную погоню за двумя дамами — славой и юбкой.

8 января. Пятница

Нужно написать две странички, чтоб спасти полосу в «Советской культуре» о Высоцком. Что написать, из какого пальца высосать? О спектакле, которого пока нет, и что будет 25-го — неизвестно. Написать о Лужниках. Но это все не про Высоцкого, а про нас вокруг Высоцкого. Что, собственно, нужно написать, какое слово молвить, чтоб спасти себя и полосу?

13 января. Среда. Театр

Вернулись с кладбища от А.Эфроса. Год пролетел. Играем в его память «Вишневый сад». Народу было мало.

15 января. Пятница

Мерзкое Ванькино сообщение — Губенко прокалывают шины. Показал он Ивану конверт, где кармашки сделаны. Николай обозначен как «убийца Эфроса», а «остальные места можете распределить сами между своими подручными».

Идет репетиция «В.В.».

— Николай! В такой же серый, пасмурный день Эфрос мне показал подобное послание, с иголками в замке машины и квартиры. Что ты обращаешь на это внимание?..

— А как не обращать?!

— Не знаю.

23 января. Суббота

Жизнь остановилась. Тотальное положение — вся страна, кажется, готовится денно и ночью к 25-му, к 50-летию Владимира. Господи, спаси и сохрани человеческое обличье наше. Вчера был хороший прогон. Я расчувствовался, пошел к Губенко в кабинет.

— Благодарю тебя...

— За что?

— Труппа не ошиблась в выборе главного.

²⁷³ Сборник статей и воспоминаний о В.Высоцком

Да, он молодец, и, конечно, лидер, и, конечно, главный. Он объединил нас, он не только восстановил сделанный Любимовым спектакль, он вычистил его, добавил великолепное свое: монумент — детей и пр. А главное — личный его пример работоспособности, а о таланте и говорить не приходится. Вот такие мысли накануне второго прогона...

27 января. Среда, мой день

24-го чуть не сгорели в Лужниках. Венька признался, что оставил включенным фен в душевой парной. Слава Богу, что пришла и — удивительное дело! — нашла меня Дели-Адель²⁷⁴, гречанка из Баку, в 47-й комнате, где Венька учил Евтушенко, Рождественского и Вознесенского, как надо разговаривать с народом о Высоцком. Она фанатик В.В., принесла мне, «брату Высоцкого», целую сумку подарков — коньяк, пахлаву, гранаты, и все это понес я в нашу актерскую комнату, открыл, а войти не могу — черный дым в душевой, как в топке, бушует пламя. Я вбежал и открыл кран у еще не загоревшейся раковины. Думаю: залью хотя бы пол, но потом дошло, что вода спокойно уходит в сток. Прибежали пожарные, затушили быстро, но прокоптиться я успел изрядно. Пришел домой черный с лица. Тамарка: «Как ты устал, ты посмотри на себя — глаза ввалились», а когда я стал умываться, обнаружилось, что это все-го-навсего сажа. Утром с головы тек деготь. А выступление прошло довольно сносно, хотя были моменты, что свистели Градскому, кричали «на мыло!», подсвистывали Вознесенскому. Вообще я обнаружил странную неприязнь к нему со стороны толпы. Это обнаружилось и на открытии мемориальной доски.

— Где вы были при жизни, Вознесенский, почему не помогли?

Андрей (робко):

— Я помог...

Но начальник сказал ему:

— Не уподобляйтесь.

Что же сказал я? Выступивший без бумажки, без подготовки, вместо заболевшей Демидовой. Она в Лужниках раза два запнулась в стихе и посчитала все наше выступление лажей. Хлопали ей мало и жидко; мы, надо сказать, подставили ее, не надо было ей начинать, и читала она стихи серьезные, не острые, как у меня, — «Черный человек». Так что же я сказал, когда упало покрывало с доски (очень здорово выполненной Рукавишниковым — треснутый колокол и орущий рот Высоцкого в профиль). Я связал праздник 50-летия с годом 1000-летия крещения Руси. Для каждого культурного человека это великий праздник, и если мы будем следовать примеру духовного подвига В.В., то к 2000-летию крещения Руси она действительно станет могучей и обильной. Эта дерзкая мысль имела успех у народа. И Никита Любимов²⁷⁵ показал мне большой палец и угостил просвиркой, когда мы после сидели с Адель в кафе. До открытия Иван, Адель и я поднялись к Нине Максимовне. Я выпил кипятку — замерз шибко и перенервничал. На кладбище была такая тьма народу, что нашу жалкую процессию под руководством недалекого, но славного Дупака развели на части. Мы выходили с кладбища, а театр группами все еще пробивался к могиле.

24-го ездили с Сережей в театр за билетами и встретили Марину, которая подарила театру статую Володи скульптора Расопова. Так замечательно установился он во внутреннем дворике театра, как будто еще при жизни Володи, еще когда проектировали новый театр, будто уже тогда, почти двадцать лет назад, предусмотрели место для посмертной фигуры В.В. Я объяснил Сереже, что Марина — это жена, вдова В.В.

— А которая она?

— Ну та, красивая, с которой я целовался. Она одна была из женщин, не помнишь?

²⁷⁴ Ацель Алексеева, литератор.

²⁷⁵ Старший сын Ю.П.Любимова.

— Нет, я в ноги смотрел. — Но дома, еще не успев раздеться, уже кричал матери на кухню, кого он видел в театре.

25-го перед спектаклем Коля сказал небольшую речь, и статую осветили. Тень на стене оказалась настолько живой, будто Владимир вышел на «Гамлета».

Перед началом нашего действия страстно-политично, несколько долго ораторствовал Евтушенко. Он высказал общее возмущение театра и общественности тем, что афиша с фамилией Любимова не пошла в расклейку, запрещена неким Беликовым, по странному совпадению однофамильцем чеховского героя, но и в действиях подобным — «как бы чего не вышло». Говорил о том, что он, Евтушенко, во многом не согласен с тем, что наговорил Любимов за границей, но он художник, не политик, человек эмоциональный, горячий. Нельзя умалчивать его значение как создателя театра, который двадцать лет назад говорил

о том, что теперь разрешено говорить всем. Из лучшего, гениального спектакля, «Кузькина», вышли потом все спектакли и фильмы, посвященные деревне. Этот спектакль необходимо восстановить и показать народу и пр.

Наше поэтическое действо бесконечно прерывалось аплодисментами. Аплодировали и артистам, и стихам. Я работал не лучшим образом, но хотя бы чисто. Слишком большое напряжение выпало на мою долю. Утром ведь я еще на рынок ездил, купил 50 штук гвоздик за 60 рублей, потом помчался в «Юность» и отдал Ирине в перепечатку рукопись.

После спектакля Николай преподнес всем участникам по самодельному буклету о спектакле, истории его создания и по плакату, пригласил всех участников в кафе на а-ля фуршет. Я передал коллективу слова Марины, что спектакль стал гораздо сильнее, что она очень благодарна артистам и театру.

28 января. Четверг

История с Гамлетом, рассказанная мной в рязановском фильме, вызвала бурную реакцию у зрителей. Они склонны меня осуждать.

Вот записка: «Из работы Э.Рязанова о Высоцком узнала о Вашей работе над Гамлетом. Неужели 16 лет дружбы с таким человеком для Вас прошли бесследно? И сейчас Вы бы выполнили приказ любой ценой?»

Ну, во-первых, я не сыграл Гамлета. Это был все-таки больше сговор с Любимовым, чтоб привязать Владимира к театру крепче, но это одна сторона, а другая...

А почему нет? Сейчас, когда я понимаю, что жизнь творческая по возрасту, силам и пр. подошла к той черте, когда такая роль уже ушла безвозвратно, я думаю: а почему мне было бы не попробовать ее сыграть? Почему я пощадил его самолюбие, а он мое — нет? Ведь уж если друг — так, пожалуйста, играй, я уже сыграл, играй ты, более того — я тебе помогу и расскажу все закоулки роли. Идеальная модель дружбы предполагает такие взаимоотношения... Тем более — и главное — что идея исходила не от меня, и уж на кого он был обижен в первую очередь, так это на Любимова, что тот позволил назначить второго исполнителя и т. д.

6 февраля. Суббота

Я получаю уфожающие письма, что я поставлен на ножи, что квартира моя сгорит вместе с моими ценками, что сдохну я от ножа и пр. За Высоцкого — смерть. Что наклепал Рязанов в этом эпосе и куда завела меня моя искренность и желание что-то рассказать неординарное о В.В.? Почему Смехов взял на себя такую миссию — выговорить своими устами, что Высоцкий до смерти не простил этого актера, осмелившегося репетировать сыгранную В.В. роль? Что это за бред? И что мне делать?..

Вчера звонил Глаголин — успокоить и поддержать, чтоб я не обращал внимания. Дупаку приходят письма на меня, а Глаголин говорит, что я был единственный искренний человек и говорил хорошо. Что это? И вправду стало страшно жить. Ведь дураков-то сколько — сунут финку в спину или трахнут по башке молотком... из-за того, что я не сыграл вовремя Гамлета. А я-то как радовался, что вышел из всей этой юбилейной кампании, из всего кликушеского воя достойно-нормально. Я убежден, что, по чести, так оно и есть. Но

какой-то туман напущен Рязановым сильно, и он пугает. И какая-то образовалась обида на весь мир. Какая-то вопиющая несправедливость.

7 февраля. Воскресенье

Да, против этаких плевков и обвинений устоять трудно. Из всего потока брани два письма, в которых содержится истинное понимание моего признания, а в общем получился — бисер перед свиньями, по-другому не скажешь. Конечно, Рязанов добавил своим монтажным локтем много для кликушествовавшей публики, ищущей конкретных виновников, затравивших гениального поэта, а тут совсем рядом, и искать не надо, сам признается, что доставил обиду кумиру, ну так ату его!.. Но не виноват я ни перед Богом, ни перед Володей, и уж тем более перед воинствующим войском защитников покойного барда. Где они были, эти защитники, при жизни... Теперь, когда издали, напечатали, поставили памятники, легко об этом вопить..

Уходить из театра — это бегство, хотя видеть мне многих не хочется, а уж Смехова... И надо все-таки делать зарядку и приниматься за «Годунова». Думаю, из потока этой клеветы, грязи, несправедливости, что принесет мне еще немало страданий и мук, надо найти чистый и достойный выход, не впадать в уныние и панику. Дьяченко прав — это естественный расчет за правду. «Ты единственный, кому было чем поделиться наболевшим, и ты поделился — и получил за это».

«Русофилы, — говорит Алексеева, — на твоей стороне. Но страсти вокруг тебя кипят...»

Нравственное уравнивание публикой было рещено в пользу В.С., а оно рещения не имеет.

8 февраля. Понедельник

Впрочем, я ведь знал, отправляясь на съемку к Рязанову, о чем я буду рассказывать — о Гамлете. И я подозревал, какое негодование вызовет это мое откровение, другое дело — пришло ли время для таких откровений, не оставить ли их на посмертный час?

«Рязанов вас приложил... Человек не побоялся открытой правды, рассказал, как это было... Но культуры общения нам не хватает, не хватает терпимости. Нравственный хаос...» Большинство увидели меня в непристойном свете, а уж кто там виноват — поздно разбираться.

Теперь надо решать с книжкой в «Современнике» и «Сов. писателе».

26-го в издательстве «Книга» состоялась премьера книги «Я, конечно, вернусь». Не приглашен. В авторах не значусь. Что это значит? Крымова не звонит, и мне понятно. 23-го вышла газета, где Любимов, Губенко и она... в одном контексте, рядом. И я желаю Губенко и иже с ним удачи... А в зал она не приглашена. К тому же 13-го, в годовщину, я не послушался ее совета, и перед «Вишневым» говорил Дупак. Все это дает ей основания думать, что мы опять окончательно в разных компаниях. Выбросить меня из книжки она вряд ли успела, тем более что материал мой напрямую связан еще и с Эфросом. Могло ее раздражать и то, что в рязановском сериале я опять повторил историю с Гамлетом и как бы продал информацию в два издания. Хотя я ведь не знаю, как она восприняла мои откровение и растерянность и провока-торство Рязанова. Так что вывод один — замолчать, готовиться к «Годунову» и писать «Родословную», пока действительно на ножи меня не поставили.

Пропала из дома книга Марины Влади. Грешу на Ваньку, больше некому. Нет, это не так. Кажется, мы сейчас с Тamarкой разобрались: она привезла две книжки Влади. Одну отдали Каневскому²⁷⁶, другую — Ольге М. Что мы ищем, чего не теряли? Господи, прости и помилуй.

9 февраля. Вторник

Страсти в театре кипят вовсю. «Создается комитет в защиту Золотухина», — шутит Ванька. Смирнов собирается выступать на партийном собрании и требовать от Карабасов (?) объяснений, за что так избили (пока еще морально) Золотухина и театр. Кто дал право

²⁷⁶ Леонид Каневский, актер Театра на Малой Бронной.

Володарскому²⁷⁷ заявлять, что Володю в театре не любили и пр. А «группа мести» из Иванова шлет угрозы мне. Господи! Спаси и помилуй нас, грешных.

Ездили с Иваном в издательство «Книга». Подержали в руках сборник «Я, конечно, вернусь» с нашими воспоминаниями, заказали по 25 экземпляров. Уникальное подарочное малоформатное издание не произвело на меня впечатления.

Губенко час по телефону говорил с Любимовым, с Катей и даже с Петей. Николай свободно владеет английским и был в Вашингтоне в центре внимания, так что министр Захаров быстро стал не у дел, не нужен и был лишен короны. Вот тебе и Колька! Молодец. Завтра в 11 собрание. Любимов высказал горячее желание приехать осмотреться, и Катя говорила с Николаем, и даже Петя, и тоже на английском.

«Нехорошая квартира»²⁷⁸ существует, казалось — всех пересажали, все перерезались, переженились. Подъехал — окна, весь этаж в темноте, дом весь в лесах, но подъезд открыт, и «музей» существует с этими картинками. И слава Богу...

20 февраля. Суббота

Ну, начнем еще одну новую жизнь. Вчера был очень хороший «В. Высоцкий». Болотова сказала, что я работал как бог... как будто лег на амбразуру и за того парня... «Я виновата перед тобой». Я понял чем — она недооценила мои актерские ресурсы. А накануне было много интересного в театре. Коллективный запой, срыв спектаклей, снижение в категории Антипова и Бортника, а я прошел по лезвию ножа. Впрочем, чем хвастаюсь. Развесил тексты Гришки по стенам и ушел в запой. Хороший, почти эфросовский разговор с Губенко. Так разговаривают, когда поверяют душу друг другу. Он говорил, что ему трудно и зачем все это ему нужно. Он знает о болезни моей жены, а Жанна у него с таким же диагнозом лежала у Блохина²⁷⁹, и чем кончится — неизвестно, а я предаю ее, моего любимого человека, ради чего? Она сутками ждет меня... «Я сейчас два года мог бы быть рядом с ней, два года до нового фильма, я бросил любимую работу, для меня театр — дело совсем неизвестное, новое с этого кресла...» Я говорил о своей верности ему, так же как я был верен Любимову, Эфросу, что жизнь моя здесь, в этом доме, в этих стенах, прошла и я им желаю добра и благополучия. Расстались мы умиленные разговором, а на следующий день грандиозный скандал его с Бортником, который напился во время репетиции. Я говорил Николаю о шапке Мономаха: уж коли взял — решай и с нами жестче... Потом Николай выделил свою машину, написал записку Ивану с просьбой не подводить очень ответственный спектакль, и я утром привез Бортника в театр, и он хорошо работал. А мой милый Назаров прислал трогательный литературоведческий разбор моих рассказов в «Земляках», на 12 страницах бисерным почерком. Я с нетерпением ждал, когда он наконец доберется до комдива. «Зато уж «Комдив»... Уж не знаю, каким манером упрятана его пружина, и прет меня по рассказу по большому неразмежеванному полю к той, последней березе. Рассказ всем хорош, до слез хорош, и слеза не от «трогательности», а от правды. И еще он тем хорош, что ты пишешь не о себе, не от себя, а про другого человека — это важный шаг в писательстве; мне кажется, ты оторвался от самого себя — и как славно полетел, как сильно! Дай-то Бог». Вот так сказанул Назаров!

22 февраля. Понедельник

Начинаются репетиции «Годунова». Благослови нас, Господи!

28 февраля. Воскресенье

²⁷⁷ Эдуард Володарский, киносценарист.

²⁷⁸ Речь идет о квартире в доме № 10 по Большой Садовой улице, где некоторое время жил М.А.Булгаков (см. роман «Мастер и Маргарита»)

²⁷⁹ Н.Н.Блохин, известный хирург-онколог, академик, возглавлял НИИ экспериментальной патологии и терапии рака АМН СССР (ныне — Онкологический центр его имени).

Как мне не хватает Эфроса. Боже мой! Я стараюсь заглушить в себе грустные мысли, я стараюсь подчинить себя общему настроению. Я хочу слиться с коллективом и встать вровень со всеми, чтоб было как когда-то. Но разве возможно это? Что за жизнь прожил мой отец, что за жизнь проживу я? Хоть бы мальчишкам своим чего-нибудь привить, оставить доброе, нормальное, человеческое. Вот я приеду в Испанию, вот я встречу с моим учителем Анхелем. Что он скажет обо мне, что он думает о жизни здесь и там? Быть может, он что-то написал.

17 марта

А число мое...

Прилетает Любимов...

Думал — напишу в Мадриде повесть. В общем, и пишу ее. Все беспокоятся за Славину, как она поведет себя, увидев Любимова. Женщина она у нас психованная — кинется со сцены на грудь и всю малину испортит. Как поведут себя журналисты, в конце концов, как мы себя поведем, и главное — шеф и Катя. День сегодня ответственный, но число 17 — число мое, и да сохранит меня Иисус Христос от зависти, злости и лукавого.

20 марта. Воскресенье

Вчера были беседа Любимова с труппой и репетиция. Кажется, отошел шеф — разговорился со мной и Кузькина вспоминал. Спектакль прошел хорошо, шеф выходил в конце на сцену, вызывал Губенко, Боровского, Буцко²⁸⁰. После спектакля — семейный снимок. Любопытно, как отнесется советская действительность к факту присутствия Любимова и такой любви к нему со стороны труппы...

21 марта. Понедельник

Так и не удалось с Любимовым поговорить, но у него и не было желания со мной беседовать о жизни. Он да и я понимаем сложность и не шибкую приятность такого разговора — вот она и вылилась в последней реплике.

А до того он говорил:

— Для того чтобы режиссеру на Западе выжить, нужно ставить как минимум 5 спектаклей в год... Надо много работать, здесь я научился работать по-другому... поэтому я выжил... Правда, и на Таганке «Мастер» сделан за 45 репетиций. Но была подготовлена вся техника — ходил занавес, отлажена была кран-балка... Театр в мире в плачевном состоянии. В Америке, например, театра нет и нужды в нем нет. Они могут взять любой шедевр, записанный на видео, и прокрутить у себя дома...

Все время хотелось спросить: «А зачем вы тут «выживаете», а не живете дома, где есть и театр, и нужда в нем, да и с голоду не помрете? Ну, не будет «мерседеса», хотя почему!»

«Советский режиссер хочет вернуться в СССР» — с таким подзаголовком вышли газеты, и как — этому я свидетель — окрысилась Катерина: схватила газету, стала выговаривать Юрию:

— Они всегда были б...!

— Ну что ты хочешь от прессы... во всем мире она такая, лишь бы платили.

Шеф мне на программке написал: «Валерий. Побойся Бога!» Боже мой! Какая безгрешность! Он думает, раз поселился в Иерусалиме, значит, с Богом по корешам. Ни тени сожаления, ни намек на раскаяние или чувство вины... Опять кругом прав, остальные все дерьмо. Откуда-то выдумал чудовищную историю, как выкидывали чиновники «Дубинушку». Кому он это говорит, кому лапшу вешает, мудрости в нем не прибавилось, хотя часто говорит о возрасте и библейские мотивы вплетает в речь.

Шеф вышибает, на мой взгляд, землю из-под ног у Николая, говоря: «Я вообще не представляю, как можно играть такую роль и одновременно режиссировать, — это невозможно». Понимаю — к тому, чтобы Николай сделал все возможное для его

10-дневного приезда в мае на выпуск «Бориса».

²⁸⁰ Юрий Маркович Буцко, композитор, автор музыки к спектаклям «Мать», «Гамлет».

29 марта. Вторник

Любимов:

— «Дублер всегда сидит в зале и ни разу не выходит на сцену. И часто он бывает сильнее, но контракт — вещь жесткая». Я попросил жену прочитать 46 страниц из дневников, посвященных Высоцкому, с тем условием, чтобы на полях она оставила свои пометки, свое отношение к нравственно-этической возможности их опубликования. Она написала: «Мне все нравится».

Амелькина по телефону прочитала мне только что вышедшее в «Известиях» интервью с Любимовым в Мадриде. Потрясающе!! Это хороший, добрый знак! Он теперь, конечно, придет к выпуску «Годунова». Надо быть в форме. Надо накопить энергию, голос и силу! Неужели еще будет праздник на моей улице?

30 марта. Среда, мой день

Я даже не догадывался и не подозревал за собой то обстоятельство душевное, какое случилось со мной, когда я узнал и услышал об интервью Ю.П., напечатанном в вечерних «Известиях», — я счастлив и полон восторга и каких-то надежд. С чем они связаны? С «Борисом Годуновым» ли, с «Кузькиным»? Первые слова Любимова, которые в Мадриде были: «Здравствуй, Федор». Если правда то, что он репетировал встречу с каждым персонально, то фразу эту он для меня заготовил в Тель-Авиве. Рассказ про Капицу-Кузьки-на во время репетиции сцен тоже не случаен. От счастья случившегося хочется плакать. Хорошо, что мои спят, тихо в квартире, только китайский будильник, привезенный из Хельсинки, тикает да шебуршит холодильник И что из того, что меня не примут сегодня в писатели?²⁸¹ Мы сыграли «Годунова» под началом Любимова. НО!! Теперь надо ждать реакцию на интервью самого Любимова, в особенности на редакторские комментарии. Вернее, даже не Любимова, а Катьки — это раз, и потом, конечно, Максимова²⁸² и К°. Они поднимут сейчас страшный антилюбимовский вой за фразу, что он не ставил никогда политических условий, не имел политических целей, а только творческие. А Максимов только и имел в виду политическую дискредитацию советского строя и власти большевиков.

Как бы там ни было, опять поднимется шумиха — да какая! — вокруг имени нашего игрока, Юрия Петровича Любимова. Уважаю!!

Катерина (рассказывал Варпаховский²⁸³ Боровскому) в Америке при свидетелях сказала: «Юрий Петрович! Вы умрете, а мы с Петей останемся». В том смысле, что подумайте о нас, оставьте нам средства к существованию. Ее, наверное, тоже можно понять. В СССР она ни жить, ни работать не может.

14 апреля. Четверг

Любимов, говорят, заявил, что ни по каким частным приглашениям он не поедет, что он не мальчик. Пока не будет официального приглашения, что едет работать, восстанавливать свой запрещенный спектакль, пока там Демичев у руля... Быть может, все это и не так, но уж очень похожа версия на его характер и всегдашние заявления. Оформление может утонуть, погрязнуть в среднем звене. Горбачев, по словам Губенко, дал указание Захарову этот вопрос решить, а министр лег в больницу... Кто будет нам помогать?! Сроки у Любимова зависят от контрактов его, если не 8-го, то, считай, никогда. Западная пресса поднимет вой — Любимова не пустили на родину!!! Это удар по авторитету Горбачева и перестройке, по демократизации и гласности. А чиновники могут затянуть, и виноватого не сыщешь. Что делать? Обратиться к Ульянову? Но интересно, как он настроен,

²⁸¹ Речь идет о неудачном приеме Злотухина в члены СП СССР

²⁸² Владимир Максимов, писатель, главный редактор журнала «Континент»

²⁸³ Андрей Варпаховский, художник.

и более того — он может на словах посочувствовать, пообещать, но внутренне ведь он обижен на Любимова, что тот просто впутывает его в свои дела. Тут еще генеральные обязательства перед покойным Эфросом, и он, конечно, помнит.

15 апреля. Пятница

Любимов. Жукова говорила с ним, интересовался про меня, «как этот оболтус, пьёт?». Так про всех — про Феликса, про Ваньку... Ходил в посольство, поставил все печати и т. д. Он абсолютно уверен, что его впустят. Оказывается, после него Рейган должен появиться в СССР. Думаю, испугаются функционеры западного воя. Затаимся — будем ждать.

19 апреля

Неверные версии весьма опасны, потому что невероятно живучи и, как правило, отвечают низменным качествам общественного темперамента. Так, общественный темперамент долго и активно изыскивал виновника ранней гибели Высоцкого и этого виновника с великой помощью Э. Рязанова обнаружил в лице Театра на Таганке и Золотухина, который смел претендовать на роль Гамлета, хотя бы и по приказу начальства. Что любопытно, после почти четырехлетнего перерыва, когда я уже давно расстался с мыслью сыграть Гамлета на сцене Театра на Таганке, в Польше, на гастролях в городе Вроцлаве, куда В. В. прилететь не смог по причине великого нездоровья (в это время он лежал в парижском госпитале), Любимов вызвал меня и спросил:

— Знаешь ты текст Гамлета?

— Ну и что? — ответил я вопросом на вопрос.

— Давай попробуем: ночью порепетируем, а завтра вечером сыграешь.

— Это самоубийство, Ю.П., даже если я расскажу весь текст. Мы же не в Рязани, — почему-то я привел именно этот резон, — где я, на худой конец, если не Гамлет, то хоть «хозяин тайги». А здесь Высоцкого ждут.

Мне не хотелось бы каждую из версий в отдельности брать и перетолковывать из той же самой осторожности, что моя версия кому-то покажется более правдивой, чем версия Смехова. Я вообще хочу в этом смысле предостеречь нынешних летописцев от поспешных выводов, осуждающих актов и протоколов, даже если эту версию распространяет и поддерживает всяческими правдами и неправдами главный герой и виновник в надежде превратить ее со временем в легенду. Летописец или присяжный писарь? Это две большие разницы, как говорят в Одессе. Чтоб в стремлении прослыть летописцем мы не оказались в роли присяжного писаря того или иного деятеля, так как добру и злу внимать равнодушно мы не научены, не то воспитание. Мы всегда более корысть личную блюдем, даже пища как бы и кровью...

В Испании, когда труппа предстала перед своим императором с потрепанными знаменами, но, как старая гвардия, готовая к любому сражению, самому безрассудному (да простят меня мои коллеги), я вспомнил слова Смоктуновского о том, что Эфрос спас честь «Таганки». И если есть, по определению Смоктуновского, школа «Таганки», так она в ее монолитности в трудные моменты, но отнюдь не в хамстве и попирании чужих авторитетов. Парадокс — так осуждаемый С. поступок Эфроса, что он принял руководство театром, сохранил для Любимова (для советского театра) его труппу. Одних он удержал властью гл. режиссера (а почему, собственно, нет?), других завоевал работой. Честь и хвала ему за это! Так нет, мы в угоду одному создаем неприглядную, порочащую версию поступков другого. Зачем? Одним из активнейших противников идеи, что после Любимова «Таганка» должна была бы превратиться в кладбище, был Эфрос — как художник, забывающий о своих личных амбициях, если дело касалось спасения культурных ценностей. Так давайте же и мы свои личные обиды оставим при себе и не станем выдавать их за всенародную скорбь, за серебро всенародной слезы...

7 мая. Суббота

Отче наш! Иже еси на небеси! Боюсь и писать что-нибудь: в эти часы решается вопрос визы. Самый страшный сон — Любимов приходит в наше консульство за паспортом, а ему говорят:

— Вам отказано во въезде на Родину!

Что с ним будет!!! Какое чудовищное измывательство, ведь у него на руках билет и телеграмма Губенко (чихнул кто-то — приедет наш дорогой странник) с заверением, что виза получена и всё в порядке. Сообщите рейс, встречаем и пр. Через два часа после первой, разрешающей, в Штутгарт ушла телеграмма другая: «Задержать исполнение».

Репетиции вчера практически не было — Николай сидел на телефоне, с которым творилось что-то неопишное. Телефонистки с междугородки заявили в конце концов: не звоните, такого телефона не существует. Дозвонились до Израиля, Катя не договорила фразы — связь была кем-то прервана. А она сказала: «Я не могу отпустить Юру одного...» Наконец соединили с Любимовым. Коля повторил ему все самые обнадеживающие слова. Любимов просит вызвать Катю. Они в Испании договорились о приезде его одного. Оформление Кати по частному приглашению займет еще два месяца. Под разрешением Любимова стоят две подписи членов Политбюро, не хватает третьей — Горбачева. Боже мой, какая идет борьба, игра и черт его знает что еще... Боюсь звонить в театр. Все равно туда надо ехать — смотреть «Федру».

Симонова Евгения Рубеновича встретил. Приехал с дамой на просмотр несостоявшейся «Федры». «А я вас тут видел в «Мизантропе». Очень вы мне понравились... Это было талантливо. Вообще, правильный спектакль. И, представьте себе, захожу в букинистический — лежит «Мизантроп» 1912 года издания, я покупаю его за 10 рублей и вдруг обнаруживаю, что это не 1912-й, а 1812год, свло-женной программкой, где Альцест — Щепкин. Это первый Мольер в России, перевод не помню чей. Я в коммисионку — сколько это стоит? Две тысячи!!»

Странное дело — я поправляюсь на глазах, настроение от этого еще гаже. Что такое — не могу ни читать, ни писать, ни думать... Свалим всё на ожидательный момент Любимова-«Годунова».

9 мая. Понедельник

«Мизантроп» — шефский. Почему?!

Любимов в Москве! Мы встретили его в «Шереметьево». Белого коня достать не удалось, но швейцарское радио было, да и наш Ракита²⁸⁴ заснял на видео. Но на зеркале у меня портрет Анатолия Васильевича, и надо этот шефский спектакль для воинов сыграть хорошо. Господи! Благослови нас на удачу и чтоб голос не сорвать, сбереги меня, Господи, для «Годунова»! И моим партнерам пошли удач и здоровья.

— У тебя месячник здоровья?!

— Да, Юрий Петрович.

— Можно работать?!

— Да, Юрий Петрович!

Встреча была суматошная. Ю.П. кричал:

— Не разбейте водку в желтой сумке!..

10 мая. Вторник

Объявил семье, что я сегодня встал другим человеком, поэтому им надо быть начеку и не удивляться моим неформальным поступкам.

Солженицын встретил Ю.П. словами: «А вы знаете, какой сегодня день? Ровно 12 лет назад после нашей с вами встречи меня забрали в Лефортово».

Ю.П. ночевал у него, и хозяин был весьма приветлив и любезен. Он знает все... Он знает, где и как я себя вел в какой ситуации и пр. А разговор о Солженицыне начался с телеграммы, которую А.И. прислал Любимову на 70-летие. Там было сказано, что «это Бог вас надоумил выбрать для жительства Иерусалим. Именно не Париж, не США, а Иерусалим». Ну, он человек глубоко верующий... хотя по другим сведениям, закоренелый или, как говорят, убежденный антисемит — исходя из христианской идеи и пр.

284 Олег Ракита, радиоинженер Театра на Таганке.

19 мая. Четверг

Я говорил, что, кроме вреда, ничего эти репетиции мне не дают, а такого счастья, что случилось вчера на прогоне и после, я не испытывал давно. Я перешагнул через себя и взял какой-то важный барьер. Я выполнил почти все, что просил меня Любимов (удалось), и теперь говорят: Золотухин первым номером, Любимов очень доволен им.

Да он мне и сам говорил:

— Ну, ты чувствовал сам, как зал сразу реагирует на конкретность?

Сабинин говорил о сложнейшем фантастическом рисунке партитуры, «и, что самое поразительное, ты это выигрываешь с легкостью невообразимой». Все дело в том, что все были свидетелями этих мучительных, унижительных уколов, и казалось, что психологически и морально мне просто не подняться. И вот результат. «Кордебалет не ожидал, хор рукоплескал и был восхищен. Ты один из всех, кто выполнил его замечания». Ночью я слушал соловья и встретил ежа на дороге. Соловей выщелкивал и высвистывал, казалось, в мою честь. И сегодня рано утром помчался я провожать шефа.

— Здравствуй, Валерий!

Мы поцеловались на прощание, и он мне сказал:

— Ну, восстанавливайся... в смысле Кузькина.

Демидова ужасающие, невысказанные вещи поведала мне. Пьяная Кузнецова подошла к ней перед началом сцены «у фонтана» и сказала: «Ты бездарь, ты интриганка, ты пользуешься связями» и т. д. и т. п.

— А я и так-то самоедством заражена и тут думаю: может быть, она права... А Славина — мне это рассказали девочки из ее окружения — задумала уничтожить меня физически. Достала книгу черной магии и в спектакле Уильямса по действию вливает мне воду в ухо. Так однажды, говорят, она влила мне воду, которой омывали труп.

Это что же такое, Господи! Это трудно представить себе в бреду и чаду, в современном-то мире, в современном-то театре! Ой, батюшки-светы!!! Мне так стало жаль ее, что захотелось укутать, как младенца, и защитить на своей груди в прямом смысле.

В сцене она надела на себя столько нарядов из кожи, лис, тюля, юбок, ремней, блях, что я потерял ее задницу, запутался, где сиська, где меховая шапка. Краска Любимова: высморкать две ноздри и вытереть пальцы о майку — выстрелила аплодисментами. Я доказал ему, что не разучился ни работать, ни играть. В каждом публичном разговоре он говорил: доказывай себе и другим необходимость восстановления «Кузькина». В «Кузьки-не» есть темы вечные, и кроме того, там ряд блистательных актерских работ, что бывает не так часто. Зачем же ими разбрасываться? Значит, театральная задача на будущий сезон передо мной поставлена, а приехать работать он собирается (объявил на публике) в середине января и на длительный срок. И конечно, все его пребывание было сплошной белый конь... Публикация в «Московских новостях» — потрясающий провидческий документ. Слава Богу!! Мягкой тебе посадки в благословенном Иерусалиме, дорогой наш шеф. Написал письмо Горбачеву — вот над этим-то документом и работали Филатов с Губенко 16-го числа, когда Леонид закрывался у Петьки²⁸⁵, а Губенко, по рассказам Веньки, читал его под столом... прячься...

23 мая. Понедельник

Опять тревожно на душе, а все ведь объясняется просто: я боюсь спектакля, боюсь сыграть его не по той схеме, что удалось мне 18-го. Надо научиться обманывать свое вдохновение, не так затрачиваться, думать о другом... молиться — единственное спасение...

Я закончил первый «тайм» без ощущения стыда. Однако «келья» прошла без вдохновения, а после «корчмы» — аплодисменты...

Теперь бы закрепить хоть бы процентов на 50 то, что делал на прогоне. Господи! Пошли нам несуетности внутренней, коллеги мои дорогие!! Давайте жить мирно, пошли вам

Бог мира и душевной благодати! Помогите и вы мне!! Говорят, сцена «у фонтана» прошла лучше! Может такое быть? — не может такого быть!!

Куда лучше-то!!.

26 мая. Четверг

Ну вот, кажется, я к Петрозаводску готов. Освободил сегодня день от театра и все сделал, купил билет... Повозил Тамару по рынкам, магазинам, в общем — готов. Голос звучит. Гитара настроена. Странный спектакль вчера был, впервые не хлопали Ивану, и он несколько обескуражен был, обижен на публику и сказал в результате, что спектакль прошел неважно. Я возразил ему. Вышли — колесо спущено. Подошла Демидова: «А мне вчера два прорезали, ножевые дыры». — «Это вам, Алла Сергеевна, за «Федру», худсовет, бенефис и пр.». Демидова говорит, она не верила, что Эфросу из мести резали шины. По словам Розова, теперь она убедилась в этом сама. Ах, Алла Сергеевна, то ли еще может разгулявшаяся чернь?!

Анекдот. КГБ пишет письмо в комитет по ценам: «Просим снизить цену на водку, а то народ протрезвел и спрашивает: “А где царь?”»

28 мая. Суббота. Г-ца «Карелия», № 514

Благодать какая-то в моей душе. Во всем, конечно, виноват «Годунов». Теперь я, как Скупой рыцарь, трясусь над всякой бумажкой, где упоминаются Любимов и Театр на Таганке. Особенно умиляет меня фотография Любимова в «Вечерке». Весьма подробная информация для знающего человека. На переднем плане, например, стол для «президента», красной икры на черный хлеб намазано в палец толщиной, фрукты, соки и пр. Любимова трудно даже разглядеть и узнать — в позе нестеровского пустынного, калики перехожего... На пианино маски Васильева, Золотухина, Филатова. Что он держит в левой руке? Нац ним портрет первого режиссера театра Плотникова, Ю.П. в неистовом каком-то порыве... Эфрос остался за кадром, не уместился в эту композицию, а жаль...

Сегодня попробую в пушкинский этюд «Молитву» вставить и какие-то слова найти по случаю великого праздника 1000-летия принятия христианства на Руси. Надо бы православный храм посетить и приобрести иконку. Мой «Спаситель» остался в бушлате Самозванца. Хоть меня, как Гришку, предадут анафеме, однако «Спаситель» всегда у сердца. А до храма дошел я. Хотя у четырех жителей разных возрастов спрашивал, какая дорога ведет к храму, вразумительно объяснить никто не мог. Только четвертая — молодая девушка. А на подходе к церкви остановила старушка блаженная. Стала мне про Христа рассказывать, какие добрые, чудесные дела он сотворял. Ведь как-то люди видят друг друга. Сегодня родительская суббота, а завтра Троица, и пойду я в церковь к 10 часам, на службу...

Денис на вопрос Фурмана, дома ли Леонид Алексеевич²⁸⁶, сказал: «Папы нет дома»!!! Хотя Рудольф представился ему как друг Валерия Сергеевича. Рудольфа это задело. Задело ли меня? Да, конечно.

25 июля. Понедельник

День памяти В.С. Высоцкого. Зайти поклониться на кладбище и к Нине Максимовне.

На почте ждала меня радость. И как это я вдруг учуял? Раз что-то кольнуло и кто-то сказал: «Иди! Иди на почту, пока не закрылась. Сегодня воскресенье, и твоя почта работает, а завтра у них выходной». Я пошел. И вот тебе раз. Много звонков я вчера сделал, но никто мне не сказал про «Солдатушек», кроме матери Матрены Федосеевны. Ну и Полока, которому, как он говорит, звонили интеллигентные люди и говорили, что программа удачно составлена...

Боль по Эфросу не утихает. И чем больше успехи любимовского дела, и мои в том числе, тем острее чувство несправедливой кончины, внезапной и безвременной Анат. В. И здесь никакие слова не помогут, он не ответит спектаклем, чем, собственно, единственно и может быть защищен от ударов судьбы и критики режиссер.

24 августа. Среда, мой день

Теперь я, кажется, дошел. Ситуация взаимоотношений между Любимовым и Губенко-«Годуновым» была в 1982 г. резко другая. Тогда Любимов никак не мог его повернуть на человека, роль в смысле. Он его не устраивал во многом как исполнитель. А в этот его приезд я дивился, что он его так стал щадить, весь запал выпуская на меня...

2 сентября. Пятница

В книжном магазине стоит огромный «кирпич» — «Дневники» Н.Д.Мордвинова. Перелистал, посмотрел. Кому это интересно? Кто его помнит? Кто знает? Зачем он это писал?! Для души, для работы, душа у него трудилась, это правда. Но вот стоит этот исповедальный «кирпич», и я думаю... И мой «кирпич» когда-нибудь вот так встанет на какой-нибудь полке в далекой, заброшенной Богом дыре. И снова всплывает зацепка: в моем «кирпиче» нет-нет да и промелькнет имя Высоцкого, и уж ради этого «кирпич» мой какой-нибудь чудак купит для своей библиотеки. Будет искать дорогие имена.

9 сентября. Пятница. Новосибирск

Губенко — интервью... «А вот что касается нравственной атмосферы в театре, то она была действительно из ряда вон заболочена. Экология отношений была запятнана всеми теми болями, обидами, страстями, которые коллектив переживал последние пять-шесть лет. Сейчас, мне кажется, в этом смысле положение улучшается, и это единственное, на мой взгляд, что оправдывает мое присутствие здесь. Ведь дело в том, вы меня поймите правильно, что я влюблен в свою профессию кинематографиста, я знаю все ее слагаемые, я хочу заниматься этим. Мне не раз Любимов предлагал поставить что-нибудь самому, но у меня к этому не лежала душа... Так складывается наш следующий сезон, что пока реальной возможности для этого нет».

Комментарии, как говорится, излишни. Главного режиссера у нас по-прежнему нет.

Пресс-конференция в Новосибирске. Стыд-позор на всю Европу, и виноваты мы. Глупее и завиральнее редко бывает. Они спросили: «Почему вы не привезли «Бориса Годунова»?», а мы ответили: «А у вас нет горячей воды, мы приехали работать, а не отдыхать, создайте нам условия» и т. д. Но ведь у них в квартирах тоже нет горячей воды, чего мы на них-то нападаем...

11 сентября. Воскресенье

Вчера вечер провел у них — Филатовых — Шацких. Ленька читал свои стихи, а потом рассказывал, цитируя, пьесу по М.Салтыкову-Щедрину. Показывал убийственно смешно. Я хохотал так, что позвонила горничная — нарушаю покой жильцов. Я люблю их — и Леньку, и Нинку. Мне с ними хорошо, хотя я абсолютно не согласен с Ленькой все по тем же злосчастным пунктам: Эфрос, Любимов и пр.

12 сентября. Понедельник

Радость еще отчего главная — «Современная драматургия» не подвела. Фраза Любимова запомнилась мне с великой радости первопрочтения совершенно правильно и с тем смыслом, который я хотел услышать, узнать. Вот она: «А что же мне делать, если мне кажется, что Золотухин играет лучше, чем Губенко? Я смею считать себя лучшим специалистом в режиссуре и в работе с актерами, чем вы».

У Сережи умер попугай, которого он нашел на улице. Я им говорил: повесьте объявление и отдайте. Не послушались. Сережа из-за него чуть кота не прибил, но кот совершенно ни при чем был. И вот умерла птичка.

Вчера Петр Леонов занес альманах «Современная драматургия». Говорили о гастролях, «Годунове», Любимове, а Петя смотрел на портрет Эфроса, стоящий на моем столе вместе с иллюстрацией Петрова-Водкина и Денискиными фотографиями. Энтузиазм моей защиты Эфроса относится еще и к тому, что всегда хочется встать на защиту слабого. Почему-то так казалось мне всегда: Любимов не нуждался и не нуждается в этом, а Эфрос нуждался. Может быть, я тут ошибся.

До меня только что дошло, что передо мной — Обь, что это та дорога, та вода, которая от моего дома течет, от Быстрого Истока, и по ней я могу на родину уплыть. Это та вода,

которая вчера еще омывала Быстроистокскую пристань, те берега, на которых мы родились, выросли и влюбились. Это странное такое чувство и состояние очень конкретное, материальное.

С матерью никогда так долго и хорошо при встрече не разговаривали. Она одна, и я один, и от трубки ее не отнять, не оторвать.

По городу идет шум: приезд прославленной «Таганки» — позорище. Что-то часто поминают Филатова с его телесказками, байками и невразумительными ответами. Что говорят про меня?

Иваненко:

— Две трети труппы разочаровались в Губенко... чтобы так расходились слова с делом! Он отшвырнул от себя верящих в него людей...

На что они рассчитывали, бедолаги!! Ведь ясно как Божий день — кто бы ни пришел, они играть уже не будут никогда!! Они думали, что Коля — спасение от Эфроса? Господи! До чего же наивные, если не сказать «дурные», люди.

1 7 сентября. Суббота. Число мое. Новосибирск

Клуб Высоцкого открывает сегодня улицу его имени, просят, чтоб я вернул 4 шурупа...

В дождь завернул шурупы на доме, с которого начнется улица им. В.Высоцкого. Читал стихи, потом хорошо говорил Дупак. Почему-то не было Веньки, хотя он в городе. И закончились мои гастроли в Новосибирске. Отыграл нормально. Первую половину проиграл, вторую где-то выиграл, но и вправду: «последний бой — он трудный самый».

16 ноября. Среда, мой день

Прочитал «Роман летел к развязке» — Ивинская о Пастернаке. Судьба, жизнь, любовь. Жалко, ужасно обидно, что она не родила ему. Проклятое время, выкидыш... Боже, Боже мой! Все огромное, талантливое, кажется, в чем-то и с твоим романом жизни перекликается, и ищешь, тщетно может быть, аналогии. Ах Боже, Боже мой! Полдня говорю «люблю» одной, полдня — другой. Вру напропалую, спасает Кузькин. Принесли билет и командировку в Норильск.

18 ноября. Пятница

...«Когда меня изгнали из СССР...» — вот это самая противная для меня фраза в любимовском построении оправдательного слова. Он пытается внушить, и многим он мозги запудрил, что его якобы выдворили, выслали из России. Как ему хочется, чтоб было как у Солженицына! Зачем? Меня тошнит от его интервью — «все не так, ребята»... И очень много слов говорится о высокой художественности спектакля «Живой». Ах ты, беда какая! Какие же векселя оплачивать скоро придется! Как мне противны эти шумиха, показуха. Неужели без них нельзя обойтись?!

Ведь куда правильнее и честнее было бы даже такое: «Стало невыносимо жить, работать — я покинул СССР под первым предлогом, лишь бы не видеть, не слышать, не участвовать». Ведь так оно и есть... чем глупостями добиваться лишения гражданства.

Валерий! Чего ты себя распалешь?! Оставь ты этого старика в покое, пусть он играет, как умеет. Важно что? Чтоб приехал, чтоб был здоров, чтоб был в форме и выпустил хороший спектакль. Время всех рассудит и все разложит по полкам.

21 ноября. Понедельник. Аэропорт Норильска

Встретили меня отменно — Дом Высоцкого в Норильске.

27 ноября. Воскресенье

...В «Советской культуре» подбор писем в защиту Любимова и «Годунова».

«Вести себя раскованно с дураком — рискованно» — это мой случай с Рязановым. Одни мыслят, другие цитируют.

Шевелев Илья Нисонович, профессор из Алма-Аты, прислал мне свою книжку «Афоризмы». Есть и мне косвенный совет: «Развод в 30 лет — неприятная реальность, в 40 лет — неблагоприятный поступок, в 50 лет — подлость, в 60 лет — глупость». Где-то мои намерения к подлости склоняются. Сейчас попалась мне на глаза фотография Крицкой

Ларисы — роман четвертого и пятого курсов ГИТИСа, прерванный внезапной женитьбой на Шацкой. Чего жалко, так это того, что у нас с Шацкой не было романа. Роман обязательно должен быть. Быть может, он-то и есть то, что составляет основу, сердцевину, суть любовного дела, интриги. Так все быстро вспыхнуло, потом свадьба и хорошая жизнь 4 года, а потом... романы мои бесконечные довели Нинку до ручки и до Филатова. После фотографии Крицкой наткнулся я на письма Жени Сабельниковой и узнал по строчке поэтическую душу Жени. Замечательный был роман. Но роман, не закончившийся женитьбой...

Ей известны все мои тайны, которыми жива моя душа, еще не совсем лишенная мало-мальски поэтического воображения, — Ирбис²⁸⁷, красный конь, ладьевидная радость. Почему я разрешаю над этим смеяться? Ну, конечно, она оскорблена ужасно. И я подлец, очевидно. Да не очевидно, а подлец. Но что мне делать, если я влюбился.

Остановил меня вчера гаишник:

— Ваше удостоверение, Валерий Сергеевич... Ах, Валерка, ты, Валерка...

— А что я сделал?

— Сейчас я тебе, Валерка, объясню, что ты сделал. Ты, Валерка, не с той полосы выехал. И когда ты, Валерка, перестанешь нарушать, а? С той полосы вправо поворачивать надо. А? Как же так, Валерка, когда же ты правила выучишь!! Что там у вас в театре интересенького идет? «Солдат и Маргаритка» идет? «Мастер и Маргаритка» и «Иван Грозный»... А, «Борис Годунов»! Я двадцать лет вас останавливаю всех, и Любимова останавливал, и вашего хрипатого наркомана, не люблю я его... не любил. Значит, ничего интересного у вас нет, а чего к вам тогда народ прет? От нечего делать?! Ах, Валерка, ты, Валерка... Ну спой мне, Валерка, «Мороз, мороз...» и езжай, да больше не нарушай, береги себя.

3 декабря. Суббота. Самолет

...Марк Захаров открывал театральный фестиваль, говорил со сцены этого прославленного и многострадального театра. В словах могу быть неточен, но смысл следующий. Говорил, какая новая энергетика заложена в «Годунове». Любимова назвал не только великим режиссером, но и выдающимся общественным деятелем. Это было новое в характеристике Любимова. Марк умный и хитрый. Характеристика художника как общественного деятеля имеет две стороны. Любимов, особенно последнее время, именуется себя только художником и от политического театра отрешивается. А Марк как бы напоминает: «Да нет, дорогой товарищ, популярность ваша лежит как раз в области возбудителя общественного спокойствия, именно как политического интригана». С другой стороны, Любимову должен весьма импонировать статус человека-борца, «сахаровость» бунтаря против партийного, коммунистического удушья. Все переплелось, как в ленте Мёбиуса.

А самолет летит. На пресс-конференции запустил я в массы мысль: почему от Губенко ждут какого-то театрального манифеста, от его первого спектакля? Все выдающиеся режиссеры начинали с неудачи. Ну и что, Тарковский — «Гамлет», Панфилов — «Гамлет»? Не нужно ставить «Гамлета». Все ждут: вот поставит спектакль Губенко — вот тут-то мы его и потерзаем. Он художественный руководитель, он вообще может не ставить спектакли. Ульянов ведь не ставит, он сам поставил такое условие, хотя мне говорили, что это труппа так поставила вопрос о худруке. Короче, я дал Губенко разрешение на провал и вообще отпускую от постановки. Это Николай четко оценил, заметил, во всяком случае...

12 декабря. Понедельник. Стокгольм

Встреча с Ю.П.Любимовым прошла спокойно, деловито. Шеф мало останавливал и был совершенно другой, чем в Мадриде и особенно в Москве. Предвещает ли это хороший спектакль?

²⁸⁷ Героиня неоконченного романа В.Золотухина «21-й километр»

13 декабря. Утро вторника

Николай что-то задумал. Такое впечатление, что он закусывает удила, с трупой у него начинается внутренний конфликт в присутствии Любимова. Каким будет Любимов сегодня?! Вчера он был добреньким Дедом Морозом.

14 декабря. Среда.

Ах ты батюшки, мой день!

Писать, писать, все писать. А дело-то вот в чем. Английская опера Ковент-Гарден дала Любимову полную отставку. Его версия — как всегда: «Они надоели мне, я устал от них». Неделю назад он получил телекс о том, что его увольняют. 11 декабря вышли газеты на всех языках цивилизованного мира. Для западного деятеля это означало бы полное банкротство, крах профессиональный, безработица. К тому же позорная. Все это сообщила мне переводчица, которая работает с ним уже три года. Вы опять на первой полосе скандала, Ю.П. Контракт у него был на три постановки. Одну он сделал довольно успешно, а за вторую выплатили они ему гонорар, но от услуг его отказались. Он уволен, и формулировки для западного мира скандальные. Надеялся он на поддержку директора, но тот его не поддержал. Мы думали, что шведы, пока он здесь, не будут печатать эту информацию, но это не в правилах западной прессы.

В русскоязычной израильской газете накануне отъезда я прочитал беседу двух журналистов, Семена Чертка и N. Там вообще заронено одно поганое семя не только для Любимова, но для всей 20-летней «таганской» жизни. Разговор начинается с обмена мнениями о «Добром», которого он поставил — перенес на другую сцену, в другую страну, в страну с иной судьбой и другим народом, воспитанным совсем на других, свободных культуре, слове и пр. И, допустим, слова Брехта, обращенные в зал: «Если городом правят несправедливо — город должен восстать!» — в стране фашизма-сталинизма-большевизма звучали как призыв к восстанию, и публика понимала, о чем идет речь, и эмоционально взрывалась. Те же слова, с поколениями «габимских»²⁸⁸ артистов, звучат просто... Театр подтекста, искусство подтекста, иллюзий — и рядом открытое искусство вечное — Солженицын, Максимов, Владимов, Шостакович, Ростропович. И когда наступила гласность, искусство подтекста потеряло смысл, а вечное осталось... Наше искусство, чем мы гордимся и чем были сильны, называется, таким образом, временным и не получает пропуска в вечность.

А спектакль вчерашний прошел хорошо. От шефа я услышал то, чего и хотел: говорят, я был в ударе, хотя «фонтан» я уронил. Играл невнятно для себя, хотя шел упорно к серьезу и в этом, кажется, достиг определенного успеха. Хотя что-то случилось с дыханием, я все никак не мог вздохнуть нормально, желудок поднялся к горлу.

«Время мастера ушло вместе с мастером» — фраза Крымовой имеет под собой определенную правоту. Шефу нужен успех, не скандал, а успех. «Евгений Онегин» — это был страшный провал. Русская опера — и на тебе²⁸⁹.

15 декабря. Четверг

Что-то произошло со мной вчера — впервые за 25 лет работы я разозлился на своих партнеров и попер против своей актерской, профессиональной совести нервно болтать текст, выстреливать, выпуливать. В результате говорят, что я спас вчерашний спектакль. На все это мне наплевать, но Демидова, конечно, фрукт. Она кладет партнеров под себя разными методами, демагогией, какой-то актерской болтовней, выходя на свои сольные куски, абсолютно не слушая, не слыша партнера...

Так, теперь вышли первые рецензии — «триумф», «сенсационный театр», «самое выдающееся событие минувшего театрального года». А Любимов не пришел на вчерашний

²⁸⁸ «Габима» — израильский театр, созданный в свое время Е.Б.Вахтанговым.

²⁸⁹ Речь о постановке Ю.П.Любимовым оперы «Евгений Онегин» за границей.

спектакль. Думаю, что не отпустили Катя с Петей, он их тоже не видел два месяца. Здесь ничто не мешает ему часами с Петей по-русски общаться. Но наши решили — стыдно ему стало после вчерашней репетиции. «Маргаритки» — клише. А я думаю, и какая здесь, в сущности, кроется мысль: сколько в результате минувшего года сделал Николай для воскрешения имени Юрия Любимова как в Москве (главное), так и за рубежом (Мадрид, Афины, Стокгольм). И ведь это еще только начало. Когда время топит Любимова (не без его собственной помощи), Николай один, как Атлант, на плечах своих мощных держит этот гибнущий «Титаник» под псевдонимом «Таганка». В буквальном смысле для воскрешения и очищения имени, чем, собственно, и разозлил многих...

Несмотря на мою взнервленность и серчание на партнеров (Николай шумел в антракте на артистов, на всех без исключения: «Обтуристились!»), голос у меня звучал не хуже, чем в первом спектакле. Если сегодня не поврежу (может быть, уже вчера это случилось; скажется это, только когда пойду в «келью» сегодня вечером), то, может быть, Стокгольм я проскочу, а это уже победа. Четыре спектакля подряд — это, скажу вам... Как Николай выдерживает?

...Завтра закрытие, и наверняка будут Любимов, пресса и пр. И снова захочется отдохнуть. Но где вот сейчас девушки гуляют, смотрят Стокгольм? А я «от отроческих лет по келиям скитаюсь», по номерам и, запершись, пишу!..

Шацкая — странно! — не была ни на премьере, ни на репетиции «Мастера». Вообще не появляется на глаза. Я понимаю — друзья, путешествия, магазины. Но ведь есть и человечьи проявления. Странно, странно, и, хоть я видел ее во сне и был счастлив за нее, что у них с Ленкой будет ребенок, я радуюсь, что разошелся с ней. Счастлив ли я с Тамарой? Был, конечно. Сейчас какой-то странный период. И не Ирбис, да простит она меня, виной тому. Я сам. А кто же еще? Всё я! Это уже Годунов...

16 декабря. Пятница

...Мыс Аллой как ни в чем не бывало. Попросил я не лить на меня воду — она справилась о моем здоровье, нет ли у меня температуры, и все покатилось путем, и нет у меня к ней уже никакой обиды. Второй акт целиком смотрела вся семья Любимова. Игралось мне, как кажется, более-менее удачно, хотя не хватало голосовых мощностей. После спектакля шеф был в хорошем, деловом настроении, сделал пару предложений: мне — надеть парик, Алле — по существу сцены. Катя в очень хорошем расположении, ласкова и разговорчива со мной. Петя очень плохо или совсем не говорит по-русски, Николай общался с ним по-английски. Шеф доволен, что Катя добра и вежлива со всеми. Николай спросил, когда завтра забрать чемоданы у них, чтоб отправить с багажом театра, а потом со смехом:

— А когда будем переезжать из Иерусалима?

Катя:

— Ну, вы очень спешите!

В общем, взаимоотношения, как мне кажется, с семьей улажены. Катерина чувствует, что СССР ей не миновать, аренда дома в Иерусалиме закончилась 15 декабря (1000 долларов в месяц), им надо до Москвы где-то прокантоваться, ему еще лететь в Лондон закрывать свои дела — и в Москву, в Москву... Но Петя в Союз не хочет, не говоря о Кате.

18 декабря. Воскресенье. Хельсинки

Провожая, дали нам шведы по бутерброду, бутылке пива и пластинку с песнями Высоцкого в их исполнении.

Вечер. Прилетел в 17.00 Любимов и, бросив чемоданы, понесся в театр. Записывали с 18.30 до 24.00 световую партитуру. Теперь видно, что у него гора с плеч свалилась. Рецензенты хвалят «Мастера, а артисты до уровня его требований не дотягивают».

21 декабря. Среда, мой день

Шеф много суетится, энергично проводит все «пятиминутки», как будто хочет показать, что ему вовсе не 70 с лишним лет, и совсем не похож на того, каким мы увидели его в Швеции. Он соскучился по собственным замечаниям, когда он может говорить без переводчика, показывать.

Демидова:

— Я не могу зависеть от твоих импровизаций!

А позавчера — так плохо еще никогда не играли, и тут-то ее шеф и похвалил. Ужасно фальшивая дама. Говорит, распространяется, пишет книжки о партнерстве Высоцкого, а Бондаренко свидетельствует, как она его доводила в том же «Гамлете». В этом деле надо быть осторожными. Мы не знаем, что и как Володя говорил про нас другим, и тут мы можем наплести сеть из паутины. Потому что «монах трудолюбивый», он же время, сплетет и расплетет все по полочкам, и мы можем оказаться голыми королями. Володино суждение или частный разговор нельзя принимать как абсолютно, единственно верный взгляд...

Мне как-то обидно, жалко, что Жанна Не приходит в театр на наши рауты, встречи... Или она болеет, или вправду они поссорились. Ее совершенно не видно, не слышно. В принципе это замечательно, что жена главного не мозолит глаза и уши. Но, с другой стороны, не комплекс ли это?!

Ю.П.:

— Играл ты прекрасно. Только не ори! Когда ты завопил «Тень Грозного!..» — я аж испугался.

— Это была проверка.

— Какая проверка?

— Проверка организма. Выдержит или не выдержит. Выдержал.

— Ну, сегодня выдержал. В общем, дело не в этом. Не пей так много. Ты уж немолодой мужик...

Это он мне на прощание, после того как израильские посол и послуха вознесли меня до небес Иерусалима. Я успел вернуть, что мы мечтали побывать с гастролями в Израиле.

Любимов: «Мы об этом много говорили и, кажется, договорились». Целовались мы и с Катей, похоже, она была счастлива.

Играли сегодня блестяще. С букетом цветов раздетая Катя побежала посла провожать до улицы. Для нее посол Израиля важнее нашего посла в сорок раз. Пошли они все в дыру! Дело в том, что я сегодня счастлив, ведь сегодня последний, 7-й спектакль этой дикой дистанции. И я закончил его блестяще. Благодарю Тебя, Господи!

Тепло и грустно, по-моему, чуть дело до слез не дошло, попрощался с нами шеф.

— Жду с вами встречи в Москве. Много накопилось злобы, обстоятельства сложились у нас трагически. Во многом зависело не от нас с вами. Но эти два спектакля, «В.Высоцкий» и «Борис Годунов», произвели, на мой взгляд, очень важную для нас с вами работу... Они как-то объединили и дали надежду, что, может быть, еще что-то можно успеть сделать. С Рождеством, с наступающим Новым годом! Здоровья всем...

Губенко:

— Ну что, Валерий, мы можем друг друга поздравить, выдержали... Есть еще ресурсы в организме.

— Есть, Коля. Я третьего дня испугался не на шутку, но Бог спас меня.

Любимов (в прощальном слове):

— В свободные минуты, хотя у меня их почти не бывает... как говорил у нас Гамлет, я размышлял, что со мной и с нами произошло...

Все-таки размышлял, думал...

27декабря. Вторник

Большая, интересная, ужасно драматическая передача о Шифферсе. Я многое знал, но жил своей деловой и внешне счастливоблагополучной жизнью. Не углублялся, не вникал, функционировал на поверхности, добивался невольными званиями, известности, печатал какие-то повестушки, рассказы. Жил значительной жизнью — пил вино, любил женщин, гулял, пел всякую ерунду и не совсем ерунду. А где-то в кресле сидел удивительный, гениальный человек и мыслил и жил куда «живее», чем мы, барахтающиеся в этой тине, которая нам нравится. Мы эту тину часто принимали за нирвану. Вот такая чепуха и глупость.

Шифферс и Шнитке. Они очень похожи и лицами, и энергией излучения, и оба добрые, несмотря на жестко произносимые, оформленные в слова мысли свои, суждения. Нет, они не

озлобились, они не проклинают время потопное, не смирились. Нет, они ему противостояли своим активным в себе житием. Авваку-мовское мужество. Это люди не суетливые, «смертию смерть поправшие»...

Вчера — репетиция, разочарования и нахождение в коллегам (и, очевидно, в себе) признаков очередных и неотвратимых симптомов разложения, какой-то старческой капризности, брезгливости. И весьма малого достоинства при кажущейся защищенности и отстаивании своей крепости-мнения...

Губенко:

— Прочитал твои записи. Очень интересно, потрясающе. Сколько раз себе говорил: записывай каждый вечер. Но ведь ты рискнешь это опубликовать. Оставил Жанне, но страшно... Ужас какую жизнь прожили, жуть.

Я так понимаю, что это только часть, связанная с Володей.

Часть четвертая. От «Живого» к «Живаго»

1989

12 января. Четверг По дороге в К-45 с большой пользой поработал над текстом «Живого». Даже настроение поднялось, так и хочется услышать от Любимова: «Ну что ж, Валерий, время пошло тебе на пользу».

На обратной долгой дороге думал о Шукшине, Высоцком, о себе. Шукшин попал в друзья Высоцкого. Для меня это странно. За 16 лет работы и общения я никогда не видел их рядом. Не слышал о том, что они встречались. Вгиковские общения, безусловно, быть могли. Но, зная, как тогда относились его старшие друзья к Высоцкому, вряд ли стоило в дальнейшем именовать их друзьями. В 1969 г. вышел «Хозяин тайги». До того был «Лакей». В «Хозяине» снимался парень с Алтая, и Шукшин не мог не слышать об этом. Допускаю, что он недоуваживал тогдашнего Можаяева, а они, в свою очередь, Васькины рассказы недооценивали. Допускаю, что, если он и видел «Хозяина», он ему был активно противен. Да, но там его друг Высоцкий, который, в свою очередь, друг Золотухина, а Золотухин из Быстрого Истока, той самой пристани, того самого причала, который Макарыч никак не мог миновать. В то время это был, может быть, единственный путь до Барнаула или еще куда... Он был дешёвle и доступнее железной дороги. Другого транспорта, кроме гужевого и полупорок, нет... Обо мне писали много, особенно после «Бумбараша». На премьере в Доме кино, по словам Заболоцкого, был и Шукшин и отозвался о моем полупьяном заявлении: «Алтайский дурачок».

В 1973 г. выходит «На Исток-речушку...» — этого он мог не читать. Одно ясно: когда мы столкнулись в дверях гримерной и сидели по разным углам и гримировались, кто-то должен был к кому-то подойти первым, и, ясное дело, это должен был сделать я. Но почему? Да потому, что он ведь тоже знал, что я знаю его как земляка, писателя и актера. Я обижался, что он не приглашает меня в свои фильмы. И в театре у нас он не был, а Гамлета играл его друг Высоцкий. Он, говорят, был только на «Деревянных конях», в то время он что-то стал писать для театра. Я не могу поверить, что он был в восторге от Е.Лебедева. А был ли он на «Гамлете»? Не слышал. Во всем этом видится мне какая-то чепуха. Весьма допускаю, что ему (Шукшину) были какие-то мои проявления в обществе малоприятны и даже более. И все равно это ни о чем серьезном не говорит.

Володя к концу жизни компанию себе сочинил из друзей: Шукшин, Тарковский, Тодоровский...

25 января. Среда, мой день и день рождения В. Высоцкого

Поезд из Ленинграда. Концерт вчера прошел замечательно. Я пел «Реквием» Шнитке с Анисимовым. Лебедев Е.А. потрясающе пел. Ведьму изображал. Голубкина!!! С Любимовым встретились на кладбище у В. Высоцкого. Потом поехали с Иваном к Нине Максимовне,

потом в «Прогресс» за книжками Марины. Подловили ее и обеспечили свои книжки автографами. Спектакль, а-ля фуршет — валюсь с ног.

6 февраля

Любимов сказал: «Молодец, сегодня лучше играл». Похвалил и Аллу. Не хочется идти в Дом кино 8-го на встречу с Любимовым. Филатов поторопился сказать мне, что по этому поводу ему звонил Губенко. Мне он не звонил. Швыдкой вертит эту рулетку, и он не хочет, чтобы я был рядом с Любимовым, — они ведь всё будут снимать и наверняка спросят об Эфросе, и будет, может быть, скандальчик, а мою позицию они знают и знают, как я могу ответить и за Эфроса, и за себя.

12 февраля. Воскресенье

За Любимовым я не записываю, не был я на худсовете, где решали вопросы репертуара. Господи! А то он без вас не знает, что ставить, к чему он больше готов и что быстрее. «Вот Филатов со Смеховым решат, что ставить, а мы сыграем» — так я шучу. Не был я и в Доме кино, не шибко был нужен. И правильно сделал, что не пошел... Писарчуков за Любимовым навалом, и мое перо лишнее, да я и не могу ничего писать, когда готовлюсь к сражению. Отмечу: Любимов вспомнил свой приезд десятидневный и как бы оправдывался, один на один, разумеется, почему он так измывался надо мной одним — и как я вытерпел, выдержал этот публичный позор и издевательство, глумление. И как он благодарен, что я ему простил это и «отомстил» работой. «Да что там говорить, я знаю — когда ты трезвый, ты работаешь как лошадь». Я поставил во здравие его сегодня свечку, дай ему Бог здоровья и сил. Что теперь делать? Обиды мешают дело делать, а если мы не будем дело делать, кто его за нас с ним сделает. Так что, «Нина Шкатова, зови иностранца, и давайте работать» — так я публично веду себя. И в шутке есть оправдание моего поведения. Хочется взять гитару и попеть, а — сильное несмыкание и боль в горле. Вот так!! Надо плакать, плакать, плакать. Чтоб хорошо играть, надо быть страшно несчастным человеком. Тогда рассказ о корове засветится радостью непредсказуемой, счастьем явного приобретения, видением реальнейшим.

Дайте мне добежать эту дистанцию. Ведь тут в самом деле судьба моя решается — станет ли 23 февраля «для русской кисти первым днем»? Ведь мне перед покойным Володей стыдно будет, какие он слова говорил о Кузькине моем, как он хотел мне удачи, как он шел меня, пьяненький, целовать, через всю сцену, и упал на обратном пути. Боже мой!

Можаев сказал, что я стал играть гораздо лучше, чем прежде. Если ему верить, это уже победа. «Да не хвали ты его!» — прервал Любимов. Хвалить артиста — это его прерогатива.

17 февраля. Пятница

Вот кончится «Кузькин» — поживу на даче, буду писать роман. Я этот жанр не люблю — большой рассказ или маленькая повесть; а когда все сложится вместе, то и получится дом моей жизни. Надо одеваться на «Кузькина».

19 февраля. Воскресенье

Я только вернулся с «Годунова», как звонит Губенко. Выразил свое восхищение моим трудом — и в то же время соболезнование, сочувствие:

— Так работать нельзя, тебе надо отдохнуть, помрешь — и мы все будем виноваты.

У него ужасно сложное положение. Он все время подвигает Любимова на возвращение гражданства — тогда пусть берет театр и выполняет все свои прожекты: отделиться от государства, создать кооператив, сплотить «наполеоновскую гвардию», выгнать Дупака, «гвардейцам» платить по 1000 рублей, а половину труппы выгнать, снять «Мизантропа», «На дне», «Маленький оркестрик».

— Мы только что договорились, что это последнее восстановление «Живого», а «Преступление» пусть восстанавливается факультативно. Смотрю — вывешено объявление, что собираются участники «Преступления». Я сказал: «Ни в коем случае, только новая работа, “Маленькие трагедии” или “Театральный роман”». Ты-то сам как? Он тебя хочет занять, надо вывешивать распределение.

Я сказал:

— В распределение я хотел бы попасть, а играть не буду.

Но сегодня утром я перезвонил Николаю и сказал, что это глупость моя димедрольная (я вчера за столом заговариваться стал) и в распределение меня включать не надо. У Кольки ситуация самая неприятная.

— Шеф не хочет терять за границу, театр он брать тоже не хочет, но хочет оставаться фактическим руководителем. Я сказал ему: «Так не будет, пока я главный режиссер, и вернут ли вам театр в этой ситуации?!» И тут я почувствовал, как вся кровь бросилась ему в лицо. Он готов был сорваться на скандал со мной, но сдержался.

Кольку в этой ситуации надо поддерживать всячески. Если он не хитрит, то молодец.

— Ну, давай, типяра! — так «благословил» меня Любимов на прогон.

20 февраля. Понедельник

— Говорят, ты вечерний хорошо играл? — сказал мне вместо «здравствуй!» Любимов.

Господи! Я ставлю свечки о здравии его. Господи! Не лишай меня ремесла моего!

Любимов: «Валерий утомлен, неважно с голосом, но он стал играть глубже, мудрее...»

Я рассказывал, как встретил генерального директора племенного конного завода, который был у нас сельскохозяйственным консультантом по «Живому». Вообще день плохой, тяжелый, неприятный. Рамзее сорвался с тросов, узел развязался. Если бы это случилось, когда его подняли в небо, он убили бы и действительно ангелом стал. Бедняга!

27 февраля. Понедельник

Я дал согласие репетировать Дон Гуана. С моей стороны было бы верхом неприличия отказываться от работы с Любимовым, когда он того просит. Я слишком многим обязан ему, всей судьбой моей, так что ж теперь... На афише «Кузькина» он написал мне: «Дорогой Валерий! Пусть все быльем зарастет! Твой *Любимов*». Так вот, пусть все зарастет, а мы сработаем с Божьей помощью еще один образ. Жалко, что будут опять проводить параллели с В.Высоцким. Но сегодня надо отыграть «Живого».

28 февраля. Вторник

Во вчерашних «Известиях» довольно приличная рецензия «Сказ о правдолюбце Кузькине». Вся история многострадального спектакля. Это, конечно, пока еще не рецензия, это пока информатика о спектакле, режиссере, театре, общая, обзорная, хвалебная. Я опять назван Теркиным и Иванушкой-дурачком, других определений для меня рецензенты не находят. Ну да Бог с ними! Тут для меня важен сам факт того, что легенда себя оправдала, что «Живой» по-прежнему современен и как факт театрального выстрела, и как факт политического, проблемного действия. Все остальные частности прилагательны. Гаранин-средний говорит, что это еще интереснее, чем было 20 лет назад. Будем в это верить.

2 марта. Четверг

Любимов:

Думал я, думал, ребята, целый день выходной... «Театральный роман» надо дописывать. Я решил запустить «Самоубийцу». Столько ролей потрясающих! Есть нравственный долг, который..

Думаю, что это вернее — параллельно... Буду многостаночником. Я направлю работу на Гришку Файмана²⁹⁰, на одного валить все не надо. (Значит, Подсекальников — Шопен? А кто еще?) С «Трагедиями» надо делать чистую разводку.

3 марта. Пятница. Утро, возможно, туманное

Я попросил у Любимова разрешения одеться в синюю кофту и голубую рубашку, и он мило согласился. Я поцеловал телефон.

И был лучший, как сказал Любимов, «самый живой спектакль из всех “Живых”».

5 марта. Воскресенье, отдали Богу

Ваганьковское. Были у Миронова. Молодая пара:

²⁹⁰ Григорий Файман, публицист, драматург.

- Смотри, смотри, вон Золотухин!
- Да ты что, он же еще живой!!
- Да вон он на тебя смотрит...
- Да я тебе говорю, что он живой еще!

С утра были в церкви. Я опять ставил свечки за Любимова, Можая, Тамару, маму, сыновей и за упокой отца и Юры Богатырева.

Сумасшедший из Павловского Посада приволок две картины в подарок женщинам, Марине Влади и моей любимой. Картинки довольно симпатичные.

Любимов:

— Мы готовим проект, как нам отделиться от государства, быть самостоятельным местом, приказом.

Антипов:

— Как церковь!

Приехал Губенко. Его прогнали, чтоб не мешал работать, потому что идет прогон.

И, может быть, рожденто я мамой моей для дня 23 февраля, дня премьеры «Живого».

Дети Высоцкого хотят подать на Влади в суд за клевету. Не пил он, бедный, не колотился, безгрешен был и чист как агнец. Наивные! Никита-то ладно, артист... Но Аркадий казался мне парнем самостоятельным и умным.

18 марта. Суббота

Вчерашний разговор с Демидовой.

— Валера, сядь на минутку. Ты знаешь, мне сейчас Петрович врезал за Марину, что я слишком вульгарная, и он прав. Но ты понимаешь... ты подыгрываешь... и мне...

— Алла, я слышу эти разговоры от тебя с 1982 года! В грехе, совершенном вдвоем, каждый отвечает сам за себя.

— Ну, тогда извини.

— Да нет, ну что это...

«Мне врезал Любимов, но виноват ты!» Думаю, что она обиделась. Наверное, она думает, что я, оглушенный успехом «Живого», уже ничего и никого не слышу... А вздрючен был я рассуждениями Бурякова²⁹¹. Во-первых, идиотизм, но потрясает и оскорбляет вывод: «И Золотухин хороший актер. Сильный актер. Но Золотухин — актер, а Высоцкий — явление». Что это за проституция, при чем тут Высоцкий и зачем это сопоставление? Сейчас начнется репетиция «МТ», и надо как-то в Дон Гуана заползть. Вместе с Демидовой.

Телеграмму в «Неделю» я все-таки послал. Быть может, не совсем красивую, но...

«Уважаемая редакция!

Пока кто-то напишет, а Вы опубликуете ответ на полемическую статью В.Бурякова «Живой», мне бы хотелось, чтобы В.Буряков через Вашу газету извинился передо мной. В.Высоцкий не только никогда не репетировал и не создавал рисунка роли Самозванца, но и не мечтал о том. В «Борисе Годунове» Высоцкий хотел играть Бориса и играл бы его, но смерть помешала. В.Высоцкий умер в 1980 г., а спектакль репетировался в 1981–1982 гг. Зачем или для чего подобная фальсификация, «за ради жареного»? Честно говоря, я устал от того, что кто-то постоянно пытается меня столкнуть с В.Высоцким лбами».

— Ю.П.! Опять скажут, что тень Высоцкого мне покоя не дает, что я его роли копирую, а вы еще из швейцеровского фильма музыку берете. Я предложил вставить голос Высоцкого из «Дон Гуана».

— Идея хорошая!

— Но мне нужен второй исполнитель. — Вспомнили абзац Бурякова.

— Но он явление в поэзии, а ты — в прозе.

— Зачем, Ю.П., вы вступаете в эту пошлую игру?

— Прости.

Оказывается, «оправдан» Павлик Морозов — не отменена статья о недоносительстве.

Все эти Проскурины, Алексеевы подводят базу, что Платонов — явление случайное, ничего не приносящее обществу. А Набоков вреден — обнажает уровень... Сразу становится понятно, кто есть кто.

Все в речах Любимова неслучайно. Он настаивает на своей точке. И отсчитывает эти точки с юности, под микрофон переосмысливает публично свои поступки, свою биографию, человеческую и художественную. «Сверхзадача — убедить себя. Нет другого хода. Искусство трудно — критика легка. Попробуй взять характерность».

26 марта. Воскресенье

Были на выставке Шемякина — это какой-то гигант невероятной силы, но мне не доступный.

А вечером я посмотрел «Интервенцию» и тоже порадовался. Нет, что-то в жизни сделано, кроме детей.

30 марта. Четверг

Любимов:

— Бабушка в католической вере, а мама по Старому Завету жила. Когда я прочитал и углубился в «Доктора Живаго», то понял, что я — христианин. И всем, даже жизнью, обязан христианству.

— Валерий! Тебе дополнительная нагрузка. Надо привлечь Ваньку, Леонида, людей, владеющих пером, — по мотивам «Записок покойного»; а у нас авторы — замечательные покойники: Булгаков, Трифонов, Абрамов.

— Олег Ефремов избегает меня, потому что писал: он не понимает, почему вокруг «Таганки» столько шума и восторгов.

Вот характер: ему Евг. Симонов плакался, интимные вещи рассказывал про жизнь свою и Театра Вахтангова, а Любимов — «по всему свету».

31 марта. Пятница

Любимов:

— Такое впечатление иногда, что наш народ махнул на себя рукой.

4 апреля. Вторник

Перед репетицией мини-собрание в комнате отдыха. Губенко заявил, что из-за саботажа трех ведущих артистов: Бортника, Золотухина и Демидовой — он вынужден оставить театр.

Любимов: ««Вишневый сад» — средний спектакль, без концепции, разрушающий эстетику данного театра, вредный». Разделил Бортника и Золотухина: «Он ведет репертуар и работает как лошадь».

Демидова попросила Н.Н. объяснить слово «саботаж». Ряд обвинений в адрес Демидовой, но это по-другому называется — саботаж есть саботаж.

В общем — тоска. И опять мой старый вопрос: зачем кокетничать с шапкой Мономаха? Ему хочется смыться из этого дерьма, но смыться так, чтобы обставить это причинами вескими, свалить все на обстоятельства. Это подло. 8-го собрание общее, скандальное, очевидно, Губенко будет ультимативное заявление делать.

У меня вообще какие-то резкие подозрения по сегодняшнему заявлению Николая. Такое у меня впечатление, что он снова решил с театром завязать. К тому же Филатов ему в том союзник. Мне кажется, во-первых, они не верят в шефа и в возрождение чего бы то ни было. Потенциала они не видят ни в Любимове (все его опыты за границей, судя по видео, не сулят ничего хорошего), ни в труппе.

Я не понимаю, куда клонит Коля? Выходит, Любимов берет театр, становится его руководителем — значит, ему возвращают гражданство!! А Коля умывает руки и хочет сделать это как можно скорее?! Ленка хочет ставить кино. Они, мне кажется, расстанутся с театром после «Маленьких трагедий». А Любимов заражен идеей «Театрального романа» на судьбе «Таганки».

7 апреля. Пятница

Любимов репетирует «Доброго». Замечательно.

30 апреля. Светлое воскресенье

Христово Воскресение!

Мы летим в Афины. Самолет выходит на взлетную полосу.

Губенко:

— Ты что, всю жизнь будешь посредником Бортника? Два дня ни Любимов, ни я не можем ему дозвониться. Сам он почему-то позвонить не может, то есть я знаю почему. Это ведь твоя инициатива, а не его.

Приедем с гастролей — будем разбираться с ним, чего сейчас говорить. А мне надо настроиться писать, писать, писать...

Аллергия на коллектив. Дупака выпирают жестоко и беспощадно. И я подумал, хотя гоню эту мысль: а не подать ли вслед за Бортником заявление об уходе и мне? Игра сыграна, сыграл Кузькина, состриг купоны, теперь бежим... Но об этом говорят совсем люди разные: и Гладких-реквизитор, и Глаго-лин-советчик.

На бедную, мертвую голову Эфроса каких только не льется домыслов и клеветы! И в каком это контексте все преподносится! «Вступил в сговор с Гришиным». Да если б он вступил в сговор с Гришиным, то он в первую голову пролил бы кровь на Бронной...

А Колины заслуги как организатора велики. «Благодаря ему я здесь», — сказал мне Любимов, когда я вдруг вспомнил и спросил: «А почему мы не играли 23-го “В.Высоцкого”?» — «Это Н.Н. решил. Хотите — спросите у него. Он руководитель. Я не смел настаивать — благодаря ему я здесь».

Глаголин слышал такую фразу от Любимова: «Он (то есть я) сорвал нам 25-летие, он саботировал, не играл спектакль, напился и не явился вообще».

А Колины заслуги велики. Он улучшил «В.Высоцкого», он собрал «Годунова» и выдрессировал круг. Если бы не он, то есть не его энергия, потраченная на приезд Любимова, не видать бы мне «Живого» как своих ушей...

Поэтому я говорю себе: «Не лезь в бутылку, старик, не лезь в бутылку! Бери ноги в руки и дуй до горы — учи и шлепай Дон Гуана, это и будет твой ответ лорду Керзону. Твое дело играть и сгонять лишний жир...»

3 мая. Среда, мой день

Мне хочется скорее закончить эту счастливую и противоречивую тетрадь. Тетрадь, в которой записаны репетиционно-премьерные дни «Живого». Так и назовем эту тетрадь — «Живой».

Начал я ее 15 декабря 1988 г. в Стокгольме. 4 месяца она писалась, да разве писалась? То гастроли, то пьянки. Но была завязка крепкая, и даже на премьере «Живого» я не выпил, а сел за руль и уехал с Тamarой домой. И это было правильно. Но потом начались срывы за срывами, и закончилось все омерзительным апрельским грехопадением. Теперь надо набраться сил и подвиг «Маленьких трагедий» осуществить. Или погибнуть.

Я не ожидал такого успеха «Живого», он меня оглушил и ослепил. И я потерял ориентацию. Но все же устоял на ногах, хотя с радикулитом. И не пишется. Да разве может писаться, когда душа и голова вместе с сердцем фанфарами забита была?! И до сих пор.

4 мая. Четверг. Утро

Любимов (в антракте):

— В общем, молодцы, подтянулись. Каждый спектакль нужно так играть, а не только за границей. Накладки со светом я должен завтра устранить и спектакль дотянуть. Гастроли не организованы, рекламы нет... Идет Пасхальная неделя. Многие еще не вернулись в город. Поэтому мало народу.

Он плясал с нами на улице, подпевал. Видит Бог, я люблю его, что делать?! И как жалко, что я ему доставил такое огорчение на 25-летие. Прости меня, дорогой Ю.П. Прости меня, Господи! Избавь меня от злополучной страсти!

12 января в Красноярске я записал: «Так и хочется услышать от Любимова: ну что ж, Валерий, время пошло тебе на пользу». И я эту фразу, подобную и еще лестнее, услышал от него; он мной гордился, а я оскорбил его...

Любимов требует, чтоб советник по культуре немедленно связался с Критасом²⁹² и чтоб Критас нашел срочную возможность встретиться с господином Любимовым. Или с представителем фирмы. Похоже, нас все послали и глядят со стороны, чем все это кончится. Министр не знал, какой репертуар мы привезли. А ей плевать, у них другие порядки. За все платит Критас, он и заказывает музыку. А наши-то вид делают, что не понимают.

Тамара говорит: «Твоя лучшая роль — Мизантроп». Читая про Т., я вспомнил... у меня защемило сердце, я ахнул от реальности — неужели я больше никогда не сыграю сцену с Селименной— Яковлевой? Какое блаженство, какое счастье я испытывал в удачные дни! И этого уже не будет! Не будет никогда! И этой нежности уж более не суждено вновь произрасти во мне? Неужели я никогда более не выскочу на авансцену и кому-то конкретно не скажу: «Я знаю, что любовь не терпит принуждения, непредсказуемо ее возникновение. Насильно, как ни тщись, увы, не будешь мил...» Ох, какая жалость! И не увижу глаз моей удивительной партнерши?!

Господи! Как мне хочется сыграть «Мизантропа» с Олей Яковлевой! Господи, сделай что-нибудь!!

Не потому что спектакль старый, не хочет возить «10 дней» Любимов. А потому, что он был за красных, а теперь за белых. «Били буржуев на разных фронтах!» — пою я, а он мне в ухо: «Зря били!»

8 мая. Понедельник

Я не знаю, что за тип Любимов, но это великий человек, это великий характер. Нет, он так просто не отдаст свой театр, свое прошлое, настоящее. Он как проклятый, прикованный Прометей, по 7 часов не вставая из-за пульта, репетировал, и действительно репетировал, внося новые и новые коррективы. Это уму непостижимо! Сколько сил, терпения, а значит — любви. Любви! Без нее у него бы ничего не получилось, он бы выдохся и сдох. А он все пять спектаклей выходил с нами на улицу, плясал, пел. Он тащил своим примером нас не хуже, чем своей волей, фантазией и режиссерской нагайкой. И труппа встала вчера перед ним, аплодируя, и я с таким чистым и благодарным сердцем, как никогда, любовался им и рукоплескал. Пантомимистка преподнесла ему букет гвоздик.

Он сказал:

— Мне это очень дорого от коллег получить. От зрителей мы привыкли, а от своих получить — это...

18 мая. Четверг

Накануне Любимов угощал меня икрой и сыром с барского стола, спросил: «Сколько ты дней не пьешь? Только честно! Три? Ну вот, на тебя приятно смотреть».

Горбачев с Филатовым в Китае, вот куда прыгнул Ленька!

13 июня. Вторник

В театре идет бурный худсовет — обсуждают уход Губенко. Выскочил совершенно потерянный, панически расстроенный Ефимович²⁹³: «Он уходит! Что это такое? Сделайте что-нибудь!!» Нет уж, теперь делайте вы. Надо было для этого выкручивать руки Дупаку! А Коля уходит вовремя... для себя. Биографию себе он сделал — великий гражданин, положил два года на возвращение гражданства Любимову. Теперь давай, дядя Юра, запрягайся по 24 часа в сутки и вытаскивай свое детище. А то тебе за границу хочется, а то тебе заграничной пиццы не хватает и условий жизни... Так, дорогой мой, все здесь к твоим услугам, и над тобой не только Демичева, а и Дупака нет.

²⁹² Греческий продюсер, организатор гастролей Театра на Таганке

²⁹³ Александр Ефимович, главный администратор Театра на Таганке.

11-го были в Барановичах. Отказались работать на этом дурацком стадионе — холод, ветер. Мы вернулись бы калеками. Вместо того мы сидели у меня в номере, пили коньяк и давали Веньке урок морали и нравственности. Но с Веньки как с того гуся вода, и больше ничего. Хоть согрелись коньяком и какой-то славной бастурмой или ветчиной. Обратнo ехали все вместе, в одном купе. Я на верхней полке.

Это ничего, что я кручу своей жизнью так, что непонятно, чем я в ней пребываю и как гляжусь со стороны. Бог со мной. Со мной ли? Хотя с другой интонацией записано это... «Иронически подан Золотухиным Дон Гуан» — вот и все, что я заслужил от критика за свою игру. Но еще не вечер. Еще не сыграл я свою игру. Завтра попробую. Спектакль оценивается по первым откликам как явление художественное. Это главное. Я ведь и шел в него, зная, что не сорву славы дополнительной, а исключительно за ради Любимова. Помогли я ему? Не знаю, но как умею, так и играю, по-другому будет завтра. Господи, сподобь! И партнеров моих.

Вечер. Смотрели «Последний император». Гулял. Звонил. Волнуюсь перед завтрашним днем. А чего волнуюсь? Вперед — и с песней понаглей, да повеселей, да позадиристей-похулигани-стей. Подумаешь, не боги горшки... И дуй до горы. Говорю то, во что сам не верю.

18 июля. Вторник

Всю ночь под впечатлением прочитанного интервью с Дыховичным о Высоцком — высокоумно, остроумно, самостоятельно, просто великолепно. Я узнал Володю, живого, нормального, со слабостями и «сильностями». Глаз у Ивана потрясающий и изъяснение точное, легкое, образное. Молодчина! Куда нам (особенно Веньке) со словесными выкрутасами, к образу В.В. отношения не имеющими, ничего не говорящими.

Арабская поговорка у Шаламова: «Не спрашивай — и тебе не будут лгать».

19 июля. Среда, мой день

...Самое большое уродство психики — тщеславие. Я думаю, как мне построить применительно к Шукшину свои выступления. Какой костюм взять? Хочется сказать так здорово, земляки! Потому что мы все сегодня в этот час на этой земле — земляки, земляками нас сделал В.М.Ш., его великое искусство, его Сростки, его Катунь, его земля от Владивостока до Кавказа, от южных гор до северных морей. Писатель рождается каждый раз, когда страницу его книги открывают новые глаза.

От энергии правды и непримиримости В.М.Ш. загорелось много сердец. Его биокольцо продолжает снабжать положительной энергией тех, кого оно выбирает. Его душа, его разум сейчас наблюдают за нами, и прав Распутин, говоря, что постоянно есть чувство вины перед ним, что мы что-то не сделали важного, хотя обещали и порывы были.

8 августа. Вторник, заканчивается

Держу в руках свою книжку²⁹⁴ и не знаю — радоваться или нет. Издана потрясающе, но что за тексты, как они придутся? Читаю один раз — отвращение, читаю второй — нравится. Один и тот же текст по-разному.

16 августа. Среда, мой день

Вчера занимался дневниками, комментариями, что подготовила Буденная²⁹⁵. Но даже в таком виде их нельзя печатать — тогда уж действительно выбьют окна и избьют или чего хуже сделают. Тогда и впрямь «в глушь, в Саратов» или Уфу прятаться.

Сайко:

— Куравлев просил не забыть и поцеловать тебя за выступление на Шукшинских чтениях. Несколько раз просил не забыть и обязательно тебя расцеловать.

²⁹⁴ «Печаль и смех моих крылечек». М.: «Современник, 1989.

²⁹⁵ Нина Семеновна Буденная, дочь С.М.Буденного, в ту пору редактор литературного альманаха «Чистые пруды».

«Вез я девушку трактором почтовым...» Остановил гаишник, узнал. Потом сам заводил мне машину, у которой капот не открывается и клемма у аккумулятора отходит. Давил на капот, кое-как вскрыл; я опаздывал немислимо.

Губенко:

— Извини, скажу не очень остроумно. Но мне наконец-то удалось разбить семью Бортник — Золотухин. Скажу, что сделал это сознательно...

Коля не знает, что тот и другой в завязке.

23 сентября. Суббота

Разговор в ресторане гостиницы «Волгоград».

— Почему вы так не любите Высоцкого?

— Откуда у вас такие сведения?

— Для волгоградцев это очевидно.

Я повернулся и ушел.

25 сентября. Понедельник

6—7 декабря в Киноцентре предполагается провести мои творческие вечера. Для этого делают с меня шарж, должны сфотографировать для афиши, для рекламы. А я должен подумать над программой.

Сестра Лены Соколовой, Ирина (после «Живого»):

— Вы гениальный актер! Вам не в этой стране жить надо!

Вот так!! А я русский актер, я только здесь и «гениальный».

А жена говорит, что я средний актер. Как после этого ее не бросить?

Израильтяне в восхищении от «Живого», и от Кузькина в частности. А финны взяли «Высоцкого» и «Дом на набережной».

Глаголин:

— Валера! Я ужаснулся на худсовете, как вы с Губенко ненавидите друг друга! Какие вы разные и непримиримые, хотя внешне всё вась-вась, всё нормально. Но противостояние страшное.

Кто такой Юрий Карабчиевский?! Потрясающая повесть о Маяковском!! И о всех нас.

26 сентября. Вторник

Около двух часов стоял в очереди — рубахи стирать. Через полтора часа голос приемщицы на весь мир: «Золотухин последний, за Золотухиным не занимать!» А пропустил меня интеллигентный человек, которого последним обозначили, отобрав у него белье. И каждый, кто приходил, потом спрашивал: «Кто с рубашками последний?» Толпа хором: «Золотухин последний!» На это я про себя думаю: «Дотерплю, ибо в Писании сказано: кто был первым, станет последним, а последний станет первым. Сегодня у нас Золотухин последний? Пусть будет так».

Филатов загремел в больницу. Пневмония. Что ж это делается?! Шацкая говорит — недели две, пока всего не обследуют. Он лежит в отдельной палате, где есть вторая койка, и Шацкая договорилась, что она там будет жить. Вот это любовь! Если это действительно две недели, то как же «Пир»? Без Ленки его выпускать не будут. А потом я улечу в Австралию, а без меня, я надеюсь, тоже выпускать не станут. Как же быть? Пусть выпускают «Преступление». Эту идею надо Николаю подsunуть, посеять. Сам Николай сегодня улетел в Копенгаген. И будет 1-го! 28-го «Годунов» пойдет с Шаповаловым и со мной. Дай Бог Шопену... Когда-то я с народом ходил к нему: Шопен, сыграй Годунова! Час пробил! Сегодня отменили «На дне», отменил его Николай еще вчера, думаю, не без подачи Бортника. Филатова увезли ночью. Разваливаются организмы вместе с театром.

25 ноября. Суббота

В понедельник, 27 ноября, меня будут в члены СП принимать. Но что-то волнуется Дурова, подкрепиться бы надо, а кем...

Сегодня приезжает Любимов, что-то будет на нашем горизонте? Как-то они с министром уживутся? Говорят, нас вчера в программе «Время» казали, министр на гитаре играл, а мы подпевали.

26 ноября

Итак, Любимов прилетел, будет к спектаклю. Надо не огорчить его своей игрой. Но придирается он будет все равно. К этому надо быть готовым.

1 декабря. Пятница

Неприемка моя в СП, быть может, результат смычки с «Московскими новостями». Умер Натан Эйдельман. Любимов рассказывает: когда покидали зал Бондарев, Астафьев, Распутин, Белов, все смеялись. Один Эйдельман был мрачен и сказал: «Так же вначале смеялись над фашистами. Вы смеетесь, а мне не смешно. Это моя смерть...» Последние его слова, и вот результат.

Любимов, как всегда, все перепутал. Вышли из зала «апре-левцы», а перечисленные им товарищи к московской партийной организации никакого отношения не имеют, а потому присутствовать на сем сборище не могли.

1990

28 января. Воскресенье — отдай Богу

В театре полный развал. Я такого не помню даже в самые худшие времена. Впрочем, когда они были — «худшие»? Когда уехал Любимов? Театр бурлил, да, но, кажется, было и сплочение какое-то, и духовная крепость. Уходили артисты. Ну так что ж... И вот расплата за всю безнравственность наших руководителей. Начиная с разговоров о кризисе театра во времена Эфроса, со снятия Дупака. И пришли мы к разбитому, неуправляемому корыту. Смирнов в горячке, пьет и срывает спектакли. Хитрый и коварный Бортник придумал себе опять не то больные зубы, не то ангину. И летят спектакли один за другим. Корнилова²⁹⁶ улетела в Америку, никого не спросив и не поставив в известность. Золотухин отказывается играть «Годунова» лишний раз, ему наставили спектаклей через день. А ему вводить Щербакова за Смирнова. Это большая потеря для спектакля «Живой», но отменять нельзя, и неизвестно, когда появится Смирнов. И выйдет ли Ванька на «Живого», если он Пимена играть отказывается, ссылаясь на болезнь.

29 января. Понедельник

Можаев (которого я встретил 25-го, в день Высоцкого):

— Валерий, привет! Ну, я этим сволочам дам... Главному я уже выдал. Они ведь из-за меня тебя в Союз не приняли, из-за моей статьи... Помнишь, я тебе говорил, где я всем сестрам по серьгам... Это против меня интриги. Но ты не расстраивайся, ты будешь в Союзе, ты пиши... И имей в виду, что я ни единым словом не солгал, не польстил в рекомендации. Я это написал не потому, что ты мой герой, мой летающий белокрылый лебедь или мой друг. Нет, это действительно так, книжка хорошая у тебя.

Энто мне очень по душе пришлось: ни единым словом не солгал, не польстил.

Что происходит в стране? Воюет Кавказ. Отделяется Литва. «Память» громит «Апрель», «Память» открыто объявляет, что 5 мая будут погромы. «Сионисты и породненные с ними люди — вон из России!» Вот это формулировочки. Даже Гитлер был мягче с «породненными с ними людьми». «Лигачев — последний оплот борьбы с сионизмом».

Щекочихин и Мурашов делают депутатский запрос министру МВД Бакатину: призвать к ответу за агитацию национальной розни, войны и пр.

О чем думает сейчас Горбачев? По всей социалистической Европе идет роспуск компартий... Хонеккер в марте предстанет перед судом за измену родине. Живков и семья под арестом. Чаушеску расстрелян. Трещат наши обкомы. Их выгоняют в полном составе бюро. О чем думает Горбачев? Что он скажет в свое оправдание на пленуме, когда высшей партэлите повысили зарплату на 40 %?

²⁹⁶ Галина Корнилова, писательница, член редколлегии литературного альманаха «Апрель».

О чем он думает? «Когда наши идеи идут по миру!..» — воскликнул Каганович и не поправился. А может быть, изречение вещее принадлежит Хрущеву? Это скорее похоже на его стиль.

3 февраля. Суббота

Дал телеграмму в «Советскую культуру»:

«В этом году исполняется десять лет со дня кончины Владимира Высоцкого. Предлагаю переименовать ныне существующую ул. Шверника в улицу В.Высоцкого. В доме № 11, кв. 4, по этой улице с 1963 по 1975 год жил Владимир Высоцкий. Теперь там живут его внуки, Наташа и Володя.

Напомню, что на похоронах В.Высоцкого в 1980 году представителем Управления культуры Моссовета было официально заявлено, что в ближайшее время одна из улиц в Москве будет названа именем В. Высоцкого. До сих пор этого не случилось.

Нар. артист РСФСР **Валерий Золотухин**».

8 февраля. Четверг

Демидова. Стоим в окне. В финале. Граббе — Басманов²⁹⁷ ведет сцену.

— Что это с ним случилось? Он стал быстрее играть.

— Да, действительно. Я тоже заметил сразу и подумал, что это ты ему сказала.

— Что ты! Боже упаси! Я в этом театре только с тобой могу разговаривать, тебе могу сделать замечание. И Володе в свое время могла что-то сказать.

Это прозвучало комплиментом царским. Хотя она прекрасно знает, что врет. Сколько она на «Вишневом» в свое время всем, как говорится, дерьма накидала. Целые драмы получались из этих поучений.

28 февраля. Среда, мой день. Курск

Эрдман. Вчера на репетиции я как-то вывернулся за счет басен, дав понять и Смехову, и партнерам, что я готовился и думал.

На самом деле я только всего и сделал, что прочитал какие-то машинописные интермедии, и басни мне показались спасительным вариантом — что-то культурное из этого выловить можно. Любимов, по словам Веньки, увидит, что можно сплести из этого кружева. Он, как никто, умеет быть автором-сочинителем спектакля, быть в материале вольным, свободным — «чего захочет моя левая нога...». Ставить пьесу вчистую ему неинтересно, он в этом не силен и это понимает. Но пьеса старая, хотя и гениальная, как говорят... Черт его знает. Николай Эрдман — «Самоубийца». Идея... А я не самоубийца своего таланта?! «Безвременье вливало водку в нас». Нет, в меня вливало водку не безвременье. Хотя... закрытие «Интервенции», закрытие «Кузькина» — что это, как не повод напиться. Ах, батюшки светы... А бабы?! Но зато у меня есть Денис и Сережа!!

2 марта. Пятница

Итак, если я правильно понял Карелина²⁹⁸ и ситуацию с бумагой, книга²⁹⁹ должна выйти в 3-м квартале, то есть срочно, по нашим понятиям. А для того, чтобы она набрала тираж, нужно убойно ее продать, сделать убойную аннотацию в несколько строк. Я это должен сочинить в кратчайший срок до отъезда в Суоми.

То, что я решил опубликовать, обычно завещают публиковать после смерти либо уничтожают при жизни. Но я игрок. И хочу выпить эту чашу при жизни. Хочу быть героем. Я решился на этот поступок, хотя кто-то назовет его богомерзким. Но посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу. Я хочу знать свою судьбу, будучи физически живым.

²⁹⁷ Алексей Граббе в спектакле «Борис Годунов» исполнял роль Басманова.

²⁹⁸ Александр Карелин, редактор издательства «Современник».

²⁹⁹ «Дребезги». В издательстве «Современник» книга так и не вышла.

3 марта. Суббота. Кухня

Кажется, я не зря встал в половине шестого. Какую-то «убойность» я сочинил. Прочитав подобную аннотацию, я тут же встал бы в очередь за книжкой «Дребезги»...

5 марта. Понедельник

При выходе из вагона Любимов не поприветствовал меня и Губенко не поздоровался. Сделал вид, что не заметил. А я думаю, нуда и хрен с вами, вот выйдут «Дребезги»... Ну и что будет, когда они выйдут? Ничего не произойдет. Нет, что-то должно произойти... что-то будет.

Губенко: о Шостаковиче, Соломоне Волкове³⁰⁰ ... У таких людей так много толкователей их биографий, поступков, что надо дать отстояться времени, которое ответит, чем они были на самом деле.

Разделение труда между «Таганкой» и зарубежьем — Любимов:

— Из всех контрактов мне удалось девять месяцев провести на «Таганке». Но есть контракты, которые давно подписаны, и я не могу подвести компании и свою семью — ввиду неустоек, если я не выполню контракт. Сын говорит на пяти языках, поменял четырнадцать школ, хочет быть артистом...

10 марта. Суббота

Прекрасно. Уже в середине я понял, что все идет хорошо. Я играл в удовольствие. Кажется, первый раз за многие годы присутствие Любимова в зале не зажимало меня, а придавало сил, азарта и удовольствия. Он давно не видел меня в этой роли³⁰¹. Доволен я и партнерами.

Любимов благодарил, отмечал атмосферу:

— Дай Бог, чтоб вы вечером не уронили. — Мне одному сказал, что в двух местах кульминационных я перебрал. — Благодарю, что ты это все восстановил. Это надо играть. Он ничуть не устарел, спектакль. Слушали они хорошо и принимали, пожалуй, лучше, чем «Высоцкого». Для них «Высоцкий» — это все-таки ревю. А это театр, драматургия Трифонова, они читают, знают и любят. Так что публика подготовлена к спектаклю. Не зря мы поработали. Но в Москве мы еще раз вернемся к нему и какие-то вещи углубим.

Вот оно, актерское счастье!! Сыграл удачно — и счастлив. Гастроли мои закончились. И закончились с большим для меня самого знаком плюс. Не зря я вызвался репетировать, я подготовил площадку, сконструировал ее для себя, подогнал... и выплюнул спектакль чистенько, ни одной мало-мальской затычки, накладки и прочего. Пошли, Господь, удачи моим коллегам и в вечернем представлении!

Трифонов: «Я — Глебов!!» Любимов рассказывает, и за эти сутки раз десять он повторил, как начальники довели Ю.В.Трифонова и он в покаянном порыве выплеснул в морду этим зажавшимся, не желающим ничего понять идиотам-чиновникам:

— Да это я — Глебов. Вы хорошие все, а я вот — Глебов!

Шеф забыл, как на первой же репетиции-читке я говорил: «Я — Глебов, Ю.П., но и вы — Глебов». Шеф возмутился, стал защищаться, помню это отлично...

22 апреля. Воскресенье — отдай Богу

Любимов просит играть и «Годунова», и «Дом». Приехал Владимир Максимов.

Любимов говорит, что может месяца на три закрыть театр и начать все сначала. «Есть такое право и возможность, я советовался с юристами».

В журнале «Театр» он назван великим. «Великий» — это уже очевидно... Некий Силин подводит итоги. А Губенко — низкий поклон, что он вернул нам великого и передал ему труппу в полном рабочем состоянии.

³⁰⁰ Соломон Волков, культуролог, музыковед, историк, живет в Нью-Йорке. Автор книг «Беседы с Шостаковичем», «Диалоги с Бродским» и др

³⁰¹ В роли Глебова — спектакль «Дом на набережной».

Полгодика назад эта статейка появилась бы — выглядело бы все почти достоверно. Теперь это выглядит жополизанием. На всякий случай министерскую задницу лизнуть не помешает...

2 мая. Среда, мой день

Сегодня идет «Бумбараш». Я стою у рынка. Холодно. Хотя двигатель работает на усиленных оборотах. «Бумбараш». Когда это было? Какого числа?! Сейчас приеду и взгляну в дневники. Это был Междуреченск. Зима. Очевидно, как всегда, зимние театральные отгулы. Еще был жив Иван Федосеевич, и мы, кажется, всей золотухинской родней пришли к нему в гости. И надо же — «Кинопанорама» по ТВ и я в кадре с чудесным, мудрым, интеллигентнейшим, тончайшего ума человеком Каплером³⁰² (у меня сохранились снимки Копылова).

Каплер читал письмо, в котором какой-то замечательный мужик просил его, ведущего, рассказать об артисте. Фамилию артиста он не помнит, но этот артист пел песню «Ой, мороз, мороз...» в фильме «Хозяин тайги». А потом шел кусок из «Бумбараша», с маршем 4-й роты, и отец плакал. Самые дорогие воспоминания об отце, когда я видел на его глазах слезы. Я тогда понимал, чувствовал, что есть человеческая душа и сердце у моего неприступного, не пускающего в свои тайны отца. Когда он плакал, я видел в нем человека. Я видел в нем родителя. Какую-то тяжесть он носил в сердце своем. Он раскулачивал? Да, но он с такой любовью и такими добрыми словами, такими весьма и весьма уважительными речами говорил о своем хозяине, кулаке Новикове, или Щербатове... или это были разные лица? Разные хозяева. Что у него было на сердце? Что он вспоминал, о чем жалел, была ли кровь на его руках (ее не могло не быть по тем временам), были ли загубленные семьи крестьянские, к которым он имел непосредственное прикосновенное, рукоприкладное отношение. Мать была из семьи зажиточной. Всю жизнь он ее подкулачницей в сердцах называл. Но братку мат-киного, Ивана Федосеевича, он уважал.

22 мая. Вторник. Ресторан «Русь»

С Любимовым был разговор мирный. Поблагодарил за «Чуму». На мою жалобу, что три подряд «Живого»: «Ну, это, милый, за граница. Там по-другому не работают. Оливье восемь раз подряд Отелло играл, и бывало, по два в день». Вот и весь сказ.

19 июня. Вторник

Ну и жизнь мне устроил Андрей Смирнов своей статьей в «Литературке», назвав мое выступление на Шукшинских чтениях «омерзительным зрелищем». Еще он ударил по Толе Заболоцкому³⁰³. Тут же посыпались отклики читателей — один прислал использованный презерватив со словами: «Я твою жопу драл». Другая, еврейка, письмо (я его зря выбросил): «Мы уедем, и наши дети будут жить хорошо, а вот как вы жить будете...» Документ — статья и письмо какой-то дамы, — что вывесил Любимов в театре на общее обозрение, превзошел всю подлость, что можно было ждать. Там я и антисемит, и черносотенец, и ярый хулиган. Рассказал мне об этом Бортник вчера, который защищал меня перед Любимовым: «Это было не так, поверьте мне, Ю.П., и как же можно было это вывешивать, не поговорив с Валерием, не объяснившись с ним?»

Всю ночь я думал, как мне теперь жить, никому ничего не докажешь, не докричишься. Вытащил открытку поздравительную Распутина: «Слушал твое слово у Шукшина — очень и очень хорошо». И успокоился несколько. Почему я должен обращать внимание на «интеллигентный» плевок Смирнова и не верить спокойным словам мною любимого писателя и человека. Я наблюдаю его часто по телевидению, и он мне все больше и больше приходится по сердцу.

³⁰² Кинодраматург Алексей Каплер был одним из организаторов и ведущим популярной телепередачи «Кинопанорама».

³⁰³ Анатолий Заболоцкий, кинооператор. Работал на картинах В.Шукшина и других известных режиссеров.

Да, что будет при встрече с Любимовым? Какой диалог произойдет? Ванька провел с ним серьезную подготовительную работу. Любимов знает, что этот разговор Иван мне передаст, и готовится защищаться, его метод — нападение.

20 июня. Среда, мой день

Завтра сбор труппы. Я сказал Глаголину: «Если он мне сделает втык, я приду в театр с заявлением об уходе». Все советуют мне не обращать внимания, но я пока не могу окончательно успокоиться.

Приходил ко мне вчера Андрей Крылов³⁰⁴. Предупреждение в результате наших общих усилий получилось точным, эмоциональным и убедительным. Долго я ему разъяснял нынешнее мое «антисемитскочерносотенское» положение, создавшееся по вине А.Смирнова, и что появление «Дневников» вызовет дополнительную ярость и блевотину моих оппонентов. Он как-то мягко отклонял мои страхи и простой аргумент привел: к тому времени, как выйдет книжка, эта история забудется. «Кто-то дал тебе по морде, а ты узнаешь об этом только через полгода». Это сказал В.Аксенов. Так. К этой истории я больше не возвращаюсь.

21 июня. Четверг

Габец сдержала свое слово и задала шефу свой вопрос: с чьей подачи был вывешен этот документ? Шеф в истерике кричал, глаза у него бегали, как у волка, загнанного в угол. Это его состояние я знаю: когда он огрызается и щелкает зубами, но ответить вразумительно и внятно ничего не может.

23 июня. Суббота

Вот так живешь, живешь, работаешь с человеком и не подозреваешь, какой он дурак. Машка вчера: «Надо же собраться, поговорить, обсудить. Мы же тебя знаем много лет. Как нам-то быть? Ты же работал с Эфросом!» Это меня ввергло в совершеннейшее отчаяние, смехоту и истерику от глупости и наивности. Аргумент — раз я работал с Эфросом, значит, я не могу быть против евреев. А если бы не работал, то у меня нет доказательств, что я не антисемит. Ну, хорошо... И вообще, почему я по чьему-то газетному доносу должен доказывать, что я не верблюд?

Ну и денек мне выпал. Боря Дьяченко любопытно разложил мою жизнь. «Ты получил два удара — от Рязанова и Смирнова. Это — знак. Значит, что-то не так. Ты личность, художник. От тебя ждут, а ты молчишь. Ты должен сделать какой-то шаг, взять все на себя...» Два удара от евреев.

Мне кажется, мои друзья, или люди (не враги), меня не за того принимают...

— Я пришел к тебе, потому что ты любишь его, а он любил тебя, — так Боря сформулировал причину разговора о Высоцком. Он что-то хочет сделать, сказать новое слово... — К Богу не приходят с гитарой, и перед Богом там оправдываться поздно. Это всё — гордыня. Он трагическая фигура, потому что он не пришел к Богу. Он побежден дьяволом. Но миллионы оплакивали и молились за него, поэтому есть надежда, что он все-таки взят очень высоко.

24 июня. Воскресенье

И Бог послал новый день. Молитва, зарядка. Вспомнил Альцеста, Эфроса... достал портреты и наревелся влать! Господи! Пошли душе Анатолия Васильевича мир и успокоение. Скажи ему, что я помню его и прошу прощения, что мало защищал его от нападений и принижений... от несправедливостей. Но «все выйдет наружу»...

28 июня. Четверг

Звонил Любимов:

— Нельзя так не уважать старика. — Поговорили насчет такта. — Я велел снять газету. Эту фразу он повторил несколько раз.

— Отвечать на каждую провокацию — жизни не хватит...

³⁰⁴ Научный сотрудник Музея В.Высоцкого.

Я думал, что вопрос решён сначала моей болезнью, теперь болезнью жены, к которой я мотаюсь в больницу.

Звонок меня, надо сказать, тронул. Через минут десять я схватился звонить ему, дескать, если можно, приступлю с понедельника, но он ушел уже на репетицию.

Может быть, и хорошо — первый порыв благороден, бойся его... есть время обдумать и взвесить все холодно. Не будем суетиться. Поехать в театр, объясниться с Любимовым и с понедельника или вторника приступить к репетициям. Это неизбежно, и это правильно, это, по-моему, и старика, «с которым вы проработали столько лет», уважить, и на горло собственной песне наступить. Не такие были времена, и то мирились. «Обиды мешают дело делать». Смирение — лучший помощник в моих душевных делах.

Был в театре. Побастовал маленько. Во время допроса Иешуа Пилатом на сцену вышел Любимов и сообщил, что у чухонцев 13 % на культуру тратили, а у нас — 1 %; что можно сделать на 1 %? Один процент, да к тому же неконвертируемый.

19 июля. Четверг

А что происходит с Эрдманом?

Любимов все время вспоминает первую репетицию, собранную, глубокую, строгую. Пока только сегодня что-то забарахталось под сердцем у меня на этой чертовой лестнице. Говоря эрдмановский текст о матери, я смотрел на свою молодую маму с отцом... Фотографию, как икону, взял с собой наверх, на рабочее репетиционное место. Я — тоже самоубийца... я убил талант свой, пропил, проспал, прое... — самоубийца. Но... «сохраните веру в себя при самых плачевных обстоятельствах — при этом всегда будьте в хорошем настроении». Самое большое уродство психики — тщеславие.

21 августа. Вторник. Утро

Почему, в конце концов, я не могу гордиться тем, что меня родила русская мать?! Что я русский по рождению и по паспорту?! Мы были с «Таганкой» в Израиле, они мои частушки воспринимали с восторгом. Я видел, как они гордятся своим происхождением, с каким упоением, с каким трудолюбием они заботятся о своей родине, с каким военным бесстрашием они готовы защищать свой Израиль. Часто мне приходится работать с цыганскими ансамблями. Как они гордятся, что они цыгане! И без конца и края поют давно известные свои песни и пляски. Ни один концерт грузинских артистов не обходится без лезгинки. Как только начинается «Камаринская» или «Калинка» — наши дети переключают телевизор на другую программу, а если концерт по заявкам радиослушателей составлен из русских мелодий — это проявление крайнего великодержавного шовинизма, национализма и антисемитизма.

И то и другое мне противно. В нашем классе на Алтае учились евреи, немцы сосланные, молдаване высланные, калмыки, украинцы, русские, и никто из нас не был ущемлен, выделен и не заслуживал какого-то высшего внимания, кроме меня и дочери секретаря райкома — мы были начальниковы дети и по детскому недоразумению втайне знали, кто мы такие. Но это уже как бы классовое разделение, о котором мне стыдно вспоминать, потому что в новогоднюю ночь мы с братом находили под подушкой мандарины и колбасу и не имели права носить это в школу. А то, что евреи плохие люди, никто мне на Алтае не говорил. Я об этом узнал только в Москве от людей грамотных и цивилизованных, но, честное слово, я им не поверил и не верю сейчас. Отдельные евреи, как и отдельные русские, разумеется, нехорошие, но то — отдельные, как и отдельные немцы, но народ... при чем тут весь народ? Неужели я должен оправдываться в этом и отчитываться перед господином Смирновым, что я не верблюд?

Есть люди, у которых аллергия на слова «русский», «русское», «русский дух». Так что теперь мне делать?

1 7 сентября. Понедельник

Мы закончили первую «серию» по спектаклю «В.Высоцкий»... Шеф после спектакля: «Валерий, не слушай никого. Это очень сильно действует. В спектакле этот прием возникает один раз. И становится понятно, что это — одна компания. Ведь он специально писал на

компанию, на свою компанию». Хотя перед спектаклем Коля не преминул напомнить ему его же фразу, сказанную накануне: «Есть люди с хорошим вкусом, а есть люди с дурным вкусом. Так вот, это — дурной вкус». Шеф растерялся: «Ладно, пусть дурной, но будет так». — «Это ваше право, это ваш спектакль, но я остаюсь при своем мнении». Такие, как мне кажется, лишние перепалки. Но кто ему еще чего возразит, скажет?! Какой омерзительный монолог был произнесен им на второй репетиции «В.Высоцкого»: «Ваша система, ваши вшивые деньги, ваше советское воспитание» и пр. Как было стыдно за него, как хотелось встать и уйти, как хотелось крикнуть: «Да замолчите же вы, остановитесь в своем хамстве и холуйстве, да знаем мы не хуже вас про свое отечество!»

Филатов: Я, пожалуй, застрелюсь.

Жукова: Ая повешусь.

Любимов: Вы свой фильм сняли?

Филатов: Да, снял.

Любимов: Тогда можете стреляться.

Филатов: Спасибо за разрешёние.

Теперь всё сваливают на Ефимовича. И что суточные маленькие, и что мы жить будем в казармах по 4 человека в комнате, и что — о ужас! — дети в «Живом» будут немцы. Такой контракт заключил Ефимович будто бы.

Почему нет Жановой? ³⁰⁵ Она бы сейчас занималась с детьми. Она бы их подготовила...

Мумиё выпито, надо идти на завтрак. Возьмет ли меня мумиё? За завтраком одни и те же разговоры — суточные, ассоциация, бригадные подряды и пр. Все клянут шефа, говорят с ненавистью. А я вспоминаю Эфроса и думаю, как несправедливо поступила с ним судьба, и с нами тоже...

Два МХАТа, как туалеты, мужской и женский. Раскололся Ермоловский театр. Понятно только КГБ — в центре Дзержинский, вокруг все ездят. Я предложил взять памятник Дзержинскому и перенести во внутреннюю тюрьму перед кабинетом Крючкова³⁰⁶. И в театре происходят сложные человеческие изменения. Как вырастить новое поколение, чтоб сохранились какие-то традиции? Мир живо отреагировал на появление нового Гитлера в лице Хусейна. Рецидив отражается на культуре. Извините, я нарушил традицию Чехова: краткость — сестра таланта.

Любимов: «Я менялся сам, я искал. От Брехта к Достоевскому. Не только художественные формы, но и философские воззрения. Бердяев, Флоренский, и театр менял репертуар, — все смешал в кучу. — Отсюда пошли... ряд стихов Пастернака на библейские темы. Почему я восстановил «Живого»? Были дискуссии, почему не ставлю новые, а восстанавливаю закрытые. Я эту дискуссию выиграл. «В.Высоцкий», «Живой» — это прежде всего хорошие художественные произведения. Булгаков, Солженицын. С покойным Эрдманом я имел честь быть знакомым... был знаком с Пастернаком. Система страшная ломала этих замечательных художников — пример тому Шостакович. Восстанавливая «Преступление», я опирался на людей, которые хотят со мной работать, и впредь буду делать так. Сейчас эти несчастные, обездоленные люди видят спасение в быстром укреплении себя и семьи своей в материальном отношении... Русские актеры не очень выносливы, система разучила их работать как лорд Оливье. Лорд босой, холодно в зале, а он играет, бюллетени не берет, не простужается, и восемь спектаклей в неделю... За девять месяцев мне нужно было сплотить команду, способную конкурировать на международном рынке с другими труппами. Понять ситуацию в стране, понять на себе, а не из газет... Венера Милосская

³⁰⁵ Татьяна Жанова, музыкальный руководитель Театра на Таганке, композитор.

³⁰⁶ В.А. Крючков, в ту пору председатель КГБ.

стоит и обслуживает все режимы — социализм, реализм, фашизм, и всех устраивает. Правда, какой-нибудь очередной Гитлер, вроде Хусейна, может приделывать руки ей».

После репетиции Николай негодует — 4 дня, столько администрации, не могли договориться и взять в Восточном Берлине русских детей...

12 декабря. Среда, мой день

Свершилось! Я купил автомобиль. Не упустил момент. Спасибо тебе, друг Владимир Иванович! Мотался со мной на Красную Пресню, где тюрьма. На платформе, под снегом, — кладбище новых машин. Володя, мастер-продавец, кричит, никого не боясь и не стесняясь: «Я обслуживаю только народных депутатов, блатных и дипломатов! Вы блатной? Тогда ко мне!»

Невозможно неприятный разговор с Ленкой³⁰⁷ о напечатании дневников, но он прав. И опять встает вопрос: дневники — это дело посмертное. Надо дать ему почитать — будь что будет! Скажет: «Боже тебя сохрани, не рой себе могилу», — буду опять думать и отказываться. А что с книгой тогда делать?

26 декабря. Среда, мой день

Главное событие и самое важное, по сути дела, — разговор с Суравегиной³⁰⁸ по поводу дневников. Какая из нее умная, толковая, подсознательная энергия прет... Нет, недаром она астролог. Потом я позвонил ей из театра второй раз. Она мне лихо расшифровала наши характеры с Владимиром: «То, что не сказано впрямую, то, что я прочитала между строк... Позиция твоя человеческая вырисовывается... Володя сам собой был только в стихах. В стихах он писал, как должен жить, но жил он совсем по-другому. Конфликт с самим собой. Изначальная дисгармония. Существование его по сути, по существу было ложным — внутренняя дисгармония. Гармонии он достигал только в стихах, в творчестве. Он однороден... Ты — двуедин, ты — двойной... у тебя гармония с собой, может быть, она достигается тобой... Между вами огромная разница. Он тяготился друзьями, всеми без исключения... чем больше тяготился, тем яростнее доказывал, что без них не может жить... Он тяготился, но без них действительно не мог. Тем, с кем он хотел поддерживать отношения, с кем не хотел ссориться, он говорил хорошие слова, самые хорошие, говорил совершенно искренне, потому что хотел видеть то, что он говорил, в этом человеке. А тому, с кем он хотел поссориться или порвать, он говорил то, что думает. И это тоже была искренность... Ты не сумеешь найти такие слова, чтоб как бы и не обидеть, и в то же время человеку дать понять, что ты думаешь о нем на самом деле... Он прямолинеен, тут он настоящий, полный Водолей. Он вообще со всей жизнью и со всеми ее инстанциями, людьми, организациями был снисходителен. Снисходил. Он не боялся КГБ, ему было наплевать на КГБ. Он хотел славы, денег, баб, успеха, шума. Он хотел от жизни дивидендов полных, неотступных, стопроцентных. Он их получил. Какую цену он заплатил — это другой вопрос. Я — астролог, но я еще и одна из тех редких женщин, которые были с ним знакомы, но не спали с ним... С тобой же... В тебе — двое... И когда одна твоя суть достигает перенапряжения — другая заливает, уравнивает... Но все это я прочитала между строк...»

27 декабря. Четверг

Филатов шибко врезал мне: «Мы с тобой как-то не разговаривали... Я все думаю об этих твоих дневниках, или мемуарах, как их назвать... На рещёние твое это не повлияет, но все это такая неправда, ложь. Ты прикрываешься и рисуешь себя с чужих слов... свидетелей нет... дерьмо это, а не литература... детский лепет... дерьмо». И что-то еще очень точное он сформулировал, но наш разговор прервали. Быть может, это Нинка нажала рычаг или шнур выдернулся, не знаю. Когда отдавал пленки, Нинка сказала, что он с большого похмелья,

307 Филатов.

308 Наталья Суравегина, артистка Москонцерта.

спит, чтоб я не тревожил. Где-то на свадьбе гулял Леонид. Но настроение мне на Новый год он испакостил. Но любопытно: чем он больше меня поносил — «кроме дикого, нечеловеческого тщеславия, там нет ничего», — тем мне становилось злее-веселее и созревала уверенность: «А вот и напечатаю на погибель себе гражданскую, а то и физическую...»

31 декабря

Любимов давит формой. В такой форме любой бездарный артист может существовать, что они, собственно, и делают.

14 января. Понедельник. Аэроплан, 1-и класс

Мы летим в Прагу.

Что нас ждет? Война с Литвой? Все опять против нас: Европа, Америка. Горбатов³⁰⁹ не ведает, что творит.

А в «Советской России» статья против Любимова «Между двух стульев». Повод — его очередное интервью «свободным голосам». Не читал. Со слов Лавлинского³¹⁰ понял, что, к сожалению, она на руку Любимову — его опять подвергают гонению за его инакомыслие. Губенко статьей, вернее, поведением Любимова возмущен. «Может, мне не ехать?» — был его вопрос.

Часто показывают сейчас на заседании Верховного Совета Губенко, поседевшего, постаревшего, озабоченного, отягощенного государственными проблемами. Думал ли он в эти часы о нас, о неприятной для него встрече с Любимовым, который опять кругом прав:

1) Успех его последней постановки в Мюнхене.

2) Статья Краснова.

3) Ввод войск в Литву — ничего не изменилось, и «я не вижу смысла возвращаться в обманутую страну».

Он опять на белом политическом коне.

Просмотрел еще раз рукопись и ничего не нашел, чтоб это не печатать. А Леня перебьется.

26 января. Суббота

Ну что ж... Пришли ко мне вчера Николай с Шопеном, с водкой. Всё те же повторили разговоры и жалобы. Посоветовал я Николаю ничего не говорить резко, конкретного шефу, не брать на себя, не уговаривать — в любом случае он будет рассматривать его как лицо должностное, принадлежащее к партократии. Николай сказал, что он ищет малейшего повода, чтоб выскользнуть из этого хомута — министерства.

— Я пока не могу Горбачева предать, который сделал все, чтоб вернуть Любимова, а вот теперь... «Я единственный из визитеров, который приехал и работал, вкалывал, не промелькнул этаким фейерверком, а работал девять месяцев как проклятый». Я стоял рядом и понял, кого он имеет в виду — Войновича, Лимонова и др. Многие ведь приезжали и уехали. Но они и не получали паспортов и гражданства, не становились опять художественными руководителями — Ростропович с Галиной, в первую очередь он имеет в виду этих блестящих визитеров.

Короче, после третьей, солидной дозы Николай принимает решение срочно собраться по случаю дня рождения Володи у него в апартаментах.

— Свистать всех наверх, кто с чем может: есть водка — с водкой, с бутербродом, с банкой консервов, с куском хлеба, с пивом, водой, яблоком, голые, мытые, невымытые, спит — разбудить, пьяный — растолкать, но чтоб все были!

309 М.С.Горбачев.

310 Леонард Лавлинский, поэт и литературный критик, главный редактор журнала «Литературное обозрение», где в 1991 г. была напечатана дневниковая повесть В.Золотухина «Всё в жертву памяти твоей...».

Кто мог, кто был на месте — все явились. И это было хорошо. Выпили за Володю. И опять разговоры, споры, уговоры Любимова.

— Театр мертв, особенно по утрам. Вечером еще что-то копошится в нем, какая-то видимость жизни, энергия искусства, легенды, тень...

Хорошо говорила Демидова, умница она все-таки, и многому жизнь ее научила. И попривыкла она, но свое отточила и сохранила. Она говорила: «Зачем мы уговариваем, тащим? Есть данности, которые мы не можем не учитывать. Александра Николаевна Гончарова, старая дева, в пятьдесят лет родила... полюбила... вышла замуж... сороклет прожила в тишине, забвении. Это данность. Катя, Петя, возраст — все это данность, судьба... А мы хотим навязать ему свою судьбу, так, как нам видится, хочется...» Спокойно, очень хорошо, ясно так она говорила, что, казалось, и возразить нельзя, только согласиться и принять. Нет, у Маши нашлись опять какие-то контраргументы, опять она эмоционально стала про-жектировать. «Маша, ты сначала думай, потом говори».

Глаголин:

— Я хочу выпить за Таню и ее дочь! — За дочь Т.Иваненко от Высоцкого.

Губенко:

— Хоть бы показала дочь. Почему она не в студии?

Таня:

— Потому что она умная.

Любимов:

— Да, здорово она умыла актерских детей.

Ну а я, когда созрел для тоста (опять он меня колобком назвал, и теперь я понял: я от дедушки ушел, я от бабушки ушел... везде прокатился, нигде не застрял, хитрый такой, ласковый. Но это лучше, чем я думал — потолстел, покруглел... А это о себе мнение я знаю давно. К нему же относится: ласковый теленок двух маток сосет), сказал, что Володя родился под знаком Водолея. Алла добавила, что Россия вступает в Водолея. Что весь практически февраль пройдет под этим знаком, давайте проживем его в мире, в добром отношении друг к другу, быть может, зародится что-то здоровое и в государстве, и в нас, сыграем на уровне все февральские спектакли и встретимся в Штутгарте добрыми, здоровыми и с новыми идеями... Не гадавай вдаль, как говорил Теркин, доживем до Штутгарта. Пусть Володин Водолей поможет нам. Что-то в этом роде.

Пьяная Долина³¹¹ комментировала каждое слово любого. «Он учился на нашем курсе, никому в голову не могло прийти: Высоцкий — Гамлет! Надо быть Любимовым, чтобы такое выдумать: Володя — Гамлет, да что вы...»

Сайко (вякнула):

— А «На дне»?

Любимов (всполошился):

— Да я разве запрещаю, играйте, если нравится, если к вам пойдет народ. Я никогда не запрещал чужие спектакли, мои снимали... — И пошел.

Как его это задевает. Тут он прокалывается весь, до дна. Бедная Наташка-то в связи со спектаклем «Высоцкий» подвякнула, что нельзя играть один раз, 25-го числа.

Не было Ивана, Жуковой... Около двадцати трех Николай скомандовал: «Прошу покинуть мой номер!» Но действие удалось, при всем хаосе мнений, крике, пьяной неразберихе... Удивительно, если бы Николай на полчаса опоздал со сбором — все были бы уже в умот и не собрать бы никого. В полном составе только рабочие явились, но тоже на крепком взводе.

Гладких³¹²:

³¹¹ Таисия Додина, актриса Театра на Таганке.

³¹² Вера Гладких, реквизитор Театра на Таганке.

— Я от начала до конца вела все «Гамлеты». Он выступает, отдает мне сигарету: «Вера, я бы все отдал, только чтобы не играть, сил нет, Вера». И все-таки играл... Он меня любил, денег всегда давал, и Коля давал, и этот... как его... Как же я любила Володю!

27 января. Воскресенье. Унитаз (в ванной тепло и светло)

Приснился мне Любимов — с лицом северного корейца, в зеленой гимнастерке, увешанной медалями и орденами, ярко-сочно-зеленой, желтизной отдающей.

Вспомнилось на днях, как мы с Вовкой³¹³ болото косили, как метали стог и как потом его раскидывали и сушили. Это был тот год, кажется, когда мы приезжали с Нинкой. Тогда же и дрова заготавливали. Володька старался еще и потому, что Ольга жила у деда с бабушкой, держали корову. Тогда я и вышиб одной битой целую фигуру. Перед тем Нинка загадала: «Загадываю, Зайчик, если одним ударом вышибешь, будешь великим артистом». Ну я и вышиб.

И что? Стал я великим артистом? Кем-то стал, до «народного» дошел, чего-то сыграл приличное. Но что такое — великий артист?! Кто у нас великий?!

9 февраля. Театр

Пока я не заставлю себя насильно открыть дневник — я живой труп. Когда я пишу — я живу.

10 февраля. Воскресенье — отдай Богу

Сегодня «Годунов», выдвинутый, оказывается, на Государственную премию (Любимов, Губенко, Золотухин).

10 марта. Воскресенье

...Я хочу заложить храм в Быстром Истоке.

По пути из Твери, в машине, окрыленные разговорами с полиграфистами, стали мы считать доходы-прибыли, и получилась в результате такая дилемма-формула, что при гонораре где-то порядка 75 000 тридцать из них составит налог, то бишь в казну государства. Теперь еще проще — как красиво пристроить налог? Краснопольский предложил детдом на Алтае. Еще было много предложений, вариантов, и вдруг осенила меня мысль: церкви, а точнее... Я ведь путь свой, кроме крылечек, школьных вечеров, начал на сцене ДК, который приспособили из деревянной и довольно симпатичной церкви. Теперь надо исправить дело рук отцов — снова ДК превратить в храм... не размашистый, не масштабный, но каменный. А клубу иное место сыскать. Идея эта ошеломила мое воображение, я тут же связался с Бошуновым³¹⁴, он в вопросах религии разбирается, сразу вопрос ребром: а есть ли там община и зарегистрирована ли она? Короче, у него есть сведения, что там и десяти человек хватит. И что в тех местах был какой-то священник, не то бийский, не то барнаульский, и что воспринята моя идея боговдохновенно.

— Вы за Горбачева? Да или нет? — Нет. — За Ельцина? — Да.

Ну, так и не получу я Госпремию, я ее уж и ждать перестал, я забыл про нее.

«Уважаемый Владимир!

Я обращаюсь к Вам, а через Вашу замечательную газету ко всем читателям с вопросом, на который знаю ответ. Нужен ли большому селу Быстрому Истоку храм Божий? Нужен. И объяснять почему — нужды нет. На месте того Дома культуры, где начинал я свой актерский путь, стояла деревянная церковь. Потом отцы наши, по своей одурманенности революцией и атеизмом, разрушили ее и переделали. Эта часть истории мне мало известна, да, собственно, суть и не в ней. Я хочу обратиться к жителям Быстрого Истока и к жителям сел прилежащих поддержать мою идею и начать строительство нового храма. А начать строительство с

³¹³ Брат В.Золотухина.
Владимир Бошунов, поэт.

³¹⁴ Владимир Бошунов, поэт.

регистрации общины и сбора средств, на что и хочу сделать мой первый вклад в размере 30 000 рублей.

В. Золотухин».

18 марта. Понедельник. Мадрид

Первым делом проверил розетку — русско-советский артист. Хотя не знаю, вчера я голосовал против Союза, может быть, Бог даст, я уже и не советский...

19 марта. Вторник. Отель

Зацепил за завтраком шеф. Не успел я смыться. Снова о том, что надо поговорить, снова о Кольке: «Он со мной разговаривает только через газету. Так он боится, потому что знает, что разговор этот будет для него крайне тяжелым». Николай же считает, что Любимов за его спиной говорит гадости, а в лицо сказать боится...

Любимов:

— Мы будем с ним говорить. А в какой компании он собирается говорить со мной? В компании с Пуго, Язовым. И как ему не стыдно разговаривать со мной через орган, посредством органа ЦК?!

Губенко много сделал для театра, как и Эфрос. И я с Губенко и Любимовым в оценке роли Эфроса в судьбе театра не согласен. Для своей собственной судьбы, быть может, Эфрос принял роковое решение, вот тут ему Бог судья.

28 марта. Четверг

Говорят, у нас в Союзе какой-то важный политический день. Ельцин будто бы вышел на финишную прямую против Горбачева. На Красной площади грузовики, танки наготове. Прольется ли кровь, все гадают...

Заплесневелый хлеб я обрезал и кусочки московские подсушил на настольной лампе, положив на абажур пепельницу, а в нее — хлеб. Замечательно подсох он, и я съел его с тремя помидорами. К быту артиста. Хорошо бы теперь поспать...

Что творится в Москве — понять невозможно. Огромная толпа, много милиции, и конной в том числе, менты машут дубинками. Открылся съезд Верховного Совета. Господи, спаси мою Родину!

30 марта. Суббота. Самолет

Евтушенко в накопителе пишет на походном компьютере, и сразу это набирается в «Огоньке».

— Если ты пишешь о театре, пусть театр купит тебе компьютер.

— Компьютер убьет меня.

— Театр убьет тебя раньше.

— Да, недолго осталось, недельки две-три.

Прощай, Мадрид. Не скоро мы теперь твоих ворот достигнем!! Но кто-то произнес вчера словосочетание: фестиваль — Мексика — «Живой».

11 апреля. Четверг

А мысли какие в голову приходят: в день 50-летия, 21 июня 1991 г., покинуть Театр на Таганке и профессию вообще. Отчасти и из-за испорченной жизни с коллегами, которые, конечно, не простят мне «Дневников». И мечтается: поселиться в Быстром Истоке, книги свои развозить по деревням, общину церковную создать и открыть счет в банке. Начать обжиг кирпича. Но ведь голос мне все равно понадобится. В 1992 году будет отмечаться 600-летие Сергия Радонежского. Хорошо бы в этот день заложить храм в Быстром Истоке в его память — Сергиев храм. Эта счастливая мысль мне пришла в голову вчера в автобусе. Об этом тоже в письме к Башунову упомянуть надо.

19 апреля. Пятница

Первая ласточка, и самая приятная, долгожданная, доказательная, опасная.

Люся Абрамова звонила Тане Вашкиной 315 . Я взял у Таньки Люсин

автограф-документ. «Таня! Ты не читала Валерины дневники?! Меня отпаивали. — Я похолодел. — Это жестоко, но правда. Многим в театре она будет поперек горла. Но ни Алла, ни Веня не смогли сказать это так точно и сурово по жизни. А за кусочек о «Галилее», где вводился Хмельницкий, я бы ему в ноги поклонилась. Увидишь его, расцелуй. Прочитав это, я плакала и как бы вновь пережила этот отрезок жизни».

У Леонарда тоже пока только два хороших отзыва.

Разговаривал я сегодня с председателем исполкома в Быстром Истоке Тищенко Валентином Кузьмичом. Юридический запрос о регистрации общины они послали, ждут ответа из Барнаула, от благочинного о. Николая. Идея в народе и у Совета встречена одобрительно, собирался он мне звонить. Говорил я с Иваном Сергеевичем³¹⁶. Сообщил председателю и о праздновании 600-летия Сергия Радонежского, и о перспективе закладки храма на 1992 год.

28 мая. Вторник

Ну вот. Ленька опять меня «расстроил»: у него уже готов второй сценарий, а ты первый фильм не видел. Когда он успеет?! Я бы после такой удачи год бы праздновал, ни х... не делал бы, всё мемуары писал, как я делал и что думал, какой у меня стул был и какие женщины. А он строгий... и всё по делу.

31 мая. Пятница

Спектакль «Высоцкий» шел вчера без Губенко первый раз на советской земле. И спектакль прошел хорошо.

24 июня. Понедельник

Любимов разговаривал вчера из Иерусалима с Борисом. Хочет, чтобы я через своих людей поговорил с Ельциным и тот бы сделал шефу вызов.

13 июля. Суббота

Надо не оставить дело с храмом!!

15 июля. Понедельник

Такой замечательный, льстивый, «шампанский» разговор с Евтушенко. Кажется, он уговорил меня играть д'Артаньяна. Обольстил.

Но и в разговоре, в монологе он дьявольски хорош, талантлив. Он и Пушкина вспомнил, и всё сплел. Надо взять у Глаголина сценарий. «Мушкетеры» дадут мне форму³¹⁷.

17 июля. Среда, мой день, мое число

Главное — храм. Надо выполнить эту задачу, надо организовать поездку сыновей на Алтай, к дядьке Ивану, к месту будущего храма. Эту мысль надо думать и ее провести в жизнь.

Ведь сделал я для чего-то афишу «Миром поднимется храм»³¹⁸. Быть может, это тема будущего фильма Дениса Валерьевича?!³¹⁹ И д'Артаньяна сыграть надо.

19 июля. Пятница

Читаю «Мушкетеров». Что-то есть про нас, конечно, но пока — баловство, хулиганство, задор, вино, молодость. Про свою девочку-жену написал старый поэт.

21 июля. Воскресенье

³¹⁶ Брат В.Золотухина

³¹⁷ Речь о пьесе Евгения Евтушенко.

³¹⁸ Имеется в виду благотворительный концерт В.Золотухина.
Речь о театральном бенефисе В.Золотухина в связи с его пятидесятилетием.

³¹⁹ До того как стать священником, сын В.Золотухина учился во ВГИКе на режиссерском отделении

И никакого бенефиса вчера по ТВ не было³²⁰. Не было и объяснения, почему не было. Во порядке! Объявили и не показали.

Кому-то («Бумбараш за Ельцина») я так поперек горла, что меня просто изъяли с потрохами из этой передачи.

24 июля. Среда, мой день

Вчера звонила Люся Абрамова: «Ты меня совсем забросил». Они подготовили выставку Володину, новую, — зовут посмотреть. Пообещал к одиннадцати сегодня приехать.

25 июля. Четверг. День памяти В. В.

Ездили на кладбище и на обратном пути зашли к Нине М.³²¹ Целовались и фотографировались. Люся там замечательно действует. Аркадий опять родил, кажется внучку.

23 августа. Пятница

Все переживаю со стыдом свое отсутствие на баррикадах в ночь с 20-го на 21-е. Несколько раз я выходил из дома, спускался в переход, читал листовки, развешанные чьей-то дерзкой рукой, и, в общем, знал, что делается и что надо делать... И не поехал... дождь, лень, страх... без меня обойдутся. Мальчишки-рокеры, хулиганы оказались смелее, полезнее, честнее, в сущности.

«Ты вел себя прилично?» — спросил меня Филатов. И тут же быстренько перечислил свои заслуги — листовки, подписи. «Ну, это на три года», — подсчитал он себе срок. Во, блин, какая выясняловка началась — кто баррикаднее был. Трудная, «нечеткая» позиция — положение Н.Губенко. Подал в отставку... Число 20-е — одно, а 21-е — это совсем другое.

Люди! Побойтесь Бога! Не вините так скоро друг друга...

Памятник Дзержинскому с приговором «палач!» уже скинут. На памятник Свердлову — царубийца! — накинута петля на шею, и вокруг толпа. Загремит с пьедестала к утру, не иначе. Переворот, он же революция. Два с половиной дня переворота дали в мозгах народа больше переворота, чем все шесть лет перестройки. Переворот в мозгах, призыв к действию.

5 сентября. Четверг

Глаголин разговаривал с Любимовым.

«Пусть приходит», — сказал он Боровскому о Губенко, а мне категорически: «Ноги моей не будет в театре, если он будет художественным руководителем»...

Любимов боится, что труппа попросит Николая возглавить театр. Но в Москву сам не собирается.

16 сентября. Понедельник

А сегодня решает коллектив: ехать или не ехать в Югославию — там взрывы уже в Белграде. Но дело даже не в бомбах. Приз уже намечен Р.Виктюку, а Любимову они не купили билета — нет валюты у них, и другой город нам не обеспечили, и вообще не очень нас там хотят... Но стреляют. И вот Любимов Борису дает совет: всех опросить лично. Лично я ехать не хочу.

«У каждого Есенина свой Мариенгоф отыщется». Это Филатов про меня, про мои дневники. У меня не повернулся язык сказать ему то, что я в самом деле думаю о его фильме... и я сказал: «Конечно, хорошо». Всё ложь. Ну, Бог с ним.

15 октября. Вторник

Не знаю, не знаю... что меня ждет еще впереди! Успокоился было, но вчера по нужде цитаты заглянул в № 8 «Литературного обозрения», в конец повести, и ужаснулся своим оценкам игры В.Высоцкого. Как-то это не по совести мне показалось. Хотя я убежден: многие согласятся со мной, только не скажут. А я вот такой честно-искренний, не мог не сказать. Господи, спаси и сохрани! Единственная надежда на время — полвагона в метро

³²⁰ Речь о театральном бенефисе В.Золотухина в связи с его пятидесятилетием

³²¹ Речь о Нине Максимовне Высоцкой.

читает наконец-то массово доступную Агату Кристи. До Золотухина ли им? Но коллеги и высококоведы мне отомстят, конечно...

17 октября. Четверг

...В книжном магазине на Профсоюзной, где я собираюсь встать за прилавок, первым автором-продавцом был — кто бы мог подумать, а мне в нечаянную радость узнать такое — был Василий Макарович Шукшин. Мой земляк и сосед по Алтаю. А продавал он свой роман.

Рассказывает зам. директора Клавдия Михайловна Тихонова:

— Завезли нам его книги, шестьсот экземпляров по разнарядке. Это было в самый год его смерти... он себя плохо чувствовал после воспаления легких, кажется... Ну вот... и книга у нас... так, не шла... Мы послали к Шукшину своего человека с просьбой приехать. Он с удовольствием согласился. Давал автографы, и мы... фук, фук — и хорошо продали. У каждой из нас есть его книга с надписью «на память». Жаль, не было фотографа... Ах, как жаль... Помню, я спросила: «Василий Макарович, а у вас, наверное, большая библиотека?» «Нет, — говорит, — что вы... квартиру только что получили». Мы девочкам его детские книжки подобрали... ну так, для памяти. Тогда с книгами-то плохо было.

Ну вот, и опять встреча с моим земляком, теперь уже не теплоходом, а продавцом собственного романа. В отличие от него, у меня свой фотограф есть, и живу я не вчетвером в двухкомнатной, а втроем (теперь с большим котенком) в трехкомнатной...

19 октября. Суббота

«Родному моему Валерию Сергеевичу — все-все ты про меня знаешь, про Володю все знаешь лучше всех, — с любовью, благодарностью, с восхищением. *Люся. 18.10.91*».

Вот автограф Абрамовой на ее книге «Факт его биографии», переданной мне вчера перед «Живым»: «Что вам еще нужно, друзья-злопыхатели?»

20 ноября. Среда, мой день

Я сижу в театре, в театре пустом и темном, но таком полном мной, моею жизнью, слезами радости и отчаяния. Здесь промелькнула моя жизнь, чуть ниже сцена, где я «чудил» Альцестом, где прошли мгновения драгоценных репетиций с Анатолием Васильевичем Эфросом.

Замутили мне душу опять этой премией, государственным поощрением... Так хочется получить поощрение, компенсировать украденную машину, я бы эту премию и бабахнул бы в Быстрый на храм Покрова. А что?! Запросто. Опять реклама?! Да черт с вами, говорите, что хотите... А храм по весне подниматься начнет, что бы вы ни говорили. И реклама тут не последнюю роль сыграет. Пусть все знают, что есть на Алтае такой поселок, Быстрый Исток, и в нем строится храм. А для чего это Золотухину нужно, за ради тщеславия или веры, кому какое дело?..

22 ноября. Пятница

И все-таки я решил сделать праздник моей книги³²² в Театре на Таганке. Я беру все опять в свои руки.

5 декабря. Четверг

Мои выступления в Самаре прошли довольно прилично. Потрясающе говорил Алеша Солоницын³²³ о моей книге, особенно о дневниках. Он выказал такое понимание и на огромной аудитории в филармонии так разобрал и преподнес публике, как будто подслушал мой голос, да я бы и не написал лучшую ему шпаргалку. Как он сказал, какие определения словесные подобрал — в десятку!!

³²² Речь о книге «Дребезги» (М.: ЦТВ «Союзтеатр», 1991).

³²³ Алексей Солоницын, брат Анатолия Солоницына, литератор.
Речь о коллективном договоре.
В ту пору артист Москонцерта.

Господи! О чем я пишу, когда у меня дачу обокрали, а завтра я должен ехать и работать на Иудинский храм.

6 декабря. Пятница. Дом, кабинет

Может быть, приедет теща и изменит на какое-то время ситуацию и климат в квартире 131, но что Она или Он (шеф, он же Юрий Петрович, он же Любимов), что они могут изменить в моей жизни? Как сказал Конкин: «Артисты советские (наши) все тупые». На редкость редкая наблюдательность, на редкость острый ум.

Из Быстрого Истока хорошие вести. Теперь каждое воскресенье приезжает священник из Бийска, проводятся службы, обряды, продаются книги, крестики. А в понедельник собранные деньги кладутся на счет общины.

14 декабря. Суббота

Сегодня Н.Губенко собирает театр, хотя и под видом репетиции «Годунова». В 13.00 заседание местного комитета.

«Я приехал за “Таганкой”», — заявил Любимов. И сегодня будет этот сюжет по ЦТВ — «Центр», новая программа. Что наговорил шеф, уезжая опять надолго из страны?! О Ельцине и Попове³²⁴ он говорил на репетициях положительно.

Труппа взбаламучена, в отчаянии, ругани и слезах. Боятся приватизации театра Любимовым. Заставили Ирку показать контракт его с Поповым. По-моему, это его очередная хреновина, чтобы стать королем Лиром, выгнанным из дома родными детьми. Он требует реорганизации театра, хочет быть полновластным хозяином; а то, что 3/4 артистов пополнят армию безработных — «театр не богадельня, рыночные условия, я в советскую игру не играю». Я предложил делегировать инициативную группу к Попову. Губенко поддержал идею. Он свяжется с Поповым, выяснит и разъяснит. Но, куда ни кинь, Любимов прав — как хозяин и создатель. Он хочет попробовать еще раз создать нечто новое, в новых условиях, а труппа консервативна, и каждый о себе думает, но... плохо. Раньше надо было думать. Жестокое это дело и необходимое. В 1992 году по Москве будут бродить до десяти тысяч безработных артистов. Часть нашего коллектива пополнит эту цифру, эту несчастную братию.

15 декабря. Воскресенье

«Независимая газета», интервью с Любимовым. Я привык к его вранью, но чтобы назвать «Вишневый сад» замечательным спектаклем — до такого он еще не опускался... А быть может, это опечатка?! Хотя вряд ли. Он перемонтирует свою биографию, исправляет, запутывает, на худой конец. Он что, не знает, что существуют стенограммы обсуждений не только «Годунова», но и «Вишневого»... Варвар! Эту газету надо иметь.

В театре вывешен Устав, по которому мы относимся к Управлению культуры, и вообще там много того, что поперек горла Любимову. Если он узнает, по чьему разрешению вывешен этот Устав, — башку оторвет. Да, конфликт неизбежен. Разрыв. Он плюнет и обгадит всех... Но с Эфросом он врет и изворачивается...

21 декабря. Суббота

Что за кашу заварили статисты Театра на Таганке?! Что за заявление Филатова — «Золотухин никому не нужен, Бортник тем более»? Любимова хотят убрать, Глаголину выразить недоверие. И поставить Губенко!! Что же это за игры за спиной у шефа? Перепугались артисты реформ.

22 декабря. Воскресенье. Ту-154

«Высоцкий» прошел без Губенко. Я кой-как справился с волнением и спел, кажется, прилично. Но что за публика стала? Мертвая, ни одного аплодисмента — ни на Ваньку, ни на Шопена, и даже не был принят «Дом». Хотя в конце прием был приличный.

324 Г.Х.Попов, мэтр Москвы в 1991 г.

В театре страсти, кажется, поутихли. Идет слух, что Губенко — министр культуры РСФСР. Это уж совсем чудно. Ему надо уходить вместе с бывшим СССР, но он хочет эту комедию доиграть до конца.

Какие-то знакомые мысли-мечты появились у меня (раз «Золотухин вообще никому не нужен») десятилетней давности, когда опять же мы лишились Любимова, и я тогда хотел податься вон из театра вообще и стать писателем. Быть может, опять вернуться к идее «вольных хлебов»? Поездить с «Дребезгами». Пописать, прийти в вокальную форму и попеть под аккордеон...

30 декабря. Понедельник. Як-42

Данелия. Я пробовался у него на «Афоню». Спросил, видел ли он наши спектакли.

— Нет, и не пойду. Я боюсь, а вдруг мне это понравится.

1992

8 января. Среда, мой день

Любимов:

— Чаще всего игра русских артистов идет в минус. Видимо, от пустоты... Обвинять наших людей не надо, но и сваливать на обстоятельства нельзя. Идет гибель империи, и это отразится на всем мире. Мы работаем неумело, мало и довольно скверно. Там работают гораздо энергичнее. Не важно, какое общество, акционерное, кооперативное, — лучше работают частные. Страна должна пройти через безработицу. Дисциплина там идеальная.

— Дело не во мне, дело в изменении обстоятельств, вы другие, молодые люди другие. Да, я составил свой контракт, это немислимое дело. Кто дал право рыться в моих документах и обсуждать мои дела? Этой стране пора уважать закон, поэтому в Цюрихе международный суд... Если за двадцать пять лет работы я не заслужил доверия, то и не надо.

— А что вам сделали бунтовщики? Пришел Давыдов... «коллектив требует»... Чего требует, какой коллектив?..

— Там очень жестко идет за художником репутация. Володя, побывавший... понял, что в Марселе играть он должен, хоть он умрет. Иначе вся Франция узнает, что он пьянствовал и сорвал спектакль. А жена у него француженка. А врачи сказали, что они не отвечают за его здоровье...

Другая точка отсчета. Хозяин есть в доме. Мне легче идти логикой крестьянской. Хозяин не возьмет меня на следующий сезон работ в батраки. Я должен искать другого хозяина, а не поднимать на него вилы.

10 января. Пятница

То, чему я был вчера свидетель, будет еще «воспето» много раз и многими, но при таком всеобщем позоре части озверевшей массы театра... нет, это не так писать надо. Как жаль, что Любимов нам как бы не рекомендовал присутствовать на этом сборище пятой колонны, женского батальона, возглавляемого Губенко и Филатовым, этими Дорониными в штанах.

К 17 часам пошел я на репетицию по вводу Щербакова вместо заболевшего Желдина. Подходя к старому залу, я услышал речь Губенко, перечислявшего даты... встречи слезные с Любимовым его и трупы. «Вы растоптали эти десять дней вашего пребывания, вы наплевали всем в души!» И в конце речи: «Вы — лжец, — овации, — и ваша пристяжная бл... Глаголин, — овации...»

Любимов начал что-то говорить, потом завелся и резко закончил (текст помню неточно): «Пока этот бывший министр не уйдет, меня здесь не будет». И разъяренный старый лев, седой и необыкновенно красивый, быстрыми шагами направился к выходу.

Все это я помню плохо, у меня были спазмы, я ничего не мог понять, представить себе это было невозможно. Почему-то сверлила мысль: сейчас его хватит какой-нибудь удар, сейчас они добьют его. Господи! До чего мы дожили.

«Что видели все мы, что было предо мной...» Позже минутами или даже получасом я заметил в кабинете у шефа: «Зачем же вы нас не взяли с собой? Вы остались один против этой озверевшей стаи. Раз так, так уж надо было стенка на стенку». Боже мой...

Колька почему-то напоминал мне Басманова. Но мне ли, мне ли, любимцу государя... Эта взбесившаяся чернь... Эти пенсионерки-пьяницы артистки... Потом я их наблюдал за кулисами пьяными — Янаев во время путча....

Оказывается, они привели Любимова, что называется, под рученьки, в наручниках, насильно, окружив плотным жандармским кольцом, они действовали, как хорошей выучки кагэбисты. Они использовали физическую силу. Конечно, в зале была пресса, и все речи Губенко и Филатова (старая крыса-вахтерша: «Хорошо выступал Филатов!»; жаль, я не застал) будут опубликованы.

11 января. Суббота. Ночь. Самолет на Алтай

Два подкаблучника решили приступом взять театр. Какая концентрация злобы обдала жаром ненависти и жаждой расправы с шефом меня вчера, когда я вышел тихонько на сцену, где стояли березки мои, и скворечники, и домишки на них. Почему-то в таком же одиночестве я наблюдал шефа, когда он кидал ковыль, стоя один в пустом пространстве сцены, и крестился, и таким же увиделся он мне вчера, стоящий как Тарас Бульба против озверевших ляхов. «Стая почуяла вожака». Это его слова про Губенко.

Шеф: «Да если даже они не подпишут контракт, что изменится?»³²⁵»

Это мне здорово понравилось.

Да! Ведь я сегодня говорил с помощником Попова, клялся своими детьми, что необходимо подписать контракт с Любимовым во имя российской культуры... Что-то я говорил эмоционально и весьма по делу. Николай Иванович обещал довести наш разговор до Гаврилы. Через несколько часов мне позвонил Фарада и сказал, что он тоже хочет поговорить с помощником, просил телефон. Но я ведь говорил от «присяжной бл...»!

Что поразительно!! Те же люди травили Эфроса, до смешного те же были им недовольны!! Начиная с Филатова, который желал физической смерти Эфроса в буквальном смысле, в буквальном... Господи! Прости меня, грешного, за эти воспоминания. Теперь они хотят убить Любимова...

25 января. Суббота

День рождения Высоцкого. Мне обещали вклеить оплеуху — на могиле ли, в театре ли, но меня найдут и вклеят оплеуху. За мою публикацию дневников. Ты меня, Володя, прости, но и оплеуху я за тебя снесу. А теперь... Господи! Дай мне прожить и пережить этот день с Богом.

День этот прошел, слава Богу. Оплеуху я еще не получил. Но странное невидение меня за кулисами Ниной М. и ее сопровождавшей меня насторожило. И опасения мои подтвердились.

Маслов Володя³²⁶:

— Что такое ты написал, что Н.М. очень-очень огорчена?.. Она, конечно, не читала, ей рассказали...

Я дал ему книгу, просил как можно скорее прочитать дневниковую повесть, и если он поймет ее, как это поняла Абрамова (которая, кстати, вышла в слезах на сцену и расцеловала Кольку, Жукову и меня на виду у всего зала), так вот, пусть он поговорит с Ниной М. и успокоит ее.

— Она говорит, что не ожидала от Золотухина, и собирается тебе написать.

26 января. Воскресенье

И опять меня успокоила Люся:

³²⁵ Речь о коллективном договоре

³²⁶ В ту пору артист Москонцерта.

— Не бери в голову, не обращай внимания на 80-летнюю, слегка свихнувшуюся от славы, добрую старуху... И ребята прочитали оба и правильно всё поняли, абсолютно будь спокоен... Ведь они то время не помнят, они его знают только по моим рассказам и собирают вот по таким бумажкам. Ты написал, как никто, точно. Слова — очень трудная штука, кто с ними знаком...

Господи! До чего же благородная баба. А про плакат? Дом³²⁷ выпустил плакат ко дням Володи, и она (ей самой было недосуг) послала его с сотрудницей Н.М.

Н.М. посмотрела и завопила: «Я давно подозревала, что Люся что-то не то делает в музее! Она мне специально ко дню рождения нож в сердце всадила!»

— А что такое, из-за чего?

— Абсолютно не из-за чего, а из-за фотографии, где была Марина.

— Ну и что?

— «Здесь я должна быть, а не Марина. Я — мать, а не Марина!» Ну, что ты на это скажешь? Так что не бери в голову, у тебя есть более серьезные оппоненты.

— Да я уж получаю угрозы...

— Так вот, как бы они не перешли от слов к действию. Начнут прокалывать шины, а то и похуже.

Быстрый Исток. Тищенко В.К. обещал родительский дом нам отдать. Не продать, а отдать, надеясь (думаю я), что лучше, чем мы, для будущего музея никто его не сохранит.

28 января. Вторник. Хельсинки

Дневники есть мгновения, зафиксированные моими окулярами-глазами. Если глаза — зеркало души... значит, в душе порча от того изображения в искривленном свете, обезображенном... Для вас. Я этого обезображивания, искривления, естественно, не вижу и видеть не могу. Но у меня есть защитительная грамота от таких взглядов — заключение жены и матери детей Высоцкого, Люси Абрамовой.

13 февраля. Четверг. Челябинск. «Малахит»

Я уж сутки, полтора суток живу в ознобе от звонка Хейфеца³²⁸, через два слова которого я понял, о чем будет речь. Олег Иванович Борисов очень болен, играть Павла I³²⁹ не может, «ищите замену»... Назывались артисты, но когда было названо имя Золотухина, все единодушно сказали: «Это класс!» «Похоже, они правы», — заметил я Хейфецу. Итак, мне предложено заменить... что я пишу «заменить»? — сыграть вводом Павла I, и срочно. Где-то с 20 марта до 1 апреля. Что это?! Бог помогает мне. Господь посылает мне шанс. Использую ли я его? Но ведь это будет грех великий, если я не сделаю этого. Господи, помоги мне!! Сергей Преподобный! Дай мне силы!! Пошли мне напутственное благословение в этом плавании. И я совершу...

Я хочу к Павлу I подойти похуевшим, истощенным, изможденным внешне — тогда я буду чувствовать себя уверенно.

14 февраля. Пятница. «Малахит», № 904

Я так легко согласился репетировать Павла I. А смогу ли? А надо ли мне это?! Необходимо переродиться, как в Агтыцесте, за короткое время. Вывернуть себя, к Богу, к Богу, к Богу обратиться!!!

28 февраля. Пятница

Репетиция Павла была удачной, то бишь читка.

29 февраля. Суббота

³²⁷ Музей Владимира Высоцкого.

³²⁸ Леонид Хейфец, художественный руководитель Центрального академического театра Российской Армии (ЦАТРА).

³²⁹ В спектакле «Павел I» по пьесе Д.Мережковского.

Опять в ЦТСА... Поставил свечку за Павла I, моего несчастного героя, отца моего Сергея Илларионовича и сестру Антонину. Суетливо помолился о здравии Тамары и Матрены.

Очень что-то мне нравится несчастный Леонид Хейфец, так поздно (в пятьдесят пять лет) получивший театр, в котором крысы, кражи, разбой и саботаж...

13 марта. Пятница

Я Павлом I послужу русскому, отечественному искусству...

Об императоре оном много передач, и был он, оказывается, славным царем и много для отечества сделавшим за короткое свое несчастное правление.

14 марта. Суббота

Губенко говорит, что в следующий раз меня из театра будут выгонять с ОМОНОм. Я уже готовлюсь к этому. А спектакли он играет, и слава Богу.

19 марта. Четверг

Вчера на репетиции с Л.Хейфецом я заплакан, как в ГИТИСе на уроке у Анхеля, от собственного бессилия и сознания ничтожества своего (я репетировал тогда Треплева). За мной вослед заплакала О.Егорова³³⁰ и остановиться не могла... слезы ее падали мне в глаза. Хейфец остановил репетицию. Господи! Спаси и помилуй меня, грешного, и партнеров моих.

23 марта. Понедельник

Я ношу кожаный пиджак, который когда-то продал мне В.Высоцкий за двести или двести пятьдесят рублей. Это значит — я похудел и вошел в комплектацию 1978 года, ремень затягивается на последние дырки.

Посеял Мережковского том — пожал Павла I. Как бы там ни шло, я сыграл Павла I и обеспечил театру за кои-то веки аншлаг.

25 марта. Среда, мой день

Хейфец не был вчера комплиментарен, это очень насторожило меня. Быть может, подействовало на него отравление котлетами свекольными, но одно признание он сделал важное: «Теперь мы можем говорить откровенно, роль сыграна. До этого мы ведь тебе ввали... Усыпляли тебя... Это хорошо, что ты не видел спектакля, не видел Борисова... и ничего не знаешь, какая была пресса, какой был шум вокруг спектакля... На тебя ничто не давило... Иначе ты мог и не согласиться... Когда была названа твоя фамилия, встречено это было с восторгом. Но когда начал репетировать, многие потускнели: да, сыграет, но... И должен тебе сказать с полной откровенностью — ты победил. Ты выиграл по всем показателям, на все сто процентов. Ты победил партнеров... они стали твоими союзниками. В театре ведь ничего не скроешь, и все разговоры доходят до меня. Первая твоя репетиция-читка, когда ты был... скажем так, «из гостей», насторожила: а что это он так? Театр Советской Армии — особый театр. Здесь еще живы традиции, здесь работают замечательные актеры... И ты хорошо вошел. Тебя приняли, что очень и очень немаловажно».

27 марта. Пятница

Нуда, идет время — не читаю, не пишу... Билетеры в восторге от Павла I — лучшая роль, лучше всех таганских, вместе взятых. «Вы для нас открылись, — действительно, нет пророка в своем отечестве. — Я спросила у билетерши, женщины моего возраста, она сказала, что с Золотухиным ей больше нравится, чем с Борисовым». Ну и так далее. Павел I открывает вереницу ролей — Версилов и «Доктор Живаго»... Приехал Любимов... Сегодня он пошлет Губенко письменный приказ, что театр в услугах артиста Губенко не нуждается.

Нельзя быть над борьбой, как Алла, как Смехов.

30 марта. Понедельник. Театр

Губенко нагнал вчера полтеатра журналистов, телевидение. В зале транспарант: «Позор родителю, предавшему, а теперь продавшему». После спектакля загорелись мощные осветительные приборы. Н.Н. и Л.А. со сцены давали интервью. О чем — не знаю, вернее, о чем — знаю, но что говорили конкретно — не ведаю. У меня была своя нечаянная радость. Перед спектаклем меня вызвал шеф и приказал петь с Володей «Баньку». «Ты у кого работаешь?! А то ведь скажут — он сказал, и ты не поешь». — «Я не в форме, у меня нездоров голос, я опозорюсь». — «Твоя природная музыкальность не даст тебе опозориться... Иди готовься!»

И Бог меня спас!! Я так не пел с Володиной фонограммой никогда, так хорошо, чисто, разнообразно...

Губенко: «Мне сказали, что в интервью «Таймс» он сказал, что для Губенко и Филатова этот спектакль последний. Если он примет такое решение после спектакля, его секретарша должна передать мне его письменное распоряжение. Ты с ним общаешься — для него будет это тяжелое решение». — «А что ты не поговоришь с ним?» — «Пусть вызовет, он руководитель, вызовет — поговорим».

После спектакля заливалась Шацкая: «Во, мне запретили завтра играть, ребята, я завтра не играю!»

Николаю сказал я, что про Филатова, про его отстранение, слышу я впервые.

Николай: «Так мне сказали, я пользуюсь только слухами». По поводу портрета, усмехаясь: «На моем месте висешь», — и еще что-то...

Накануне я видел Губенко во сне. Что-то он мне недоброе говорил про меня на Алтае, будучи уже без чинов, а я ему в ответ: «А-а... так вот ты как раскрылся, не смог удержать... Ах ты... твою мать!» — с чем и проснулся.

А перед этим мне снился сон, что все то замечательное, про что мне говорил Дьяченко Боря о Павле I, было во сне... Очнулся в ужасе, почти в слезах от жалости... Нет, это Боря говорил мне наяву, по телефону, и, более того, это мной как-то записано... И улыбнулся я счастью своему и успокоился.

Смирнов: «Как они... разбавили тобой начальство».

Губенко вчера заявил, что он придет играть, а Любимов обещал выставить людей, которые его не пустят в театр. Итак, мы на грани гражданской потасовки. Интересно, чем кончится... Нет, вроде бы мой портрет еще не изрезан, не испохаблен, на нем еще не написано «Иуда» или «Брут».

1 апреля. Среда, мой день

И все-таки разговор, объяснение с Любимовым у Губенко и Филатова состоялось. И это хорошо. Николай благодарил меня и за вчерашнее. Я так понимаю, что ему рассказали про наше заседание перед спектаклем, где я настоял решительно, что зритель в театре, сейчас он будет в зале, а потому сегодня надо играть, мужской разговор отложить с Губенко на после спектакля... Так оно и было. Разговор был относительно спокойный... Ленька отвечивал реверансы в сторону шефа. Ясно было дитю, что шеф раскалывает альянс, и он добился от Леньки слова, что при всех обстоятельствах он второго будет играть. Ленька плакал и сморкался в кашне — всех жалко... Шеф спросил про кого-то: «Тебе жалко, Леня?» — «Всех жалко, Юрий Петрович!» И заплакал. И все-таки ни о чем не договорились. «Я прошу вас, Николай Николаевич, второго в театр не приходите. А с нового сезона, если вы захотите, мы можем вернуться к этому вопросу». — «Нет, Юрий Петрович, я второго буду играть». — «Нет, вы играть второго не будете». Четыре раза возвращался уже одетый Николай в кабинет. Мне сказал, что подождет меня. Ждал он меня в кафе с коньяком, рассказал про свои действия и состояние семьи во время путча: как он ожидал пули в лоб или в затылок, как он писал об отставке. Все это связывал и со своим нынешним решением: второго быть. Леня пил коньяк; он заявил Любимову, что должен подать заявление: товарищ — Губенко, ближе никого нет, а меня называл отцом своего сына. Это название криминального фильма «Отец моего сына». Ничего себе. Но я молчал, и терпел, и наблюдал. Николая мучит вопрос

о приватизации Любимовым новой коробки театра³³¹.

4 апреля. Суббота

Болит спина. Неужели это лимонная водка сломала меня?! После кошмарного дня второго апреля, когда милиция во главе с Глаголиным не пускала Губенко в театр и я с расстройством сви-сталул водки бутылку дома под язык и капусту квашеную, а вчера портвейну...

16 апреля. Четверг. Утро

Вчерашнюю премьеру я выиграл, и выиграл, как мне кажется, с большим запасом, перевесом.

Зельдин, пришедший в гримерную, очень тронул. Тихо, задушевно, спокойно: «Молодец, молодец. Другой театр, большая площадка... Герой... после Борисова... Героический акт во всех смыслах».

18 апреля. Суббота

Вчера я практически первый раз приступил к репетиции «Подростка», Версилова. Это вторая роль в цепи Павел I — Версиров — «Доктор Живаго». Я эту цепь начал в феврале 1992 года, а в мае 1993-го мы должны «Живаго» уже играть, как сказал вчера шеф. Он хочет оставить за главного в свое отсутствие меня и Антипова. «День ты посидишь в театре, день — Феликс. Он человек серьезный».

1 июня. Понедельник. Ту-154

Я лечу домой. Грандиозный праздник вчера прошел в Быстром Истоке. Как в лучшие 50-е годы. Перед народом вышли мы с о. Евгением. Он молод и косноязычен... перед такой толпой говорит, очевидно, впервые. Волновался. Я же говорил о смутном времени... о том, что нас может спасти. Вера, культура, доброта и терпение... На сцену поднялся я с коробкой для будущих пожертвований и набрал в результате 11 600 рублей. Батюшка принародно благодарил меня как инициатора строительства храма. Несколько раз он это слово произнес, а народу — тьма. Бийский район.

Сростки... Женщины, помнящие Шукшина, покупали «Земляков» и брали автографы. Вот и Сростки с Быстрым поздоровались. Тищенко покаяться: пока не будет заложен фундамент, в отпуск не пойдет.

7 июня. Воскресенье — отдай Богу

К кому пойти за деньгами для храма?

13 июня. Суббота

Любимов... А где он сейчас? Должно быть, в Израиле. Осенью будет в Хельсинки ставить «Грозу». Почему он нам не говорит об этом? Боится сглазить контракт? Он не из таких. Опять барон ему делает оформление или Боровский на этот раз?! Встречался ли Ю.П. со Шнитке и как получить от Альфреда хотя бы несколько музыкальных номеров «Живаго»? Публике в газете объявлено, что Золотухин — д-р Живаго. С чего начинать? С вокальных занятий или с того, что выучить текст Версилова, дочитать «Подростка» и начать Пастернака? В этом проблема. И как попасть в Вену?

4 июля. Суббота. Утро у Сережи, за его столом

Окончен сезон, страшный, пустой, очень долгий и грязный. Наступили тяжелые времена «Таганки» — раскол, грызня.

16 сентября. Среда, мой день

Я предложил и уже объявил семье, что пить я не буду до 17 мая 1993 г. День — премьеры в Вене «Доктора Живаго». За это время я бы сыграл Версилова, съездил бы в Америку, сделал бы вчерне роль Живаго, потом — Япония и премьеры в Вене. Не говоря о том, что я бы написал «21-й км», над которым вчера была произведена эксгумация — выкопаны трупы и оживлены. Год назад я закопал под деревом рукопись и свою фотографию

³³¹ Имеется в виду новое здание Театра на Таганке, ныне — театр «Содружество актеров Таганки». Эмигрант, знакомый В.Золотухина.

— похоронил роман.

Пишем письма в инстанции против раздела театра, репетируем «Подростка».

«

11 октября. Воскресенье. Г-ца «Волгоград»

В Москве Любимову министр культуры вручил значок «народный артист России» — указ Ельцина. «К сожалению, благодаря поведению некоторых моих учеников я не мог встретить свое 75-летие в своем доме. Я не мог прийти в свой дом. Я изгнан из своего дома...» Выглядел он ужасно. Грустный, опущенный, удрученный. Я представляю, как возмутятся таким поворотом Любимова Губенко, Филатов и др. Я понимаю, что он может так чувствовать себя — ему противно входить в дом, где его так оскорбили, где его не чтут, не уважают поголовно и открыто и нагло ведут войну на выживание из собственного театра. Ответ у них простой и ясный — его нет в России, он руководит по телефону, театр сдан в аренду, продан.

25 октября. Воскресенье

Меня больше тянет к чтению вокруг романа, чем собственно к самому роману. А роман надобно изучить досконально, так же как стихи Бориса Леонидовича. Это будут мои университеты к 52-му году моей жизни. Кстати, сегодня в Театре эстрады собираются поэты, кто поет под гитару. Как-то попал я недавно на Веронику Долину — и получил удовольствие, опыт. Поразила обилием публики, сравнительным обилием, атмосферой — каминной, осенней, покойной, лирической, теплой. Долина подарила мне книжку. Этот вечер я отметил как работу над Пастернаком, в копилку образа. Будто бы Ивинская вчера была показана по ТВ. Если так, ее надо найти и взять у нее автограф.

28 октября. Среда. День Павла I

Предполагаемый конец света откладывается, хотя, быть может, для нас он давно наступил, да только мы того не замечаем. Открыл я дневник с мыслью о курносых. Оказывается, Живаго был курносый, а я сегодня Павла I изображаю, тоже курносого. Если я вычитаю в описании внешности Версилова, что и он был несколько курнос, это дает мне право для интересной версии.

Мне бы надо писать о собрании вчерашнем в театре, о разговоре Бориса с Любимовым, но так не хочется.

30 октября. Пятница

...Всю ночь не спал: объявление, продолжение собрания, итоги референдума о разделении театра. И крысы, охраняющие, сидящие вокруг судьбоносного ящика голосования. Почему-то меня взбеленил этот референдум. Тоска.

31 октября. Суббота, родительская

Интервью идеолога Филатова, в которых он дает оценку нынешнему художественному коэффициенту нынешнего Любимова. «Не узнаю, не тот, не тот». Господи!

Звонил Денис... Он собирается рукополагаться. О. Александр подыскивает ему будущую матушку, девчонку из священнической семьи. «Говорят, браки, которые устраиваются через третьих лиц, бывают иногда очень даже счастливые», — сообщает мне Денис, готовящийся в дьяконы. Ну что ж, так тому и быть — мое родительское благословение он получил. Господи, наставь его на путь истинный! Первоочередное — укротить его непомерную гордыню и готовность ежемгновенную учительствовать, а не учиться. Обет молчания, молчания и еще раз молчания нужно Денису дать.

30 ноября. Понедельник. У Марка Купера 332

Это, пожалуй, самая приятная встреча за рубежом. Это энциклопедия молодой, причем закулисной, внутренней, «Таганки». Я часто видел его около Зины Славиной. Вошел он в историю с похорон В.В. С мальчиком на плечах пробивался он к фобу Володиному, был снят крупным планом и показан.

«Валерий, спасибо! Вы честно отработали этот вечер. Я сама из г. Канска, сибирячка. Признаю в Вас своего и полностью меняю мнение о Вас в лучшую сторону. Спасибо за Высоцкого! Приезжайте еще! Пригласите Л.Филатова с его сказками. Удачи Вам! Людмила».

Научиться у Калягина завязывать галстук. Для этого взять галстук как реквизит в сумку с рукописями. А теперь — «Живаго».

10 декабря. Четверг. «Дельта» — «Боинг»

Мне снился Филатов в Цинциннати. Мы бок о бок спали с ним на креслах, дружно и спокойно. Нинка наблюдала за нами, а мы как будто и не ругались с ним. Цинциннати, спанье в аэропорту и Филатов во сне — надолго запомнятся эти лирические картинки! Снился мне как-то Любимов. «Валерий, что ты мне Лермонтова показываешь!»

Брехт. Сенсационное открытие биографа и исследователя творчества Брехта — любвеобильный был господин, соавторство делил со своими любимыми. Он использовал и письма, они поставляли ему в постели диалоги и ситуации — литература в обмен на секс...

11 декабря. Пятница. «Боинг» — «Дельта»

20 концертов.

Володя Высоцкий не требовал особых благ себе в жизни, особой зарплаты, одежды особой, еды, питья или признания открытого, не в меру комплиментарного. Здесь можно многое перечислять из того, чего он не требовал особого, но... если в компании была женщина или женщины, за ним было негласное, но безоговорочное право на любую из них. Первый выбор был за ним, остальные разбирали дам после него. Вот это — как бы само собой разумеющееся раз и навсегда и не подлежащее сомнению, что такая-то может предпочесть кого другого, — это меня умиляло, но других, я думаю, задевало не на шутку.

Я Высоцкому не завидовал вообще ничуть, нисколько, и об этом Влади в своем «Прерванном полете» как бы даже специально сказала, отметила... Но наше дело театральное, наша иерархическая закулисная жизнь предполагает и не оставляет сомнения у публики, что Высоцкому обязательно должны были завидовать, и в первую очередь актеры первого эшелона.

В Москве произошло разделение театра, о котором как о факте свершившемся говорит Елена Гуревич из Миннеаполиса. Информацию эту взяла она в «Панораме», но газету не нашла.

«Exit (выход)...» — наклонившись надо мной, стюардесса долго шептала на весь салон. Оказалось, что, к ее великому сожалению, по причине незнания английского я должен поменяться местами с американцем, потому что в случае аварии я не смогу прочесть, как спастись, и помочь мне никто не сможет. В Америке никто другого не спасает.

16 декабря. Среда, мой день, «Павел I», утро

Благодарю тебя, Господи! Я дома, я долетел, снотворным перебил все климатические перепады, все поясные расстояния.

— Ну, теперь ты погиб, — сказал мне Любимов, — приходи, разберемся.

Итак, репетиции «Живаго» еще не начались.

— Всех загоняют в ГУЛАГ, — еще мне сообщил Любимов.

17 декабря. Четверг

Утро, молитвы, зарядка.

«Павел I» вчера был хороший, несмотря на бестолковонервное проведение времени у шефа. Оказывается, есть решение Моссовета о разделе театра. Сегодня Любимов собирает труппу, а завтра хочет провести общее собрание с голосованием поднятой рукой. Кроме скандала, по-моему, ни хрена не выйдет. Был Ноткин Борис, телеведущий. Спрашивал меня об «антисемитском» инциденте на Шукшинских чтениях.

— Вы по-другому выглядите рядом с Ю.П. Когда вы разговариваете с Любимовым, вы другой человек.

— А какой? — встречает Любимов.

— Когда он один, он такой маститый, этакий Станиславский, сам по себе...

Ладно. Писали записку Ельцину, которую Ноткин должен лично отнести в Кремль.

21 декабря. Понедельник. Утро

У меня была странная уверенность (очевидно, самоуверенность), что люди в театре — билетеры, реквизиторы, не говоря об актерах — в своем поведении и отношении к событиям в театре ориентировались по мне, а я, в свою очередь, по Демидовой равнялся. И вдруг они поверили Токареву — Губенко — Филатову. Для меня это было странно и обидно...

Неужели мы не страхнем эту позорную осаду Губенко? Неужели он добьется раздела театра? Любимов изводит своих людей капризами, придирками и требованиями — все у него виноваты и никто угодить ничем не может, а нервничает он по понятным «живаговским» причинам. «Подростком» он весьма неудовлетворен, меня он, кажется, полностью забирает в «Живаго», и правильно делает. Сегодня первая репетиция, сбор...

23 декабря. Среда, мой день. «Павел I»

Начались музыкальные репетиции «Живаго». Пока я плаваю в океане неведения и непонимания, разбираемся с хорами. А что, собственно, надо будет петь мне и где применение моему оставшемуся голосу — отыскать и предположить не могу. Дни идут в борьбе за «нераздел» театра. Надежды были, что Любимов в интервью с Ноткиным скажет что-то убедительное, призывное, а то уши вянут, что называется: все про прошлые закрытия спектаклей, про нынешних политиков... Тошно слушать.

«Кто будет играть Живаго? Золотухин. Золотухин — прекрасный актер, выдающийся актер, но...»

24 декабря. Четверг. «Высоцкий»

«Выдающимся» Ноткин меня назвал вторым. Первый — Зельдин. Актеры очень чутки к словам, которыми их обзывают. Замечательный, прекрасный актер — это одно, а выдающийся — это степень иная и ступенька высшая.

25 декабря. Пятница

10 утра — почему они все веселы и уверены в себе? Сегодня уверен в себе Шопен. Завтра будет уверен Бортник, а вчера был уверен Феликс. Когда же буду уверен в себе я?..

Любимов все ищет предлога, причины, исходящей от вы-деленцев, чтобы закрыть театр. «Все видно на сцене, они выключены, они нагло ведут себя, нет, в такой обстановке нельзя работать, надо закрывать театр». Под каким предлогом? Под каким соусом? Этого ведь могут и не понять. «К 1 января 1993 г., — гласит решение президиума Моссовета, — раздел произвести». На наши телеграммы и факсы реакции пока никакой.

31 декабря. Предновогодний четверг

Ю.П. на старой сцене:

— Нация погибнет, если нет традиций. У нас есть традиции — 30 лет я прихожу первый, дверь моя закрыта, секретарей нет. У доски расписания долго стоит вперившаяся Славина. Через полчаса я вижу ее там же — что-то она с доски списывает. Что может она там списывать — в театре для нее выходные дни. Она все еще играет в хозяйку театра, а сама ждет не дождется, когда наступит раздел театра и она похозяйничает в худсовете у Губенко, который первый же ее и отстранит. Сон видел. Вызывной лист: «Записывайтесь в Государственный театр на Таганке под руководством Губенко!»

С шефом надо идти до конца. Год Сергея Радонежского, и я заложил фундамент храма Покрова Пресвятой Богородицы. Это было главное дело минувшего года. И я благодарю тебя, Господи!

1993

1 января. Пятница

Денис:

— Пап! А ты не хочешь рукоположиться? Представляешь, какая реклама: протодьякон Валерий Золотухин! Представляешь?

23 января. Суббота

Вчера мы вышли на сцену — шеф в прострации, не знает, что делать. Нужно понять следующее: если Альфред³³³ не написал музыку, положим, к «Гамлету» или другому какому стихотворению, — он не забыл или пропустил, значит, ее нет в нем или он считает, что у него не получилось. И нечего сочинять за него и что-то самодеятельно придумывать. Это надо понять и из сего исходить. Но если замысел через поэзию — стало быть, стихи звучать должны; на немецком языке — во ход! — а есть ли перевод романа на немецкий, особенно перевод стихов? Был бы номер! Это для меня была бы находка. Не выход из положения, но находка...

24 января. Воскресенье

В «Независимой» в рубрике «Слухи» иронические намеки насчет «Живаго» от Любимова. Если доктора будет играть Валерий Золотухин, то кто же тогда Лара? Здесь все — и то, что мне 100 лет от роду, и то, что я крестьянский сын и Бумбараш. Будет страшно, если их хихиканья подтвердятся и злобствования оправдаются, — надо спастись и что-то придумывать. А пока — одеваться и заводить машину.

26 января. Вторник

Молитва и зарядка.

Какой был вчера подарок Володе ко дню рождения! Пел гениальный Градский, а я читал письмо Т.Н.Журавлевой³³⁴ и говорил о курточке от Высоцкого. Был, как мне сказали, маленький спектакль.

30 января. Суббота

Рано встал, но не завелся — мороз на дворе. На душе дрянь. И все, думаю, из-за грудной правосторонней боли. Хотя на сцене, на репетиции одно и то же желание не покидает — скорее бы закончилось. Кажется, я возненавижу Шнитке, Пастернака, Любимова и себя. Глаголин такое утешение выдвинул: «Делается это все для Запада, для доллара. Поэтому тебе надо найти несколько опорных точек, которые бы оправдывали тебя в твоих глазах, твое существование в этом».

Вот и всё. И не заниматься самоедством, а относиться к этому именно с долларовой кочки...

Губенко вновь собрал рассеянное войско и нам со страниц «Коммерсанта» угрожает. Какой-то чиновник документ, мной подписанный, положил под сукно, он попал в тот лагерь и вызвал очередной переполох.

31 января. Воскресенье — отдай Богу. Кухня

Любимов каждый день по несколько раз напоминает, что мы репетируем христианский роман.

4 февраля. Четверг

Вчера Тамара развивала чью-то мысль о Высоцком. Кто-то говорил о его характере: двойной стандарт, что можно одному, нельзя другому. Даже зная, что он не прав, он продолжал спорить и добиваться, чтоб было по его сделано. И я... подумал о разгадке некоторой. Ведь это же надо — выпросить у Любимова Гамлета! А с какой (ведь ни одно слово не подходит — «самоуверенность», «настырность», «нахальство») силой, безапелляционностью (Тамара называет это ограниченностью, отсутствием тонкости, душевной интеллигентности — «а как будет партнеру?»), в конце концов, он буквально выколачивал роль Воланда в уже подмалеванном рисунке из-под Смехова. Это было на моих глазах — он выходил на сцену, примерялся, разгуливал с тросточкой — без тени сомнения, что Любимов скажет: «Начинай, Володя!» Я был потрясен до восхищения. И оправдывал его!! Что это?!

Я читаю Ремарка — мне неинтересно, но приятно.

333 Шнитке.

334 Татьяна Николаевна Журавлева, ленинградская актриса.

7 февраля. Воскресенье — отдай Богу

Я отдам его «Живаго» и рекомендации Шифферса в кинематографический Союз.

Часто открытие не принадлежит автору, и, естественно, им начинают пользоваться как задачиком, учебником. Когда в 1967 г. в Театре на Таганке стали поговаривать о «Преступлении и наказании», меня прочили на роль Раскольников. В театр на заседание худсовета пришел Ю.Ф.Карякин. Я отчетливо запомнил его фразу, адресованную мне (речь шла о Наполеоне):

— В своей жизни я встретил и знаю одного гениального человека — Шифферса!! Вам необходимо с ним познакомиться, чтобы понять, что поражает Раскольника в идее сверхчеловека. Прочитайте его роман «Смертию смерть поправ».

Я прочитал. От кумира того времени А.И.Солженицына (пусть простит меня этот замечательный художник!) не осталось и следа. Работа актерская Е.Л.Шифферса в «Интервенции» и по сей день остается для меня наиболее точной и не разрушающей жанр, по мнению некоторых коллег, а подтягивающей этот жанр на другую высоту, на новую точку отсчета. Жаль, что, по условиям нашего уродливого времени, роль была переозвучена посредственным актером, а фамилия исполнителя просто выброшена из титров по причине его диссидентства. Ну и время! Ну и страна! Ну и жизнь! Золотухин дает рекомендации, пропуск в ряды кинематографистов Шифферсу! Но... надо, Федя. И наконец после долгих лет кинематографического молчания и как бы отсутствия на наших собраниях и неучастия в нашей творильне Шифферс показывает нам «Путь царей». Убийство царя!! Кинематограф будущего, настоящего и прошлого. Присутствие искусства (перефразируя Пастернака) в кадрах этой ленты, скромно означенной опытом, учебным пособием, поражает, потрясает больше, чем само преступление большевиков!!

Уважаемые господа, коллеги, которые будут рассматривать этот вопрос! Извините меня, если вместо рекомендации или характеристики я написал нечто в духе любовной записки. Рекомендую. И думаю, что срочно или скоро нужно организовать, попросить Шифферса прочитать для студентов Института кинематографии несколько лекций по искусству, философии, религии, живописи, которые лягут в основу хорошего пособия — капитального, универсального учебника по воспитанию, образованию всякого мало-мальски художественного организма.

13 февраля. Суббота

Что меня поддерживает и дает силы — дневник. Единственное живое существо, с которым мне не тесно, не грустно, не тяжело.

14 февраля. Воскресенье — отдай Богу

День нашей с Шацкой регистрации 30 лет назад.

Любимов хочет сделать спектакль — или, как он говорит, схему. Кажется, он начинает склоняться, что все пять невозможно, нельзя и преступно по отношению к Шнитке — скажут: «Что же он такое написал?! Что за неорганизованную чушь?»

Так мы не договаривались, Ю.П., дорогой!

Любимов:

— Кто разваливает спектакли? Артисты. Не я же их разваливаю! Ничего у них, — отделенцев, — не получится...

15 февраля. Понедельник. Гр. № 307

Нельзя изменять своим привычкам — дневник должен писаться во что бы то ни стало.

Вчера Любимов как бы невзначай и как само собой разумеющееся промолвил:

— Я ведь не случайно делал эти перекрестья (перекрещения): Настя — Аня, ты — Родион, чтобы была полная взаимозаменяемость. Мало ли что может случиться...

— Все правильно, замечательно, — сказал я. — Это прекрасно. Корона ни у кого с головы не упадет, если она есть. Как ни странно, мне стало легче дышать. Во-первых, меньше ответственности, и спектакль в Москве может выйти с Овчинниковым³³⁵ — он

молодой, музыкальный, хваткий и спортивный. Но в Вене и Германии нельзя отдать ему марки, поэтому надо что-то загвоздить неповторимое, уникальное. Все, что пока делает артист Золотухин, к сожалению, вполне доступно любому, а уж Родиону и подавно. И вот тут опять, что называется, дуракам везет: может, и хорошо, что Шнитке не написал вокал Юрию? Так, глядишь, я проскочу и наберу музыку для себя удобную. В эти 10 дней партитура должна быть окончательно скомпилирована.

17 февраля. Среда, мой день

В прессе сообщение, что Моссовет решит или уже решил — быть ли ему учредителем театра «Содружество актеров Таганки» под руководством Губенко. Заседание 22-го. Вызывается или приглашается Бугаев³³⁶. А он заявляет, что без Любимова он не пойдет. А Любимову туда ходить не надо, по-моему. Короче, дело идет к суду.

17 февраля. Среда, мой день, но бойся его, Близнец!

После репетиции душа и сердце раскрыты, ранимы, усталость и счастье после стихов, где все прочитано тебе и про тебя. Вдруг — ушат холодной воды. Лара, Лариса. Из всех женщин, которые прошли по моему сердцу, кажется, одна ты не презиралась, не скандалила в быт, в пошлость. Какое счастье, что мы не поженились с тобой! Брак портит воспоминания. Ведь любил же я Шацкую, ведь помню, как от ревности плакал, — и что теперь осталось от этого всего?!

19 февраля. Пятница. Театр, гр. № 307

Любимов. На него было вчера страшно смотреть. Сначала он ругался, как в лучшие годы, потом повторил несколько раз: «Я сегодня же дам телеграмму президенту, что я отдаю назад ваше гражданство! Со мной обращаются хуже, чем при коммунистах, вызывают к прокурору!» У него мозга за разум заходит, да еще так подвел Ш нитке. Кажется, он мало-помалу отказывается от попыток, от требований петь ненаписанные ноты, петь прозу как ни попадя.

Я буду вспоминать эти счастливые дни, когда я жил только ожиданием репетиции, приходил в эту комнату, переодевался, читал роман, писал дневник, слушал фонограммы. Я буду все это вспоминать и плакать. К тому же я дивно вдохновлялся на этом диване.

20 февраля. Суббота

Занимался утром аккордеоном, подбирал сопровождение к сцене с Гордоном — Любимову не понравилось. Будет, очевидно, «Не одна во поле...». На ней почему-то и голос звучал.

Шифферса вчера я посетил... Жалко, что говорил только я, и опять о делах театра...

22 февраля. Понедельник

— Молодец! — сказал Любимов после исполнения мной в финале с Ларой «В лесу казенной...».

Какие-то победы были и в сцене с Ливерием. В общем, день был с плюсом, полезный. Еще три-четыре бы таких ключевых дня, и я был бы спокоен перед отъездом в Японию. Молился за Любимова, просил у Бога удачи ему.

Шифферс:

— Если он спрашивает, кто может сказать, что Золотухин человек чести, я могу сказать. Передай Филатову, а если я его увижу, то сам скажу о том, что Золотухин — человек чести.

А может, за свой счет издать «Дневник»?..

26 февраля. Пятница

Нет, прогон получился. Шеф был веселым после первого акта, после второго сиял, усталый и счастливый. В прогоне он всех успокаивал, подбадривал, посылал своих лошадей вперед лаской — стратег педагогики!

Завтра мы улетаем в Японию.

27 февраля. Суббота. Япония, Токио

Художник Юрий Васильев снял посмертную маску поэта. Господи! Господи! Сколько совпадений! У меня маска Володи, снятая Ю.Васильевым.

Любимов стал показывать мне сон Живаго, записку Лары. Взял мою бумажку — и замер! Что это? «Павел I, Павел I, Павел I, Казань, Ашхабад, Норильск, Мурманск» — попался ему сентябрьский репертуар.

— Когда же ты на Таганке работаешь?

Такой ужин замечательный — весь мясной, сакэвочный. Немного холодной рыбы в уксусе и картошки обжаренной. Кормила меня Демидова. Сидели на полу, на подушечках, обувь сняли. Что же они, черти, не предупредили! Хорошо, я душ принял и носки чистые. Пытались петь «Дубинушку». Демидова считает, что будет прокол с Ларой. В ней нет энергии никакой...

1 марта. Понедельник. «Эдмонт», № 886

Все замечают, что я очень увлечен «Живаго». «Он так загорелся, что не чувствует усталости, он потерял счет времени, он превратил ночи в дни», — так говорит Шкатова³³⁷.

Мудрость японская: «Когда ты видишь чистый лист бумаги, подумай сначала, как он прекрасен».

6 марта. Суббота

Молитва, зарядка, душ.

«Москва. Канцелярия президента Ельцина. Камчатова Владимиру Федоровичу.

Уважаемый Владимир Федорович!

К сожалению, мы с Вами до сих пор не нашли возможности обменяться мнением и информацией по печальному для всех нас вопросу о разделе театра. Пожелание президента выполнено: голосовали, голосовали — разделились. Остальное, казалось, дело техники. Если администрация города поддерживает создание нового театра с новым репертуаром — чего проще подыскать им помещение? Для экономии слов приведу пример достаточно, извините, бульварный, но из собственного опыта и многое объясняющий. Когда я уходил от первой жены, жизнь предлагала мне разные варианты, например, врезать замок в одну из комнат трехкомнатной квартиры и привести туда свою новую беременную жену. Так же вольна была поступить и бывшая супруга — в свою комнату врезать свой замок и жить там с другим мужем. А с дитем по очереди бы встречались у четырехконфорочной плиты. Люди все взрослые, цивилизованные, как нынче принято говорить, места хватило бы всем. Нетрудно представить, чем могло кончиться подобное соседство. Если бы энергию, которую они потратили почти за полтора года на этот скандал, они израсходовали бы на создание хотя бы одного спектакля, у них получился бы шедевр. Я очень надеюсь по возвращении из Японии наличную встречу. Убежден, что мы найдем взаимопонимание.

С уважением, **Валерий Золотухин.**

Гастроли Театра на Таганке в Токио».

7 марта. Воскресенье

Молитва, зарядка, душ, кофе.

Вчера во время чтения сюжета «Бритвы» Боровскому и Глаголину позвонил шеф, пригласил поговорить. Время ушло на следующее:

Я соберу корреспондентов, я им такое расскажу, с фамилиями, что президент вынужден будет выбирать: я или ваш засратый Камшалов-Камчатов, и, конечно, он выберет меня. Вы все запуганные совки, а мне плевать... Если они посмеют разделить театр, я тут же сяду в самолет и уеду.

Шеф сказал, что я должен перепеть еврейскую молитву.

Ну, пой русскую, только не дергай себя за кадык!

337 Нина Шкатова, помощник режиссера Театра на Таганке

Кажется, делая зарядку, я набрел на решение — чем клянчить у Масловой (сама принесет!), спою на свой лад: «Господи! Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия, празднословия...» Пушкинская молитва из «Странника», которую А.С. в стихи превратил.

1 7 марта. Среда, мое число, мой день

Чем моя профессия меня потрясает, привлекает и дорожит — в ней можно бесконечно врать, бесконечно выдавать себя за кого-то другого, можно выдумывать себе прошлое, если не целиком, то отчасти, и порой это может быть забавнее целого. Можно бесконечно восхищаться тонкостью строя своей души — «я чувствую Пастернака так же хорошо, как он сам себя, и даже лучше». Но тут же можно с солнечной ясностью понять, какое ты дерьмо, если у тебя в запасе было столько времени и ты в «21-й км» написал три страницы чужими словами.

— Что вам мешает в работе над «Живаго»?

— Есенин, а конкретнее — «Анна Снегина». Я не могу освободиться от совершенства и музыки, а главное, от какой-то невысказанной человеческой теплоты этой поэмы и образа Анны, сидящей в ложе Юсуповского дворца.

5 апреля. Понедельник

Утро без зарядки, без молитвы.

Зоя. Крестить ее надо. А когда?

Я всем говорю, что остался за Любимова, а остался я всего лишь за себя — и ни за кого другого.

Сегодня Моссовет. Надо ехать к Бугаеву.

Вчерашний Моссовет — это и не Моссовет, а обмен юристами, информацией и обоюдной аргументацией. Был я всего лишь час, записывал на магнитофон. Наша сторона выглядела значительно убедительнее с правовой точки и оценки. Губенко говорил: «Я тут ни при чем», что дало мне основание спросить у него: «Если вы ни при чем, тогда зачем вы здесь?» Предложил перенести решение вопроса до окончания срока действия договора-контракта и Устава театра. Удивило меня открытое заявление товарища из Моссовета, что их решение о разделе театра (то, что висело у нас в театре) — незаконное. Вот так — незаконное, и всё... Подпись — «Гончар». Он подписал незаконный документ. В общем, они сами запутались, впутались и сели в лужу...

15 апреля. Четверг

Молитва, зарядка.

«Павел I» — хороший спектакль, кричали браво.

Хейфец: «Мне сказали, что Борисов был в шоке некоторое время, когда узнал, что ты сыграл Павла I. Он не мог представить себе...»

Вечером меня ждал звонок Глаголина — опять заседание малого Моссовета по разделу театра. Губенко и К° напуганы решением президентской команды передать театр из-под Моссовета в Россию, в Министерство культуры Федерации. Это предполагает, по их представлению, реорганизацию театра и, стало быть, его полный или частичный разгон.

Не дождусь Любимова, никогда не думал, что так когда-нибудь буду страдать, так скучать без него. Довели артисты. Не умею, не хочу руководить.

Жуткое настроение — мы пришли присутствовать при аплодисментах Н.Н.Губенко.

— А Николай Николаевич согласен быть руководителем? Н.Н., вы согласны? — голос с места.

— Согласен. — Губенко поднимается и принимает поздравления, аплодисменты.

Господи! Юридический адрес нового образования — Земляной вал, 76. Да ведь это же наш театр, Театр на Таганке! Я видел Филатова, Шацкую, Лебедева, Жукову, Красильникову, Гулынскую, Погорельцева, Матюхина, Корнилову. Почему-то мне стало жаль Демидову — зачем она метала бисер в прошлый раз, зачем она так убедительно, так умно говорила. Для кого это говорилось, если у них заранее решено: Театр на Таганке — имущество Москвы. «Чтобы не мы судились с президентом, а президент с нами».

Глаголин дозвонился Любимову. «Можно не приезжать». Говорил и я. У Любимова бодрый голос, пытался эту бодрость от репетиций передать и я в своем «уехавшем» голосе. Получилось ли?..

16 апреля. Пятница

Молитва, зарядка.

Великий мастер скрипок Страдивари находил материал для создания нового инструмента среди заборных досок. В Б. Исток отправлены 10 000 рублей. Господи! Спаси и сохрани! Это моя жизнь, храм мой поднимется, люди! Поднимется! И люди помянут меня добрым словом.

В театре кто-то сеет панику — придет Губенко и всех, кто за Любимова, выгонит.

1 7 апреля. Суббота, великая суббота

Кончилось мое администрирование — завтра Любимов прилетит.

24 апреля. Суббота. № 307

«23 апреля 1993 г. исполняется 29 лет Театру на Таганке. Благодарю тех, кто сумел в меру своих сил сохранить театр. Надеюсь, что наша компания отпразднует в своем кругу 30-летие театра.

Ю.Любимов».

Большая мера и, может быть, главная в сохранении театра как организации духовной и как производственного монолита принадлежит А.Эфросу. Даже вынужденная и, тогда казалось, дикая мера — никого не отпускать ни на какую сторону, эта его сговоренность со всеми административными точками — принесла, как теперь понятно, наиположительнейший результат. Вечная память вам, дорогой Анатолий Васильевич!

30 апреля. Пятница

Любимов вчера на результат рецессии Моссовета о разделении театра и передаче Губенко новой сцены:

— Не расстраивайся, Валерий. Здесь, я думаю, мы отвоюем. Главное — смотрели люди прогон «Живаго» и говорят: «Хорошо, так хорошо, что страшно!»

Я готов был разреветься и застучал по дереву, он — по кирпичам. И пошел он, уставший и обремененный ожиданием ответа на телеграмму президенту, к студентам.

1 мая. Суббота. Самолет

Разобраться — отчего, к примеру, тухлое настроение после прогона. И плохо ли это или наоборот. Смотрел я как в воду: раз Любимов после 1-го акта похвалил: «Ты начал мыслить, все видеть, слышать», то после 2-го акта должен был ругать и быть недовольным. Я даже это высказал в антракте и получил:

— Зря я тебя похвалил. Ты пережал... ну, это понятно.

Но настроение и квас не от того. Были у меня победы и во втором над собой. Я взял высоко в псалме, и спел, и выиграл, и был доволен, как ответила глотка.

Шацкая радуется — наконец-то разделили наш театр. Ой ли, ой ли?.. Как не хочется доставить им радости.

2 мая. Воскресенье. Вена, отель «Табор», № 504

Приехал шеф. Страшные вести с первомайской демонстрации коммуняк — кровь, жертвы... И все это где-то в моем районе, были бы живы дети мои.

8 мая. Суббота.

Молитва, зарядка, кофе.

Легенда уехала в эмиграцию, умерла, чтоб ожить в потомках. Легенду трудно родить, а обгадить ее невозможно. Я проехал 20 городов в Америке, и на каждом концерте были записки или устные слова: «Самое дорогое, что мы оставили в Советском Союзе, — Театр на Таганке».

10 мая. Понедельник, 9 час.

Молитва, зарядка, завтрак.

Господи! Сегодня приезжает гениальный композитор! Пошли мне спокойствия, достоинства и музыкальности на показ ему. Это очень важно — не разочаровать Альфреда.

Он хорошо ко мне относился до сегодняшнего дня и, думаю, в какой-то степени надеется на меня тоже. И голоса свежего пошли. Конечно, я уставший, но вдруг снисходит какая-то сила на тебя — и прет звук чистый и сильный. Впрочем, на все твоя воля, Господи! Так ли, сяк ли — Любимову пошли удачи и не забудь про меня!

В 18 часов Альфред обещал посмотреть наше произведение. Я нарочно не лез «гению» на глаза, как-то даже и не поздоровался. Композитор с самолета еле двигается. Озаботить его еще какими-то словами или выразить почтение и ждать комплиментов... Все я узнаю потом. Но шеф опять меня похвалил после 1-го акта — значит, жди втыка после 2-го.

11 мая. Вторник

Утро раннее, молитва, зарядка.

А вот этот вечер мне теперь уж запомнится до конца дней — как мы с Любимовым пили чай у него в номере, разложив куски бородинского хлеба с сыром на гигиенических дамских пакетах. Видно было по всему, что Любимов отвык от пользования кипятивником. Пока я ходил за чайными ложками в свой номер, один стакан вскипел, и шеф не без некоторой гордости сообщил, что вот он догадался сначала кипятивник вытащить из розетки, а уж потом вынуть его и перенести в другой стакан. В белом халате с желанием похудеть (и похудел) — одинокий лось. Пойти добрести до Дуная, что ли?

Передохну, выпью кофе и пойду на урок к Любимову. Господи! Что я жду от этого собеседования — любопытство. А так... Шопен концертмейстеру Воскресенской сказал: «Уйду из театра». Я ей раскрыл секрет — у них у всех появилась лазейка в связи с созданием другого театра. Любимов, может быть, и догадывается о таком возможном перебегании. Для меня-то исключено, а для других...

Гений был краток: «В целом у меня сильнейшее впечатление от вчерашнего спектакля. Я его никогда не забуду. Спасибо большое!»

Любимов остановился на моем виде, костюме, ему хотелось бы обинтеллигентить меня:

— Пастернак и в ватнике, в кирзачах — видно, что Пастернак, а на нас с тобой ватник надень — мы слесаря, подозрительные типы.

Тут я захохотал. Всю эту короткую беседу я записал на свой диктофон.

12 мая. Среда, мой день

Молитва, зарядка, обжорка.

...«Облагороженное внутренним содержанием лицо» — вот пока чего не хватает, вот что надо доприобрести до возможной премьеры...

Псевдо — какое хорошее слово, любимое у Шнитке. Псевдя-тина... Вот от этой псевдятины и надо избавляться. Хуже всего быть псевдоинтеллигентом в жизни. Но на сцене создать иллюзию необходимо намеком, осторожно, корректно, просто, чтобы зритель каким-то чутьем ощутил, что мной изображаемый поэт другие корни сословные имеет, чем, скажем, Есенин, Клюев.

18 мая. Вторник

Молитва, зарядка.

Публика немногочисленная вызывала нас, а мы, соответственно, аплодировали шефу, который, кажется, всех убедит, потому что роман мало кто дочитал до конца и еще меньше тех, кто его вообще открывал. Роман³³⁸ знают по кино, а из кино помнят только мелодию, поэтому вранье его — «3/4 вообще моего текста» — падает на благодатную почву. Кстати, граница его в этом смысле растлила: он врет напрапалую. Мне кажется, даже сам запутался кое-где и кое в чем. Например, посещение Пастернака и беседа с ним один на один — все это выглядит подозрительно, белыми нитками шито. Станет Б.Л. перед каким-то смазливой актеришкой душу выкладывать и к тому же такие тексты выдавать: «Я не люблю ни вождей, ни оппозицию». Бред! Кто в это поверит?

19 мая. Среда, мой день. Вена

Зарядка, молитва.

Чего я ждал от этой работы и что получил? Я получил главное в биографии, в послужном списке, в перечне ролей — исполнитель роли Живаго. Смехов? Нет! Филатов? Нет! А кто же? Я. Это состоялось. Факт, вчера происшедший, — вот главное событие последнего года жизни.

СКАНДАЛ! Ведь после вчерашнего представления в газетах может разразиться (и Губенко через свою мафию мог об этом позаботиться) такой скандал — *что* привез Любимов! Старых актеров без голосов!! Приму-балерину поставил за задник изображать сексуальную палитру! Тенью в ученическом платье. Хоры фальшивят и портят мелодии Шнитке. Халтура на Венском фестивале!! Не стыдно за марки продавать имя Пастернака и наживаться на давно забытом скандале советского нобелиста!! Труппа послушных баранов, подчиняющаяся импотенту-режиссеру, болтающему о прошлом, приписывающему себе несуществующие подвиги, слова и поступки, изображающему себя чуть ли не другом Пастернака, его духовным наследником! Скандал может быть чудовищным и точным по узнаваемости. Вот чего я боюсь. И возвращаться домой с такой славой и такой прессой — лучше не возвращаться.

Сегодня артист Золотухин был блестящ! Сегодня можно спрашивать у него, счастлив ли он, — потому что он счастлив. Благодарю тебя, Господи! И отчасти папу с мамой, сестру, Тамару и Ирбис.

20 мая. Четверг. Раннее-раннее утро.

Молитва.

Все театральные веды — критики, историки — из Америки, Франции, Германии, с которыми я встречался, определенно и автономно высказывают радостную мысль, что не зря приехали и увидели «Живаго», что Любимов не кончился, а «Живаго» — начало новой «Таганки», новой эстетики, музыкальности и театральности. Что у книг, которые они пишут о Любимове, теперь будет замечательный конец, предполагающий рождение и развитие. Это очень важно. Гораздо важнее того, что в какой-то газете меня назвали «бриллиантом». Пока не увижу — не поверю, во-первых, а во-вторых, я и сам это знаю про себя. Интересно, во сколько оценивает этот «бриллиант» Любимов?

23 мая. Воскресенье

Молитва, зарядка, душ.

И вот сегодня — прощай, Венский фестиваль, прощай, венская публика. Прости меня, публика, если я тебе мало угодил и совсем не напомнил Омара Шерифа, — каждому свое. Будь милосердна, публика, и поаплодируй на прощанье погорячее... Ты можешь помочь мне, публика, или можешь изобличить, повалить меня...

6 июня. Воскресенье. Троица — великий праздник

Главные события — в театре. Губенко со товарищи приходит, занимает 310-ю комнату, при помощи депутатов проходит в театр. Депутаты требуют от бухгалтера документы на аренду, угрожают. Что касается репетиций, тут, я думаю, нельзя это квалифицировать как безобразие и хулиганство — надо приветствовать и ждать решения суда.

Любимов из Греции вернулся неожиданно быстро

15 июня. Вторник

Молитва, зарядка, кофе.

Главным событием вчерашнего дня стала пресс-конференция Любимова перед премьерой. Ужасающая как по вопросам, так и по ответам. Журналистов было огромное количество, испуганных, подозрительных, недоброжелательных. Такое впечатление, что у каждого из них уже все написано в презрительно-уничтожающей форме, что они пришли зачитать приговор убийцам. Ко мне единственный вопрос: «Не удивило ли вас назначение на роль Живаго?»

— Думаю, что у Любимова не было выхода. А удивления мои начались давно. Когда я пришел из Театра им. Моссовета, где играл Недоросля, ребят с баяном, аккордеоном, то у

Любимова я получил Грушницкого. Высоцкий — Гамлет, тоже многие удивлялись. — Любимов: «Даже закрыли спектакль, что это за Гамлет?» — Ю.П. назначил меня на Дон Гуана. Я, говорю, не Дон Гу-ан. «У меня другого нет!» Так и с Живаго. Я, конечно, прячусь за юмор, а на самом деле у меня страх... Но я знал, что спектакль будет музыкальным, поэтому какой-то шанс у меня был.

4 июля. Воскресенье

Молитва, зарядка, кофе.

О жизни своей последнего времени не хочется вспоминать, особенно о собрании 30 июня, когда я требовал от людей подчиняться моему призыву, моей формулировке: «Ни дня больше с ними под одной крышей!» Формулировки я провел, в газете напечатано, но на душе — свинец и осадок. Форма, в которой я истерически требовал, кричал, тыкал пальцем, убеждал, неволил... Оппонировал мне Граббе А., и резонно. Но они не понимали, что в этой ситуации скорейшее принятие решения общего собрания не привело бы к этой разрозненности мнений. Меня поддержали Полицеймако, Демидова, Антипов. Все выжидали и молчали. И стало мне обидно от сознания, что деньги у нас в разных банках и, защищая интересы «Таганки» — Любимова, я защищаю свои вклады, то есть это опять личная заинтересованность.

Марк Купер прислал стихи.

Как беспросветно длилась сага
Учения передового,
В литературе — без Живаго,
А на Таганке — без Живого.
Почти сто лет нас душит Яго.
Не додушил. Мы дышим снова,
Мы смотрим притчу про Живаго,
Мы смотрим повесть про Живого.
Ура, таганская шарага!
Не разменяла золотого!
Глядит Европа на Живаго,
Россия видела Живого.
Ах, Золотухин, бедолага,
Из сельского — да в городского,
Чтоб за полгода стать Живаго,
Он двадцать лет тащил Живого.
И четверть века штормового
С собой мы носим фляги с брагой.
Нам есть что выпить за Живого,
Нам есть чем чествовать Живаго.

Спасибо, Марк! Ты прослезил меня.

Денис будет поступать в семинарию и надеется, что поступит. Если все будет угодно Богу, я со временем стану отцом священника.

Любимов уехал куда-то, помахал крылом до Бонна. Что-то мне тревожно за 6–8 дней. Как бы чего не случилось, как бы «Содружество» не устроило реванш какой-нибудь.

Любимов говорил с Б.Окуджавой, которому понравился спектакль. «Я верю Золотухину, что он может эти мысли произносить...» — какое-то подобие комплимента в мой адрес. Что вот, дескать, казалось бы, это не свойственно Золотухину, а у него получается. Ничего не понимаю.

5 июля. Понедельник

Помывка ранним утром.

29-го суд мы проиграли, но я сказал, что это победа. Обосновать свое интуитивное ощущение я не смог. Более омерзительного поведения «победителей» после оглашения решения суда я представить не могу — крики «ура!» и т. п.

Прочитал Нобелевскую лекцию И.Бродского. «Не стремитесь в лидеры, это не принесет вам счастья. Берегитесь тех, кто слабее вас, а не тех, кто сильнее».

20 июля. Вторник

Утро, зарядка, молитва, вода.

...Губенко произвел территориальный захват всерьез. Все входы и выходы на новую сцену перекрыты. На служебном стоит ОМОН, и Жукова показывает, кого пускать, кого не пускать. Для наших открыт боковой вход. Глаголин ждет прокурора. Ключ от 168-й комнаты Иван Егорыч выкинул Луневой в окно. В 307-й не попасть. Обстановка неприятная.

Трудно представить, что будет 27 августа, когда соберутся на репетицию «Живаго». Злорадствовать будет Алешка Граббе. «Вот, я говорил... дождались...» Провести репетиции на новой сцене нам не дадут. К этому надо подготовиться. Но это тоже еще не конец. Гастроли в Бонне нельзя срывать... Любимова в конце августа в Москве не будет. А что же Лужков? Что скажет прокурор? И что скажет Любимов? Но нам надо подготовить спектакль к гастролям — восстановить хоры, танцы и т. п. И быть в форме. Чья же все-таки власть — Моссовета или мэрии? Что же они, Гончар и пр., наделали? «Пусть президент судится с нами». Докатились. Жуть. Театр действительно прекратит свое существование. Выполнятся гастрольные контракты, и после Парижа — конец. Если, конечно, власти не примут крутые, принципиальные меры. Но опять же... какие и что за власти? На нашем примере — никакой власти нет... Таня Жукова выполняет свой лозунг: «Мы пойдем до конца». Они вынуждают нас уйти. Но уйдут они, а не мы. А если уйти? Может быть, этот шаг заставит одуматься власть предерживающую?

Они захватывают театр, чтобы сдавать в аренду и этим кормиться, а не чтоб Любимов сдавал, грубо говоря.

Если хочешь жить легко И к начальству ближе,

Держи попку высоко,

А головку ниже!

17 августа. Вторник

Всю ночь плакал о Денисе, оставив его за решеткой ворот Лавры, одинокого — Господи, прости! — одинокого в своей кровати на сетке, в келье на 20 человек. Он снова «в армии».

Пишу — плачу...

И вторая тема плача — Герострат Николаевич Губенко. То, что я увидел вчера в театре, врагу не пожелаешь. Это же надо так расправиться с Любимовым, с историей театра.

Я долго боялся идти. Не хотелось видеть, встречаться с бывшими коллегами. А потом думаю — да чего я боюсь, чего я испугался? Подъехал к бывшему подъезду, с волнением неумным подхожу к стеклянным дверям. В дверях мальчик, за ним Шацкая, машет руками:

— Не пускать!

Я также жестом подзываю ее к себе.

— Мне в 307-ю, там мои вещи...

— Все опечатано, и твой шкаф тоже. Надо спросить Токарева.

Уходит. Долго никого нет. Идет дождь. Бежит Габец, с видом «как можно не пускать Золотухина?».

— Спасибо, Лена.

— Посиди здесь, Валера.

Сажусь...

Втроем они, Шацкая, Лена Габец и Лена-уборщица, сопровождают меня к моей гримерной. Габец дает мне ключ. Шацкая:

— Открой сама!

— Зачем? Это его гримерная.

Открываю. Они садятся, две Лены, к столу писать акт — что я возьму. Достают афишки с просьбой помочь храму. Шацкая внимательно прочитывает всю листовку.

— Сколько здесь штук? Посчитай...

— Нина, что за глупости — весь тираж.

Всё пишут «понятые», и я расписываюсь в получении. Делаю все молча, наблюдаю. Жду, когда Шацкая спросит, как Денис. Ничего подобного. Какие-то глупые реплики, но очень деловые. Паноптикум. Закрываю сам дверь. Отдаю ключ. Благодарю. Ухожу. Внизу опять Сайко, Шацкая — охраняют от меня театр. У них сегодня праздник — у Губенко день рождения...

8 сентября. Среда, мой день

Все прошло чисто. Венька зачитал письмо шефа, я зачитал заявление труппы³³⁹. «Содружество» явилось в полном составе, боясь увольнения. С Жуковой даже намек на взаимопонимание не произошло — кругом «виноват» Любимов. «А зачем мне уходить в другое здание? Я 27 лет проработала. Из Щукинского берем дипломные спектакли...»

Не похоже, что их заявления наши напугали...

Любимов — никаких компромиссов. Очень хорошие дела в Бонне, дают «крышу» в Финляндии, зовут в Грецию. «Медея» с А.Демидовой, «Живаго», «Борис Годунов», «Живой». Некоторое ощущение победы...

12 октября. Вторник

Молитва, зарядка.

Что касается освобождения театра — оно затягивается. Так просто их оттуда не выкуришь. Бумага за бумагой, суд да пересуд. «Зачем вам помещение, если вы объявили о закрытии театра?» И правильно говорят. Поэтому пусть власти, если они хотят, чтоб была «Таганка», вернут нам помещение и выкурят охрану «Эдила».

14 октября. Четверг

Молитва, зарядка.

«Петровка, 38.

Начальнику ГУВД г. Москвы Панкратову В.И.

Уважаемый Владимир Иосифович!

Решением арбитражного суда Театру на Таганке возвращено его помещение. Однако частная охрана «Эдил», нанятая Губенко с бывшим депутатом Седых-Бондаренко, не подчиняется решению суда и не пускает нас в театр. Убедительно просим Вас вмешаться в нашу проблему и снять частную охрану с государственного театра.

С уважением, народный артист **В.Золотухин**».

15 октября. Пятница

Молитва, зарядка.

Мозг, душа, сердце — все органы и все время подчинены одной проблеме, одной цели: что бы еще изобрести, кому дозвониться, написать, послать факс или телеграмму с просьбой помочь выбить губенковскую охрану из театра.

1 7 октября. Воскресенье — отдай Богу

Я вывесил в театре решение совета коллектива следующего содержания:

«В связи с решением арбитражного суда о возвращении Театру на Таганке всего комплекса зданий, а также с резко изменившейся политической ситуацией в стране просить художественного руководителя и директора Театра на Таганке Ю.П.Любимова разрешить подготовить театр к открытию

30-го сезона 12 декабря, в день новых демократических выборов, премьерой спектакля “Доктор Живаго”».

Приклеено это было 14-го, а 15-го утром я увидел только следы от листка. Противоборствующая сторона хозяйничает уже и на нашей стороне. Чудовищно! Сплошное

насилие. Грязь и запустение на той половине. Мусор лезет из урн. Бродят голодные кошки, ОМОН сутками смотрит телевизор. Нашли теплое место.

18 октября. Понедельник

Молитва, зарядка.

Коротаяю вечер, чтоб скорее лечь спать, ничего не лезет в ум после девяти часов вечера. Утомляемость жуткая. Безделье это называется; я тоскую по 307-й гримерной, по закоулкам той сцены и ее закулисья. Неужели мы не вернем себе эту сцену? Провал их замыслов очевиден, их жалко, и все-таки они не сдаются, не уходят, не поднимают руки вверх! Хочется предложить им написать каждому индивидуальное письмо Любимову, дескать, прости, отец родной, бес попутал. Да разве они пойдут на это?! Гордые.

28 октября. Четверг

Молитва, зарядка, душ.

Я видел вчера счастливого Шнитке, я видел его таким, каким хотел видеть в Вене и не увидел.

— Альфред Галич, мы не стали хуже после Вены?

— Гораздо, гораздо лучше, гораздо лучше... Я счастлив, что я это увидел, спасибо. Я вам очень благодарен, спасибо, спасибо! Мне этого так не хватает здесь...

Жена его тоже была озарена и повторяла за ним, улыбаясь тепло: «Намного лучше, намного, очень хорошо!» Я видел людей искренних и был счастлив, я обнимал их, целовал, я не мог удержать себя от этого телячьего восторга и его проявления. У Шнитке, казалось, на глазах были слезы, и выглядел он мощно, а не немощно.

30 октября. Суббота. 8.30

Молитва, зарядка, душ.

Вчерашний спектакль³⁴⁰ был лучший из всех трех сыгранных. Жалко, что именно этот спектакль не увидел Любимов. Ну да, Бог даст, мы не слишком разочаруем шефа. Кого он и будет ругать и кому делать замечание — так это меня и мне, и дай-то Бог. Надо сказать, что я соскучился по старику. Надо же, никогда такого не было, просто по-человечески хочется увидеть его бодрым и здоровым, да нет, даже просто увидеть.

13 декабря. Понедельник

Молитва, зарядка.

...Театр. Келья. Вчера здесь были съемки для японского телевидения. Снимали мои слова о Высоцком, но случайно проходящий Любимов после некоторых иронических реплик, проверочных вопросов согласился сесть и сказать. И великолепно сказал о Володе и о том, как проходимцы могут подтасовывать его песни под свои дела. Например, «Охоту на волков» кто-то связал с сюжетом событий 3–4 октября, и получилось: те, кто в Лефортове, — волки, а кто их туда привез — охотники. Обратный смысл.

Я боюсь что-нибудь писать. Странно закончился день. Разговор Любимова с Бугаевым, который приехал от Лужкова... завтра охрана должна быть снята, а я с утра отвезу очередную бумагу в прокуратуру.

Я боюсь писать, потому что заплачу. Я полгода не был в своем театре, не видел сцену, не видел свою гримерную...

16 декабря. Четверг

Молитва, зарядка.

Вчерашняя среда не оказалась моим днем. Мы проиграли процесс, и это уже серьезно. Осталась последняя инстанция.

23 декабря. Четверг

Молитва, зарядка.

С возвратом театра не получается. Губенко по телевизору все врет, вернее — полуправда о приватизации Любимовым театра, о каком-то перемирии в будущем и т. д.

31 декабря. Пятница

Молитва, зарядка.

Любимов:

— Многие спрашивают: «Вы не обижаетесь, Ю.П., на Золотухина за его книгу?»

— Неужели, Ю.П., вы думаете, я бы выпустил книгу, если бы в ней содержались оскорбительные для вас вещи? Обидные слова, безусловно, есть. Взаимоотношения актера и режиссера — невидимые миру слезы. Все же замешано на диком тщеславии и самолюбии...

1994

6 января

«Президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину

В течение полугода Театр на Таганке не имеет возможности играть для москвичей. Театр разорен, закрыт. Мне 76 лет, из коих 71 я живу в Москве. Я глубоко оскорблен, и мой разум отказывается это принять и понять. Пока я не получу возможности работать в созданном мною театре, которому 23 апреля 1994 г. будет 30 лет, ни о каком продолжении работы в моем родном городе не может быть и речи. Прошу мне ответить.

Ю.Любимов».

11 января. Вторник

Мы летим в Париж.

9-го в университете была встреча с Любимовым. Он в форме и хорошем настроении. Его бескомпромиссность вызывает уважение. Один вопрос-предложение чуть было не поставил точку в начале встречи. Человек благожелательный кавказской национальности:

— А что, если взять большой круглый стол, поставить хорошие напитки, хорошую еду, закуску и начать мирные переговоры?

— Вы, значит, не понимаете существа вопроса, и я зря вам что-то говорил и пытался объяснять... С грабителями мне разговаривать не о чем, тем более за одним столом.

Казалось, еще минута, миг — и он так себя разозлит, что хлопнет дверью...

13 января. Четверг. Париж

Неелова:

— Второй акт лучше. Я вся издергалась из-за посоха — он, как заколдованный, не втыкался, французы стали обращать внимание. Ты здорово, хорошо играл, по-моему.

— А ты как здесь, в театре?

— Я иногда здесь живу...

— Да?! А-а-а...

Я очень рад был ее видеть, и она, по-моему, была искренна.

17 января. Понедельник

Молитва, зарядка.

После спектакля с Любимовым на сцене для демократической публики ответы на вопросы. Мой Самозванец найден схожим с Жириновским.

Вопрос ко мне: «Как давно вы пребываете в тирании у Любимова?» — «30 лет».

Потом я объяснял, в противовес тирании режиссера, — тиранию авторитета.

— Даже если зал будет носить на руках и критики трубадурировать «гениально!», а Любимов скажет: «Валерий, это плохо», я поверю Любимову, — аплодисменты, — хотя я понимаю, что объективно не может быть Любимов всегда прав...

24 января. Понедельник

И в Париже бывают перебои с горячей водой. И что же? В посольство идти с грязной головой или накипятить?

25 января. Вторник. И рука не дрожит

Прекрасно прошел вечер в посольстве. Советник по культуре Валерий Иванович говорил, что имел прямое отношение к записям пластинок во Франции, что Высоцкий

называл меня своим самым близким другом и «часто звонил вам». Все для меня теперь уже удивление: и как давно это было, и было ли это.

31 января. Понедельник. Ту-154, 15.00 по Москве

Умер Е.П.Леонов.

1 февраля. Вторник

Молитва, зарядка, кофе.

Надо пойти на панихиду к Евгению Павловичу.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Хождения в народ не получилось, как заметила женщина из очереди. Милиционер меня спас, выудил из народа и проводил к служебному входу. Но стоял я около часа или даже больше. Продрог изрядно, зуб на зуб не попадал. За кулисами увидел Ульянова: «Замечательная книга... дочитал... Я впервые Володю так...» Дальше я не стал слушать — как-то было неловко у гроба комплименты в адрес гробовой книжки выслушивать. Положил я две розы белые, по 8 тысяч каждая, Евгению Павловичу, поцеловал его, сердечного, в лоб и ушел восвояси в келью свою. И вот теперь я выпил кофе и частично — человек.

1 марта. Вторник

Молитва, зарядка.

Календарная весна! И мы выходим с «Живаго» на старую сцену. Вчера давал интервью Российскому ТВ — невнятица меня губит. А дело вот в чем: закрыв театр, потеряв здание, нам необходимо сохранить труппу, уникальную по своим музыкальным возможностям. Сохранить труппу, сохранить молодежь — вот главная идея открытия.

8 марта. Вторник

Молитва, зарядка.

Подписать контракт, играть и продолжать бороться за новую сцену. Мы не можем дать уйти театру в песок, не можем похоронить заживо труппу и репертуар, который не видели не только сотни тысяч по стране, но и больше половины москвичей, — репертуар, который стал классикой. Мы должны опять работать, приглашать классных режиссеров и жить, как и прежде, при аншлагах. Зритель пойдет на нас, а не на новую сцену. Мы в тысячу раз больше подведем Ю.П. Любимова, если дадим умереть его спектаклям в России. Объективно он выиграет, если его работы будут жить, а жить они будут, только пока живы мы, потому что никто, кроме нас, этого не сделает. У Губенко — одна несчастная «Чайка» с весьма бледными рецензиями. Наш репертуар — сплошные аншлаги.

Надо работать. Да, правительство не заступилось. Что теперь — уходить и отдавать Губенко весь театр, чтобы он царил и это называлось «Таганкой»? Не заступился никто! Обижаться? Нет, будем бороться за себя сами. И сохраним репертуар в пику единственной «Чайке» Губенко. Зритель истосковался. Наш изысканный, эксклюзивный репертуар — и «Чайка», поставленная кинорежиссером³⁴¹!

Теперь шеф в Иерусалиме и не хочет, чтоб мы открывались до решения Думы, суда и пр. Но мы рискуем потерять и старую сцену, и я принимаю решение 23 апреля играть «Живого»!..

11 марта. Пятница

За мои идеи, особенно если бы они были реализованы, мне должны были бы платить. Правда — кто?! Вот сегодня идея: нырнуть под сень области. Кто мэр Московской области?! Бить челом ему: «Спасай, мэр, «Таганку», отдай нас какому-нибудь банку, а то и двум. А мы тебе поедим по области — Чехов, Можайск, Волоколамск (опять же Питирим!), Дмитров...»

30 марта. Среда, мой день

Мне снился Филатов. Мы лежали... Потом он бросил мне в лицо каким-то пшеном. Я спросил: «Ты ударил меня?» — «Нет». Тогда я сказал: «Леня, извини... Давайте

341 Сергеем Соловьевым.

помиримся...» Этот сон на фоне вчерашнего сообщения: «Ты знаешь, у Филатова insult!» — это Инна, комендант. Потом insult не подтвердился, слава Богу. Но Леньке плохо. Господи, помоги ему! Не наказывай нас так жестоко! Такая наша профессия, такая наша жизнь — червяшка поползла, потом умерла и т. д. А он еще влюбился в Нинку, да тут еще Дениска в семинарию из ВГИКа... да с Эфросом напутал Леонид много. Неужели у меня чувствуется злорадство?.. Прости, Господи, нет, нет...

31 марта. Четверг

Молился за Леньку...

С.Соловьев репетирует с актрисой. Она ни хрена не понимает, он бьется, бьется, потом в сердцах говорит:

— Да ладно... неизвестно, будет ли вообще театр...

И вдруг истерический крик Губенко:

— Театр будет, будет, будет! — и еще чего-то. Аплодисменты, хлопки трех поклонников.

Да пусть будет, если будет... Так и хочется написать: «Филатова ты уже угробил», но не напишу, ибо — грех. Не суди.

Вчера я записывал на пленку для выставки сны о Высоцком, из дневников.

10 апреля. Воскресенье. 16.15

Вчера открыл выставку «Высоцкий на “Таганке”», к 30-летию театра, по мотивам моих дневников. Самой дорогой и неожиданной реликвией для меня явился приказ от 14 декабря 1975 года, где предписано к 20 марта 1976 года осуществить мой ввод на роль Гамлета. Три подписи — Дупак, Власова, Любимов. Вот, наконец-то миру ясно, что не Самозванец я с принцем Датским, а назначенный приказом. Кажется, и с Ниной Максимовной помирила нас Люсенька, объявив мою книгу «лучшей книгой о Высоцком». Нина М. улыбалась, когда я пел про «Нинку» и рассказывал об истории написания песни «Поездка в город»...

3 июля. Воскресенье

Почему я выспариваю Пастернака у Набокова или вдруг заплачу над Есениным — и оба они потускнеют, и уйдут их рассуждения гениальные, когда вдруг зазвучат в голосе строфы «Онегиной»?

«Ты сыграл своего Гамлета в “Живаго”», — сказала мне Люся Высоцкая. Абрамова, а я написал «Высоцкая». И не ошибся. Она самая Высоцкая из всех его женщин, любимых им.

31 июля. Воскресенье.

Гурченко обо мне:

— Мой любимый артист... Мы с вами не снимались, но мы были приглашены как литераторы...

Это мне запало — «любимый артист». Что она в виду имела?..

«Послушай, Феллини». Сумасшедшая, грандиозная работа актрисы Гурченко. Завидовал, как двигается, танцует, поет... и играет. Но зачем она каждой клеточкой, каждым квадратным сантиметром пространства экрана доказывает, какая она талантливая и зря ее так долго не снимали?.. Этот бесконечный реванш... Зачем?! Это какая-то тогда опять ущербность, какой-то комплекс. Нельзя показывать своих страданий, нельзя их демонстрировать; у меня тоже это есть. Хотя нет. От этого нет полного захвата моего сердца, души. Я тоже вместе с ней начинаю считать... и всё. А вообще-то, конечно, феномен, но какой-то агрессивный. Энтузиаст, как сказал бы, да и говорил, Грушницкий мой.

Никита Михалков. Не удалось мне с ним ни познакомиться, ни поздороваться. А хотелось.

4 августа. Четверг. «Брно», г. Воронеж

...Вчера на перроне сказали мне, что умер Е.Р.Симонов, и тут же добавили: «...и Смоктуновский». До утра не верил в это. Воронежские ребята подтвердили — по ЦТВ прошла информация.

И.Смоктуновский умер. Ушла эпоха. Ушел родитель главного направления актерского ремесла 60—70-х годов. Ой-ой-ой... Кеша, Иннокентий Михайлович, Иннокентий Смоктуновский! Боже, Боже... Великий артист ушел.

Какие артисты ушли — Борисов, Леонов, Евстигнеев и вот... Смоктуновский. Неужели ты, В.С., и вправду родился, чтоб написать дневники о Высоцком, засвидетельствовать мгновения чужой жизни, да и то не главные, мимо проходящие?..

20 августа. Суббота. Венер

— Не пишется.

— И мне. Откладываю — завтра, завтра, и так уже лет пять.

— Напрасно. Вам не пишется — это напрасно. Вам — дано. Не всем дано, кто пишет, а вам дано, пишете. Мое время на излете, а вы еще... — сказал мне Жженов и подарил в самолете книжку «От глухаря до Жар-птицы».

Замечательно мы с ним летели. Так замечательно он рассказывал о наших коллегах, об Иннокентии С.:

— Он откровенничал со мной. «Больше всего, — говорил он мне, — боюсь я бани». Я-то знал, что он еврей, а он себя за поляка выдавал. Олег Даль... Божьей милостью, настоящий... Если с кем несправедливо поступила жизнь — с ним и Вампиловым. Зачем последнему надо было утонуть! Такие пьесы писал!

Чудесную миниатюру рассказал о Высоцком. Для меня — неизвестный Высоцкий.

— Приехал польский театр, играли они у нас. И наметились у меня отношения с одной актрисой. Назначила она мне свидание в гостинице «Россия». Я прихожу и встречаю в вестибюле Володю. Спускается эта актриса. Мы сидим, разговариваем, и я понимаю, что мы на одну роль метим. Сидим 10–15 минут, час сидим. Володя встает и уходит: «Извините, я сейчас». Через пять минут приносит две чашки кофе и две рюмки коньяку. После этого галантно попрощался и оставил нас.

Эта история меня восхитила. Зная Володю — быть первым в женском вопросе, — и чтобы он уступил!

— Он уважал меня, наверное, и любил, но больше уважал, — заключил свой рассказ бывший экз.

А для меня — неизвестный Высоцкий. Засверкали слова в мозгу. И я попросил:

— Подарите мне эту историю, Г.С.!

— Пожалуйста, конечно.

21 августа. Воскресенье. Красный Селькуп

Я не верил глазам своим, глядя вчера на Г.Жженова. Неужели ему 80 без малого?! Неужели теоретически возможно мне дожить до его лет, то есть еще 27 лет, и стоять вот так перед микрофоном, сохранив юмор, жизнь и ум! Господи! Кажется, я начинаю чему-то и кому-то завидовать. Не потому, что ему 80, а потому, что он такой. В самолете не задремал, не закемарил, а живо и непринужденно рассказывал историю за историей — без старческой экзальтации, без капризов, жалоб, фырканий. Я сидел, слушал — глазам и ушам своим не верил. А я со своей спиной не знал, куда себя девать в кресле самолета, в какую позу уложиться, чтоб не больно было и поспать...

26 августа. Пятница. Вечер

И пришла мне простая мысль в голову В сущности, этот роман с Ирбис, эта любовь, эта сумасшедшая страсть спасли семью... Как ни странно, это так. Это сильное, мощное отвлечение от семьи, от ее проблем. Разводиться мне не надо — жалко и... вообще. Но и жить в этом аду было бы невозможно без какого-то плота спасительного на стороне. Да и стороной этот плот назвать преступно. Это то, что спасает и дает силы, дает жизнь. Пусть иллюзия, мираж... Но этот мираж рождает что-то конкретное — тексты, репризы, анекдоты, байки.

23 сентября. Пятница

Денис рукоположен. Теперь он православный священник в чине дьякона. Если я правильно терминологизирую. Я поздравил его. Говорит, через неделю Алла должна родить. Господи! Пошли ей здоровья и тому (той), которого она произведет на свет.

Звучит Шнитке и мой голос, читающий Пастернака. И мне это нравится. Иногда музыка заглушает текст. Это ошибки звукорежиссера.

Репетиция прошла обнадеживающе...

Вчера в «Вечерней Москве» вручили мы очередное послание президенту.

— Я, — говорит Борис, — прочитал его здорово, они сидели открыв рты. В лоб спросил главного: «Опубликуете, напечатаете?» Ответ: «Обязательно».

Еще одна акция. На этом вручении был Славка Спесивцев, в том же блузоне «Вечерняя Москва». Он в свою очередь замолвил аргументированный довесок: «У меня были прекрасные отношения с Петровичем, но я ушел и создал свой театр, а потом и второй».

28 сентября. Среда, мой день

Вчера был день большого — как сказать от «суета»? — суетения. Если две враждующие из-за тебя женщины говорят, что ты мерзавец, сволочь, негодяй и лицемер, каких свет не видывал, одни и те же слова, эпитеты, метафоры и приговоры, — очевидно, кто-то из них прав. Впрочем, я и сам о себе того же мнения — мелкий любимовский актеришка с непомерными тщеславием, себялюбием и эгоцентризмом. И надо же — он строит храм?! Богахульник, да и только. «Сегодня он играет джаз, а завтра родину продаст!»

Вчера по пути на Десну встретили в белой «девятке» Гердта. Он выразил жестом желание остановиться. Мы остановились на Обручева. Вышли из машин и весело поговорили о негодяе Губенко. Гердт вспомнил, как министр СССР в телекамеру, отвечая на звонок, говорил: «Да, малыш... хорошо, малыш...»

Гердт возмущался:

— Постельное имя жены... что это за вкус... Играете «Живого»? Ну, хорошо...

Комментируя «малыша», он, смеясь, сказал, что так Рудик³⁴² мог сказать, но он бы сыграл министра культуры лучше.

— Ваша? — показав на машину.

— Нет, но все равно красивая.

И мы весело и долго ехали за Зиновием Гердтом, а где-то на Профсоюзной раскатились в разные стороны. Замечательная какая-то, теплая встреча, мы любим друг друга давно, еще со времен «Дворянина Чертопханова».

4 октября. Вторник

Вот, говорят, осчастливил нас своим появлением из дальних стран Веня Смехов. Недоволен художественным состоянием театра, но собирается играть и «Дом», и «Мастера». И я думаю: слава Богу! Уже то хорошо, что он появится на подмостках старой «Таганки». Его знают, его помнят, его многие любят, а значит, нашего полку прибыло. К тому же «Мастера» он играет хорошо. Да еще человек он пронырливый, до начальства охотчивый, глядишь, в какой суд пойдет, какую-нибудь «гумагу!» сочинит. Я помню его подвиг, его активность с «Московскими новостями». До сих пор эта акция остается достойнейшей. Так что... не все потеряно.

15 октября. Суббота

Фурман:

— Что с Филатовым? Говорят, у него рак. По радио объявили — сбор средств на лекарство...

— Если по радио бы сказали, кто-нибудь в театре услышал бы... Не слышал, не общаемся.

Господи! Спаси и сохрани его. Что там наши распри... прости, Господи!

³⁴² Рудольф Фурман.

25 ноября. Пятница

Несколько лет под впечатлением собственных дневников 79-го года, когда уходил от Шацкой, когда в холостяцкую квартиру приходил Денис... и вообще — все слова Шацкой, все отношения, свидания с Дениской маленьким... Плачу до сих пор... тоска, тоска. Как будто и не было этих пятнадцати лет новой жизни, почему-то так больно. Как он бежал за автобусом, наперегонки, в котором я уезжал. Господи!..

...Начались репетиции «Живаго», спевки, многие артисты не пришли. А на спектакль зовем дивизию им. Дзержинского... Дожили — не можем билеты распространить.

В театре разлад, разброд. Если я не хочу ничего делать, если я себя не могу заставить репетировать с другим режиссером, попробовать новые моря, новые суши, — что говорить о других?! Что-то решается сегодня в арбитражном суде у Яковлева.

30 ноября. Среда, мой день по гороскопу

Артист должен репетировать. А кто сказал, что он должен репетировать? Любимов. Не репетируют только бездельники и бездари.

Умерла Р.Нифонтова. «Помни о смерти».

24 декабря. Суббота. Вечер

Я нянчил внучку. Красота. Маленький человечек, но уже женщина. Или уж мне мерещится?

1995

9 января. Понедельник

Целый день провел в театре. Говорил с Любимовым.

— Вы все на меня сваливаете.

— А на кого нам сваливать, Ю.П., — конечно, на вас.

19 января. Четверг

Он (Любимов) делал мне вчера замечания, а я думал про себя: «Господи? Какое это счастье, что он в таком уме, в такой форме и что он опять с нами. Да пусть ругается! Ни одно замечание, ни одна ругань не впустую — все по делу, все с огромной для артиста, для спектакля пользой». Присутствие Любимова на гастролях сделало гастроли событием, а не просто прокатом спектаклей. И то, что Собчак представлял нас и выжал из Любимова скупую мужскую слезу, а после спектакля сам вынес корзину цветов, — все это будет иметь для биографии и жизни театра колоссальную роль, значение и последствия. И вот уже выяснилось вчера, что в Москву он придет не 15 марта, а 15 февраля. И требует к этому времени подготовить для показа все заготовки, все работы начатые. Вот она — перспектива...

24 января. Вторник

«Борис» явно и везде принимается намного лучше, чем «Живаго». Михайловский замок. С каким-то странным чувством страха объезжаю его я всякий раз после спектакля ночью. Где-то там, в глубине его, в темноте его, меня убили, когда я был Павлом I.

14 февраля. Вторник

Почему-то радуюсь, что много снимают Смехова. Вот, говорят, была замечательная его беседа с Листьевым. В театре за ним хвост телевизионных камер, людей. Снимают его везде: и на сцене, и в кабинете Любимова, и среди зрителей.

В Донском монастыре замаливал я свое сонное наваждение. Ставил свечку во здравие Филатова. И плакал.

15 февраля. Среда, мой день Сегодня ночью прилетает шеф.

16 февраля. Четверг

Приехал — и поднимается. Хочу, чтоб он меня застал на этом месте, месте Домового. Сейчас он довольно миролюбиво делает замечание по первому акту «Тартюфа».

17 февраля. Пятница

Сегодня на Таганке первая репетиция «Медеи» с Мастером. — Я думаю, мне дан последний шанс работать с русскими... со своим театром бывшим. Приехал в бывший Театр на Таганке. Властей нет, они занимаются подводной охотой друг на друга. Они все время врут. Я с ними разговаривать не буду, не о чем. Они могут второй раз меня выслать...

Я хочу все, что я имею в профессии, вам отдать. А не то, что я хочу вас обидеть...

И цензура есть интрига...

21 февраля. Вторник

После «Поисков жанра»³⁴³ получил я письмо в стихах от эмигранта в Америку, вот два четверостишия:

Золотухину хорошее спасибо:

Кров не бросил, духом не ослаб И свое актерское либидо Не растратил на вино и баб.

«Годунов» с «Живаго» показали:

Жив театр. И в «Меридиан»,

Как на свет, мы, нищие, бежали,

Презирая ельцинский туман.

2 марта. Четверг

Убит Листьев. Все акционирование Останкино, рекламные структуры... Так и не пришлось мне с ним встретиться в кадре. Его все любили. Это была наша «звезда № 1». Господи!..

Антипов:

— Отменяется?

Любимов:

— Чтобы отменилось у меня?! Для этого надо меня убить.

Здесь многое, если не всё. Отменить ему что-нибудь почти невозможно — премьеру, спектакль, жизнь...

8 марта. Среда, мой день

«Церковь должна быть началом разума, культуры, образования, цивилизации». — В.Шаламов.

9 марта. Четверг

Интересный вопрос, говорящий о многом: «Валера, а тебя знает Алла Пугачева?» Эталон популярности: если «да», значит — все, есть она. «Его знает сама Алла Пугачева!» Дальше ехать некуда. Достиг. Снимите шляпу: его знает Пугачева.

Почему Любимов молодой? Потому что он не живет прошлым. Он его не очень помнит. Он живет настоящим и будущим. В этом он — женщина. Мы же отстаем от него в энергетике, мы все немножко староваты, а он — нет.

13 марта. Понедельник

Мой план проплыть по Волге, по городам-героям, находит отклик. А главный город — Ярославль, где родился Ю.П.Любимов, — родина героя.

18 марта. Суббота

Когда я жил так, чтобы не бояться, что прочитают мои дневники, письма, не залезут ко мне в карман или в душу? Да никогда я, в общем, так не жил.

Что ужасно и даже непонятно... оторопь как-то берет. Вот Любимов больше месяца в Москве, а мы никуда не продвинулись в вопросе возврата театра или какого-то общественного интереса к нам. Ни одного человека — друга театра не появилось за это время в наших коридорах. Исчезли и поклонники. Нет Карякина.

Почему-то я подумал: встречался ли он здесь и захочет ли с ним встречаться Солженицын? Вообще — где писатели, поэты, где друзья театра?!

23 марта. Четверг

Любимов:

³⁴³ Спектакли-концерты Театра на Таганке.

— А в театре стало лучше, — чихнул, — ты заметил? Потому что медитируем.

— Потому что вы в театре, — сказала Шкатова.

24 марта. Пятница

Поездка с Любимовым в С. Посад. Открытый, прямой эфир. Очень, по-моему, хорошо он его провел. Смешно про меня шеф говорил:

— У него своя теория, что он — второй... Пофартит приличная роль — он сыграет... А назначат на другую — он так обставит, что уклонится, уйдет, отказываться не станет, а играть не будет... Кузькин, одним словом. Он не просит главную роль, опасается: дадут, а он не справится.

Он изложил мою теорию довольно верно, но в его словесном и интонационном оформлении это выглядело очень забавно, смешно. О себе слышать со стороны, в третьем лице?..

Например, такую он вещь сказал:

— Зря я ввязался в политику, когда вернулся, с Горбачевым... Надо было просто заниматься своим делом в 89-м.

25 марта. Суббота

Бердяев о русском человеке: качание вечное между свинством и святостью.

«Мне так часто хамят, что я называю это деловыми отношениями». — Чичельницкий на «Единственной»³⁴⁴.

2 апреля. Воскресенье

В режиссуре Любимова, в его личности, в его воздействии на актеров есть мистическое начало, которое заложено в его колоссальной энергии, и он, растрачивая ее, тем заряжает актеров, заряжает действие, наполняет ею текст и мизансцены... Это тайна чрезвычайная. И тот, кто берет эту энергию, выпитывает, черпает, кто ей открывается, подчиняется, впускает в себя — тот выигрывает. Но это тоже надо уметь, на это тоже надо решиться...

20 апреля. Четверг

«Вишневым сад» стал причиной разрыва двух великих режиссеров. Причина примитивна — ревность. Повод смешной, глупейший: «Он не выполнил моих замечаний, тогда зачем соглашался с ними?» В чем эти замечания состояли, толком не знал никто... Одно ясно: Эфрос пренебрег ими, сказав, что Любимов ничего не понимает в Чехове, а сам Любимов громко и неоднократно заявлял везде и всюду, что пьес Чехова он не любит, вот рассказы — да, дело другое. Ну так зачем же вмешиваться? На правах главного режиссера? Но соперничество и здесь было налицо. Разные режиссеры, разные методы, разные индивидуальности — да, безусловно, разные. Но так ведь и характеры разные, и воспитания не одинакового. Тогда правы те, кто говорит: одному нравится арбуз, а другому — попадьева дочка. И пошло-поехало. Ссору было не унять. Ссора вышла за двери театра и вошла было в двери Управления культуры. Но и у Эфроса там были свои дружки, не только у Любимова. На премьере «Вишневого сада» толпа снесла в «Таганке» двери. Успех превзошел ожидания. Ссора бывших друзей тому немало способствовала.

— Как чувствует себя А.Г.Шнитке?

— Плохо. Четвертый инсульт. Я понял только одно: он не хочет жить, он хочет туда... Я понял, что он жить не хочет. Он показывает туда и закрывает глаза. Воли к жизни нет...

Боровский: «У него (Любимова) фантастическая память... Но память на отрицательное».

21 апреля. Пятница

Статья «Любимов как преподаватель русской советской и мировой литературы». Где-то это может соперничать со Сталиным — языкознание или что-то в этом роде.

После смерти Эфроса в газетах появилось сообщение, что Любимов отказался комментировать смерть своего преемника. Позже он скажет, что Эфрос совершил большую

³⁴⁴ Юрий Чичельницкий, второй режиссер на к/ф И.Хейфица «Единственная» (1975).

ошибку, придя на Таганку, в это место, замешанное на крови. Какую, чью кровь он считал? Какую-то кровь кому-то отдал и Филатов в борьбе за Любимова, за Мастера, за дело его. Они поссорились из-за «Вишневого сада». Вольно же было Любимову пригнать такого мастера к своему горну, к своей домне. Вот он и отлил пирог. Не понравился?! А зачем звал? На что рассчитывал? И зачем затеял публичную ссору? А снять спектакль не мог — скандал. Да и успех у публики, у критики и внутри труппы. И вот результат: когда одна машина стояла у подъезда, другая разворачивалась и уезжала прочь. Если у театра стоял «ситроен» — мы знали, что в театре Любимов. Если стояли «жигули» — мы знали, что в театре Эфрос. Они избегали друг друга долгое время. Хотя Высоцкий три раза сводил их в своей гримерной, чтобы они помирились. Нет, далеко зашло, далеко. И вот «Таганка» празднует 60-летие своего создателя. Предстоят гастроли в Париж. Гастроли организуют и поддерживают коммунистические структуры. Любимов награждается орденом Трудового Красного Знамени. В театре шумно. Труппа сидит на полу, на афишах знаменитых любимовских спектаклей. Праздник, победа, удача, впереди — Париж, огромное, месячное, турне. Бренчат гитары, работает дешёвый ресторан. Это актрисы под капусту и соленые огурчики наливают именитым гостям по шкалику водки. Пьянство коллективное еще не запрещено. Любимов разгорячен. Только что знаменитый поэт Вознесенский преподнес юбиляру огромного глиняного раскрашенного Петуха Петровича. Держит его в руках, говорит разные слова и заканчивает: «Чтобы в ваших спектаклях никогда не было пошлости и безвкусицы!» — и расшибает вдребезги Петьку об пол... Лихо! Лихо! Мало кто понял метафору, но — лихо. Может быть, Андрей Андреич намекал Мастеру на живого петуха, появляющегося в «Гамлете»... раздражал его живой петух в трагедии Шекспира или просто ради хохмы? Подвернулся ему где-то на базаре петух огромный, глиняный, и решил поэт пошутить — ради красного словца Андрей Андреич и поэму мог загнать. Но вдруг среди грома, шума и веселья образовалась та самая звенящая тишина. Она образовалась не сразу, а с первым шепотом-известием, что по маршу лестницы поднимается Эфрос и с ним два-три его артиста. Эфрос поднимается в логово к своему врагу, сопернику, жуткому скандалисту. Он поднимается... он приближается. Театр замер, обмер... что-то будет, что, думали все, может выкинуть в первую очередь Любимов — вот чего боялись знающие о конфликте. Эфрос подошел близко и тихо-тихо, но точно ставя слова в ряд образной формулы, произнес: «Юра, я хочу в этот день подарить тебе то, что ты так не любишь и что так хочешь и стремишься иметь», — и подает ему старую книгу. Юра разворачивает и читает: А.Чехов, «Вишневый сад». И Юра поплыл. Он заплакал. Хотя он ненавидит у мужчин, у артистов слезы. Слезы — это сантимент, который надо задавить сразу, как гаденыша, в зародыше. «Не помню я, чем кончилась война... Кто победил — не помню». Должно быть, Эфрос. Через десять лет после того, как «Таганка» «Гамлетом» взяла в Югославии Гран-при, Эфрос сделал дубль и взял Гран-при «Вишневым садом» на Таганке. К сожалению, уже без Высоцкого. «Милый Телемак, Троянская война окончена. Кто победил — не помню. Должно быть, греки — столько мертвецов вне дома оставляют только греки».

Почему Любимов изменил свое отношение к Вознесенскому? Не потому ли, что ему объяснили и прочитали Бродского, а Бродский — против всех поэтов Совдепии? «А я с ним. И с Максимовым». Почему не рассказывает Любимов о своем визите к Солженицыну в Москве? Надо завтра попытаться на этот счет Боровского. И ходит, кстати, рядом Боровский по земле, просто гений, простой театральный гений, связавший жизнь свою с Любимовым.

Как-то в машине моей, в «москвиче», при Панине³⁴⁵ Любимов сказал: «Ты со своими записями умней становишься». То есть он хотел сказать, что, записывая за умными людьми (за ним, к примеру), я сам становлюсь умнее. Ну что же, пусть будет так. Я становлюсь умнее? Не знаю, но что так писать не умею, как раньше, когда был глупее, — факт. Я был смелее и... всё. Смелее. Сейчас удовлетворяюсь быстрее, смиряюсь. Но, слава Богу,

³⁴⁵ Владимир Панин, мастер по ремонту автомобилей, сосед В.Золотухина

миновало меня то состояние, про которое точно Беляев³⁴⁶ подметил: «Несостоявшееся, отсюда жалкое, все критикующее, самосъедающее...» Уж лучше паясничать, водку пить, баб любить, веселиться и не корпеть над бумагой или ролью. Вышло, не вышло. Не вышло — бросил и не переживай! Иди дальше, вернее, живи сегодня, потому что завтра может не наступить. Поэтому, В.С., жди спокойно 16-го числа, а 17-е вообще твое...

Завтра суббота. И Пасха потом. Сегодня прошли мою сцену, и завтра на репетицию можно не ходить или сесть в углу с бутылкой воды и читать.

27мая. Суббота

Слава Богу — я один. Я привык жить один. «Взрослые олени проводят свою жизнь в одиночестве».

...Мне всегда недоставало чего-то чуть-чуть до достижения в актерстве высочайшей планки, другого счета. В одной роли мне недоставало речевой техники, как у Филатова, для другой я, оказывается, был низкий, не такого роста, как, скажем, Филатов, для третьей — я был сутул, ну, в этом пункте мы не уступим друг другу, для четвертой — недоставало ума и блеска остроумия, как у Филатова, для пятой — достоинства и мужества, как у Филатова. Что же у меня тогда было и что осталось?! Что есть! Души вагон, шириною в разлившуюся весеннюю Обь-матушку.

Душа... а что это такое? Это ведь понятие мистическое, метафизическое. А дело актерское — оно конкретное. Данных у меня не хватало явно. И везде не хватало по чуть-чуть: тут бы сантиметра три росточку, там бы чуть-чуть скорректировать челюсти, чтоб язык шевелился при другой скорости. Конечно — ноги. Не хватало силы и здоровья в ногах, а отсюда и во всем теле. Оно хорошо мне служит. Но на коня я не могу вскочить... Я многого из-за того боялся. Я много занимался танцем, но я был ограничен в возможностях, и слава Богу, не старался поднять себя за волосы, а то бы потерял, что имел. И все-таки у меня был дар, у меня было обаяние, у меня был голос, в котором прозвучивался и рост (я вырастал), и блеск, и темперамент, да и ум, свой, не заемный. Нет, не завидовал я Филатову и никому на свете. Я просто сожалел иногда, что природа мне недодала по чуть-чуть для каждой роли, для высшей планки... И вот тут уместно вспомнить из молитвы Ассизского: «Господи! Дай мне силы не домогаться столь многого!»

25 июня. Воскресенье

Завтра пойду к начальству — надо хлопотать о театре. Надо, чтоб Губенко, это воплощение жлобства и мстительного хамства, все-таки был поставлен на место (а где оно, это его место?), чтоб он все-таки вернул то, что своровал.

27 июня. Вторник

Даже страшно писать, какой вчера я прожил день, что было... А был я в Кремле и говорил с помощником президента. Все, начиная с секретарши, встретили меня... может быть, и бывает лучше, но редко. Стороны остались довольны собой. Наше письмо Илюшину понравилось. То, что у Губенко «коммуняки» (его слово), здание используется не по назначению, — это мощный факт, аргумент противу Губенко и в нашу пользу.

«Я не могу ничего обещать, не могу решать за шефа, но думаю... В этой ситуации, сейчас, он может решить по-другому. Большой поддержкой мне было бы, если бы Лужков... он в начале этой недели должен быть у президента. Пусть Бугаев напишет письмо, а Лужков подпишет».

Я подарил Вик. Вас. «Дребезги». Президенту тоже, с надписью: «Уважаемый Борис Николаевич. Здоровья Вам, счастья. Храни Вас Бог. С надеждой на положительное решение «Таганского» конфликта, **В.Золотухин**».

Взамен В.В. подарил мне — и чтоб (непременное условие) стоял на столе! — цветной фотографический портрет первого президента России. «Я поставлю на стол, обещаю. Но если нам не вернут театр, я его...» — и показал, что порву. Помощник смеялся.

³⁴⁶ Юрий Беляев, актер Театра на Таганке

После репетиции «Живаго» и «Высоцкого» прорвались с Борисом к Ульянову, помощнику Лужкова, и передали для Ю.М. записку — напомнить президенту о Театре на Таганке. Под запиской — письмо к Ельцину. Большое дело, казалось, сделали вчера — каков-то будет результат? Но, главное, перед походом в Кремль я много молился и просил Господа о содействии в разговоре, помочь вернуть театр его законному хозяину. Илюшин, похоже, тоже на нашей стороне. Что же это такое?! Кто же помогает Губенко? Неужели Шумейко и Рыбкин³⁴⁷ так сильны?!

29 июня. Четверг

Из аппарата президента сообщили — зачитали резолюцию, которую Ельцин на нашем (моем, моя подпись единственная) письме написал: «Если помещение театра используется не по назначению, то надо восстанавливать справедливость. Прошу заняться этой проблемой вместе с Ю.М.Лужковым». Это поручение С.Филатову³⁴⁸. «Лучшей резолюции не может быть», — так прокомментировал референт Илюшина Андреев В.Ш. Но наша умная Людмила Георг, не очень обольстилась этой резолюцией: «А мне не нравится. Это еще надо доказать, что не по назначению!»

Как бы то ни было, я свое дело сделал — до президента письмо дошло, нам сочувствуют. Надо ждать решительных действий от Лужкова. Надежда, мне кажется, теперь на него...

15 июля. Суббота

Молитва, зарядка.

Демидова снилась мне. А все из-за того, что мудака Глаголин заставил ее написать заявление об отпуске на три месяца без сохранения содержания. Два горлопана, С. и А., его-де вынудили!.. За год не сыграла ни одного спектакля. Быдло — оно и есть быдло, и плебс их толкает на такие тексты и возбуждает их кровь. Они не могут ей простить ее голубую кровь, белую кость и высокомерие, каким она удостаивает их вместе с Глаголиным. Демидова — знак «Таганки», актриса № 1, женщина, в конце концов. Когда мы говорим «Таганка» — мы слышим «Демидова, Славина, Высоцкий», мы не слышим «С.А.». Она перенесла такую операцию... И если вся губенковская братия кормится у Любимова, то Демидовой-то это уж можно было позволить.

13 октября. Пятница

Молитва, зарядка.

Вчера — встреча театральных деятелей с мэрией. После 5 бокалов вина Глаголин потащил меня к «телу» Лужкова. Пробились на последних мгновениях.

— «Таганский» вопрос когда будет решён?

Мэр не понял, о чем речь, потом вдруг резко, громко:

— Все будет так, как хочет Любимов! Негодяйство, которое произошло... это просто негодяйство, когда ученики используют, претендуют на имущество того, кто это создал... И мы всё сделаем.

— Когда вы можете принять Любимова?

— В первый же день, — т. е. когда приедет.

— Нам грозят объединенной дирекцией.

— Никакой объединенной дирекции. Это принадлежит Любимову и за ним останется.

Вот такие простые, ясные, громкие тексты. Мы тут же к Бугаеву.

— Вы сразу написали на меня телегу... Объединенную дирекцию я предложил как компромисс. Не хотите — не надо.

³⁴⁷ В.Ф.Шумейко, председатель Совета Федерации Федерального собрания РФ в 1994–1996 гг.; И.П.Рыбкин — председатель Государственной думы РФ в 1994–1995 гг.

³⁴⁸ В 1993–1996 гг. глава Администрации Президента РФ.

— Но нам присылают ультиматум: к 1 ноября вопрос с вами будет решён, объединенная дирекция...

— Да кто вам это сказал?!

15 ноября. Среда, мой день

Я разговаривал с Демидовой, с этой любимой моей женщиной, умницей и нежным, как ни странно, одухотворенным существом. У нее 1 ноября закончился отпуск за свой счет. Театру она нужна, и театр ей — без театра нельзя. «Найдите любую форму сотрудничества. Вы понимаете, что шефу неудобно такие вещи говорить вам, но мы все хотим. Наверное, если бы я был сейчас на вашем месте, а вы на моем, вы нашли бы для такого разговора более умные слова, но я говорю грубо: мы, театр, хотим платить вам зарплату, и всё».

5 декабря. Вторник

Молитва, зарядка.

Умер 3-го Кайдановский — мощный артист, хотя к таким натурам, каким был Саша, это прилагательное не прилагается.

Кто-то заметил — какой-то рок над теми, кто снимался у Тарковского. Никакого рока нет, по-моему. Солоницын, Кайдановский... Кто еще?..

Третий инфаркт убил Кайдановского.

20 декабря. Среда, мой день

Любимов довольно спокойно выслушал мои объяснения, почему я вышел из «Подростка», и сделал два-три замечания по вчерашнему «Живаго», которым, в общем, он остался доволен. Мы разбежались. Он какую-то отметку в российском паспорте вписал — временно проживает в Израиле, — а что это за самодеятельность, хрен его знает. Довольно легко я улизнул из театра. Теперь надо долететь и доехать до Между-реченска.

27 декабря. Среда, мой день

Зарядка, молитва.

Звонил Шкатовой. Шеф от Лужкова вернулся в хорошем настроении, обласканный, довольный — подробностей она не знает, да и неважно. Главное — хорошее настроение.

1996

30 января. Вторник

Боже! Боже! Сегодня в нью-йоркской Академии похоронен Иосиф Бродский, который умер 28 января, и тоже шла «Медая». И тоже звучали его стихи. Сегодня в фойе висит афишка, что спектакль посвящен светлой памяти Иосифа Бродского. На 56-м году ушел во сне в мир грез великий поэт...

Но одна из первых мыслей просверкнувших — дошла ли до него моя записка, переданная с Аллой, где я просил на другой книжечке его стихов поставить свой автограф? Дошла ли?! Все это время он плохо себя чувствовал и вряд ли принимал кого!

Ну, вот — Филатов получил звание народного артиста России, слава Богу. «Не знаю, зачем это ему», — прокомментировал сообщивший мне это Глаголин.

2 февраля. Пятница. Раннее утро

Молитва.

Снимался в рекламном ролике о театре и читал в журнале «Дипломат» рецензию на «Медая», где говорится о том, что это самое значительное событие в театральном сезоне прошлого года и радостное свидетельство того, что всемирно известный Театр на Таганке полностью восстановил форму после обрушившихся на него ударов судьбы.

3 февраля. Суббота

Молитва, зарядка, кофе.

...Андрей Вознесенский подарил мне чудесную миниатюру о трех поэтах: Евтушенко, С.Михалкове и себе самом.

«Мы были в Болгарии на каком-то форуме и жили в одной гостинице на разных этажах — Евтушенко на 9-м, Михалков на 12-м, а я на 14-м. Как раз проходил конкурс на текст

гимна Советского Союза!.. «Правда» объявила результат — победил Михалков. И так случилось, мы ехали в одном лифте, поднимались. Евтушенко говорит Михалкову (по-видимому, он был очень расстроен, что не его текст прошел в гимн): «Ну, скажите честно, С.В., ведь текст ваш говно...» Михалков и бровью не повел на это хамство. Тут дверь на 9-м этаже открылась, и Евтушенко надо выходить. Он выходит, а Михалков тут же, ни секунды не задумываясь, спокойно отвечает ему выходящему: «Иди. У-у-чи текст». Я обхохотался».

20 февраля. Вторник. «Академическая»

Сейчас надо будет ехать на съемку и что-то сказать о Мише Евдокимове. Мне хочется о нем сказать. За 15 лет мы с ним ни разу не встретились лично. Где-то за кулисами он был, я его чувствовал, но на глаза он не показался, я наблюдал его и слушал из-за кулис. Он сам пробил себе дорогу, сделал имя и репертуар и вышел в лидеры мастеров жанра, которым он занимается.

— Вы еще обо мне услышите, — сказал он мне как-то обиженно. И я услышал, стороной, — говорили, что он ловко подражает, пародирует меня в «Бумбараше» и т. д.

19 марта. Вторник. Утро

Молитва.

Мне надо написать о Можаяеве. Это мой долг, это моя обязанность. Но я не умею так быстро и легко что-то накатать в духе Белинского — Кузнецова Феликса³⁴⁹. «Умер Можаяев», — сообщил мне Б.Глаголин, замолчал и повесил трубку. Говорить не мог. Что, когда, почему, от чего — какая разница, и к чему эти все вопросы теперь. Умер Можаяев — и с этим надо жить. С ним прошла вся моя жизнь, лучшие годы творчества, молодости, дерзаний, мечтаний, надежд. Мне было легче жить, я знал — где-то есть Можаяев, можно позвонить, разыскать... Он помогал мне жить, играть, сниматься в кино, писать рассказы, повести, помогал петь... не в прямом смысле, а как ориентир русской силы, творческого могущества, душевной крепости и духовной обороны. Он был добрым и красивым человеком, лукавым и обаятельнейшим кавалером, наши актрисы были поголовно влюблены в него. Я вспомню, запишу... Один день с Борисом Андреевичем: при подготовке спектакля мы решили совершить поездку в колхозы, в колхоз... пообщаться с народом, с колхозниками разного уровня, от председателя до нищей старухи. И собрать звуки — ржание лошадей, скрип колес, чириканье воробьев, карканье ворон, стук молота в кузнице, мычание телят-коров — звуки, симфонию звуковых сигналов, ориентиры. А также реквизит: колеса, ухваты, чугуны, хомуты непригодные, оглобли, коромысла, дуги, подковы — словом, утварь крестьянскую, натуральную... Косы, сено, солому, мешки, посуду, чашки, плошки, ложки, поварешки. Запастись впечатлениями, дополнить опыт народной жизни. «Кузькин» — шедевр русской литературы. Что бы потом ни писал Б.А., он оставался и останется как автор «Живого». Редкая удача даже и для великого писателя. И мне выпало счастье быть первым Кузькиным на русской сцене. Как же мне не плакать по этой утрате, по этому человеку, как будто специально для меня создавшему это гениальное произведение и подсунувшему его Любимову, который скроил из этого материала равновеликий спектакль?!

18 февраля 1968 г. мы поехали обретаать опыт крестьянской жизни и хомуты и косы для спектакля «Живой».

15 мая

Молитва. Зарядка.

Исторический день — я выезжаю на первый съемочный день «Не валяй дурака, Америка!».

На репетиции «Годунова» с Колпаковой³⁵⁰ шеф, глядя на мои кувырки и фортели

349 1 Литературный критик.

350 Актриса Театра на Таганке.

пластические, спросил:

— Сколько тебе лет, Валерий?

— Пятьдесят пять.

— Молодец...

— На кого равняемся! У меня в запасе еще семь лет.

— В каком смысле?.. Почему?

— А в смысле родить наследника. Вы в 62 года...

— Да-да...

И шеф воспрянул, раздухарился. Стал Насте пластику оттягивающую, танцующую, с носка показывать.

— Здорово! Такое впечатление, Ю.П., что вы заряжаетесь еще на одного наследника.

29 июля. Понедельник

Молитва, зарядка.

Вот вчера неожиданно всплыл Розов. Он приехал с отдыха из Венгрии специально для того, чтобы в С.-Петербурге подписать договор, в том числе и о моей программе, и готов сразу дать мне режиссера, чтоб начал я кого-нибудь — «Россия в лицах», авторский канал — снимать. И я опять испугался — а если это, к примеру, Харченко, великий хирург?

«Мой Можаяев» напечатан в журнале «Россия». Материал всем очень нравится, в том числе, как сказали, и жене Солженицына.

А секретарша Чубайса холодно со мной говорила, и только месяца через полтора он сможет меня только принять.

21 октября. Понедельник

Молитва, зарядка.

На съезде СТД. Отчитывается Ульянов. Почему он не назвал Любимова, а Гончарова назвал? Эфрос был помянут, а Любимов не назван — хотя бы из дружбы по Театру Вахтангова?!

24 ноября. Воскресенье — отдай Богу

Молитва, зарядка.

Егор Тимурович Гайдар, сын Тимура Аркадьевича Гайдара, считает «Бумбараша» лучшим фильмом по произведениям своего деда, Аркадия Петровича Гайдара. Так он мне сказал, и я с ним согласился. В этом году исполнилось 25 лет, как «Бумбараш» предстал глазам зрителей. За это время сменились поколения, сменялись политики, главы, наконец, сменилась фактически и сама власть, но народ остался. Многие произведения литературы в кино пожухли, потускнели и даже исчезли. А «Бумбараш» остался любимым всеми поколениями и властями. Чудо. А в чем секрет чуда — пусть разбираются другие.

17 декабря. Вторник. Мое число, охо-хо...

«Секс мне необходим каждый день, иначе у меня очень голова болит». — Джон Кеннеди.

Фильму «Бумбараш» четверть века стукнуло. Пережил он многие хваленые и награжденные ленты. И по этому поводу вспомнился мне замечательный мастер своего дела, пиротехник Микола, фамилию, прости, Господи, не помню. И ты прости меня, Микола, тебя уж, поди, давно и в живых нет, так что Царство тебе Небесное. Профессию свою сапера-взрыва-теля-миноискателя Микола не только знал, но самозабвенно любил ее и дня прожить не мог, чтобы что-нибудь не «под-взорвать», как он выражался. Режиссера фильма, удивительного Колю Рашеева, Микола замучивал просьбами и предложениями в каждом кадре пальнуть, взорвать, поджечь, грохнуть, а в «Бумбараше», как известно, взрывов на кинометр изображения полно. И если не давал ему режиссер, не соглашался на буйные предложения рвануть ни с того ни с сего, Микола не унимался — грохот был ему необходим ежедневный, как Казанове дама. Он уходил в поле, в лес, на окраину, и мы слышали, как страсть свою он удовлетворял-таки несусветным фейерверком-салютом.

2 января. Четверг

Тамара:

— А ты, наверно, ничего не можешь сыграть у Венечки Ерофеева... Как сыграть нежность?! Вы не умеете... Ваша комсомольская, гремучая «Таганка»... Ванечка Бортник, такой артист пропал в вашей вонючей «Таганке»... Была одна актриса — Алла Демидова...

11 января. Суббота

А сейчас на свидание к двум писателям — Войновичу и Асламовой. Был у Войновича, выпили кофе, обменялись книжками, автографами, посмотрел его живопись, поговорили о машинах. Он посетовал, что вот так не может вести дневник, записывать встречи... «Незначительный факт потом становится интереснейшим событием, а ты не записал... Встречи с Твардовским... Что-то я помню, конечно...»

Бывший диссидент в огромной, роскошной квартире за железной дверью, с билетом на Мюнхен. Чудная у нас жизнь пошла...

19 января. Воскресенье

Интервью с Дарьей приведет к скандалу, катастрофе. Ну, туда нам всем и дорога!

«Не лжет только фантазия».

8 февраля. Суббота. «Академическая»

В среду Филатову сделали операцию. Удалили почку. Господи! Спаси и сохрани его. Бедный Ленья! Что делать? Как жить, чем поддерживать интерес к жизни?

18 февраля. Вторник

Мне отчетливо вспомнилась нынче под утро Вена. Как мы шли всем театром по ее музейным улицам и переулкам в какой-то дворец-музей. Мы с шефом шли впереди, и он громко, часто останавливаясь и впиваясь, жестикулируя и пр., рассказывал мне про Живаго — он репетировал со мной роль... Он вспоминал, как то же самое на улицах Парижа и Будапешта он проделывал с Володей над «Гамлетом»... Какое было у него потрясающее вдохновение, какая энергия... Сзади шла с молодежью Катерина... И что творилось со мной... Меня распирала, пьянила радость... и страх... Но, кажется, это было уже после премьеры...

28 февраля. Пятница. Париж

В церкви на рю Кримэ отпевают Синявского, автора одной из моих любимых книг «Прогулки с Пушкиным». Но надо было ехать на метро, без знания языка, к 9 утра... Господи! Царство ему Небесное и пухом земля.

1 марта. Суббота

Розанова Мария на похоронах — ни слезинки в глазу. Вознесенский прилетел с авоськой переделкинской земли. Прилетел специально... А я?!

Тамара:

— Ты был на похоронах?!

— Очень рано была панихида...

— А-а... Ну, понятно... — В интонации глубокий упрек.

21 марта. Пятница. «Академическая»

Сегодня день премьеры моего «Павла I». 21 марта 1992 года с перепугу я сыграл моего императора, спасителя моего в этом театральном содоме-дерьме-разделе-расколе. Пять лет, уже пять лет прошло, пронеслось, и ничего не изменилось, кроме того, что... родилась у меня внучка Оля, прибавились болезни... Да нет, был «Живаго», были Греция, Турция... Господи! Была любовь и муки. Благодарю Тебя за все это, Господи!..

Видел сон — умер Распутин. Я горько плакал и каялся, что не повидался, не позвонил... Честнее человека и писателя не встречал я в жизни. И вот отсюда позвонил ему, и он, судя по голосу, рад был. «Хоть так теперь, во сне, видимся, и то хорошо... Я уезжаю теперь через два дня, а после 10 мая, пользуясь случаем этого звонка, теперь уж сам разыщу...»

Я так рад, что позвонил Распутину, и рад больше всего, что он мне рад.

7 апреля. Понедельник

Замечательно сказала Демидова: «У меня в театре были два партнера — Высоцкий и Золотухин». Нет, не за эту фразу... хотя то, что она как бы между нами поставила знак равенства... Вы понимаете, господа пр. заседатели, о чем речь идет и кто ее ведет?

26 апреля. Суббота

Иногда мне хочется позвонить Дарье Асламовой и поблагодарить ее. «Спид-инфо» сообщила мне третью космическую скорость — я никогда не чувствовал себя так уверенно и сильно в жизни и на сцене, особенно в общении с партнерами, как после этого интервью. Я могу, а вы — нет, вы — «тварь дрожащая» — где-то оттуда, из подсознания, из этого раскольнического блуждания, теоретического, статейного. Конечно, эта уверенность в сильной мере поддержана фильмом Плахова³⁵¹, который все время вертится-крутится в моей башке то одним кадром, то другим. Памятник он мне, конечно, воздвиг...

«Ему от Бога, от папы с мамой дано было, наверное, очень много». — Демидова.

Спокойствие, только спокойствие. Нельзя дневник на секунду без присмотра оставить, все заглядывают, читают, делают выводы и скандалят, потому что программа на скандал заложена заранее и теперь уже навсегда. Да хрен с вами со всеми.

Вчера я, зайдя в буфет пообедать, решил, что я его не заработал. А «заработать» для меня означало — решиться на поход в театр Губенко за книгами, в гримерную 307. И я пошел. Я встретился с Губенко. Я не мог смотреть на него, отводил глаза, не знаю почему — мне было стыдно, а его, тоже не знаю почему, безумно жаль... Странный, неухоженный быт... Постаревший Николай с потухшим, что называется, взором...

«Они хотят правительственным путем... к 80-летию Любимова сделать ему подарок... Ну что ж, было 27 судов, на этот раз их, может быть, будет меньше, 10... До конца жизни хватит...»

До конца чьей жизни, хотел я уточнить, но не стал.

Почему нет голоса? От нервов. От скандалов, от выяснений. Не забрала же голос жалость к Коле, которого хотелось обнять и прижать к сердцу со словами «что мы наделали!». У нас одна гримерная с ним в новом здании — 307, ключ от гримерной у него, а ключ от шкафа у меня. Любопытное совпадение-наблюдение...

Губенко:

— Четыре года мы не получаем ни копейки бюджетных денег... Ты понимаешь, что такое 4 миллиарда... каждый год по миллиарду... это каждый день по друзьям с протянутой рукой...

— У вас нет учредителя... Найдите...

— Не берет никто. И наши деньги уходят к вам...

— А у нас говорят, что наши деньги уходят к вам.

30 октября. Четверг

Володя! Владимир! Владимир Семенович! Спасибо тебе, что случился ты в судьбе моей, в жизни нашей... Вся моя жизнь после твоего ухода освящена твоим именем, тем, что рядом был много лет я с тобой, что выпала мне честь ругаться, соперничать и любить тебя... Господи! Благодарю Тебя за то, что судьба взяла меня за руку и перевела из «Моссовета» в «Таганку». Ведь только Ты, Господи, сделал это для меня... И за одно это я день и ночь должен славить Тебя. А я-то, грешный, все это себе в заслугу вменял. Прости, Господи! Прости меня, грешного. Сделай что-нибудь, чтоб изменить мне себя и вернуть в сердце смирение и любовь к имени Твоему. Господи, Иисусе Христе, прости меня грешного. Аминь.

Часть пятая. Марат и Моцарт

³⁵¹ Телевизионный документальный фильм Александра Плахова о В.Золотухине (т/к «Россия»),

8 января. Четверг Бортник: «Я не заметил, как быстро ты из провинциала превратился в мерзавца».

Мне это очень понравилось. Я даже не успел обидеться, до того я от души хохотал точности постановки вопроса и остроумию...

10 января. Суббота

Рыжий³⁵²:

— Золотухин сказал, что он де Сада не отдаст³⁵³.

Любимов:

— Золотухин спился и погиб... «Не отдаст»!

— Нет, не погиб. Он будет играть. Для него в этой пьесе есть «стимул и ндт».

Это заявление шефа надо мужественно воспринять, вникнуть, пережить — и вывод сделать один: шеф всегда прав, и не обижаться за эти слова на шефа, а попытаться исправить его мнение по этому пункту обо мне. Не озлиться.

12 января. Понедельник. Кабинет, вечер

99-й год. Это что! Пушкин родился в 1799-м. Вот так. Если рожать, то Пушкина или Ахматову... Всю дорогу я счастливо смеялся.

15 января. Четверг

Любимов сказал: «Золотухин — сложный человек».

Несколько часов спустя позвал меня к себе шеф, обласкал взором (а я все жду, затаюсь, когда он мне скажет про «Мой Эфрос»; когда донесут ему — тогда и скажет) и сказал:

— Хорошо они сделали передачу о тебе, и я там ничего сказал... с юмором. Интересно Плахов придумал... Нет, хорошо. Но эта... Демидова... Я бы на твоём месте сказал: «Вырежьте ее на хрен!» Ну, что это такое. Ну да, я понимаю, ты не вмешиваешься... но что это...

Я понял: его больше всего возмутил тезис Демидовой «Золотухин — самостоятельный человек». Пора заводить свое дело и уходить из-под Любимова, «досостояться», дескать, Любимов уже дать как бы ничего не может.

16 января. Пятница. Мариуполь

Вчера за вечерей вспоминали Иван с шефом Целиковскую.

— Сколько ты прожил с Шацкой?

— 15 лет.

— Да, тоже срок. А я 20... Терпеливые мы с тобой люди, — сказал шеф, усмехаясь...

1 февраля. Воскресенье. Йошкар-Ола

«Жизнь — это практически то, что мы сами себе придумываем», — услышал я по телефону от актрисы Мирошниченко и подивился мудрости и точности изречения.

18 февраля. Среда, мой день

«Гришенька» Александров вскоре после смерти Л. Орловой женился на вдове своего сына от первого брака, с которой сделал монтажный фильм «Любовь». Когда Ю. Завадский хотел ввести на роль миссис Сэвидж большую Марецкую, «звезда» показала зубки: «Если следующий спектакль не мой, я звоню министру культуры».

Отчего подобного нет в моем характере даже близко?! А у Володи было, и в избытке.

Орлова — пунктик — боялась потерять молодость и красоту. «Всю жизнь я режимила».

Почему-то просверкнула мысль: надо подготовиться жить без Ирбис, а подготовиться — это значит освоить, или начать, надежное самостоятельное дело. Может, к тому подспудно призывала меня Алла Демидова по ТВ.

³⁵² Валентин Рыжий, режиссер Театра на Таганке.

³⁵³ Роль маркиза де Сада в спектакле «Марат и маркиз де Сад».

Мы снижаемся. Всю дорогу от Владивостока до Москвы душа трудилась. «Спид-инфо» до корки. О всех женах Высоцкого — и о Тане Иваненко, и о Насте... И о Ксюхе. «Он умер у меня на руках».

25 февраля. Среда, мой день

Илья:

— Я был начальником Калининградского порта. Приехал Театр миниатюр Полякова. Я пригласил весь театр, устроили прием. Там были две потрясающие девки: Томка Витченко и Рысина. У меня разбежались глаза. Они даже смеялись надо мной: «Смотри, он не знает, на ком остановиться!» Ладно. Томка жила в Москве — набережная... там полукругом спускается дом. Лето 1964 года. Я приезжаю в Москву. Прихожу к ней, мы сидим, выпиваем. Где-то поздно ночью звонок, приходит парень... Мы сидим, выпиваем втроем. Три часа ночи. Кто-то должен уйти. Мы ждем, кто это сделает. Она не провожает, не выгоняет никого... нам весело... но мы ждем друг от друга, кто уйдет. В конце концов мы уходим вместе... Прощаемся, берем такси. Он уезжает в одну сторону, я — в противоположную. Через пять минут к ее подъезду подъезжают одновременно два такси. Выходит этот парень, выхожу я... Мы рассмеялись и опять поднимаемся вместе. И до 12 дня выпиваем... Этот парень был Володя Высоцкий. Тогда я, разумеется, не знал... Хотя он и тогда был с гитарой и пел.

Я помню Тамару Витченко — в нее был влюблен весь факультет музкомедии ГИТИСа, а может быть, и весь институт. Она была недосыгаема, старше... и только сладко улыбалась и разрешала себя любить и восхищаться ею.

«Почему здесь не говорится об Эдит Пиаф, которая кончилась от наркотиков, почему здесь не говорится о нашем гении Владимире Высоцком, который кончил так же...» — услышал я телемост Москва — Бишкек...

2 апреля. Четверг. 13 часов

Ты напрасно рассчитываешь на какую-то другую жизнь. На время, что у тебя будет на растяжки, на занятия голосом... Твоя жизнь — это гастролы, гостиничные номера, условия полевые, и надо к ним приспособиться и в них приучаться жить и держать форму... на одном квадратном метре уметь делать упражнения, не стесняться обстоятельств — брать гитару и заниматься, распеваться, не обращая внимания на перебранку горничных... не ждать, что будет какое-то другое время... его не будет... Вместо Орла будет Брянск... А вместо Брянска — Екатеринбург. Надо возить с собой скалки-скакалки, мячики, пруттики...

Это я говорю партнерше. Пойду, проверю — занимается ли?!

23 апреля. Четверг

...И вот образовался у меня такой своеобразный день. С утра решил я во что бы то ни стало в Донской монастырь попасть, помолиться, Бога попросить, чтоб дал мне сил и вдохновенья начать «Жасмин».

Сегодня день рождения Театра на Таганке, ну ведь праздник!! 34 года назад свершилось великое чудо, был открыт премьерой «Доброго» — спектаклем великим, в котором я имел честь потом долгие годы играть Водоноса, — Театр на Таганке, ставший моим домом, моей судьбой, моими открытиями и поражениями, жизнью моей. И как не отмечать этот день, несмотря на наши раздоры, временные ссоры, неурядицы, — день объединения.

26 апреля. Воскресенье

Последняя Пасхальная седмица — как один день. Мне в Донском яичко подарили и поздравили. Я это яичко любимой моей передам... а любимая моя — Тамара моя милая, перед которой я виноват, которую оскорбил, обидел и унизил, «на спине» которой я выскочил в «Мизантропе». Господи! Спаси и сохрани жену мою.

Когда в моей гримерной Женя Миронов, я ему оставляю какие-то добрые знаки, чтоб ему игралось и хорошо чувствовалось в гримерке и на сцене. Просто, допустим: «Женя! Привет!» Он понял, что мне тоже приятно от него ответ получить, и отвечает: «Привет, Валерий Сергеевич! Сегодня легко игралось, видимо, поэтому долбанулся головой. А в

остальном... С уважением, *Бумбараи-2 — Е.Миронов*...

3 мая. Воскресенье

Любимов:

— Разрешение А.И. получено. Он не возражает. 80 лет, я надеюсь, вы знаете когда — 11 декабря 1998 г.

Бортник:

— Мы день рождения Толстого не знаем...

— Солженицын встретил меня с чертежом «Шарашки», видимо, он думал... Эта буквалистика нам не нужна.

Катерина, увидела в руках у уборщицы заявление на мое имя — материальная помощь.

— Что это у тебя? — Прочитала: — Пусть поставит визу Золотухин, и отдай секретаршам.

Хор изобретен в «Шарашке». Работы много будет этому хору.

К 80-летию Солженицына поставил бы я «Прогулки с Пушкиным» А.Терца. Или Владимова. Кстати, надо перечитать роман «Генерал и его армия»...

15 мая. Пятница. Молитва. Театр, № 168

Я думал, будет большой скандал — Бортник не играет «Высоцкого»! Никакого скандала — он³⁵⁴ сделал вид, что не заметил. Это восхитительно!! И все в дамках! Он не взял его в Израиль. Иван сказал, что этот спектакль он играть больше не будет.

Когда-то Эфрос мне сказал: «Тебе не стыдно было участвовать в этом спектакле?» («В.Высоцкий»), Я, помнится, даже оторопел от такой наглости. Только теперь до меня дошел смысл его слов.

Когда человек умеет многое, у критики есть выбор, соблазн похвалить одно умение в ущерб другому; «Володя, спой!» — на «Гамлете»...

16 июня. Вторник

Молитва.

Мой путь... Я ехал в театр и думал... что уже многие дошлые, дотошные «миноискатели-трупоеды» обнаружили некоторое охлаждение, изменение наших с Высоцким отношений... последнего периода. И все — идиоты — приписывают это «Гамлету»: зависти или еще чему-то в этом роде...

30 июня. Вторник

Молитва.

«Мой Эфрос» — это пространство жизни, зарождения и рождения одной роли — Альцеста... Не было бы «Мизантропа» — моего Эфроса не было бы, был бы — хороший режиссер в моей жизни — но не мой... Не тот, что стал роднее всех.

24 сентября. Четверг

Молитва. Зарядка!!

Надо играть Маркиза. Однозначно — в режиме «Живаго» надо прожить эти два месяца. За оставшуюся неделю сентября надо выучить хотя бы весь текст и прикинуть муз. темы. Никакого расслабления. И написать «Жасмин». К Новому году. Тогда 1998-й будет прожит не зря.

30 сентября. Среда — мой день

Молитва. Зарядка.

81-й год шефу. «Включайся, Валерий, в де Сада. Тогда я смогу репетировать. Твой напарник не годится... он не сыграет, не надейся. Он не понимает...» И я вчера «включился» снова. Второй раз, и, кажется, он доволен... да и я, в общем, добился того, чего хотел и куда хотел.

7 октября. Среда — мой день

Молитва. Зарядка!!!

А Господь услышал мою молитву о хорошем дне — и я, сам того не ожидая, вышел на репетицию «Марата», подловил момент и пошел в монолог и заслужил от шефа комплименты. «Наш старейший артист начал репетировать... показал молодым пример... знает текст... ну, иногда... и подтянулись все...» — ну, и так далее. И я без малого три монолога «прошил», и это важно для меня. Присутствовал Мартынов³⁵⁵, музыку которого пока я не могу освоить, да и не осваивал всерьез, но там что-то есть, и надо раздраконить, но прежде — НОТКИ.

«Кормилец» — Володя Высоцкий — так обозначил я рисунок Елина 68-го года; теперь у меня, в рамке, под оргстеклом. Да, так сложилась моя жизнь, что во многом Владимир помогает мне деньги добыть. В любой программе моей он весомое место занимает — и в смысле метража, и в смысле качества. Уж я про книжку молчу... Дневники — и пр. Так что Кормилец — теперь не в рулоне скрученный с 82-го года — а в рамку багетовую обрамлен и заряжает меня на де Сада.

12 ноября. Четверг

Молитва, зарядка, кофе, душ.

Брожу я по кругу, среди старых газет, в сцене Авенира-дяди³⁵⁶... Поднимаю с полу газету и читаю в «Московском К.» от 29 октября следующее:

«Лежу на коечке в коридоре, потому что больница переполнена, довольный, потому что утром кашу дают, и вдруг идет Володя Высоцкий. А мы уже знали друг друга. Он лежал у своего приятеля ниже этажом, в процедурной, и предложил перебраться к нему. Чего у него только в процедурной не было — шашлыки приносили, рыбу, конфеты, стояла пара ящичков коньяка от поклонников. Я банковал по-черному, кормил всех ребят. Высоцкий тогда еще мало снимался, популярность была больше кассетная, и его не очень узнавали на улицах. На Валеру Золотухина была потрясающая реакция, Валера был очень популярен, его узнавали за квартал, и я, когда шел с ними, видел краем глаза, как Володя ревнует. Это на него действовало.

Я слышал много телефонных разговоров, лежа с ним в одной палате, — с кем и как он говорил. И с кем он говорил уважительно, и даже чуть-чуть побаивался, так это с Валерой Золотухиным. Потому что Валера выдавал ему по телефону очень серьезные вещи. Он говорил, что Петрович сейчас вообще выгоняет, ты приди в себя; он с ним говорил очень жестко, и Высоцкий его слушался: «Валерка абсолютно прав, он умница и артист замечательный». Это я слышал и Валерию никогда об этом не говорил. После больницы Володя пригласил меня на один концерт — я заработал 10 рублей. Я его объявил, и он дал мне за это червонец».

Вот такая нечаянная радость с пола, после слова Авенира:

— А почему вы именно эту газету храните, гражданин?

— А я ее не храню, какая попалась.

И рассказал это Олег Марусев³⁵⁷, и ему надо позвонить.

20 ноября. Пятница

Молитва, зарядка, душ, кофе.

Вчера — первый прогон; шеф доволен как бы первым. Публика в недоумении, как мне кажется...

А у меня сегодня (на сцене пишу) радость нечаянная. На распевке газетку коллеги читают — рецензия на «Марат-Сад»: «И изумительный де Сад...» и пр. И шеф сразу:

³⁵⁵ Владимир Мартынов, композитор, пишет музыку к спектаклям Театра на Таганке.

³⁵⁶ В спектакле «Шарашка» (по роману А.И.Солженицына «В круге первом»).

³⁵⁷ Конферансье

«Создатель бессмертного образа де Сада. Как дела?» Мои дела, Ю.П., неотрывны от ваших, неотделимы... как в «Мастере»... Помянут тебя, помянут и меня и т. д.

21 ноября

Молитва, суббота, у генерала, холодно.

«И совершенно изумителен Сад, которого играет Золотухин. Этот мрачный, страдающий сумасшедший мудрец, дирижируя спектаклем в спектакле, держа в руках его ниточки, находится где-то в другом мире, который не доступен ни тирану-директору, ни его пациентам, ни зрителям, ни, возможно, режиссеру Любимову». Последнее мне особенно нравится, импонирует.

И вчера Каталина посылала мне воздушные поцелуи, показывала жестами свой восторг от Линдт³⁵⁸ и мне — на большой палец, дескать, выбор твой, Валера, офигителен... А Каталина, как всегда, — главный оценщик, рецензент и инструмент воздействия на мнение и действия Любимова. А шеф преподнесенные ему вчера цветы мамой Бэби отдал любимой своей и моей Шарлотте Корде. Так что я не понимаю — не зря я связался, что ли? Забросить свои рукописи, романы... С августа три с половиной месяца многостаночник, с утра до вечера в театре... Неужели не зря? Но я получаю удовольствие от игры, от текста, от себя и, главное, от правды — своего мира, который я себе придумал и организовал в спектакле.

23 ноября. Понедельник

Молитва, зарядка, душ.

«Юрий Любимов подтвердил свой класс».

«Поставив свой лучший спектакль за последние 10 лет, Любимов вернул «Таганку» во времена ее расцвета».

«Ему вновь после нескольких полуудач удалось уловить идеально верный тон разговора с залом...» и т. д.

Так вот — благослови, Господи, на эти два спектакля: сегодня и завтра. И не забудь про коллег моих.

24 ноября. Вторник

Молитва, зарядка, душ, кофе.

Так вот — роль села на меня как хороший, подогнанный костюм. И я вчера поставил себе проходной балл... и спектакль становится любимым... Это мое отдельное существование. На лестнице, в спектакле, на своей рещётчатой, узкой мансарде — где я держу в руках ниточки спектакля, находясь в другом мире, недоступном ни... ни... ни, возможно, режиссеру Любимову. Благодарю тебя, Господи, благодарю и добрыми, вечными словами вспоминаю Бродского — от которого оттолкнулся в поэтической характерности Вертинского.

Передо мной очень хорошая фотография — Любимов и я на репетиции «Марата»... Мрачный Любимов — нацеливающий меня на де Сада. И я — как хищник, как снайпер, киллер, следящий за дублером. И выследил, и выстрелил... вчера!

К статье в «Сегодня» Любимов не может отнести хорошо при всем при том... — она как бы зачеркивает все спектакли в прошедшем 10-летию — полуудачи... И опять его вывозит политическая ситуация, а он руками и ногами отрещивается от политического театра... Глупо! «10 дней», «Что делать?», «Мать» — кого интересует теперь, какими соображениями он руководствовался, беря эти названия для сценического воплощения?!

29 декабря. Вторник. Молитва — время 14:10

Горит свеча. Сейчас я начну играть свой последний спектакль в этом году. Господи, спаси и сохрани. Я в форме и выгляжу хорошо. Спектакль — «Марат», для меня дорогой и счастливый. В нем зажглась звезда Линдт. Да и моя работа мне доставляет радость. Дай, Господи, нам всем сегодня легкости и скорости, и пусть год уходит с хорошим...

358 Линдт, Бэби — Ирина Линдт, актриса Театра на Таганке

30 января. Суббота

Молитва. Зарядка!

Максимов А.³⁵⁹ озадачил меня. Очень интересную историю рассказал он в полунамеках. Про тот спектакль, что он хочет и знает, как сделать, — «Моцарт и Сальери». Но ему интересен театр: свет — костюмы — звук. История сумасшедшего, закомплексованного — воображение которого рисует Моцарта и девочкой, и мальчиком, и чертом в ступе. Превращение девушки в мужчину должно совершаться на глазах публики: театр — это переодевание, превращение на глазах... И Моцарт безделицу не играет и не слушает фонограмму Спивакова, а читает Пушкина под музыку Моцарта... Нужны деньги. А потом можно договариваться с каким-то театром. У Любимова, где шла его собственная версия, — эти недопустимо со стороны Любимова, да и вообще — эти экзюперизм, декаданс и фрейдизм ему чужды...

31 января. Воскресенье

Молитва. Зарядка.

Ну никак не доберусь я до главного события — на «Марате» была госпожа вдова Вайса. Питер Вайс — автор «Марата». Наткнулась она на маркиза де Сада, который в ошейнике и халате под лестницей Домового, как таракан, продавал книжки артиста Золотухина. «Фантастик, фантастик», — приговаривала вдова и купила у меня книжицу по новой цене — 40 руб. Спектаклем потрясена. «Я хотела, чтобы это видел Питер». Сама она раз 5 оформляла этот спектакль, в том числе спектакль Брука... Восхищена Линдт, ее лицом-маской, когда лицо при всех переживаниях, эмоциях остается почти недвижимым, без гримас...

Надо, чтоб Ирка закрепила успех и выстрелила Моцартом. Пусть обделаются некоторые от зависти.

1 февраля. Понедельник

Молитва.

Вот это да!! В больнице от Тамары я узнал, что Дибров слово сдержал — на всю страну объявил, что Золотухин ищет деньги для Моцарта — Линдт и Сальери — Золотухина. А ей — Ваня, как всегда, Бортник сообщил. Ну, что ж... «Да играйте, неприятно только, что жена последней узнает». Свалил я все на Максимова Андрея, что идея будто бы его. Как-то оправдался. Но стрела пущена, коллеги будут знать, обсуждать, злорадствовать, и смеяться, и злословить, и пр. Но помню — важно ввязаться в крупное сражение, а там уж как Бог скажет.

...ТВ: «Что Пушкин внес в русскую культуру?» Даже оторопь, раздражение от такого вопроса: и что Золотухин по этому поводу может сказать нового, и главное — зачем? Золотухин может прочесть Пушкина — любимое — на память, а не разглагольствовать. Обидел девушку, наверное...

Сегодня у меня ответственно-неприятный день — вся семья моя идет на «Марата»... будут Бэби смотреть и смеяться надо мной. Господи. Во-первых, прости и помилуй меня, грешного, во-вторых, пошли мне удачи на сегодняшний вечер, в-третьих, — всем без исключения здоровья пошли и спокойствия.

5 февраля. Пятница

Молитва. Зарядка.

...Счастливым день был у меня вчера — семья с Катей смотрели «Марат-Сад»... и пришли в неописуемый восторг. Сергей³⁶⁰ и Катя, Тамаре тоже понравился спектакль, и она

³⁵⁹ Андрей Максимов, телерадиоведущий, постановщик спектакля «Моцарт и Сальери».

³⁶⁰ Сын В.Золотухина.

согласилась, что это лучший спектакль Любимова за 10 последних лет. «Молодец, Валера, — сказала мне моя жена, — ты мне больше всех понравился. Линдт твоя гениальная и т. д. Развлекаловка для молодых». Но дети с ней, особенно Сережа, не согласились активно. Это форма, но за развлекаловкой... Мне всерьез Сергей своими рассуждениями понравился, он давно вырос, не заметил я, и поумнел, и душа у него трудится. Он даже заметил, что я в особых местах бросаю грассировать, и от этого становится яснее смысл и вкуснее прием. Вот так. Что, собственно, когда я это предлагал на словах Любимову, он сказал — не надо. А Сережа заметил и отметил: «Развлекаловка, мама, — кино!»

Катя: «Развлекаловкой может быть все что угодно».

Я рад, я рад, я рад...

Бэби уехала надутая... Она почти не разговаривала и в сторону смотрела, но по сравнению с тем, что Л.Н. запрещала мне Тамару приводить в театр, и в общественных местах категорически не появляться с ней, и не произносить слово «жена», — то это, можно сказать, рай...

Так что можно сказать, что я счастлив был и наслаждался вчера работой своей и достойным отношением к ней главных моих ценителей, цензоров и пр. А перед спектаклем я свой миниспектакль под лестницей Домового разыграл — книжки продавал в костюме де Сада. Катя спросила:

— А почему той нет, «Эфроса», и дома я не видела... ее нет?..

— В театре я не решаюсь ее продавать. Тираж ничтожный. Надо распродать эту и пр.

Максимов: «Я разговаривал с директором Пушкинского театра. В принципе он сказал, что это возможно. Но без денег он не пустит никого».

А нам надо с Бэби торопиться. Надо самим назначить репетиции и точить трагедию, хотя бы по-своему, хотя бы для себя, хотя бы текст. В каком настроении придет моя Бэби?!

О Тамаре надо писать отдельно поэму, и большую. Доверие и вера ее безграничны, наивны и святы... Родная моя, нет, не предаю я ее... Изменяю? Но так ведь она отпускает, сказав: набыю морду девке, которая тебе не дает.

14 марта. Воскресенье

Молитва. Зарядка!!

Каждый день зарядки как подвиг отмечаю я. И несколько восклицательных знаков ставлю. «Годунов» был вчера потрясающий, я играл для Бэби, и она сказала — хорошо. Я играл и все время помнил: мощная рука, мощный человек... — и я поддавал пару к голосу и носился, как на крыльях, по роли.

Де Сад с веревкой на шее.

«Вот что сделают с вами после выхода книги», — глядя на фотографию, молвил редактор.

«Спасибо. Но лучше бы этого избежать, и от вас вполне зависит это... Вы втравили меня в авантюру эту...» и т. д.

«Плаха Таганки — дневник русского человека» — такое вырисовывается название...

16 марта. Вторник

Молитва. Зарядка.

«Когда народы, распри позабыв...» В Доме актера встретил Максимова, и он меня оглушил: «Мы договорились с Никитой Высоцким. Как площадка?» — «Потрясающая...» Все говорилось на ходу. За кулисами Дома. Но этого было достаточно, чтобы знакомая труба внутри меня запела победным — нет, боевым — звуком... сигналом к работе, к бою — с самим собой, со своей судьбой...

2 апреля. Пятница. Поезд

Мы в Юрмале, № 715. Неужели у нас будет свой спектакль с Бэби?! Свое оформление — мебель, одежда, сцены, костюмы?! Что скажет на это все Максимов?! Как посмотрит и откомментирует?! То, что он не порадуется, — это однозначно.

3 апреля. Суббота

Молитва. Зарядка!!

...От «Живого» к «Живаго»... — две крайние роли моего репертуара. Между которыми уложилась вся моя жизнь на подмостках Театра на Таганке... куда вместились и не сыгранный Гамлет, и сыгранный благодаря В., Эфросу «Альцест», и Гришка Отрепьев, и Глебов в «Доме на набережной», Моцарт и «Хозяин тайги» в кино, Бумбараш... Павел 1 в Театре Российской армии и т. д. Более полярные образы — как Кузьмин и Юрий Андреевич Живаго — трудно представить себе... а название спектаклей чудесно совпадает по этимологии... и смысл: Живой — Живаго. Первый — суперкрестьянин, мужик-колхозник, христианин православный, второй — супергородской интеллигент-доктор, поэт, крещеный еврей, и между ними — жизнь актера Золотухина. Когда на трассе в Америке профессор-нейрохирург из Ленинграда спросил: «Кто будет на Таганке играть Живаго — Смехов?» — «Нет...» — «Филатов?» — «Нет». — «А у вас больше и нет интеллигентов...» — «Я...» — от неожиданности машина чуть не улетела в кукурузу.

5 апреля. Понедельник

Молитва. Зарядка!!

Тревожно. Хорошо, что трезвый. Как я уговаривал себя вчера — выпей, глотни, купи... ничто не шевелилось в пользу питья. И такие доводы, и сякие — не зашевелился червячок... нет. Бог спас меня, потому что Страстная неделя началась, потому что большие дела впереди. Зачем ты пьешь, моя Тамара?! Как мне хочется видеть тебя на премьере «Моцарта» и чтоб понравилось тебе, — а значит, «надо не орать». С Богом, в дорогу!

6 апреля. Вторник. Молитва. Поезд

Сегодня первая репетиция Моцарта!

«Валера! Я влюбилась», — сообщила мне пьяная жена и съела полторы миноги. Господи! Спаси и сохрани...

А репетиция с Максимовым мне понравилась. Рассказал он интересно, как женщина спасает «Сальери», провоцируя, чтоб он на ней «проиграл» убийство, отравление... Надо, чтоб зритель Сальери пожалел, тогда мы выполним нашу задачу — примитивно говоря. Он рассказывал, а в зале — Никита, Павел, помреж Валерий — осветитель — радист... Серьезность момента обозначена. Тут же состоялся разговор с Америкой, с Крымовым Димой³⁶¹. Это было бы здорово.

«Нет, никогда я зависти не знал».

«Милая мама, дорогая, любимая, с днем рождения, со славным 90-летием. Храни тебя Господь... Твой Валерий — сын, Сергей, Денис, Тамара и правнучки Оля, Таня, Маша».

Почему так грустно, тоскливо, тошно? Но я с удовольствием читаю Алешкину книгу о матери — Ирине — Урви берега — Сергеевне Анисимовой-Вульф³⁶². Как мне хочется вернуть это время и поучиться у нее, послушать ее. Как я жалею, что она не дожила до моего «Живаго», как бы она помогла мне. Что, если бы я остался в «Моссовете»³⁶³?!

7 апреля. Среда — мой день

Молитва. Зарядка.

А у меня — счастье, ведь вчера мы начали грандиозные работы — осуществлять преинтереснейший замысел, как Сальери будет убивать Моцарта.

14 апреля. Среда — мой день

Молитва. Зарядка.

Сегодня — два человека могут дать деньги для завершения проекта... и сегодня вручу письмо Любимову, что Центр В.В. приступил к постановке «Моцарта и Сальери» с участием актеров Театра на Таганке В.Золотухина и И.Линдт.

³⁶¹ Дмитрий Крымов, театральный художник и режиссер, сын А.Эфроса и Н.Крымовой.

³⁶² Первый режиссер-педагог В.Золотухина в ГИТИСе.

³⁶³ В Театре им. Моссовета Золотухин работал после окончания ГИТИСа.

...«На плахе Таганки» — это помойная куча, которая засрет весь мой светлый облик и, может, гибель принесет — гражданскую и физическую.

Я как будто нарочно к этому стремился всей практикой жизни своей...

15 апреля. Четверг. Гриммерка 168

Молитва. Зарядка.

В женской большой вот уже третий час коллеги отмечают 25-летие Линдт. Тошно на душе и противно. Я не люблю пить в компании своих товарищей в искусстве дивном. Мне день и ночь покоя не дает Сальери мой. Лежа ночью, скрючившись от боли в коленке, я бормочу монологи на разные голоса, возрасты, состояния, и что-то получается у меня. На сцене, на репетиции — полное отсутствие моей органики, «все тошнит...». Но надо верить концепции судьбы и режиссуре Максимова, который учился в Бельгии.

7 мая. Пятница

Молитва. Зарядка!!

Господи! Что творится в мире, в России, в семье моей?! Через два дня на Таганке появится афиша — «Моцарт и Сальери».

До недавнего дня — до того как я увидел людей, снимающих с нас мерки для костюмов... — все наши упражнения казались самостоятельными забавами. Так, высказав бредовую, больше рекламную утку... идея стала обрастать людьми, деньгами, и конечно, это Андрей... Без него мы бы так и прыгали в болтовне и иллюзиях. Назвал сумму человек, и мы стали шевелиться...

У Бэби должно получиться. Вот вставит Бэби свечу кой-кому, да если еще споет, да если еще зазвучит орган.

10 мая. Понедельник

Молитва. Зарядка.

Перед дверью музыкальной комнаты вчера в театре чуть на колени не встал, а слезы навернулись всамделишные. Бэби под оркестр на скрипке играла. Мне кажется, это может выйти...

11 мая. Вторник

Молитва. Зарядка!!

Бэби — переживает... Ну и что, что будут говорить: «Вот девочка устроилась. Он ей уже Моцарта дает, не боится позора...» А что он мне, этот Моцарт?! И вам-то зачем это? В такой постановке?

Об этом вы мечтали, когда остановили машину у бордюра?!

Моцарт, 1756–1791. Сальери, 1750–1825.

Разница в возрасте 6 лет. Сальери — ученики: Бетховен, Шуберт, Лист. Моцарт умер в возрасте тридцати пяти лет. В 1799 году родился Пушкин! «Моцарт и Сальери» написан в 1830 году 26 октября, через пять лет после смерти Сальери. Нужно очистить Сальери и поправить Пушкина. Опровергнуть тракторкой: «Сальери не мог травить, убивать Моцарта и жить после еще 34 года».

«Доверься ему, пойми его, постарайся понять. Для этого надо его услышать. Ты заиклился на себе, на своей девушке, на Пушкине, на своем театре. На том, что ты привык, к чему привык и как это — привык — умеешь делать. Но мир — театр, и люди в нем актеры. Значит, нетеатральных людей нет, и значит, он — театральный человек, но другого театра... Надо его услышать, раз он взялся за это дело. Пойми, услышь и постарайся сыграть в его театре. Не идиот же он, в самом деле, он пьесы пишет, которые играет столичный театр, ты говоришь — Арцыбашев, один из отмеченных молодых режиссеров и пр.». — Тамара о Максимове.

И опять, как говорит Кузьмин, меня Тамара выручает. К тому же надел я куртку Высоцкого. Вывози, Володя!!

12 мая. Среда — мой день

Молитва. Зарядка!!

Гениальный «Годунов» вчера — снимал канал «Культура». «Вся наша группа в восхищении от вашей работы. Именно — вашей... Первым номером...» — сказала мне женщина, которая, кажется, является каким-то финансовым директором. Сказала она это мне при Бэби.

15 мая. Суббота

Молитва. Зарядка.

Я начинаю увлекаться тем безобразием, что мы творим в «Моцарте», какая-то семейная вырисовывается драма.

16 мая. Воскресенье

Молитва. Зарядка!!

О чем так долго, подробно переговаривались по телефону с Америкой режиссер и художник? Зачем, по словам Максимова, писались длинные письма, посылались факсы и терялись время и деньги? Какие идеи перед тобой, Дима?! Никаких. И самое печальное во всей этой истории — нам не доставляет удовольствия общение с Максимовым. Излюбленный монстр — это не Пушкин. А то, что мы делали, — это Пушкин? И кто знает — что Пушкин и что не Пушкин... Интерес артиста, а за ним интерес зрителя — вот Пушкин, вот театр. Все остальное болтовня вокруг. Ни эрудиции, ни знания, ни оригинального мышления не обнаружил до сих пор наш режиссер — хоть жду я долго, хоть я терпелив... и жду от него озарения. Он уверил с самого начала: «Это должен быть театр... Я вообще люблю в театре театр... Переодевание должно быть на сцене, на зрителе, и я знаю, как это делать». Выяснилось, что не знает. И вместо переодевания — смена костюма. А переодевание женщины на сцене — это театр, это интрига, не ахти какая находка, стара, как мир, но и будет жить, пока этот мир-театр будет жить... а жить он будет. «Вы будете читать Пушкина, Моцарт... под музыку Моцарта». Замечательно, но тогда уж не два четверостишия. А хотя бы письмо Татьяны.

Ах, Моцарт, Моцарт... Чем закончится эта авантюра...

26 мая. Среда — мой день

Молитва.

Что-то должно сегодня случиться на репетиции с Максимовым. День будет поворотным, я чувствую тебя неуверенно. Дни были потеряны, форма утрачена. Однако надежда должна уходить последней. «Все будет на репетиции, кроме органа». А он-то и нужен больше всего. Что играет Бэби? Господи! Не лишай меня своей любви, своего покровительства, поддержки своей. «Бог несправедлив. Если бы он был справедлив, он бы давно наказал тебя», — услышал я из уст Михалкова в телевизоре...

«На плахе Таганки» — сигнал. «Поздравляю. Чего вы не радуетесь?» — это редактор. Максимова название понравилось: «Кто придумал?»

27 мая.

Молитва. Зарядка!!

Собственно, чтобы написать слово «зарядка», я и открыл дневник. Всю ночь думал, что будет со мной после прочтения оными некоторых страниц «На плахе...». Сжечь тираж? Лучше утонуть? Или опять русское: авось пронесет?! Авось выживу?! Неужели Бог оставит меня?! Вперед и с песней. Теперь — премьера впереди!!!

28 мая. Пятница

Молитва. Зарядка!

Да, я трушу, я самосъедался в страхе за Сальери, но на мне ответственность за Бэби, у которой уникальная возможность, судьбы подарок — сыграть Моцарта. Но мне кажется, она мало занимается на скрипке, будет фальшивить, в темноте вообще не найдет или уронит инструмент, не успеет надеть парик и пр. И в конце концов, бокалы уникальные, чернильница, песочница и нож... все с камнями, которые вставлены, впаяны в свой день и час суток, — или погубят нас окончательно с Ирккой, или обеспечат успех. Но что-то в этой всей истории мерещится мне чудесное, какое-то открытие. Ведь подействовало на Н.Высоцкого это зрелище, даже в виде незавершенном, безобразном и невнятном до конца...

«Убойная мизансцена, когда Сальери на коленях у Моцарта. Эта жертвенность. И Высоцкий — жертва, и Моцарт — жертва». Никита говорил много и здорово. Он увидел и понял все таким внутренним чутьем и слухом... И Максимов все поддакивал, и действительно, как будто Никита подслушал все рассуждения и мысли автора спектакля.

29 мая. Суббота

Молитва. Зарядка!

Приехали вчера декорации, костюмы — шикарные, парики... Все это надо полюбить, обжить. Орган из водопроводных, ржавых труб, и на нем серебрёные, с дорогими камнями, бокалы и пр. — кто это поймет? Не сплю ночами; и опять Тамара расшифровала Сальери: погибает Сальери... он убивает себя, творчество свое — энергия уходит в зависть, в ненависть. Если бы все так чувствовали — как и Никита. Но Тамаре это не понравится. Начиная со вставания на голову и кончая игрой на скрипке.

Половина второго ночи; мы после ночной репетиции, практически первый прогон — были Черняевы³⁶⁴. «Сергейч — другой, таким мы не знали — хочется на колени встать. Потрясающая миниатюра будет, уже есть все акценты, повороты читаются...» — это Валерий говорил. У Максимова хорошее настроение. И Бэби молодец, только за скрипку боюсь, и всё, и вот Бог спас, стало быть, не зря я молился в храме и свечки ставил за Пушкина, Моцарта и Сальери, а главное — за Тамару мою, ее одиночество, сухарики ее... слезы ее.

4 июня. Пятница.

Молитва. Была зарядка.

Московское время 14 часов 10 минут застало меня на Десне, куда приехал я побыть в одиночестве. Сегодня состоится моя казнь — премьера «Моцарт и Сальери» — театральная этюд.

А вчера — первый зритель, и первые цветы от Черняевых, и первая потрясающая рецензия с утра от С.Сапожникова. Для пап и мам, так называемый прогон... Краснопольский говорит, что таким он и представлял Моцарта, как Ира играет, но ты, Валерун, Смоктуновского переиграл. Я уж думал, лучшего Сальери не будет. Я тебя поздравляю и т. д.

Мне нравится здесь, и я буду жить здесь и писать. Был я с утра в храме — молился за Тамару, Бэби, Сережу, Дениса, внучку. За упокой — Пушкина, Моцарта, Сальери... «На плахе Таганки» — мое самоубийство, мое отравление: не послал Господь мне творческую ночь и вдохновение, и выпустил в свет я «Плаху» — но на все воля Божья, и будь что будет. Я не буду говорить Бэби пока про Тамару, чтоб не расстраивалась заранее. Пусть сыграет. На прогоне вчера, быть может, первый раз поразила она меня игрой и мыслью, я увидел — может!!! И Максимов позвонил ей на пейджер, позвал к телефону: «Простите, я вас недооценил».

Линдт расстроилась — я сказал, что мои могут прийти... Не звал, но могут — Бортник виноват будет, он всегда зовет и инициирует мои семейные скандалы.

5 июня. Суббота

Молитва. Зарядка!!

Ура! Состоялось! Праздник испортили редкие, громкие, неприятные слова Тамары в адрес режиссера «Моцарта». «Но ты замечательный актер, я горжусь тобой». И Ванька Бортник. Из-за них, наверное, и не зажигалась свеча, я боролся... а огонь творчества все возжигался. Сережа вынес мне цветы, которые я Ирине передал, и она поняла все... и: «Вы сделали свой выбор...» — рыдала в машине... и только Максимов, отобрав ключи, вернул ее на банкет. Тамара любовалась ею... Она — пила водку. Вскоре я их посадил, Ваньку и ее, в «Зорьку» и Сережу — за руль. Вернулся в музей. Бэби напилась. Но так я не был взвинчен

³⁶⁴ Валерий и Любовь Черняевы, актеры. В.Черняев пять лет работал в Театре на Таганке.

давно. Я боялся этого соседства, что вот-вот — и она станет хлестать ее по лицу и пр., но водка спасла, смягчила.

Я потратил время на звонки — и билеты пристроил на сегодня. Книги я не дарил вчера — и сегодня их обнародовать боюсь. Я не хочу, чтоб кто-нибудь из наших артистов купил или попросил подарить; я не хочу, чтобы каким-то образом она полетела в Японию, где будет устроено коллективное чтение во главе с шефом. Я хочу отсутствие «Таганки» прожить спокойно....

6 июня. Воскресенье

Молитва. Зарядка!!

Вчера, по-моему, игра случилась, а Максимов ругается: опять кричал, нажимал... хотя с Богом разговор получился... — и т. д. Но принимали — два десятка человек аплодировали, скандировали, как в лучших спектаклях «Таганки», «браво» кричали и даже «бис». А жена моя пьяненькая сегодня рассказала, как девочка моя у нее на плече рыдала: «Она так переволновалась... да?» Я молчу. Железная Бэби, конечно, переволновалась, но рыдала она, статья, по-другому. И конечно, друг Валера, — «Гений ты, Валера, зазнавайся сколько угодно, это теперь не изменит тебя».

А игралось мне еще и оттого, что посмотрел я на себя и Смоктуновского — трезвым и первый раз холодным взглядом... и понял: а парень, играющий Моцарта, замечателен. Наше произведение — глубже и интереснее, хотя беднее по краскам, музыке и цвету, наше с Максимовым.

Публику раздражает — разрушение стереотипа Моцарта: не веселящийся, не озорничающий в начале со скрипачом, а надменный, холодный и саркастичный.

18 июня. Пятница

Молитва. Зарядка!!

Ну что же, критика захлебывается от восторгов, похвал и пр., пр. Вот и «Учительская газета» замечательно про нас написала... даже стихи Иркины поместила: «У Высоцкого гостят Моцарт и Сальери». Цитируют и хорошие строки из моих дневников.

Шестого я раздаривал «На плахе Таганки»...

21 июня. Понедельник

Молитва. Зарядка!!

58 лет сегодня исполняется вам, В.С.З.! С вечера семья поставила на стол букет — чтоб всегда у тебя было солнце... Жена моя любимая, храни тебя Господь! Как многим я тебя обязан... прости меня за все, что было и что будет еще.

Да, Бэби ввязывается в крупное сражение — английский мюзикл. И если состоится ее утверждение на главную роль, что будет, что будет! Но пусть состоится утверждение, а там видно будет. Такой шанс упускать нельзя...

9 июля. Пятница

Из меня сделали Сальери для Высоцкого. Им так удобнее. Надо же, чтоб у каждого Моцарта свой Сальери был. Тут важно не свихнуться и самому не забредить, а то и вправду случится то же, что с бедным маэстро Сальери. Говоря о зависти — белой ли черной — хрен один, жонглируя словами и пр., я рискую в глазах публики впрямь прослыть завистником, что само по себе большая х...ня — не имело быть... Но, может быть, зависть возможна — посмертная, когда звучат и печатаются произведения, ставятся памятники, открываются музеи, и проводят чтения и международные конференции, и твое имя мелькает где-то в списках современников и пр. Но и тут у меня никогда не шевелилось нечто вроде: ах, почему это не я сочинил или не про меня говорят. И если я стою по утрам на голове — еще и потому только, чтоб не сойти с ума и умереть в сознании и покаянии, в христианском смысле, и пр.

Читаю про долги Пушкина. Еще одна моя черта — я не могу быть кому-нибудь чего-то должен в смысле денег. Я лучше лишу себя и семью каких-то благ, но это такая для меня вещь, психологически невозможная, — быть должником, одалживать деньги. Нет, можно по оплошности не положить деньги в карман и выйти из дома пустым и перехватить до завтра. Но даже не до зарплаты. Я должен обязательно иметь запас. В эфире я говорил про черту эту

— как крестьянскую, кулацкую; но внуки, дети, семья... Если вдруг завтра я калека, на первые дни что-то должно оставаться — фонд сбережений...

25 июля. Воскресенье

Молитва.

Сростки. 7 часов 10 минут. Двор тети Раи и дяди Григория. Пасмурно. «Я видел его или с тетрадкой, или с книжкой». — С.Нико-ненко про Шукшина. Вот и я хочу, чтоб меня двор, который видел Шукшина, где снимал он кадры фильмов своих, запомнил трезвым и пишущим!

Вчера в Музее В.М.Ш. встречали мы с Евдокимовым Степашина со свитой — губернаторами Алтая, Екатеринбурга и Михалковым. Премьер назвал меня Валерой и за ручку поздоровался. Костюмы у нас оказались цвета одного и материала.

На стадионе премьер читал фрагменты рассказов Шукшина — подготовился, идя в народ, — срезал. Замечательным актером оказался Степашин, значит, долго не усидит и ничего не успеет сделать, как говорит его пресс-секретарь Михайлов. На поляне за столом тост, мной приготовленный, оказался лучшим, как сказали земляки, — за дружбу между федеральным центром и нашим Алтаем. После обеда в Барнауле — церемония подписания пакетов документов, и мужики благодарили меня...

Есть ли след какой в архиве Шукшина о взаимоотношениях с Высоцким?! Вряд ли. Кем считал Шукшин Высоцкого, кем он был в его глазах? — любопытно. Если бы что-то было, Андрей Крылов знал бы об этом...

13 сентября. Понедельник

Молитва. Зарядка!!!

Вот вчера на «Марате» я царил, был недосыгаем. Смотрели англичане. Потом в примерной пили бренди и водку голодные, странные. Про спектакль ничего не сказали. Но Бэби — молодец, и это хорошо и замечательно, что они увидели ее, на что она способна. Джон, режиссер, ходил по сцене, сидел в зале, и было понятно, что это человек театра. Чем-то напомнил Анатолия Васильевича Эфроса. Но надо думать вперед, надо еще какой-то проект выдумывать; «Тумороуленд» — дело, в общем, сделано, и премьеры неотвратима, и прекрасен сам факт, независимо — успех ли и даже провал... один хрен. Бэби говорит по-английски, поет, танцует. Она доказала свой международный класс, а там...

18 сентября. Суббота

Молитва. Зарядка.

А ведь сегодня по большому счету у нас с Бэби великий праздник — премьеры, долгожданный великий день для артиста, особенно в международном составе, с оркестром, с хором. Надо устроить Бэби день, чтоб запомнила на всю оставшуюся жизнь. Во-первых, поехать в церковь и помолиться.

19 сентября. Воскресенье

Молитва.

Ну куда бежать от этой жизни...

— Мне это нравится... Я — умираю... Я хочу умереть пьяной... Если я выживу — это будет большой ошибкой. Я не верю в Бога. Я не хожу в эти ваши... церкви. Я не верю, что кто-то верит.

Ну прости ты ее, Господи.

Пристает — как прошла премьеры. Она не верит моим словам — я не был там, — как я ни убеждаю ее... не верит, и я бы не поверил. А кому я букетище за 700 рублей купил и вынес на сцену, опередив Лужкова? И двух одинаковых собачек — Мерке и Кате. Кто такое мог придумать, как не Деди. Только Деди номер такой отмочить мог. Главному герою и героине, у которой туфель слетел в танго и цепь золотая партнера, — прочиталось, что так задумано. Так вот, звездам по мягкой игрушке — дорогой, кстати. Ну а потом — фуршет в «Шератоне».

Я поставил свечку за здоровье Филатова и удивился себе. Что это я?! И почему так искренне?!

15 сентября 1996 г. я подарил «Дребезги» Ирине Линдт. Это был первый шаг. Она иронично отнеслась к этому и, конечно, книгу не читала и до сих пор.

21 сентября. Вторник

Молитва. Зарядка!!!

Отсутствие зрителя на премьере повергло Ирку в глубочайшую депрессию, до слез. Она пытается всячески защитить спектакль. Оправдать; но факт — вещь неопровержимая и упрямая: факир был пьян, и артисты ни при чем. Фокус не удался.

По радио прошла негативная информация: «Играют на ломаном английском. Кого эти англичане хотят удивить, показывая демонстрации с красными флагами и пр.». И рад бы поспорить и опровергнуть, да не тут-то было.

23 сентября. Четверг

Молитва.

«Независимая» написала, что от полного провала мюзикл спасают двое русских артистов — Ирина Линдт и Андрей Егоров.

Ирина Линдт — настоящая звезда «Тумороуленд». Собственно, что и требовалось доказать...

31 октября. Воскресенье

Молитва, хорошая зарядка.

Хотя вчера знобило, на «Шарашке», качало, чуть в зрительный зал не остутился — испугался. Попросил у Тамары снотворного, что-то она мне сунула, не то, по-моему. Отравит когда-нибудь невзначай...

Зомбированные Любимовым: мы спорим, не соглашаемся, критикуем — но идем за ним. Он зомбирован 37-м годом, советской властью, своей режиссурой 60-х годов и т. д.

Разница между дневником и мемуарами — как между допросом и интервью.

7 ноября. Воскресенье — Богу отдай

Молитва. Зарядка.

Снег упал на мокрую дорогу, и ударил резко мороз. И вот я уже опять не могу въехать в гору в гараж. Замки позамерзли. Спичек нет... бумагу поджигаем зажигалками и отогреваем замки.

Чубайс — только ночью в койке вспомнил, как его зовут: Анатолий, — весь спектакль мучился. Задержали спектакль, в пробку попал. У двери входной встречали его Каталина, шеф и директор. Так ждали, встречали Гришина, теперь новая сволочь, пролезшая в дамки, — это как раз не к Чубайсу, я «ихних делов» не знаю. Он мне нравится, это вообще к теме.

«Комсомолка» явно подогрела интерес к «Плахе», но какое удовольствие и счастье просто продавать «Дребезги»... Вот это моя, художественная, настоящая книга, стоящий товар. И пусть говорят что хотят о «Плахе» — но когда есть «Дребезги»... Такое блаженство, гордость за себя, какая-то гармония и покой, когда я продаю «Дребезги». Мне не надо ни через что переступить, когда я предлагаю «Дребезги». Вот как интересно... Мне не стыдно...

Что-то случилось — народ повалил в театр, и теперь не знаешь, куда деваться от своих знакомых и желающих. У входа спекулируют опять билетами, и шибко накручивают, как во времена 30-летней давности. С одной стороны, это очень хорошо, а с другой — еще лучше. И книга «На плахе Таганки», и мои бесконечные по этому поводу интервью — не последнее дело. Народ проявляет любопытство — взглянуть на эту девочку, с которой Золотухина связывают не только партнерские отношения и т. д.

8 ноября. Понедельник

Молитва. Зарядка!!!

А вчера — какой-то праздник души мне устроила Лена Скульская: принесла на «Марата» рецензию убийственно-замечательную по пониманию на «Плаху». И это после рассказа Бэби о беседе с корреспонденткой, которая, прочитав «На плахе Таганки», поняла, что он «плохой писатель». «Ну, вообще-то дневники — это другой жанр, это же не художественная ткань. Человек записывает свое сиюминутное состояние, событие и пр., не

думает о литературе. А потом, как писателю ему давали высокую оценку такие писатели, как Распутин, поэтому, я думаю, надо поаккуратней и пр.».

«Издав книгу актер и опозорился...» — и вот после такой характеристики через час я читаю в таллинском еженедельнике первые слова: «Эта книга о любви» и пр. Хочется сделать ксерокс и послать Сапрыкиной — неужели у людей до такой степени разные глаза, неужели действительно так может быть: что для одного белое, для другого — черное или грязное. Или это все-таки разные поколения... Бэби меня защищала, и защищала квалифицированно. А та просто оказалась дурой... И хорошо, что Бэби не показала ей свои стихи. У этой борзопишущей братии комплекс несостоявшихся писателей...

30 декабря. Четверг

Молитва. Зарядка!!

В Новосибирске минус 35 градусов. Звонил Володя Шкура-тов, которому радист из Навки передал пленку 79-го года, где Высоцкий много говорит обо мне, о моем отце, о том, что я выпустил книгу и пр. Удивляется: это же уже 79-й год, но 60-е годы — в подтексте, вы уже враги, не друзья и пр. — во бред-то сознания человеческого.

2000

8 января. Суббота

Молитва.

Я еду на «Марата».

Господи! Спаси и сохрани. Какой-то важный период я закончил для себя и какой-то начинаю. Благая весть — Тамара была на службе, в храме, полтора часа, — и такая счастливая, умиленная. Господи! Благодарю тебя! И не оставь меня и семью мою! Помоги мне сегодня отыграть спектакль прилично... И начинаю месячник здоровья!

17 января. Понедельник

Молитва. Зарядка.

Бэби в реанимации. Это случилось. Я ждал и знал, что когда-нибудь она сорвется с этой конструкции. Я увидел ее корчащейся на полу. Из головы шла кровь. Она стонала и произносила одно и то же: «Ё-ё-ё...» — и наконец сказала: «... твою мать». Отвезли в Склиф. Два обследования — ультразвук и рентген, — слава Богу, не показали внутренних и костных повреждений. Голову зашили. Конечно, выстригли. Позвоночник цел.

«Деди... поцелуй меня, — под капельницей, привязанная к датчикам. — Деди! Ты не бросишь меня?»

А в театре... продолжалась репетиция, и вместо Бэби... поет Маслова. Жизнь продолжается...